
ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРРИТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
в I-II веках н.э.
БРИТАНИЯ
ВЕРХНЯЯ БРИТАНИЯ
НИЖНЯЯ БРИТАНИЯ
Лондиний
ГЕРМАНСКОЕ МОРЕ
БРИТАНСКОЕ МОРЕ
Лугдун Батавов
БАТАВЫ
НИЖНЯЯ ГЕРМАНИЯ
ФРИЗЫ
ХАВКИ
САКСЫ
ВАРИНЫ
ЛАНГОБАРДЫ
ХАМАВЫ
УЗИПЕТЫ
БРУКТЕРЫ
МАРСЫ
СИГАМБРЫ
Тевтобургский лес
СЕМНОНЫ
ВАНДАЛЫ
ХЕРУСКИ
СВЕВЫ
ГЕРМАНЦЫ
СИЛИНГИ
ГЕРМУНДУРЫ
Герцийский лес
Гезориак
МОРИНЫ
МЕНАПИИ
УБИИ
Адуатука
Колония Агриппина
ТЕМКТЕРЫ
ХАТТЫ
НЕРВИИ
БЕЛГИКА
ГЕРМАНИЯ
Верхнегерманский вал
Юлиобона
Августодур
Августа Треверов
Могонтнак
Дурокортор
ТУРОНЫ
МАРКОМАННЫ
ВЕНЕТЫ
РЕДОНЫ
АВЛЕРКИ
Лютеция
ПАРИЗИИ
РЕМЫ
ТРЕВЕРЫ
ВАГИСТЫ
БОЙИ
ЛУГДУНСКАЯ ГАЛЛИЯ
НЕМЕТЫ
Рецийский вал
Аргенторат
Юлиомай
ЛЕВКИ
Десятинные поля
Августа Винделиков
ВИНДЕЛИКИ
ТУРОНЫ
ПИКТАВЫ
СЕНОНЫ
ЛИНГОНЫ
ВЕРХНЯЯ ГЕРМАНИЯ
РЕЦИЯ
Лауриан
Карнунт
БОЙИ
НОРИК
САНТОНЫ
Августодун
СИКВАНЫ
Авентик
ТАВРИСКИ
Вирун
ГЕРКУНЫ
КАНТАБРИЙСКОЕ МОРЕ
БИТУРИГИ
ЭДУИ
ГЕЛЬВЕТЫ
КАРНЫ
Бурдигала
АРВЕРНЫ
Лугдун
Тридент
Аквилея
Вьенна
АЛЛОБРОГИ
ТРАНСПАДАНА
ВЕНЕЦИЯ И ИСТРИЯ
Медиолан
Верона
АКВИТАНИЯ
КАДУРКИ
Августа Тавринов
ИСТРЫ
РУТЕНЫ
НАРБОНСКАЯ ГАЛЛИЯ
ВОКОНТИИ
АЛЬПЫ
ЛИГУРИЯ
ЦИСПАДАН
ЯПИДЫ
ДАЛМАЦИЯ
Толоза
ВОЛЬКИ
Немаус
Генуя
Бонония
АКВИТАНЫ
Помпело
Арелат
Нарбон
ИТАЛИЯ
ЭТРУРИЯ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ИСПАНИЯ
Цезаравгуста
Массилия
САЛЛЮВИИ
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
ТАРРАКОНА
Граница Римской империи в нач. II века н.э
Границы импрераторских провинций

Западносибирский центр германских исследований
Германский исторический институт в Москве

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ

ТОМ 1

С древнейших времен до создания Германской империи

Допущено Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История»

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ДОМ

Москва
2008

УДК 94(430)"1870/20"
ББК 63.3(4Гер)
И90

VolkswagenStiftung

Рецензенты:
кафедра всеобщей истории Ярославского государственного университета (зав. кафедрой д-р ист. наук, профессор *М. Е. Ерин*);
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, д-р ист. наук *Б. М. Туполев.*

Ответственные редакторы тома:
канд. ист. наук, доц. *С. А. Васютин;* д-р ист. наук, проф. *Е. П. Глушанин*

Авторы:
Белковец Л. П. (глава V), Васютин С. А. (глава IV), Глушанин Е. П. (главы I–II), Могильницкий Б. Г. (глава III), Монина Л. В. (глава VI), Николаева И. Ю. (глава III), Павленко В. Г. (глава IV)

Составитель научно-справочного аппарата *А. А. Мить*

И90 **История Германии** : учебное пособие : в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. — М.: КДУ, 2008. — Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи / Л. П. Белковец, С. А. Васютин, Е. П. Глушанин и др.; отв. ред. С. А. Васютин и Е. П. Глушанин; сост. науч.-справ. аппарата А. А. Мить. — 544 с.: ил., [8] с.: цв. ил.

ISBN 978-5-98227-255-3
ISBN 978-5-98227-256-0 (Т. 1)

Учебное пособие подготовлено коллективом ученых Западносибирского центра германских исследований. На большом фактическом материале с учетом новейших достижений исторической науки показаны основные этапы развития германской истории с древнейших времен до 1870 г., дана характеристика политических, экономических, социальных и культурных составляющих исторического процесса, освещена повседневная жизнь населения Германии. Издание соответствует Государственному образовательному стандарту Министерства образования и науки Российской Федерации.

Для студентов, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся историей Германии.

УДК 94(430)"1870/20"
ББК 63.3(4Гер)

© Западносибирский центр германских исследований, 2008
© Коллектив авторов, 2008
© Издательство «КДУ», 2008

ISBN 978-5-98227-255-3
ISBN 978-5-98227-256-0 (Т. 1)

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям 8

От редакторов издания 10

Предисловие 17

Глава I. ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ 20

1. Рождение «германского мира» 20
   Проблемы этногенеза древних германцев 20
   Экономика и общество ясторфской культуры 25
   Первые контакты германцев с античным миром 28
   Древние германцы по сведениям Цезаря и Тацита 30
   Происхождение королевской власти у германцев 34

2. Германский мир в эпохуВеликого переселения народов 37
   Римская империя и германцы в конце I — II в. 38
   Начало формирования устойчивых союзов племен 41
   Рим и германцы в IV в. 44
   Этнополитические процессы у аламаннов и франков в IV в. 46
   Вестготский племенной союз в IV в. 48
   Германский мир в период упадкаЗападной Римской империи 52

Глава II. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ГЕРМАНИЯ (V–XI вв.) 56

1. Германские землив меровингский период 58
   Этнополитические процессы в V–VII вв. 58
   Формирование Меровингского королевства 62
   Меровингская Германия 66
   Политический кризис в Меровингском королевстве и его последствия 79

2. Эпоха Каролингов 80
   Начало Каролингской династии 80
   Политика Карла Великого в германских землях 84
   Христианизация Германии 87
   Римская империя Карла Великого 89
   Каролингская феодализация Германии 92
   Восточнокаролингская Германия 95

3. Правление Саксонской династии ... 98
Рождение германского королевства ... 98
«Оттоновские привилегии» ... 102
Итальянская политика Оттона Великого и создание германской «Римской империи» ... 104
Конец Саксонской династии ... 108
4. Германия при Салиях ... 110
Политика Конрада II ... 110
Правление Генриха III ... 112
Церковная реформа и ее последствия ... 114
Германия в правление Генриха IV ... 117
Борьба за инвеституру ... 119
Окончание борьбы за инвеституруи конец Салической династии ... 123
5. Культура раннесредневековой Германии ... 126

Глава III. ГЕРМАНИЯ В XII–XV вв. ... 135

1. Мир политики ... 135
Универсалистская политика Фридриха I ... 136
Германская политика Фридриха I ... 140
«Натиск на Восток» ... 142
Последние Штауфены и итоги универсалисткой политики ... 144
Складывание системы территориальных княжеств ... 148
Имперская власть и германские города ... 151
Переход к *Hausmachtpolitik* ... *153*
Специфика этнополитического сознания германского общества ... 159
2. Городская и сельская экономика ... 162
Германский город ... 162
Коммунальное движение ... 165
Возникновение союзов городов. Великая Ганза ... 170
Трансформация феодального уклада и зарождение раннекапиталистических отношений ... 173
Эволюция аграрных отношений ... 175
Крестьянский протест и его формы ... 177
3. Культура и духовная жизнь ... 180
Культура двора ... 180
Культура рыцарства ... 184
Культура городской среды ... 189
Крестьянская культура ... 192
Карнавальная культура ... 193
Трансформация менталитета ... 198

Глава IV. ГЕРМАНИЯ в XVI —первой половине XVII в. 205

1. Германия накануне Реформации 209
Территориальное и политическое устройство 209
Развитие раннекапиталистических структур и особенности экономической модернизации 214
Положение католической церкви 219
Новые черты в менталитете немцев 221
Гуманизм в Германии: генезис, особенности,роль в подготовке Реформации 224
Противоречия в германском общественачала XVI в. 232

2. Реформация 234
Мартин Лютер и его реформационные идеи 234
Основные течения в германской Реформации 239
Городская и княжеская Реформация 243

3. Социальные и политические процессы в период Реформации 247
Программа реформи восстание германского рыцарства 247
Крестьянская война (1524–1525 гг.) 248
Теологическое оформление лютеранства. Политическая консолидация немецких протестантов 258
Шмалькальденская война.Аугсбургский религиозный мир 260

4. Германия во второй трети XVI — начале XVII в. 262
Контрреформация и конфессионализация 262
Империя и князья после Аугсбургского мира 273
Процесс территоризации и начало становления княжеского абсолютизма 276
Экономическое развитие 279
Социальная и демографическая структура германского общества 286
Повседневная жизнь 292

5. Тридцатилетняя война 295
Причины войны 295
Периодизация и основные события войны 297
Вестфальский мир 302

6. Культура, развитие образования и научных знаний 303
Особенности развития немецкой культуры 303
Изобразительное искусство и архитектура 304
Литература 307
Образование 308
Развитие научных знаний 311

Глава V. ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА (1648–1789 гг.) 315
1. Итоги Тридцатилетней войны 316
Материальные и демографические последствия войны 316
Культурная и политическая ситуация 318
2. Экономическое развитие 321
Германский камерализм 321
Рост населенияи демографическая политика князей 323
Сельское хозяйство 325
Ремесло и мануфактурная промышленность 328
Торговля и банковское дело 331
3. Социальная структура 333
Князья и дворы 334
Дворянство 337
Духовенство 340
Крестьяне и сельские ремесленники 342
Городское население 344
Специфические и маргинальные группы 346
4. Институты власти в империии германских государствах 348
Абсолютная монархия 348
Император и империя 350
Рейхстаг 352
Имперский придворный совети Имперская судебная палата 354
Имперские округа 354
Управление в светских и духовных княжествах 356
Имперские города 359
5. Политическая жизнь империи 360
Конфликты и кризисы первых послевоенных десятилетий 360
Борьба с гегемонией Франциии война за испанское наследство 363
Возвышение Австрии и Пруссии 371
Немецкий дуализм 379
Австро-прусские отношения и судьбы империи 385
Внутренняя политика немецких государствв период Просвещенного абсолютизма 392
6. Культура и духовная жизнь 397
Немецкое барокко 397
Наука и образование 398
Начало немецкого Просвещения 399
Движение «Буря и натиск» 401
Культурная политика просвещенных монархов 403

Глава VI. ГЕРМАНИЯ В 1789–1870 гг. ... 407
1. Германия на пути буржуазных реформ (1789–1848 гг.) ... 407
Революция во Франции и ее последствия ... 407
Политика Наполеона в Германии ... 409
Антинаполеоновское движение ... 413
Венский конгресс. Создание Германского союза ... 417
Социально-экономические реформы первой половины XIX в. ... 420
Формирование буржуазного общества ... 431
Оппозиционное движение ... 439
Начало формирования политических партий ... 441
Особенности германского либерализма ... 443
Демократическое и социалистическое движение ... 445
2. Революция 1848–1849 гг. ... 447
Начало революции и ее особенности в Германии ... 447
Прусское Национальное собрание ... 453
Движение за объединение Германии ... 456
Начало работы общегерманского собрания ... 459
Проблема Шлезвиг-Гольштейна ... 462
Проблема Австрии ... 464
Принятие Имперской конституции ... 465
3. Австро-прусская борьба за объединение Германии (1850–1870 гг.) ... 467
Реставрация и австро-прусская борьба за гегемонию ... 467
Объединение Германии ... 471
4. Культура и духовная жизнь ... 479
Немецкий романтизм ... 479
Архитектура и живопись ... 482
Эпоха бидермейера и «Молодая Германия» ... 483
Философия ... 485
Историческая наука ... 488

Библиографический список ... 491
Источники, сборники документов ... 491
Учебники, учебные пособия ... 493
Монографии и сборники научных трудов ... 494

Хронологическая таблица ... 500

Указатель имен ... 521

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Вашему вниманию предлагается повторное, исправленное издание трехтомного учебного пособия «История Германии». Не секрет, что Россия и Германия являются странами, исторические пути которых, если рассматривать их глобально на фоне всемирной истории, во многом однотипны. Только один XX век с его революционными потрясениями, мировыми войнами, тоталитарными режимами, несостоятельностью социалистической модели развития общества является хорошим тому примером. Поэтому история Германии всегда была интересна для самого широкого круга российских читателей и в первую очередь для тех, кто избрал занятия историей в качестве своей профессии, а германистика стала важным элементом в российской исторической науке.

На рубеже XX–XXI веков германские исследования в России после некоторого затишья заметно активизировались. Этому в немалой степени, на наш взгляд, способствовало расширение сотрудничества российских и германских ученых-историков, создание в конце 1990-х годов Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, открытие в Москве в 2005 году Германского исторического института.

Не только в Москве и Санкт-Петербурге, где традиционно работают ведущие специалисты в области германской истории, но и в ряде регионов России образовались школы ученых-германистов со своими традициями, своим кругом научных интересов, которые, неплохо дополняя друг друга, в целом могут рассматриваться как некая система отечественной германистики.

Одним из таких центров является Западносибирский центр германских исследований, который создал и возглавлял на протяжении многих лет вплоть до своей кончины один из талантливейших ученых, крупный специалист по истории Германии, доктор исторических наук, профессор Ю. В. Галактионов. Именно этому центру принадлежит заслуга в разработке данного трехтомника.

Без преувеличения эту работу можно считать новаторской. Впервые в отечественной историографии была сделана попытка последо-

вательно и системно представить в рамках одного учебного пособия всю историю Германии, начиная от эпохи древних германцев и заканчивая началом XXI века. Заслугой коллектива авторов является то, что, работая над содержанием, они смогли учесть данные исторической науки за последние 15 лет, которые, прежде всего, связаны с введением в научный оборот ранее недоступных архивных материалов, рассекречиванием документов, с появлением публикаций результатов совместных исследовательских проектов российских и германских историков.

Кроме того, история Германии в данном учебном пособии хорошо «вмонтирована» в контекст общеевропейской и мировой истории. Авторы избежали соблазна сконцентрировать свое внимание только на политической истории страны (хотя она, безусловно, чрезвычайно сложна и разнообразна), но и смогли в рамках отведенного им места интересно рассказать об особенностях немецкой культуры, о развитии науки и техники, о повседневной жизни населения страны.

Можно всячески приветствовать появление в рамках одного учебного пособия специального третьего тома, содержащего документы и материалы, подборка которых логически связана с содержанием двух предыдущих томов, что, безусловно, даст возможность студентам работать с документами и пытаться самостоятельно интерпретировать те или иные события.

Внимательный читатель «Истории Германии», вероятно, сочтет возможным высказать авторам какие-либо критические замечания. Но они могут касаться только исключительно частностей и мелких неточностей, от которых трудно застраховаться при написании такой объемной многоплановой работы. В целом же, данное учебное пособие, безусловно, соответствует высокому международному стандарту и является несомненным успехом его авторов и редакторов.

А. О. Чубарьян —
академик, директор Института
всеобщей истории РАН,
сопредседатель Совместной комиссии
по изучению новейшей истории
российско-германских отношений

ОТ РЕДАКТОРОВ ИЗДАНИЯ

Лежащий перед читателем трехтомник — это первая в российской историографии попытка дать в одном издании системное изложение германской истории с древнейших времен до начала XXI века. Потребность в таком издании назрела давно. Если по истории Франции, США, Италии учебные пособия для студентов были изданы еще четверть века назад, то по истории Германии долгое время подобных изданий не было. Лишь в последние годы А. Ю. Ватлин и А. И. Патрушев опубликовали пособия по истории Германии в XX веке, что отвечало пожеланиям студентов и преподавателей. Но до сих пор не издавалось ни одного крупного учебного пособия, которое охватывало бы всю германскую историю. В 1970 г. в издательстве «Наука» вышла «Германская история в новое и новейшее время» в двух томах, которая фактически и использовалась студентами как учебное пособие. Но двухтомник был продуктом своего времени, содержал обусловленную этим временем подборку фактов и их идеологизированную интерпретацию.

Предлагаемое читателю учебное пособие призвано восполнить имеющийся пробел. Оно охватывает все эпохи немецкой истории: от древних германцев и Великого переселения народов до образования средневековой Священной Римской империи германской нации; от возникновения территориальных княжеств до эпохи абсолютизма и Просвещения; XIX век с его буржуазными реформами, консервативной реакцией, промышленным переворотом, образованием национального государства и переходом к империализму; XX век, в котором Германия прошла через Первую мировую войну, революцию и Веймарскую республику, нацистский Третий рейх и Вторую мировую войну, через раскол страны на ФРГ и ГДР, раздельное развитие обоих немецких государств после 1949 г. до их объединения в 1990 г.; через последующие усилия по преодолению внутреннего раскола на рубеже XX и XXI столетий.

Авторы настоящего учебного пособия хотели бы, в принципе, изложить все события истории Германии, но должны были придерживаться определенных рамок, связанных с ограниченностью

объема издания. Основной идеей пособия и целью всех его авторов было сконцентрироваться не только на власти и ее проявлениях, а учесть и другие важнейшие сферы человеческого сосуществования — экономику, будни, духовную жизнь и культуру, показать их взаимодействие и их значение для исторического развития Германии в контексте европейской истории, т. е., по существу, отказаться от традиционного изображения германской истории как истории политической.

Конечно, это не могло быть идеально исполнено из-за ограниченного объема учебного пособия, различия авторских подходов, стесненности во времени, из-за большой удаленности друг от друга редакторов и авторов и связанных с этим трудностей и др. Поэтому авторы хорошо понимают, что, при всей необходимости доведения до сознания студентов какого-либо научного положения, касающегося нескольких сфер, не все могло быть освещено равномерно.

Одна из существенных целей учебного пособия состоит в том, чтобы привить студентам умение работать самостоятельно и методично контролировать себя в процессе усвоения знаний. Мы полагали, что каждой эпохе должны соответствовать документы как необходимый компонент самостоятельной работы студентов, а поскольку многие документы никогда не переводились на русский язык, желательно издать их отдельным томом, который будет иметь самостоятельную ценность. Поэтому учебное пособие содержит, кроме двух томов, где непосредственно излагается германская история, также третий том, в котором собраны наиболее важные, характеризующие определенные черты рассматриваемых эпох документы. Эта комбинация изложения фактического материала и источников является выражением согласованной на первой авторской конференции в 2000 г. дидактической концепции: учебное пособие должно передать читателю позитивные, гарантированные фактические знания, которые, в общем и целом, возможны на основе сегодняшнего состояния исследований, а также на ограниченном пространстве, т. е. в смысле истории как *res gestae*.

Одновременно учебное пособие, в смысле истории как *historia rerum gestarum*, должно обращать внимание на то, что история в том виде, в котором она нам передается, не является голым нанизыванием фактов, а есть творческий акт интерпретирующего повествования, в рамках которого факты сопоставляются и начинают нам «рассказывать», получая значение «исторического факта». История, по критическому, но удачному выражению Теодора Лессинга, явля-

ется «толкованием бессмысленного», т. е. созданием рациональной внутренней связи фактов, которые сами по себе являются «голыми», как это говорится по-немецки.

Описываемая история — в этом смысле слова — оказывается открытым процессом и человеческой конструкцией, научность которой устанавливается, прежде всего, с помощью используемых методов. Она всегда основывается на использовании и интерпретации источников. Благодаря сочетанию изложения истории в первом и втором томе и текстов источников, помещенных в третьем томе, студенты получают возможность в выбранных примерах критически интерпретировать авторов, а не просто с ними соглашаться.

Поэтому для редакторов и авторов было важно не только сообщать факты как таковые, но также показать их различные, даже противоположные толкования, а где это было возможно — проанализировать зависимость толкования от «духа времени» и соответствующих субъективных мнений. Авторы, хоть не систематически и в деталях, но характеризуют историографию той или иной проблемы. Таким образом, до студентов доводится, во-первых, характер исторических описаний в исторических материалах и их субъективных толкованиях не только с точки зрения фактов или объективного знания, но и с точки зрения авторов, имеющих право решающего голоса, а во-вторых понимание необходимости все время применять новые методы усвоения истории с позиции проблем сегодняшнего дня.

История, по своей сути, представляет собой поле для обозрения, нечто вроде «лаборатории» человеческих отношений между народами, государствами и другими крупными сообществами. Однако мы — историки — не можем, подобно естествоиспытателям, проводить в этой лаборатории экспериментальные опыты в соответствии с нашими вопросами, но мы можем выявлять в имеющемся историческом материале соответствующие составные части, которые важны для наших вопросов и для исторической ориентации в настоящем. Если наше учебное пособие будет способствовать осознанию студентами этих конструктивных элементов исторической науки, то в этом посредничестве и заключается его всегда требуемая «польза» для общества, а если оно будет побуждать студентов к самостоятельной работе, то выполнит важную часть своих функций.

В соответствии с характером издания как учебного, авторы не делали (за редкими исключениями) сносок на источники или литературу. Но в конце первого и второго томов имеются списки реко-

мендованной литературы на русском и немецком языках, а в конце третьего тома — список сборников документов. Они не носят исчерпывающего характера, авторами отобраны самые важные, на их взгляд, сборники документов и исследования последних лет.

Разумеется, редакторы и авторы старались обеспечить международные научные стандарты. В этой связи написание учебного пособия с самого начала рассматривалось как коллективное дело российских и немецких ученых. Сам проект возник в результате многолетнего и плодотворного сотрудничества российских историков из Западной Сибири и немецких историков из Рурской области. В 1998 г. оно привело к партнерству двух университетов (Кемеровского и Рур-университета г. Бохума), в 1999 г. — к созданию Западносибирского центра германских исследований (ЗСЦГИ). Это межрегиональная общественная организация, которая преследует научные, учебные и культурные цели, объединяет преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов вузов Барнаула, Кемерово, Новосибирска и Томска, занимающихся изучением истории, культуры, экономики, политики Германии, немецкого языка и немецкой литературы. Председателем ЗСЦГИ являлся профессор Ю. В. Галактионов.

Разрабатывая в 2000 г. основные идеи концепции проекта, мы исходили из того, что это должно быть качественно новое учебное пособие XXI века, написанное российскими авторами, изданное в России, на русском языке, которое будет использоваться не только студентами, но также и аспирантами, преподавателями различных факультетов, учителями в школах. Мы понимали, что новое качество возможно получить, только использовав новейшие достижения мировой, в первую очередь немецкой исторической науки, изучив максимально возможное количество документов; что написание учебного пособия «История Германии» — это большая и сложная работа, которая потребует нескольких лет; что такой проект можно осуществить только коллективными усилиями, опираясь на сотрудничество с немецкими и российскими учеными.

Мы считали, что учебное пособие должно быть не только содержательным, но и понятным студенту, написанным живым, образным языком и хорошо иллюстрированным; что события германской истории должны быть изложены в хронологической последовательности; что каждая глава должна содержать:

— характеристику периода в контексте европейской и мировой истории;

— общие сведения (Германия на политической карте, площадь, население, государственное устройство);
— характеристику социально-экономического и политического развития Германии, ее международного положения и внешней политики;
— обзор духовной (а также повседневной) жизни и культуры.

Первый и второй тома содержат также иллюстрации, карты, схемы, хронологию важнейших событий и указатель имен.

В результате большой подготовительной работы в 2000 г. было получено принципиальное одобрение со стороны немецкого фонда «Фольксваген» на финансовую поддержку данного проекта — написание историками Западносибирского центра германских исследований в сотрудничестве с историками Рур-университета г. Бохума учебного пособия «История Германии» в трех томах по программе фонда «Совместные пути в Европу», которая предусматривает совместную работу немецких и российских ученых.

В 2000 г. был осуществлен подбор авторов-германистов из университетов Барнаула, Кемерово, Новосибирска и Томска. Были проведены четыре авторские конференции. На первой из них, в сентябре 2000 г. (Кемерово), обсуждались общая концепция и структура учебного пособия. На второй, в апреле 2001 г. (Кемерово), авторы представили развернутые планы-проспекты своих глав, в их обсуждении приняли участие профессора и доценты Рур-университета г. Бохума Бернд Бонвеч, Кристиан Янсен и Михаэль Франк. Один из немецких коллег — Стефан Эсдерс не смог лично участвовать в конференции, но представил свои письменные замечания и пожелания.

Все авторы пособия получили возможность осенью 2001 г. выехать на 2–3-месячные стажировки в Бохум для изучения источников и новейшей немецкой литературы. Особенно плодотворными для подготовки проекта стали дискуссии с немецкими коллегами. Затем каждый из авторов написал первый вариант своего текста. Тексты были отосланы в Бохум и разосланы ведущим российским специалистам по соответствующим областям немецкой истории: Б. М. Туполеву, М. А. Бойцову, А. В. Доронину, А. М. Филитову, М. Б. Корчагиной (Москва); А. И. Борозняку (Липецк); М. П. Лаптевой (Пермь); М. Е. Ерину (Ярославль), которые должны были выступить в качестве экспертов.

Совместно с ними и немецкими коллегами Б. Бонвечем и К. Янсеном на третьей авторской конференции, в сентябре 2002 г. (Барнаул),

были подробно обговорены содержательные и формальные вопросы, обсуждалась проблема согласования отдельных глав друг с другом и достижения единства содержания. В конференции принял участие представитель фонда «Фольксваген» доктор Вольфганг Леверманн. В ходе обсуждения и дискуссий тексты были в целом одобрены, хотя, естественно, были высказаны критические замечания и пожелания.

К 1 января 2003 г. все авторы закончили отбор и перевод документов. К лету 2003 г. каждый из них в свете замечаний и пожеланий доработал свой текст и представил его для обсуждения на четвертой, заключительной авторской конференции, которая состоялась в сентябре 2003 г. (Кемерово) с участием двух российских (Б. М. Туполев и А. И. Борозняк) и двух немецких экспертов (Б. Бонвеч и Ю. Обертрайс). Здесь были расставлены все точки над «и»: уточнены спорные формулировки, заголовки, подзаголовки, компоновка текста, окончательный отбор иллюстраций, карт, схем, документов и т. д. После конференции проходила окончательная авторская и редакторская доработка текстов глав и документов, форматирование трехтомника и сдача учебного пособия в издательство.

В числе представителей Рур-университета г. Бохума, которые участвовали в обсуждении содержательных вопросов и подборе текстов источников на различных стадиях рабочего процесса, мы хотели бы назвать и поблагодарить за работу коллег: Ханну Фолльрат, Вальтера Эдера, Бернда Фауленбаха, Норберта Фрая, Кристиана Янсена и Райнера Вальца. Все участники проекта — как с российской, так и с немецкой стороны — работали в благоприятной атмосфере критической коллегиальности и ради общего дела оставляли личные разногласия.

Участники проекта хорошо знают, что они не могли бы ничего сделать без постоянной помощи тех людей, которые находились, так сказать, «на заднем плане». В Бохуме прежде всего следует назвать сотрудников кафедры восточноевропейской истории, которые осуществляли необходимую научно-техническую помощь коллегам из Сибири: секретаря Паулу Порбек, студенческих помощников Уту фон Люпке, Наталию Михаэлис, Иоханну Мильдебрат и Марка Шварца, научных помощников Гунтера Фридриха и Валентина Питца, научных сотрудников Сабину Кремер, Юлию Ландау, доктора Ренату фон Мэйдель и доктора Юлию Обертрайс.

В Западной Сибири прежде всего надо назвать Анну Романтееву, Елену Щур, Елену Жаронкину, Наталью Давыдову, Светлану Арапину, Надежду Костромину, которые в Кемеровском государственном

университете оказывали соответствующую научно-техническую помощь при написании учебного пособия и проведении авторских конференций. Ответственность за техническое оформление и подготовку рукописи к печати, а также составление указателя имен взял на себя канд. ист. наук, доцент КемГУ А. А. Мить. Особая благодарность за всестороннюю поддержку декану факультета истории и международных отношений КемГУ канд. ист. наук, доценту Ю. Л. Говорову.

Работа над трехтомником была бы невозможна ни в материальном, ни в духовном плане без содействия всех университетов, которые предоставили свои инфраструктуры, и их ректоров, оказавших гостеприимство всем участникам проекта; а также, не в последнюю очередь, без щедрой финансовой поддержки фонда "Фольксваген". Авторы и инициаторы проекта учебного пособия воспринимали название программы фонда — «Совместные пути в Европу» — как призыв и как девиз своей работы. Особенно они благодарят сотрудников фонда госпожу доктора Х. Юнкерс и господина доктора В. Леверманна, которые сопровождали проект от начала до конца с большим интересом и вниманием.

Бернд Бонвеч —
директор Германского исторического института в Москве

Юрий Галактионов —
председатель ЗСЦГИ, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, профессор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том учебного пособия включает в себя события от рубежа новой эры до провозглашения Германской империи в 1871 г. За это время произошли огромные изменения в структурах общественной жизни населения Германии, сформировались новые социальные, этнические, экономические, политические и культурные модели. Каждая из шести глав характеризует периоды наиболее фундаментальных изменений. *Первая глава* посвящена описанию древнегерманского мира от середины I тыс. до н. э. до конца V в. н. э. Среди наиболее важных проблем — этническая история, военно-политические события, повседневность древних германцев, социальные изменения, вызванные миграциями и синтезом с римской культурой, складывание дружинных структур и становление королевской власти, последствия завоеваний.

Во *второй главе*, охватывающей период VI — начало XII в., прослеживается ряд параллельно протекавших в германских землях изменений. Значительное внимание уделено этногенезу наиболее крупных германских племенных сообществ — саксов, баваров, аламаннов (швабов), тюрингов и т. д. Рассматриваются особенности, этапы и основные факторы перехода от дофеодальных институтов к раннефеодальным. Значительное место уделено влиянию на социально-политическую жизнь населения германских земель Франкского государства. В центре внимания — становление германского королевства, его превращение в империю. Показаны цели и содержание внешней политики германских императоров. Рассматриваются культурные феномены эпохи, вписанные в контекст социально-политического и экономического развития, историю повседневности.

В *третьей главе*, посвященной германскому обществу периода классического и позднего феодализма (XII–XV вв.), с позиций культурной антропологии реализована идея трех ведущих структурных элементов германской истории данного периода («мир политики», «мир экономики», «мир культуры»). Эти структурные элементы неотделимы от социальной истории, которая демонстрирует взаимосвязь и важность в жизни человека как духовных, так и обще-

ственных процессов. Авторами показаны изменения, охватившие германское общество в XV в., которые привели в конечном итоге к Реформации.

Четвертая глава охватывает начальный период первичной модернизации (XVI — первая половина XVII в). В рамках концепции модернизации авторы стремятся подчеркнуть всесторонний характер изменений: рационализацию сознания, отход от традиционной религиозности и «ментальный слом», инновационную организацию производства и торговли, начало становления княжеского абсолютизма, утверждение новой модели брака и т. д. Центральное место в главе заняли проблемы Реформации и конфессионализации. Подробно рассматриваются предпосылки и причины Реформации, ее ход, отражение в политическом развитии, социальные последствия. Большое внимание уделено процессу конфессионализации, его отличиям в лютеранских, кальвинистских и католических княжествах, влиянию на образование, культуру, быт. Завершает главу краткий очерк истории Тридцатилетней войны. Главной проблемой, связывающей все эти сюжеты, остается выяснение причин, почему немцы не смогли использовать весь потенциал Реформации для создания единого государства.

Пятая глава повествует об одной из самых ярких эпох германской истории — периоде абсолютизма (вторая половина XVII — конец XVIII в). Становление абсолютистских режимов вызвало образование на политически сегментированном пространстве Священной Римской империи германской нации мощных государств — Пруссии, Баварии, Саксонии, Австрии. В рамках масштабных политических изменений показана эволюция общественных структур Германии, новые тенденции в культурной сфере, выразившиеся, в первую очередь, в становлении и развитии немецкого Просвещения.

В *шестой главе* рассмотрены события с 1789 до конца 1870 г., т. е. до провозглашения Германской империи. В центре внимания находится процесс перехода к вторичной модернизации германского общества под влиянием промышленной революции и Французской буржуазной революции, а также реализация различных концепций объединения Германии. Подробно показано складывание новых структур, свидетельствовавших о стремлении немцев к интеграции, соперничество Пруссии и Австрии, завершившееся победой моноциональной концепции объединения германских государств под патронажем Пруссии.

Необходимо отметить, что в рамках учебного пособия, в соответствии с характером исторических материалов того или иного

периода, реализовывались различные методологические установки и подходы. Это во многом предопределило авторский взгляд на тот или иной период истории Германии. В то же время общим для всех авторов стало стремление многопланово показать германское общество, попытаться создать цельную картину исторического прошлого, в которой социально-экономическая и политическая история рассматриваются в совокупности с ментальной и культурной историей.

Авторами первого тома учебного пособия являются: д-р ист. наук, проф. Е. П. Глушанин (гл. I–II); д-р ист. наук, проф. Б. Г. Могильницкий и канд. ист. наук, доц. И. Ю. Николаева (гл. III); канд. ист. наук, доц. С. А. Васютин и канд. ист. наук, доц. В. Г. Павленко (гл. IV); д-р ист. наук, проф. Л. П. Белковец, (гл. V); канд. ист. наук, доц. Л. В. Монина (гл. VI). Научно-справочный аппарат подготовил канд. ист. наук, доц. А. А. Мить.

Е. П. Глушанин
С. А. Васютин

ГЛАВА I

ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ

1. Рождение «германского мира»

Проблемы этногенеза древних германцев

История каждого народа начинается с его происхождения, истоки которого чаще всего принадлежат бесписьменной эпохе. Распадаясь на две огромные стадии (дописьменную и письменную), этногенез по специфике источниковой базы становится объектом исследования различных дисциплин с присущими им подходами и методиками. При изучении разных периодов этногенеза вопросов всегда больше, чем ответов. Все это в полной мере присуще этногенезу древних германцев — давно обсуждаемой в исторической науке проблеме. Решение вопроса о том, кто такие германцы, возможно только на междисциплинарной основе, путем синтеза результатов исследований археологов, этнологов, лингвистов, историков. Состояние источников по истории древних германцев порождает как различные хронологические оценки ранних стадий германского этногенеза, так и довольно неоднозначную атрибуцию.

Открытие германцев — заслуга античной историографии, хотя в поле зрения античной письменной традиции германский племенной мир и сам этноним «германцы» попали довольно поздно. Основные сведения о германском этногенезе дает античная нарративная традиция I в. до н. э. — I в. н. э. Первое упоминание о германцах — краткий фрагмент философа Посидония из Массилии (ок. 135–50 гг. до н. э.). Сравнивая пищу кельтов, вполне нормальную с его точки зрения, Посидоний отмечает: «Германцы употребляют в пищу жареное ломтями мясо и при этом пьют молоко и неразбавленное вино». Хотя никаких сведений о локализации германцев Посидоний не приводит, специалисты считают, что он описывал какое-то южногалльское (кельтское) племя. Страбон (ок. 64 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.), активно использовавший данные Посидония в своей «Географии», указывает, что на востоке, за Рейном, живут германцы, отличающиеся от кельтов не столько

нравом и образом жизни, сколько большей дикостью, высоким ростом, более светлым цветом волос. Поэтому, замечает античный географ, римляне назвали их «германцами», как бы желая указать, что это «истинные» галлы. Ведь слово *germani* на языке римлян означает «подлинные». Территориально Страбон локализует Германию по-разному: 1) правобережье Рейна, совпадающее своими северными и южными границами с соответствующими пределами левобережной Галлии; 2) междуречье Рейна и Эльбы, главная область проживания свевов (свевы также занимали южную часть заэльбской Германии вплоть до Дуная); 3) заэльбские земли гермундуров, лангобардов, сугамбров, бруктеров, кимвров и т. д. Следы традиции этнического смешения кельтов и германцев содержатся в ряде источников (главным образом греческих) вплоть до поздней античности.

Цезарь, современник Страбона, был первым из античных авторов, который настаивал на полном отличии кельтов (галлов) от германцев. Однако Цезарь не привел никаких сведений о германском этногенезе. Географически для Цезаря Германия — это зарейнская область, на которой проживали 16 известных ему племен. Полководец приводит даже иерархию германского племенного мира, во главе которой он расположил свевов — самый многочисленный и могущественный этнос Германии. Первую в античной этногеографии классификацию, не зависящую от мифологии германских племен, дал ***Плиний Старший*** (23–79 гг. н. э.): 1) вандилии, частью состоящие из бургундионов, варинов, харинов, гутонов; 2) ингвеоны (кимвры, тевтоны, хавки); 3) истеоны (сикамбры), ближе всех живущие к Рейну; 4) гермионы, проживающие внутри страны (свевы, гермундуры, хатты, хэруски); 5) певкины и бастарны, граничащие с даками. Вне его классификации остались уже давно известные римлянам проживающие на территории провинции Белгика неметы, трибоны, вангионы, ряд племен устья Рейна (батавы, фризы и т. д.), убии, на земле которых римляне возвели один из важнейших центров рейнского левобережья — *Colonia Agrippinensis* (современный Кёльн).

Наиболее полно историко-этнографическую линию продолжил Тацит, посвятивший этой теме специальное сочинение «О происхождении и местожительстве германцев» (98 г.). Тацит первым точно очерчивает современное ему территориальное пространство Германии: к северу — от Рейна и Дуная до берегов Балтийского и Северного морей, на восток — от устья Рейна до Карпат. На основании древнегерманского фольклора он приводит германскую этногонию: Земля *(Terra)* — Туистон *(Tuisto)* — Манн *(Mannus)*. От трех сыновей Манна произошли

три группы: ингевоны *(Ingaevones)*, обитающие на севере; герминоны *(Herminones)*, живущие внутри страны; истевоны *(Istaevones)* — все остальные. Согласно более древним преданиям, у Туистона было больше сыновей, давших начало племенам марсов, гамбривиев, свевов, вандилов. Тацитом делается однозначный вывод: «Германцы являются коренными жителями, совсем не смешанными с другими народами». Опираясь на эмпирический опыт прочих своих современников, Тацит объясняет антропологическую чистоту германцев отсутствием смешанных браков с соседними народами. В отличие от Страбона, Тацит утверждает, что совсем недавно возникший этноним «германцы» кельтского, а не римского происхождения: так галлы назвали пришельцев из-за Рейна, племя тунгров. Из страха перед завоевателями галлы впредь стали именовать германцами все зарейнское население, которое приняло это имя.

Начиная с Цезаря, этноним «германцы» прочно входит в терминологический оборот античной историографии, географии и этнографии. Античные авторы отмечали общие для всех германцев этнические черты: свободолюбие, свирепые нравы, светлые волосы и голубые глаза, легкость в смене места жительства, постоянные войны с соседями, перемежающиеся союзами с изъявлением покорности более сильным. Германцы стали рассматриваться в качестве такого же целого, как и греки, кельты, римляне. Речь идет, однако, о единстве скорее политическом, чем об этническом, поскольку Цезарь, Плиний, Тацит перечисляют наименования десятков отдельных племен, фиксируя отличия их обычаев и учреждений друг от друга. Наиболее подробный перечень критериев различий приводит Тацит: общий внешний вид, нравы, учреждения и обычаи, религия, язык, только им присущее оружие. По этим критериям Тацит судит, германское данное племя или нет. Например, певкины по языку, нравам, типам поселений явно германцы, однако они грязные, и в целом их внешний вид изменился вследствие смешанных браков с сарматами. Эсти нравами и внешним видом ближе к свевам, по языку — к Британии. Самыми истинными германцами являются свевы, а среди них — семноны. В надгробных надписях особого корпуса германских телохранителей императоров I в. н. э. всегда особо подчеркивается племенное происхождение гвардейца: убий, фриз или даже так: Валент, германец, батав по племени. Подобная самоидентификация позволяет говорить о том, что термин «германцы» отражает не единую этническую реальность, а восходящую к римлянам ученую и политическую конструкцию. В 59 г. до н. э. римский сенат именует главу свевско-гарудского племенного союза

Ариовиста *rex Germanorum*, даровав ему титул «правителя и друга», то есть политического союзника Рима. В I в. н. э., особенно после войн в приэльбском пространстве, не давших римлянам желаемых результатов, быть германцем становится почетно: например, треверы и нервии на галльском левобережье Рейна кичились перед соседями своим германским происхождением.

«Народы рождаются из языков, а не языки из народов», — утверждал знаменитый энциклопедист Исидор Севильский в своей «Этимологии». Этот принцип был использован филологами-германистами XIX–XX вв. и этнографами при реконструкции этногенеза древних германцев. В 1820 г. немецкому ученому Я. Гримму удалось в результате использования сравнительно-исторического метода в индоевропейской лингвистике сформулировать закон смещения согласных, и на этой основе впервые выделить «германское» в индоевропейской общности языков. Согласно школе Гримма, у группы племен, обитавших на североморском и балтийском побережьях (от нижнего течения Везера до Вислы) в Ютландии, Шлезвиге, на юге Скандинавии около 500 г. до н. э. произошло «первое смещение согласных», отделившее их в языковом отношении от «вендов» (балты, славяне) и от «велшей» (кельты, римляне). Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что выделение прагерманцев из индоевропейского субстрата окончательно завершилось только к середине I тысячелетия до н. э. При этом процесс «огерманивания» продолжался еще достаточно долго, вплоть до позднего Средневековья (Восточная Европа). Пропагандируемое нацистами в 20–40-е гг. XX в. «арийское», т. е. индо-иранское происхождение немцев не более чем научный миф.

Долгие дискуссии топонимистов привели к выработке теории континентального (исключая Скандинавию) происхождения германского праязыка. В 1994 г. И. Удольф пришел к выводу, что наиболее древний ареал германской топонимии ограничен «Рудными горами, Тюрингским лесом, Эльбой, Аллером и открытой границей в направлении Вестфалии»; об этнической гомогенности, разумеется, речь не идет. «Ограниченность филологического понятия «германцы», — подчеркивает Р. Венскус, — проявляется в том, что его невозможно уверенно соотнести ни с одним из исторически известных племен». Германизация представляла собой долгий процесс культурной интеграции и стала следствием восприятия германских обычаев и германского языка негерманскими соседними племенами, отдельными клановыми группами. Это процесс длительного взаимовлияния кельтских и германских племен во всех сферах, который к началу II в. н. э. явно не завершился.

Одной из излюбленных тем этимологии XIX–XX вв. является установление значения слова *"Germanus"*, которое пытались вывести из древнееврейского, лигурийского, латинского, кельтского, германского, литовского, древнегреческого, венетского, иллирийского языков. Этимология Страбона давно отметена как ошибочная. Из предложенных трактовок, таких как «подлинные мужи», «содружники», «горцы», «соседи», «восточные люди», «люди из местности теплых источников», «свирепые», «вызывающие на бой», стала очевидна как их гипотетичность, так и то, что этноним «германцы» не является ни латинским, ни кельтским. Установленным фактом является то, что многие германцы носили кельтские имена (например, знаменитый Ариовист) и наоборот. Это особенно характерно для группы племен рейнского левобережья (белгов, эбуронов, кондрусиев), которых Цезарь обозначал общим термином «германцы, живущие по эту сторону Рейна». Знаменитые ингвеоны, герминоны, истевоны Плиния и Тацита представляли собой не этнические, а в лучшем случае культовые союзы, смутно осознававшие свою принадлежность к какому-то общему прародителю.

Дискуссии филологов привели, однако, к одному принятому компромиссу: из прагматических целей германский племенной мир разделили на три этногеографические группы германцев: 1) северную (Северная Германия, Ютландия, юг Скандинавии); 2) восточную (заэльбские территории вплоть до Вислы); 3) западную (междуречье Рейна и Эльбы в среднем ее течении до верховьев Дуная). В целом подобное деление соответствует основным диалектным ареалам германских языков.

Одним из наиболее сложных аспектов германского этногенеза является проблема этнического самосознания германцев, а также племенных названий. Проследить формирование, трансформацию либо исчезновение этнонимов в период расширения пространственных границ германского мира без помощи нарративных источников очень сложно. Неизвестно, сами ли племена избрали себе то или иное имя, либо так их назвали соседи. Цезарь и Тацит застали уже определенную, сложившуюся этнонимическую ситуацию. Лингвистика показывает, что ряд топонимов германского территориального ареала явно негерманские. Германские этнонимы хотя и не «привязаны» к названиям рек, но отражают самые разные аспекты: особенности ландшафта (англы — «угол»; маркоманны — «люди пограничья»), родственные отношения (эвдусии — «потомки»; амброны — «дети»; свевы — «наш род, мы сами»; семноны — «вместе»), какие-то персональные отличительные черты (батавы — «сильные»; гепиды — «ленивые»; скиры — «чистые, правдивые»; квады — «злые»; хатты — «бойцы»), тотемы (хаттуски — «люди оленя»).

Археологические исследования, ставящие целью определение времени и пространства сложения прагерманского этнического субстрата, имеют в своем распоряжении довольно скудный материал. Школа немецкого ученого г. Коссинны, исходя из предположения, что каждая археологически четко очерченная группа артефактов обязательно связана с отдельной племенной территориальной общностью, указывала на происхождение прагерманцев с начала III тыс. до н. э., с эпохи культуры одиночных погребений на юге Скандинавии и севере Германии. Широкая распространенность этой поздненеолитической культуры в Европе не позволяет соотнести ее с какой-то определенной единой этнической общностью. В равной степени она могла быть характерной для многих групп индоевропейцев.

Первой археологической культурой, которую можно уверенно связать с германскими племенами, большинство специалистов считают ***ясторфскую культуру***, зарождение которой относят к 750 г. до н. э. Немецкий археолог г. Швантес, обработав материалы погребения Ясторф (Нижняя Саксония) и сравнив их с более скудными находками близлежащих местностей, установил их идентичность и ввел в 1950 г. в научный оборот термин «ясторфская цивилизация».

Ясторфская культура, в собственном смысле, зарождается в нижнем течении Везера и Эльбы, Шлезвиг-Гольштейне, юге Ютландии, Альтмарке, Западном Мекленбурге. В VII–VI вв. до н. э., несмотря на сильное влияние кельтских галльштатской и латенской культур, археологически прослеживаются многочисленные нетипичные для них устойчивые формы керамики, погребального культа, оружия, украшений и т. д. Археология, таким образом, позволила установить границу, хотя и зыбкую, между кельтским и германским мирами. Эта граница постоянно менялась по мере пространственного расширения ясторфского ареала, порождая массу его локальных вариантов, взаимодействуя с родственными, но не полностью идентичными ему культурами. Кельты надолго останутся ближайшими соседями германцев по Рейну, южногерманскому региону и дунайскому бассейну.

Экономика и общество ясторфской культуры

Именно археология позволила установить значительную разницу между развитой кельтско-латенской цивилизацией и технологически более отсталой германско-ясторфской в V–II вв. до н. э. Несмотря на несомненное влияние кельтов на германцев в это время, последние далеко не всегда и не во всем готовы были его принять и усвоить.

Наиболее типичными обиталищами ясторфских германцев были небольшие (до 25 м²) бревенчатые дома без фундамента (район Хавеля, нижней и средней Эльбы), а также бревенчатые землянки (междуречье Одера — Эльбы), которые составляли сельские поселения (вместе с хозяйственными постройками — максимум 40 единиц). Способы добывания продовольствия территориально были различны, но в основном составляли комбинации растениеводства (ячмень, и только к I в. до н. э. — овес, пшеница, просо, лен) и животноводства (коровы, свиньи, овцы, козы). Техника обработки земли была примитивной (деревянные сохи и плуги при технологии однополья). В 53 г. до н. э. Цезарь отметит: «Земледелием они занимаются мало; их пища состоит главным образом из молока, сыра и мяса». Ему вторит Тацит: «Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и приятный для них вид богатства». Неотъемлемой частью экономики были охота и рыболовство. Суровость быта подтверждается антропологическими данными: средняя продолжительность жизни мужчин — 35 лет, женщин — 32 года.

Ясторфская культура была уже культурой развитого железного века, но бронза из хозяйственного оборота не была вытеснена. И если влияние кельтов на германцев в сфере аграрной экономики было ничтожным, то в области металлодобычи и металлообработки — значительным. Германские кузнецы стремительно заимствовали кельтские технологии, инструментарий и ассортимент металлопродукции: археологически бывает довольно трудно установить разницу между изделиями кельтского импорта и германскими подражаниями. Керамическое производство у ясторфских германцев известно много хуже; находки керамических изделий на севере и в центре Германии настолько однотипны, что не позволяют зачастую установить разницу по этому параметру между региональными ясторфскими группами. Кельтское влияние на германскую керамику прослеживается в пограничье двух миров (район Заале — Унструт). Товарообмен между кельтами и германцами носил натуральный характер, о чем свидетельствует невероятно скудное количество кельтских монет на ясторфской территории. Из Кельтики германская элита импортировала украшения, оружие, высокохудожественную металлическую посуду; взамен германцы могли предложить лишь свой скот. Цезарь заметил о свевах: «Купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-то привозные товары». В целом же «германцы продолжают пребывать в такой же нужде и бедности и по-прежнему терпеливо выносят их; у них осталась

такая же пища, как прежде, и такая же одежда». Полтора века спустя Тацит, отметив, что только прирейнские германцы используют в торговле монеты, резюмировал: «Живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно — меновой». Такие товары, как янтарь, рабы, женские волосы станут главными предметами германского экспорта в Римскую империю, которая станет новым и главным торговым партнером германских племен.

Археологические данные в известной мере позволяют реконструировать важные этносоциальные процессы у германцев. Структура некрополей разных регионов Германии выглядит так: чаще всего представлены могильники с 20–35 захоронениями; более крупные могильники, включавшие в среднем около ста погребений; самые крупные некрополи могли содержать до 600 захоронений. Найденный в них однотипный инвентарь, близость погребальной обрядности позволяют говорить о начале формирования в позднеясторфскую эпоху (III–II вв. до н. э.) племен из родов и больших семей. Это формирование происходило регионально. Считается, что с районом ясторфской культуры в «узком смысле» связан этногенез свевов. Первый письменно засвидетельствованный племенной этноним — тутоны (тевтоны?), которые, по данным Пифея из Массилии (ок. 350 г. до н. э.), проживали на побережье Ютландии и покупали янтарь у жителей Гельголанда.

Параллельно происходит процесс имущественной и социальной дифференциации, причем на юге Средней Европы под сильным кельтским влиянием он в IV–III вв. до н. э. был довольно интенсивен. Это иллюстрируется особыми некрополями с расположенными рядами захоронениями с богатым погребальным инвентарем (дорогая посуда, оружие, искусные украшения, предметы личного туалета).

Археология дает определенные представления о духовном мире германцев. В их религии было естественным повсеместное почитание природных сил; солнцу и земле приносились жертвы. Такую же ситуацию наблюдал Цезарь: «Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, именно: в солнце, Вулкана и луну; об остальных богах они не знают». Археологически установлены культовые места как отдельных поселений, так и «центральные» — особо почитаемые и располагавшиеся на возвышенностях, огромных лесных полянах, берегах озер и болот, но без особых, больших культовых сооружений. Многочисленные амулеты и орнаменты на сосудах (кресты, спирали и т. д.) свидетельствуют о магии и различных культах.

Первые контакты германцев с античным миром

Первое крупное столкновение германцев с Римом, описанное античными авторами, фиксирует устойчивые племенные этнонимы: кимвры, тевтоны, амброны, гаруды, которые около 120 г. до н. э. двинулись со своей прародины на севере Ютландии на юг. Преодолев территории свевов и бойев, они вторглись в места обитания кельтов-скордисков в бассейне Савы, Дравы и верхнего Дуная. В 113 году до н. э. они повернули в пределы союзного с Римом кельтского царства Норик, где у местечка Норея разбили два консульских легиона. В 110 г. до н. э. германцы направились в Галлию, где к ним присоединились кельты (товгены и тигурины). Попытка остановить соединившиеся племена на марше закончилась в 109 г. до н. э. новым разгромом римлян. В 107 г. до н. э. близ Гаронны тигурины разбили консульскую армию; консул Луций Кассий погиб, остатки легионов сдались. 6 октября 105 г. до н. э. в нижнем течении Роны у г. Араузиона (совр. Оранж) произошла военная катастрофа: до 60 тыс. римских солдат остались на поле боя. Кимвры беспощадно уничтожали пленных, топили лошадей и другую добычу. Ужас, испытанный римлянами от первых столкновений с германцами, отразили многие античные источники. Полтора века спустя поэт Лукан в своей поэме «Фарсалия» выразит его двумя словами — «тевтонская ярость».

После Араузиона кимвры двинулись в Испанию, форсировали Эбро, но были вытеснены с Пиренеев кельтиберами. Тевтоны и амброны остались опустошать Галлию. В 102 г. до н. э. они проникли глубоко в Прованс, где у г. Секстиевы Воды (совр. Экс-ан-Прованс) были разбиты Гаем Марием. Год спустя кимвры перешли Альпы и были уничтожены у г. Верцеллы (совр. Верчелли).

Помимо ужаса перед невероятно сильным и свирепым противником, одним из главных уроков, который римляне вынесли из первого прямого контакта с германцами, было осознание того, что зарейнский варварский мир пришел в движение из-за перенаселения и, как следствие, нехватки земель, продовольствия, голода. Кимвры и тевтоны «искали себе место жительства по всему свету» (Плутарх), а не сумев закрепиться в Галлии и Испании, они, по примеру многих союзников Республики, отправили в римский сенат посольство с просьбой о предоставлении им земель в обмен на поставку вооруженных отрядов. Массовость миграций продемонстрировала римлянам, что германцы нашли новое действенное средство для достижения своих целей: создание союзов племен, отчасти родственных друг другу в языковом и культовом отношении.

Со сходной ситуацией пришлось в середине I в. до н. э. столкнуться Цезарю. К 70 г. до н. э. Ариовисту, одному из германских вождей, удалось создать мощный союз племен во главе со свевами. О свевах Цезарь сообщает, что это один род, проживающий в ста округах с обязанностью ежегодно выставлять по 1 тыс. воинов от каждого округа. С этой информации начинается так называемое *interpretatio Romana* («римское истолкование») истории, экономики, социальной структуры, политической организации, религии и нравов древних германцев в латинских, реже греческих терминах. Необходимо отметить, что латинские и греческие термины часто затрудняют понимание подлинных процессов в германском мире.

В течение 14 лет миграций и поиска земель для поселения союз племен Ариовиста приблизился к границам Галлии. Приглашенный галлами-секванами Ариовист, перейдя Рейн, разбил галлов-эдуев, соперников секванов, но Галлию не оставил, оккупировав треть земель секванов. Далее Ариовист потребовал у секванов еще одну треть их высококачественных пахотных полей для расселения своих союзников гарудов. Встав на защиту галлов, Цезарь в 58 г. до н. э. разгромил германцев и вытеснил их за Рейн, где союз племен Ариовиста распался. Помогая галлам, Цезарь руководствовался римскими стратегическими интересами, так как стремление германцев закрепиться в Галлии представляло прямую угрозу Римской республике.

Цезарь воочию убедился в военном соперничестве германских племен, многие из которых после разгрома крупного племенного союза претендовали на роль нового лидера. Новая стратегия Рима, по Цезарю, представляла собой традиционное разжигание вражды между племенами, которое позволило установить границу с германским миром по Рейну. Дважды Цезарь переходил Рейн лишь с целью продемонстрировать мощь римских легионов, после чего приказал сжечь мост через реку.

В течение I в. н. э. в германском обществе произошли существенные изменения, напрямую связанные с попытками римлян покорить зарейнскую Германию и установить границу по Эльбе. Действия римлян сочетали попытки как военного подавления любого сопротивления, так и раскола германской знати путем дарования прав гражданства и других привилегий. В среде нобилитета германцев произошел раскол. Часть его не приняла позицию непротивления. Настроения сопротивления с особой остротой проявились среди херусков и хавков. В Богемии в 8 г. до н. э. возникло военно-племенное образование маркоманнов и свевов во главе с Марободом, обладавшее 70 тыс. пе-

хотинцев и 4 тыс. всадников. Другой германский племенной союз во главе с херусками сложился на землях между Везером и Эльбой. В 6 г. н. э. римляне решили двумя параллельными ударами уничтожить оба германских военно-племенных союза. В 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу херусско-хавский союз под руководством вождя *(dux)* Арминия уничтожил 30 тыс. римских солдат; победе способствовало крупное восстание в Паннонии (6–9 гг. н. э.). В результате Тевтобургской катастрофы, несмотря на походы римлян вглубь Германии в 14–16 гг. н. э., Рейн надолго стал стратегической границей империи с варварским миром.

Противостояние Рима с тремя военно-племенными союзами (Ариовиста, Арминия, Маробода) отчетливо показало, что Европа вступала в длительный процесс Великого переселения народов. Структура этого процесса была довольно сложной, многофункциональной, затронувшей в разной степени все стороны жизни германского общества. Во-первых, резко возросли как хозяйственные, так и военные миграционные импульсы. В рамках германского мира десятки племенных образований искали места для поселения самыми различными способами, в том числе соединяясь с более сильными или поглощая более слабых. Начиная с конца II в. до н. э. «германское пространство» с определенной периодичностью выплескивало на античную цивилизацию агрессивные этнические группы, стремившиеся закрепиться на римской территории. Во-вторых, ускоряется имущественная дифференциация как между отдельными племенами, так и внутри племен. Так, в 17 г. н. э. два наиболее сильных союза — Арминия и Маробода — вступили в войну, в которой с обеих сторон участвовали их соплеменники. Потерпевший поражение Маробод вскоре был изгнан из Богемии дружиной знатного готона (гота?) Катуальда. Победители нашли в резиденции Маробода значительную долю старой свевской добычи, а также товары римских торговцев, что подтверждается и археологическими данными. У отдаленного племени свионов, заметил Тацит, «богатство в большом почете». Имущественная дифференциация в племенном мире первой стадии Великого переселения хорошо иллюстрируется группой «княжеских захоронений», известных как ***Любсов-культура*** (ок. 50 — ок. 300), в погребениях которой количество драгоценной утвари во много раз больше, чем в простых могилах.

Древние германцы по сведениям Цезаря и Тацита

Цезарь первым осознал важность сбора любой информации о германцах, которая могла бы пригодиться римлянам в военном и политическом отношениях. Отсюда в «Записках о галльской войне» появ-

ляются сведения об общественном устройстве германцев, условно называемые «свевский» (книга IV) и «германский» (книга VI) экскурсы.

Цезарь отмечает, что частной земельной собственности (в категориях римского права) у германцев нет. Каждый год главы племен *(magistratus ac principes)* переводят роды и семьи кровных родственников на другие земли, при этом одна часть населения занимается войной, а другая ведет хозяйство. Частота земельных переделов, описанных Цезарем, свидетельствует о существовании у германцев общин, состоящих из родственников. Правда, необходимо учесть, что данные археологии говорят о наличии у германцев, живущих стационарно, полей с постоянными границами, которые, как правило, маркировались небольшими (до 1 м) валами из земли или камней, заросших кустарником и предохранявшим землю от выветривания. Подобное землепользование исключало переделы между членами общины. В свете диаметрально противоположной информации письменных и археологических источников, вопрос о системе землепользования у германцев на рубеже тысячелетий до сих пор остается открытым.

Политическую организацию германцев отличало наличие нескольких уровней, на которых взаимодействовали различные институты власти: существовало народное собрание *(concilium)*, у которого в мирное время не было единого руководящего органа; далее шли округа *(pagi)* и более мелкие области *(regiones)*; обычное право среди сородичей осуществляли старейшины (*principes* — «первенствующие»). Скудность сведений Цезаря не позволяет установить участие в народных собраниях женщин. В отношении племени Цезарь использует латинский термин *civitas*, что согласно римской публично-правовой традиции означает сообщество мужчин, имеющих право на политическое волеизъявление. На время войны племя избирает особую (судя по грамматике языка Цезаря — коллегиальную) власть с правом лишения жизни соплеменников. От Цезаря не ускользнула разница между войной от имени всего племени и обычным разбойным рейдом. Из первенствующих на народном собрании военным командиром-вождем *(dux)* утверждался тот, кто был известен (т. е. знатен) своими удачами в набегах. Несомненно, власть такого вождя была временной — только на период разбойного нападения. Не желающие участвовать в таких авантюрах признавались дезертирами и изменниками.

Ко времени Тацита (конец I в. н. э.) происходит значительная ломка социальной и политической организации германского племенного мира. Это наиболее заметно на ускоренном отграничении военного нобилитета от основной массы простых соплеменников. Античные

источники говорят о знати *(primores, proceres)* херусков. Еще Цезарь указывал, что у убиев есть «первенствующие и сенат» *(principes ac senatus)*. В начале III в. н. э. Дион Кассий сообщает, что не все вожди допускаются к совету племени. Общим местом является подчеркивание знатности происхождения наиболее видных германских вождей — Арминия, Маробода, Катуальда и т. д. Тацит четко резюмирует причины появления знатности «по-германски»: 1) неоднократные личные военные заслуги; 2) публичный перенос знатности отцов на их детей, что выражалось в предоставлении юношам достоинства «первенствующих». Вокруг военных нобилей концентрируются дружины *(comitatus)* со своей внутренней командной иерархией. Чем более многочисленна дружина, тем известнее и знатнее становится ее вождь в глазах соседей. Складывается обычай, что все «добровольно и поголовно» приносили вождям в мирное время скот или агропродукты. Очевидно, приносили, главным образом, те, которые были заняты сельским хозяйством и не являлись членами дружины. Перед нами, таким образом, несомненно, одна из форм редистрибуции — протоналога на содержание вождя и дружины. Дружина ждет от вождя подарков, которые вождь реализует устройством пиров. Однако основу ресурсов вождя — как материальных, так и моральных — составляли набеги на соседей и военная добыча, поэтому «многие знатные юноши», как указывает Тацит, в мирное время нанимались воинами в соседние племена, ибо занятие сельским хозяйством им претит. Описывая обычаи хаттов, Тацит о таких «юношах» замечает: «Нет у них ни дома, ни поля, ни какой другой заботы. К кому они придут, у того и кормятся, пренебрегая своим, расточая чужое...»

Социальная структура германского общества к концу I в. н. э. включала военную знать разных уровней, рядовых свободных германцев, «рабов». «Рабы» у германцев, по словам Тацита, напоминают римских колонов. Они обязаны были давать господину оброк, но в то же время имели свободу распоряжения в своем доме и хозяйстве. Их редко подвергали побоям или заковывали в цепи, убивали чаще сгоряча, чем в наказание. И только «рабский» статус оставлял такое убийство безнаказанным.

Земля, по свидетельству Тацита, находилась в коллективной собственности. Продолжают существовать земельные переделы, но уже не ежегодные. Способы распределения земель, как их описывает Тацит, несколько иные, чем в «Записках» Цезаря: по числу работников и далее между собой — по достоинству. При Цезаре все германцы возделывали землю; при Таците определенное число лиц это занятие презирало. Для живущих постоянно на одном месте германцев это создавало

возможность перехода к переложной системе земледелия. У части германцев были рабы, которым предоставлялись земли. Вероятно, «по достоинству» следует понимать как предоставление большего количества земель домовладыкам из числа обладавших добычей дружинников или даже мелких родовладык. У Тацита нет речи о том, кто производит раздел земли, роды не фигурируют в качестве субъектов землепользования. Сама фраза «между собой», возможно, подразумевает, что верховным землеустроителем стал местный тинг, влияние в котором сильных дружинников было велико, а не собрание всего племени, как во времена Цезаря.

Таким образом, притом что на уровне отдельных поселений в землепользовании все еще имели огромное значение родственные связи, в среде знати и дружинников, несомненно, происходила эволюция в сторону персонального пользования землей и медленного формирования частной собственности на землю, что также было связано с возникновением хуторского типа хозяйства германцев. Тацит определенно говорит о собственных хозяйствах так называемых рабов-колонов. На оформление собственнических отношений на землю указывает и упоминание в источниках о том, что при подавлении батавского восстания Цивилиса 69–70 гг. н. э. римский полководец дал приказ не разорять его «поля и виллы». Подобное развитие аграрных отношений, конечно, не было стабильным вследствие высокой степени миграций. Однако устойчивость однажды обретенной модели хозяйства возобновлялась в мирные периоды жизнедеятельности племени.

Накопление частных движимых имуществ у верхушки дружины и вождей — факт, многократно засвидетельствованный и нарративной традицией, и археологией. Тацит заметил: «Вожди особенно радуются дарам соседних племен, присылаемым не от отдельных лиц, а от имени всего племени и состоящим из отборных коней, ценного оружия, фалер и ожерелий; мы научили их принимать также и деньги». Он же, при описании войны Арминия с Германиком (15–16 гг.), отметил факт: херуски от имени Арминия каждому римскому перебежчику обещали ежедневно платить по 100 сестерциев.

Новые собственнические отношения у германцев I в. н. э., таким образом, соседствуют и с новыми, не свойственными им ранее, социальными элементами. Помимо прочего, это отразилось и в обычном праве германцев. Римляне, при их огромном интересе и пиетете к праву, не могли обойти своим вниманием юридические конструкции изучаемого ими противника. При Таците, как и при Цезаре, соблюдается обычай коллективного гостеприимства (факт поразительного архаизма для

римских классиков). В наследственном праве Тацит отметил ограничение наследников только родственниками, что сдерживало полное оформление частной собственности: главными наследниками признавались дети наследодателя; в случае отсутствия детей наследство переходило братьям и дядьям. При остающемся принципе коллективной ответственности за нарушение субъектных прав сородича кровная месть уходит на задний план и, наоборот, на практике применяется принцип выкупа вины в пользу большой патриархальной семьи.

Изменения в эволюции политической организации выглядят еще более рельефно. Главным властным (законодательным) органом остается народное собрание мужчин-воинов — знаменитый германский тинг. При нем существует совет старейшин, который готовил (редактировал) решения собрания. Заседания тинга ведут жрецы, имеющие право наказывать нарушающих порядок. В отличие от времени Цезаря, у племени в мирное время имеется постоянная «исполнительная» власть. У Тацита унифицированная для всех германцев картина заседаний тинга выглядит так: первым выступает *rex* («правитель») или кто-либо из старейшин сообразно с возрастом, знатностью, военной славой, красноречием. Никто из них не имеет права приказывать, но только убеждать. Решение остается за основной массой членов тинга, которые голосуют потрясанием оружия. Тинг обсуждает не только вопросы войны и мира, но и вершит суд по публичным и частным делам. По мелким правонарушениям назначается штраф, часть которого передается правителю или племени. Последнее явно представляет собой раннюю форму судебных издержек. На тинге совершеннолетний юноша получает щит и фрамею: отныне он не только член семьи, но и член общества, и полноценный участник тинга.

Происхождение королевской власти у германцев

Одной из самых дискуссионных проблем в истории древних германцев является вопрос о происхождении власти, обозначаемой обычно в качестве королевской. Существует несколько версий происхождения термина, который в русском переводе часто передается как «король». Одна возводит древнегерманское *reiks, rix* к древнему скандинавскому божеству *Rigr*. Традиция выведения германских королевских титулов от древних племенных богов сохранится в ряде случаев и в раннем Средневековье. Другая теория исходит из того, что праформой термина следует считать *kuningaz*, которая засвидетельствована как *kuning* только во франкскую эпоху. Значение слова выводится из родственных английского *kin* и немецкого *kind*, что в обоих случаях близ-

ко к понятию «принадлежащий к семье». Из контекста тацитовских объяснений очевидно, что «король» *(rex)* — высший знатный человек в племени. Одна из предлагаемых этимологий считает праформой *kuning* древнегерманские *thiudans* (вождь *thiuda* — «народа»), *truhtin* («военный вождь»). Реальное древнегерманское наполнение функций *kuning* (в будущих огласовках «конунг», «*König*») соотносится отнюдь не с должностью (полнота власти в военных и гражданских делах, высшие почести и знатность), а с личными заслугами.

Первыми стадиями становления королевской власти в германской историографии обычно признаются *Sakralkönigtum* (сакральная, религиозная в своей основе, королевская власть) и *Heerkönigtum* (военная королевская власть). Носителями сакральной королевской власти были жрецы, особенно жрецы Одина, вследствие признанного соплеменниками за ними права гаданий и общения с богами. К «военным» королям могли относиться в рамках латинской терминологии *princeps, dux, rex*. Р. Венскус считал, что ко времени Цезаря многие племена по обеим сторонам Рейна не обладали ни королевскими родами, ни королями. Отсюда интерпретация фразы Тацита («*reges* они принимают на основе знатности, *duces* — по доблести») разворачивается в концепцию «галло-западногерманской революции» — быстротечного превращения «древних сакральных мелких королей» в крупных племенных конунгов. Согласно А. Демандту, приведенная фраза Тацита о различиях рексов и дуксов — не более чем риторическая антитеза. Знатность и доблесть — неотъемлемые качества как рексов, так и дуксов. Переход же от ранней племенной политической организации к прочно организованной власти происходит только в связи с формированием вождеств с более или менее устойчивыми институтами управления, как правило, базировавшимися на военном руководстве.

Необходимо отличать частную власть над небольшой свитой временного вождя-принцепса от власти публично-правового характера дуксов и рексов, поскольку это было делом всего племени. Нам известны многие имена германских дуксов, но лишь немногие из них становились рексами. Превращение дуксов в рексов связано с завоеванием под их руководством племенем или союзом племен новых территорий и закрепления их (хотя бы временно) за собой. Так, Ариовист привел с собой в Галлию не менее семи племен, будучи дуксом, и, отняв у секванов земли, стал рексом. Дукс Маробод разместил в безлюдной Богемии восемь племен и стал обладать, по словам Веллея Патеркула, «твердой императорской властью и королевской мощью». В латинской традиции употребление *rex Sueborum* («король свевов») или *rex Marcomannorum*

(«король маркоманнов») подразумевало наличие в данном союзе племен только одного рекса и принятие одного ведущего этнонима всеми членами союза. Арминий, убитый своими родственниками за претензию стать из дукса рексом, как раз не обладал таким важным компонентом для обоснованности своих притязаний. После разгрома римских легионов Вара в 9 г. н. э. на германской территории Арминий не только не приобрел для херусков и их союзников новых земель, но и разжег междоусобицу среди своих соперничающих с ним родственников, в результате чего он был убит ими (в 19 или 21 г. н. э).

Претенденты на королевскую власть хорошо осознавали наличие главного препятствия на пути к установлению своего единовластия. Им была оппозиция знати, обладавшей своими вооруженными свитами. Поэтому, стремясь увеличить собственные дружины, они охотно принимали в них негерманцев. Прогрессирующее «слияние народов» приводило к тому, что дружины «военных королей» представляли собой не этнические, а политические формирования. Это, в свою очередь, стало важнейшей предпосылкой генезиса государственности у древних германцев.

Ни одному из военных вождей I в. н. э. не удалось самостоятельно учредить на длительную перспективу третью, высшую стадию личной публичной власти — *Stammeskönigtum* (королевскую власть над всем племенем и от имени всего племени с основанием своей династии). Во второй половине I в. н. э., после несомненного перелома противостояния в пользу римлян, у херусков вырабатывается понятие «королевский род». Знать херусков резко ослабла из-за междоусобиц, в результате чего племя попросило у императора послать им рексом племянника Арминия Италика, проживавшего в Риме. Этот титул Италик так и не получил, а власть основывалась на военной славе его знаменитого дяди. В правление императора Домициана римляне санкционировали утверждение власти над херусками сына Италика Хариомера.

Римская политика была направлена на создание на рейнской и дунайской границах буфера из сателлитных племен, вожди которых поддерживались империей, в том числе материально. В случаях усиления власти того или иного рекса, римская дипломатия организовывала оппозицию знати или недовольство племени. Например, когда свевы, находясь под властью Катуальды, стали тяготиться своим вождем, римляне пригрозили вернуть им в качестве рекса Маробода, проживавшего в изгнании в империи. Катуальда также был вынужден искать убежища от соплеменников в империи, будучи изгнанным из Богемии вождем гермундуров Ватиллием.

Из Богемии и Маробод и Катуальда бежали вместе со своими отрядами. Эти вооруженные формирования римляне, уже без их вождей, переместили вновь за Дунай и дали им в качестве рекса Ванния из племени квадов, которого позже постигла судьба Маробода. Сочинения Тацита изобилуют примерами борьбы между собой германских вождей. Этим процессом в какой-то мере управляли римляне. «Пусть никогда не прекращается у них взаимная ненависть», — резюмирует историк.

2. Германский мир в эпоху Великого переселения народов

Эпоха Великого переселения народов, в разных хронологических схемах охватывающая первую половину I тыс. н. э., затронула значительное число регионов Европы и Азии. В Европе миграционные потоки исходили, как правило, с северо-востока (германские племена Скандинавии и зарейнских земель) и из Причерноморских степей, где в составе мигрантов преобладали германские и ираноязычные племена, а с IV в. — гунны. Причины данных явлений многообразны и неодинаковы для различных регионов Евразии. В Европе среди факторов Великого переселения народов называются: похолодание, особенно интенсивное во II–V вв. н. э., что стимулировало миграции к югу, на более благоприятные с точки зрения хозяйственного использования земли; экономический прогресс германцев, обусловивший демографический рост, и определенная перенаселенность еще плохо освоенных земель Центральной Европы; социальная и имущественная дифференциация, вынуждавшая часть германцев искать удачу у римских границ; складывание племенных союзов и военно-дружинных структур во главе с лидерами, видевшими в набегах на римские территории и грабежах возможность собственного дальнейшего возвышения, и т. д. Также указывается на привлекательность для германцев службы в римской армии и поселения германских племен на территории Римской империи в качестве федератов. Многие передвижения германцев носили вынужденный характер. Мелкие и средние этнические группы зачастую увлекались мощными миграционными потоками, в которые вливались все новые участники. В других случаях германцы, кельты, фракийцы и иранцы вторгались в Римскую империю, отступая от других варварских племен. В этом отношении наиболее показательна миграция вестготов в балканские провинции Римской империи под давлением гуннов.

Римская империя и германцы в конце I — II в.

При Домициане, после тяжелой войны с хавками, с 83 г. начинается строительство ретийско-германского лимеса (технологически сложного и весьма дорогостоящего фортификационно-пограничного комплекса), соединившего цепью оборонительных сооружений территорию от Аргентората (совр. Страсбург) до Могонциака (совр. Майнц). На защищенных лимесом землях проводится административное обустройство: Домициан учредил провинции Верхнюю (центр — Майнц) и Нижнюю Германию (центр — Кёльн), прилегающие к Белгике (центр — Реймс). Территории римской Германии стали самым милитаризированным регионом империи, в котором были расквартированы от 8 до 10 легионов, т. е. вместе со вспомогательными частями до 120 тыс. солдат. К Верхней Германии и Реции отошли так называемые «десятинные поля», праворейнские земли со смешанным кельтско-германским населением. Одним из следствий строительства лимеса стало сокращение в античных источниках сведений о германцах, что не удивительно в условиях резко сократившихся проникновений германцев на римские территории.

После умиротворения левобережной и зарейнской Германии началась ее экономическая, социальная и политическая романизация. В провинциальной Германии римляне быстро втянули кельтское и германское население в структурные формы своей цивилизации. В аграрной экономике благодаря лучшей технической оснащенности римлян, резко возросла урожайность всех известных тогда зерновых; в хозяйствах германских общин появляются овощные и фруктовые культуры; в животноводстве происходит замена традиционных для германцев пород скота на более продуктивные италийские. Аграрные отношения были подчинены римскому правовому режиму: императорские земли, территории легионов, частные поместья-виллы различной площади (до 400 га). Мелкое и среднее свободное крестьянское землевладение группировалось в небольшие сельские поселения.

Основным потребителем сельскохозяйственной продукции в высокомилитаризированных провинциях Германиях были военные. Вокруг лагерей легионов складывались поселки торговцев и ремесленников (канабы). Римское правительство в I–II вв. н. э. постепенно предоставляло ранг муниципиев разраставшимся поселениям, особенно колониям ветеранов, среди которых было немало отслуживших в римской армии германцев.

Социальная структура провинциальной прирейнской Германии стремительно уподоблялась римской: германский нобилитет получал права римского гражданства, статус римского всадничества, видные посты в гражданском управлении и армии. По римскому праву, обезземелившиеся германцы превращались в колонов, зачастую обрабатывая поля своих знатных соплеменников. В целом уровень интеграции левобережных германцев в имперское общество к началу III в. н. э. был довольно высоким.

Больший прогресс прослеживается в применении римских технологий в области металлообработки, особенно в том, что касалось оружия и украшений. Организация труда в ремесле, однако, осталась неизменной.

Торговля в период относительного мира первой половины II в. н. э. оживилась. Товары римского производства археологи находят на всей территории Германии, Дании, Южной Скандинавии: оружие, украшения, металлическая и керамическая посуда, культовые статуэтки. Наибольшее количество римского импорта приходилось на земли квадов и маркоманнов. Последние были тогда главными партнерами империи по поддержанию внутреннего мира в свободной Германии. Начиная с середины I в. н. э. и вплоть до середины II в. н. э. нарастает наплыв римских монет, что втягивало германцев, особенно приграничных, в денежные отношения и одновременно служило средством римской политической пропаганды.

В 166 г. н. э. мир на северных границах империи был нарушен: на римские территории вторглись лангобарды и обии. Начался период *Маркоманнских войн* (166–180), которые более поздние авторы IV в. (Евтропий) сравнят по тяжести с Пуническими. Причины Маркоманнских войн в историографии дискутируются давно. Очевидно, что их был целый комплекс: тяжелое продовольственное положение германских племен вследствие климатических изменений и неурожаев; демографический рост и перенаселение; хорошая осведомленность варварских вождей о сложностях во взаимоотношениях империи с Парфией (161–162 гг. — вторжение парфян в Армению, поражение римских войск в Каппадокии), повлекших за собой переброску легионов с Рейна и Дуная на Восток; недовольство римской системой контроля над варварским миром с помощью системы клиентских, буферных племен.

Одной из наиболее спорных проблем, связанных с началом второй фазы Великого переселения народов, является роль готско-вандальского союза племен, начавшего мигрировать на юг от нижнего течения

Вислы, приведя тем самым в движение весь варварский мир. Около середины II в. н. э. союз раскололся: вандалы двинулись на запад к Эльбе, вступив в противоборство с лангобардами; готы — в направлении Карпат и черноморского побережья. В результате вытеснения со своих родных мест другие германские племена были вынуждены искать земли для поселения на территории империи.

В прорывах на римские дунайские провинции в течение 14 лет участвовали более десяти племен, причем не только германского, но и алано-сарматского происхождения. Наиболее опасными были маркоманны и квады, которые через Рецию и Норик стремились достичь Италии. После быстрого разгрома в 166 г. лангобардов и обиев маркоманны выступили гарантом дальнейших ненападений на империю. Взамен они просили для себя земель внутри дунайских провинций. Получив отказ, маркоманны, квады, языги и ряд других племен вторглись в Северную Италию, разрушили ряд мелких городов и осадили Аквилею. В Риме вспыхнула паника, а при известии о том, что варвары штурмуют всю дунайскую границу вплоть до Черного моря, сложилось убеждение о заговоре всего племенного мира против империи. В 168 г. Северная Италия была очищена от квадов и маркоманнов. Римляне заключили ряд договоров с неизвестными 11 племенами, очевидно, для сосредоточения сил против основных противников. В 171–173 гг. были одержаны победы над квадами и маркоманнами. По условиям мирных соглашений оба племени признавали верховную власть римлян, обязывались не поддерживать друг друга, вернуть военнопленных. Такие договоры в римском праве издревле назывались *deditio* — сдача на милость победителя и только на его условиях.

Частью Маркоманнских войн были более мелкие конфликты с другими германскими племенами (вандалы, буры), которые обращались к империи с той же просьбой — о предоставлении земель. Маркоманны и квады не раз нарушали мир, но в 177–179 гг. были вновь замирены. В ходе войн Марк Аврелий постепенно меняет тактику отношений с варварами: их начинают небольшими компактными группами селить внутри империи. В Паннонии были размещены 3 тыс. наристов, в Дакии — вандалы-асдинги, близ Равенны — маркоманны. Статус расселения предполагал, что германцы становятся колонами под прямой римской административной властью с обязательством поставлять рекрутов во вспомогательные войска. С основными варварскими приграничными племенами с 180 г. заключаются договоры.

По сути, политика дальнейшего поддержания буферного пояса клиентских варварских племен была не только продолжена, но и усилена.

Оценка мирного договора императора Коммода 180 г. с маркоманнами и квадами как крупной уступки варварам в настоящий момент пересмотрена. Реконструкция этого договора свидетельствует о том, что все обязательства несли побежденные германцы: признание римского верховенства; запрет поддерживать дипломатические отношения с врагами Рима; поставка в римскую армию 10 тыс. маркоманнов и 13 тыс. квадов; выдача римлянам захваченной добычи, пленных, перебежчиков, речных транспортных средств и даже части оружия; запрет строительства новых лодок. Квады и маркоманны должны были очистить острова на Дунае и прибрежную полосу вглубь собственной территории шириной до 15 км. Впредь им запрещалось селиться на этих освобожденных землях и переходить границы империи для торговли на провинциальных рынках. Кроме того, они должны были выплачивать ежегодные репарации зерном. И, наконец, племена обязывались проводить свои народные собрания в определенный день, не чаще одного раза в месяц, в определенном месте и под надзором римского центуриона. Квады и маркоманны не должны были воевать против язигов, буров и вандалов. В обеспечение исполнения договора в одностороннем, германском, порядке выдавались заложники. Столь жесткие условия *deditio* можно было предъявить лишь сильно обескровленному побежденному. Со своей стороны римляне шли на некоторые уступки: поставки продовольствия, денежных сумм клиентскому германскому нобилитету. В качестве разовых мер вновь практикуются награждения правами римского гражданства, армейскими рангами, льготами в торговле.

Начало формирования устойчивых союзов племен

Последствия для побежденных германцев были огромны: началась эпоха формирования устойчивых союзов племен, идентифицирующих себя под единым этнонимом. Так, ряд известных в I в. н. э. этнонимов исчезают из источников. Происходят процессы слияния, ассимиляции отдельных племен или их отколовшихся частей, бродячих отрядов воинов, не принявших романизацию. Археологические данные свидетельствуют о том, что в Средней Германии племенной мир усиленно вооружался, готовясь к новой схватке с Римом.

В течение 30 лет после окончания Маркоманнских войн в междуречье Дуная, Майна и Рейна шло формирование союза аламаннов, ядром которого стали свевы. Постепенно в него втягивались семноны, гермундуры и ряд других племен эльбского бассейна. В 213 г. император Каракалла, призванный на помощь проживающими за ретийско-

германским лимесом племенами, совершил поход к Майну, где разбил аламаннов. К победителю потянулись посольства эльбско-германских племен, испрашивая дружбы и денег. Император приказал усилить лимес каменной стеной. Тем не менее в 233 г. аламанны, преодолев узкий участок лимеса, ограбили Декуматские поля.

В низовьях Рейна в начале III в. формируется военно-племенной союз франков, впервые засвидетельствованный в источниках под 257 г. в связи с грабежами в Галлии и Испании. В 259–260 гг., объединившись с аламаннами, франки прорвали рейнский лимес и ограбили Северную Италию вплоть до Равенны и Медиолана. Подобные неслыханные успехи еще «сырых» союзов племен объясняются возникновением ситуации множества фронтов и глубоким системным кризисом в Римской империи в III в.

В 224–227 г. к власти в Иране пришла персидская династия Сассанидов, провозгласившая в качестве внешнеполитической доктрины «возвращение наследия Дария», т. е. претензию на римские восточные провинции. Римлянам в 30–40 гг. III в. приходилось перебрасывать часть войск с северной границы для войны с персами. В 233 г. солдаты дунайских легионов, получив известия о рейдах германцев на территории их постоянного размещения, потребовали от императора Александра Севера прекратить войну с персами и вернуться на Дунай. Низкая результативность боевых действий против германцев стоила Александру Северу жизни. В 235 г. легионы провозгласили императором способного офицера Максимина Фракийца, который отбил нападения германцев. После его гибели в 238 г. в империи начался период военной анархии, «эпохи солдатских императоров», сопровождавшейся большим количеством узурпаций и, как следствие, децентрализацией военного планирования и командования.

К проблемам римлян на Рейне и верхнем Дунае добавились серьезные трудности на нижнем Дунае, в Северном Причерноморье и Приазовье. В начале III в. в этих местностях появились готы, которые пережили как бы новый этногенез, смешавшись с дакийским, аланским и т. д. населением. Обычно их делят на вест(везе)готов и ост(остро)готов. Вестготы приняли участие в так называемой «скифской» войне против империи 232–238 гг. в союзе с карпами. Результатом было не только разорение Нижней Мезии, но и заключение договора вестготов с империей. Римляне обязывались выплачивать готам ежегодно какие-то денежные суммы, готы — поставлять воинский контингент Риму. Готы приняли участие уже в римско-персидской войне 242 г., что, однако, не помешало им в составе варварской коалиции в 248 г. вновь ограбить

Нижнюю Мезию. В 251 г. вестготы под руководством конунга Книвы опустошили Фракию, причем в сражении против них при Абритте погиб вместе с римским войском император Деций. На этот раз условия мира продиктовали готы. Они дали гарантии ненападения на римлян, а взамен получили право уйти с римских территорий со всей добычей и получать от Рима ежегодные денежные субсидии. Остготы и их союзники (бораны) с 255 г. предприняли несколько морских походов, в результате которых были разграблены побережья Греции, Малой Азии, Восточного и Южного Причерноморья. Огромная добыча из многих захваченных городов распаляла их воинственные настроения.

В 260 г. на Востоке произошла катастрофа: большая римская армия была разбита персами, император Валериан попал в плен, победители стремительно захватывали восточные римские провинции. В том же году в результате узурпации Постума отпали галльские провинции; на Востоке проримскую политику проводил Оденат, правитель Пальмиры. Временно (до 274 г.) Римская империя распалась на три части. В дунайско-балканском регионе усилия римской власти были направлены на недопущение вторжения германцев в Италию. Учитывая, что каждое германское племя имело собственные грабительские интересы, военные действия римлян против них велись без какого-то согласованного плана.

В результате проведенной императором Галлиеном военной реформы и создания в 268–269 гг. мощной кавалерии римлянам удалось достичь стратегического перелома в войнах с варварами. В 269 г. под Наиссом (совр. Ниш) был разгромлен главный германский враг — готский союз племен. Перечень племен варварской коалиции 269 г. показывает, что вестготский союз был таким же «сырым», как и аламаннский. Помимо прочих «скифских» этносов в него входили, сохраняя известную обособленность, гревтунги, австроготы, тервинги, визы. Методы формирования вестготского союза, судя по источникам, были в большей мере насильственными. Описывая власть конунга Остроготы, Иордан (сер. VI в.) отметил: «Под его десницей нередко лежал вандал, принужден к дани маркоманн, обращены были в рабство вожди квадов». Между гепидами и готами происходили войны за добычу и территорию. Собственно, общий этноним «готы» всем этим родственным племенам дали римляне, сумев вычленить лидирующую роль в союзе именно готов.

Уход римлян из задунайской Дакии в 271 г. лишь обострил соперничество в германском мире, что засвидетельствовано современниками: «готы с трудом изгнали бургундов, с другой стороны, вооружа-

ются побежденные аламанны и в то же время тервинги, другая часть готов, присоединив отряд тайфалов, устремляются против вандалов и гепидов».

В 70–90 гг. III в. римлянам удалось полностью восстановить свое стратегическое превосходство, но пришлось считаться с определенными реальными итогами варварских вторжений: части германцев удалось осесть внутри империи. К концу III в. не распались, даже будучи сильно ослабленными, три основных германских союза племен: аламанны, франки, готы. Часть германских племен, особо активных в период Маркоманнских войн, либо исчезают как самостоятельные этносы, либо отходят на задний план (маркоманны, квады).

Довольно проблематично говорить о союзе саксов для III в. Саксы известны уже Клавдию Птолемею (ок. 150 г. н. э.), который располагал их в самом низовье Эльбы, на узкой полосе от ее устья до Ютландии, а также на трех саксонских островах Северного моря. Первое военное предприятие саксов упомянуто под 286 г., когда они вместе с франками пиратствовали вдоль северных берегов Галлии. Это был редкий случай объединения в военных целях; позднеантичные авторы считали саксов не племенем, а просто пиратскими бандами.

Рим и германцы в IV в.

В самом начале IV в. энергичные меры переустроенной в административном и военном отношении Римской империи (тетрархия) удалось очередной раз усмирить варварский мир. Римляне не отказались от контроля над германцами, но ввели новые элементы в систему взаимоотношений с ними. Император Диоклетиан допустил германцев к высшим офицерским должностям, позволил наниматься на службу в легионы как персонально, так и целыми отрядами. Знатность и личная доблесть позволяли германцам выслуживаться до высших армейских рангов. В 306 г. аламаннский конунг Крок, при одобрении римского войска в Британии, провозгласил императором с достоинством Августа, будущего Константина Великого. В середине IV в. аламанны играли значительную роль и при императорском дворе; позже их сменяют франки. Известна знаменитая надпись этого времени: «Я — франкский гражданин, римский воин при оружии». Известны десятки имен высших офицеров германского происхождения; некоторые даже посягали на императорскую власть, становясь узурпаторами (франки Магненций и Сильван). Франк Арбогаст в 392–394 гг. был фактическим правителем Западной Римской империи; в той же роли в 395–408 гг. выступал вандал Стилихон.

Со всеми основными племенами возобновляются договоры, структура которых модифицируется: кроме односторонних *(deditio)* появляются и двусторонние с обязательствами мира и союза *(foedus)*. Такие федератские договоры обязывали римлян к ежегодным субсидиям и военной помощи союзному племени против третьей стороны; германцы поставляют в римскую армию воинские контингенты, официально именуемые федератами. После завершения военной кампании они возвращались на родину. Были и другие федераты, служба которых длилась десятилетиями. Это были либо добровольно пришедшие со своими вождями на службу в империю отряды (например, Крок), либо военнопленные, отсылаемые на отдаленные границы (франкский конунг Фраомарий, взятый в плен и отосланный на палестинскую границу в высоком ранге дукса, командира приграничного округа), либо рекруты из расселенных внутри империи варваров. Увеличение таких элементов в римских войсках положило начало процессу варваризации, а для Западной Римской империи — германизации римской армии. В IV в. этот процесс приобретает даже внешние проявления: в римских легионах появляется нетипичное ранее для них оружие, отдельные тактические приемы, традиционный римский боевой клич «барра» постепенно вытесняется германским «барритус». В 361 г. в Лютеции (совр. Париж) узурпатор Юлиан провозглашается римским Августом по германскому обычаю — поднятием на щите.

В позднеантичной историографии германцы все реже называются «скифами», все реже упоминаются отдельные племена, в то время как «франки», «аламанны», «готы» выступают как консолидированные племенные группы, занимающие определенные территории. В источниках появляются топонимы *"Alamannia"* (впервые в 296 г.) — земля между верхним Рейном и верхним Дунаем, *"Francia"* (в 310 г.) — территория к востоку от нижнего Рейна, *"Gothia"* (конец IV в.) или «Дакия там, где и Готия» — земли к северу от среднего и нижнего Дуная, *"Saxonia"* (вторая половина IV в.) — географические параметры для IV в. не уточнены.

Позднеантичные авторы с тревогой отмечают постоянный демографический рост среди германцев на фоне спада народонаселения в империи. Аммиан Марцеллин ок. 370 г. писал об аламаннах: «Хотя этот дикий народ терпел с тех пор, как существовал, тяжелый урон в людях от различных несчастий, но он возрождался в своей силе так быстро, как будто оставался в течение долгих веков в неприкосновенности».

Об изменениях в экономике племенных союзов IV в. известно немного. Неясно, претерпели ли какие-то изменения аграрные отноше-

ния; можно лишь предполагать, что социальные и поземельные структуры уже приближались к тем, что были зафиксированы в «Салическом законе». Археологически установлен факт, что массы римского провинциального населения использовались в качестве рабов во внутренней Германии. Это позволяло высвобождать германцев для военного дела. Очевидно, в большей мере пленные обслуживали потребности племен в ремесленной продукции (керамика, стекольное производство, бронзовые украшения и особенно изготовление оружия). Германцы продолжали жить в деревянных «длинных домах», без каменных фундаментов, чураясь в основной своей массе городов. Военный нобилитет тем не менее осознал значимость укрепленных бургов, которые аламанны и саксы строили на возвышенностях. В захваченных римских городах размещались конунги со своим ближайшим окружением. Какой-либо заботы о покоренном населении не проявлялось, что быстро вело к исчезновению денежного обращения, письменности. Приграничные провинциалы сначала постепенно, позже массами мигрировали в более безопасные южные районы империи. В первой половине IV в., когда царила относительная стабильность в приграничье, римская администрация определяла места торговли провинциалов с германцами. К традиционным статьям германского экспорта (скот, в меньшей степени зерно, кожи, мед, металлургическое сырье) добавились рабы, захваченные в качестве добычи в межплеменных войнах. Импортировались предметы роскоши, лошади, оружие. В 373 г. римское правительство под страхом смертной казни запретило вывоз оружия из империи.

Этнополитические процессы у аламаннов и франков в IV в.

Политическая структура племенных союзов IV в. хотя и претерпела определенные изменения, однако сохраняла и прежние организационные элементы. Прежде всего, специалисты классифицируют несколько типов союзнических связей. Первый — соединение усилий нескольких племен на равных условиях для достижения одной, разовой цели (франки и саксы в 286 г. ради ограбления берегов Бретани). Второй — объединение нескольких племен вокруг лидера (в 406 г. для прорыва рейнского лимеса к вандалам присоединились аланы и свевы). Союзные связи в обоих случаях не вели к утрате этнической автономии. Третий тип, наоборот, базируется на едином этнониме, особых элементах внешнего вида, цементирующих союз племени. Так, «аламанны» (этимологизируется как «все мужи») около 400 г. характеризовались как «аламанны, которые прежде и доселе назывались

германцами», красили волосы в красный цвет и носили короткие плащи. «Франки» («смелые», «стремительные»), о которых римляне горько шутили, что они, «смеясь, ломают верность», полголовы красили в красный цвет, а затылок — брили, облачались в мохнатые куртки. Известны также «длиннобородые» лангобарды, «лохматые» фризы, «оседлые» саксы и т. д. Очевидность этнической преемственности новых племенных союзов с более ранними племенами и пережившая века устойчивость «союзных» этнонимов позволяет говорить о сознательном, продуманном выборе «псевдонима», который должен был носить максимально нейтральный характер, не ущемляя «патриотических» чувств входящих в союз племенных групп и индивидуумов.

Единство «союзного» этнонима и обычаев имели основания военного характера: совместная оборона «союзной» территории и общие крупные наступательные операции. В знаменитом сражении под Аргенторатом 357 г. приняли участие 35 тыс. аламаннов под командованием семи рексов «в силу обязательства взаимной помощи» (Аммиан Марцеллин). На границах аламаннов с бургундами были выставлены пограничные камни, римские владения от аламаннских областей отделялись валами. В свою очередь, «союзные» территории аламаннов разделялись внутри себя на области, обладавшие известной политической самостоятельностью. Во властных структурах аламаннского и франкского союзов отчетливо прослеживается иерархия рексов. Зачинщики похода на Аргенторат, рексы Хнодомарий и Серапион, превосходили своей властью других рексов. Власть рексов становится наследственной, переходя от отцов к сыновьям; нередки случаи совместного правления братьев. Так будет и у франков с перспективой создания собственной династии: процесс становления королевской власти *(Stammeskönigtum)* стал необратимым.

Племенной союз франков, о которых римляне писали «франкские племена: хамавы, которые и франки», занимавший с момента своего возникновения последовательную антиримскую позицию, постепенно распадался на три отдельные группы. Захваченная в плен и предназначенная римлянами к расселению на рейнском левобережье (главным образом, в провинциях Нижняя Германия и Белгика) с конца III в. на статусе дедитициев часть франкских племенных групп образовала категорию имперского населения лэтов, социально близкого к колонам, но без римских гражданских прав. Согласно своему юридическому положению лэты подвергались принудительному рекрутированию; их число в римской армии по сравнению с другими германцами было много большим.

Зарейнские франки, разгромленные в конце III в., были принуждены к договорам (вероятнее всего, *deditio*) поплеменно. Франки были весьма ненадежными партнерами. В 308 г. за нарушение условий договоров Константин Великий приказал казнить двух захваченных франкских конунгов. Воспользовавшись внутренними неурядицами в империи, узурпациями Магненция (351 г.) и Сильвана (355 г.), в 355 г. франки захватили и сожгли римскую колонию Агриппина (Кёльн). В 357 г. последовал карательный поход цезаря Юлиана против «франков... которых обычай называл салиями». Аммиан Марцеллин, современник событий, первым засвидетельствовал наличие во франкском союзе отдельной ветви салиев, которые еще раньше прочно обосновались на имперской территории близ Токсандрии (низовья Мааса, Рейна, Шельды). Император Юлиан в 361 г. в одном из своих писем сообщает о своих победах над хамавами и «племенем салиев». Специалисты считают, что «салий» этимологизируется как «друг, спутник, соратник».

После раздела Римской империи между императорами Валентинианом I и Валентом в 364 г., судьбы франков, аламаннов и саксов будут связаны только с Западной Римской империей вплоть до ее исчезновения. Отдельные группы франков, начиная с середины III в., мигрировали в направлении Среднего Рейна, где, блокируясь с аламаннами, стремились осесть в долине Мозеля; однако в IV в. им удалось расселиться лишь на территории между Руром и Маасом. В середине V в. их впервые назовут рипуарскими (прибрежными); в каролингскую эпоху их станут так обозначать постоянно.

В течение всего IV в. франки и аламанны были основными противниками империи на рейнской границе, однако в их стратегическом тылу, во внутренней Германии, продолжали существовать крупные племена, не утратившие своих этнонимов: бургунды, вандалы, герулы, скиры, квады, ругии. Их продвижение к римским рубежам связано с историческими судьбами готов в конце IV—V в.

Вестготский племенной союз в IV в.

В конце III в., в результате противоборства готов с карпами, империи удалось заключить в 297 г. с готами (неясно, однако, с какой их частью) федератский договор, который более чем на 20 лет обеспечил относительное спокойствие в Среднем и Нижнем Подунавье. В начале IV в. римляне вмешиваются в готско-сарматский конфликт, не желая его разрастания. Константин Великий построил систему земляных валов между Дунаем и Тисой, ряд мостов и переправ через Дунай. В 323 г. готы форсировали плохо укрепленный участок границы

и ограбили Фракию и Мезию, но были быстро разбиты Константином. В новом витке войны готов с сарматами римляне оказали последним помощь. В 332 г. готы были разбиты, и с ними был заключен типичный договор (ежегодные денежные выплаты и разрешение торговать на Дунае в обмен на отряды воинов), подкрепленный выдачей заложников. В числе последних был сын готского конунга Ариариха Аорих. Х. Вольфрам полагает, что заложников сопровождал будущий епископ готов ***Ульфила*** (ок. 311 — ок. 383). Аорих провел юность при дворе Константина Великого и Констанция II и по возвращении домой убеждал своего сына Атанариха никогда не ступать на римскую территорию. Другой готский конунг Геберих (видимо, принадлежавший к королевскому роду Балтов), не желая становиться федератом империи, разгромил вандалов, разместившихся в долинах рек Марош и Кереш.

Политическая организация вестготского племенного союза мало чем отличалась от франкских и аламаннских аналогов. Сформировалась наследственная власть конунгов по типу *Heereskönigtum*, военный нобилитет *(optimates)*. Латинские источники называют Атанариха «судья», однако его реального верховенства в союзе не было. Предположение Х. Вольфрама о том, что Атанарих был *thiudans* (народный король), не согласуется с наличием других конунгов — Гебериха, Фритигерна, Алавива — и их довольно автономными действиями. Союзные связи были более слабыми, чем у аламаннов: вестготские конунги самостоятельно избирали приоритеты своей деятельности. Это объясняется расселением вестготских племен на гораздо более обширном пространстве в Подунавье. У вестготов продолжало существовать народное собрание, в компетенции которого находились вопросы войны и мира, переселения на новые земли и даже избрание конунгов. Несомненно, тон в народном собрании задавал военный нобилитет, опиравшийся на свои дружины. Родственные отношения в вестготском обществе находились в стадии деформации, но не были разрушены окончательно. Этому процессу мешали развиваться постоянные миграции и конфликты с соседями, а серьезно его затормозило гуннское нашествие. Сведения о социальном и хозяйственном строе вестготов в этот период крайне скудны и ненадежны.

До 365 г. в Нижнем Подунавье царил мир между готами и империей, но не внутри готского союза. В 341 г. в Антиохии в сан епископа был рукоположен Ульфила, начавший проповедовать в Готии христианство в форме арианства, господствовавшего тогда в Восточной Римской империи. В 348 г. Атанарих изгнал готов-христиан из Готии, усмотрев в миссионерской деятельности Ульфилы прямую угрозу традицион-

ным племенным культам. С разрешения Констанция II, Ульфила и так называемые малые готы поселились в Нижней Мезии. Там Ульфила начал переводить Новый Завет на готский язык, для чего изобрел готский алфавит. Дошедшие до нас фрагменты перевода Ульфилы являются первым памятником письменности древних германцев.

В 365 г. константинопольский узурпатор Прокопий потребовал от Атанариха военную помощь по условиям федератского договора 332 г. и получил в результате 3 тыс. готских воинов. Победивший узурпатора император Валент отказался вернуть готских федератов на родину, обратив их в рабов. В 366–369 гг. Валент провел ряд карательных операций против готов Атанариха на дунайском левобережье. Отсутствие единства в вестготском союзе по вопросу об отношениях с Восточной Римской империей определило отступление Атанариха в труднодоступные местности и подписание тяжелого мира с Валентом в 369 г., по условиям которого империя отказывалась от ежегодных поставок продовольствия и ограничила торговлю в приграничье лишь двумя городами. Атанарих возобновляет преследования готов-христиан, многие из которых во избежание мученической смерти бегут к Ульфиле.

Иной позиции придерживался конунг Фритигерн. Ориентируясь на союз с империей, он и его соплеменники принимают арианство. Христианизация готов осуществлялась, таким образом, не только по убеждениям, но и по политическим мотивам. В IV в. арианству не удалось стать консолидирующей этническое единство силой у вестготов. Более того, литургия на готском языке, отказ от богослужения на греческом или латыни затрудняли восприятие духовной культуры римского мира, большая часть которого, после Второго Вселенского собора, считала арианство ересью. Однако миссионерская деятельность Ульфилы и его последователей дала импульс к христианизации (также в арианской форме) остготов, вандалов, свевов и бургундов. С другой стороны, «германское арианство» стало существенным тормозом на пути этнического сближения германских племен и римлян.

В 375 г. геополитическая ситуация в Юго-Восточной Европе обостряется в связи с переходом гуннов через Дон. Приазовские остготы, потерпев поражение, стали подданными гуннов, вынужденно влившись в состав их орд. Держава Эрманариха — полиэтническое формирование в Среднем и Нижнем Поднепровье под верховенством одной из ветвей остготов — была уничтожена. Спасаясь от гуннского натиска, на запад бежали отдельные племена остготов-гревтунгов, аланов, сармат. Перед вестготским племенным союзом встала проблема выбора стратегии выживания: Атанарих решил бороться против

гуннов на своей территории; Фритигерн предложил просить у Валента разрешения переселиться на имперские земли на условиях *deditio*. При дворе Валента просьбу Фритигерна обсуждали две группы советников: одни настаивали на запрете переправы вестготов через Дунай, другие указывали императору на очевидные финансовые и военные выгоды от присутствия варваров на римской территории. Валент, приняв аргументы последних, отдал приказ допустить вестготов во Фракию, а также предоставить им провиант и земли для обработки.

Переправа варваров через Дунай проходила при плохих погодных и технических условиях, что позволило вслед за вестготами Фритигерна, проникнуть на римский берег тайфалам, остготам, аланам, сарматам, гуннам. Точное число пересекших границу варваров определить трудно (преувеличения в источниках достигают цифры в 1 млн человек), но, очевидно, их было немногим более 200 тыс. Огромное количество переселенцев римская провинциальная администрация была не в состоянии снабдить продовольствием, а вспыхнувший в среде варваров голод она использовала в собственных корыстных целях: хлеб в обмен на личную свободу. Не желая портить отношений с Валентом, Фритигерн двинул вестготов к Марцианополю в надежде получить там продовольствие. В результате провокаций со стороны римских властей под Марцианополем в 377 г. варвары подняли мятеж, разбили римские войска и ограбили всю округу. Валент послал на подавление бунта несколько армейских формирований, которые варвары разбили. К Фритигерну присоединились готские наемники на имперской службе, а также гревтунгско-алано-сарматская группировка. Западноримский император Грациан, с тревогой наблюдавший за разрастанием восстания, предложил Валенту военную помощь. Валент поспешил с отборной армией на Балканы, выбрав боевую позицию у Адрианополя (совр. Эдирне). Отвергнув просьбы Фритигерна о расселении вестготов во Фракии, Валент ввязался в сражение 9 августа 378 г., которое закончилось для него катастрофой: две трети 40-тысячной армии пали на поле боя вместе с императором, остальные были рассеяны. Грабеж восточноримских Балкан, за исключением городов, было некому остановить.

19 января 379 г. Грациан назначил Августом Востока опытного полководца Феодосия, который приступил к восстановлению порядка, действуя военными и дипломатическими методами. После смерти Фритигерна полиэтническое войско варваров распалось. Аланы и сарматы откочевали на запад, где в 380 г. заключили с Грацианом договор, получив земли и продовольствие в Паннонии; на сторону Феодосия перешел Модарес, «из царского рода скифов», нанесший своим сопле-

менникам ряд поражений. В 380 г. по приглашению Феодосия в Константинополь прибыл, спасаясь от заговора своих приближенных, Атанарих, принятый с большими почестями. После смерти в 381 г. он был с неменьшими почестями погребен. Эти события послужили началу переговоров готов с империей, которые 10 октября 382 г. увенчались заключением договора.

Отличие этого договора от прежних *deditio* подчеркивается в источниках тем, что готы выступили равноправной стороной, не вынужденной к заключению мира поражением от римлян. Из боеспособной части готов был сформирован федератский корпус, ежегодно оплачиваемый империей, как и другие части римской армии. Непосредственное командование федератами осуществляли их племенные вожди. Кроме того, для проживания и обработки им были предоставлены земли, видимо, во Фракии и Мезии.

Договор 382 г. стал поворотным пунктом в истории взаимоотношений империи и германцев: вестготы получили самую широкую автономию и налоговые иммунитеты, получив статус «внутриимперских федератов». В 80–90-е годы IV в. готы стали главной ударной силой Восточной империи в борьбе с узурпаторами. После смерти Феодосия Великого в 395 г. с федератами начали обращаться много хуже, отправив их на дунайскую границу, даже не выплатив им денежных даров по случаю победы над узурпатором Евгением (394 г.), хотя эту победу они добыли, главным образом, ценой жизней 20 тыс. своих соплеменников.

Антиримская группировка среди вестготов существовала еще при Феодосии, а в 395 г., усмотрев в пренебрежении к себе нарушение (или даже разрыв) договора, она избрала рексом Алариха из знатного рода Балтов. Восстановленная королевская власть (Фритигерн и Алавив были дуксами) была уже иного качества — *Stammeskönigtum*, власть от имени и над всем племенным союзом с выраженными монархическими элементами. Из вождя федератов империи Аларих превратился в ее грозного врага, немедленно начав против нее боевые действия. Последовавшие за ним вестготы не вернулись на свою задунайскую родину. Их исторические судьбы были связаны отныне не с Германией, а с Италией, Галлией, Испанией, где они создали «варварские королевства», поглощенные позже франками, арабами, византийцами.

Германский мир в период упадка Западной Римской империи

Войны Алариха с Восточной и Западной Римскими империями, кратковременный мир 397 г. и, наконец, вторжение вестготов

в 401 г. отразились на положении других западногерманских племенных союзов. Около 400 г. при неизвестных обстоятельствах объединились два вандальских племени — силинги и асдинги, верхнедунайские свевы (видимо, вышедшие из аламаннского союза и вернувшие себе свой исконный этноним) и аланы в крупный племенной союз в Паннонии. Франки, хранившие на тот момент верность Западной империи, ревниво отнеслись к появлению нового конкурента, который в 401 г. напал и ограбил Рецию. В 405 г. вандалы заняли междуречье Рейна и Неккара, воспользовавшись тем, что для обороны Италии от готов Алариха значительная часть римских войск была снята с рейнской границы. В 406 г. вандалы, аланы и свевы прорвали рейнский лимес. Франки старались активно этому помешать, напали на вандалов и нанесли им тяжелые потери (в битве пал конунг вандалов Годегизель), но предотвратить прорыв этого союза в Галлию не смогли. Уход вандалов, аланов, свевов в Галлию и, в 409 г., далее — в Испанию произвел большие геополитические изменения: освободившиеся пространства в Паннонии были захвачены гуннами; франки обосновались в долине Мозеля; бургунды заняли Майнц и прилегающую долину Рейна; аламанны оккупировали провинцию Реция II и продвинулись до Иллера; из Британии в Галлию в 407 г. переправился узурпатор Константин III, провозгласивший себя императором в Арле в 409 г.

В прирейнской Галлии разразился политический кризис, в который были втянуты основные федераты. Константин III перезаключил с франками, бургундами, аламаннами федератские договоры в 407 и 411 гг. на выгодных для них условиях (признавалось право германцев на занятые ими земли). После пленения имперскими войсками Константина III бургунды, аланы, аламанны поддержали узурпацию знатного римлянина Иовина, т. е. создали «своего» императора. Германцы сделались распорядителями западноримской императорской власти, но пока на периферии империи. После захвата и казни Иовина законный западноримский император Гонорий поспешил расколоть коалицию его варварских союзников путем дальнейших уступок. Бургунды были признаны федератами и получили земли вокруг Вормса и Майнца; с франками и аламаннами договоры не перезаключались. В качестве мести за гибель Иовина в 413 г. франки захватили и сожгли Трир. В своих интересах франки использовали узурпацию Иоанна в Италии (423–425): они заняли земли вокруг Кёльна и Ксантена. Под 427 г. упомянут Хлодион, один из родоначальников Меровингов, правящий в кастелле Диопарг (Юго-Западная Бельгия) в области торингов (будущих тюрингов).

Самовластие германцев в Галлии было приостановлено появлением там в начале 30-х гг. V в. Аэция, последнего крупного полководца Западной Римской империи («последний римлянин», как назовет его позднеримская, византийская и варварская историография). Аэций, проведший юность заложником у вестготов Алариха и гуннов, приобрел у них навыки ведения боевых действий, свойственные этим этносам, и впоследствие активно применял их в сражениях с германцами. Кроме того, он установил прочные контакты с верхушкой гуннов, что давало ему возможность активно использовать их отряды в политической борьбе в Италии и в войнах в Галлии. В 430 г. он отбил набег ютунгов на Рецию. В 431 г. Аэций разбил франков, вторгшихся из-за Рейна, и поселил их остатки в качестве дедитициев на рейнском левобережье.

Политика расселения германцев на имперских землях, проводимая Аэцием, предусматривала превращение их во внутренних федератов. Это была политика признания невозможности для империи длительного противодействия германскому натиску из-за Рейна без союзников; необходимо было поступиться частью территории для создания нового буферного пояса из германцев против других германцев. Салических франков, перешедших Рейн из бассейна Мааса, он поместил в низовьях рейнского левобережья в 436 г. в качестве федератов с обязанностью защищать провинцию Германия II. Бургунды, стремясь расширить свои территории, вышли из обусловленных договором 409 г. пределов. В 443 г. они были разбиты Аэцием, причем в сражении погиб их конунг Гундахар. Эти события впоследствии стали одной из сюжетных линий знаменитой «Песни о Нибелунгах». Остаткам бургундов было приказано поселиться в местностях вокруг Женевы для сдерживания аламаннов, которые могли отсюда угрожать еще свободным от германцев провинциям.

Разгромленным в 445 г. салическим франкам Аэций позволил поселиться в Северной Галлии вокруг Турнэ, что способствовало обособлению этой франкской группы от других. Именно из этой местности начнется стремительный подъем будущего раннесредневекового Меровингского государства. В середине V в. галльские позднеантичные источники называют четыре франкских анклава: салии вокруг Турнэ, рейнские рипуарии в районе Кёльна, две части племенного союза бруктеров на правом берегу среднего Рейна.

В 451 г. гунны под предводительством Аттилы предприняли большой поход на Западную Римскую империю. Перспектива оказаться под гуннским господством в равной степени возникла и перед западногерманскими племенами, и перед федератами. Аэций сумел создать

значительную коалицию из римлян, вестготов Тулузского варварского королевства, бургундов, гепидов, ругиев, скиров, герулов, тюрингов, франков и аламаннов. Объединенные войска на Каталаунских полях, западнее современного Труа, ценой больших потерь одержали победу в «битве народов» (первая половина июня 451 г.) над гуннами. В сражении пал неизвестный по имени конунг франков. Аэций обеспечил переход власти его сыну. На короткое время на рейнской границе воцарился мир, но в 454 г. Аэций был предательски убит. После гибели «последнего римлянина» в империи разразился не просто тяжелый кризис — началась ее агония.

Созданная и поддерживаемая Аэцием система взаимного сдерживания внутренних федератов рухнула. Все расселенные в Галлии федераты стремились быстро расширить свои владения. Вестготы претендовали на земли севернее Луары; среднерейнские франки в 456 г. захватили Майнц, а в 459 г. — Кёльн, Камбрэ и Аррас; аламанны начали крупное наступление на Верхнем Рейне. В 463 г. свев Рицимер, высший главнокомандующий в римской армейской иерархии, сверг императора Майориана и лишил должности магистра войск в Галлиях Эгидия в пользу бургундского конунга Гондиоха, который вместе с вестготами готовился нанести удар к северу от Луары. При обороне Северной Галлии войска Эгидия и салических франков конунга Хильдериха соединенными усилиями отбили наступление готов и саксов. В 469 г. эти события практически полностью повторились, только во главе римлян находился сын Эгидия, юный Сиагрий. Около 479 г. франки окончательно завоевали Трир и долину Мозеля. Область расселения среднерейнских франков от Кёльна до Трира и на восток до Майнца, Туля и Маастрихта в современных источниках названа *Francia rinensis* (Прибрежная Франция).

Стремительное «растаскивание» германцами Галлии отразило невозможность западноримской императорской власти что-либо противопоставить им после гибели Аэция. В 476 г. один из командиров германских наемников скир Одоакр сверг малолетнего Ромула Августула — последнего западноримского императора. Это событие считается официальной датой падения Западной Римской империи. Германцы внесли в этот долгий процесс свой вклад, однако, по оценкам современной историографии, вряд ли он был решающим. Падение Западной Римской империи, в свою очередь, лишь подстегнуло бурные этнические и политические процессы в германском мире.

ГЛАВА II

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ГЕРМАНИЯ (V–XI вв.)

Низложение последнего западноримского императора в 476 г. и перенос императорской власти в Константинополь фактически сделало всех германцев в Галлии, Реции, Норике свободными от федератского статуса. Константинополь с трудом выдерживал присутствие остготов на Балканах, не имея возможности влиять на ситуацию в Галлии. В 488 г. остготы во главе с конунгом Теодорихом Амалом по договору с императором Зеноном отправились завоевывать Италию, что им окончательно удалось сделать в 493 г. Остготы — восточногерманский союз племен — как и вестготы Аларика, не связали свою судьбу с Германией, основав в Италии недолговечное варварское королевство, уничтоженное к 552 г. византийцами.

Эти события в учебной литературе традиционно считаются окончанием античной и началом средневековой истории в странах Западной и Южной Европы. Однако среди медиевистов вопрос о начале Средневековья в Центральной и Северной Европе является остродискуссионным. Давние споры германистов и романистов, переросшие в концепции континуитета (А. Допш и др.) и дисконтинуитета (марксистская историография), сменились на теории «смены эпох», переходного периода от античной социальной системы к феодальной.

Понимание Средневековья настолько многогранно, что приводит современных медиевистов к следующим тезисам: вряд ли можно однозначно ответить на вопрос, что можно считать «типично средневековым» (Ю. Ханниг); при интерпретации Средневековья в хронологической плоскости как временного пространства с определенными (чаще всего, условными) историческими датами возникает вопрос: «Является ли Средневековым то, что (постепенно) началось около 500 г.» (Х.-В. Гетц). Давно подмечен факт неравномерности развития отдельных регионов Западной Европы после падения Западной Римской империи. Концепции синтеза в период генезиса феодализма (советская историография) и «текучих границ эпох» предлагают для

каждого региона Европы различную хронологию начала Средневековья. Понятия эпох и их границ являются продуктами современных конструкций и интерпретаций, что далеко не всегда совпадает с хронологическим мироощущением людей Средневековья. Если гуманисты, например, стремились дистанцироваться от средневековой эпохи, то основатели германских королевств вряд ли противопоставляли себя римской античности. Наоборот, Римская империя на протяжении всего Средневековья оставалась идеалом, а попытки ее воссоздания предпринимались неоднократно. Поэтому события 476 г. (падение Западной Римской империи) далеко не всеми современниками осознавалось как начало чего-то нового.

Принятая в отечественной медиевистике общая периодизация раннего Средневековья (476 г. — середина XI в.) ориентирована на историю Франции, признанной в качестве классической страны средневекового мира. В основе лежит критерий перехода от позднеантичной и варварской социальных систем к развитому феодализму. Соответственно вычленяются переходная эпоха от античности к феодализму (476 г. — середина VIII в.) и период раннего феодализма (середина VIII — середина XI в.). Эта схема получила распространение и в современной западноевропейской историографии. По мнению французского медиевиста Ж. Дюби, к 1050 г. феодализм как система, во Франции сложился окончательно.

Для истории Германии «французская» периодизация явно не подходит. Античная цивилизация территориально практически не распространялась на зарейнскую Германию, генезис феодализма протекал там по другой модели, для которой синтез романских и варварских элементов если и был характерен, то в минимальной степени. Фактически главным критерием для включения истории Германии в общепринятую периодизацию раннего Средневековья с ее условным началом (конец V в.) может служить лишь начавшееся с 497 г. политическое господство Меровингов над землями от Рейна до верховьев Везера. Франки в Галлии сами вступили в процесс «синтезной» феодализации, перенося в зарейнскую Германию еще «сырые», главным образом политические и религиозные институты новой цивилизации.

При слабых Меровингских королях многое в жизни зарейнских германцев возвращалось фактически на исходные позиции. В Северной Германии франкские, уже «синтезированные» институты были навязаны Каролингами обществам саксонских вождеств силой и силой же поддерживались. Следовательно, начало раннего Средневековья в Южной и Северной Германии по своему цивилизационному содержа-

нию не совпадало. Замедленные темпы феодализации Германии, даже после завоевания Саксонии вплоть до нижней Эльбы Карлом Великим к 804 г., не повлекли за собой решительного аграрно-социального переворота, синхронного с французским. Поэтому основные «внутренние» вехи развития раннесредневековой Германии по преимуществу связаны с историей ее государственности: образование де-юре независимого восточно-франкского каролингского королевства вследствие Верденского раздела империи Карла Великого в 843 г. и 919 г. — начало правления Саксонской династии. Завершение раннего Средневековья в Германии трудно увязать с какой-либо определенной датой. Очевидно, это был процесс перехода к новому типу государственности, ускоренно протекавший в период «борьбы за инвеституру», формально завершившийся Вормским конкордатом в 1122 г.

В социальном отношении история раннесредневековой Германии — это время постепенного перехода «дофеодальных» обществ (А. И. Неусыхин, М. Я. Сюзюмов) к обществам с утвердившимися феодальными структурами. Генезис феодализма в Германии имел свои яркие особенности. Исследователи в первую очередь отмечают неравномерность процесса феодализации в различных регионах. В прирейнской Германии, где процессы романо-германского синтеза начались еще в позднеантичный период, а условия для возникновения феодальной социальной системы сложились уже в VII–VIII вв., феодализация проходила довольно интенсивно и завершилась синхронно с аналогичным процессом во Франции. В то же время в северо-восточных германских землях формирование феодальных отношений происходило медленно и к тому же зачастую имело обратимый характер. Так, в Саксонии феодализация стимулировалась сильной королевской властью Каролингов, а позже — Оттонов. Но ослабление верховной власти и сохранение племенной обособленности вело к циклическим процессам возрождения дофеодальных институтов. В целом политика королевской власти наряду с развитием церковных структур была одним из главных факторов генезиса феодализма в Германии.

1. Германские земли в меровингский период

Этнополитические процессы в V–VII вв.

История раннесредневековой Германии неразрывно связана с историей Меровингского королевства не только потому, что

в его состав веками входили значительные германские земли. Меровингская эпоха — это процесс трансформации римского мира и его наследия, симбиоза позднеантичных и варварских элементов, результаты которого переносились и на территорию Германии; эпоха, удачно названная П. Гири «до Франции и Германии». Возникновение и территориальный рост Меровингского королевства первоначально связаны с Галлией и определенное время не оказывали влияния на бурные этнические процессы у «несалических» германских племен.

Длительные процессы миграций и своего рода «выселения» крупных германских этнических анклавов с территорий зарейнской Германии создало определенный вакуум, который заполнялся новыми пришельцами, в том числе со старыми этнонимами. Сообщения источников, ввиду того что новый франкский этногенез территориально связывался с Галлией, после 476 г. все меньше касаются праворейнских земель, которые быстро превращаются в периферию теперь уже меровингского мира. Даже в VIII в. в источниках встречаются этнонимы раннеимператорского времени: хамавы, ангриварии, бруктеры, хатты. Ввиду практического неиспользования германской письменности (имеется в виду готский алфавит Ульфилы) нарративной и правовой традицией, мы вновь сталкиваемся с описанием реалий варварского мира позднеантичной терминологией. По ее данным очевидно, что после Хлодвига меровингские короли уделяли пристальное внимание своим старым конкурентам, стараясь не дать возможности самостоятельного политического развития прежде всего аламаннам, баварам, тюрингам, саксам. Падение империи и свертывание прежних, античных форм жизни разрушали некогда созданные системы связи и обмена. Если археологически еще в III–IV вв. прослеживаются погребения германцев, возвращавшихся с римской службы на родину (например, Хасслебен-Лейна-группа), то для V–VI вв. все труднее установить статусную и этническую принадлежность таких вернувшихся германцев, число которых сильно уменьшилось.

Для этого времени характерны несколько ярко выраженных этномиграционых процессов. Первый — переселение части саксов, англов, фризов, ютов на Британские острова по призыву романо-бриттов для борьбы против пиктов и скоттов. Пришельцы должны были стать лишь федератами, однако остались в качестве завоевателей и основали там свои региональные варварские королевства, уже не вернувшись в Германию. Церковный историк VIII в., Беда Достопочтенный, пишет, что бриты называли своих «защитников» *Garmani*.

Обозначение «англосаксы» возникло только в каролингскую эпоху на континенте.

Оставшиеся на континенте саксы, заняв опустевшие территории по Средней Эльбе, оказались в приграничной зоне меровингской экспансии. В начале VI в. франки принудили их выплачивать ежегодную дань в 500 коров. В 568 г. значительный сакский контингент двинулся вместе с лангобардским королем Альбоином на завоевание Италии, но из-за межплеменных противоречий, спустя несколько лет, саксы вернулись на родину. В 631 г. франки потерпели поражение от славянского «княжества» (вероятно, вождества) Само, вследствие чего сняли с саксов прежние даннические обязательства. Беда Достопочтенный ок. 730 г., под влиянием ветхозаветной литературной традиции, сообщает, что у континентальных саксов не было единого короля, но управлялись они мелкими «сатрапами» и только в случае войны по жребию выбирали одного дукса. «Житие св. Лебуина» (ок. 850 г.) сообщает о ежегодных собраниях саксов. Совместное союзное войско состояло из ангвариев, остфалов и вестфалов. Согласно Видукинду Корвейскому (ок. 950 г.), при покорении Саксонии Карлу Великому противостояли многочисленные племена с собственными этнонимами (нордлиуди, бардонгавенсы, трансальбиани, вигмоды и т. д.) и вождями. Можно предполагать, что саксонская идентичность сильно укрепилась именно в ходе конфронтации с каролингским государством ок. 800 г.

Около 500 г. в бассейне Унструта-Заале, с центрами вокруг современных Веймара и Эрфурта, сложилось вождество (раннегосударственное образование?) тюрингов, упомянутых впервые еще ок. 400 г. Данные археологии свидетельствуют о прочности их расселения. Примерно в 500 г. при конунге Бизине и его наследнике Герминафриде тюрингам удалось приобрести серьезное влияние в регионе, что подтверждается многочисленными династическими браками с франкскими, остготскими и лангобардскими королями. Наследники Хлодвига сочли такое усиление тюрингов на границах с Аламаннией опасным и в 531–534 гг., после сражения на Унструте, уничтожили опасную для них тюрингскую независимость, включив Тюрингию в собственное королевство. Но после неудачной для франков войны со славянским вождеством Само 631–632 гг. тюринги вернули себе независимость надолго. Публично-правовое положение их вождей, начиная с Радульфа, не совсем ясно.

Появление славян в Восточной Германии было обусловлено миграциями вандалов, готов, гепидов и других народов на юг. Славяне

заняли территории к северу от Карпат и нижнего Дуная до Богемии и Моравии, и с VII в. стали соседями по Эльбе саксов и тюрингов. Оставшиеся на освоенных славянами территориях германские группы были, судя по данным археологии, славянизированы.

Наиболее нестабильной в конце V — VI в. была ситуация на Среднем и Верхнем Дунае. Около 400 г. в последний раз упомянуты маркоманны. От аламаннского союза отпали отдельные племена свевов. Часть из них ушла в Испанию, где они создали свое варварское королевство. Другая их часть, оставшаяся на Среднем Дунае, подпала под владычество гуннов, от которого освободилась только в 454 г., восстановив независимость наряду с ругиями и скирами. Их самостоятельность была ликвидирована остготами Теодориха; остатки этих племен Амал увлек за собой в Италию. В течение полувека шли нескончаемые конфликты между герулами, гепидами, лангобардами. Последние, выйдя победителями, принудили своих противников в 568 г. к совместному походу в Италию. Земли от Карпатского бассейна до Верхнего Дуная немедленно были заняты аварами, под чьим контролем на запад мигрировали и славяне.

Один из сложнейших этногенетических процессов шел в VI в. в местностях между Лехом и Инном, он привел к появлению этнонима *Baiobari, Baioari, Bajuwarii* — баварцы. Одна из наиболее вероятных этимологий — «люди из Байо (Богемии)». Археологам удалось найти убедительные связи между племенными группами, проживавшими по обеим сторонам Богемского леса и в местностях современной Баварии. В баварском этногенезе приняли участие остатки свевско-маркоманнских, лангобардских групп, а также провинциальное римско-варварское федератское население Реции. Франкское и остготское королевства высоко оценивали положение Реции как «коридора» для проникновения в Италию. Поэтому новому полиэтническому, во многом искусственному образованию оказывали дипломатическую, материальную и военную поддержку. После разгрома аламаннов у Цюльпиха в 496 г. Хлодвигом и включения их земель во франкское королевство путем длительных переговоров была установлена граница между Аламаннией и баварцами по р. Лех.

В 506–507 г. Теодорих Великий написал Хлодвигу, что дальнейшее уничтожение бунтующих аламаннов бессмысленно и что он, Теодорих, берет часть аламаннов под свою защиту. С этого момента начинается усиленная помощь остготов «людям из Богемии» с целью превращения последних в защитный буфер между Альпами и Дунаем. В 537 г. ввиду трудностей в войне с византийцами остготский

король Витигес передал протекторат «над всеми аламаннами и соседними племенами» франкскому королю Теудеберту I. На территории объединенной Аламаннии франки создали аламаннский дукат (приграничный округ); сам этноним «баварцы» долго не появлялся во франкских источниках. Главой дуката (в немецкой историографии часто его называют герцогство) был поставлен дукс (герцог) Гарибальд, в жены которому дали лангобардскую принцессу Вальдераду. Таким образом, вопрос о происхождении баваров, равно как и ранняя история Аламаннии (в том числе баварской ее части), — проблема достаточно сложная и на сегодняшний день вряд ли удовлетворительно разрешимая.

Этнические и политические процессы у племен, переселившихся на территории бывшей Римской империи, протекали в рамках «трансформации римского мира». Зарейнская Германия в результате значительных переселений и меровингских, и каролингских завоеваний распалась на франкскую и славянскую части. Франки до конца каролингской эпохи не позволяли «несалическим» племенам проявлять самостоятельность, поэтому вплоть до середины IX столетия в западной части Германии этнические отношения почти повсеместно законсервировались. В старом, античном смысле все они (аламанны/швабы, баварцы, саксы, тюринги) были известны средневековым ученым как «германцы», поскольку до начала X в. они находились под франкским (затем восточнофранкским) господством. Поэтому для длительного процесса формирования немецкой нации все их политические действия в рамках Меровингской и Каролингской (претендовавшей на возрождение Римской империи) держав не имели сколько-нибудь существенного значения.

Формирование Меровингского королевства

История Меровингского государства началась в 482 г. с наследования ***Хлодвигом*** (ок. 466 — 511) власти своего отца Хильперика над салическими франками вокруг Турнэ и — формально — федератских обязанностей обороны провинции Белгика II. В 486 г. Хлодвиг неожиданно вторгся во владения Сиагрия, завоевание которых резко расширило границы салической *Francia* до Луары. Ближайшими соседями франков стали вестготы и аламанны. В отношениях с покоренным галло-римским населением Хлодвиг следовал политике своего отца Хильперика, при котором католический клир получил гарантии личной и имущественной безопасности. По сложившейся еще в императорский период практике епископские

кафедры в Галлии занимали представители знатных галло-римских фамилий. Поэтому курс салического военного нобилитета на сближение с хорошо организованной политической верхушкой завоеванного населения был дальновидным.

После взятия и разграбления Суассона, согласно рассказу Григория Турского (VI в.), епископ покоренного города обратился к Хлодвигу с просьбой вернуть ему из добычи особо ценную чашу, украденную из собора. Король согласился и на собрании дружины обратился к ней с просьбой уступить эту чашу ему. Один франкский воин в обидных выражениях указал Хлодвигу на недопустимость нарушения давних обычаев и разрубил чашу. Хлодвиг скрыл гнев, а через год на воинском смотре (ежегодный обычай, называвшийся «мартовские поля») убил этого воина, заявив, что его оружие было не в порядке. Григорий Турский приводит и другой рассказ. В 507 г. в походе на вестготов Хлодвиг приказал в местностях, связанных с церковной деятельностью Мартина Турского, не брать ничего, кроме травы. Один воин в крестьянском сарае нашел сено и, рассуждая, что это — та же трава, взял его для своей лошади. Узнав об этом, Хлодвиг лично рассек его мечом.

Характер власти Хлодвига в конце V в., несомненно, был переходным: в ней еще много было от власти «военного короля», ограниченного в ряде вопросов и собранием знати, и военным собранием всех свободных франков. Повышение авторитета королевской власти достигалось различными путями. Во-первых, Хлодвиг объявил себя собственником императорских доменов в захваченном государстве Сиагрия; во-вторых, именно от лица короля земли получали и простые франки, и знать; в-третьих, Хлодвиг участвует в характерной для того периода династийной политике варварских королей. Так, в 493 г. он выдал замуж свою сестру Аудофледу за короля отсготов Теодориха. Сам Хлодвиг в то же время женился на Хротхильде, дочери одного из бургундских конунгов. В-четвертых, это, конечно, были военные успехи, приводившие к новым территориальным приобретениям. Хлодвиг также неукоснительно придерживался привилегии своего рода: носил длинные волосы — отличительный признак верховного германского бога Одина (Вотана). Все остальные франки стриглись коротко.

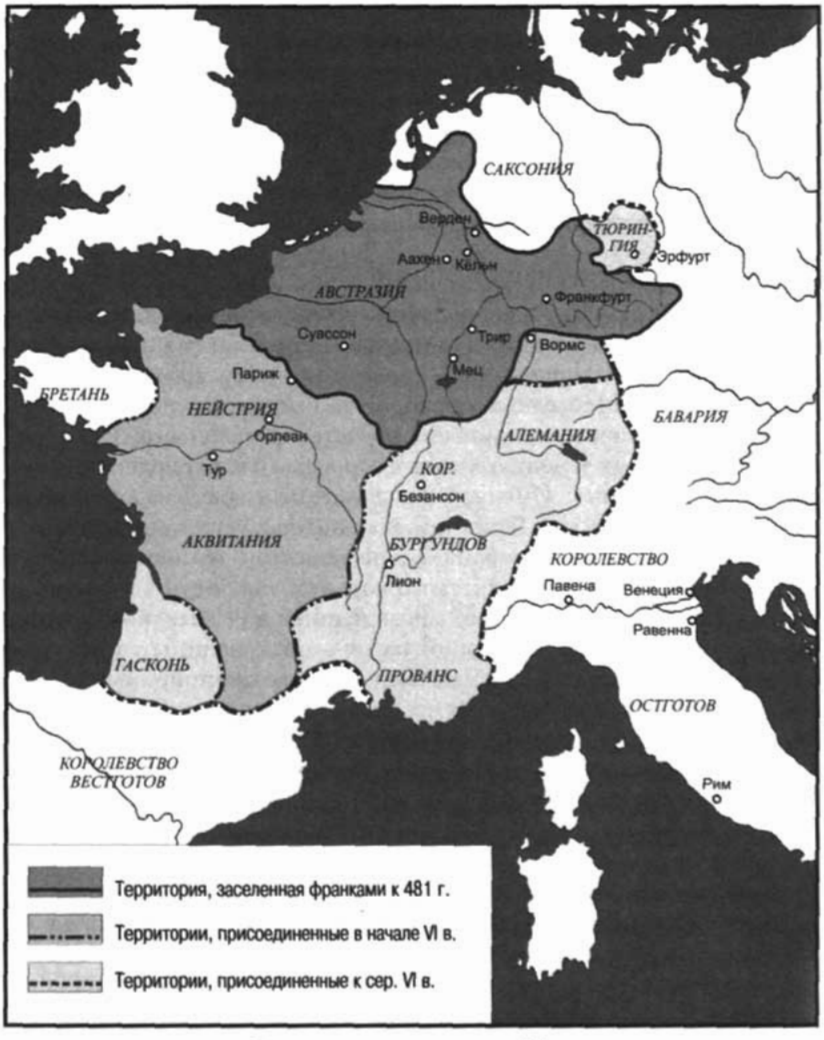
В 491–492 гг. салические франки покорили леворейнских тюрингов и аннексировали их земли. В 496 г. Хлодвиг начал войну с аламаннами и победил их в сражении у Цюльпиха (совр. округ Эйскирхен). В битве участвовали среднерейнские франки, призвавшие салиев на

помощь против аламаннов. Аламанны, чей неназванный в источниках конунг погиб, были вынуждены признать власть Хлодвига над собой. В 496 или 497/498 г. Хлодвиг и его дружина в 3 тыс. человек приняли католицизм, чем король обрел политическую поддержку галло-римского епископата и сочувственное отношение его новых романских подданных. Епископ Вьенны Авит в ответ на письмо Хлодвига, в котором тот оповещал о своем крещении, подчеркнул: «Ваша вера есть наша победа».

В течение 498–508 гг. франками было уничтожено вестготское Тулузское королевство. В 508 г. в Тур к Хлодвигу прибыло византийское посольство, через которое император Анастасий даровал франкскому королю почетный консулат и знаки королевского достоинства: хламиду, пурпурную тунику и диадему, т. е. отличия, которыми был наделен и Теодорих Великий, король остготов. Этим актом все деяния и завоевания Хлодвига легализировались, поскольку формально Галлия продолжала оставаться частью империи. Моральный и политический авторитет Хлодвига в глазах галло-римского населения вырос необычайно: оно получило законного правителя-католика. Вернувшись на север, Хлодвиг перенес свою резиденцию из Суассона в Лютецию (Париж).

Дальнейшее укрепление власти Хлодвига было связано с устранением других франкских конунгов. В силу германских традиций королевский статус приобретали все мужские представители правящей династии. К тому же конкурентами Хлодвига выступали конунги других ветвей франкского этноса. Необходимо отметить, что традиция наделения всех Меровингов, по крайней мере принадлежавших к одному поколению, королевским статусом сохранялась довольно долго и исчезла только в эпоху «ленивых королей». В VI — начале VII в., при отсутствии четкой процедуры перехода власти от одного лица к другому, каждый из Меровингов осознавал себя как носитель верховной политической (королевской) власти. Это порождало постоянные конфликты между Меровингами и разделы территории государства.

В 509 г. Хлодвиг подбил Хлодериха, сына рипуарского конунга Сигиберта, убить своего отца, для того чтобы потом дискредитировать отцеубийцу и захватить земли среднерейнских франков. Устранив хитростью своих рипуарских родственников, Хлодвиг в Кёльне по германскому обычаю (поднятием на щите) был провозглашен королем. Год спустя такими же методами Хлодвиг ликвидировал Хараириха и Рагнахара, владения которых, лежащие вокруг Камбрэ, были присо-



Франкское государство в VI в.

единены к Меровингскому королевству. Последней жертвой его интриг стал Ригномер, убитый по его приказу в Ле-Мане. К 511 г. все рейнское левобережье стало меровингским. В июле 511 г. Хлодвиг собрал синод в Орлеане, на котором была конституирована меровингская «государ-

ственная» церковь; в ноябре того же года Хлодвиг скончался. Созданное им королевство при политическом доминировании германского элемента во многом покоилось на позднеантичном наследии, которое заставляло завоевателей использовать его институты на практике, если они не входили в прямое противоречие с существующими франкскими традициями. Именно в этом случае происходила корректировка, взаимопроникновение и синтез отдельных, отвечающих потребностям эпохи частей позднеримских и германских институтов.

Меровингская Германия

После смерти Хлодвига четверо его сыновей разделили королевство на четыре части. Для истории Германии важным фактом является то, что старшему из Меровингов — Теудериху достались земли по Рейну и Мозелю, территории за Рейном (точно установить на 511 г. их восточные границы не представляется возможным), область по верхнему течению Мааса с городами Туль, Верден, а также Базель, Шалон, Реймс. Именно в результате этого раздела начинается история Меровингской Германии. Нас интересует именно история Австразии («Восточная страна»), а не Нейстрии («Новая Западная страна»). Эта часть Меровингского королевства получила название Австразии (Восточная страна) с резиденцией в Реймсе, позже в Мецe. Хотя впервые жители этой области — австразийцы упомянуты Григорием Турским под 584 г., несомненно, что сам топоним существовал и ранее. Однако основная часть старых франкских владений на севере с городами Турнэ, Булонь, Аррас, Камбрэ, Лан, Суассон достались младшему сыну Хлодвига — Хлотарю I («малая Австразия»). Несмотря на реально существующие уделы, королевство считалось единым — *regnum Francorum*. В Аквитании каждый из наследников Хлодвига имел свою долю. По общему закону удел умершего правителя частями передавался живым.

Наследники Хлодвига продолжили завоевания на востоке и на юге. Во второй четверти VI в. объектом подчинения становится формирующееся королевство тюрингов. Теудерих заключил союз с саксами и со своим братом Хлотарем, и в 534 г. с независимостью тюрингов после битвы при Унструте было покончено. Границы Австразии отодвинулись далеко на восток.

В 533 г., после смерти Теудериха, братья решили разделить между собой его удел, лишив наследства его сына Теудеберта. Дружина Теудериха поддержала права на наследство Теудеберта; кроме того, ему была передана доля при дележе бургундской добычи. В 537 г. остгот-

ский король Витигес, надеясь на союз с франками против византийцев, передал им Прованс и Южную Рецию, которая досталась Теудеберту. Отныне вся Аламанния оказалась во франкских руках. В 539 г. Теудеберту удалось распространить свою власть на восточную альпийскую область, где вокруг Безансона был создан транснюранский дукат, в котором проживало смешанное франкско-аламаннско-римское население в местностях бывших *civitates* Страсбург и Базель, названное в источниках *Alesaciones, Alesacii, Alesacia* (будущий Эльзас). С разрешения австразийского короля Теудебальда аламаннские герцоги Леутарий и Бутилин в 553–554 гг. вторглись с целью грабежа в Италию, не поддерживая ни византийцев, ни гибнущих остготов. Специалисты по истории Аламаннии (Швабии) считают, что франки в отношении аламаннских герцогов стремились не допускать их объединения под единым региональным руководством. Каждый из известных нам герцогов VI в. управлял небольшим округом. Однако в результате многочисленных разделов Меровингского королевства и перехода аламаннских земель от Австразии к Бургундии либо в ходе войн австразийских королей против славян (например, в войне короля Дагоберта I против Само в 631–632 гг. аламаннским войском командовал один герцог — Кродоберт) периодически создавалась должность единого аламаннского герцога *(dux Alamannorum)*, которая превратилась во второй половине VII в. в постоянную. При ослаблении власти меровингских королей в ходе междоусобиц конца VI — начала VII в. франки признали статус герцогства (дуката) также и за Баварией.

Считать Австразию отсталой окраиной королевства, по сравнению с Нейстрией, было бы неверно. При разделе 511 г. в состав Австразии вошли зарейнские земли, Трир, Кёльн, Базель, Реймс, Шалон. Австразийский двор являлся одним из центров романской культуры и образованности; из аквитанской части Австразии, как и из прочих регионов Галлии, туда прибывали образованные люди (например, Венанций Фортунат, крупнейший поэт второй половины VI в.). Там быстро перенимали методы государственного управления по позднеримскому образцу, вплоть до введения для части франкских общин римской налоговой системы, действовавшей в Аквитании. Именно в Австразии строились планы завоеваний имперского масштаба.

С начала VI в. франки начали чеканить золотую монету по римскому образцу; чуть позже — медную и серебряную. Начиная с 539 г. Теудеберт Австразийский первым из германских королей стал чеканить золотую монету с собственным изображением, что было

прерогативой восточноримского императора. Надпись на монетах, несомненно, является политическим стилем *Imitatio Caesaris* (подражание цезарю, т. е. императору): *d(ominus) n(oster) Teudebertus victor* («господин наш Теудеберт-победитель»). В одном из писем византийскому императору Юстиниану Великому Теудеберт перечисляет свои праворейнские владения: от Дуная и границ Паннонии до Северного моря, в которые входят земли тюрингов, северных швабов, вестготов, саксов и ютов. Все они признают его «величие», присущее только императорской власти. Однако самого Юстиниана Теудеберт называет *pater* («отец»). Все это отражает быстрый рост политического самосознания австразийского короля. Под влиянием римской культуры слияние романской и германской знати в Австразии проходило достаточно интенсивно.

Австразия была наиболее германизированной частью королевства Меровингов. Специалисты оценивают общее количество франков в королевстве от 150 до 200 тыс., галло-римлян — от 6 до 7 млн. Севернее Луары проживало примерно 2 % франков от всей массы населения Галлии; на юге их число было крайне незначительно, поэтому их романизация прошла довольно быстро. В Северной Галлии и особенно в Австразии германцы в течение многих поколений сохраняли свою этническую обособленность и идентичность. Там преобладали германские имена, а рожденный в этом регионе редко обозначался как римлянин. К северу от Луары от римской идентичности остался романский диалект населения, который, однако, успешно ассимилировал германские наречия. Происходит процесс установления границ языков. В VIII веке в Нейстрии и малой Австразии население упорно называло себя *Franci*, вплоть до того, что в том же VIII в. родилась и глубоко укоренилась легенда о том, что после победы Хлодвига римляне были вырезаны. Во внутренней Австразии, ближе к Рейну, в долине Мозеля и за Рейном продолжали существовать и развиваться германские диалекты и обычаи. Существовали и контактные языковые зоны (например, Эльзас, Аламанния), население которых владело либо обоими наречиями, либо там вырабатывался смешанный диалект.

Первые поколения германских завоевателей, прочно осевших на землях леворейнской Галлии, основывали поселения привычного для них типа. Германские села состояли из небольших деревянных домов без фундаментов, не более 20 м² площадью. Ввиду сильного упадка городов в Северо-Восточной Галлии материалы для постройки своих деревень германцы брали непосредственно оттуда. Археологи

отмечают, что вокруг Трира в 450–525 гг. возникло двадцать таких поселений, максимальное количество домов в которых колеблется на уровне 25–30, число жителей в таких селах оценивается в 200–300 человек. Существовали и маленькие деревушки с количеством домов не более 12. Между 525 и 600 гг. их число достигло 28; в 600–700 гг. добавились еще 26. Вокруг Кёльна рост сел шел сходным образом: 28 — около 600 г. и 66 — в начале VII в. Меровингская деревня в Австразии мало изменила свой облик до начала крупных изменений каролингской эпохи. В меровингском селе сосредотачивалась хозяйственная, религиозная и общественная жизнь франкского и другого варварского населения. В центре села в языческую эпоху располагалось культовое место, в христианскую — капелла или часовня. Поверхностный характер христианизации варварских низов при Меровингах приводил к почитанию местных святых, считавшихся защитниками деревень. Связующим звеном между живыми и мертвыми было местное кладбище. Село на уровне семей организовывало общественную и политическую жизнь; оно было первой юридической инстанцией, в которой конфликты между свободными чаще разрешались домовладыками или знатоками обычаев. В запутанных случаях прибегали к помощи франкских комитов или римских судей. Конституированное подобным образом село было важнейшей единицей налоговой и воинской разверстки как в римское, так и, позднее, во франкское время.

В хозяйственном отношении меровингская деревня регионально варьировалась. Франки Австразии занимались выращиванием зерна, унаследованным от романского населения. Однако долгое время германцы отдавали предпочтение ячменю и полбе, так как они имели более долгий срок хранения и, кроме того, служили сырьем для пива. Несмотря на то что леворейнская Галлия была областью высокоразвитого виноградарства, франки не употребляли вино до христианизации; только через литургию германские низы постепенно вводят вино в свой рацион. До этого вино было напитком франкской элиты. До начала VII в. у салиев была все еще распространена деревянная соха, соседствующая с плугом, не переворачивающим пласты земли. Железных орудий труда было очень мало. Открытие месторождения железных руд считалось чудом, совершенным местным святым. Особо ценились те железные инструменты, с помощью которых изготовляли деревянные орудия труда. Усовершенствование плужного инвентаря повлекло за собой рост земледелия, а медленное развитие прекарных отношений заставило по формулярным обязательствам

возделывать рожь и пшеницу. Демографический подъем начала VII в. вызвал процесс корчевания лесов под пашни и переход к технологии трехполья. Однако это касалось только прирейнских земель.

В раннемеровингское время, как и при Таците, ведущей отраслью было животноводство. Доля домашних животных (особенно свиней), по данным археологии, многократно (до 30 раз) превышала в рационе франков мясо диких животных. Брошенные бежавшими на юг римлянами виллы с их угодьями послужили германцам для расширения пастбищного животноводства. По данным «Салической правды» (*Lex Salica*), в сельском хозяйстве франков было птицеводство и пчеловодство. О ремесле в меровингской деревне известно немного: это традиционная керамика, изготовление силами семей примитивных изгородей и сох, домашнее ткачество; но практически отсутствуют кузни. Очевидно, в период завоеваний в руки франков попало достаточно много металлического инвентаря из поселений колонов, разграбленных вилл и городов. Мастерские, изготовлявшие при римлянах оружие, продолжали существовать, особенно в землях летов, но в структуру франкских деревень они не входили. Некоторые мастерские перемещались из одной местности в другую, чаще из города в город, производя оружие для франкских воинов. Навыки металлодобычи, однако, в значительной мере оказались утерянными, а сама она осуществлялась по преимуществу открытым способом.

Ремесло, резко сократившись количественно и ухудшившись качественно, все же продолжало существовать в городах. Например, кроме оружейников, в Кёльне продолжали свою деятельность стекольщики и ткачи, чья продукция расходилась до Фрисландии и Скандинавии. Основными товарами на городских рынках были вино, пиво, соль, мясо, масло, зерно, кожи, дичь, рыба, домашние животные. В связи с резким упадком городов и ремесел возрастает роль региональной и межрегиональной торговли. В городах, даже захиревших, действовало немалое число торговцев, снабжавших товарами королей, знать, церковь и зажиточных горожан. Григорий Турский сообщает, что епископ Вердена Дезидерат получил ссуду в 7 тыс. золотых монет от австразийского короля Теудеберта, гарантом которой выступили городские купцы, специализировавшиеся на торговле продовольствием. Историк заметил, что безбедно живут те, «кто занимается торговлей».

Торговые пути в меровингскую эпоху пролегали чаще всего по рекам вследствие разрушения римской дорожной системы. Экспорт предметов роскоши с юга был в руках сирийцев, греков, евреев,

которые в раннемеровингское время обладали немалым весом в обществе. Очень недолго франки Северной Галлии расплачивалась за средиземноморский экспорт награбленным в ходе завоеваний золотом. Кроме великолепного оружия они могли предложить югу строительный лес и рабов. Теоретически работорговля была запрещена, однако франки продавали в качестве рабов язычников-славян. В целом межрегиональный торговый баланс складывался следующим образом: с юга на север шли предметы роскоши, с севера на юг — золото, оружие, рабы. Однако начиная с конца VI в., а особенно в VII и начале VIII вв. источники платежеспособности Австразии иссякли, в связи с чем быстро свертывается межрегиональная торговля, происходит еще больший хозяйственный упадок городов. Из-за резкого сокращения ремесла и торговли сужаются площади городов, которые обносятся укреплениями. Поэтому в публично-правовом отношении стирается разница между *civitas* (город с автономной гражданской общиной), *castrum* (военный лагерь) и *castellum* (небольшая крепость). Натурализация экономики приобретает ярко выраженный характер.

Социальный строй франков представлен не только в знаменитой «Салической правде», указах франкских королей, частно-правовых формулах, но и данными археологии. Уникален некрополь в Лавуа на Маасе, содержащий 362 погребения, из которых 192 датируются VI — серединой VII в. Эти захоронения расположены рядами, ориентированными с севера на юг. В центре некрополя находится могила знатного франка с богатейшим погребальным инвентарем. Близлежащие захоронения (также чрезвычайно богатые всевозможной утварью) принадлежат трем женщинам, очевидно, его женам, что подтверждает практиковавшуюся у франков полигамию. Прочие могилы, более бедные, но группирующиеся вокруг главной, позволяют сделать вывод о том, что это некрополь франкского рода. Для франкской знати в VI в. род и принадлежность к нему всё еще были важными социальными параметрами. У франкских низов главными ценностями их жизни были отдельное домовладение («двор» — *Hof*, «дом» — *Haus*, «пашня» — *Ackerland*) и деревня.

У германцев, как и у римлян, отец был главой семьи с полной властью над всеми домочадцами: женой, детьми и рабами. Хозяйственные функции по дому и двору чаще всего были в руках жены. Чем состоятельнее был мужчина, тем больше была его семья; полигамию долго не могла искоренить даже христианизация. Вплоть до IX в. у франков и других германских народов были разные формы заклю-

чения брака. Чаще всего это была передача приданого и полной власти мужа над женой. Брак сопровождался укреплением союза между двумя семьями. Дети от юридически правильного брака считались законными и главными наследниками. Дети от сожительниц исключались из наследственного права. При домовладении богатых франков, собственников значительных земель и скота, жили многие неимущие родственники, слуги, рабы, дружинники-газинды. Подобная социальная модель семьи вертикально пронизывала все франкское общество. Меровингское королевство было единственным из всех германских государств, в котором не существовало законодательного запрета на смешанные (между варварами и римлянами) браки. Это было прямым следствием принятия христианства в форме католицизма, а не арианства.

В отличие от законов других германских этносов (аламаннов, баваров) в «Салической правде» нигде речь не идет о знати. В ней просто говорится о свободных франках, полусвободных *(liti)*, рабах *(servi)*. Среди галло-римского населения выделялись королевские сотрапезники, посессоры (землевладельцы), трибутарии (основная масса колонов фискальных и частных земель, платящая трибуту — поземельный налог).

Внутри каждой из указанных в источниках групп населения существовали отдельные микрогруппы, отличавшиеся своим социальным положением. Близость к королю или нахождение на королевской службе повышало социальный статус, выражавшийся в более высоком вергельде. Королевская редакция франкского обычного оправа превращала в знать всех причастных к королевской администрации. Служебные обозначения лиц в «Салической правде» немногочисленны: антрустионы, левды, графы, центенарии, вергельд которых втрое превышал вергельд свободного франка-ингенуя, хотя бы такой свободный был гораздо богаче королевского слуги. Политику Хлодвига на сдерживание амбиций родовой знати и создание новой аристократии через государственную службу продолжали многие меровингские короли. Вне официальной терминологии реально существующую знать (как романскую, так и германскую) обозначали позднеримскими понятиями: «мужи сильные», «великие», «знатнейшие», «лучшие» и т. д. Большинство исследователей отмечают факт юридической неконституированности меровингской знати.

Главными критериями свободы большинства свободных франков были обязательная военная служба и участие в местных тингах. Как правило, они были землевладельцами в формирующихся деревен-

ских общественных структурах. Даже попадание в экономическую зависимость не лишало их данного статуса.

Полусвободные литы франкского происхождения с вергельдом вдвое ниже, чем у свободного франка (100 солидов), были колонами-арендаторами крупных землевладельцев; они выплачивали за пользование землей арендную плату. Возможно, литы не имели права уйти с арендованной земли до полного расчета. Но они обладали правом свидетельствовать в судах и служить в войске. Вольноотпущенники переходили в сословие литов; вероятно, к ним же принадлежали и горожане. Если лит становился членом дружины знатного человека, то его называли по-кельтски *vassus* («слуга, вассал») или, как командира подразделения литов, *baro* («наемный солдат, барон»). Литы галло-римского происхождения — трибутарии были носителями худшего статуса. Они платили трибуту и не служили в войске вплоть до позднемеровингского времени.

Низший слой франского общества — рабы были полной собственностью их господ и в хозяйственном отношении они могли использоваться где угодно. Чаще — в ремесле и в качестве прислуги; были, однако, и рабы-пахари. Источниками рабства были завоевания, работорговля, заклад, осуждение по суду. Раб не имел права убежища, права брака, дети рабов становились рабами; хозяин имел право жизни и смерти над рабом, мог его продать, подарить, завещать третьим лицам. В VI в. гуманизация в отношении рабов в меровингском обществе еще не наступила; перед нами типичное античное рабство. В VII–VIII вв. отношение к рабам меняется: под влиянием церкви они получают право вступать в брак, право убежища, немотивированное убийство раба наказывалось двухлетним отлучением от церкви, поощрялся отпуск рабов на волю. Уже «Салическая правда» различает разные категории рабов — частных и королевских; последние были защищены вергельдом. На службе у знатных лиц, тем более на королевской, рабы могли достичь высокого положения. Получив свободу, некоторые из них становились антрустионами. Григорий Турский сообщает, что бывший раб, вольноотпущенник Леудаст, получил даже пост графа. «Салическая правда» прямо называет королевских рабов на должностях сацебаронов с высоким вергельдом в 300 солидов.

Аграрные отношения, представленные в «Салической правде», касаются главным образом рядовых франков. Считается, что правоприменение «Салической правды» относится к землям севернее Луары, а следовательно, и к Австразии. Франкские деревни располагались на королевской земле, возникшей в результате присвоения

Хлодвигом территорий императорского фиска, брошенных вилл бежавших от завоевателей галло-римских посессоров, конфискованных поместий политических противников. Статьи "*Lex Salica*" фиксируют персонализацию владения приусадебными участками и основными пахотными угодьями. Индивидуализация землевладельческих прав выражалась в том, что каждый житель деревни (виллы) индивидуально принимал решение о разрешении пришельцам поселиться на ее территории (в случае несогласия даже одного жителя деревни разрешение не давалось).

По материалам «Салической правды» видно, что участки пашни огорожены изгородями, умышленное или неумышленное повреждение которых влечет за собой штраф. Земельные переделы отсутствуют. С другой стороны, система наследования сохранила квазиколлективный характер: ранний земельный аллод был персональным (частным) земельным владением, но его наследование все еще осуществлялось в рамках большой семьи по мужской линии. Прогрессировавшая во франкском обществе имущественная дифференциация вела к стремлению некоторых франков избавиться от родственной опеки и обязательств, вследствие чего устанавливается законодательная процедура отказа от родства и связанных с ним юридических последствий (участие в выплате вергельда за неимущего сородича, отказ от участия в наследовании). Выморочное имущество такого «отказника» поступало в казну. Хозяйственная индивидуализация отразилась и на пользовании непахотными угодьями. При использовании леса франки делали зарубки на отдельных деревьях, которые тем самым становились их временным (на год) владением. Лишь в случае невостребованности такого помеченного дерева в течение года и более другой франк мог его безнаказанно приватизировать.

В науке дискуссия об общине у германцев далека от своего завершения. Ряд исследователей считает, что община у франков в меровингский период отсутствовала или, во всяком случае, не играла значительную роль в их общественной системе. Другие полагают, что у франков уже оформлялась (и даже оформилась) соседская община (община-марка). Неопределенность понятия «община-марка» связана с отсутствием прямых указаний на нее в «Салической правде» и в других варварских законах, а также довольно неоднозначной трактовкой «марки» разными исследователями.

Под маркой понимается: 1) размеченная (маркированная) местность (местная марка); 2) совместно используемая часть маркированной территории (альменда, общая марка); 3) область, со-

ставляющая правовое и хозяйственное пространство маркового сообщества; 4) область, подконтрольная маркграфу (древневерхненемецкое *marchio, markgreve*), маркграфство (*marchia, marke*).

Время возникновения маркирования точно не известно. В период развитого Средневековья для зарейнской Германии оно многократно засвидетельствовано в источниках. Сельская марка охватывала все хозяйственное и правовое пространство поселения, т. е. дома, дворы с надворными постройками, пахотный фонд, луга и пастбища, дороги и мосты, леса, пустоши, водные ресурсы вплоть до границ марки, которыми служили реки, опушки леса, берега озер. Нарушение границ марки влекло крупные штрафы. В раннесредневековую эпоху этот процесс, скорее всего, находился только в стадии становления. Вероятно, формировались различные формы хозяйственного взаимодействия сельских жителей. Существовали объединения франков для освоения раскорчеванных земель. Соответственно им возникали и разные формы альменды, зависящие от окружающей среды и местных хозяйственных условий. В областях с плодородными почвами и интенсивным зерноводством участие в альменде было менее значимым, нежели в местностях со слабо развитым земледелием. В болотистых низменностях, лесных поселениях правило альменды отсутствовало, каждый двор эксплуатировал окружающую среду в частном порядке. Серьезные ограничения вводились в отношении охоты и рыболовства, особенно если угодья были королевскими или принадлежали крупному землевладельцу. Владельческие права и персональный правовой статус владельца не играли в альменде существенной роли, поскольку права на альменду были неразрывно связаны с домовладением.

От местной (деревенской) альменды следует отличать «большую альменду», в которой участвовали жители многих поселений, чьи собственные пахотные, лесные, водные ресурсы были весьма ограниченны. Пользуясь такими ресурсами, расположенными зачастую далеко от их деревень, сельские жители образовывали марковые сообщества различных форм (пастбищная, долинная, охотничья и т. д.). Этот тип альменды был характерен для Вестфалии, Пфальца, Гессена, Нижней Саксонии, Тюрингии, Швабии и Эльзаса. В меровингский период большая марка-альменда представляла собой действительно коллективную собственность всех домовладельцев на угодья, не связанную с отдельным двором. Переход собственнических прав к отдельным домовладельцам в такой альменде был довольно долгим и оформился уже в эпоху развитого Средневековья.

Все историки права сходятся на том, что после своего издания «Салическая правда» устарела во многих своих казусах и требовала постоянного комментирования в духе юридической техники римского преторского эдикта. В правление ***Хильперика*** (561–584) в статью об аллодах было внесено существенное изменение: наследование земли допускалось даже женщинами, если у наследодателя не было сыновей; соседи из наследования исключались. Постепенно возникает поздний, частнособственнический аллод, который позволяет вводить землю в товарный оборот, свободно ее закладывать и отчуждать. В связи с этим в VII–VIII вв. ускорились процессы имущественной дифференциации и пауперизации франкского крестьянства, утрата им экономической свободы — один из первичных элементов феодализации. Королевское нормирование во Франкском государстве существенно отразилось на содержании более поздних «Аламаннской» и «Баварской правды», в которых отразились протекавшие в аламаннском и баварском обществах социальные изменения, связанные с начальными этапами феодализации.

Королевская земля — и в ходе завоеваний, и особенно в периоды ожесточенных междоусобных войн Меровингов — жаловалась за службу чиновникам государства, соратникам, церкви. Необходимо отметить, что переданные за службу земли фиска к началу VII в. в Меровингском королевстве четко распадались на две категории: территорию держателя и крестьянские мансы (по терминологии зарейнской Австразии — гуфы), платежи с которых шли непосредственно королевской казне как правопреемнице позднеримского фиска. Доходы с этих мансов были главным источником королевского богатства, поэтому между королевским сборщиком налогов и крестьянином не стоял ни местный епископ, ни кто-либо из местной знати.

Сильные меровингские короли, например тот же Хильперик, распространяли налоги и на свободных франков, силой принуждая их платить также и церковную десятину. Эта модель постепенно распространилась на всю Северную Галлию, Австразию и даже отдаленную Баварию. Перевод держаний в дарения был следствием гражданских войн и вынужденной уступкой королевской власти. Зачастую дарение было наградой сторонникам короля из земель, конфискованных у побежденной стороны. Дарения нередко сопровождались дарением крупным землевладельцам иммунитета, т. е. комплекса политических прав (сбор налогов, осуществление административного регулирования и суда и т. д.). При Хлотаре II и Дагоберте I широко практиковались дарственные из фискальных земель церквам и монастырям.

Сила и единство Меровингского государства основывались на власти короля, которая была наследственной. Поднятие на щит при провозглашении короля было выражением древнегерманского волеизъявления воинов. Внутри королевской фамилии передача власти символизировалась вручением копья-фрамеи. По германскому обычаю новоиспеченный король давал обещание управлять на основе древних традиций. Это был ответ на клятву верности его подданных. Официальный титул королей звучал как «король франков, сиятельный муж». Королевской резиденцией был пфальц (германское производное от латинского *palatium* — «дворец»).

В меровингскую эпоху, притом что существовала практика управления «из седла», т. е. решения текущих вопросов в ходе походов, охот, инспекций, строительство удаленных, «походных» пфальцев было редким явлением. Короли предпочитали постоянные резиденции в старых римских городах: Турнэ, Суассоне, Париже, Реймсе, Меце. В придворный персонал входили палатины и доместики (левды) — королевская пешая гвардия-свита и конные антрустионы. К придворным относились королевские сотрапезники и советники римского или германского происхождения. Дети из знатных фамилий прислуживали в качестве пажей. Кроме них источники называют врачей, поваров, кузнецов, ремесленников.

Высшие сановники, пфальцграфы (лат. *comites palatii* — «спутники дворца») служили придворными судьями при королевском суде. Имуществом пфальца и королевскими доменами, разделенными на сотни, управлял доместик дворца в ранге «сиятельного мужа». Королевский камерарий был хранителем казны; референдарий (от лат. *refere* — «доносить, сообщать») — хранитель печати с обязанностью редактирования окончательного текста документов. Ему были подчинены королевские канцелларии, составлявшие любые документы на латыни (все более и более вульгаризирующейся), а потому обучавшиеся в «придворной» школе. Центральное управление, таким образом, в какой-то мере продолжало позднеримские традиции вплоть до детальных подробностей формы документов и курсива чиновников. Самым значительным пфальцграфом был майордом (*maior domus* — «старший по дому», т. е. дворцу). Он возглавлял все королевское окружение, весь придворный персонал. При дворе Теудеберта Австразийского его по аналогии с императорским чиновным персоналом сравнивали с позднеримским начальником всех служб в ранге «сиятельный муж». Около 600 г. должность майордомов становится наследственной; их фамильные связи с магнатами государства, регионально сконцентрированные земельные владения

постепенно привели к тому, что подлинными владыками стали они, а не меровингские короли. Поэтому борьба за майордомат между региональными группировками знати стала стержнем внутриполитической истории Меровингского королевства в VII в.

Главной опорой королевской власти было войско, в котором при Хлодвиге обязаны были служить только свободные франки; при его внуках служили уже и галло-римляне. Зачастую командовали войском не короли, а дуксы-герцоги; военная добыча делилась по древним германским обычаям, причем особого права при дележе короли не имели. Ежегодно 1 марта король собирал войско на смотр на Марсовом поле (также древнеримский обычай); отсюда — мартовские поля. Еще при Хлодвиге военное планирование проходило на этих собраниях; позже решения, принятые королем и *optimates* без участия войска, обретали силу закона.

Франкский король обладал высшей военной и гражданской властью. Королевская юридическая практика продолжала римские традиции: документы короля назывались, как и в Римской империи, декреты и эдикты. В целом восприятие римского права, зачастую довольно архаичной его части, в меровингской нормотворческой практике огромно. Длительное сосуществование и, соответственно, знакомство с правовым регулированием социальных процессов привило франкской элите определенный пиетет к знатокам юриспруденции. Государственная мудрость Хлодвига состояла в призвании на королевскую службу римлян — королевских сотрапезников, кодифицировавших обычное право салиев на латинском языке, хорошо отдававших себе отчет о состоянии общества завоевателей и потребностях королевской власти. Не случайно в значительном массиве меровингского нормативного материала присутствуют юридические конструкции как из римских «Законов XII таблиц», так и более поздних произведений великой эпохи римской юриспруденции. Переходный характер периода синтеза довольно ярко отображается в этих формах властеизъявления. В целом вся меровингская письменная культура была романизированной, как будто не существовал германо-готский алфавит, созданный Ульфилой, и, несомненно, известный образованным франкам. Во всем этом сказывался не столько «синдром подражания империи», не комплекс франкских королей перед константинопольским престолом, сколько прагматичный, идущий от Хлодвига процесс освоения римского наследия для создания собственной государственности.

На уровне местного управления изменения были более существенными. По территориальной структуре совпадали только церков-

ная и прежняя римская городская организация. Границы епископатов соответствовали границам бывших римских городских общин. Имперское провинциальное деление исчезло. Административными единицами зарейнской Австразии были прежние *pagi* (области), границы которых многократно менялись со времен Тацита. В Галлии светскими администраторами были *comites civitatis*, исполнявшие гражданские и военные функции; важнейшей их обязанностью был надзор за сбором налогов и судебных пошлин в королевскую казну. «Салическая правда» прямо называет их судьями (комит или граф). Графства (комитства) делились на сотни, судебные округа во главе с центенариями (сотниками). Несколько графств объединялись в герцогство (дукат), причем в зарейнской части королевства дукаты покоились на этнической основе. Очевидно, что местное управление строилось по принципам франкской военно-судебной организации.

Низшей административной единицей был древнегерманский тинг *(mallus)* — региональное народное собрание, как правило, объединяющее несколько деревень во главе с тунгином. В ведении тинга были судебные дела; центенарий либо граф председательствовали в случаях, связанных с тяжкими уголовными преступлениями. В случаях нормативных пробелов в «Салической правде» обращались к судебным прецедентам, память о которых хранили особо уважаемые старейшины — рахимбурги. От решения политических вопросов местные тинги уже в VI в. были отстранены.

Политический кризис в Меровингском королевстве и его последствия

В конце VI — начале VII в. в Меровингском королевстве, после кратковременного объединения государства Хлотарем I в 558–561 гг., начался долгий период войн между его наследниками. Победителем, однако, стала франкская знать. В октябре 614 г. знать, кроме аквитанской, собралась в Париже на всегосударственное собрание и пригласила на него Хлотаря II. 18 октября 614 г. король издал эдикт, в котором пошел на значительные уступки светской и духовной аристократии. Утверждались все земельные пожалования, сделанные прежними королями. Уничтожались все «неправедные», с точки зрения знати, налоги. Наоборот, утверждались действующие пошлины. Объявлялась свобода епископских выборов и подсудность клириков их судам, а также патронат церкви над вольноотпущенниками. Графы назначались только из числа местных собственников. Имущество умерших без завещания наследуют родственники, а не казна; завещания в пользу церкви становятся правомочными.

Римское наследие было освоено и внутренне трансформировано. На руинах позднеантичного и раннемеровингского обществ зарождался ранний феодализм. Его ярким внешним, политическим проявлением стала борьба за должность майордома. В ходе долгих междоусобиц формируются региональные сообщества знати во главе со своими наиболее сильными магнатами-майордомами. Так, в Австразии советниками юного регионального короля Дагоберта стали майордом Пипин и Мецкий епископ Арнульф. Их дети Анзегизель и Бегга, вступив в брак, дали начало династии Арнульфингов/Пипинидов (будущих Каролингов). Меровинги оказались после 639 г. под контролем своих майордомов, получив от более поздних современников прозвище «ленивых королей». Отныне не короли, а майордомы ведут между собой ожесточенные войны за власть. Вторая половина VII — начало VIII в. прошли под знаком нескончаемых войн, интриг, переворотов, казней майордомов и магнатов, свержений «ленивых королей».

В 687 г. Пипину II Геристальскому из Австразии удалось разбить нейстрийские войска и стать единым майордомом всего королевства (687–714). При нем майордомат окончательно становится наследственным. Незадолго до его смерти в королевстве вновь разразился кризис власти, который в конце концов завершился тем, что единым майордомом стал сын Пипина ***Карл Мартелл (Молот)*** (ок. 688 — 741). Карл умиротворил зарейнскую часть Австразии, уничтожил около 716 г. герцогство среднерейнских франков Франконию (Тюрингия потеряла герцогский статус еще в 700 г.), раздробив его на более мелкие графства, и даже сумел покорить отпавшую Аквитанию. В 743 г. на престол был возведен последний король Меровингской династии — Хильперик III, который правил до смены династий в конце 751 г.

2. Эпоха Каролингов

Начало Каролингской династии

Формально новая Каролингская династия началась с пострижения в монахи последнего Меровинга, фактически — с правления майордома Карла Мартелла. Серьезные проблемы с восстановлением франкской власти были связаны не только с зарейнскими регионами, но и с Южной Галлией, куда с 720 г. начинают проникать арабы, зачастую приглашаемые аквитанской и бургундской знатью.

Над христианской цивилизацией Западной Европы нависла угроза уничтожения. В 732 г. арабская кавалерия была разгромлена при Пуатье конным войском, созданным Карлом. Появление нового рода вооруженных сил было вызвано потребностью времени. Нищающее франкское крестьянство было не в состоянии ни экипировать себя должным образом, ни противостоять маневренной кавалерии арабов в пешем строю. Карл принимает курс на усиление слоев мелких и средних держателей земель от короны с обязанностью их владельцев конной военной службы государству, получивший название бенефициальной реформы.

Феодализация в Меровингском королевстве началась с появления позднего аллода и имущественной дифференциации в среде свободных франков. Экономически, юридически и социально общество втягивается в прекарные отношения. *Precaria* («данное из милости на время») — частно-правовая конструкция держания земельного участка на определенных условиях. Безземельный получал землю от землевладельца в пользование (*precaria data* — «данный прекарий») в обмен на натуральные и отработочные платежи. Прежний свободный человек превращался по прекарному договору в колона. В раннемеровингский период крупные землевладельцы изредка применяли *beneficium* («благодеяние») в отношении своих дружинников-газиндов — земельное держание, обусловленное военной службой магнату. В зарейнской Австразии эти процессы протекали намного медленнее, там существовал широкий слой независимых аллодистов, гораздо прочнее были демократические формы управления и судопроизводства и слабее церковное землевладение. Поддержка свободного населения позволила австразийским майордомам одерживать неоднократные победы над своими противниками.

Трансформация домениальной земельной собственности в частную истощала фискальный фонд, который слабо пополнялся за счет конфискаций владений побежденных противников. Карл Мартелл решительно принялся за секуляризацию церковных земель и раздачу их в бенефиции лицам свободного состояния, способным к военному делу. Католическая церковь осознавала угрозу, идущую от ислама, и рассматривала меры Карла как временные, хотя часть духовенства негативно оценивала конфискации Карла Мартелла. Бенефиций носил не частно-правовой, но публично-правовой характер. Бенефициарий обязывался военной службой исключительно государству. В случае неисполнения обязанностей бенефиций отнимался. После смерти бенефициария договор перезаключался с его наследником.

Земли бенефиция обрабатывали жившие на них крестьяне разных правовых статусов. По примеру центральной власти крупные землевладельцы выделяли бенефиции на своих землях, чем оформлялась иерархическая структура земельной собственности и вассалитета. Карл Мартелл потребовал от светских и церковных магнатов военной службы во главе ополчений подвластных им территорий, приравняв их функции к функциям графов, напомнив, что иммунитет был дарован им государством.

Ускорение темпов феодализации сказалось на крестьянстве, потерявшем значение некогда главной военной силы; «мартовские поля» с их участием проходили все реже. Тем не менее вассалами короля становились люди и полусвободного статуса, и несвободные, благодаря их физической силе и храбрости. Такие вассалы проживали при дворе в статусе бенефициариев и были на содержании у казны без предоставления им земельных ленов. Аграрно-социальный переворот, начатый Карлом Мартеллом, продолжили его преемники. Крестьяне постепенно утрачивают военные функции, хотя формально короли требовали службы от всех свободных. Бенефиции стали эволюционировать из пожизненных в наследственные условные держания и в течение IX–X вв. переходят на правовой статус феода (во Франции), лена (в Германии).

После смерти в 741 г. великого майордома, его сыновья (Карломан и Пипин) поделили государство, в котором вновь вспыхнули восстания. Они с особой жестокостью в 742 г. подавили мятежи в Аламаннии, Баварии, Тюрингии; саксов вновь заставили платить дань скотом. В 743 г. баварский герцог Одилон и аламаннский герцог Теудебальд при поддержке славян и саксов подняли новый сепаратистский мятеж и вновь были разбиты. В 744 г. ***Пипин Короткий*** (ок. 714—768), прозванный так за свой невысокий рост, изгнал из Эльзаса вторгшегося туда герцога Теудебальда и «вновь присоединил к себе дукат в этой местности». В 746 г. Карломан подавил последнее восстание в Аламаннии. В местности Канштатт был устроен суд над аламаннской мятежной знатью, многие были казнены. Само герцогство Аламаннии упразднялось, вновь завоеванная территория расчленялась на графства во главе с каролингскими графами. Физическая ликвидация старой аламаннской аристократии в каролингскую эпоху положила начало процессу смешения франкской и аламаннской знати.

Весьма непростая ситуация в зарейнской Германии заставила братьев-майордомов срочно решать накопившиеся внутренние

проблемы в Галлии. Необходимо было восстановить отношения с церковью, обострившиеся из-за секуляризации ее земель. Новую церковную реформу в своих областях начал Карломан, обсуждая механизм возвращения либо компенсации церковных имуществ на поместных синодах. В 745 г. был созван общегосударственный церковный собор, выработавший компромиссные решения. Все бенефиции, учрежденные Карлом Мартеллом на церковных землях, признаются собственностью церкви; бенефициарии должны были выплачивать двойную десятину от доходов в пользу церкви (как за светское и как за духовное держание). Такие бенефиции получают статус «прекариев по королевскому повелению». Владельцы по-прежнему должны нести службу в пользу короля; церковь не имела права отнять такой военный прекарий.

Общий курс на усиление централизации власти коснулся и церковной организации. Собор установил строгую иерархию церковных должностей по примеру государственной: от простых священников до архиепископов. Ежегодно подобно созываемым советам светской знати должны созываться церковные соборы. В монастырях устанавливается пошатнувшаяся дисциплина на основе бенедиктинского устава, предписывавшего клиру ежедневный труд, литургическую грамотность, запрещавшего ношение оружия, занятия охотой и военным делом. Консолидация церкви вокруг центральной власти имела, кроме прочего, цель — оторвать местную светскую знать от прелатов. Новые канонические правила делали для нобилей, особенно молодых, карьеру на духовном поприще малопривлекательной.

Слабость власти римских пап, притесняемых лангобардами, а также стремление лангобардских королей захватить Баварию привели к длительному политическому союзу Каролингов и папства. Пипин Короткий нуждался в легитимации своей власти уже в качестве короля, освященной авторитетом первосвященника католического мира. К папе Захарию отправилось посольство, «чтобы спросить его о королях во Франции, которые не имели в то время королевской власти, хорошо ли это или нет. И Захарий велел передать Пипину, что лучше именовать королем того, кто имеет власть, нежели того, кто проживает, не имея королевской власти. И дабы не нарушался порядок, приказал своей апостольской властью Пипину быть королем». В 751 г. на собрании знати в Суассоне Пипин был избран по обычаям франков и миропомазан королем. Последний меровингский король Хильперик был пострижен в монахи. Началось, уже де-юре, правление ***Каролингской династии***.

В 754 г. новый папа Стефан II, лично явившись к франкскому двору, на коленях умолял Пипина о помощи против лангобардов. Папа вторично короновал и миропомазал Пипина и его сыновей, дав им титул «римских патрициев». На территории каролингской Франции зарождается, таким образом, идея восстановления былой Римской империи, что оборачивалось для Каролингов вмешательством надолго в итальянские дела. В результате двух походов Пипина в Италию и разгрома лангобардов угроза потери Баварии временно отпала.

Политика Карла Великого в германских землях

Наивысший расцвет Каролингской монархии связан с именем и деяниями ***Карла Великого*** (742–814). В 768 г. Пипин Короткий по обычаю разделил королевство между двумя своими сыновьями, которое было воссоединено в 771 г. под единодержавием Карла. Сложные взаимоотношения внутри самой династии (Карл обошел в наследственных вопросах малолетних детей своего покойного брата) выразились в перипетиях его лангобардско-итальянской политики. Карлу неоднократно приходилось совершать походы для войны и против лангобардов в защиту папского престола, и для обороны южных областей Германии от сложившейся коалиции лангобардских герцогов, баварского герцога Тассилона, аваров и Византии, в которой каждая из сторон преследовала свои цели и для каждой из них общим врагом были каролингские войска. Недовольство итальянской политикой проявляла знать Австразии, в числе которой были прелаты церкви и графы. В 786 г. был составлен заговор против Карла, но выступить открыто они не решились. После раскрытия их намерений Карл созвал синод епископата и совет знати в Вормсе, где после суда виновные были казнены. Очевидно, завоевательная политика Карла отвлекала значительное количество местных, восточнофранкских ресурсов, практически ничего не давая взамен. В 788 г. в Ингельхайме перед лицом короля был изобличен в мятежных намерениях, осужден и пострижен в монахи баварский герцог Тассилон. Баварское герцогство было ликвидировано; управление Баварией было передано франкским графам.

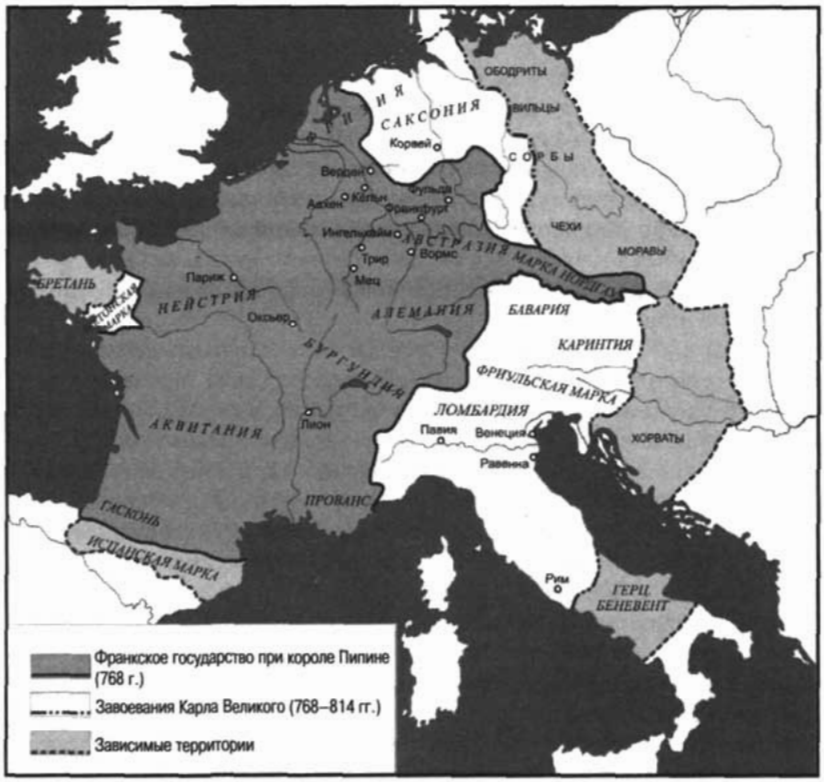
Изучение внешней политики Карла Великого отчетливо показывает, что она в основном была связана с Италией и Германией, где с 772 по 804 г. франки вели завоевательные войны против Саксонии. Подавление выступлений аламаннов, рипуарских франков, баваров, их насильственная христианизация, навязывание феодализации по западнофранкскому образцу сделали саксов врагами Каролингов за-

долго до Карла Великого. Граница к северу от Везера давно была нестабильной. Возвести там лимес, подобный римскому, для франков не представлялось возможным. С другой стороны, Каролинги для решения своих внутренних проблем нуждались в добыче и землях. Саксонские войны велись под знаменем христианизации язычников. В 772 г. Карл вторгся в земли ангариев, захватил их укрепление Эресбург, где разрушил общесаксонское святилище Ирминсул (священное дерево, поддерживающее небесный свод); была захвачена большая добыча и взяты заложники. Общество саксов, хотя в нем уже была имущественная и социальная дифференциация, сплотилось для отпора франкам.

Саксы в 774 г. ворвались в Гессен и Фрисландию, где разорили монастыри и церкви. В 775 г. ответный удар Карла был нанесен не только по землям ангариев, но также остфалов и вестфалов. Разграбление было настолько серьезным, что часть саксонской знати начала переговоры с Карлом о мире на его условиях. В Эресбурге, Сигисбурге, Карлштадте были расквартированы франкские гарнизоны, в Падерборне был построен пфальц, в котором в 777 г. было собрано Великое собрание франкской знати. Там часть саксонской знати принесла Карлу клятву верности и произошло массовое крещение. В течение ряда лет, когда обстоятельства требовали присутствия короля в Италии, саксы восставали, разрушали церкви и бурги, восстанавливали язычество. После этого вновь следовали карательные походы с новыми клятвами, заложниками, массовыми крещениями. Во главе сопротивления франкам стояла группа саксонской знати, предводительствуемая Видукиндом. В 780 г., подавляя выступления мятежных саксов, войска Карла достигли нижнего течения Эльбы.

Король учредил там епископства, аббатства и приходы, которые, однако, находились под постоянной угрозой уничтожения саксами. Ситуация была серьезно переломлена после 781 г., когда в Италии и Аквитании королями были сделаны его сыновья, создававшие по указке отца свои графства и свои бенефициарные войска. Это позволило Карлу сосредоточить большее внимание на саксонских делах.

В 782 г. на собрании своего войска в Саксонии, в Липпшпринге, Карл учредил графские должности по франкской модели, но во главе со знатными саксами и с передачей им крупных ленов. Перед этим милостивым актом было перебито 4500 заложников, а после него издается «Капитулярий по делам Саксонии». Любые собрания саксов без разрешения короля карались смертью, равно как и любые преступления против короля и церкви. В пользу каждого прихода было



Германские земли в составе империи Карла Великого

конфисковано по две гуфы земли, а с каждых ста человек местного населения были обращены в рабство по одному рабу и одной рабыне для обработки этой земли. Все население должно было платить церкви десятину. Капитулярий расколол саксов. Знать — эделинги — стала переходить на сторону франков; в 785 г. капитулировал Видукинд, явившись со своей дружиной в Аттиньи. Карл стал его крестным отцом и одарил богатыми дарами, подтвердив его права на земли.

Война отныне велась с фрилингами, основной массой саксов на приграничных со славянами-ободритами землях, заключившими с Карлом союз. Саксы-фрилинги вступили в переговоры с аварами и, в свою очередь, совместно повели войну против франков. В 791 г.

совместными ударами из Саксонии и Италии аваров принудили к миру.

Войны с саксами, славянами, аварами привели к политике насильственного расселения этих племен на земли друг друга и во внутренние части франкского королевства. В свою очередь на территорию Саксонии переселялись полусвободные франки. В 797 г. положения «Саксонского капитулярия» были смягчены: ряд правонарушений для вестфалов, остфалов, ангариев в качестве санкции предусматривал уже не смертную казнь, а штрафы. К 804 г. последние очаги саксонского сопротивления были ликвидированы.

Христианизация Германии

Христианизация леворейнской Германии началась с момента проникновения новой религии на эти земли и усилилась после признания ее в качестве государственной. Среди германцев ее каноны проповедовали и никео-ортодоксы (католики), и ариане. Римская власть не придавала особого значения арианскому вероисповеданию среди воинов-германцев в императорских легионах и федератских племенах (тулузские вестготы и бургунды). Решительный поворот в христианизации леворейнских территорий был связан, несомненно, с принятием ортодоксального христианства Хлодвигом. В VI в., в связи с разгромом франками готов и бургундов, арианство в Галлии постепенно исчезает, хотя язычников, особенно на севере, было предостаточно.

Иная картина была за Рейном. Среди баваров, тюрингов, аламаннов были небольшие вкрапления арианских общин на фоне господствующего язычества, которое у саксов и фризов было практически абсолютным. Христианизация в Меровингской Германии при «ленивых королях» носила поверхностный характер, сводившийся к обращению отдельных знатных семейств и редких вспышек насильственной католизации простого населения, в чем язычники, особенно саксы и фризы, усматривали добавочное средство покушения франков на их свободы. Регулярной «силовой» поддержки от власти франкское духовенство не получало.

В конце VI в. за обращение германских язычников принялись ирландские миссионеры, славившиеся своим ревностным отношением к строгому бенедиктинскому уставу (который помимо труда и грамотности требовал еще и религиозных подвигов), что нередко приводило к конфликтам с обмирщенным франкским духовенством. Сюда же примешивалась застарелая неприязнь германцев к кельтам,

а их аскетизм просто претил язычникам. В 585 г. свою миссию в Вогезах начал св. Колумбан, основав под покровительством короля Гонтрана монастырь в Люксейе (590 г.), откуда миссионеры продвигались в разные земли внутренней Германии. Фанатичный в вопросах веры Колумбан быстро испортил отношения с галльским духовенством (вплоть до ожесточенных канонических дебатов на общегалльском соборе 602 г.) и бургундским двором (осуждение нравов знаменитой Брунгильды), а его миссия в Аламаннии провалилась: он был вынужден оттуда просто бежать. Его дело продолжил св. Галл, «апостол Аламаннии», основатель знаменитого Сен-Галленского монастыря (613 г.). «Апостол Франконии», первый епископ Вюрцбурга св. Килиан принял мученический конец (689 г.), обличая нравы франконского герцогского двора. Ирландские миссионеры проповедовали в верховьях Рейна и Дуная, где христианство было давно известно, и тем не менее результаты их деятельности оказались очень скромными.

Новыми миссионерами Германии стали англосаксы, лучше понимавшие нравы своих континентальных «родственников», более терпимые к язычникам и руководствующиеся умеренным бенедиктинским уставом с акцентом на физическом труде. По их инициативе нередко расчищались земли под пашни, что было гораздо понятнее соблюдения множества строгих постов и литургии на латыни. Кроме того, они получили серьезную поддержку могущественных австразийских майордомов. В 678 г. среди фризов начал свою миссию Вильфрид. В 690 г. с благословения папы и покровительства Пипина II ее продолжил Виллиброрд, основав в 695 г. епископство в Утрехте. В 717 г. во Фрисландии появился Винфрид — будущий «апостол Германии» Бонифаций. Получив вскоре собственное духовное имя (Бонифаций), Винфрид с санкции папы принялся реализовывать программу христианизации Тюрингии. Успех миссионерской деятельности св. Бонифация заложил прочные основы союза с Римом. Отныне все действия св. Бонифация согласовывались с папским престолом. Основав и возобновив многие епископаты в Баварии и Тюрингии (Зальцбург, Регенсбург, Пассау), сумев преодолеть раздоры франкского духовенства, миропомазав в 751 г. Пипина III на царство, он стал майнцским предстоятелем и последовательным сторонником папства в церковной организации Германии по римской схеме. На общегалльском соборе 745 г. под его нажимом была закреплена иерархия (во главе с метрополией в Кёльне) государственной церкви. Среди главнейших достижений Бонифация стало основание ок. 744 г. Фульдского монастыря, ставшего одним из ве-

дущих центров образования (вклад Бонифация в его практическую и интеллектуальную организацию просто огромен) и миссионерства своей эпохи. Последняя миссия Бонифация в 754 г. во Фрисландии завершилась его гибелью.

Успех англосаксонской миссии отражал и успехи папства в деле христианизации, и, главным образом, понимания Каролингами необходимости создания официального единомыслия в своей державе. Недаром Карл Великий призвал св. Виллегада, прославившегося на поприще миссионерства среди фризов и саксов, для организации массовых обращений саксов в католицизм, исхлопотал ему епископский сан с резиденцией в Бремене. Каролинги в большей степени, чем их предшественники, жаловали новые приходы землями на правах ленов с определенными иммунитетами, что влекло за собой и соответствующие вассальные обязанности перед светской властью. В ответ на убийства своих миссионеров, разрушения христианских храмов, власть применяла силу, переуступая духовенству соответствующие, светские по характеру, пенитенциарные полномочия, что только способствовало отступлению от жестких правил бенедиктинского устава, обмирщению церкви и сравнительно легкого подчинения ее власти светской. Поэтому христианизация Германии, несмотря на все жестокости Каролингов, оставалась поверхностной, а сам ее процесс продолжился во *Francia orientalis*, вызвав последствия не в пользу римско-апостолического престола. Христианизация Германии во многом стала причиной так называемого «Каролингского возрождения», как и подражавшего ему «Оттоновского возрождения» и знаменитого спора об инвеституре. Христианизация Германии, проводившаяся на латинском языке, стала серьезнейшим препятствием становления письменной культуры на нарождавшемся языке этносов, не владевших даже устной латынью.

Римская империя Карла Великого

25 декабря 800 г., вмешавшись по просьбе папы Льва III в политическую борьбу в Риме, Карл был провозглашен римским императором с титулом Августа. К идее «обновления Римской империи» Каролинги относилась благосклонно ввиду совпадения их внешнеполитических интересов с Византией в борьбе с арабами и аварами. Императрица Ирина предлагала Карлу даже династийный брак, не состоявшийся из-за борьбы за власть в Константинополе. Подавление византийского иконоборчества улучшило взаимоотношения между восточной и западной церквами.

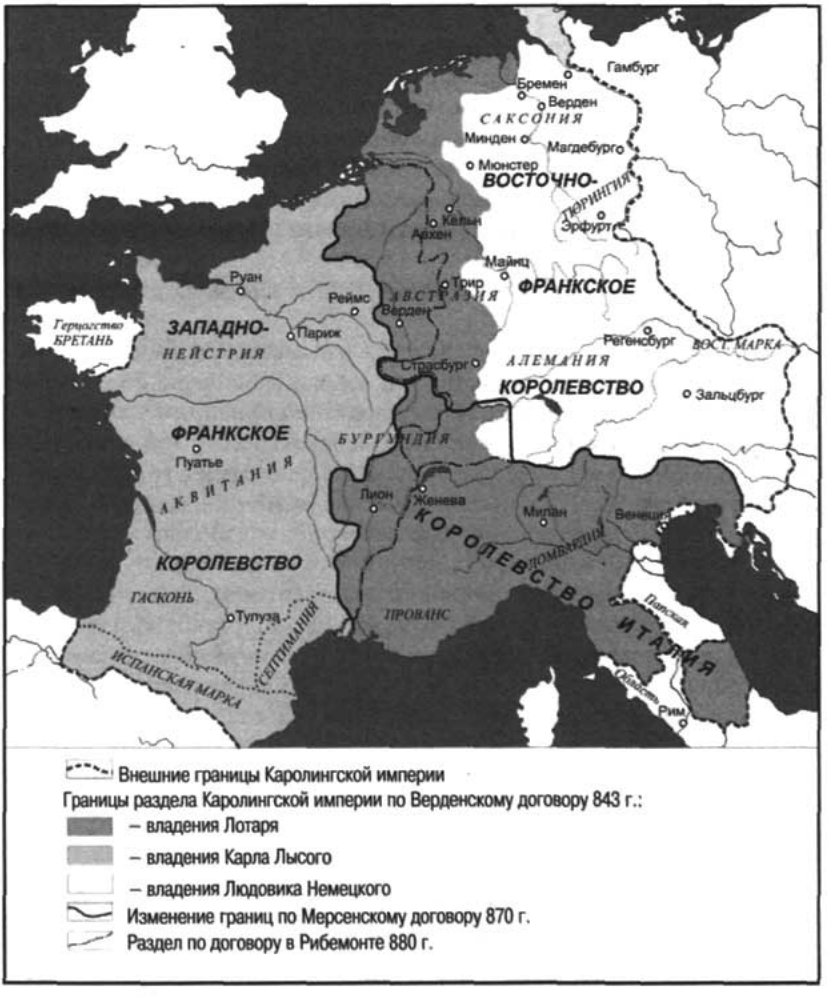
Карл Великий

Но именно церковь предприняла реальные шаги к трансформации огромного франкского королевства в империю, руководствуясь одновременно своими интересами.

Во время акта коронации папа присягнул Карлу в качестве вассала. Безопасность римского епископа и всего католического епископата, главой которого он являлся, должна была обеспечиваться сеньором-императором. Местные же епископы при проявлении своеволия светской знати должны были безоговорочно стать на сторону императора. При отсутствии иного административного стиля, кроме «управления из седла», эта мера объективно способствовала сохранению единства государства. Самим величием императорского сана принижался суверенитет королей и герцогов. Не случайно вассалами императора Карла добровольно признали себя мелкие испанские и английские короли. Были внесены соответствующие изменения в придворный церемониал, титулатуру, денежную эмиссию. Возникшие трения с Константинополем, единственно претендовавшим на императорский титул, путем переговоров и территориальных уступок были преодолены.

Преемник Карла Великого ***Людовик I Благочестивый*** (778–840), взошедший на императорский престол в 814 г., составил «Устроение империи» (817). По нему в полном соответствии с древнефранкским обычаем Людовик I королем Аквитании поставил своего сына Пипина, королем Баварии — Людовика.

Старший сын, Лотарь, должен был стать императором с верховной властью над всей империей. Традиция учреждения крупных наместничеств с прямыми родственниками во главе них продолжилась, что немедленно вызвало мятеж племянника Людовика Бернарда, назначенного еще Карлом Великим в 813 г. королем Италии и обойденного в завещании своего дяди. Все правление Людовика I Благочестивого было наполнено мятежами его сыновей против отца и осложнялось еще и тем, что новые дети императора требовали уделов и титулов для себя. Каждый из них был окружен своими сторонниками, ожидавшими и получавшими привилегии, земли и титулы.



Разделы Каролингской империи в IX в.

Войны братьев и стоявшей за ними светской и духовной знати к 840 г. привели к выделению лидирующей тройки сыновей Людовика Благочестивого: ***Лотаря*** (795–855), ставшего в 840 г. императором, ***Карла Лысого*** (823–872) и ***Людовика Немецкого*** (804–876). Переговоры о степени подчиненности королей новому императору

Лотарю завершились в 841 г. битвой при Фонтенуа-ан-Пюизе близ Осера, в которой император был разбит. Лотарь пошел на то, что поддержал восстание саксонских крестьян (восстание Стеллинга — «детей древнего закона»), что не спасло империю от официального раздела. В 842 г. под Страсбургом соединились войска Карла Лысого и Людовика Немецкого. Оба государя перед лицом солдат дали знаменитую клятву о военно-политическом союзе и взаимном отказе от сепаратных договоров с Лотарем. Современник отметил, что Людовик произнес ее текст на романском (западнофранкском) языке, а Карл — на восточнофранкском *(in tiudisker Sprache)*, будущем немецком.

Примирение состоялось в Вердене на основе юридической фикции сохранения единства империи, но император не должен был вмешиваться в дела Людовика Немецкого (территории к востоку от Рейна, за исключением Фрисландии; на левом берегу Рейна: Шпейер, Вормс и Майнц с их окрестностями, совпадающими с границами соответствующих епархий) и Карла Лысого (земли на запад от Рейна). Суверенитет Лотаря распространялся на подконтрольную Каролингам Италию, Франконию и узкую полосу от устья Роны до устья Рейна, включая Фрисландию; за ним сохранялся титул императора. Его владения получили в источниках название «королевство Лотаря» — Лотарингия, позже географически скорректированное, когда в 870 г. по Мерсенскому договору северные области удела наследников Лотаря отойдут Людовику Немецкому. Значение распада каролингской империи велико: родилась *de facto* независимая Германия, хотя до пресечения династии восточных Каролингов официально она будет именоваться *Francia orientalis* (Восточная Франция).

Каролингская феодализация Германии

На территориях левобережной и зарейнской Южной Германии процесс феодализации крестьянства шел полным ходом еще с позднемеровингского времени. К IX в. раннефеодальные отношения здесь приобрели устойчивый характер. В то же время феодализация (вернее, «франкизация») Саксонии была весьма поверхностной. Сомнительно, например, реализовывались ли там королевские капитулярии. Знаменитый «Капитулярий о виллах» вряд ли нашел в Средней и Северной Германии правоприменение. Необходимость защиты церквей, центров графской администрации в Германии привела к явлению «бургизации», строительству укреплений; эта повинность накладывалась на крестьян. Меровинги редко прибегали

к практике построения земельных, региональных пфальцев. Огромные размеры Каролингского государства требовали управления «из седла», гораздо более частых объездов своих владений с инспекционными целями. Каролинги зимовали в укрепленных дворах, которые по мере их фортификационной застройки становились пфальцами-бургами.

Бурги были известны германцам давно, с римских времен, и связывались с укрепленными крепостями и легионными лагерями, выполнявшими в том числе задачи укрытия гражданского населения. Функциональное предназначение бурга отражалось в Германии в его названии: Гренцбург (пограничный бург), Цоллбург (таможенный бург), Графенбург (графская резиденция), Риттербург (рыцарский бург), Клостербург (монастырский бург) и т. д. Стремительное разрастание бургов с превращением их «бурговых» приставок в «шлосс» (замок) произойдет в период развитого Средневековья.

Каролинги, помнящие о своем происхождении от австразийских майордомов, понимали значение укрепленных бургов-крепостей в руках знати, в том числе служилой. Усилия Каролингов по упрочению связей короны с ее вассалами не достигали поставленных целей. С одной стороны, капитулярии Карла Великого были направлены на укрепление власти иммунистов, особенно в отношении свободных бедняков, уклоняющихся от военной службы. С другой — в том же 811 г. королевские инспекторы докладывают Карлу Великому, что в графствах его приказы не исполняются.

Развитие вассалитета получило продолжение при внуках Карла Великого. Однако большинство известных нам постановлений в отношении вассальной службы касались западнофранских территорий. В Мерсенском капитулярии Карл Лысый приказал, «чтобы каждый свободный человек выбрал себе сеньора». Вассалитет признавался единственной законной формой социальных связей. Прекаризация и коммендирование свободного населения шли, таким образом, полным ходом, подготавливая полный развал каролингской империи.

С другой стороны, в капитулярии Карла Лысого от 864 г. предписывалось разрушить бурги и укрепления, воздвигнутые без королевского разрешения. Знаменитый Кьерсийский капитулярий 877 г. того же Карла Лысого устанавливает наследственность должности графа и бенефициев; вместо рахимбургов меровингской эпохи в графствах и сотнях появляются скабины (шеффены), мелкие наследственные администраторы. Завершение феодализации каролингского государства произошло во французской и леворейнской его частях. Этот

процесс медленнее протекал в зарейнской Германии, где прекаризация, создание ленной системы, разложение слоя свободных аллодистов сильно отставали по своим темпам от Франции. Насильственно пересаживаемые романо-франкские институты прививались медленно, а в целом ряде случаев порождали свои варианты, покоящиеся на местных обычаях, искоренение которых вооруженным путем было далеко не всегда возможным.

Сельскому населению Каролинги позволяли строить «укрепленные дворы», которыми нередко пользовались и сами. Большие бурги часто были связаны с марковыми сообществами, состоящими из 10–20 дворов, окруженными земляными рвами и деревянными палисадами. Их роль сводилась к защите местного населения. В эпоху норманнских набегов усиливается требование государства всеобщей воинской повинности всех свободных для обороны своих земель. Для церквей в период христианизации восточнофранкских земель делалось исключение и допускалась «бургизация», поскольку именно они были главными объектами атак язычников. Саксонские войны, борьба против славян и данов подстегнули процесс «бургизации». Новые бурги носили, в первую очередь, военный, миссионерский и административный характер; типологически и функционально они не были укреплениями знати. Реальными центрами политической жизни были королевские пфальцы.

Пфальц представлял собой комплекс сооружений, реализовывавший репрезентативную функцию власти. Здесь проживал король и двор, происходили собрания знати, вершился королевский суд, организовывались выборы и коронации королей. Ранние региональные пфальцы, в случаях если короли не останавливались в епископских резиденциях, монастырях, бургах общегосударственного значения, сохранившихся римских городах, представляли собой укрепленные «королевские дворы». По мере усиления королевской власти, особенно после коронации Карла Великого императором, региональные пфальцы «бургизируются», украшаются придворные капеллы, залы для приемов, даже хозяйственные сооружения. Особо известными пфальцами каролингской эпохи стали Аахен, Падерборн, Гослар, Вормс, Франкфурт, Регенсбург; в леворейнской Германии — Квиржи, Нимвеген; в Италии — Павия, Мантуя и Равенна. Именно в них теплилась письменная грамотность и формировалась культура «Каролингского возрождения». В Аахене Карл Великий учредил Придворную Академию, пригласив в нее наиболее крупных представителей тогдашней учености, сочинявших многочисленные

духовные и в меньшей степени светские произведения на латыни. Покровительство Карла было довольно щедрым, хотя сам он так и не научился писать на латинском языке.

Другим административным новшеством эпохи Каролингов стало прогрессирующее учреждение маркграфств, приграничных территорий во главе с маркграфами, ответственными за оборону значительных захваченных в разное время территорий. В основанных Фриульской, Паннонской, Саксонско-Сорбской, Датской, Аварской и т. д. марках графы обязаны были самостоятельно принимать военные решения, силой способствовать христианизации, накладывать наказания на язычников и отступников. Несомненно, их иммунитет был самым обширным в административном аппарате каролингской империи. Именно в маркграфствах «бургизация» имела наибольший размах, именно там ленная феодализация протекала наиболее интенсивно. Учитывая, что в марках государство остро нуждалось в поддержке церкви, там спешно организовывались епархии. Таким образом, каролингская феодализация в северо-восточных районах Германии носила внешний характер и достигалась в основном военно-административными средствами, а также христианизацией.

Восточнокаролингская Германия

Значение страсбургской клятвы 842 г. состоит в том, что она наглядно продемонстрировала факт реального существования языковых границ и реального непонимания населением зарейнской Германии романского наречия. Но это вовсе не говорит о возникновении средневековой немецкой народности и о ее самоидентификации. Современники называли Карла Лысого *rex Galliae* (король Галлии), а Людовика Немецкого[1] — *rex Germaniae* (король Германии). Последний был назван восточнокаролингским историком Ноткером как «король или император всей Германии и Реций и древней Франкии, а также Саксонии, Тюрингии, Норика, Паннонии и всех северных племен».

Во времена «Каролингского возрождения», в 786 г., на латыни язык англосаксов обозначат как *lingua theodisca* (народный язык, от герм. *Thiot* — «народ»). Это язык тех лиц, которые не могут изъясняться не только на церковной или светской письменной латыни, но и на языке романского простонародья. Существительное *theodiscus*

[1] «Немецким» Людовика назовет патриотическая историография Нового времени.

(«принадлежащий к народу») в источниках IX–X вв. постепенно применяется к саксам, тюрингам, баварам, аламаннам в тех случаях, когда точная этническая принадлежность лица либо группы лиц не была необходимой. Таким образом, в восточнокаролингском государстве *theodiscus* было аппелативно-обиходным, а не собственным этнонимом. Население сответстующих регионов так и называло себя: саксы, бавары, вестфалы и т. д. Официальная терминология для обозначения общности подданных вплоть до 911 г. использовала имперское «восточные франки».

В правление Саксонской династии произошла искусственная филологическая метаморфоза, уравнявшая германского *theodiscus* с латинским *teutonicus*. В найденных в 1921 г. «Больших Ювавских Анналах» под 919–920 гг. упоминается *regnum Teutonicorum* («королевство тевтонов»), однако критика быстро указала на то, что это единичный случай в рукописи XII в. В 1901 г. немецкий филолог Ф. Фигенер, исследуя германские этнонимы, пришел к выводу, что слово «тевтоны» в качестве общего обозначения населения Германии впервые было употреблено в Италии. Несомненно, у такого употребления был политический контекст: неоднократные вторжения германских войск при Оттонах и Салиях, присутствие германских гарнизонов, засилье германского епископата — все, что в историческом сознании образованных итальянцев ассоциировалось с тевтонским нашествием древнеримской эпохи. Принятие этнонима «тевтоны» для немцев на территории Италии обусловливалось чувством единения и самосохранения. В самой Германии понятия общеэтнической народности в период раннего Средневековья так и не выработалось. Более того, в ходе германской агрессии на восток и завоеваний земель славян появлялись новые этнонимы: мекленбуржцы, померане, мейсенцы и т. д. Ощущение некоторого единения возникало в периоды масштабных внешних угроз и обязательно при сильных королях как главных гарантах права и мира во всем государстве.

Тем не менее при сильном давлении латыни на традиционный германский фольклор единичные экземляры германских героизированных сказаний в письменной форме существовали. Речь идет, прежде всего о хранящемся в библиотеке Кассельского университета обширном фрагменте «Песни о Хильдебранде», повествующей о распре германских вождей на фоне борьбы между Теодорихом Великим и Одоакром. Время записи в Фульдском монастыре оживленно дискутируется (вероятнее всего, начало IX в.), равно как и региональная принадлежность диалекта. Современная филология признает, что

древневерхненемецкий язык как предшественник широко распространившегося и понятного широким слоям населения в раннее Средневековье верхнемецкого — не более чем условный термин; на деле существовали франкское, саксонское, баварское и другие «наречия», зачастую малопонятные разным их носителям, особенно в том, что касалось правового лексикона: многие обычаи, зафиксированные в диалектах «варварских правд», свидетельствуют о серьезной этнической обособленности германских этносов.

Фульдский монастырь, однако, в восточнофранкскую эпоху был центром создания литературы на народных «языках». Около 830 г. была переведена «Евангельская гармония» сирийца Татиана, апологета II в. н. э., крайне популярная в античности. В 844 г., после встречи Людовика Немецкого и настоятеля Фульдского монастыря Рабана Мавра, на древнесаксонский была переведена «Книга Бытия» и написан «Спаситель», в эпической форме представляющий жизнь Христа и его юных верных спутников. Несомненно, что оба произведения предназначались к прочтению их саксонской знатью в целях более глубокого усвоения христианских канонов и усиления политической лояльности. Сам ***Рабан Мавр*** (776–856) оставил в своем творческом наследии латинско-германский словарь к Библии и духовные гимны на народных диалектах. Будучи крупным теологом, он много заботился об усилении монастырской школы Фульды, положив в основу образования грамматику и диалектику. Его ученик ***Отфрид Вайсенбургский*** (ум. 875) между 863 и 871 гг. сочинил на франконском языке поэму «Книга Евангелий, написанная Божьей милостью на *theodisce*», целью которой, по словам автора, было создание христианского художественного эпоса в противовес «мерзкому пению мирян». Нисколько не стесняясь признавать в качестве образцов для своей поэзии Вергилия и Овидия, Отфрид ввел в народную поэзию новую рифму. Людовика Немецкого он прямо называет *Frankono kuning* (франкский король), чья держава *Ostarrichi* (Восточное королевство); говорит он на *frenkisg* (франкском), в том числе и в подвластном ему в Саксонском королевстве. В оттоновский и раннесалический период в связи с официальным возрождением каролингско-имперской идеи традиция народной литературы прервалась. Замечание биографа Оттона Великого, что император, хотя и приказывал все писать на латыни, сам говорил на «собственном саксонском языке», который так же как и франконский не имел шансов стать надплеменным. Не возникало, следовательно, лингвистической предпосылки для генезиса «общенародного» самосознания.

Формирование отдельных анклавов немецкой народности и более или менее устойчивого разговорного языка приходится на развитое Средневековье и раннее Новое время, однако даже в рамках будущих *Deutsche* существовали и существуют баварцы, саксонцы, швабы.

Политические процессы в Восточной Франции также препятствовали складыванию немецкой народности, с одной стороны, хотя с другой — вели к все более глубокому размежеванию обеих частей империи. Подсчитано, что за 840–899 гг. произошло более 80 встреч и взаимных посещений правителей обоих государств, чем поддерживалась фикция единства империи; в X в. — только 14, из них 9 — в правление Оттона Великого.

После долгого правления Людовика Немецкого восточнокаролингское королевство было разделено на три удела. Усиление знати в это время было таково, что она стремится уничтожить сам династийный принцип властепреемства, избирая себе королей по своему усмотрению. В 854 и 858 гг. западные франки изгоняли Карла Лысого, приглашая одновременно восточного Каролинга — Людовика Немецкого. В 879 г. из Восточной Франкии в Западную был приглашен ***Карл III Толстый*** (839–888), низложенный знатью за просчеты в обороне Парижа от норманнов. Западнофранкским королем был избран в 888 г. граф Одон Робертин; в то же время знать Германии выдвинула Арнульфа. «Хроника королевства франков» по поводу этих событий констатировала: «Так свершился раздел между тевтонскими франками и латинскими франками». В период борьбы за инвеституру папа Григорий VII в 1074 г. назовет немецкого короля Генриха IV *rex Teutonicorum. Regnum Teutonicum* в качестве государственно-правового термина будет закреплен и Вормским конкордатом 1122 г. К этнической самоидентификации это не привело. В середине XII в. Оттон Фрайзингский, отстаивавший имперскую идею Штауфенов, подчеркнет, что тевтонская империя есть продолжение империи франкской и эта эстафета началась с избрания королем Генриха I.

3. Правление Саксонской династии

Рождение германского королевства

В период правления наследников Людовика Немецкого происходит быстрое вымирание этой ветви каролингской династии. «Неподлинному» (незаконнорожденному) Каролингу Арнульфу

приходилось много воевать с норманнами; при нем в 899 г. венгры впервые совершили набег на имперские земли, сметая монастыри, а следовательно, редкие очаги образования. В 899–911 гг. в Германии правил последний Каролинг, сын Арнульфа Людовик Дитя. Регентом при нем был архиепископ Майнцский Гаттон, который не смог удержать восточнофранкское государство от глубокого политического кризиса и смены династии.

Стремительная регионализация народов за Рейном, слабость королевской власти привели к восстановлению «поздних племенных» герцогств, против которых упорно боролись Каролинги. Вновь вернулась этническая власть герцогов: Бавария управлялась знатным родом Луитполдингеров, Саксония — Людольфингерами, Франкония — Конрадинами, Аламанния — Хунфридингерами. Знать не имела намерений приглашать на престол кого-либо из западных Каролингов и в 911 г. на съезде в Форххайме (Франкония) избрала королем Конрада, герцога Франконии. В правление Конрада I начались распри между епископской (епархии Майнца, Констанца, Зальцбурга) и герцогской (Бавария, Аламанния) группировками. Епископат настаивал на сильной королевской власти, герцоги — на слабой. К этому примешивалась не остывшая этническая рознь между франками и саксами, приведшая к битве при Эресбурге в 915 г. Венгры не замедлили воспользоваться ситуацией и вторглись в Южную Германию. Набег был отбит, показав, однако, что без единоначалия и соединения всех сил не обойтись. Кровавая распря длилась до смерти Конрада в 918 г. Он назвал своим преемником ***Генриха I Птицелова (Саксонского)*** (ок. 876–936), с которого началось правление Саксонской, или ***Оттоновской, династии*** (919–1024); начальный период ее изрядно мифологизирован и достаточно дискуссионен в историографии.

Саксонские монархи мало чем отличались от позднекаролингских магнатов, конфликтовавших между собой, и поэтому идея централизации страны приживалась довольно трудно. Региональные герцогства в Оттоновской Германии так и остались довольно замкнутыми образованиями с высокой степенью автономии. К насаждению сильной графской системы с детально разработанной юридической и фискальной системой, как это было при Каролингах, ни Оттоны, ни Салии не стремились. Некоторые исследователи прямо называют эпоху правления Саксонской династии «королевской властью без государства» (Г. Альтхофф). Политический процесс представлял собой «властную игру» устойчивого треугольника: король — знать — церковь. При этом каждая из сторон обладала своими землями и вооруженными

свитами. Огромную роль играли обычаи, а не твердо установленные юридические нормы. Таковы были исходные позиции формирования германского варианта феодализма.

Король как гарант мира и спокойствия в стране, стоящий во главе войска, по необходимости (довольно частой) и древнегерманскому обычаю собирал советы знати, на которых разрешались в том числе и мелкие локальные конфликты. Принцип наследственности властепреемства утверждался трудно, будучи отягощен древним обычаем выборности короля: предложение и одобрение кандидатуры королевского рода знатью, передача ему символов власти (священного копья, меча, короны), помазание, коронация, королевский обед, на котором обязанности слуг выполняли герцоги, они же — высшие сановники государства и нового короля. Королю передавался верховный сюзеренитет над страной и высшее ленное право, обязывающее знать к вассальной присяге. Начиная с Оттона Великого к обычным процедурам коронации добавилось восхождение на трон Карла Великого в Аахене.

Восстановление единства зарейнской Германии было делом довольно сложным: в нем переплетались многочисленные интересы общегосударственного характера (оборона от венгров, полабских славян, норманнов), герцогов, епископов, короля. Генрих I широко использовал в своей практике жесткие, взаимобязывающие договоры и «дружбу» — с необязательным, по обстоятельствам, характером исполнения соглашений, стремясь достичь консенсуса знати. После акта выборов он даже отказался от помазания и объявил, что будет править согласно традициям при сотрудничестве с герцогами. В центре его политики, однако, всегда было пропагандирование приоритета государства. Он был искусным дипломатом, умел отступать, но умел и принудить. Когда баварский герцог Арнульф Злой не захотел признать его королевский титул, Генрих добился своего осадой Регенсбурга, предоставив подчинившемуся герцогу право назначения баварских епископов.

Новый король искал международного признания любыми средствами: в 921 г. по договору в Бонне он не оспорил права на Лотарингию западнофранкского короля ***Карла III Простоватого*** (879–929), что не помешало ему в 925 г. принять вассальную присягу от лотарингской знати, когда они свергли своего короля. Генрих I всячески подчеркивал свою ориентацию на каролингскую традицию власти, что прямо противоречило интересам герцогов. Именно поэтому в Боннском договоре он обозначен в качестве «короля восточных

франков», а не просто как саксонский правитель, хотя его происхождение довольно часто проскальзывает в тогдашней историографии: *rex Franciae et Saxoniae*.

Генриху крайне необходим был серьезный военный успех для повышения авторитета. В 924 г. был взят в плен один из венгерских вождей. В качестве выкупа Генрих выторговал у венгров ненападение на 9 лет и выплату их королем дани за этот период. За это время он решил укрепить свои позиции, прежде всего в Саксонии, предоставив южным герцогам самим выстраивать отношения с венграми. Необходимо было создать конное войско и построить защитные сооружения в Саксонии. Крестьянам с королевских земель было предписано выставить и экипировать одного воина от девяти человек в гарнизоны бургов; пока этот воин будет занят строительством укреплений, остальные восемь обязаны были его содержать. В историографии эта мера, оцениваемая в качестве военной реформы, подвергается сомнению: саксы издавно строили большие бурги; сама повинность лежала на марковых сообществах.

В 928–929 гг. были произведены неожиданные удары по полабским славянам, захвачен их центр Бранибор. Далее последовал поход против Чехии, правитель которой признал главенство саксов. На завоеванных территориях Генрих по каролингскому образцу учреждает маркграфства (первым стал Мейсен). Неудача славянского восстания 929 г. привела к увеличению на захваченных территориях сбора дани и обременение повинностями. Так началась германская «восточная колонизация», сопровождавшаяся неслыханными насилиями над славянским населением.

В 929–930 гг. вышел довольно спорный «указ о престолонаследии»: Генрих на собрании знати в Аахене назначает своего старшего сына соправителем и единственным наследником; впредь запрещалось дробление государства на уделы. Ни о каком обсуждении кандидатуры или возмущении со стороны знати речи не было. Однако в источниках не зафиксировано ни одного деяния соправителя.

В 933 г. венгры были впервые разбиты у местечка Риаде. Согласно одним данным (Видукинд Корвейский), битвы вообще не состоялось: венгры бежали, едва завидя королевское войско. По другим (Лиутпранд Кремонский) — кочевников разгромила новообразованная тяжелая панцирная кавалерия, также выдаваемая за плод военной реформы Генриха. Широкой бенефициальной реформы Генрих не провел. В Германии его времени слой аллодистов был достаточно широк. Наконец, у него просто не было времени на выучку такой серьезной

боевой единицы. Расчеты специалистов по военным технологиям и истории оружия показывают его стоимость в каролингское время. Цена боевого коня составляла 7 солидов, коровы — 1 солид, меча с ножнами — 7 солидов. На 1 солид можно было купить 144 пшеничных хлеба весом по 2 фунта. Для требуемого властью уровня вооружения кавалериста нужно было затратить 40 солидов, т. е. цену 40 коров. Поэтому венгры были разбиты или отогнаны только силами всех соединенных конных дружинников-газиндов всех герцогов. О войске, состоявшем из министериалов (немецкий вариант конных рыцарей из несвободных людей), в источниках сведений нет. Свидетельства о министериалах как о какой-то (пусть незначительной) устойчивой социальной группе крайне редки и для XI в.

Победа у Риаде повысила авторитет королевской власти, поэтому переход в 936 г. короны к ***Оттону I Великому*** (912–973) прошел безболезненно. Однако этот акт чуть ли не тацитовской эпохи (перенос знатности и доблести отцов на сыновей) обернулся кровавой усобицей, внешняя причина которой также восходила к временам независимого германского военного нобилитета, когда свободные дружинники были вольны переходить к более удачливым вождям. Вскоре после коронации Оттона саксонские вассалы вознамерились уйти от франконских сеньоров к своим землякам. Началась кровавая смута, в ходе которой Оттон присоединил Франконию к Саксонии, в 944 г. передал знатному франконцу Конраду Лотарингию, обручив его со своей дочерью Лиутгардой. Расширившийся королевский домен дал возможность Оттону вмешиваться в дела Баварии: в 947 г., после смерти Бертольда Баварского, король передал Баварию своему брату Генриху. В 948 г. умер Герман Швабский и во главе Швабии оказался зять покойного Людольф, сын Оттона. Германские земли были объединены, хотя и не на основе твердой юридической централизации, но под властью одной династии. В следовании каролингской традиции Оттон пошел дальше своего отца, распределив регионы страны между родственниками, печальные последствия чего не замедлили сказаться.

«Оттоновские привилегии»

В борьбе с герцогами Оттон во многом использовал свою позицию в церковной организации. Его политика была прямым следствием итогов каролингской христианизации Германии. Церковные земли рассматривались как королевские лены (вне данного статуса были земли частных дарителей), на которых король имел

право прямого налогообложения. В случае если та или иная епархиальная кафедра или аббатство оказывались вакантными, все доходы, включая церковную десятину, шли в королевскую казну.

Поэтому короли не спешили их замещать. На важнейшие кафедры назначались королевские родственники; менее важные предлагалось купить. Это явление позже получило в церковной среде название «симония».

В качестве сеньора епархии короли имели право на введение церковного ленника во владение, переуступая им на данной территории светскую власть как чиновникам государства, с соответствующим ограниченным банном, а также духовную, коль скоро они были главами диоцезов и носили духовный сан. Этот торжественный акт назывался «инвеститура». Например, на важнейшее Кёльнское архиепископство Оттон назначил своего брата Бруно, передав ему заодно иммунитет над Лотарингией. Короли имели право сполиации, т. е. выступать в качестве единственного наследопринимателя имущества умерших духовных лиц. При захвате новых земель, параллельно с маркграфствами, основывались епархии и монастыри в еще большей степени, чем старые, (Сен-Галлен, Фульда, Констанц) зависимые от короля. Разбросанные владения приходов были объединены Оттоном в единые, т. е. вместе с чересполосно лежавшими светскими землями — иммунитетные округа с расширенной юрисдикцией, в том числе и высшей. Хранителем иммунитета был, однако, назначаемый королем чиновник — фогт. Суть системы так называемых «оттоновских привилегий» состояла в том, что под фогтско-церковный иммунитет подпадали не только крестьянские общины-марки, но — в большей степени — часть графских владений позднекаролингской эпохи. На этом юридическом основании положение графов-ленников становилось двусмысленным: они одно-

Оттон I Великий.
Статуя в соборе Святого Иоанна евангелиста в Мейсене.
1260–1270-е гг.

временно могли быть вассалами и герцогов, и короля. При сильных королях они выполняли ленные обязанности именно в их пользу. Германская церковь после таких нововведений, не имевших аналогов в католическом мире, стала одной из главных опор королевской власти в борьбе не только против герцогов, но и самого папы.

Итальянская политика Оттона Великого и создание германской «Римской империи»

Оттоновское объединение Германии было все же весьма зыбким, потому что не покоилось также на этническом единстве. Распря в семье Оттонов привела к крупной феодальной войне между родственниками короля. Население герцогств, рассматривавшее каждого из Оттонов в качестве своего сеньора, активно взялось за оружие. Королю не удалось мирно разрешить конфликт, и он не раз терпел поражения от мятежников. В 954 г. Людольф Швабский и Конрад Лотарингский призвали венгров против короля, осаждавшего бунтующий Регенсбург. Нашествие отрезвило мятежников и привело к временному единению. В 955 г. на р. Лех близ Аугсбурга венгры были наголову разгромлены на этот раз силой панцирной кавалерии численностью 7–8 тыс. человек. Кроме лотарингцев, не успевших к сражению, в армии Оттона участвовали отряды всех герцогств. Осенью того же года потерпели поражение славяне-венды при Регнице. Междоусобица в Германии прекратилась.

Началось активное вмешательство Оттона в итальянские дела. Разгромив маркграфа Беренгария и женившись на знатной наследнице бургундского престола Адельгейде, Оттон провозгласил себя королем Лангобардии и испросил разрешения на посещение Рима, но получил отказ. Десятилетие феодальных войн в Италии, усиление Беренгария привели к тому, что Оттона призвали на помощь.

Причин такого вмешательства было много. Среди них продолжение политики южногерманских герцогов по прямому ограблению богатых североитальянских земель, оборона своих же рубежей от венгров, которые совершали набеги вплоть до Рима, следование каролингской традиции и стремление распространить систему германского епископата на Италию, взяв тем самым под контроль папство.

Поводов для вмешательства в дела Италии было предостаточно, и после коронации в Вормсе 7-летнего наследника в качестве восточнофранкского короля, при полном одобрении немецкой знати Оттон I двинулся в Италию. 2 февраля 962 г. в соборе св. Петра он

Германское королевство в середине X в.

был миропомазан и провозглашен «императором Августом». С 982 г. титул уточняется — «римский император Август». Уже при Салиях германский король до получения императорской короны титуловался «король римлян», что давало повод к походам в Италию. С 1034 г. окончательно закрепляется название «Римская империя».

Имперская корона Римской империи

Новый римский император добился от папы права на учреждение Магдебургского архиепископства как церковной митрополии высшего ранга с властью над всеми землями между Эльбой и Одером.

Германский король с ее помощью получал возможность вмешиваться в дела не только западнославянского племенного мира, но также Польши и Чехии. Миссионерские контакты с Киевом закончились полным провалом. Германско-римского императора не признала не только Византия, но и Франция и Англия. Изменившаяся международная обстановка способствовала тому, что императорская корона просто превращалась в символ, за который прочно держались именно германские короли. Германия периодически воевала на трех-четырех фронтах: против славян, датчан, норманнов, имела значительное количество врагов во Франции, к югу от Рима она вынуждена была вступать в борьбу с арабами, византийцами. Кроме того, удержание контроля над папством требовало постоянного военного и дипломатического вмешательства.

Вассальной присяги от папы Иоанна XII Оттон I не получил. Однако от населения Рима он добился обязательства не бунтовать против «его» папы. Долгие переговоры с Византией о династийном браке увенчались успехом: в 972 г. греческая принцесса Феофано вступила в брак с Оттоном II, сыном и соимператором Оттона Великого.

Отношение германской знати к итальянской политике своих королей было скорее отрицательным: она не стала имперской аристократией и ее заботили собственные, немецкие проблемы, главной из которых было ослабление королевской власти. Не случайно, несмотря на мирный переход власти к Оттону II, новый император столкнулся с серьезными феодальными войнами в Германии, вторжением датчан и западных франков в Лотарингию. Семь лет (973–980) ушло на умиротворение Германии, прежде чем Оттон II смог вернуться к итальянским делам. Эти семь лет отчетливо продемонстрировали дуализм германской монархии: империей она могла именоваться в Италии, в Германии — лишь королевством.

Поход Оттона II в Италию привел к восстановлению изгнанного папы и наступлению против арабов.

В 982 г. у мыса делле Колонне была одержана серьезная победа, но при возвращении из Апулии императорское войско попало в засаду; сам император едва не попал в плен. Собранный в Вероне большой съезд вассалов постановил очистить всю Италию от арабов и провозгласил восточнофранкским и италийским королем трехлетнего Оттона III. На севере же датчане возобновили войну с немцами, в результате которой удалось отстоять только Шлезвигскую марку. Германское господство в Ютландии прекратилось. Параллельно славяне разгромили почти все гарнизоны немцев на заэльбской территории, захватив и разрушив Бранденбург (Бранибор), Гавельберг (Гана) и Гамбург. Повсеместно уничтожались христианские приходы и восстанавливалось язычество. Остановить вторжение славян удалось только у р. Тангер.

Оттон II.
Миниатюра из Кодекса
св. Григория. Ок. 983–985 гг.

На фоне этих событий в 983 г. умер Оттон II, и в империи началась война за право регентства над малолетним Оттоном III, в которую были втянуты немецкие и французские магнаты, а также государи Чехии, Польши и вожди полабских славян. Путем многочисленных уступок немецкой и французской знати регенство было утверждено за матерью Оттона III императрицей Феофано.

После восстановления мира Германия стремилась вернуть себе власть над полабскими славянами в союзе с чешским и польским князьями в 985–987 гг. Лужицкая земля была вновь завоевана; походы против лютичей 991–997 гг. закончились провалом. В ходе этих событий произошел военный конфликт между Чехией и Польшей из-за Силезии; империи пришлось стать на польскую сторону. Не желая сохранения зависимости от Германии, польский князь Мешко I пере-

нес свою столицу из Познани, бывшей под немецким сюзеренететом, в Гнезно, формально находившемся под папским покровительством. Его наследник Болеслав Храбрый добился учреждения Гнезненского архиепископства, не зависимого от германской церкви.

В 994 г. в самостоятельное правление Германией и империей вступил Оттон III, самый экстравагантный и пагубный для Саксонской династии государь. Оставив Германию на попечении своей тетки аббатиссы Матильды, он отправился в Италию реализовывать утопическую идею восстановления подлинной Римской империи. Короновавшись «римским императором Августом», он провозгласил Рим столицей мира, себя — хозяином Города, а папу назначил своим помощником по церковному управлению. В Риме восстанавливается вся служебная титулатура поздней Римской империи; в придворный церемониал вводятся многие византийские элементы. Во внешней политике соседи Германии наделяются забытыми титулами «друзей и союзников римского народа». Таким образом, на место германцев как «государственного народа» были поставлены римляне, что вызвало в Германии не только горькую иронию, но и озлобление. На троне императора были изображены четыре согбенные фигуры, приносящие дань: *Roma*, *Gallia*, *Germania*, *Sclavinia*. Возвеличивая роль римской церкви, Оттон щедро раздавал ей земли вместе с графской юрисдикцией, с обязанностью поставлять воинов и натуральные оброки. Именно Оттон III пожаловал независимость Гнезненскому архиепископству в Польше и Гранскому в Венгрии. Иштвану Венгерскому был дарован титул короля. Верхом императорских деяний стала эксгумация могилы Карла Великого, откуда Оттон вынес золотой нательный крест и часть одежд, а также зуб в качестве наследства своего «предшественника».

Вернувшись в Италию, Оттон III обнаружил, что его режим буквально разваливается. В Германии зрел заговор против императора, в том числе с ведома епископов, недовольных целенаправленным разрушением церковной системы Оттона Великого, усилением папства и ослаблением позиций германского епископата и знати в восточных землях. Был возобновлен союз с Венецией для борьбы с арабами; немцы вторглись в Кампанию и Беневент и разграбили их, но сил для взятия Рима не хватало. Ожидая подкреплений, император умер в возрасте 22 лет.

Конец Саксонской династии

Смерть последнего Оттона не только спасла Германию от междоусобицы, но и продемонстрировала реальное ослабление ко-

ролевской власти. Четыре магната претендовали на престол; в конце концов знать согласилась на кандидатуру Генриха Баварского, родственного Оттонам, который объехал Тюрингию, Саксонию, Лотарингию, обещая повсюду удовлетворить недовольство знати теми или иными ограничениями вмешательства королевской власти в их дела. И лишь после этого в Аахене он был провозглашен и коронован ***Генрихом II*** (973–1024). Выборы короля знатью показали, что он является отныне первым среди равных. В «Житии св. Вигилиса» говорится, что он, архиепископ Майнцский, «постановил решать вопрос об избрании императора верными князьями Германии с помощью жребия... Первым результатом доброго совета и огромного влияния Вигилиса... явилось избрание в императоры после смерти Оттона III Генриха...»

Учитывая недовольство большинства знати Германии политикой «восстановления империи римлян», Генрих II провозглашает в качестве основной государственной идеи «обновление королевства франков», возвращая германцам-франкам статус главного народа в королевстве. Восстановление могущества власти Генрих II основывал на следующих принципах: укреплении расшатанной оттоновской церковной системы и возвращении германских позиций за Эльбой. Первое удалось вполне (король был даже причислен к лику святых); второе — нет. Три войны с Болеславом Польским закончились неудачей; третья — настоящей военной катастрофой. Мир 1018 г. с Болеславом был для Генриха и вынужденным, и почетным; польский король стал лишь номинальным вассалом империи. Генрих как сеньор послал даже 300 рыцарей на помощь Болеславу в походе на Киев.

Еще более сложной была обстановка в Италии, где после смерти Оттона III царила полная анархия. Посланный на помощь итальянским сторонникам в 1002 г. небольшой отряд погиб в Альпах. В 1004 г. Генрих лично явился в Италию, но дальше Павии не двинулся, удовольствовавшись титулом короля Италии. В 1013 г. Генрих совершил второй поход в Италию, восстанавливая в основном отнятые у монастырей владения и назначая на епископские кафедры своих сторонников. Однако именно в этом походе ему удалось достичь Рима и короноваться императорской короной. С 1016 г. обстановка в Италии накалилась до предела ввиду появления там норманнов и победоносного наступления Византии. В 1021 г. Генрих совершил свой последний поход в Италию, вернув ряд южноиталийских владений под немецкий протекторат. Но вслед за этой победой он покинул Италию, вернувшись в относительно замиренную после мятежей знати Германию. Послед-

ние годы жизни он посвятил церковным диспутам о реформе церкви, невольно подготавливая будущую схватку императорской власти с папской. С его смертью пресеклась Саксонская династия.

4. Германия при Салиях

Политика Конрада II

После смерти Генриха II, в сентябре 1024 г. в Майнце новым королем был избран франконский герцог ***Конрад II*** (ок. 990–1039), правнук Оттона Великого по женской линии. Новая, Франконская, или Салическая, династия унаследовала довольно непростую ситуацию в королевстве и империи. Внутри страны присяга знати новому государю повсеместно основывалась на признании Конрадом всех местных обычаев и привилегий. Основные экономические и социальные институты Средней и Северной Германии, таким образом, не претерпели существенных изменений, подвергаясь весьма медленной феодализации. Политическое господство в Италии поддерживал только епископат германского происхождения, призывавший Конрада короноваться императором. В короткое междуцарствие от империи отпал Болеслав Храбрый, приняв титул короля, который закрепил за собой и его сын Мечислав II, отказавшись от уплаты дани. Претензии на Бургундию, обещанную в наследство еще Генриху II, заявил граф Шампани, поддерживаемый недовольными лотарингскими владетелями. Датский король Кнуд установил союзнические отношения с польским королем, весьма опасные для Германии. Конрад уступил датчанам Шлезвигскую марку, перетянув таким образом Кнуда на свою сторону. В самой Германии оппозиция Конраду II группировалась вокруг могущественных родственников Оттона I, обойденных при выборах 1024 г.

Ввиду относительного спокойствия на восточных границах Конрад решился в 1026 г. на поход в Италию, где он был коронован и итальянским королем, и римским императором. Из-за угрозы высадки на юге Италии византийских войск Конрад поспешил к Беневенту и закрепил за собой три владения.

В Германии в отсутствие короля вспыхнул феодальный мятеж, который был подавлен вернувшимся Конрадом. Швабию Конрад сделал своим владением, отняв ленные права у бунтовавшего герцога, а в Баварии назначил герцогом своего сына. В 1028 г. будущий король Генрих III был коронован в Аахене в качестве наследника

и Германии, и Бургундии. Последняя была присоединена к Германии только после трех войн в 1034 г. В руках императора из крупных регионов не были лишь Лотарингия и Саксония; многочисленные интриги, исходившие из этих герцогств, во многом были связаны с итальянской политикой германских королей.

В своей внешней политике и борьбе с крупной феодальной знатью Конрад II, так же как и его предшественники, использовал епископат, требуя от него неукоснительного выполнения ленных обязанностей вплоть до отнятия бенефициев в случаях неповиновения. Огромные домениальные земли, в том числе полученные в результате брака, позволяли Конраду расширять слой мелких королевских вассалов и министериалов. Последние формировались из несвободных категорий населения, вольноотпущенников и лиц, в той или иной степени зависимых от короля. Ленники, взращенные при Саксонской династии, в результате феодальных войн и периодов ослабления королевской власти обретшие личную свободу, постепенно присвоили себе право только в течение сорока дней в году нести военную службу королю. Феодальные мятежи, перемещения границ ленных владений и земельной собственности привели к тому, что часть вассалов находилась в зависимости не от короля.

Новые министериалы франконской эпохи получали из королевского домена в среднем по три гуфы земли и были обязаны служить столько, сколько потребует король. В Германии создается особое министериальное право, в котором в наименьшей степени были учтены традиции права ленного (резко усилились позиции сеньора). Министериалы Франконской династии служили в походных войсках, в гарнизонах бургов, на должностях административного и хозяйственного аппарата, на высоких придворных должностях. Опираясь на министериалов, Конрад II и его преемники силой и обоснованием своей юридической правоты провели возврат в королевский фонд земель, незаконно перешедших в руки знати в ходе смут. Особенное внимание обращалось на тюрингские и саксонские земли, прилегающие к сопредельным славянским территориям. Восстановление королевской собственности в этих районах опиралось на созданный мощный плацдарм с центром в пфальце Гослар с целью дальнейшего продвижения на восток.

К числу противников Германии (полабских славян, Чехии, Польши) присоединилась Венгрия, ставшая королевством и учредившая административную систему по франкским образцам. Венгрия потребовала от Конрада уступки части баварских земель. Поход Конрада

в Венгрию в 1031 г. был неудачным. По мирному договору венгерский король не являлся вассалом императора; до конца нерешенным остался вопрос о спорных территориях. Германский король решил также воспользоваться династийной борьбой в Польше и вторгся в Силезию, где потерпел жестокое поражение. Сын Болеслава Храброго Бесприм получил помощь от киевского князя Ярослава Мудрого. Недавний победитель немцев Мечислав Польский бежал в Чехию. Сложная дипломатическая игра с уступками Чехии и Германии, а также предательское убийство Бесприма заставили в 1033 г. польского короля принести Конраду вассальную присягу.

Итальянские дела, феодальные усобицы вокруг Милана, жители которого создали коммуну и попросили у императора установления над ней прямого правления, вновь заставили Конрада II совершить в 1037 г. поход в Италию. Крупнейшей проблемой Северной Италии была борьба крупных вассалов императора — «капитанов» — с мелкими, называвшимися вальвассорами.

Принять покровительство над миланской коммуной Конрад отказался и оказался втянутым в войну с епископом Арибертом, предложившим свои «республиканские» услуги городу, на помощь которому пришла часть ломбардских епископов и граф Шампани. Конрад разгромил эту коалицию. Опору своей власти в Италии император точно усмотрел в вальвассорах. В 1037 г. он издал указ «О бенефициях в Итальянском королевстве», в котором удовлетворил все требования вальвассоров: их лены признавались наследственными; спорные вопросы с сеньорами разрешались только в судебном порядке, а не произволом; мелкие вассалы получили право апелляции к самому императору. Миланский епископ Ариберт, смещенный и отлученный от церкви, предложил корону Ломбардии графу Шампани, который вторгся в Лотарингию, потерпев там поражение. Не дожидаясь окончания войны, Конрад вернулся в Германию. Своими нововведениями в отношении вальвассоров император увеличил разрыв между итальянской и германской моделями вассалитета, однако создал себе и своим преемникам в Италии надежную политическую опору.

Правление Генриха III

Переход власти к ***Генриху III*** (1039–1056) осуществился спокойно. В состав королевского домена входили Франкония, Швабия, Бавария, Каринтия; лотарингский и саксонский герцоги, фландрский и голландский графы приносили вассальную присягу. Каза-

лось, никогда королевская власть не была столь прочна. В немецкой историографии, тем не менее, время правления Генриха III и Генриха IV, т. е. середина и вторая половина XI в., признается переходной эпохой, периодом борьбы между «королевской властью» и «церковью», временем окончательного крушения позднекаролингских и раннеоттоновских традиций. Внешними признаками переходности являются прирост населения вследствие упорной колонизации славянских земель и оттока крестьянства на восток; улучшения в агротехнике (все большее использование колесного плуга и технологии трехполья); возникновение (правда, уже в XII в.) городов как ремесленных и торговых структур в зарейнской Германии; новая территориальная консолидация немецких земель. В связи с ростом епархий при соборах создавались школы, в которых господствовало теологическое образование. Светской литературы было довольно мало, поскольку преподавание светских дисциплин практически отсутствовало. Уровень образованности населения был крайне низок; безграмотными были даже короли.

При отсутствии наследника (Генрих IV родился в 1050 г.) Генрих III возобновляет практику раздачи крупных регионов страны в вассальные держания магнатам, не связанным прямым родством с королевской фамилией и не уроженцев этих ленных территорий. В стремлении добиться полного подчинения Лотарингии и Саксонии король проводит политику раздробления этих герцогств. В 1044 г. Генрих делит Лотарингское герцогство на две части и передает его сыновьям умершего герцога Гоцело. Старший, Готфрид, претендовавший на всю Лотарингию, войдя в союз с французским королем, фландрским и голландским графами, начал войну против своего сюзерена. Феодальный мятеж удалось подавить к 1049 г. в несколько этапов с помощью итальянских вассалов, отрядов английского и датского королей. Активным помощником Генриха III выступил римский папа, короновавший германского короля императором в 1046 г. В Саксонии король натравливал бременского архиепископа Адальберта против герцогской семьи Биллунгов, что упрочивало королевские владения на севере страны.

На востоке — в Чехии, Польше, Венгрии — дела для империи складывались неблагоприятно. Славянские государства воевали друг с другом, призывая в союзники Генриха. В результате к 1040–1041 гг. Генриху удалось добиться ликвидации чешского и польского королевских титулов, принесения Чехией и Польшей вассальной присяги и временного присоединения к Германии части моравских

земель. Полабских славян к полной покорности привести не удалось. В 1056 г. на смертном одре Генрих получил известие о полном истреблении немецкого войска, посланного на покорение лютичей. В Венгрии ставленник Генриха III Петр был свергнут и бежал в Германию. Королем стал магнат Аба из династии Арпадов, вторгшийся в 1042 г. в Баварию и насаждавший, как и у себя на родине, язычество. Министериалы Генриха остановили его наступление. Ответный поход имперских войск в том же году привел к разгрому Абы и к размещению по всей стране германских гарнизонов. В 1043 г. Аба вновь пришел к власти, но, избегая войны, принес вассальную присягу и уступил Германии земли до Лейты и Моравы. Генрих III немедленно создал там министериальные держания. Аба, однако, нерегулярно выплачивал дань, в связи с чем последовали новый поход, разгром венгерских войск в 1044 г. под Менфе, поимка и казнь Абы и новое возведение на престол Петра. Венгерская проблема так и не была разрешена в пользу империи: в 1046 г. Петр был вновь свергнут и ослеплен новым королем Андрашем Арпадом, проводившим откровенно антигерманскую политику. Завоевательные походы 1051–1052 гг. провалились.

В последние годы правления Генриха III вновь произошли феодальные мятежи, ограничивавшие возможности светской власти для вмешательства в процессы реформирования католической церкви, во главе которой император видел себя, а папство — лишь своим орудием. В 1053 г. на съезде знати в Трибуре наследником при слабой регентше Агнессе был провозглашен трехлетний ***Генрих IV*** (1050–1106). Это событие развязало после смерти Генриха III в 1056 г. руки всем антикоролевским и антиимперским силам.

Церковная реформа и ее последствия

Слабость папства в раннесредневековую эпоху порождала его обращение за помощью к светским властям, повлекшее зависимость римского престола от последних. Германский контроль над папством был более сильным, нежели франкский. Процесс феодализации напрямую касался католической церкви, но наиболее последовательное включение в него епархий и аббатств происходило именно в Германии и Франции. Большинство прелатов были прямыми вассалами королей; им, а не папству были подчинены в подавляющей массе монастыри. Церковные ленники вели себя в обыденной жизни практически как миряне: бенедиктинский устав почти не соблюдался, безграмотность духовенства была ужасающей, в монастырях

нарушался обет безбрачия. Требования от церковных ленников военной службы прививало духовенству воинственность, доходящую до «судебных поединков» в его среде, разбоев на дорогах. Обмирщение церкви, вооруженная борьба за папский престол резко снизили авторитет церкви во всех слоях общества. В целом ряде стран католицизм, представлявший собой своеобразный гибрид с язычеством, стал питательной средой для сравнительно легкого возрождения последнего. Часть духовенства в X в. твердо настаивала на церковной реформе, установлении мира Господня, что означало изгнание мирского элемента из церковной организации. Экзальтированное ожидание конца света в 1000 г., неурожаи и голод 1028–1031 гг. привели к поддержке идеи Божьего мира в среде простых мирян. Образованные государи Европы по-разному относились к реформаторским идеям: от безоговорочной, фанатичной поддержки до циничного спокойствия (Генрих II Святой), а также формально-торжественного осуждения симонии (купли-продажи церковных должностей) и николаизма (браки духовенства), но сохранения на практике прежних порядков (Конрад II и Генрих III).

Идеи церковного обновления зародиться в Германии не могли, ввиду того что сама церковь давно была частью государства. Они возникли в Аквитании, но центром стал монастырь Клюни в Восточной Бургундии, основанный в 910 г. герцогом Гильомом Аквитанским. Благодаря жесткости в отстаивании бенедиктинского устава его учеными аббатами, прямой подчиненности папству он быстро приобрел большой авторитет, принимаемый вместе с идеями обновления церкви многими приходами, также подвластными папе. В результате в течение X в. возникает сообщество (конгрегация) единомышленников в разных регионах католического мира, но, прежде всего, вне сферы функционирования «оттоновских привилегий». Члены конгрегации не выбирали себе самостоятельно настоятелей, но подчинялись власти приоров, назначаемых из Клюни. В Лотарингии опорой клюнийцев стало аббатство Горз; в Германии — основанный в 1059 г. монастырь Гиршау. Клюнийцы на ранних этапах своего движения требовали безусловного запрета симонии и николаизма. В обоих случаях это таило в себе угрозу независимости церкви от светской власти. В 994–1041 гг. во главе клюнийской конгрегации стоял аббат Одилон. Первым реальным достижением Одилона стало документально зафиксированное соглашение между епископами и местной знатью «клюнийских регионов» о перемирии Господнем, т. е. прекращении любых кровавых распрей с вечера среды до утра понедельника.

Сопротивление клюнийцам было довольно мощным и прежде всего на уровне римского престола. В 1046 г. в Италии было сразу три папы, один из которых, Бенедикт IX, продал свой, силой приобретенный сан, римскому клирику за 1 тыс. марок серебром. В неслыханный для церкви позор пришлось вмешаться Генриху III, сместить симонистов и назначать папами одного за другим своих ставленников (Климента II, Дамаса II, Льва IX). Лев IX рьяно принялся бороться против симонии, но придерживался союза с императором. После очередного папского кризиса в 1059 г. партия реформ сумела утвердить своего папу, Николая II, и провести Латеранский собор, принявший важнейшие решения. Он произвел реформу коллегии кардиналов, расширив ее за счет неимперских прелатов, установил избрание папы этим обновленным органом — конклавом — и только им. Германский епископат и король не признали декрет Латеранского собора: на синоде в Вормсе 1060 г. Николай II был низложен. Светская власть, однако, не скоро была отстранена от назначений пап и епископата. Многие епископы и монахи не желали переходить под юрисдикцию римского престола, и сопротивление проповедующим клюнийские порядки зачастую было кровавым: прелаты и монахи калечили тех, кто требовал соблюдения безбрачия (целибата). Нередко для разрешения подобных «дискуссий» Генрих III посылал войска.

За спором о симонии и николаизме стояли более серьезные экономические и политические проблемы, и главные из них касались вопроса об ограничении (в идеале — об уничтожении) ленных прав светских властей над епархиями и передачу их папству. Инвестировать[1] епископа или аббата должен папа или его легат, а не король или император. Соответственно и доходы от местных церквей должны стекаться в Рим. Светская власть не должна вмешиваться в церковные дела, но, напротив, подчиняться духовному авторитету церкви. Крупная знать усмотрела в подобной программе орудие ограничения королевской власти. По сути дела, речь шла об уничтожении оттоновского церковного миропорядка и лишения королей их главных политических союзников.

Идеологами церковной супрематии выступили выдающиеся теологи своего времени: Петр Дамиани, кардинал Гумберт и особенно монах Гильдебрандт, человек со сложной судьбой, весьма ре-

[1] От лат. *investio* — «облачаю»: в средневековой Западной Европе — обряд утверждения епископа или аббата в должности, связанной с верховной властью над населением и получением доходов.

шительный и скорее прагматичный, нежели фанатичный. Дамиани и Гумберт своими сочинениями против симонии подготовили бурное теоретико-политическое творчество Гильдебрандта, особенно в качестве папы Григория VII. Разгул инакомыслия и враждебной королевской власти практики пришелся на малолетство Генриха IV и регентство его матери Агнессы. Именно с ее согласия идеологи «политического клюнийства» вмешивались в дела не только северо-итальянских, но и германских епархий.

Германия в правление Генриха IV

В малолетство короля самые влиятельные прелаты Германии — архиепископы Бремена, Кёльна, епископ Вюрцбурга — развязали междоусобицы, в которые немедленно ввязались светские магнаты. Расхищение домениальных владений достигло невиданных размеров, доходы короны резко упали, королевская власть сильно ослабла. Размах распрей дошел до неслыханной дерзости: на рейхстаге в Трибуре в 1066 г. церковная и светская знать, стремившаяся устранить воспитателя Генриха IV, могущественного архиепископа Бременского Адальберта, предложила юному королю отстранить архиепископа или самому оказаться низложенным. Несмотря на мятежи, направленные на ослабление власти короля, многие светские и церковные магнаты Германии и Ломбардии серьезно опасались радикализма клюнийцев, понимая, что претензии на супрематию коснутся не только королевских ленов. Кардинал Гумберт, обличая симонистов, объявляет еретиками не только их, но и достойных ада потворствующих им. Приобретение Оттоном Великим императорского титула он считал величайшим злом для католической церкви. Оттон и его слуги сделали церковь рабыней. Гильдебрандт прямо утверждал: «Каждый добрый христианин имеет гораздо больше права на королевский титул, чем дурные князья».

Окружение Генриха IV в 1066–1072 гг. состояло не из верных ему министериалов, а из магнатов, которые в период его малолетства растаскивали домениальные владения и присвоили себе множество привилегий. В 1069 г. король совершил удачный поход против лютичей и по возвращении подавил восстание в Тюрингии, что повысило его авторитет. Сталкивая знать между собой, Генрих шаг за шагом усиливал свою власть; к управлению государством на короткое время вернулся Адальберт Бременский. Как и его предшественники, Генрих любил подолгу останавливаться в Госларе, застроенном и сильно укрепленном. Кроме того, в Восточной Саксонии находились зна-

чительные домениальные владения. Генрих начал возводить там многочисленные бурги, из которых особенно выделялся Харцбург. Гарнизоны состояли из королевских министериалов, с помощью которых Генрих оттеснял магнатов от власти. «Бургизацию» Остфалии саксонское население поняло по-своему: его застарелое предубеждение против франков приводило к мысли о новом порабощении Саксонии. Само появление бурга прочно ассоциировалось с усилением эксплуатации податной округи.

В 1073 г. Генрих задумал поход против Болеслава II Польского, нападавшего на Чехию и Венгрию, и с этой целью стягивал в Гослар войска из Южной Германии. В Госларе же был назначен съезд саксонской знати, однако по их прибытии Генрих тайно перебрался в Харцбург. Старинная вражда саксов к франкам привела к восстанию широких слоев населения, от знати до крестьян, с требованиями срыть заложенные бурги, удалить от двора ненавистных советников-министериалов и восстановить правительство из магнатов, освободить из заключения герцога Саксонии Магнуса. Бежав из Харцбурга, король пошел на уступки и переговоры. В ходе переговоров знать составила заговор с целью низложения Генриха на имперском собрании. Знать с удовольствием наблюдала, как крестьянство разрушает бурги в Остфалии, но ужаснулась участи Харцбурга, в котором была разрушена церковь вместе с мощами и реликвиями.

Генрих вернулся во Франконию и нашел опору в городах. В Вормсе и Кёльне горожане изгнали епископов, разграбив их дворцы. Выступив арбитром, король вернул прелатов и утихомирил льготами городское население. Жалуясь на поведение саксонской знати, он не только не принял ее извинений по поводу участи Харцбурга, но и попросил у Гильденбрандта анафемы для осквернителей святынь. Григорию VII пришлось это сделать и призвать южногерманскую знать покарать язычников. Столь веский аргумент, исходящий от неистового папы, быстро восстановил ленную власть короля на юге Германии и в Лотарингии. Генриху вскоре удалось собрать большое войско и выступить весной 1075 г. против Саксонии, в которой между знатными и крестьянскими мятежниками царило недоверие. В сражении при Хомбурге-на-Унструте восстание было подавлено; крестьянское ополчение было почти полностью уничтожено. Немедленно последовал карательный рейд против Тюрингии, которую перешедший на сторону короля архиепископ Майнцский отлучил от церкви. Показательное наказание тюрингцев заставило вождей восстания одного за другим возобновить вассальную присягу. Боль-

ше всех за мир ратовало крестьянство, самая пострадавшая часть мятежников. В октябре 1075 г. близ Зондерсхаузена остатки знатных бунтовщиков публично изъявили покорность.

Борьба за инвеституру

Занятый восстановлением своей власти Генрих IV не имел возможности воздействовать на итальянские дела. Рим, раздираемый догматическими противоречиями, распался на политические группировки клюнийцев и антиклюнийцев. Политическая ловкость Гильдебрандта, умело действовавшего в калейдоскопической смене пап и антипап, привела его к избранию в 1073 г. папой под именем Григория VII, причем с грубыми процессуальными нарушениями Латеранского декрета.

Именно тогда Гильдебрандт в 27 тезисах, известных как «Диктат папы», в концентрированной форме изложил примат власти папства над всей церковью и принцип абсолютной непогрешимости римского понтифика. Ни один собор, ни одно теологическое сочинение не могут быть признаны церковно-каноническими без его санкции, ибо заслугами св. Петра он автоматически получает святость. И, наконец, только папа может распоряжаться императорскими инсигниями, «он может низлагать императоров», а «подданных он может освобождать от присяги негодным владыкам».

В феврале 1075 г. на Римском синоде Гильдебрандт потребовал явиться к папскому престолу пятерым советникам Генриха IV с повинной в грехе симонии. Главным решением синода стал запрет духовенству получать от светских властей любые должности; мирянину за подобный акт запрещался вход в церковь до добровольной отмены его распоряжения. Начался длительный и пагубный для королевской власти спор об инвеституре с радикальными клюнийцами, идеалом которых была вселенская папская теократия. Полное уничтожение светской инвеституры было, конечно, нереально, поскольку могло повлечь за собой перевод королевских церковных ленов в папские. Необходим был компромисс, но ни король, ни папа на него не пошли.

Генрих продолжил практику светской инвеституры в Германии и Ломбардии. Осенью 1075 г. король, вмешавшись в выборы епископа Милана, назначил там своего ставленника. В письме от 8 декабря 1075 г. Григорий VII в резкой форме потребовал от короля прекратить давление на избрание духовенства под угрозой отлучения от церкви. Называя Генриха *rex Teutonicorum*, папа недвусмысленно

дал понять, что курия не признает его власти над Италией. В январе 1076 г. Генрих собрал синод германских прелатов (26 епископов) в Вормсе, который единогласно отказался повиноваться папе, основывая свое решение на целом ряде нарушений церковных процедур вплоть до незаконности его избрания. Заключительное постановление синода начиналось довольно резко: «Генрих, король Божьей волей, а не захватом, Гильдебрандту, отныне не папе, а лживому монаху»; в таком же тоне и завершалось: «Я, Генрих, король Божьей милостью, совместно со всеми нашими епископами говорю тебе: сойди с престола, сойди!» Каждый участник Вормского синода, кроме того, направлял папе собственное послание с отказом далее признавать Гильдебрандта главой католической церкви. Ломбардский епископат в своей массе примкнул к решению германских прелатов и короля. Особое письмо Генрих адресовал «клиру и народу Рима» с предложением низложить Гильдебрандта, выбрать самим нового папу, которого он утвердит.

В Риме во время чтения королевских грамот посланник Генриха едва не был убит, но Григорий VII этого не допустил. В форме молитвы св. Петру папа произнес: «Генриха-короля, сына Генриха-императора, который восстал в неслыханной гордыне против церкви твоей, лишаю правления над всем королевством Тевтонским и Италией и разрешаю от присяги всех христиан, которой они связаны и свяжут себя... и предаю его анафеме».

В Германии действия папы вначале не произвели особого впечатления на епископат, но вскоре в его среде начался раскол. Ломбардские епископы в Павии произнесли анафему Гильдебрандту; то же самое сделал епископ Вильгельм Утрехтский в присутствии короля, но этот важный акт не удалось провести через германский церковный синод в Вормсе ввиду его малочисленности. Пропапской позиции придерживались магнаты, собравшиеся на съезд в Трибуре в 1076 г., где в отсутствие Генриха стали рассуждать о его низложении, но не смогли выработать сам механизм этого акта из-за противодействия многих епископов. Для разрешения колебаний был назначен еще один рейхстаг в Аугсбурге, на который должен был прибыть в качестве третейского судьи Григорий VII, которому и отводилась роль произнесения рокового для Генриха приговора. Посреднический план предложил аббат Гуго, принимавший некогда участие в ритуале крещения Генриха: к 22 февраля 1077 г., т. е. ровно через год и один день после предания короля анафеме, тот должен либо примириться с папой, либо проститься с короной.

Генрих бросился в Италию, совершив сложный переход через Альпы; Григорий VII направлялся в Аугсбург. В Италии к королю стекались графы, вальвассоры, епископы, настроенные антигригориански по многим причинам, одной из которых являлась поддержка папой патарии — еретического движения низших слоев общества, смыкавшегося с радикальными клюнийцами в осуждении обмирщения церкви. Под Мантуей папа узнал о появлении Генриха в Италии и счел, что с помощью всех его итальянских противников король расправится с ним. Григорий VII бежал в замок Каносса под защиту маркграфини Тосканской Матильды. К Каноссе 25 января 1077 г. прибыл и Генрих. Три дня в рубище кающегося грешника король добивался от папы аудиенции, которая состоялась 28 января. Произошли слезное покаяние и клятвы короля на мощах в том, что он будет покорен римской церкви. Отсюда возникло выражение «идти в Каноссу» — каяться, смиряться, идти на унижение перед противником. Отлучение было снято и это испортило на время отношения Генриха с ломбардцами, которые он, однако, быстро восстановил. В Каноссе проиграл не король, а папа, возвратив Генриху права на престол и сюзеренитет над всеми вассалами.

Но знать Германии, получив известия о возвращении Генриха в качестве законного государя, собралась в марте 1077 г. в Форххайме, объявила о низложении Генриха и избрала новым королем герцога Рудольфа Швабского. В ряде сражений войска Генриха то терпели поражение, то одерживали малоубедительные победы. При этом Григорий VII выжидал, на чью сторону встать. В 1080 г. антикороль Рудольф одержал победу у Наумбурга, однако скончался от ран. Тогда папа вторично повторил процедуру отлучения Генриха, что не возымело никакого действия в Германии и Северной Италии. Наоборот, в том же году на синоде в Бриксене Гильдебрандт был объявлен смещенным и проведено избрание нового папы — Климента III.

Невзирая на продолжающийся мятеж в Саксонии и Тюрингии, в 1081 г. Генрих IV с небольшим войском из швабских министериалов отправился в Италию, где Григорий VII вновь потребовал от короля публичного покаяния в духе Каноссы. В Германии саксонская знать выбрала себе королем графа Германа Люксембургского, который, не будучи в силах подчинить Южную Германию, вернулся в 1083 г. в Саксонию. В этом же году Генрих IV занял Рим; Григорий VII, укрывшись в замке св. Ангела, еще раз отлучил его и папу Климента III. В марте 1084 г. Генрих IV был, наконец, коронован императором. Папа Григорий призвал на помощь норманнов, которые

освободили папу и страшно разграбили Рим. Понимая свою долю ответственности, Гильдебрандт убыл из Рима вместе с норманнами и умер в Салерно в 1085 г.

Генрих IV вернулся в 1084 г. в охваченную войной Германию, которую удалось усмирить только к 1090 г. В Италии в отсутствие императора шла борьба разных пап друг с другом. В 1088 г. клюнийская партия избрала папой Урбана II, искусная дипломатия которого поставила власть Генриха IV в Ломбардии в критическое положение. Генрих вновь двинулся в Италию, где с переменным успехом воевал в 1090–1092 гг. Новый мятеж в Германии, новый антикороль заставили императора вернуться в Германию.

Бесконечные междоусобицы в Италии и Германии вызвали усталость от породивших их причин. В Италии Урбан II на Клермонском соборе в 1095 г. сумел возглавить и отчетливо озвучить идею крестовых походов. В Германии Генрих IV всячески содействовал возрожденной концепции «Божьего мира», столь желанной городам, министериалам, крестьянству и низшему клиру. И хотя на рейхстаге в Майнце в 1103 г. принимается решение об «общем мире» по всей стране, предусматривавшее жесткие санкции за нарушение имущественной и личной безопасности всего населения, это не остановило распри в стране.

В 1104 г. в союзе с баварскими магнатами против императора поднял мятеж его сын и наследник Генрих V, коронованный еще в 1099 г. До открытого столкновения не дошло, но коварный сын, уговаривая отца примириться с папой на рейхстаге в Майнце, заточил его в замке Бекельхайм. Там Генриха IV вынудили подписать акт отречения от престола. Знаки королевского достоинства в Майнце совместно с вассальной присягой от знати принял Генрих V. К отрешенному императору прибыл папский легат, заставил его исповедаться, но грехи не отпустил: унижение стало местью григорианской партии. Получив свободу, Генрих проследовал в Льеж, где объявил свое отречение недействительным и объявил сыну-антикоролю войну. На сторону императора стали среднерейнские города, видя в нем реальную гарантию «Божьего мира». Приготовления к боевым действиям шли полным ходом, вероломный Генрих V безуспешно осаждал Кёльн, неожиданно получив королевские инсигнии от отца, который умер в 1106 г. Тело Генриха IV пять лет пролежало непогребенным в Шпейерском соборе: великолепный образчик раннесредневековой культуры и католического благочестия. Борьба за контроль императорской власти над папством была проиграна, но спор об инвеституре не завершился.

Окончание борьбы за инвеституру и конец Салической династии

Последний из Салиев, ***Генрих V*** (1081–1125), унаследовал неразрешенные политические проблемы предыдущего правления. Логика развития ленных отношений неумолимо требовала не новой, но видоизмененной старой практики инвеституры. Придя к власти в качестве безусловного сторонника григорианской партии, Генрих V назначал на епископские кафедры своих кандидатов и требовал, как все его предшественники, исполнения вассальных обязательств, лежащих на вручаемых от его имени церковных ленах. После ряда походов на восток — в Польшу, Венгрию, Чехию — он отправился в 1110 г. с большим войском в Италию. Без всяких эксцессов он вступил в Рим, оказал почтение папе Пасхалию II и приступил к переговорам о судьбе инвеституры. Папа настаивал на исполнении принципов, идущих от Григория VII. Король согласился отказаться от светской инвеституры и потребовал со своей стороны сначала для себя императорской коронации, а затем отказа церковных структур от своих ленных герцогских, графских, маркграфских прав: земельных владений, городов, бургов, таможенных и рыночных сборов, чеканки монеты и прочих благ, принадлежащих короне как сеньору-собственнику. Пасхалий заявил, что церквам достаточно десятины и подаяний и он лично уговорит епископат отказаться от мирских благ. Был подписан соответствующий документ, оглашение которого в соборе св. Петра вызвало огромное возмущение против папы, обвиняемого в ереси и ограблении церкви.

Коронация оказалась сорванной, король обвинил папу в несоблюдении соглашения, арестовал его с частью кардиналов и удалился из Рима. В течение двухмесячного заключения Пасхалий согласился на условия короля: каждый прелат, избранный без симонии, вначале получает свой лен от короля и инвеститурируется светской властью при этом кольцом и посохом и лишь затем посвящается в сан. Король отказывается от вмешательства в выборы епископата, но обладает правом вето в отношении отдельных кандидатур. В 1111 г. Генрих V был коронован императором, вопрос об инвеституре был решен вновь в пользу светской власти и теперь зависел от позиции германской светской и крупной церковной знати.

В своей германской политике император откровенно ориентировался на города и министериалов, расширяя домениальные владения на Верхнем Рейне. Феодальные мятежи не преминули возобновить-

ся: сильный король знати был не нужен, тем более что он решил восстановить королевские владения в Остфалии. Военная удача чаще была на стороне его противников. Радикальные реформаторы в Италии потребовали отказа от привилегий, данных Генриху Пасхалием; четырежды в 1111–1115 гг. императора на разных синодах подвергали отлучению, но ни одна из экскоммуникаций не была папской. В 1115 г. без войска, с небольшой свитой Генрих V отправился в Италию, чтобы принять наследство маркграфини Матильды Тосканской, передав ведение войны в Германии своему родственнику — швабскому герцогу Фридриху Одноглазому. Наследство было огромным: аллоды, имперские лены, города. Генрих щедро награждал своих сторонников и на время создал себе в Средней и Северной Италии сильную поддержку.

Вернувшись в Германию в конце 1118 г., Генрих предложил собрать имперский рейхстаг и приступить к мирным переговорам. Решения рейхстага в Трибуре 1119 г., сулившие стране долгожданный мир, были сорваны двукратными отлучениями императора новым папой Каликстом II. Возобновившееся неповиновение знати не завершилось большой войной; на рейхстаге в Вюрцбурге в 1121 г. магнаты обязали Генриха примириться с папой по вопросу об инвеституре, гарантируя при этом сохранение чести государства, оказывая при необходимости давление на папу. Извещенный о происходивших событиях Каликст II послал своего легата кардинала Ламберта Остийского для обсуждения предварительных проектов и окончательного решения вопроса.

23 сентября 1122 г. на рейхстаг в Вормсе были подписаны два документа — папский и императорский, получившие название ***Вормский конкордат***, признававшие взаимные права сторон. Императорская грамота была подписана не только Генрихом V, но и значительной частью светской и церковной знати Германии, кроме саксонской. Таким образом, империю в Вормсе на равных с Генрихом представляла знать. Императором руководил здравый прагматизм: во-первых, ранее подобные конкордаты подписали короли Франции и Англии; во-вторых, имперский Вормский конкордат содержал региональные варианты. В Италии и Бургундии вначале следует церковная инвеститура (посохом и кольцом) с одновременным посвящением в сан и только через полгода — императорская (скипетром и леном). В Германии императорская инвеститура предваряла церковную. Король отказывался от своего права вето и вмешательства в выборы духовного лица, но получал право присутствовать на таких выборах,

т. е. его негласное влияние сохранялось, на что в 1123 г. указал Каликсту II Латеранский собор.

Борьба за инвеституру окончилась потерей для германского императора итальянского епископата. В Германии в результате зафиксированных в Вормском конкордате взаимных обещаний вернуть друг другу утраченные тем или иным путем владения, происходит известное ослабление королевской власти и усиление тенденции к формированию замкнутых территориальных владений. Германия прочно встала на путь феодальной, пока еще не политической раздробленности. Оттонова система сократилась до права короля требовать от своих церковных ленников выполнения вассальных обязательств.

Генрих V скончался бездетным в 1125 г., через год после неудачного похода союзником англичан против Франции. Династия Салиев пресеклась. Частным наследником владений Генриха V выступил племянник покойного императора швабский герцог Фридрих Одноглазый.

Итоги правления Салической династии не сводятся, конечно, к окончанию безраздельного политического господства светской власти над церковной. Изменилось место германской «Римской империи» в Европе: для Франции и Англии она и не была таковой; Венгрия и Польша обрели практически полную независимость, вассальные обязательства чешских князей превратились в фикцию, полабское славянство упорно сопротивлялось германской колонизации. В результате бесконечных мятежей внутри Германии происходит не консолидация и формирование единой немецкой народности, но, наоборот, отчетливая регионализация и консервация этнических групп. Королевская власть не обрела характера центральной, поскольку ни подлинной центральной резиденции, ни централизации страны не существовало.

Изменения в социально-политической структуре более или менее стабилизировались в вассальной иерархии. Возникшая в начале XI в. социальная модель — *oratores, bellatores, laboratores* («молящиеся», «воюющие», «работающие») — укрепилась окончательно. Духовенство представляли 6 архиепископов и 43 епископа, многочисленные аббатства либо двойной — королевской и папской — юрисдикции, либо только папской. Светская знать разделялась на высшую (герцоги, маркграфы, пфальцграфы, ландграфы, бургграфы), обладавшую обширными земельными имуществами и постепенно превращавшуюся из сменяемой в наследственную; среднюю (графы, фогты,

бароны — пожизненные ленники), бывшую вассалами как короля, так и аристократии; низшую (министериалы), зависимую главным образом от короля, подъем которой и превращение в особое сословие произойдет позже. Несмотря на малое количество настоящих городов, горожане были четко отделены от крестьян. В том, что касается оформления вассальных отношений и иерархии, завершение генезиса германского варианта феодализма можно считать свершившимся фактом. Германскую монархию, в которой тон задавали съезды высшей знати, можно характеризовать как аристократически-представительную.

Гораздо сложнее вопрос о феодализации крестьянства. Несомненно, каролингские модели экономической и личной зависимости крестьянства действовали при Саксонской и Франконской династиях во всех рейнских областях, о чем свидетельствуют полиптики монастырей ранней волны христианизации (Сен-Галлен, Фульда и т. д.). В Тюрингии, Саксонии, Фрисландии этот процесс затянулся надолго. Аллодиальная собственность и альменда общин, повинности крестьян в большей мере зависели от государства и баннов его представителей, фогтов и графов, нежели от вотчинников. Демографический рост XI в. вызвал расчистку лесов в Средней и Северной Германии; на новых территориях основывались традиционные общины-марки с наследственной аллодиальной собственностью и высокой степенью личной свободы крестьянства. Завершение феодализации германской деревни, связанное с превращением министериалов в особое сословие средних и мелких наследственных держателей, произойдет уже в период развитого Средневековья.

5. Культура раннесредневековой Германии

При изучении культуры раннесредневековой Германии необходимо учитывать ряд принципиальных соображений хронологического, географического и структурно-культурологического характера. Раннесредневековая германская культура не представляет собой целостной, гармоничной системы уже потому, что она покоилась на трех традициях: германском варварстве, позднеримской античности и христианстве. Соответственно, она отчетливо распадалась на элитарную, основывающуюся на латинской письменности, античной и христианской традициях, и народную — бесписьменную

и исключительно устно-коммуникативную. Элитарная культура была принадлежностью (в качестве доминирующего элемента) высшего церковного и высшего светского сегментов общества. Достаточно сказать, что все императорские акты вплоть до XIII в. составлялись на латыни. Большая же часть раннесредневековой германской знати, отличаясь от крестьянства имуществом и властью, в очень малой степени отстояла от него в культурном отношении, будучи безграмотной и в повседневности приверженной обычаям и привычкам простонародья, разговаривая с ним на одном наречии.

С географической точки зрения, раннесредневековая культура была представлена как минимум тремя регионами (рейнским, средне- и северогерманским), в которых хронологически по-разному — при наличии или отсутствии античных традиций — трансформировалось древнегерманское наследие.

Примером может послужить история двух городов. В лагере легиона и окружающей канабе *Castra Regina* после падения римской власти в V в. разместились бавары *(Baiuvarii)*, дав новое название городку *Reganespurc* (Регенсбург), который с начала VI в. стал резиденцией герцогов Агилолфингеров и древней столицей Баварии. Там была отстроена в следующем веке капелла св. Георга, в которой в 685 г. был погребен «апостол Баварии» св. Эммеран. В 739 г. св. Бонифаций учредил в Регенсбурге епископство и бенедиктинское аббатство. При Каролингах город был одной из видных императорских резиденций; там были погребены последние восточнофранкские Каролинги Арнульф и Людовик Дитя. При Оттонах и Салиях Регенсбург оставался одним из крупнейших политических, экономических и культурных центров Германии. С началом XII в. город вступает в стадию экономического и культурного подъема.

На нижней Эльбе авангард каролингских войск (согласно преданию, во главе с Карлом Великим) около 810 г. на месте саксонской деревушки *Hamm* («приют в пустынной местности») заложил бург, названный в источниках 834 г. *Hammaburg* (Гамбург). Отсюда должна была осуществляться христианизация Шлезвига и Дании; с этой целью там учреждается архиепископство. В 845 г. датские викинги разрушили Гамбург. Архиепископство было заново учреждено в 848 г. в Бремене, а в Гамбурге архиепископство было восстановлено только после того, как Гамбург был вновь отстроен в 937 г.

В 950 г. в Гамбурге насчитывалось до 500 жителей, в основном торговцев и ремесленников, медленно отстраивавших гавань на Эльбе. В 983 г. ободриты уничтожили Гамбург вместе с церковью,

монастырем и небольшой монастырской школой. Восстановленный к 1035 г. город насчитывал 800–900 жителей, половина из которых были духовными лицами. Знаменитый архиепископ Адальберт Бременский хотел превратить Гамбург в христианский центр всего Севера, но еще дважды (в 1066 и 1072 гг.) ободриты разрушали город. При Штауфенах в 1189 г. город получил первые торговые привилегии для призванных из Юго-Западной Германии переселенцев.

Оба примера показывают, что периодизация и структурная эволюция германской раннесредневековой культуры далеко не везде соответствовала «политической» хронологии, этапам и эталонам западнофранкского культурного развития. Для Северной Германии, например, вряд ли приложимы категории «Меровингская культура», «Каролингское и Оттоновское возрождение».

Эти понятия были чужды для всей народной культуры раннесредневековой Германии вне зависимости от региона. Население германских земель специалисты на 1000 г. оценивают примерно в 4 млн человек, с плотностью от 8 до 10 жителей на 1 км². Средняя продолжительность жизни для низших слоев едва достигала 25 лет, при крайне низком уровне здравоохранения и личной гигиены. Источниками питания служили овес, рожь, позже знаменитый немецкий *Eintopf* (смесь кореньев, злаков, рыбы и дичи), который был главным продуктом основной массы селян. Нелатиноязычная, близкая по культуре к простонародью знать питалась лучше. Для изготовления пива использовался ячмень, хотя медовуха была долго более предпочтительным напитком. Слаборазвитые агротехнологии заставляли до трети урожая оставлять на семена. Голод и эпидемии уменьшали сельское население нередко на треть, а то и наполовину. Население искало помощи у церкви и знати: в 1035 г. архиепископ Трирский во время мессы был вынужден позволить голодной пастве разорвать своего коня и употребить его в пищу. Густозаселенные области прирейнской Германии заставляли искать места для колонизации на востоке, где грозными соперниками были венгры и славяне. Замедленность колонизации, а также расширение практики раскорчевывания лесов и осушения болот вело к временной оторванности групп населения от своих этнических корней и стагнации у них, а то и возникновению новых элементов местной культуры.

Общим для крестьянства была вековая монотонность повседневного бытия. Центром мироощущения были двор и село (обычно не более дюжины домовладений с 70–80 жителями; наиболее крупные, в предместьях пфальцев, — до 300 человек). Источником информа-

ции об окружающем мире были слухи, больше доверия оказывалось очевидцам событий. Все это порождало конкретность мышления при отсутствии каких-либо абстракций. Система мер и весов определялась ведрами, повозками, локтями, шагами и т. д. Расстояния определялись по тому, как далеко можно увидеть белую лошадь; петух признавался годным для оброчных платежей, если он мог взлететь на спинку стула; забор считался крепким, если по нему трижды без ущерба пробегал вооруженный мужчина. В уголовном праве телесным повреждением считался факт пролития крови на землю. Образование складывалось из жизненной практики и производственного опыта; детский труд под родительским наблюдением был аксиомой. В мужчинах ценилась грубая сила, способность противостоять диким зверям и ворочать тяжелый плуг. В уголовном праве вор, тайно и бесшумно присвоивший чужое добро, карался более жестоко, чем разбойник, открыто противостоявший своей жертве.

Зависимость человека от природы при крайне низком уровне производственных технологий вела к углублению конкретного менталитета. Для преодоления личностных и хозяйственных невзгод совершались магические ритуалы, или, наоборот, шел поиск виновников неурожаев, падежа скота, которыми считались совершенно конкретные, подлежащие суровым карам «колдуны» и «ведьмы». Люди не имели ясных представлений о границах бытия и небытия, разнице между человеком и зверями, что порождало веру в оборотней. Христианство распространялось медленно, несмотря на появляющуюся густую сеть приходских церквей. Многие люди редко ходили в храмы и общались с приходским священником главным образом при крещении и отпевании. Даже заключение браков при господствующей полигамии в раннем Средневековье чаще было светским актом. Месса, включая «Отче наш» и «Символ веры», совершалась на латыни и была непонятна церковной общине; проповедь читалась на местных наречиях, но темы проповедей малообразованных сельских священников, которые обычно учились основным навыкам литургии у своих предшественников по приходу, были скудны и однообразны. Библии на древненемецком языке не существовало, а отсутствие книгопечатания резко ограничивало круг лиц, знакомых с ее содержанием. Отсюда распространение как тайного язычества, так и открытого почитания священных источников, камней, рощ, вера в домовых, талисманы и т. д. Постепенно древние языческие обряды христианизировались под давлением церкви. Нередко сами церкви воздвигались на месте языческих капищ. Сельские храмы

были практически лишены украшений, окрашены в однотонные цвета, алтарями зачастую служили простые каменные плиты. Все они были деревянными, как и крестьянские дома, что резко отличало их от епископских соборов, которым властью был позволен и вменен для застройки камень. Немногим от сельских приходов отличались и бурги средней знати: такие же земляные палисады и рвы, поскольку императоры и короли не позволяли укрепленных камнем бургов знати. Рост новых замков-шлоссов был возможен только в период ослабления центральной власти.

Представления о грехе и покаянии, постах были прагматичны и ориентированы на физическое выживание индивидуумов. Попытки ввести «тарифы» за грехи и покаяния с конца VIII в. были свернуты. Монастыри, учрежденные «сверху», главными задачами видели процветание собственного сельского хозяйства, лишь в теории считая бенедиктинский устав для себя обязательным. Подобная ситуация господствовала до начала клюнийского движения, поддержанного в Германии аббаством Гиршау начиная с 1079 г., с требованием для монашества труда, целибата, аскезы, грамотности.

Бытовые развлечения не имели возрастных границ: взрослые и дети с одинаковым удовольствием слушали саги и сказки, героями которых были фольклорные и исторические персонажи эпохи Великого переселения народов, пели народные песни, играли в прятки, снежки, загадки. В городах рейнской зоны, особенно в резиденциях знати и епископата, изредка появлялись бродячие актеры из других местностей, представляя публике акробатические номера, пение и танцы в сопровождении музыкальных инструментов. К эпохе развитого Средневековья на основе этих традиций разовьются основы немецкого миннезанга, на который большое влияние оказали в том числе западнофранкские эпические и лирические эталоны.

Носителями элитарной культуры (латиноязычной, а тем самым общеевропейской по своему характеру) были, прежде всего, немногие образованные духовные и светские лица. Сама элитарная культура была более сложной и дифференцированной, чем культура народная. В построенных пфальцах и соборах, отделанных в смешанных традициях античного, византийского и раннероманского искусства, обладавших книгами по теологии, истории и тогдашнему естествознанию, далеко не все могли хотя бы строчку написать на латыни. Два наиболее ярких примера — Карл Великий и Генрих II. Даже в конце XIII в. из 14 членов соборного капитула в Мейсене 9 не могли написать свое имя. Библиотеки наиболее крупных раннесред-

невековых монастырей насчитывали всего несколько сотен книг, в основном богословского характера. В историописании господствующим жанром были анналы (Фульдские, Бертинские), носившие ярко выраженный провинциальный характер; представление о происходящем в сопредельных странах скорее было исключением. ***Лиутпранд Кремонский*** (922–969) составил хвалебную биографию Оттона I, а также описание нравов византийского двора; ***Адам Бременский*** (ум. 1081), один из столпов раннесредневековой историографии, назвал свой труд «Деяния понтификов Гамбургской церкви». Биографии германских монархов (например, «Деяния Конрада II императора») в силу их отчетливой официозности не достигали уровня «Жизни Карла Великого» Эйнгарда. Даже счастливое исключение — «Деяния саксов» ***Видукинда Корвейского*** (ок. 950–1004) — в большей степени усеченные жизнеописания Генриха I и Оттона Великого, нежели историко-этнографический труд.

Из «Каролингского возрождения» для Германии ближайшие его преемники, особенно Людовик Немецкий, будучи не в силах предотвратить распад Академии Карла Великого, восприняли наиболее прагматичную ее составляющую: сам опыт организации системы образования с усилением внимания к германоговорящим верхам общества. Отмести сразу латынь не удалось, но именно к периоду правления первого восточнофранкского короля восходят традиции будущей немецкой культуры. В светской монументальной архитектуре заимствовались элементы романского стиля для украшения пфальцев с целью усиления репрезентативности центральной власти.

Этой же задачей было проникнуто «Оттоновское возрождение», вызванное к жизни ориентацией на восстановленную имперскую идею. При дворе Оттона Великого вновь сложилась не столь масштабная, как при Карле, Академия; вновь зазвучала ориентированная на классические образцы ученая латынь. Деятельность этого ученого кружка была уже, а творчество носило заметный официозный характер. Образцом может служить анонимная «Песнь об Оттоне», повествующая о разгроме венгров в 955 г. на реке Лех. Победа Оттона I ставит его в один ряд с Карлом Великим, который ранее, уточняет автор, воспрепятствовал аварам обрушиться на Западную Европу. Ритмика короткого стиха со склонностью автора «Песни» к аллитерации сближает ее с типичными германскими эпическими памятниками.

Наиболее крупной поэтессой «Оттоновского возрождения» признают ***Хротсвиту Гандерсгеймскую*** (ок. 935–1002), автора ряда нази-

дательных комедий («Авраам», «Дульциций»), в которых сочетались этика произведений Теренция и опыт западноевропейской и византийской агиографии. Комедии, разворачивая свои сюжеты на искусственном фоне позднеантичного времени, насыщены обильным бытовым материалом X в. и высокой патетикой жестоких испытаний, которым подвергались гонимые христиане. Хротсвита в результате заложила традиции, шедшие вразрез с античной драматургией, но развившиеся в более поздних средневековых произведениях. При Оттоне II, женатом на византийской принцессе, усиливается струя греческой образованности, что отразилось на усовершенствовании художественной техники книжной миниатюры, лучшими образцами которой стали произведения такого рода из монастыря Райхенау. Идущее сверху «Оттоновское возрождение» дало мощный импульс распространению в Германии романского стиля, учреждению новых церковных школ, которые удовлетворяли нужду в подготовке кадров для королевских и имперских канцелярий.

Некоторое оживление в светской и духовной литературе произошло в период борьбы за инвеституру. Появляются произведения как оправдывающие (ранние редакции «Всемирной хроники» Фрутольфа Михельсбергского), так и осуждающие действия Генриха IV, вплоть до полной «антикоролевской» фальсификации событий в Каноссе («Анналы Ламперта Герсфельдского»). Отсутствие критики источников, вплоть до безоговорочного доверия к фольклору и слухам, было, за редким исключением (тот же Фрутольф, использовавший в своей «Хронике», особенно начиная с 1080 г., официальные акты), общим местом раннесредневековых историографов. Отсюда непраздным представляется вопрос о воздействии «Каролингского возрождения» с его рецепцией античных авторов на зарейнскую Германию, исключая, естественно, крупные аббатства и епископские резиденции, а также города прирейнской зоны. Академия Карла Великого была, вне сомнения, явлением крупного общекультурного масштаба. Однако вопросы о том, насколько велик ее вклад в культуру той Германии, которую император замирил и завоевал мечом, насколько были восприняты тюрингами и саксами идеи Алкуина, порождавшие систему «семи свободных искусств», остаются дискуссионными.

Античное наследие, конечно же, привилось в раннесредневековой Германии под явным давлением церкви, но в грубой вульгаризированной форме. Монументальное искусство, фрески и книжные миниатюры — все было подчинено церковным запросам и заказам.

Достаточно сказать, что ни один художник не имел возможности сбыть на рынке свое произведение. Искусство стандартизировалось: деятельность ваятелей была подчинена желанию заказчика — церкви. Это отразилось наиболее ярко в книжной миниатюре, в которой каждый образ выписывался в канонической гамме, без полутонов и субъективно-реалистического своеобразия. Например, символ яблока (по-латински *malum* — одновременно и «яблоко», и «зло, обман») всегда считался порочной категорией, антагонистичной с лиловыми цветами Богородицы. Литературное наследие античности на германской почве прагматично использовалось в компилятивных «Суммах», «Этимологиях», «Вокабуляриях» для нужд школьного образования при соборах и монастырях. В системе «семи свободных искусств» господствовали ссылки на авторитеты (отцов церкви, католических святых, каноническое право), критика которых не допускалась. Высокая ученая теология (например, Рабан Мавр) была уделом очень узкой группы духовных лиц и была нацелена на реформирование, можно сказать, «подлинную католизацию» литургии в германской церкви. Ощущая невозможность для необразованной паствы постичь настоящую христианскую догматику, они своим авторитетом допустили перевод латинских псалмов и гимнов (но не Библии!) на древненемецкий.

В монументальном искусстве господствовал перенятый из Франции и там же трансформированный позднеантичный романский стиль. Наиболее яркое воплощение он получил в соборах Вормса, Шпейера и Майнца. Внешне тяжеловесная архитектоника без архитектурных излишеств уподобляет эти храмы, базиликальные и центрические в плане, огромным плывущим кораблям. Если в раннем романском стиле (X в.) во внутреннем убранстве применялась настенная живопись, то в позднем (с сер. XI в.) она дополняется каменным декором на сложные, нередко мифологические сюжеты. Охарактеризовать их лучше словами епископа ***Бернарда Клервосского*** (1091–1153), крупнейшего деятеля церкви и последовательного клюнийца: «...Для чего же в монастырях перед взорами читающих братьев эта смехотворная диковинность, эти странно-безобразные образы, эти образы безобразного? К чему тут грязные обезьяны? К чему дикие львы? К чему чудовищные кентавры? К чему полулюди? К чему пятнистые тигры? К чему охотники трубящие? Здесь под одной головой видишь много тел, там, наоборот, на одном теле — много голов. Здесь, глядишь, у четвероногого хвост змеи, там у рыбы — голова четвероногого. Здесь зверь — спереди конь, а сзади

половина козы, там — рогатое животное являет с тыла вид коня». Эти реминисценции «звериного стиля» сказались и на понимании человеческого образа. Приземистые фигуры романских святых, апостолов напоминают своей мужиковатостью об их простонародном происхождении.

Мечты о мире в эпоху раздробленности и нескончаемых феодальных междоусобиц воплотились в изображениях Страшного суда: Господь не парит над миром, подобно византийскому Пантократору, но, напротив, он среди своей паствы, ее судья и защитник. Экспрессия романского декора отобразила, таким образом, менталитет германского раннего Средневековья, соединив причудливым образом все три указанные традиции культуры.

Носителями раннесредневековой культуры Германии к началу XII в. становятся дворы крупной знати, чему в немалой степени способствовала ситуация затяжного политического кризиса в стране и на этом фоне — ослабление королевской власти. Строительство крупных, укрепленных резиденций сначала герцогов, а потом и наиболее значимых графов привлекало к их дворам и акробатов, и ученых-теологов, и первых из миннезингеров.

Путешествуя от двора ко двору, неся свое искусство не на латыни и не на зарождающемся французском, но, наоборот, на германских наречиях, они постепенно содействовали основам высокой средневековой культурной, этнической, межрегиональной коммуникации. К началу XII в. не без их помощи зарождается стиль рыцарской культуры, где воспевались эпические подвиги легендарного короля Артура, вырабатывались навыки организации и проведения турниров по северофранцузскому образцу, культивировались отношения преданности вассалов к своим сеньорам, формировался идеал «христианского рыцаря», защитника церкви, вдов и сирот.

Но подлинным объединяющим центром немецкого языка, а затем и культуры в целом все-таки станут немецкие города. Именно они воспримут культурные импульсы, идущие из Италии и Леванта, новые практические знания, реципиируют римское право. Раннесредневековая культура в Германии, совершив синтез античного, германо-варварского наследия и христианства, станет прочным фундаментом культуры развитого Средневековья.

ГЛАВА III

ГЕРМАНИЯ В XII–XV вв.

1. Мир политики

В высокое Средневековье Германия вступала как одно из самых могущественных европейских государств. Ее властители мечом и словом стремились утвердить единство Запада как определенной культурно-исторической общности, основанной на католической вере. Однако эта универсалистская политика правителей Священной Римской империи (до 1157 г. сохранялось название «Римская империя», затем ее стали именовать «Священная империя» и только в 1254 г. закрепилось название «Священная Римская империя») шла вразрез с набиравшими в других странах Западной Европы тенденциями к образованию национальных государств. В соседней Франции короли династии Капетингов успешно проводили политику собирания французских земель в рамках единого государства. Более или менее значительные шаги в этом направлении были сделаны и в других странах Западной Европы. Конечно, этот процесс централизации везде протекал далеко не безоблачно. Но вектор его уже четко определился. Возникновение сословных представительств, подобных английскому парламенту или французским Генеральным штатам, явилось индикатором национально-политической консолидации ряда европейских стран.

Альтернативным этим процессам являлось развитие Священной Римской империи. Итальянская политика германских императоров, достигнув предела своих возможностей в ***эпоху Штауфенов / Гогенштауфенов*** (1138–1254), после поражения при Леньяно (1176) стала — чем дальше, тем больше — «пробуксовывать». Не будучи в состоянии сколько-нибудь прочно утвердить свою власть в итальянском мире, германские императоры объективно препятствовали процессу национально-политической консолидации здесь, внося свой «вклад» в военную и политическую смуту на Апеннинском полуострове. Эта универсалисткая политика империи, в конечном счете,

сказалась и на судьбах самой Германии, обусловив ее длительную политическую раздробленность. Сложившийся в ее ходе особый характер отношений между империей и папством привел к постоянному вмешательству папской курии во внутренние дела Германии. В то время как в других европейских государствах, например Франции, усиливавшаяся королевская власть сумела поставить определенные границы папским домогательствам и подчинить находившиеся на ее территории церковные учреждения своей юрисдикции, правители Германии были вынуждены считаться с возросшей ролью церковных княжеств. Уникальная, сложившаяся к концу высокого Средневековья только в Германии система территориальных княжеств отражала во многом специфичность процессов этнополитической консолидации на германской почве, где правители этих княжеств обогнали центральную власть в деле централизации и связанных с ней процессов создания новых социальных институтов.

Универсалистская политика Фридриха I

Наибольших успехов универсалисткая политика германских императоров достигла в период правления династии Штауфенов. Одним из самых ярких ее представителей являлся ***Фридрих I Барбаросса (Рыжебородый)*** (1123–1190), который стал германским королем в 1152 г. Главные усилия Фридриха были направлены на восстановление под эгидой германских государей Римской империи. Сразу же после своего восшествия на немецкий престол Фридрих I писал папе, что его цель в том, «чтобы восстановить величие Римской империи в ее прежней силе и блеске». Раздробленная, раздираемая глубокими противоречиями, усеянная богатыми городами италийская земля казалась лакомой и легкой добычей для завоевателей. В планы Фридриха входило намерение создать здесь собственный домен, комплекс фамильных владений Штауфенов как основы своего политического могущества. Ни один из его предшественников не уделял такого внимания итальянским делам, не провел там столько времени, сколько Фридрих I. Из 38 лет своего правления 16 он провел в Италии, совершив за Альпы шесть походов. В основе походов лежали не только властные амбиции имперского характера. Североитальянские города представляли собой лакомую добычу. Крестовые походы и рост торговли придали импульс их экономическому развитию.

Италия переживала в это время острую внутриполитическую борьбу, принимавшую самые разные формы. Это была борьба го-

родов против феодальных сеньоров, внутригородские конфликты, раздоры между городами, наконец, соперничество с римской курией, постоянно вмешивавшейся во внутренние дела своих северных соседей.

Первый из походов начался в октябре 1154 г. Примечательной его особенностью, свидетельствовавшей об успехах внутригерманской политики Фридриха, являлся состав участников. Большую часть воинского контингента составили 1800 рыцарей, посланных саксонским герцогом Генрихом Львом, давним и самым опасным врагом Штауфенов. Поход складывался удачно. Прибыв в Италию, Фридрих собирает съезд своих итальянских вассалов, вершит над ними суд и расправу. Жертвой стал самый богатый и большой город Северной Италии — Милан. Он был подвергнут имперской опале, а его немногочисленные союзники разграблены. Важное значение для обоснования властных амбиций Фридриха имел прием на службу юристов из Болоньи, знатоков римского права. Именно благодаря им империя восприняла позднеримское учение о государственной власти, согласно которому таковая не может быть ограничена волей и силой частных лиц, поскольку ее единственным источником является Божья воля. Оно стало весомым аргументом в борьбе Фридриха I со своими политическими противниками.

Между тем в Риме в это время развертывалось антипапское народное движение под руководством Арнольда Брешианского, целью которого было вернуть Риму античное величие. Положение папы Адриана IV стало критическим, и он обратился за помощью к Фридриху. Германское войско вошло в Рим и подавило восстание. Арнольд Брешианский был схвачен, передан папе и казнен. Адриан IV 18 июля 1155 г. короновал Фридриха в соборе св. Петра императорской короной.

Казалось, обе цели были достигнуты. Перед Фридрихом открывалась заманчивая перспектива похода на юг и завоевание всей Италии. Однако уже ближайшие месяцы показали, сколь зыбкими были его успехи. Так, уже во второй половине 1155 г. из-за противодействия части немецких князей пришлось отказаться от завоевания Южной Италии. Призрачным оказалось и подчинение императорской власти сильных северoитальянских городов.

Главное же — не складывались прочные отношения с папской курией. Уже при Адриане IV возникли взаимные обиды и претензии. При первой их встрече Фридрих отказался держать, как того требовал обычай, под уздцы лошадь папы, а оскорбленный Адриан в ответ

не захотел дать ему лобзание мира («благословление папы»). Понадобился целый день переговоров, чтобы уладить этот конфликт. Но за этим частным конфликтом стояло главное и неустранимое противоречие между империей и папством. Каждая сторона считала себя единственной носительницей высшей власти как божественного установления, каждая полагала свою волю абсолютной, вследствие чего компромисс между империей и папством мог носить лишь временный и хрупкий характер.

В 1158 г. Фридрих I предпринимает второй поход в Италию. Воспользовавшись жалобой Лоди и Камо, теснимых их сильным конкурентом — Миланом, император решает продемонстрировать всю полноту своей власти над итальянскими землями. В ноябре 1158 г. император собрал рейхстаг в «обычном месте», на Ронкальских полях (близ г. Лоди). Главной его задачей было установить объем и характер имперских прерогатив *(regalia)* в Италии. Используя разобщенность североитальянских городов и раздоры между ними, Фридрих провел подготовленное болонскими юристами решение об упразднении старинных вольностей. Города были лишены прав самоуправления. Вместо выборных консулов власть в них переходила к утвержденным императором наместникам — подеста́. Императору отходили высшие судебные права, право сбора пошлин, чеканки монет и пр. Города облагались тяжелыми налогами. По существу, все это означало полное подчинение североитальянских городов власти германского императора.

Жители Милана отказались признать над собою власть германского императора и не приняли назначенного им подеста. Фридрих дал обет не надевать короны до тех пор, пока мятеж города не будет подавлен. Милан был отрезан от всяких сообщений с окружающим миром, пожар уничтожил запасы, начался голод. После длительной осады в 1162 г. Милан был вынужден сдаться. В день сдачи города все его население вышло к императору в покаянной процессии. Все шли босые, с веревками на шее, с головами, посыпанными пеплом, с горящими свечами в руках. Обедавший в это время император заставил миланцев долго ждать под проливным дождем. Наконец, вышел и занял место на троне, окруженный вассалами. Бесконечные ряды кающихся потянулись перед ним, кладя к его ногам знамена цехов. Под конец была положена главная святыня Милана — крест с изображением святого Амвросия, покровителя города. Все просили пощады. Ответ императора был красноречив: по его знаку святыня миланцев была разбита в куски. Это означало конец городу. Рыночная площадь

была вспахана, а борозды — посыпаны солью в знак того, что на этом месте всегда будет пустошь. Жители Милана были расселены в деревнях, превращены в зависимых крестьян и обложены тяжелой барщиной в пользу императора.

Но время работало против Фридриха. В 1159 г. новым папой под именем Александра III был избран давнишний противник Фридриха кардинал Рональд Банданелли. Италия бурлила. Потрясенные расправой над миланцами, изнемогавшие под фискальным гнетом императора, страдавшие от произвола его чиновников, лишенные политических прав североитальянские города забыли свои прежние распри. В 1167 г. была создана знаменитая Ломбардская лига, сыгравшая ключевую роль в крушении всей итальянской политики Фридриха I. В Лигу вошли Кремона, Брешиа, Верона, Парма, Болонья, даже Венеция — всего 22 города. Во главе ее стоял заново отстроенный Милан. К западу от Милана Ломбардская лига основала новый, сильно укрепленный город, названный по имени папы Александрией, снабдив его всем необходимым для долгой осады. Союзники обязались оказывать друг другу помощь «против всякого, кто захочет причинить им вред или начать с ними войну, против всякого, кто захочет взять больше, чем требовали с них со времени Генриха V до вступления на престол Фридриха». Полную поддержку Лиге оказал папа Александр III, давший ей свое благословение. Объявляя об этом, он угрожал отлучением всем, кто ослушается руководителей лиги.

В 1174 г. Фридрих предпринимает очередной итальянский поход. Он осадил Александрию, на помощь к которой поспешили войска Ломбардской лиги. С точки зрения стратегической город не представлял большой значимости. Но имперские амбиции заставили Фридриха предпринять обернувшуюся потерей времени длительную осаду. Александрия олицетворяла вызов, брошенный ему папой и городами: она была основана как символ борьбы с Барбароссой. Потеря времени, мужественное поведение осажденных, приближение зимы — все это были обстоятельства, работавшие против императора. В конце концов он был вынужден бесславно снять осаду. Удалившись в Павию, он пишет немецким князьям одно послание за другим, требуя привести к нему подкрепления. Однако многие из них не поспешили на помощь своему королю, в том числе Генрих Лев.

Решающая битва произошла в мае 1176 г. близ Леньяно, северо-западнее Милана. Впервые за время итальянских походов Фридриху пришлось выступать в роли обороняющейся стороны. Союзные силы Ломбардской лиги в кровопролитном сражении одержали победу.

Это была одна из первых битв, в которой рыцарское войско было побеждено ополчением городских ремесленников и торговцев. Кульминационным моментом сражения явилось падение со смертельно раненной лошади самого императора. Весть о мнимой смерти императора уничтожила порядок в его войске. Оно побежало, преследуемое ломбардцами. «Дружина смерти» — 900 избранных рыцарей из благородных фамилий, поклявшихся победить или умереть, — не сдержала рыцарский обет. Горожанин победил рыцаря. В этом сражении многие авторы видят знак тех общих перемен, которые и составляют существо процессов, происходивших в высокое Средневековье.

Сам император с трудом спасся и лишь на четвертый день объявился в Павии, где королева готовилась уже надеть траур по погибшему мужу. Поражение под Леньяно знаменовало политическую, символическую смерть императора. В следующем году в Венеции произошла встреча Фридриха I и Александра III. С императора было снято отлучение от церкви, он был вынужден публично исполнить маршальскую службу в отношении папы: провести, как вассал, под уздцы лошадь папы и поцеловать его туфлю. Согласно заключенному в августе 1177 г. в Венеции миру все земли, отнятые у св. Престола, были ему возвращены. Спустя шесть лет в Констанце был подписан мир с Ломбардской лигой, фактически означавший восстановление самоуправления североитальянских городов.

Германская политика Фридриха I

Гораздо более эффективной являлась германская политика императора. Утратив власть в Италии, он, используя целый арсенал средств — от дипломатических маневров до военной силы, — сумел обуздать княжескую вольницу и укрепить государственность, что способствовало экономическому и культурному подъему Германии в XII–XIII вв.

Власть и влияние императора распространялись далеко за пределы собственно германских земель. После женитьбы на графине Бургундской Фридрих распространил свою власть на Бургундское королевство, вошедшее в состав Германской империи. На востоке его вассалами признавали себя короли Польши, Чехии и Венгрии, на севере — король Дании. Даже английский король Генрих II в одном из своих писем признавал над собой верховную власть германского императора.

Хотя в самой Германии не прекращались раздоры и даже войны между князьями, над всеми смутами царила воля императора. Од-

ной из приоритетных задач являлось прекращение раздиравших Германию феодальных усобиц. При этом Фридрих I использовал подчас весьма неординарные способы воздействия. Так, на Вормском рейхстаге (1155), разбирая спор между Майнцским архиепископом и рейнским пфальцграфом, он приговорил последнего к тому, чтобы *он босиком прошел милю, неся на руках собаку. Это был старинный* род наказания, выработанный обычным правом Германии.

Центральный нерв внутригерманских отношений составляли отношения между императором и самым могущественным немецким феодалом— его двоюродным братом саксонским герцогом Генрихом Львом (с 1156 г. герцог Саксонии и Баварии) из династии Вельфов. Именно в этих отношениях особенно рельефно проявились дипломатическое искусство императора, его способность к достижению политического компромисса и наряду с этим готовность в необходимых случаях к решительным действиям. Богатый, удачливый и агрессивный, Генрих Лев имел в Германии много врагов, что в значительной мере определяло характер действий Фридриха I, основанных на известном принципе «разделяй и властвуй». То поддерживая Генриха, то объединяясь с его врагами, он добивался главной цели — укрепления королевской власти в Германии.

Когда во время несчастливого для императора пятого итальянского похода Генрих Лев отказался ему помочь, расправа последовала незамедлительно. Вернувшись в Германию, Фридрих собрал в январе 1179 г. рейхстаг в Вормсе, на который призвал Генриха. После того как Генрих не явился, он был по феодальному праву трижды вызван в различные сроки в суд, куда также не явился. Наконец, на Вюрцбургском рейхстаге (1180) за неповиновение императору, а также за насилия над церковью и рыцарями, он был приговорен к лишению всех своих владений и изгнанию. Только спустя 5 лет император разрешил Генриху Льву

Фридрих I Барбаросса в одежде крестоносца

возвратиться в Германию, но былое могущество уже никогда к нему не вернулось. Его главное владение — Саксонское герцогство — Фридрих отдал сыну давнего врага Генриха Альбрехта Медведя.

Последние годы жизни Фридриха были омрачены новыми конфликтами с папской курией. Конец им положило известие о взятии Иерусалима египетским султаном Салах-ад-Дином (Саладином). В 1189 г. Фридрих I отправился с войском для освобождения Гроба Господня. Во время этого похода (Третий крестовый поход) он утонул при переправе через горную речку в Малой Азии (1190).

«Натиск на Восток»

На время правления династии Штауфенов приходится бурный всплеск немецкой экспансии на Восток. Еще в VIII в. начинается распространение немецких поселений в славянских землях на Среднем Дунае и в Восточных Альпах. Однако вплоть до XII в. немецкие завоевания на славянском Востоке не были прочными, поскольку итальянская политика германских императоров поглощала их главные силы. В эпоху Штауфенов это продвижение сменилось «натиском на Восток» (*"Drang nach Osten"*), ведущей силой которого стали германские князья и церковь. За счет славянских и иных прибалтийских земель князья стремились расширить свои владения как основу их положения в империи. Главную военную силу походов в восточные земли составляли мелкие феодалы — рыцари. После неудач в Италии и в крестовых походах завоевание раздробленных прибалтийских территорий казалось им сравнительно легким и выгодным предприятием. В этом движении принимали также участие немецкие города, стремившиеся получить на Востоке значительные торговые выгоды.

Особенно значительную роль в колонизации Заэльбья сыграли немецкие крестьяне-переселенцы, получавшие на завоеванных землях большие земельные наделы и различные льготы. Обычно это происходило таким образом: феодал находил подрядчика, который вербовал переселенцев, а затем становился старостой деревни. Переселявшимся крестьянам предоставлялись двойные гуфы на правах наследственного чиншевого держания. Повинности были фиксированы и взимались только с земли: сами крестьяне считались лично свободными, в частности, за ними сохранялась свобода передвижения. Иногда, вероятно, на еще более выгодных условиях их приглашали славянские князья, принявшие христианство, которые стремились за счет освоения новых земель увеличить свои доходы.

Колонизацию восточных территорий можно рассматривать как органическую часть общеевропейского процесса внутренней колонизации, преобразовавшей облик средневековой Европы. Ее важнейшей предпосылкой являлся демографический подъем. Рост народонаселения в экономических развитых регионах Западной Европы выталкивал на Восток его «излишки». Недаром в числе колонистов значительное место занимали выходцы из таких густонаселенных мест, как Фландрия и Голландия.

Но в большинстве случаев плугу прокладывал дорогу меч. Первоначально в основе «натиска на Восток» лежал захват славянских земель, сопровождавшийся германизацией славянских племен, их насильственной христианизацией или прямым истреблением. Обитавшие в нижнем течении Эльбы ободриты были подчинены Генрихом Львом. На их землях было создано зависимое от него Мекленбургское герцогство. Вслед за тем были покорены поморяне, населявшие прибалтийское Поморье. Их князья приняли христианство и признали себя вассалами Генриха Льва.

Наступление на лютичей, чьи земли находились на южном побережье Балтийского моря, возглавлял Альбрехт Медведь. Он и его преемники подчинили ряд славянских земель до Одера, на территории которых возникло Бранденбургское маркграфство, из которого впоследствии выросла Пруссия.

С конца XII в. немецкие феодалы приступили к завоеванию Восточной Прибалтики, населенной языческими племенами, принадлежавшими к балтийской и финно-угорской языковым группам, — ливами, латгалами, эстами, пруссами. Покорение прибалтийского населения велось с целью христианизации. С этой целью в 1202 г. при активном участии папы Иннокентия III был организован новый духовно-рыцарский Орден меченосцев, который к середине XIII в. захватил территорию современной Латвии, затем южную часть нынешней Эстонии (эти земли немцы называли Ливонией, поэтому Орден меченосцев нередко называют Ливонским орденом).

В начале XII в. один из польских князей Конрад Мазовецкий обратился к рыцарям Немецкого (Тевтонского) ордена с призывом помочь в борьбе с пруссами, населявшими балтийское побережье между Вислой и Неманом. В 1226 г. Тевтонский орден, основанный еще в Палестине, по распоряжению папы был переведен в Прибалтику и начал завоевания земель пруссов. К концу XIII в. после упорного сопротивления они были отчасти истреблены, отчасти порабощены и ассимилированы завоевателями. В 1237 г. Ливонский и Тевтонский

ордена заключили между собой союз. К этому моменту немецкие владения охватывали почти все юго-восточное побережье Балтийского моря. В начале 40-х гг. XIII в. немецкие рыцари потерпели ряд ощутимых поражений от монголов и русских, что приостановило продвижение Ливонского ордена на Восток. С 1243 г. восточной границей Ордена стала р. Нарва. Одновременно немецкая колонизация, более мирная по своему характеру, устремлялась на юго-восток, в придунайские земли, тоже заселенные славянами. Здесь, на Среднем Дунае, еще в конце X в. была образована Восточная, или Австрийская, марка, позднее преобразованная в герцогство. В XIII в. многочисленные немецкие поселения уже существовали в Силезии, Чехии, Венгрии.

Немецкая колонизация способствовала экономическому и культурному подъему оказавшихся в ее орбите территорий. Увеличивалась площадь культивируемых земель и совершенствовались способы их обработки, выросли новые города, усилились торговые связи. В особенности преобразовалось Заэльбье, поделенное между тремя немецкими княжествами (маркграфством Бранденбургским и герцогствами Мекленбургским и Померанским), впоследствии сыгравшими, особенно первое из них, выдающуюся роль в истории Германии. Здесь быстро растут города, становящиеся крупными торговыми и ремесленными центрами, осваиваются торговые пути по Северному и Балтийскому морям, по которым шли товары из Англии, Германии, Дании и Швеции на Восток. Но этот подъем был достигнут ценой ассимиляции и частичного истребления местного населения.

Последние Штауфены и итоги универсалисткой политики

В то время как крупные немецкие князья энергично продвигались на Восток, Штауфены по-прежнему были поглощены имперской идеей. Симптоматична политическая судьба одного из самых ярких его представителей — внука Барбароссы ***Фридриха II Штауфена*** (1194–1250), германского короля с 1212 г., императора Священной Римской империи с 1220 г., который в малолетнем возрасте оказался подконтрольным папе, за что и получил прозвище «апулийского мальчика». Однако последующие события показали, насколько ошибочной была уверенность Иннокентия III в своем подопечном и насколько сильны были имперские амбиции Штауфенов.

Весь сотканный из противоречий, Фридрих представлял собою яркий, необычный по меркам тогдашнего времени тип средневекового правителя. Искусный полководец, отважный рыцарь, искатель приключений, он в то же время покровительствовал наукам и искусству, заботился о развитии естествознания, обладал познаниями в математике и медицине, занимался хирургией, ему приписывалось даже открытие новых лекарств.

Особо следует подчеркнуть то искусство политического лавирования, которым виртуозно владел этот наследник знаменитой династии. Наиболее красноречивым доказательством тому являются многочисленные факты, свидетельствующие о своеобразном манипулировании императором религиозными идеями эпохи. Известно, что терпимый в религиозном смысле человек, Фридрих II, когда возникала политическая необходимость и надо было склонить папу на свою сторону, издавал самые суровые законы против еретиков. Он постоянно манил папу обещаниями крестовых походов против неверных, а сам под этим предлогом требовал вассальной службы со стороны ломбардских городов, что с головой выдавало его конечную цель — объединить их против папы и утвердить свою власть в Италии. Но логика исторического развития и, прежде всего, усилившееся противодействие окрепших италийских городов обрекали на поражение даже такого блестящего политика, каким был Фридрих II Штауфен.

Мир между папой и императором не мог продолжаться долго. Фридрих не выполнил свои обещания. Важнейшим из них было обязательство не соединять под своей властью Германию и Сицилийское королевство, которое он обещал отдать своему старшему сыну Генриху и предоставить ему полную независимость. Вопреки этому, вскоре после смерти Иннокентия III, он вернул Генриха в Германию и провозгласил его герцогом Швабским. Таким образом, он не только сохранил за собой Сицилийское королевство, но и сделал его своей опорой в осуществлении имперских амбиций.

Соответственно этому по-разному выстраивалась его политика по отношению к этим двум частям империи — Южной Италии и Германии. Германия всегда оставалась для него чужой страной. За всю свою жизнь он лишь трижды посетил ее, проведя там в общей сложности менее девяти лет. В отличие от своих предшественников, рассматривавших Германию как опорную базу для своих итальянских походов и поэтому стремившихся прежде всего, правда, с разной долей успеха, укрепить там свою власть, Фридрих II, с целью избежать

открытого противодействия князей, охотно шел им на значительные уступки. Он сохранял и укреплял в стране систему вассально-ленных отношений как основу ее политического строя.

Особенно велики в преддверии борьбы с папством были уступки Фридриха II германскому духовенству. Он отказался от права сполий *(jus spolii)*, составлявших источник королевской казны, т. е. от права наследования движимого имущества умерших епископов и аббатов, а также права пользования доходами от их владений вплоть до назначения их преемников. Кроме того, Фридрих предоставил крупным духовным князьям право чеканить монету и устанавливать таможенные пошлины на границах их владений.

Правда, многие предоставленные Фридрихом II светским и духовным князьям привилегии лишь подтверждали фактическое положение дел, являвшееся оборотной стороной итальянской политики Штауфенов. Поглощенные борьбой за императорскую корону, они были вынуждены сквозь пальцы смотреть на своеволие князей, захватывавших одну властную привилегию за другой, что объективно работало на процесс формирования территориальных княжеств, закреплявший политическую раздробленность страны.

Принципиально иной была политика Фридриха II в Южной Италии. Он предпринял целый ряд решительных мер, направленных на укрепление государственного порядка в Сицилийском королевстве. Были проведены реформы в государственном управлении и военном деле, переселены в Сицилию верные императору мусульмане, проделано многое другое, благодаря чему «осуществилось чудо быстрой, всеобъемлющей и глубокой реорганизации». Это было централизованное, управляемое назначенными Фридрихом чиновниками государство с развитой средиземноморской торговлей и богатыми городами, всю мощь и средства которого он подчинил своей имперской политике.

Первым ее шагом стала попытка утвердить имперский суверенитет в Северной Италии. С этой целью на рейхстаге в Кремоне (1226) Фридрих II задумал провести *reformatio imperii* — реформу управления, означавшую упрочение его власти в этой стране. Однако эта попытка потерпела крушение. При содействии папы Гонория III северо-итальянские города возобновили направленную против германского императора деятельность Ломбардской лиги.

Становившееся неизбежным столкновение с папой переросло в открытую борьбу, когда в 1227 г. папский престол занял решительный и властный Григорий IX, вскоре отлучивший императора

Священная Римская империя в XII–XIII вв.

от церкви. Надо отметить, что обе стороны не брезговали никаким средствами в борьбе друг с другом. Отлученный от церкви император, чтобы поднять свой престиж и реабилитироваться в глазах общества, в 1228 г. отплывает в Святую землю, демонстрируя, что он заботится об интересах христиан больше, чем папа. Впрочем и здесь он обнаруживает виртуозное владение искусством политического лавирования. Он отказывается от химерических планов уничтожения врагов веры и, вступив в переговоры с ними, добивается мирного соглашения с египетским султаном, выгодного для обеих сторон.

Папа не отстает от своего удачливого противника в использовании дозволенных и недозволенных средств. В обстоятельствах, связанных с татаро-монгольской угрозой, он отлучает от церкви христианского правителя, готового, по крайней мере на словах, защищать братьев во Христе и предает разграблению его земли.

Тяжелая изнурительная борьба с Ломбардской лигой и папской курией продолжалась с перерывами вплоть до самой смерти Фридриха, достигая подчас крайнего ожесточения и захватывая в свою орбиту практически всю Западную Европу. Кипучая деятельность Фридриха II, наполненная интригами и дипломатическими успехами, упорно разбивалась о возросшую мощь и вольнолюбивый дух итальянских городов. Многочисленные баталии, принося временные успехи, не достигали главной цели — подчинения их империи. К концу 1250 г. удача как будто вновь повернулась лицом к Фридриху: верные ему кремонцы одержали победу над ополчениями Феррары и Болоньи. Но императора сразила тяжелая болезнь, от которой ему не суждено было оправиться. Вместе с ним фактически умерла и династия, с чьим именем связан расцвет и упадок универсалистской политики.

Смерть Фридриха II предварила конец штауфеновской эпохи. Недолгие годы правления его сына ***Конрада IV*** (1250–1254) прошли в ожесточенной и безуспешной борьбе с папой Иннокентием — непримиримым врагом Штауфенов.

Складывание системы территориальных княжеств

После гибели династии Штауфенов в Германии с новым ожесточением развернулась борьба за власть, ввергшая страну на долгие годы в феодальную анархию. С этого времени политическая история Германии — по преимуществу история княжеств. Центральная власть могла временами усиливаться, но отныне — и на многие

столетия впредь — важнейшей реальностью политической жизни Германии стали княжества. Прогресс во всех сферах жизни немецкого общества осуществлялся преимущественно в их рамках или под их определяющим влиянием, что накладывало особый отпечаток на все немецкое Средневековье, обусловив своеобразие не только политического, но и социально-экономического и культурного развития страны.

Так на немецкой земле возникает специфическая форма средневековой государственности — территориальное княжество. Она окончательно складывается в XV в., когда при княжеском дворе сосредоточиваются все атрибуты государственного управления, включая финансовое ведомство, и происходит юридическое оформление княжеского суверенитета. В XIII в. понятие территориального княжества еще не существовало, но именно тогда были сделаны решающие шаги в этом направлении.

Как и повсюду в Европе, в процессе феодализации германского общества в его политической организации возобладал территориальный принцип. Но если в других европейских странах торжество этого принципа привело в эпоху высокого Средневековья к созданию более или менее централизованных феодальных государств с устойчивой, передающейся по наследству королевской властью, в Германии произошло иначе.

В отличие от других европейских стран в Германии процесс территоризации[1] не совпал с процессом централизации. По существу, здесь установилась обратная связь: успехи территоризации вели к прогрессирующему ослаблению центральной власти. Таким образом, в политической истории Германии понятия «территоризация» и «централизация» обозначали процессы, имевшие обратную направленность векторов своего движения.

Такая особенность политического развития средневековой Германии не могла быть детерминирована какой-либо одной всеохватывающей причиной. Возможно, здесь изначально сказалось то, что в германских землях сильны были племенные герцогства, сохранявшиеся здесь (из-за слабого влияния античного уклада) дольше, чем где-либо в Западной Европе и составлявшие исходный пункт трансформации политической организации германского общества. В ее итоге на месте

[1] Под процессом территоризации здесь понимается формирование княжеских институтов власти, заложивших фундамент для образования территориальных княжеств.

старых племенных герцогств к рубежу XIII в. появилось около 200 княжеств, в том числе свыше 80 духовных.

Это создавало своеобразную политическую инфраструктуру, препятствующую политической централизации страны. Место структурирующей и цементирующей государственное устройство политической вертикали заняла политическая горизонталь. Две сотни больших и малых княжеств препятствовали созданию единого государственного поля. Бесконечные княжеские раздоры, сопровождавшиеся заключением коалиций и союзов, объективно выражали центробежные тенденции в политической жизни Германии.

Серьезным препятствием политической централизации страны были духовные княжества. Выросшие на германской земле, украшенные городами, являвшимися экономическими и культурными центрами, они составляли органическую часть всего социокультурного пейзажа Германии. По их территории проходили оживленные торговые пути, они были тесно вовлечены во внутригерманскую политическую жизнь, являлись ее активными субъектами. Но, будучи в церковном отношении зависимыми от папской курии, они выступали — нередко вместе — в роли своеобразной «пятой колонны», подрывая позиции императорской власти в ее борьбе с папством, а в конечном счете и сами основания политики объединения германских земель.

И, наконец, важнейшим фактором складывания системы территориальных княжеств в Германии являлась итальянская политика германских императоров.

В феодальной иерархии образовалось сословие имперских князей — непосредственных ленников короны. Имперские князья могли также держать лены и от иностранных государей; уже в XII в. некоторые из них оказались в вассальной зависимости от нескольких монархов, что, естественно, ослабляло империю. Зато они ревниво следили за тем, чтобы не устанавливалась прямая связь между их собственными вассалами, основной массой рыцарства и императором. Тем самым центральная власть изолировалась от тех слоев мелких и средних феодалов, которые объективно были заинтересованы в ее усилении.

В конце XII в. центральная власть в Германии фактически теряет и другую свою опору — королевский министериалитет. Это было время бурного социального возвышения королевских министериалов, принявшего характер «революции министериалов». Они резко поменяли свой социальный статус, нередко превращаясь в крупных

феодалов и вступая в сложную систему вассально-ленных отношений. Примером может служить Вернер фон Боллэнд (конец XII века), являвшийся одним из могущественных министериалов империи. Он был вассалом 43 различных сеньоров, от которых держал в общей сложности более 500 ленов, в том числе 15 графств, и сам, в свою очередь, имел более 100 ленников. Тем самым он, как и другие изменившие свое социальное положение министериалы, терял непосредственную связь с короной, а эта последняя лишалась влиятельного слоя преданных ей должностных лиц.

Однако и этот слой в целом, и отдельные элементы мелкого рыцарства, традиционно заинтересованные в поддержке королевской власти, перестают быть ее опорой вследствие прокняжеской политики императоров. Императоры предоставляли князьям одну привилегию за другой, пока, наконец, Фридрих II не сделал решающие уступки имперским князьям как особому сословию, оформив это юридически. Князья получили высшую юрисдикцию, право чеканить монету, взимать налоги и пошлины, закладывать города и предоставлять им рыночное право.

Имперская власть и германские города

Особо следует остановиться на отношении германских императоров к городам. В то время как в других европейских государствах союз королевской власти с городами являлся важным фактором обуздания феодальных сеньоров и укрепления государственного порядка, в Германии города в исторической перспективе стали социальной и экономической основой политической раздробленности. Нуждавшиеся в поддержке сильной политической власти немецкие города мало могли рассчитывать на погруженных в итальянские дела императоров, тем более что политика центральной власти в отношении городов носила чрезвычайно противоречивый характер. С одной стороны, она нуждалась в финансовой и политической поддержке богатых городов. С другой — поглощенные борьбой с североитальянскими городами, объединившимися в Ломбардскую лигу, Штауфены с подозрением смотрели и на немецкие города. Вследствие этого императоры то обещали городам свою поддержку, то обуздывали и наказывали их.

Особенно противоречивой была политика Фридриха II. В первую половину его правления она носила выраженный антигородской характер. Свободу городских общин в Германии, как и в Италии, он считал «ядовитым растением, которое следует вырвать с кор-

нем». Такую попытку император предпринял на рейхстаге в Равенне (1232), издав соответствующий указ, лишавший немецкие города их прав и вольностей.

Интересна мотивировка этого указа, обнажавшая стремление Фридриха договориться с князьями за счет городов и с этой целью полностью подчинить городские общины их власти. Указ написан в защиту князей, якобы страдавших от своеволия городов, посягавших на дарованные императором князьям вольности и права. «Посему, — говорилось в нем, — мы этим указом отменяем и уничтожаем во всех городах и местах Германии городские коммуны, советы», а также все должности, «установленные городскими общинами без согласия архиепископов и епископов. Мы уничтожаем также все союзы и товарищества ремесленников».

В дальнейшем, однако, политика Фридриха в отношении городов радикально переменилась. Сопротивление князей, прямая измена многих из них вынуждали его искать поддержку в городских движениях. Особенно энергично эту политику проводил его сын Конрад IV. В своей борьбе за германскую корону он открыто опирался на города. Такая политика способствовала экономическому подъему немецких городов, возрождению и расцвету городских коммун. Недаром некоторые историки называют этот расцвет самым важным результатом правления Фридриха II и его сыновей в Германии.

Однако прочный союз императорской власти с городами в Германии так и не сложился. Поддержка городских движений носила конъюнктурный характер и в любой момент могла обернуться в свою противоположность. Это заставляло города вести самостоятельную политическую игру. Начиная со второй половины XIII в. они становятся реальной политической силой, объединяясь для защиты своих экономических и политических интересов в региональные союзы.

Первым таким значительным объединением стал созданный в 1254 г. Союз рейнских городов, куда вошли города, расположенные по обоим берегам Рейна от Кёльна до Базеля. Затем возникли другие объединения, в том числе Союз рейнских и швабских городов (1376–1388). Самым могущественным из них являлась Ганза — торговый и политический союз северонемецких городов, объединявший в пору своего расцвета (в XIV — первой половине XV в.) до 160 городов.

Так, в Германии в лице имперских городов и городских союзов появилась новая самостоятельная политическая сила. С ней был связан значительный экономический подъем страны, сопровож-

давшийся расцветом немецких городов, ростом их политического влияния. Однако в условиях прогрессирующей политической раздробленности страны этот подъем не мог привести к складыванию общегерманского рынка как предпосылки ее экономического единства и преодолению разобщенности ее различных частей. Напротив, крепнувшие региональные связи закрепляли экономическую раздробленность Германии. Территориальный принцип государственно-политической организации окончательно торжествует над имперским в XIV–XV веках.

Переход к *Hausmachtpolitik*

Этому переходу способствовала политическая ситуация в стране, сложившаяся после краха имперской политики Штауфенов. Императоры вынужденно отказываются от великодержавной политики своих предшественников, все более превращаясь в территориальных князей и обращая главные свои усилия на расширение собственных родовых владений. Такая политика германских государей получила название *Hausmachtpolitik* (политика, направленная на расширение собственных домениальных владений).

Начало этой политике положил ***Рудольф I*** (1218–1291), представитель второстепенного княжеского дома Габсбургов, обладавшего сравнительно небольшими владениями в Эльзасе и Швейцарии, решительно поменявший приоритеты государственной политики. Его избрание на императорский трон в 1273 г. проходило в условиях конкуренции с сильнейшим имперским князем — «железно-золотым королем» Чехии Пржемыслом II Отакаром. Годы междуцарствия после поражения Штауфенов привели к такому ослаблению прерогатив центральной власти и усилению князей, что привыкшие к вольнице территориальные правители выбрали претендента с меньшим политическим весом, со стороны которого можно было не опасаться ограничения их суверенитета. Габсбург казался им «меньшим злом» в сравнении с представителем Люксембургского дома. Успех Рудольфа I на выборах в немалой степени был обеспечен симпатией папы римского, которому претендент на корону пообещал крестовый поход в Святую землю и заверения, что он не будет вмешиваться в борьбу за власть в Италии, чего опасался понтифик, наученный предшественниками Рудольфа. Сохранилась легенда, что когда Рудольф I после своего избрания принимал поздравления князей, у него не оказалось скипетра. Тогда он якобы снял со стены крест и заявил: «Этот символ выкупил мир и да будет он нашим скипетром...»

Став императором, Рудольф сдержал слово. Место итальянских походов заняли последовательные действия, направленные на приращение собственного домена. Рудольф I в 1282 г. отнял у чешского короля Пржемысла II Австрию вместе со Штирией, Каринтией и Крайной, заложив тем самым основы могущества Габсбургов.

Такая политика при ее удачном проведении могла бы в перспективе привести к успеху централизаторских усилий короны, и в отдельные периоды (при Рудольфе I, Карле IV Люксембурге) она приносила определенные плоды, укрепляя положение императорских династий. Поэтому князья внимательно следили за тем, чтобы одна и та же династия не задерживалась долго на престоле. Так, после смерти Рудольфа князья не избрали на императорский престол его сына: Габсбурги становились для них слишком опасными. С этого времени на германском престоле одна династия сменяет другую. Императоры и короли из домов Нассау, Люксембургов, Виттельсбахов и Габсбургов попеременно следуют друг за другом, делая ставку прежде всего на укрепление своих родовых владений как реальной опоры власти. Упрочение на троне сильной династии с прочными наследственными правами и единым королевским доменом было для Германии этого времени фактически невозможным.

Hausmachtpolitik германских королей явилась оборотной стороной складывания системы территориальных княжеств в Германии. Аналогов данному явлению не знает история других государств. В то время как во Франции и Англии идет оформление раннеабсолютистских монархий с присущими им институтами и органами — складыванием системы, подвластной монарху бюрократии, постоянно действующей и подчиненной единому главнокомандующему армии, системы постоянных централизованно собираемых налогов и т. д. — в Германии центральная власть вынужденно отказывается от тех преимуществ, с которыми было связано становление абсолютизма. Все, на что мог рассчитывать германский государь — это сохранение консенсуса со своими потенциальными и реальными конкурентами плюс полнота власти в своих родовых владениях. В силу целого комплекса исторических обстоятельств королевская власть в Германии действовала в таких условиях, в которых у ее носителей не было шансов на то, чтобы играть роль всевластных правителей. Она не могла не считаться с реальным раскладом политических сил, действующих на авансцене германской истории. Парадокс и трагедия германской истории заключались в том, что чем дальше, тем больше германские короли были вынуждены искать социальную опору среди своих объ-

ективных противников — германских князей и отворачиваться от своих объективных союзников — городов.

Контуры того, что именуется *Hausmachtpolitik*, достаточно прозрачно просматриваются на примере правления одного из самых дальновидных правителей XIV в., извлекшего максимум выгод для императорской власти в контексте тех возможностей, которые предоставлял политический ландшафт того времени, — ***Карла IV Люксембургского*** (1316–1378), короля Германии с 1347 г. В отличие от своих непосредственных предшественников Карл IV никогда не гонялся за химерической целью подчинения Италии. Он делает ставку на укрепление собственных позиций в Чехии, корону которой ему оставил отец Ян Люксембургский, погибший в сражении при Креси.

Историки нередко вспоминают слова, сказанные будто бы императором Максимилианом I в адрес Карла IV: «Он был отцом для Чехии и отчимом для империи». Внешне дело обстоит так, что бывший маркграф Моравский, еще в семнадцатилетнем возрасте вынужденный взять в отсутствие своего отца правление Чехией и Моравией, рано проявит свои «национальные» чувства и будет верен им, уже став императором огромной державы. Именно он начнет отстраивать Прагу, превратившуюся благодаря его замыслам и усилиям в своеобразную «поэму в камне». Карл собственноручно заложит первый камень в фундамент крепостных стен Нового Пражского города, а также освободит его жителей на некоторое время от всяких налогов; в свою очередь каждый, кто покупал участок в Новом Пражском городе, обязан был в срок до полутора лет построить на нем дом.

Карл заботился и о других чешских городах, даруя многим права и привилегии. По его приказу в Чехию из Франции была завезена виноградная лоза. Он подписал учредительную грамоту Пражского университета — самого старинного в Центральной Европе. Когда интересы королевства попадали под угрозу, он не колебался выступить в их защиту. Во многом умелые переговоры и продуманная брачная политика становятся основным средством решения государственных проблем. Таким образом, ему удалось присоединить к землям Чешской короны Бранденбург, обширные территории в Саксонии, Пфальце и др. Все эти действия Карла IV — действия, продиктованные политикой государя, заботящегося в первую очередь об укреплении своих позиций, которые на данный момент могли быть обеспечены императором лишь в родовых чешских землях. Упрочение родовых владений вершилось с позиций правителя, действовавшего

интуитивно в соответствии с принципом «политика — искусство возможного». Вмешательство в дела других территорий могло обернуться политической смертью.

При этом Карл IV, несомненно, дорожил императорским титулом. Надо сказать, что внешний престиж его императорской власти был немалым. Он был выбран и коронован 5 апреля 1355 г. в Риме по всем правилам, признан папой и князьями, чего не было в Германии с 1237 г. Получение сана с соблюдением всех необходимых процедур придавало императору особый престиж еще и в XVI в. Именно стремлением сохранить то, что имел, объясняется политическое поведение Карла IV как правителя всей империи. Он никогда не вмешивался в итальянские дела оружием, зная, насколько это чревато опасными последствиями. Когда в 1355 г. император возвращался с коронации в Риме и остановился в Пизе, чтобы принять почести от горожан, то оказался жертвой заговора против него. Бунтовщики подожгли ночью ратушу, в которой остановился Карл IV с императрицей. К счастью, обоим удалось бежать из горящего здания. Вожди мятежников были казнены, но император сделал соответствующие выводы и не пытался действовать в Италии с позиции силы. Схожими принципами он руководствовался в отношении германских дел. Политика сдерживания крупных князей, сочетавшаяся с умелым политическим лавированием, отсутствием «абсолютистских» замашек, позволила Карлу IV не только закрепить за собой Чехию, но и обеспечить почти на столетие за Люксембургской династией права на императорскую корону.

Границы и возможности императорской власти в этот период, обусловленные всем предшествующим историческим развитием, видны в таком знаменитом законодательном акте XIV в., как ***«Золотая булла»*** 1356 г. Характерно, что современниками она не воспринималась как нечто радикально изменившее естественный ход вещей. Этот документ отражал «некое политическое равновесие» между силами централизации и раздробленности, королевской властью и князьями.

Главной целью законодателя было юридическое закрепление сложившегося порядка избрания «римского короля, долженствующего стать императором». Выборы осуществляла коллегия выборщиков, состоявшая из семи высших курфюрстов *(Kurfürsten)*: трех церковных (архиепископов Майнцского, Кёльнского и Трирского) и четырех светских (короля Чешского, пфальцграфа Рейнского, герцога Саксонского и маркграфа Бранденбургского). Решение об избрании короля принималось большинством голосов.

Однако это вовсе не означало, что император капитулировал перед князьями. Во-первых, Карл IV сумел вмешаться в решение вопроса о том, кто из князей является курфюрстом. Во-вторых, он сумел провести решение, что после голосов трех архиепископов следует очередь чешского короля, «который среди светских курфюрстов обладает первенством благодаря величию королевского сана, праву и заслугам». В-третьих, несмотря на то что в «Булле» подчеркивается, что курфюрсты являются «семью светочами», «семью колоннами», «стенами» империи, в ней почти ничего не говорится о том, какую они должны играть роль в политической жизни Германии тогда, когда нет необходимости избирать нового императора.

Словом, «Булла» отражает в первую очередь стремление императора закрепить тот объем власти, которым он обладал, привлечь к участию в выборах те сильные фигуры, которые нельзя было не привлечь, но минимизировать возможности их автономного политического поведения. Достичь этих целей было невозможно, не обеспечив лояльности князей. Отсюда статьи «Золотой Буллы» о правах и привилегиях князей. Им предоставлялись горная и монетная регалии, право приобретать земли, замки, владения, заклады и т. п. у любых князей, графов и «других людей». Следует подчеркнуть, что многие из этих привилегий уже имелись у территориальных владетелей, и, таким образом, император скорее фиксировал реально сложившуюся ситуацию, чем создавал прецедент.

«Булла» ограничивала частные войны. Война считалась законной только в том случае, если была торжественно объявлена за три дня до ее начала. Положение о «законности» войны вносило завершающий штрих в общую картину политической жизни Германии XIV в. Реальная жизнь не раз демонстрировала, что в ее основе лежало право сильного, войны начинались и велись без оглядки на идеальную норму.

«Золотая булла». 1356 г.

Карл IV прекрасно это понимал и потому запретить магнатам вести войны было даже де-юре невозможно.

После прекращения Люксембургской династии (1437 г.) наступает период длительного правления Габсбургов. При сохранявшемся порядке выборности императорской власти Габсбурги сумели фактически на века закрепить за своей династией права, близкие к наследственным. Однако это не было показателем усиления позиций центральной власти. Напротив, XV в. — это век прогрессирующего ослабления императорской власти. Габсбургам удалось закрепиться на века на троне во многом благодаря тому, что императорская власть уже не представляла серьезной угрозы для ограничения власти князей. К тому же Габсбурги отличались особой сплоченностью семейного клана, а это немало способствовало тому, что их династия стала одной из самых долгоправящих в Европе. В отличие от остальных королевских родов, не исключая Пржемысловичей, в истории Габсбургов почти нельзя встретить кровавой борьбы за трон. Иерархия и наследное право строго соблюдались ими, а если происходили какие-то эксцессы, они каждый раз более-менее мирно разрешались в интересах династии.

Нарастающее бессилие императорской власти особенно проявилось с 1440 г., в период правления ***Фридриха III*** (1415–1493). Многочисленные княжеские усобицы, разбой рыцарей, грабивших на дорогах купцов, опустошение городов и деревень контрастировали с безуспешными попытками Фридриха III запретить нарушение мира. Однако император был не в силах проводить в жизнь свои указы. Не случайно именно в этот период оформляется бюргерская оппозиция сложившимся порядкам, а особую популярность в конце XV в. получает политический памфлет «Реформация императора Сигизмунда». В этом памфлете речь шла о запрете феодальных войн, подчинении своевольных князей твердому контролю городов, что объективно вело бы к установлению централизованного государства.

Габсбурги не смогли обеспечить реформу управления государством. Общеимперскую власть представляло собрание курфюрстов, духовных и церковных князей, посланцев крупных имперских и вольных городов, получившее в конце XV в. название рейхстага. Города, и без того представленные крайне неполно, допускались лишь к обсуждению вопросов, непосредственно затрагивавших их конкретные интересы. Они не имели там отдельной палаты, как имело бюргерство во Франции или Англии. Не имели самостоятельного представительства и рыцари. Слабость рейхстага как центрального

органа проявлялась в том, что, являясь совещательным органом и служа выяснению и максимальному согласованию мнений различных общественных групп, он не был дополнен созданием специального учреждения, которое проводило бы эти решения в жизнь. В отличие от Франции, где складывание сословий на уровне отдельных провинций было лишь этапом в их общегосударственном оформлении, в германских землях этот процесс оставался на таком уровне многие столетия. Германия XV в. не знала ни общеимперского суда, ни общеимперской армии, ни общеимперской казны.

Тем не менее процессы централизации все-таки шли, хотя и в локальном масштабе — на уровне территориальных княжеств. В них появляются — пусть нерегулярно собираемые и действующие — сословно-представительные органы — ландтаги, выражавшие интересы дворянства, духовенства и наиболее значительных в тех или иных землях городов. Княжеская власть в этот период упорядочивает в своих интересах органы территориального управления (княжества делятся на округа), фискальное дело, совершенствует территориальное законодательство. Эти «территориальные» реформы в определенной степени отражали и интересы сословий в самих княжествах. Ландтаги пользовались известным влиянием в рамках территориальных образований. Безусловно, Германия в этот период отставала от таких европейских стран, как Франция и Англия, где в конце XV в. наблюдается оформление раннеабсолютистской государственности с присущими ей институтами, политикой протекционизма и меркантилизма, объективно направленной на поддержку нарождавшегося нового буржуазного уклада. В этом была своя историческая логика, обусловленная всем ходом развития средневековой государственности Германии.

Специфика этнополитического сознания германского общества

Специфика развития Германии в высокое Средневековье нашла свое выражение и сфере этнополитических установок сознания и поведения. Следует подчеркнуть, что процесс этнополитической консолидации в Германии протекал в ее землях и социальных общностях с разной интенсивностью: на западе и юге страны значительно быстрее, чем на востоке и на севере. Новые этнополитические мифологемы, свидетельствующие о зарождении национального самосознания, чрезвычайно сложно выстраиваются в некий общий рисунок. И тем не менее к концу рассматриваемого периода абрис

этого рисунка уже становится более или менее просматриваемым, чтобы обрести ту полноту завершенности, которую он получит в более позднее время.

Сам ход исторического развития «подсказал» основные компоненты этого рисунка. Общегерманские этнообразующие мифы структурировались, с одной стороны, вокруг образов германских правителей, символизирующих мощь и единство германского государства, с другой — вокруг темы о национальных добродетелях, противопоставлявшихся порокам чуждого мира, будь то миры французский, итальянский либо какой иной. Известная штауфеновская формула *sacrum imperium* («Священная империя»), появившаяся в 1157 г. в послании Фридриха I к князьям об организации похода против мятежного Милана, выражала идею неограниченной власти немецкого короля (императора) над Римом. По выражению одного современника, Фридрих направил против мятежных миланцев «острый, сверкающий и неизмеримый меч немцев *(Theutonicorum)* всей империи» *(Vita Arnoldi archiepiscopi Moguntini)*.

Противопоставление «чужакам» играло важную роль в формировании представления об этнической общности. Колонизационное движение на Восток, итальянские походы дали мощную подпитку этим умонастроениям, во многом замешанным на мифологеме превосходства немцев. Так, автор «Саксонского зерцала» (XIII в.), устанавливая порядок избрания императора князьями, замечает, что «король Богемии» не участвует в выборах императора, «потому что он не немец».

Наряду с традиционно почитаемым образом Карла Великого возникают мифы об императорах — защитниках национальных интересов. Особо выделяются фигуры Фридриха Барбароссы и Фридриха II Штауфена. Их имена окружены легендами. Самая известная из них связана с образом императора, сидящего со своими рыцарями в пещере в глубине горы Кифхойзер и хранящего немецкое единство и имперское величие. Наступит время, когда он восстанет со своей ратью и вновь воцарится во славу Германии. Первоначально эта легенда восходила к образу Фридриха II, внезапная смерть

Саксонское зерцало. Ок. 1224 г.

которого породила народные предания о том, что император не умер, что он вернется и освободит Германию от тирании пап. Позже этот образ трансформировался в образ его деда — дремлющего кайзера, готового прийти на помощь Германии в трудную минуту. Оба императора сделались символами борьбы с папством, в котором — чем дальше, тем больше — самые разные слои германского общества будут видеть главный источник своих бедствий. Это, конечно, миф, но он будет иметь долгую жизнь в германском культурном сознании и будет актуализироваться в поворотные моменты национальной истории.

Формирующееся в эпоху классического Средневековья представление об этнической общности немцев нашло свое отражение в литературных памятниках эпохи. Автор «Песни о Нибелунгах» сознает эту этническую общность: повествуя о турнире в честь свадьбы Кримхильды и гуннского короля Этцеля, он называет гостей, представлявших разные народы. Наряду с немцами *(«tiutsche» — Deutsche)* в поэме названы поляки и валахи, печенеги и греки, русские и датчане. Характерна оценка поэтом конца XIII в. Гуго фон Тримбергом своей книги: «В какие бы земли эта книга ни попала — в Швабию, Тюрингию, Баварию, Франконию, — там пусть благодарят меня».

Безусловно, представление об этнической немецкой общности в эту эпоху не могло не носить двойственного характера. Саксонский анналист называет себя то «немцем», то «саксонцем», подобно тому, как Оттон Фрайзингский — то «немцем», то «швабом». Акцентирование общеэтнического или локально-регионального компонента обусловливалось социально-историческим контекстом и потребностями конкретных носителей этнополитического самосознания. Так, в условиях необходимости объединения усилий немецких князей и рыцарства перед угрозой внешней опасности или перспективы завоеваний у тех представителей этих социальных слоев, что разделяли общую потребность, на передний план выходил общеэтнический идеал. При обстоятельствах, благоприятствующих закреплению политики средневекового сепаратизма (например, расширению феодальных владений тех или иных князей или круга привилегий конкретных бюргерских общин), общеэтнический идеал уходил на задний план, уступая место акцентированию локально-этнической принадлежности того или иного этнополитического субъекта.

К концу рассматриваемого периода «общенациональный» компонент в культурно-политическом дискурсе становится все более актуальным и более четко артикулируемым в текстах источников.

В середине XV в. в монастыре Фульды была обнаружена рукопись сочинения Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии», что позволило сторонникам существования германской «нации» заговорить, апеллируя к еще не понятому прошлому, о «немецкой земле» *(Teutschland)*, имевшей в историческом прошлом общность происхождения, культуры, языка, религии, нравов.

Трансформация государственной власти, обладатели которой все более сознавали себя не столько императорами Священной империи, сколько германскими королями, обнаруживается в целом ряде явлений. Фактически выборы германского короля делаются конституционным актом избрания императора, авторитет которого основывался в первую очередь на реальной власти германского государя. Королевская власть легитимизировала свое «национальное *Я*» уже тем, что в «Золотой булле», этом уникальном правовом памятнике классического германского Средневековья, избрание короля Германии не оговаривается условием одобрения его кандидатуры папой. В 80-е гг. XV в. в ряде официальных документов появится название «Священная Римская империя германской нации», достаточно красноречиво говорящее о новой самоидентификации германского этнокультурного сознания. Наконец, об этом убедительно свидетельствует и совпадение в ряде источников XV в. понятий «немецкая нация» *(natio Teutonica, teutsche Nation)* и «немецкая земля» *(Deutschland)*, при всем том, что сохраняется грань между этническими областями, политически и экономически замкнутыми феодальными княжествами, городами, накладывающая отпечаток и на формирующиеся «национально-исторические» мифы.

2. Городская и сельская экономика

Германский город

Растущие города Германии в эпоху высокого Средневековья явятся «мотором» динамичного развития многих ее областей. Там, где античная цивилизация оставила свой след, эти процессы обозначились уже в XI–XIII вв. Особую зону в этом смысле представляла знаменитая «дорога Брунгильды» — Рейн с расположенными на нем Кёльном, Вормсом, Майнцем, Страсбургом и другими городами. О масштабах городских поселений этого времени можно судить по тому факту, что население Кёльна, названного побывавшим в этом городе английским монахом «центром Германии, городом первой

величины», достигала в XII в. 20 тыс. человек. Мелкие города, составлявшие большинство городских поселений того времени, насчитывали подчас несколько сот жителей и сохраняли тесную связь и типологическое родство с деревней. Это сказывалось и на облике городов. Первая мощеная улица в Аугсбурге — богатом по меркам того времени городе — появилась только в начале XV в. (в то время как во Франции уже при Филиппе II Августе в XII в. начали мостить улицы и создавать «службу мусорных повозок»). Фридрих III, не послушавший совета жителей Рейтлингена не навещать город в весеннее время, чуть было не утонул на своей белой кобылице при въезде в город в огромной луже.

Там, где античное наследие отсутствовало, городская цивилизация складывалась более медленными темпами. Хотя иные факторы могли компенсировать отсутствие такого «трамплина» для роста городов. Удачное географическое положение, близость к северным торговым путям вкупе с аграрным и демографическим ростом сделали нижнегерманские земли (так называлась территория по нижнему течению Рейна и Мааса) едва ли не самой урбанизованной областью не только в Германии, но и в Европе в целом. Здесь раньше, чем в других местах, города обрели качественную определенность, свойственную средневековому типу городов, связанную с развитием торгово-ремесленной деятельности. Именно эти земли стали родиной текстильного производства, являвшегося основой ремесленной «индустриализации» в Средневековье.

Говоря о том, что именно масштаб ремесленно-торговой деятельности и ее санкционированность христианской моралью определят качественное своеобразие средневековых городов, их отличие, скажем, от античных городов-полисов, следует подчеркнуть, что для истории германских городов, особенно на ранних этапах их становления и развития, ведущей сферой была сфера посреднической торговли. Немалый импульс ей придали крестовые походы. Торговля Леванта с североевропейским регионом задавала алгоритм жизнедеятельности южногерманских городов. Аугсбург, Нюрнберг, Ульм, Регенсбург и другие города были связаны с Миланом, Венецией и Генуей — «лидерами» в торговле со странами Востока, набравшими силу благодаря крестовым походам. Товары роскоши, вино, пряности, поставляемые в страны Северной Европы, приносили большие доходы.

Не менее прибыльной была и торговля товарами северных стран. Из стран Скандинавии, Руси, прибалтийских земель германские

купцы везли рыбу, лес, меха, мед, воск, соль и другие товары. Однако внутригерманская торговля «собственным» товаром была развита слабо. Этим обстоятельством в немалой степени объясняется тот факт, что высокий уровень торговой активности не создавал серьезной почвы для экономико-политического сближения отдельных земель в тех масштабах, которые знали англо-французские земли.

Опережающий темп развития торговой деятельности в сравнении с ремесленной отразился на характере организации бюргерской профессиональной активности. Первые купеческие союзы — гильдии «старше» ремесленных корпораций — цехов. Первое письменное свидетельство о такой корпорации относится к 1106 г., когда торговцы рыбой из Вормса получили соответствующие привилегии. Время их становления и расцвета — XII–XIII вв. Посредническая торговля наряду с ростом специализации сельского ремесла стимулировали развитие городских ремесел. Монополизировав скупку отлавливаемой норвежцами сельди (которая по понятным причинам пользовалась в многочисленные дни поста большим спросом на Западе), северогерманские купцы дали толчок развитию бочарного дела в своих городах (консервация и перевозка рыбы на дальние расстояния требовала должной упаковки этого товара), солеварению.

Опять-таки, нужды торговли способствовали развитию корабельного дела и ремесел, сопутствующих ему. Благодаря ей северогерманские города ввели в обиход коггу — наиболее вместительное и устойчивое по тем временам морское судно. Когга могла вместить помимо экипажа 100 вооруженных воинов, 20 лошадей и стенобитное орудие. По грузоподъемности она в два-три раза превосходила все современные ей суда и как нельзя лучше соответствовала нуждам оптовой торговли на дальние расстояния.

Посредническая торговля фламандским сукном стимулировала перенятие опыта сукнодельческого ремесленного производства немецкими бюргерами. Неслучайно главной отраслью собственно германского экспортного производства станет уже в XIV в. сукноделие. Неслучайно, что ведущим городом в торговле сукном станет Кёльн, игравший одну из ключевых ролей в посреднической торговле между фландрским и рейнско-вестфальским регионами.

Развитие ремесла в германских городах было обусловлено не только влиянием торговли, но и целым рядом другим факторов цивилизационного характера. Стремительное развитие производства огнестрельного оружия в странах Западной Европы, возросшая потребность в металле, железной руде наряду с развитием монет-

ного производства, требовавшего большого количества наличных средств, способствовали развитию целого ряда ремесел, связанных с разработкой недр и металлообработкой. Это превратило такие города, как Фрайберг и Нюрнберг, в города рудокопов и металлообработчиков, чья продукция пользовалась спросом по всей Германии и во многих странах Европы. Однако в большинстве немецких городов ремесленное производство «обслуживало» преимущественно местные рынки.

Именно город, а не замок явится центром сосредоточения и накопления денежных богатств. Растущая бюргерская мощна создавала условия для защиты прав и интересов бюргеров. Конечно, в обществе, которое подчинялось феодальным магнатам, говорить об этой защищенности следует с большой оговоркой. Даже император, воплощение справедливого правопорядка подданных, уже на исходе средневековой эпохи в ответ на жалобу пострадавших от рыцарского грабежа купцов мог ответить, как ответил, например, Максимилиан I: «Эка невидаль!»

Коммунальное движение

Тем не менее именно город явился колыбелью свободы и «равного» права в средневековом мире. Большей частью эти права были отвоеваны бюргерами в ходе так называемых коммунальных революций, когда бюргерское сословие сумело оспорить у феодальных сеньоров часть прав как властителей земель города. В германских городах, где сеньором города был архиепископ, коммунальные движения приняли особенно острый характер. Горожане Кёльна достигли коммунальных свобод одними из первых. Сеньором города, сосредоточившим всю полноту власти в своих руках, был архиепископ. Именно он вершил здесь суд, и любой горожанин, будь то бедняк или богатый купец, полностью зависел от самовластия сеньора. В «Анналах» Ламберта Герсфельдского рассказывается о том, как впервые (в 1074 г.) горожане выступили против архиепископского произвола. Приказание архиепископа добыть для своего гостя подходящий корабль обернулось для одного из местных купцов торговой катастрофой. Слуги архиепископа, захватившие корабль, вышвырнули за борт все его товары. Завязалась драка между сыном купца, его товарищами и людьми архиепископа. Вскоре примкнувшие к пострадавшему купцу бюргеры, среди которых были и «первейшие, почтеннейшие», как пишет хронист, горожане, окружили архиепископский дворец и начали закидывать его камнями,

угрожая противной стороне оружием. Дело приняло такой размах, что архиепископ был вынужден поначалу скрыться в соборе св. Петра, а затем бежать.

На начальном этапе борьбы за свои права кельнцы терпели поражение. Правившие архиепископы грабили город, наказывая восставших бюргеров, разрушали их дома, подвергали телесным наказаниям, ослепляли, накладывали на них огромные штрафы и т. д. Однако, как верно заметила Э. Эннен, богатство кельнских горожан стало политическим фактором. Именно оно побудило бюргеров объединиться в новое сообщество — городскую общину, или коммуну, чье становление приходится на XII–XIII вв. Именно оно дало и средства для противостояния власти сеньора. Так, в 1106 г. бюргеры вопреки воле архиепископа обнесли город новыми укреплениями, что означало нарушение одной из привилегий сеньора — права возводить городские стены, укреплять и расширять территорию города.

Уже в середине XII в. в Кельне появляется такая корпорация, как Рихерцехе — «Цех богатых», который постепенно начинает обретать все больше полномочий в управлении городом. Один из первых в Германии цехов — кельнский цех ткачей постельных покрывал — был учрежден без всякого согласия архиепископа и его чиновников В форштадте, торгово-ремесленном пригороде Кельна, бюргеры возвели знаменитый «Дом горожан», который позднее стал называться ратушей. Именно здесь, вдали от архиепископского надзора, решались самые важные дела кельнской городской общины, избирали бургомистров, которые представляли исполнительную власть в городе наряду с сеньориальной администрацией.

Кельнцам пришлось преодолеть немало препятствий на пути обретения коммунальных вольностей. Потребность в деньгах заставляла архиепископов идти на определенные уступки, передавать часть привилегий городской коммуне. С помощью денег удалось привлечь и политических союзников. В 1288 г. долгая борьба Кельна с сеньорами-архиепископами закончилась после сражения при Воррингене поражением и пленением очередного сеньора. На стороне кельнцев воевали герцог Брабантский и граф Бергский. После этих событий Кельн фактически стал свободным имперским городом, только высший суд остался за архиепископом.

История борьбы Кельна за свои свободы — права свободно распоряжаться доходами от ремесла и торговли, самостоятельно управлять городом — наиболее яркий пример борьбы германских городов с сеньорами. Не везде бюргерам удавалось добиться столь впечат-

ляющих результатов. Каждое самое скромное достижение бюргерам приходилось многократно подтверждать, выкупая или отвоевывая определенные права и привилегии у сеньоров. Нередко коммунальные движения оборачивались поражением горожан, упрочением сеньориального режима. Однако общие тенденции развития нового городского уклада были таковы, что в большинстве городов бюргерам удалось потеснить сеньора и закрепить за собой некоторые жизненно важные права и привилегии.

Что это были за права? Картина достигнутого бюргерами в ходе коммунальных движений чрезвычайно пестра. Тем не менее можно выделить ряд более или менее общих положений хартий и постановлений, закреплявших за бюргерами их права. Самое важное достижение бюргерских «революций» — личная свобода, гарантированная жителям города. Так, в императорской привилегии Бремену говорилось, что всякий проживший в нем «год и день» человек обретал свободу. «Воздух города делает свободным» — эта правовая формула раскрывала перед горожанами принципиально новые возможности как для ремесленно-торговых занятий, так и выбора жизненного пути в самых разных сферах. Характерно, что это правило распространялось не только на собственно городское население, но и на пришельцев, в том числе и зависимых крестьян.

Основа основ городских вольностей — собственный, не сеньориальный суд. Так, жителям Страсбурга было даровано императором право, согласно которому никто из горожан, «какого бы состояния он ни был», не мог быть вызван в «судебное собрание, учрежденное вне их города». Даже сеньор города или сам император не имели права вызывать горожанина на суд за пределами городской территории. Смысл привилегии достаточно прозрачен. Добиться справедливости в сеньориальном суде, а тем более в чужой курии было гораздо сложнее. Не вдруг и не сразу городской суд становился полновластной инстанцией. Поначалу горожане, как правило, выговаривали или выторговывали возможность ввести своих представителей в сеньориальный суд. Не всегда горожане добивались всей полноты судебной власти, как видно на примере Кёльна. В городах, сеньором которых являлось духовное лицо, процесс обретения судебной независимости шел с большими препятствиями, нежели там, где сеньориальная власть была светской. Однако, в общем и целом, вытеснение людей сеньора из судебных органов закончилось для большинства городов успехом.

Значение этого успеха заключалось не только в устранении сеньориального произвола, но и в становлении новой судебной системы,

более адекватной деловой активности бюргерского сословия. Постоянные конфликты в делах рынка по поводу мер и весов, денежного обращения и т. д. требовали не только оперативности решения многих спорных дел, но и соответствующего профессионализма. Городской суд отличался от традиционного сеньориального большей степенью рациональности. Не случайно ордалии (божьи суды), столь распространенные в раннее Средневековье, впервые запрещаются именно городскими общинами. Они были запрещены в Нюрнберге, Вене, Сент-Омере и других городах, их сфера действия была ограничена в целом ряде других городов. Например, в Берне судебный поединок допускался, когда решались вопросы чести, и запрещался в тяжбах по имущественным делам. Появляется такая форма судопроизводства, как суд присяжных и непременный опрос свидетелей. По хартии Фрайбурга, например, «всякое свидетельство должно быть дано двумя законными людьми, которые видели и слышали». Наконец, начинается письменная фиксация права, что также делало городское судопроизводство более эффективным, чем система сеньориального суда.

Основные конфликты, возникавшие в городской среде, были связаны с рынком и имуществом. Не случайно городское право многих общин фиксировало привилегию горожан в контроле за мерами и весами. В Вормсе в XIII в. ежегодно назначались 16 человек, в обязанности которых входила проверка используемых в городе мер и весов. Использование неправильных мер считалось почти повсеместно серьезным правонарушением. В некоторых городах булочников, выпекавших хлеб меньшего, чем было положено веса, наказывали, например, весьма «чувствительным» образом. На речном берегу устраивалось сооружение, подобное колодезному журавлю, на конец которого и подвешивалась клетка с изобличенным жуликом. Клетку периодически погружали в воду. Продолжительность экзекуции зависела от допущенного недовеса.

Не менее важным было то, что в рамках городского права появляются статьи, бравшие под защиту личное достоинство человека независимо от его социального статуса. В праве города Хагенау, например, в 1164 г. появилась запись, что император, не уплативший долги в срок, может получить отсрочку на шесть недель, после чего кредитор, «если будет нуждаться в звонкой монете», может присвоить залоговое имущество должника. В праве Зоста имелась, к примеру, следующая статья: «Если кто из горожан разденется для купания и в это время будет вызван глашатаем в суд, он не обязан следовать

туда, пока не вымоется и не обсохнет». Во Фрайбурге брань в адрес жены бюргера влекла за собой штраф в 10 фунтов. В Хагенау должен был уплатить штраф всякий, «давший волю своему беспутству и оскорбивший непристойными словами кого-нибудь из горожан». Если человек уличался в этом трижды, он изгонялся из города без права возвращения когда-либо.

Выработка городского права сопровождалась обменом правовым опытом. Так, Магдебургское право действовало не только в Ростоке, Висмаре, Штральзунде и других городах своей зоны, но и было принято скандинавскими, прибалтийскими, чешскими и отчасти польскими городами.

Краеугольный камень новой формирующейся городской общности — городской совет олицетворял достигнутое городами право самоуправления. По сравнению с советами, возникавшими в городах на ранних этапах их существования по воле и желанию сеньоров, перекладывавших на эти находившиеся в полном их ведении органы ряд забот по управлению, советы высокого Средневековья радикально изменились в ходе коммунальных движений. Городской совет, состоявший, как правило, из наиболее богатых и влиятельных представителей городского сословия, патрициата и решавший вопросы, имевшие преимущественный интерес именно для этих слоев, тем не менее был более адекватен новым условиям развития городского уклада и бюргерства в целом. В ведении городского совета нередко оказывались все основные вопросы, связанные с организацией ремесленно-торговой деятельности. Во Фрайберге, ставшем благодаря развитому горнорудному делу одним из важнейших экономических центров Германии XIII в., городской совет добился закрепления за собой права производить обмер горнорудных участков, устанавливать черту города, промысловый суверенитет, рыночное право, беспошлинный и беспрепятственный провоз товаров по территории Мейсенской марки и Тюрингии. Совет добился даже закрепления за собой такой привилегии, как право верховного суда по делам, касавшимся горнорудной промышленности. В период, когда горнорудная промышленность Фрайберга находилась на подъеме и кормила большую половину городского населения, действия совета, в котором заседали представители патрициата, отвечали не только интересам этой небольшой части населения города, но и других представителей бюргерского сословия, занятых в горнорудном деле.

Закрепив за собой определенные привилегии и свободы, многие города-коммуны сохранили в отношении сеньора обязанность вы-

плачивать ему определенную денежную сумму. Сходное положение заняли наиболее значительные из имперских городов, подчиненных непосредственно императору. По своему статусу они были близки к городам-республикам. Таковы были Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Аугсбург, Магдебург, Франкфурт-на-Майне.

Возникновение союзов городов. Великая Ганза

Укрепление позиций бюргерского сословия, рост ремесел, развитие торговли давали шанс для централизаторской политики германской королевской власти, которым она в силу приверженности имперским амбициям не смогла воспользоваться. Связи городов с центральной властью были хрупкими, корона не в состоянии была оградить города от произвола князей, обеспечить безопасность сухопутных и морских торговых путей, защитить немецких купцов за границей. В этих обстоятельствах города, у которых были общие интересы, которым было что защищать и имелось для этого достаточно ресурсов, нередко искали поддержки и помощи друг у друга. Это привело к складыванию уже в XIII в. региональных союзов городов. Подчеркнем, что движение за создание союзов городов было прямым продолжением коммунальных движений. Благодаря упрочению своего экономического и политического положения города смогли сплоченнее и решительнее отстаивать свои интересы в более широких масштабах. В 1256 г. образовался союз приморских городов: Любека, Гамбурга, Люнебурна, Висмара, Ростока, ставший основой будущей Великой Ганзы, которая уже к началу XV в. включала около 160 городов Северной и Центральной Германии. Среди них выделялись Любек, Бремен, Гамбург, Росток, Штральзунд, Висмар. В 1254 г. был основан Рейнский союз городов; в начале XIV в. возник Швабский союз, в который вошли такие города, как Ульм, Регенсбург, Аугсбург, Нюрнберг, Базель и др., объединившийся в 1381 г. с Рейнским.

Каждое из этих объединений, равно как и города, входившие в них, имели свои собственные интересы. Города Северной Германии, первоначально конкурировавшие между собой, постепенно осознали необходимость поиска диалога друг с другом в совместной борьбе за иноземные рынки. Швабский союз, защищавший вольности своих членов как имперских городов, конфликтовал, прежде всего с императором, тогда как рейнские города боролись по преимуществу с мелкими и средними феодальными магнатами. Но общие интересы также заставляли вступать в диалог. Так, в конце XIV в., когда нищавшее мелкое рыцарство стало более агрессивным и актив-

ным и начало объединяться в рыцарские общества, неприкрыто грабившие горожан (Общество со Львом, Общество святого Вильгельма и др.), швабско-рейнский союз сумел отстоять свои интересы. Началась война, в ходе которой объединенные силы городов одержали победу.

Оттиск печати с изображением ганзейского торгового судна. Ок. 1400 г.

Союзы отстаивали общие торговые интересы бюргеров в их борьбе с иноземными купцами, компенсируя отсутствие необходимой государственной помощи. Особенно ярко это видно в деятельности Ганзы, основной задачей которой было обеспечение благоприятных условий для активной посреднической торговли прежде всего в Балтийском регионе.

Создаваемый Ганзой режим наибольшего благоприятствования торговой деятельности для своих членов был связан с безопасностью торговых путей, привилегиями при уплате пошлин, как проездных, так и торговых, автономией немецких торговых поселений в других странах.

Немецкий двор Ганзы в Новгороде представлял собой хорошо консолидированную самоуправляемую общину. Во главе ее стоял олдерман-старшина, избиравшийся общим купеческим собранием еще в тот момент, когда ганзейские корабли входили в устье Невы. Суду местных властей ганзейцы подлежали только в том случае, если их тяжбы возникали непосредственно с новгородцами. Ганзейцы вносили в новгородскую казну только одну проездную пошлину — на пути в Новгород, и одну торговую — за взвешивание товаров. Столь выгодные условия торговли с Новгородом могли быть достигнуты благодаря тому, что германские купцы были самыми активными из западноевропейских соседей Руси, сумевшими воспользоваться географической близостью с ее торговыми форпостами. Едва ли не главную роль в закреплении северогерманских городов здесь сыграла устойчивость деловых традиций и хорошая осведомленность немецкого купечества в тонкостях торгового дела.

Ганза руководствовалась прежде всего интересами торговли входящих в нее городов. Отсюда и основной принцип ее «политического поведения» — максимальные прибыли при минимальном риске. Поэтому ганзейский союз предпочитал мирные переговоры военным действиям и экономическое давление лобовому столкновению.

Лишь в самых сложных ситуациях Ганза могла пойти на такие крайние меры, как торговая блокада или военный конфликт.

Постепенное укрепление позиций северогерманских городов, наращивание торговых оборотов, все более прочное втягивание в общую торгово-экономическую деятельность основных членов ганзейского союза привело к тому, что сильные члены союза — Любек и Гамбург, находившиеся на пересечении важнейших торговых путей между Балтийским и Северным морями, стали тяготиться тем, что Дания фактически превратила Балтику во внутреннее море. Военные действия длились с 1367 по 1370 г. В результате кровопролитных сражений Ганзе удалось установить торговую монополию на Балтийском море.

В 1370 г. 23 ганзейских города вынудили Данию подписать знаменитый ***Штральзундский мир***. По его условиям Ганза подтвердила все прежние и получила новые привилегии. Она сумела добиться для своих купцов снижения пошлин, гарантий безвозмездного возвращения владельцам грузов с кораблей, потерпевших бедствие у датских берегов. Фогты торговых факторий, находившиеся на территории датчан, получили право высшей юрисдикции. Дании запрещалось короновать своих правителей без согласия Ганзы. Заключение Штральзундского мира создало исключительно благоприятный режим для развития ганзейской транзитной торговли, что в свою очередь скажется на развитии собственных ремесел и вывозе их продукции в другие страны. Именно в конце XIV в. расширится ассортимент вывозимой продукции германского происхождения — муки, пива, солода, грубых сукон, полотна, металлической посуды, деревянной тары, канатов и т. д.

В конце XIV в. экономические взаимоотношения Германии с Норвегией, Швецией, Данией, Фландрией, Англией, Пруссией, Польшей, Ливонией и русскими северо-западными городами определялись, в первую очередь, торговой политикой ганзейского союза. Ганзе удалось играть доминирующую роль в данном регионе и обеспечить в названных странах соблюдение интересов северогерманского купечества благодаря ряду факторов. Ганзейское купечество своими корнями уходило в традиции сравнительно давно сформировавшихся городских устройств с большим опытом торговой деятельности, развитой правовой традицией. Принадлежа к потомственным купеческим фамилиям, оно обладало соответствующим стартовым капиталом и торговыми связями. Это выгодно отличало немецкое купечество от торговцев тех стран, в которые они проникали, где

уровень городского развития был еще относительно невысоким и, соответственно, «торговая культура» неразвитой. И, наконец, фактор консолидации сил также играл большую роль.

Сильные имперские и вольные города, городские союзы — явление неоднозначное. С одной стороны, наиболее крупные и привилегированные из этих городов в обстоятельствах, когда не возникало острой необходимости в поддержке друг друга, могли быть настроены сепаратистски, выступать носителями децентрализаторских тенденций порой не меньше, чем князья. С другой стороны, городские союзы пытались воздействовать на короля в деле поддержания мира в стране, объективно выступая за централизацию. Князья же требовали их запрещения, так что после Мельфийского статута 1231 г. союзы существовали фактически нелегально.

Трансформация феодального уклада и зарождение раннекапиталистических отношений

В XIV–XV вв. начинается разложение классического цехового строя, выразившееся в так называемом «замыкании цехов». Доступ к званию мастера оказался для большинства подмастерьев и учеников закрытым. Шанс стать мастером имелся теперь лишь у близких родственников членов цеха. Остальные соискатели звания мастера вынуждены были сталкиваться с серьезными препятствиями. Фактически они формируют слой наемных работников, постоянно расширявшийся за счет беглых крестьян, а также обедневших ремесленников. Этот слой лиц наемного труда составлял элемент предпролетариата, который сформируется в условиях развития мануфактур.

Накопление в руках бюргерской верхушки значительных денежных средств, образование торгового и ростовщического капитала приводит в обстановке начавшегося разложения цехового ремесла к проникновению этого капитала в сферу производства. Купцы покупали оптом сырье, раздавали обедневшим ремесленникам, а затем скупали у них готовые изделия для продажи на рынке, превращая их тем самым в наемных рабочих-надомников. Такая система в перспективе вела к оформлению ранней буржуазно-экономической формы — рассеянной мануфактуры.

Эта система проникала и в крестьянское домашнее ремесло. В округе городов Аугсбург, Ульм, Констанц, Сен-Галлен многие крестьяне оказались задействованы городскими предпринимателями,

связанными с прядением и ткачеством. В самих этих городах производилась лишь отделка деревенских тканей и лишь лучшие сорта изготовлялись целиком в мастерских. В городах Среднего Рейна основные стадии производства сосредоточивались в мастерских, в то время как деревня обеспечивала лишь прядение.

Элементы раннебуржуазных экономических отношений в XIV–XV вв. зародились также в горном деле. Состоятельные бюргеры нередко объединяли свои капиталы, для того чтобы иметь возможность модернизировать горное производство. Именно в это время углубление шахт, удлинение штолен, откачка воды, очистка воздуха существенным образом влияли на повышение эффективности горных разработок. Это требовало больших затрат. Князья и императоры — собственники недр — нередко закладывали горные промыслы тем или иным монастырям, бюргерско-торговым компаниям, вторгавшимся в организацию дела и перестраивавшим его на новый, по сути раннекапиталистический лад. В горно-металлургическом производстве быстрее, чем во многих других отраслях, шло подчинение торговому капиталу ранее самостоятельных рудокопов и мастеров-металлистов, превращавшихся в наемных рабочих.

Радикально новые формы организации производства сложились в книгопечатании, изобретение которого приходится на середину XV в. Сам характер производства обусловил образование здесь централизованных мануфактур. До 1500 г. в Германии появилось 214 типографских мастерских.

Несмотря на то что к концу XV в. германская экономика довольно динамично развивалась, социально-политические условия ее бытования не создавали режима наибольшего благоприятствования ни для создания внутригерманского рынка, ни для превращения раннекапиталистических форм производства в устойчивый буржуазный уклад, как это имело место в Англии или Франции. Городские союзы обеспечивали торгово-экономические интересы своих жителей в лучшем случае на региональном уровне. При этом они выдавливали из сферы рынка небольшие города, не способные конкурировать с сильными соперниками. Эти города формировали внутренний рынок территориальных княжеств. Торгово-экономическая деятельность как сильных, так и слабых городских центров сковывалась «феодальным фактором» — хождением в разных княжествах различной монеты, разноголосицей систем мер и весов, иммунитетными правами князей, взимавших таможенные пошлины с торговцев (на Рейне такие таможни встречались едва ли не через

каждые 15–20 км). Бюргерство было незащищено от рыцарского разбоя и княжеского произвола. Государство было не в состоянии решать эти проблемы: ни общеимперского суда, ни общегосударственной системы управления не существовало. На рейхстаге 1495 г. имперские города попытались взять на себя инициативу решения этих проблем. Они предложили фактически проект имперской реформы, предполагавший постоянное сохранение «земского мира» и создание общеимперского управления и суда. Проект был принят рейхстагом и ***Максимилианом I Габсбургом*** (1459–1519), но провести его в жизнь у центральной власти было мало шансов.

Эволюция аграрных отношений

Важнейшим фактором аграрной эволюции Германии в рассматриваемый период был демографический подъем XI–XIII вв. и связанное с ними интенсивное освоение новых земель. Если, по приблизительным оценкам, на рубеже X–XI вв. население Германии насчитывало менее 5 млн человек, то к концу XIII в. оно достигало около 12 млн.

Внутренняя колонизация осуществлялась в двух формах. Сначала осваивались близлежащие неиспользованные земли. Другая форма заключалась в колонизации более или менее отдаленных заболоченных и лесных массивов с целью основания новых поселений. В процессе внутренней колонизации совершенствовались орудия труда и приемы ведения сельского хозяйства. В XIII в. широко распространяются плуг и борона с железными зубцами, а с конца этого столетия в качестве основной тягловой силы используются лошади, потеснившие волов. Без тяглового скота были бы невозможны ни плужное земледелие, ни широкая колонизация новых земель. Наряду с водяными мельницами в XIII в. появляются заимствованные из Нидерландов и Северной Франции ветряные мельницы. Развиваются хлебопашество, огородничество и садоводство. Ведущими зерноводческими культурами были полба, рожь, просо, овес и ячмень. Позднее распространяются бобовые культуры (фасоль, горох, чечевица). С освоением новых земель было связано утверждение трехполья в качестве господствующей системы севооборота.

В связи с ростом городов, развитием товарно-денежных отношений происходят существенные изменения в характере аграрного строя. Во многих районах Германии в XII–XIII вв. происходит разложение старой вотчинной системы, основанной на использовании барщинного труда лично зависимых крестьян, получившей в немец-

кой исторической литературе наименование вилликационной системы — от латинского термина *villicus* — «управляющий центральным господским двором». Повышение спроса на сельскохозяйственную продукцию, вызванное ростом городов и увеличением городского населения, побуждало феодалов отказываться от малопроизводительного труда барщинных крестьян, особенно если имелась возможность повысить другие крестьянские повинности (оброк, денежные платежи).

На смену барщинному хозяйству в XIII в. приходит так называемое *Grundherrschaft* — крупное землевладение, характерным признаком которого является полное или почти полное отсутствие хозяйских земельных площадей, обрабатываемых с помощью принудительного труда крестьян. Бывшая барская запашка делилась на сравнительно большие участки, которые сдавались в аренду мейерам (первоначально так назывались вотчинные управляющие из числа зажиточных крестьян, а затем крестьяне-арендаторы вообще). Мейер становился получателем ренты, уплачиваемой крестьянами, и контролировал сохранившиеся виды барщины.

Условия мейерской аренды четко фиксировались. Со временем была выработана ее стандартная формула, обстоятельно определявшая права и обязанности мейера, точное количество и качество («хорошее, чистое зерно») поставлявшихся им господину продуктов, сроки поставки, а также срок, на который заключался договор аренды. Обычно он заключался на 9 лет, но в самой формуле предусматривалась возможность его продления на новый срок, «если в течение девяти лет он (мейер) пробудет примерным хозяином, которому не будет сделано каких-либо замечаний».

Grundherrschaft, но не с наследственными держаниями, а с краткосрочной арендой уже лично свободных крестьян утвердилась на северо-западе Германии, а также в Баварии. В остальных районах Юго-Западной и Средней Германии (Франкония, прирейнские земли) преобладала так называемая «окаменевшая сеньория», где сохранялась вилликационная система с наследственными крестьянскими держаниями, за которые теперь в основном уплачивалась денежная рента. В центральных районах Германии был распространен смешанный тип вотчинной организации.

С перестройкой сеньории изменился юридический статус крестьян и их держаний. На смену крепостничеству приходит новая форма зависимости, возобладавшая в XII–XIII вв., — *Hörigkeit* («зависимость»). Она предполагала свободу передвижения крестьян, укреп-

ление их владельческих прав на землю и фиксированный характер повинностей. Изменилась их структура. За счет барщины увеличивалась доля натурального оброка, дополнявшегося денежными платежами. Даже в рамках вилликационной системы совершался частичный переход к денежной ренте, что влекло за собою появление значительного числа лично свободных крестьян, уплачивавших денежный оброк, — ***чинш***.

В то же время происходит усложнение форм феодальной собственности, расщепление на разные ее виды: поземельную, судебную, личную, церковную и территориальную. Вследствие этого крестьянин оказывался в зависимости от разных господ. Обычно он одновременно имел и поземельного господина *(Grundherr)*, и судебного *(Gerichtsherr)*, и церковного, или десятинного *(Zehntherr)*, и личного *(Leibherr)*, и территориального *(Landherr)*.

В условиях прогрессирующего ослабления центральной власти и роста феодальной раздробленности происходило усиление политической власти феодальных сеньоров. Одной из ее форм стало создание так называемых округов банна. ***Банн*** (административный иммунитет) — это полученное от императора право ловить преступников, судить их и наказывать. Это право распространялось на целый округ, в том числе и на проживавших там свободных людей.

Важным средством обеспечения феодального господства над всей округой являлись замки — бурги. Начиная с XII в. появляющиеся во множестве рыцарские замки, расположенные в живописных местах, преимущественно на горах и холмах, становятся неотъемлемой деталью средневекового пейзажа, являясь символом могущества их владельцев и устрашения подданных.

Крестьянский протест и его формы

Постоянным местом социальной напряженности являлась немецкая деревня, где всякого улучшения своего положения крестьяне добивались в упорной борьбе. Крестьяне боролись за свои права на пользование общинными землями, в местах распространения мейерской аренды они отстаивали свои наследственные права на землю и т. д. Особенно широкое распространение приобрело бегство крестьян в города и на Восток — за Эльбу. Оно достигло такого размаха, что феодалы заключали между собою соглашения о выдаче беглых, добивались у городов обязательств не принимать в свои стены бежавших крестьян, требовали принятия против них законодательных мер.

В XIII в. крестьянские восстания, носившие до этого локальный характер, расширяют свои границы. Они случались чаще всего в тех областях, в основном на севере, где сохранялось много свободных крестьян, подвергавшихся феодальному натиску. Обострение социальной борьбы в деревне приходится на XIV в., когда в ней совершаются глубокие социально-экономические перемены, связанные с дальнейшим ростом товарно-денежных отношений. Знамением времени стало быстрое проникновение в деревню ростовщического капитала, усугублявшее расслоение крестьянства. Оно было выгодно зажиточным крестьянам, поскольку давало им возможность расширить свое хозяйство, но вело к ухудшению материального положения основной массы крестьян, способствуя разорению многих из них и вызывая особую ненависть к ростовщикам.

Против ростовщиков был на первых порах направлен главный удар крупного крестьянского восстания 1336–1339 гг., начавшегося в Юго-Западной Германии и распространившегося по всему правобережью Рейна, а затем перекинувшегося на его левый берег и достигшего своей кульминации в Эльзасе. Известное как движение армледеров, оно, начавшись как стихийное выступление доведенных до отчаяния крестьян, впоследствии обрело определенные организационные формы и даже идеологическое обоснование. Справедливость действий крестьян обосновывалась Божественным провидением. Восстание приобрело выраженный антифеодальный характер, направленный против светских и духовных господ и городского патрициата.

Альбрехт Дюрер.
Блудный сын. Ок. 1496 г.

XV в. приносит новые формы крестьянского движения протеста. Он был связан с наступлением сеньориальной реакции в условиях бурно развивавшихся товарно-денежных отношений. Стремясь использовать для увеличения своих доходов рыночную конъюнктуру, феодальные собственники развертывают наступление на крестьян, принимающее особенно интенсивный характер во второй половине XV в. Фор-

мы его были многообразны. Ведется наступление на крестьянские общинные земли. За счет захвата общинных угодий растет господское скотоводство. На домениальных землях расширяются посевы льна и других технических культур, на которые резко вырос спрос со стороны бурно развивавшегося ремесленного производства. Это вело к увеличению барщины. Во многих духовных и светских феодальных владениях шло массовое насильственное превращение свободных чиншевиков в лично зависимых крестьян. Возрастают судебные и личные повинности крестьян, в том числе так называемый посмертный побор, юридической основой которого являлась лично-наследственная зависимость крестьян. В районах распространения арендных отношений идет развернутое наступление феодальных сеньоров на права арендаторов. Наследственные держания превращаются в пожизненные, ухудшаются для крестьян условия их получения, разнообразятся методы феодальной эксплуатации арендаторов.

Ответом стали массовые крестьянские выступления, ставшие повседневным фактом общественно-политической жизни Германии в областях, расположенных к западу от Эльбы. Знаковым стало восстание крестьян в Юго-Западной Германии в 1439–1445 гг., выступивших против вторгшихся в страну отрядов разноплеменных французских наемников-арманьяков. Здесь впервые крестьяне выступили под знаменем «Башмака» (крестьянской обуви с длинными шнурками), ставшего символом крестьянского сопротивления. Под этим знаменем сражались крестьяне из многих областей Германии и Швейцарии. Как и в предыдущем восстании, его участники стремились объединиться с городской оппозицией.

В последней четверти XV в. антифеодальная борьба немецких крестьян начинает все больше приобретать черты крестьянской войны. Начало ее новому этапу положило в 1476 г. крестьянское движение под руководством жившего в деревне Никласхаузен (Франкония) сельского пастуха и народного проповедника Ганса Бехайма (Ханс Бём). Движение началось в форме массового паломничества, когда по призыву Бехайма стали стекаться многотысячные массы паломников из Франконии, Баварии, Эльзаса и других немецких земель.

Получивший известность как затейник деревенских свадеб и народных праздников, обладавший поэтическим и ораторским даром, Ганс Бехайм прославился своими проповедями, в которых гневно обличал пороки духовенства, его тягу к мирским благам и требовал

полного истребления этих «лжепастырей». В духе раннего христианства проповедник призывал фактически к полному равенству людей: «Пусть господа трудятся за поденную плату и пусть все будет общим, никто не должен иметь больше другого».

В 1476 г. Ганс Бехайм был схвачен властями, обвинен в ереси и сожжен на костре, а крестьянское восстание жестоко подавлено. Но проповедовавшиеся им идеи больше не покидали немецкую почву, формулируя то понимание Реформации, которое спустя полвека развил Томас Мюнцер.

На рубеже XV–XVI вв. под знаменем «Башмака» возникают первые конспиративные заговорщические организации, в которых созреет идея готовить боевые отряды (самая известная из них была создана в 1502 г. в Шпейерском епископстве зависимым крестьянином Иосом Фрицем).

Возрастание политического компонента в антифеодальном крестьянском движении на рубеже XVI столетия нашло также свое выражение в усиливающихся требованиях устранения княжеского произвола, что проявилось в распространенных призывах: «Никаких властей, кроме единой власти императора». Так немецкая деревня втягивалась в общее русло движения, подготовившего великую социальную бурю начала XVI в.

3. Культура и духовная жизнь

Культура двора

Культура Германии XII–XV вв. представляла собой сложный сплав различных традиций: культуры рыцарской среды, бюргерства, крестьянства, интеллектуально-религиозной элиты. Ее верхний этаж составляла культура элиты, в которой наиболее заметную роль играл придворный мир. Культурная жизнь двора во многом была связана с политическими интересами государства и его правителей.

С нуждами двора был связан такой важный феномен культурной жизни эпохи, как летописание, или жанр хроники. Это особенно ярко прослеживается в творчестве классика этого жанра — ***Оттона Фрайзингского*** (Фрайзингенского, ок. 1111–1158). Обоснование всемирно-исторической концепции было тесно связано с проблемами современной ему жизни. Согласно ей мир состоит из двух царств. Одно из них вечное, небесное, другое временное, земное. Одно от Бога, другое от дьявола; одно олицетворяется символически в Иеру-

салиме, другое в Вавилоне. Задача «Хроники» Оттона Фрайзингского, которая была написана между 1143 и 1146 гг., заключается в описании исторического развития этих двух «царств». При этом автор подчеркивает, что после того как Римская империя стала христианской и в ее границах образовался единый христианский мир, оба «царства» соединились в «смешанное царство». Его история и привлекает главное внимание автора.

В центре изображения — католическая церковь и государство (империя) как исторические реальности средневекового мира. Они не противостоят друг другу, так как это государство является христианским. Оно персонифицируется в двух фигурах, стоящих во главе единого христианского мира. Каждая из них поставлена Богом и имеет свои права и обязанности. Одна ведает таинствами и духовным мечом, творит церковный суд; другая светским мечом защищает весь христианский мир от его врагов, наказывает безбожных и творит светский суд. Каждая из них не должна вмешиваться в дела другой. Обладателями светского меча провозглашались германские императоры, так как они унаследовали земную власть, принадлежавшую ранее римским цезарям. Произошло это вследствие «трансляции» Римской империи, «перенесении» ее сначала в империю Карла Великого, а затем и в средневековую Германскую империю.

Принадлежа по своему происхождению и положению к высшей феодальной знати, светской и духовной (он был дядей Фридриха I и братом Конрада III, настоятелем Фрайзингского аббатства в Баварии), Оттон Фрайзингский глубоко переживал борьбу империи и папства. Это придавало «Хронике» явственное трагико-пессимистическое звучание.

В этой борьбе Оттон Фрайзингский не отдавал предпочтения ни одной из сторон. Однако созданная им концепция «двух царств», на смену которым приходит «смешанное царство», объективно служила обоснованию притязаний Фридриха I на обладание верховной светской властью в католическом мире. Более того, она могла служить для него оправданием борьбы с папством, поскольку Оттон Фрайзингский полагал, что хрупкое единство христианского мира было разрушено как раз политикой последнего, выражением которой стало отлучение Генриха IV папой Григорием VII и начавшаяся борьба за инвеституру. Таким образом, итальянская политика Фридриха I получила в произведении Оттона Фрайзингского высшее историко-теологическое обоснование и оправдание, ставшее своего рода руко-

водством к действию. Недаром вскоре после вступления Фридриха на престол он прислал ему вместе с сопроводительным письмом вторую, несколько переработанную редакцию своей «Хроники».

Немалую роль в культурных традициях штауфеновского двора играл такой фактор, как личность самого правителя. Особую славу в этом смысле снискал внук Фридриха Барбароссы, получивший у современников прозвище Чудо Мира, — Фридрих II. Известный своей любознательностью, образованностью, знанием нескольких языков (немецкого, итальянского, французского, латыни, арабского, греческого, еврейского), Фридрих II пользовался широкой известностью среди интеллектуалов того времени. Стремясь повысить авторитет своей власти в международном научном сообществе, он привлекал ко двору ученых и переводчиков из разных стран. Султан Египта по его просьбе прислал ему известного астронома. Приглашенные философы переводили Аристотеля, Авиценну, Аверроэса. Некоторые почерпнутые из этих переводов знания воплотились в законодательстве Фридриха II. Покровительствуемая им Салернская школа впитала в себя традиции арабской медицины.

Фридрих II и сам писал научные трактаты. Его авторству принадлежит такой известный опус, как «Трактат об искусстве соколиной охоты» — традиционного увлечения многих мусульманских правителей, от которых император нередко получал в качестве даров диковинных зверей и птиц, например, исландского кречета. Звери, особенно охотничьи и экзотические, часто использовались в качестве почетных даров, так как, входя в систему геральдики, играли важную роль в символической репрезентации власти государей в средневековую эпоху (это отразилось и в прозвищах многих могущественных особ: например, герцоги Генрих Лев, Альбрехт Медведь).

Широко известна религиозная терпимость Фридриха II Штауфена. Косвенным образом это подтверждает саркастическая оценка императора хронистом Матвеем Парижским, который писал: «В народе говорят, что Фридрих II больше следовал закону Магомета, чем Иисуса Христа, завел себе сарацинских наложниц... давно был другом и союзником скорее им, чем христианам». Впрочем, религиозная лояльность императора имела вполне отчетливо различимый политический подтекст. Ситуация борьбы с папством вынуждала Штауфена виртуозно владеть искусством политического «слалома» и искать диалог с мусульманскими правителями Востока. Интеллектуально-религиозная атмосфера, царившая при дворе Фридриха II, существенно отличала ее от той, которой дышала придворная среда

других европейских государств этого времени. Политические трения с папством, контакты с арабскими интеллектуалами, знакомство с «рациональным» наследием античности в контексте тех процессов, которые способствовали «десакрализации» сознания мирян в высокое Средневековье, определяли своеобразие религиозного сознания императора и некоторых его придворных — сознания, которое явно контрастировало со стереотипными формами мышления, присущими тому времени.

Неслучайно с его именем связано немало всякого рода легенд, передаваемых его современниками. Францисканский хронист Салимбене рассказывает, например, следующие характерные эпизоды из его жизни. Однажды император приказал плотно запечатать в ящик некоего человека, а через некоторое время велел вскрыть его. Когда ящик был распечатан, то, обнаружив в нем мертвое тело и не найдя признаков присутствия души, император преисполнился сомнений «в посмертном бытии души». В другой раз он удовлетворил свое «научное» любопытство следующим образом. Приказав обильно угостить двух людей, он затем одного отправил спать, другому же приказал бодрствовать. Через некоторое время велел умертвить обоих и вскрыть у них желудки, чтобы установить, где пища была усвоена лучше.

Религиозная терпимость и широкие интеллектуальные интересы императора имели определенные границы. Фридрих II мог себе позволить общаться с кем угодно и обсуждать сложные вопросы мироздания, но интеллектуальный горизонт простых подданных должен был ограничиваться ценностями его государства. Так, основав в 1224 г. Неаполитанский университет, император запретил всем желающим обучаться наукам учиться где-либо кроме этого университета. Те подданные, которые к тому времени уже обучались в северо-итальянских университетах, должны были под страхом смертной казни и конфискации имущества в самом скором времени вернуться домой. Очевидно, Фридрих II, хорошо осведомленный относительно распространенных в северной Италии коммунальных свобод, стремился предотвратить проникновение их в свое государство.

Важнейшую роль в системе массовой коммуникации аристократического общества играла поэзия. Поэт часто оказывался своеобразным политическим комментатором, перед которым его покровитель ставил задачу формирования общественного мнения. Естественно, что в обмен поэт был вправе ожидать от своего господина вполне

определенных благ. Вальтер фон дер Фогельвейде, миннезингер той эпохи, прямо пишет об этом:

О князь Апулии, хранящий Вечный град,
Я нищ, хотя искусством так богат.
Мне только б свой очаг,
Я не прошу палат.

(Пер. О. Румера)

«Очаг», который пожаловал император поэту, — удел в Вюрцурге, к которому было присовокуплено 30 марок годового дохода, — позволил Вальтеру чувствовать себя достаточно уверенно за спиной такого могущественного покровителя, чтобы подтрунивать над жадностью герцога Леопольда Австрийского, чьим гостеприимством он раньше пользовался.

Неудивительно, что он мог позволить себе и едкий смех в адрес могущественных противников Штауфенов, включая самого папу:

Как набожно, небось, смеется папа в Риме,
Своим монахам говоря: «Я все устроил с ними».
Что так он вправе утверждать — позор для нас!
«Двух аламаннов, — говорит он, — я венчал за раз
С тем, чтобы помочь немецким землям разоряться,
Казне же нашей быстро наполняться.
К церковным ящикам своим я их согнал, как скот;
Их серебро в сундук мой скоро перейдет.
Вино и кур, попы, гоните в рот,
А немцы пусть... постятся».

(Пер. И. Иванова)

Культура рыцарства

Однако содержание творчества поэтов той поры не исчерпывалось интересами заказчика. Рыцарская поэзия и роман, вышедшие из-под пера известных миннезингеров высокого Средневековья, запечатлели наряду с общей средневековой картиной мира ценности жизни рыцарского общества Германии. XIII в. — век расцвета миннезанга. В это время творили такие известные поэты, как Вальтер фон дер Фогельвейде, Готфрид Страсбургский, Вольфрам фон Эшенбах, Гартман фон Ауэ, Нейдгарт фон Рейенталь и др. В XIII в., как полагают некоторые исследователи, при дворе Штауфенов окончательно складывается широко известная рыцарская эпопея «Песнь о Нибелунгах».

Литература рыцарской среды дает возможность обрисовать круг рыцарских предпочтений и идеалов, выявить их ценностные ориентации. Главным императивом рыцарской этики выступает понятие чести. Оно тесно связано с идеей воинского подвига и рыцарской авантюры. Главные герои «Песни о Нибелунгах», Зигфрид и Гунтер, отправляются в неведомые края, чтобы подтвердить свою репутацию славных воинов. Воинский подвиг понимается в категориях некоего избыточного, «нерационального» мужества. Герой нередко знает (как знает Хаген — вассал бургундских королей в «Песне о Нибелунгах») о грозящей ему гибели, но идет навстречу ей, демонстрируя безрассудную с точки зрения современного человека смелость. При переправе войска через Дунай Хагену было поведано пророчество, что никто из его войска не возвратится из этого предприятия живым. Узнав об этом, Хаген не только не повернул назад, но, изломав челн, отрезал всякую возможность вернуться домой, сопроводив это словами:

Судно я изломал сейчас,
Чтоб ни один предатель, коль есть такой меж нас,
Покинуть не решился товарищей в беде.
Пусть знает: трусу всюду смерть — и в сече, и в воде.
(Пер. Ю. Корнеева)

Такого рода идеал был важным этическим регулятором поведения рыцаря в условиях тогдашнего общества, поскольку рыцарь являлся главным защитником и опорой социума, жизнь которого во многом зависела от готовности его воинов пожертвовать всем ради него. В то же время этот идеал зафиксировал и укорененность в рыцарском менталитете установок, имевших глубокие природные истоки. Рыцарь, демонстрируя «избыточное» мужество, подсознательно стремился самоутвердиться в глазах окружающих, доказать свою силу (нередко в ущерб делу. Во время крестового похода герцог Леопольд Австрийский и Ричард Львиное Сердце настолько стремились доказать собственное воинское превосходство, что когда герцог первым водрузил свой стяг над Акрой, Ричард Львиное Сердце приказал сорвать его и растоптал в пыли. А последующие распри не дали этим знаменитым крестоносцам удачно завершить «богоугодное» предприятие).

Неудивительно, что кодекс рыцарской чести предполагал невозможность сражаться со слабым противником или же противником, вооружение которого уступало его собственному. Зигфрид в «Песне

о Нибелунгах», не зная о готовящейся ему западне, предлагает Гунтеру и Хагену посостязаться в беге («кто первый будет у ручья, тому хвала и честь»). При этом он дает своим противникам фору: «Я дам, улегшись наземь, вам убежать вперед... за вами гнаться сзади я собираюсь в полном охотничьем наряде».

Рыцарская честь предполагала в качестве обязательного императива поведения верность слову. В «Песне о Нибелунгах» скрипачу Вербелю, принесшему ложную клятву, что бургундских королей Этцель и Кримхильда примут как гостей, Хаген отрубает правую руку. Связь между отрубленной рукой и клятвой самая прямая. Или другой пример: Хаген, оказавшись в руках врагов, имеет шанс спасти свою жизнь, выдав тайну клада и предав тем самым своих господ. Верный вассал отказывается, говоря, что до тех пор, пока жив кто-либо из бургундских королей — его сеньоров, он будет молчать. Кримхильда освобождает Хагена от клятвы, предъявляя ему окровавленную голову Гунтера — одного из королей. Хаген тем не менее не выдает тайну: теперь тем более никто не узнает, где хранится клад, сам он тайны не выдаст, а его господина уже нет в живых. Кримхильда самолично отрубает ему голову, убедившись, что невозможно склонить Хагена к предательству.

Христианская этика способствовала закреплению на ценностном уровне понятия верности как одного из важнейших структурообразующих социум идеалов. Нужно заметить, что для немецкой поэзии христианское звучание мотива верности свойственно гораздо в большей степени, нежели для французской или итальянской. Вольфрам фон Эшенбах начинает свой знаменитый роман «Парцифаль» вступлением о верности и неверности. Тот, кто был неверен, не имел ничего святого, неминуемо попадет в ад. Рыцарственный дух, соединенный с отвагой и верностью, поможет заслужить спасение:

Неверности прощенья нет,
Ее одежды — черный цвет,
И ей во мраке ада дом.
Кто пред людьми был чист во всем
И верность Богу сохранил,
Сиянье рая заслужил
(Пер Л Гинзбурга)

Литература рыцарской среды выявляет органичную связь понятий чести, могущества и богатства. Чем сильнее и могущественнее рыцарь, тем, как правило, он и богаче. Богатство являлось знаком

не только могущества, но и удачливости. Именно поэтому в «Песне о Нибелунгах» основная коллизия рыцарской эпопеи разворачивается вокруг темы клада.

Чем богаче рыцарь, тем он щедрее. Щедрость — оборотная сторона удачи и могущества. Кодекс чести включал в себя щедрость как обязательную максиму поведения рыцаря. Богатые пиры, роскошная одежда, дорогое оружие — публичные знаки могущества и удачливости. Вместе с тем богатство имело не только психолого-символический смысл. Оно являлось и средством привлечения вассалов. Маркграф Рюдегер, вассал Кримхильды, поставленный перед выбором: сохранить верность своей госпоже или дружбу с бургундскими королями, просит Кримхильду освободить его от присяги вассальной верности и предлагает возвратить пожалованные ему ленные владения — земли с бургами.

Стремление к богатству и самоутверждению, табуированное христианской этикой и оцениваемое церковью как греховные алчность и гордыня, подсознательно всегда определяло те или иные поиски рыцарства. Средневековый социум давал возможность примирять эти устремления с интересами самого общества, подчинив его эгоистические устремления идеям «справедливой» войны, помощи слабым, что работало на нравственное самосовершенствование рыцаря. Нередко эти устремления обретают в рыцарской поэзии и романе сублимированно-утонченный, казалось бы, отвлеченный смысл: рыцарь ищет нечто, что не имеет прямого практического значения для его жизни или жизни окружающих, скажем, легендарный Грааль.

Именно такой путь проходит главный герой романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Сын короля Гахмурета, погибшего в рыцарских странствиях на Востоке, Парцифаль был воспитан матерью в лесу, чтобы его не постигла участь отца. Но от судьбы не уйти. В лесу же Парцифаль встречается с рыцарями короля Артура и решает стать одним из них. Побывав при дворе короля Артура, Парцифаль сражается с Красным рыцарем и побеждает его. Поворотный момент его судьбы — встреча с «рыбаком» Амфортасом, который и «подсказывает» ему путь к Граалю. Однако долгое время Парцифаль не может достичь цели: ему мешает разлад с Богом. Наконец, появляется вестник и сообщает рыцарю, что тот прошел свой путь искупления. В итоге, минуя все препятствия, Парцифалю удается достичь мистической цели и он становится королем Грааля. Не только рыцарские доблести, но и преодоление своей греховности,

благочестие оказываются залогом нравственного совершенствования героя.

Понятие любви в рыцарской литературе наполнено специфическим содержанием. Оно также связано со стремлением рыцаря к самоутверждению, как и богатству. Неудивительно, что любовь нередко предстает перед читателем на страницах того или иного средневекового текста как часть рыцарской авантюры, в ходе которой рыцарь добивается внимания знатной и красивой дамы, которой он никогда не видел, но о чьей красоте и знатности был наслышан. Именно таким образом начинается история сватовства Зигфрида и Гунтера к своим «избранницам сердца», сопряженная с многочисленными воинским подвигами, с помощью которых рыцари добиваются своего признания дамами (и, конечно же, окружающими). Куртуазный идеал любви также имел оцивилизовывающую рыцаря подоплеку. Во имя дамы рыцарь совершал многие свои подвиги, помогал слабым, наказывал «злодеев» и т. д. При этом менялся и нравственный облик рыцаря, учившегося подчинять свои природные, эгоистические устремления определенным этическим нормам.

Немецкие поэзия и роман испытали большое влияние христианства, различных жанров церковной традиции, в частности, житийной литературы в трактовке любви. В них мы найдем гораздо меньше куртуазных и «чувственных» мест, чем во французских, или, скажем, итальянских литературных жанрах соответствующего характера. Романтический идеал земной любви тесним в немецкой лирике и романе спиритуальным идеалом любви «духовной», опосредованной религиозным чувством. На страницах поэзии миннезингеров служение даме перерастает в служение Богу, приверженность бренному — в приверженность вечному. Большое место в этой литературе занимают морализаторские мотивы.

Именно в таком смысле звучит тема любви в романе Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих». Наказанный Богом за чрезмерную гордыню проказой Генрих, отринутый всеми, встречает девушку, готовую отдать за него жизнь. Она узнает, что прокаженный выздоровеет, если его тело будет омыто кровью невинной девушки. Генрих готов принять эту жертву. Но в самый последний момент его охватывает глубокое раскаяние. В тот момент, когда эскулап уже готов занести нож, Генрих отказывается от жертвы. За это Бог прощает ему прегрешения, Генрих чудесным образом исцеляется и берет пришедшую спасти его девушку в жены. Романтическая история носит вполне прозрачный морализаторский смысл.

Культура городской среды

Период XII–XV вв. — это время расцвета городской культуры Германии. Ее облик во многом определялся культурой бюргерской среды. Мир бюргерских ценностей носил специфическое смысловое содержание, отражавшее заботы и интересы этой среды. Если сама жизнь и природа рыцаря, воспитывавшегося в «огне и крови», делали его импульсивным, чуждым расчету, планомерному построению жизни, презиравшему труд и накопление, которым он предпочитал быстрое обогащение и щедрые траты, то жизнь бюргера строилась на других основаниях. Чрезвычайно сложно реконструировать смыслы, лежавшие в основе культурного сознания бюргерского сословия. Источников, в которых нашли бы прямое выражение взгляды простых людей, лишенных доступа к письменности, практически нет. Однако эти смыслы «прочитываются» в текстах тех представителей интеллектуальной элиты, чье творчество так или иначе было связано с «простецами». Таковы, например, проповеди ***Бертольда Регенсбургского*** — францисканского монаха, чья деятельность относится к 50-м — началу 70-х гг. XIII в.

Имя его упоминается в многочисленных памятниках XIII в. Слава его как проповедника была настолько велика, что, как сообщают хронисты, в полях и лугах, где проповедовал Бертольд, воздвигалась деревянная башня, служившая ему кафедрой, на которой водружали знамя: с его помощью аудитория могла определить направление ветра и знала, с какой стороны лучше встать, чтобы услышать его речь.

Эти проповеди отражают зарождение в городе новой «этики труда». В качестве одного из даров Бога человеку Бертольд определяет сословное и профессиональное призвание. Говоря о том, что человек не выбирает служения по своей воле, он подчеркивает, что иерархия и распределение общественных функций — знак благоустройства мира, угодный Богу. При этом существенным образом смещаются акценты: труд, который традиционно воспринимался как «нужда», «мука», «забота», «наказание», обретает новый смысл — социально полезной деятельности, основы существования общества. «Ты хотел бы быть господином, а должен пахать землю; ты хотел бы быть графом, а ты — сапожник; то же самое говорю я всем работникам. Если бы Бог всех сделал господами, то мир был бы неустроен и в стране не было бы спокойствия и порядка», — наставляет проповедник свою паству.

Другим Божьим даром Бертольд Регенсбургский называет имущество. Если у проповедников более раннего времени идеалом была евангельская бедность и желательность раздачи богатства с целью спасения души, то в проповедях францисканского монаха, вышедшего из городской южнонемецкой среды, знавшего запросы своей аудитории (проповедовал Бертольд в городах Южной Германии, где торгово-ремесленная деятельность приобрела особый размах), эти ценности ревизуются. Так, рассуждая на тему «Люби ближнего своего, как самого себя», проповедник следующим образом интерпретирует этот библейский идеал. Воображаемый собеседник возражает проповеднику: «Увы, брат Бертольд, сам ты наверняка так не поступаешь. Я твой ближний, но у тебя имеются два хороших одеяния, а у меня — один плащ, и тем не менее скорее ты оставишь в нужде меня, нежели самого себя». — «Да, это верно, — отвечает проповедник, — у меня есть одежда, а тебе я не даю, но я хотел бы, чтобы и у тебя было не хуже и даже более моего. Любовь в том, чтобы желать ближнему того же, что и самому себе...» Несомненна переоценка отношения к собственности и богатству, свойственного раннему Средневековью, произошедшая под влиянием городской среды.

Важно подчеркнуть, что изменение отношения к богатству, формирование новых установок, связанных с более рациональным и практичным отношением к нему, расчет и накопительство были характерны в первую очередь именно для бюргерских слоев. Феодальные магнаты в большей мере сохраняли верность традициям рыцарской среды с присущей ей склонностью публично демонстрировать и «расточать» богатство даже в тех условиях, когда жизнь диктовала новые требования. Это особенно ярко видно в повседневной жизни. Так, в XV в. тирольский герцог Сигизмунд мог задаривать кубками, наполненными до краев серебряными самородками, своего знатного гостя и племянника, молодого короля Максимилиана I. По-видимому, такого рода жестами расточительной щедрости и было вызвано возмущение сословий разорительной для герцогства финансовой политикой их правителя, и Сигизмунд был вынужден передать свои владения императору в 1490 г. Другой пример: в 1477 г. саксонский курфюрст Альбрехт, заехав на рудник в Шнееберге, приказал накрыть себе стол на большой глыбе серебряной руды шириной в 2, высотой в 4 метра с тем, чтобы иметь возможность посостязаться с самим императором. Во время застолья курфюрст горделиво заметил своим сотрапезникам, что могучий и богатый император Фридрих III, как бы ни был богат, не имеет «такого великолепного стола».

В том же веке накануне первого заседания нового органа власти — «имперского регимента» — нюрнбержцы демонстрировали готовность невзирая ни на что приращивать свои сбережения, даже если при этом может пострадать репутация. Так, горожанин Леонхард фон Плобен требовал с Майнцского архиепископа за квартиру 3 гульдена в день. На жалобу епископа в городской совет последний ответил, что и с других князей, останавливавшихся у фон Плобена, тот брал столько же, а на цены поскромней гости могут рассчитывать лишь соглашаясь, соответственно, на более скромные квартиры. Не абсолютизируя различие отношения к богатству бюргерства и знати, все же следует подчеркнуть, что горожанин раньше и быстрее вырабатывал практицизм, задавал тон новому, более рациональному обращению с земными благами.

Вернемся к проповедям Бертольда Регенсбургского. Третий дар, или «талант», врученный человеку Творцом, — это время, отпущенное ему для жизни. Оно даровано для трудов, и его нельзя расходовать попусту. Время, потраченное на небогоугодные дела — игры, танцы, пьянство, распутство, наживу и т. п., умножит муки на том свете. Говоря о том, что время необходимо использовать для спасения (на молитвы, пост, добрые дела и т. д.), Бертольд Регенсбургский подчиняет время вечности в соответствии с христианской традицией. Однако, увязывая его с осуществлением службы, призвания, проповедник возводит его в число неотъемлемых параметров человеческой личности. Конечно, время не стало в глазах проповедника самостоятельной земной ценностью. Бюргерское сознание, тем более сознание монаха, не могло разглядеть в нем некоего неотъемлемого свойства повседневной жизни. И, тем не менее, первый шаг в этом направлении был сделан. Новое ощущение времени нашло отражение и в практике каждодневной жизни германского города: появившиеся на городских башнях часы были знаком постепенно меняющегося менталитета.

Наконец, самый главный дар Бога человеку — это его собственная персона, сотворенная по образу и подобию Божьему. Конечно, эта персона не обладает той степенью свободы, которая будет признаваться за личностью столетия спустя. Она сотворена Богом и должна к Нему возвратиться. Но то, что Бертольд ставит персону в начале всего смыслового ряда «талантов», подаренных Богом человеку, как залога реализации его социальной функции — призвания, служения, — говорит о своеобразном понимании ценности личностного, индивидуального начала.

Крестьянская культура

Многие из тем, поднятых в проповедях Бертольда Регенсбургского, были близки сознанию не только бюргерской среды, но и крестьянской. Стабилизация экономической жизни немецкой деревни XIII в., упрочение положения таких категорий крестьянского сословия, как мейеры, которые представляли собой высший и наиболее преуспевающий слой крестьянства, создавали условия для высокой оценки крестьянского труда и сословной гордости. Это создавало почву для изживания присущего раннесредневековому сознанию негативного стереотипа в отношении зависимого крестьянства, которое по правилам троичной схемы деления общества возводилось к Хаму (рыцари, свободные и зависимые, согласно трехчленной библейской конструкции произошли соответственно от трех братьев, сыновей Ноя: рыцарь — от Яфета, свободный — от Сима, зависимый — от Хама). Источником крестьянской несвободы явилось проклятие Хама Ноем.

Этот новый фонд идей можно встретить в поэме Вернера Садовника ***«Мейер Гельмбрехт»*** (XIII в.). Содержание поэмы представляет собой своеобразное переосмысление притчи о блудном сыне. В поэме рассказывается о том, как сын и наследник мейера Гельмбрехта, носящий, как и его дед и отец, родовое имя, отказывается пахать землю и вести крестьянский образ жизни. Преисполненный желания стать рыцарем, он вынуждает старого Гельмбрехта снарядить его для новой жизни, купить ему боевого коня и сводит компанию с рыцарями-разбойниками, от разнузданного насилия, грабежей которых страдали многие слои германского общества периода «междуцарствия». Увещевания отца, его предостережения не помогли. Юный Гельмбрехт предпочел тяжелому труду легкую наживу и праздность. Однако его рыцарская авантюра закончилась трагически. Власти сумели справиться с рыцарями-разбойниками, все они, за исключением младшего Гельмбрехта, были казнены. Ослепленный, без руки и ноги является он в свою деревню. Но отец отказывается его признать и приютить. Юного Гельмбрехта узнают крестьяне, которых он в свое время грабил и подвергал насилию. Заканчивает он свою жизнь на виселице.

Невозможно закласть лучшего тельца в честь возвращения блудного сына: слишком многие христианские и человеческие заповеди были им нарушены. Старый Гельмбрехт, ранее неизменно проявлявший к сыну отеческую любовь и заботу, вовсе не лишен роди-

тельских чувств. Но слишком тяжел груз преступлений молодого Гельмбрехта: он разорвал все узы, связующие его с родом пахарей, и отец вынужден отвергнуть свою родственную связь с сыном, хоть это дается ему и нелегко. В поэме вырисовывается своеобразный крестьянский нравственный кодекс: нельзя оставлять свое сословие, тяжелым, но достойным трудом добывающее для всех хлеб насущный. Гельмбрехт-отец в одном из разговоров с сыном говорит:

Но рассуди, сынок любезный,
Кто прожил более полезно?
Прилежный пахарь или плут,
Кого ругают и клянут,
Кто на чужой беде разжился,
И против Бога ополчился?
Кто с чистой совестью живет?
Признай по чести — это тот,
Кто не словами, делом
Всех кормит в мире целом,
Хлопочет день и ночь,
Чтобы другим помочь...
(Пер. Р. Френкель)

Еще более рельефно мотив крестьянской гордости звучит в народных балладах. В балладе «Крестьянин и рыцарь» (записана в XV в.) фигуры труженика-крестьянина и тунеядца-рыцаря резко противопоставлены. На похвальбу рыцаря своей знатностью крестьянин отвечает следующим образом: «А я горжусь, что я тружусь, и хлеб насущный сею. Когда б не сеял я зерно, не рыл бы огород, подох бы с голоду давно твой знаменитый род».

Говоря о возросшем достоинстве «простеца», о том, что в период расцвета Средневековья растет его сословное самоуважение, меняется отношение ко многим традиционным устоям и ценностям, не стоит абсолютизировать эти подвижки в сознании и ментальном строе его культуры. Культурное сознание этих слоев, впрочем, как и сознание элиты, было противоречивым, включало в себя как новые ориентиры и ценности, так и глубоко укорененные стереотипы.

Карнавальная культура

Сложность и многослойность культуры низов отражают многочисленные традиции смеховых по своему происхождению

явлений, будь то знаменитые немецкие шванки, фастнахтшпили[1] или карнавал. Так, во всех этих явлениях нашли выражение темы избыточного насыщения, праздничного изобилия. С этими мотивами связано существование такого колоритного жанра старонемецкой поэзии, как *Fresslied* — песни обжор. Ее образец находится в одном из шванков комического «бестселлера» германской средневековой культуры — эпопеи ***«Нейгард Лис»*** (XIII–XV вв.). Ее «огромное жаркое», «сотни яиц, изжаренных в сале», «жирные телята, быки и волы» напрямую указывают на предпочтения тех, кому кусок хлеба давался с таким большим трудом.

Аналогичны и образы карнавала. Принц карнавала нередко украшался гирляндой колбас. Пищевая чрезмерность находила свое выражение в гигантизме съедобного и его образов. «В больших немецких городах некогда было заведено, что в Масленицу, а иногда и в новогодние дни мясники потехи ради носили колбасу ужасающей величины». Она могла достигать 596 локтей в длину, весить 434 фунта и, кроме других ингредиентов, содержать в себе 36 свиных окороков, как это имело место в кенигсбергском карнавале в 1583 г.

Мотивы чрезмерного насыщения, продуктового гигантизма, праздничного изобилия нередко идут рука об руку с другим мотивом: изобилие не может быть произведено, заслужено, заработано — его лишь можно откуда-то взять, украсть, присвоить в уже готовом виде. Этот комплекс представлений находится в явном противоречии с теми, которые высвечиваются по ряду других источников, рассмотренных на примере проповедей Бертольда и поэмы Вернера Садовника. В этом смысле логика развития отношения к труду и представлений о зависимости «получения по труду» в германском культурном универсуме была во многом схожей с логикой других традиционных культур. Увы, но установка на легкость добычи материальных благ глубоко укоренена в сознании человека, и потребовалась огромная духовная работа, чтобы осознать и ценность труда как такового, и зависимость от него добытых благ. Как видим, культурное сознание германского мира уже в эпоху классического Средневековья

[1] *Шванк* — это повествовательное произведение малого (от 15 до 110 строк) объема, организованное вокруг одного комического события, о котором рассказывается с бытовыми подробностями и подчеркнутым натурализмом; *фастнахтшпиль* — множество форм народной драматургии легкого развлекательного характера, инсценировавшихся во время народных праздников, будь то Масленица или карнавал.

наработало в этом смысле свой первый капитал. И обязано оно этим прежде всего «простецу».

Говоря о таком явлении, как средневековый карнавал в Германии, необходимо сделать ряд оговорок. Впервые датированный около 1200 г., карнавал не может быть возведен ни к античным сатурналиям, ни к местным архаическим культам. Свое полноценное оформление он получает по мере того, как обретает системную связь с другими культурными традициями: церковной, куртуазной, сектантской. Карнавал впитал в себя множество элементов этих традиций, из сплава которых и родилось нечто новое, что не может быть сведено ни к одной из них. (Эта новая интерпретация карнавала, вобрав в себя концепцию карнавала как выражения народной культуры М. М. Бахтина, значительно расширила и углубила его понимание историками Д. Р. Мозером, А. Я. Гуревичем, М. Ю. Реутиным.)

Один из таких общих мотивов, восходящих к архаике, — борьба Смерти и Жизни или Зимы и Лета. На площадях баварских и швейцарских городов в окружении толпы становились двое мужчин. Первый — Смерть с кнутом и в шубе. Второй — Жизнь, почти голый, в легкой рубахе и босой, с молодым деревцем в левой и бичом в правой руке. Обе маски стегали друг друга по плечам, восхваляя себя и хуля противника. Когда в горах Оденвальда, на юго-западе Германии, побеждала Жизнь, она раздирала ризы поверженной Смерти — мох и солому — и, достав из «утробы» цветущую ветвь, обносила ее по площади. Это нередко завершалось ритуалом выноса Смерти из города. Смерть, Зима, Чума уничтожались смехом, обилием вина, мясных яств, демонстрацией половой и физической мощи.

Этот архаический в своей основе обряд в рамках городской культуры обрастает новыми смыслами. Неслучайно его календарь сращивается с календарем католической церкви. Карнавал инсценируется как массовая жизнь по законам «града земного», греховного, тогда как пост понимается как соборная жизнь по законам «града Божьего». Корабль дураков мыслился как антитеза кораблю церкви. Первый понимался как общество грешников, «град дьявола». Он заселялся всякой нечистью, позаимствованной из мифологии христианства — духами, чертями и великанами (такими, например, как Голиаф). Их череду замыкал Антихрист, который вместе с сопровождавшими его иудеями зачастую подвергался ритуальным пыткам и казням. Корабль церкви имел свою символику. Кормчий — Христос, корабль — Церковь, пассажиры — верующие, парус — любовь,

компас — вера, море — мир, утренняя звезда — Дева Мария, гавань — Новый Иерусалим.

Штурм «ада» — корабля дураков — нередко являл собой кульминацию масленичной потехи. На одной из миниатюр он выглядит следующим образом. «Отряды ландскнехтов» в белых, фиолетовых и золотых костюмах под развернутыми знаменами тех же цветов выступают против «ада» с копьями на плечах. Конный шут с дудкой и барабаном вдохновляет рать. Бойцы стреляют в демонов огнями фейерверков, несут приставные лестницы и карабкаются по ним на борт. Несколько шутов сражаются с бесами копьями и потешными огнями, собирают разбросанные камни, чтобы снова использовать эти метательные снаряды. Один дурак «стреляет» из дубинки, как из мушкета, другой кувыркается через голову. Вслед за успешным штурмом корабль очищали от чертей и поджигали. Горящее судно напоминало геенну огненную.

Комическое снижение церковных норм, инверсия социальных ролей с помощью переодевания и присвоения атрибутов более высоких чинов («последние становились первыми») позволяли вытеснить глубоко укоренный страх мирян и людей церкви перед нарушением христианских норм. Тогдашний католицизм имел отчетливо выраженный жесткий характер, его непреложные табу с неизбежностью нарушались всеми. Смех позволял компенсировать страхи, порождавшиеся нарушениями этих табу.

Еще один важный мотив карнавала — мотив осмеяния потешного короля. Буффонным правителем временно объявлялся тот, кто находился у самого подножия социальной пирамиды. Его садили задом наперед на осла, чей хвост он держал в руках вместо скипетра, на голову надевали бумажную корону. Монарх буффонов руководил всем ходом смехового сценария, слуги беспрекословно исполняли его шутливые приказания. Но и самого короля осыпали насмешками, руганью, безжалостно издевались над ним, закидывали его фигуру тухлыми яйцами и т. д. Сходные обычаи были распространены и в карнавальных традициях других стран.

Несомненно, этот ритуал имел в культурно-психологическом смысле компенсаторный характер. В ходе осмеяния потешного короля, которое носило зачастую довольно агрессивный характер, различные слои города получали возможность выплеснуть накопившиеся негативные эмоции в отношении к власти, квинтэссенцией которой была власть монарха. В отличие от аналогичных архаических обрядов, в ходе которых — как, например, во время римских са-

турналий — потешный король в конце подвергался действительной казни (неслучайно на его роль избирался раб), в средневековом карнавале имела место символическая казнь короля. Провезя потешного короля по улицам города, подвергнув осмеянию и оскорблениям, толпа сбрасывала его в яму с нечистотами, находившуюся за городскими воротами.

Наконец, еще одной общей темой карнавала была тема борьбы между Масленицей (Карнавалом) и Великим Постом. Знаменитая картина Брейгеля Старшего представляет собой наглядную иллюстрацию этой темы. На переднем плане тучный и наглый Карнавал вступает в сражение с тощей бесполой фигурой — олицетворением Поста. Начало «турниру» дает герольд с трехцветным флажком. Румяный здоровяк с лоснящейся от жира рожей, Карнавал вооружен вертелом — копьем. На острие нанизаны свиная голова, жареная домашняя птица, ветчина. Карнавал оседлал винную бочку, возле которой разбросаны игральные карты. В свите его приспешников — маски, олицетворяющие буйство жизни. Невеста, которую изображает рослый детина, одета в лохмотья и едва обута. Паяц — фокусник в разноцветном колпаке, с большой сумкой на боку — толкает бочку, манипулируя кубками и «волшебной палочкой».

Пост уныл и изможден, увенчан пчелиным ульем (напоминание о чистой пище небесного происхождения). Он выезжает на шутовской турнир с деревянной лопатой пекаря вместо копья. На лопате лежат две селедки — главное блюдо «пепельной среды» (первый день Великого поста). «Колесницу» Поста тащат чахлые, бледные и хмурые монах и монашка. Пост восседает на церковном стуле, на котором повешены четки из луковиц — символ Поста. Если под эгидой Карнавала опиваются хмельным зельем, объедаются мясной и жирной пищей, танцуют, играют в азартные игры, то в царстве Поста истово соблюдают обычаи постных дней: пьют воду, подают милостыню нищим и убогим и т. д.

Победа Карнавала над Постом символизирует победу веселой разгульной жизни над жизнью серьезной, созерцательной, исполненной молитв и трудов. Очевидно, что и этот ритуал носил определенную компенсаторную нагрузку, в которой нуждались все слои города. Десакрализация, рационализация, индивидуализация — новые явления в культурно-духовном универсуме германского общества.

Трансформация менталитета

Город, втягивая в водоворот жизни разные слои и группы средневекового немецкого общества, существенно изменял его интеллектуальное содержание. Сам образ городской жизни учил счету, заставлял нарабатывать навыки аналитического отношения к действительности, при этом побуждая личность к постоянной активной деятельности в гораздо большей степени, чем к этому побуждала атмосфера жизни деревень и замков. Занятия ремеслом и торговлей давали больше шансов увидеть причастность собственного «Я» к результату деятельности, нежели аграрная сфера. Торгово-ремесленный образ жизни бюргеров делал германское общество более мобильным, динамичным. Человек чаще оказывался вне границ собственного узкого мирка, расширялся горизонт его видения как других людей, так и самого себя. Кроме того, усложняющаяся структура городской жизни привела к тому, что один и тот же человек мог одновременно выступать субъектом многих общественных связей. Все это прокладывало путь процессам индивидуализации и частичной десакрализации мировидения, столь характерным для эпохи высокого Средневековья.

Симптомы данных изменений многоплановы и обнаруживаются в самых разных сферах культурной жизни как на ее высших, так и низших этажах. Часы на городских башнях отмеряли «новое время», которое не подчинялось вечности, а указывало на ритмы земной жизни. Городской образ жизни был тесно связан со счетом и письмом (первое известное письмо на немецком языке датируется 1305 г.), что не могло не способствовать «расколдовыванию» такого явления, как грамотность, ранее ассоциируемой почти исключительно с «божьим даром» монашества. Изобретение в середине XV в. ***Иоганном Гутенбергом*** (ок. 1400–1468) печатного станка также десакрализовывало сферы деятельности, связанные как с самим книгопечатанием, так и с грамотностью, образованием. Разборный металлический шрифт, формы для стандартной отливки литер, усовершенствованный пресс с четкой системой его обслуживания — все это показывало технологию рождения и изменения текстов, подвластных человеческой воле. Появилась возможность изготовлять сотни и тысячи одинаковых экземпляров. Печатные книги стали дешевле переписанных. Это не могло не способствовать быстрому распространению новых знаний, обмену идеями, росту просвещения.

Высокое Средневековье знаменовало собой радикальную перестройку всей системы образования. Оно перестает быть прерогативой лишь учено-монашеской элиты. На смену монастырским школам, доступным весьма ограниченному кругу лиц, получавшему преимущественно круг знаний религиозного характера, приходит школа, расширившая социальный состав своих учеников и спектр получаемых знаний. Бюргерство весом своих кошельков обеспечило «социальный заказ» общества: потребности в практическом знании счета, грамотности, права, обусловливали и расширившийся круг светских наук, изучаемых в школах высокого Средневековья. Возникавшие при центральных соборах, в епископских резиденциях кафедральные школы стали постепенно ориентироваться на подготовку не только ученых клириков, но и кадров для светской администрации, что также предполагало расширение преподавания мирских наук.

В XIII в. кафедральные школы в крупнейших интеллектуальных центрах Европы превратились во всеобщие школы *(studia generalia)*, а затем в университеты. Если в XIV в. в империи было лишь 5 университетов, то в конце XV их стало уже 15. Развитие городского уклада, расширение культурного кругозора, знакомство с культурой Востока, прежде всего арабской, явившиеся следствием как крестовых походов, так и общего усложнения мировидения людей в ту эпоху, способствовало приращению естественно-научного знания. Неслучайна высокая популярность Аристотеля в эту эпоху. Важно и то, что Аристотель был «освоен» не в своем первоначальном виде, но под огромным влиянием его арабских комментаторов, в особенности Аверроэса (Ибн-Рушда), давшему ему своеобразную «материалистическую» интерпретацию.

Встретившее поначалу сопротивление со стороны богословов Парижского университета — Мекки тогдашней образованной Европы — учение Аристотеля было воспринято в штыки со стороны августиновски настроенных теологов всех стран. Понадобилась большая интеллектуальная эрудиция и усилия многих представителей новой схоластики, чтобы учение Аристотеля нашло большое число приверженцев. Начал эту работу ***Альберт Великий*** (ок. 1193–1280), который благодаря своим энциклопедическим интересам и образованности стал известен как «всеобъемлющий доктор» *(Doctor universalis)*. Этот выходец из Швабии нашел признание среди теологов Парижа. Авторитет его был настолько велик, что руководство доминиканского ордена послало его в Кёльн, где он должен был организовать домини-

канскую школу и где одним из его учеников будет *Фома Аквинский* (1225–1274), чьи трактаты станут вершиной и итогом теолого-рационалистических поисков.

Альберт пытался разъяснить ценность философии и наук, т. е. языческой образованности, своим современникам, зачастую относившимся к такой образованности подозрительно или даже враждебно. Настоящий философ, по мнению Альберта Великого, должен учиться и у Платона, и у Аристотеля. Именно последнего немецкий схоласт признавал главным учителем светской, или языческой, науки. Безусловно, он не считал Аристотеля непогрешимым и отмечал, что если в вопросах веры Аристотель и Августин противоречат друг другу, то следует прислушаться скорее к последнему. И тем не менее был уверен, что синтез новых знаний, черпаемых из греческих и арабских источников, с христианством возможен и интеллектуально необходим.

С именем Альберта Великого связано не только принятие аристотелизма, изменившего интеллектуальную картину традиционной схоластики в рационализированном направлении, но и некий рубеж в отношении к научной работе как таковой. Конечно, предвосхищение научного метода в XIII в. следует видеть скорее у Роберта Гроссетеста, первым попытавшимся применить математику к естествознанию. Однако на примере научных штудий Альберта Великого можно увидеть новое отношение к эмпирическим исследованиям, которые зададут науке ее собственно научный статус. Альберт Великий, в какой-то мере унаследовав острый интерес Аристотеля к эмпирическим наблюдениям, впервые сформулирует мысль, что именно личный опыт верифицирует знание. Традиционные идеи не могут быть приняты, если противоречат опыту. Широкая, непредубежденная любознательность Альберта, призывы к наблюдению и эксперименту говорили о том, что процессы десакрализации знания, учености проникли в самую сердцевину богословского знания — классическую схоластику.

Процессы десакрализации и индивидуации затронули и сферу обыденных религиозных представлений мирян. Под влиянием натиска земных устремлений бюргеров происходит трансформация многих религиозных образов и идей, свойственных раннему средневековому обществу. Рост торговых занятий, расширение границ человеческой свободы в самых разных сферах жизни, в том числе и в интимной, настоятельно требовали религиозной санкции этих явлений. Масштаб изменений, связанных с отмеченными явления-

ми, был таков, что создалась благоприятная почва для изменения религиозного менталитета. Одной из острейших ментальных потребностей мирян было смягчение страха перед традиционными церковными табу, как, например: «Христос изгнал торгующих из храма» и т. п. Эти страхи сдерживали развитие нового развивавшегося уклада, сдерживали развитие общества.

Одной из таких религиозных новаций высокого Средневековья было оформление образа чистилища. Ж. Ле Гофф определяет время рождения чистилища как время городов. Следует, однако, подчеркнуть, что многие из архетипов, из которых сложится образ чистилища в высокое Средневековье, можно выявить уже в эпоху поздней античности — раннего Средневековья. Если человек раннего Средневековья представлял загробную жизнь как всецело определявшуюся божьей волей, в чьей власти было наказать грешников муками ада, а праведных осчастливить райским блаженством, то теперь потусторонний мир воспринимался как состоящий из трех отсеков. Дополнивший картину загробного мира образ чистилища предполагал возможность вмешательства в процесс посмертного воздаяния с помощью пожертвований, заупокойных месс, заступничества близких и т. д.

Сходную по смыслу эволюцию претерпел и образ Бога. Бог раннего Средневековья — Пантократор, Вседержитель, во всей своей силе сражающийся с дьяволом и грешниками, Грозный Судья, сурово раздающий всем по заслугам. Высокое Средневековье все чаще обращается к другому лику — лику милостивого и прощающего отца, Христа, сострадающего человеку и прощающего его грехи.

Смещение акцентов в религиозном сознании отразилось и в растущем интересе к матери Иисуса, защитнице и заступнице человека. Этот растущий интерес приводит к расцвету в XIV в. культа Девы Марии. Широко распространяются культы, связанные с «новым» образом Бога: почитание крови Христа, пяти ран, лика, тела Христова и т. д. Многие из отмеченных изменений в религиозном сознании нашли выражение в таком знаменитом явлении Средневековья как *"Legenda aurea"*, или «Золотая легенда», Якопо де Ворагине — сборнике житийной литературы.

Эти и подобные им изменения религиозного менталитета существенным образом смягчили традиционные религиозные установки, позволили снизить порог страха человека перед новыми формами жизни и опыта. Вместе с тем многие из образов сохраняли двойственный характер. Нечестно торгующий купец, вздувающий процен-

ты ростовщик должны были помнить о том, что Бог-Судья все видит, чистилище давало шанс спасти свою душу раскаившемуся, но не оставляло надежды закоренелому грешнику. Таким образом, новая религиозная мораль могла в новых условиях высокого Средневековья выполнить социально-регулятивную функцию.

Трансформация религиозного менталитета нашла отражение в искусстве. Квинтэссенцией этих изменений явилось оформление готического стиля. Пришедший на смену романскому готический стиль выразил новое мироощущение верующих, связанное с углублением внутреннего мира человека, «приближением» Бога и других святых персонажей к его проблемам и чаяниям. Вертикальная ориентация готического зодчества, высокие и относительно легкие стрельчатые стены соборов с башенками и шпилями, наполняемое причудливо преображенным (благодаря цветным стеклам витражей) светом пространство основного и боковых нефов создавали иллюзию мира горнего. В то же время все убранство храмов свидетельствовало, что небесные патроны «спустились с небес на землю». Скульптура и иконография изображали персонажей священной истории как живых людей. Христос, страдающий, увенчанный терновым венцом, Франциск Ассизский, раздающий милостыню — все это образы «очеловеченной» религиозности.

Эти изменения отчетливо видны в творениях так называемой «наумбургской артели», ознаменовавших наивысший взлет немецкой классической готики, который приходится на середину и третью четверть XIII столетия. Соборы в Майнце, Майссене и Наумбурге, как полагают некоторые исследователи, дают основания говорить, что мы встречаемся с первыми действительными художественными индивидуальностями немецкого Средневековья. Творения «наумбургской артели» отличает свойственная немецкому готическому стилю драматическая контрастность, мрачноватая экспрессия, которая характерна, в первую очередь, для скульптуры (в готическом стиле скульптура получила преобладание над живописью). Группа статуй основателей собора в Наумбурге представляет галерею человеческих типов и характеров. Тяготение к индивидуализации в скульптурном комплексе вписывается в общий контекст трансформации художественного мировидения эпохи.

Во многом сходные по своему существу процессы происходили и в развитии немецкой схоластики. Ее тремя столпами применительно к XIII–XIV в. называют Экхарта, Таулера и Сузе. Родившийся ок. 1260 г. в благородной семье из Гокхайма в Тюрингии, ***Майстер***

Экхарт начал свою карьеру приором доминиканского монастыря в Эрфурте, а закончил руководителем генеральной школы в Кёльне. Основная тема его трактатов традиционна для мистиков — единение души с Богом или рождение Бога в душе. Однако новизна его мистики в том, что Экхарт пытается достичь этих целей посредством познающего разума души. Мистический союз с Богом — это высшее, что может испытать человек. Тем не менее *vita contemplativa* (жизнь рассуждающе-созерцающая, жизнь духа в мистическом союзе с Богом) возможна, согласно Экхарту, лишь посредством активной деятельности человека среди людей в знаках любви к ближнему.

Генрих Сузе (ок. 1295–1366) был учеником Экхарта. Его нередко называют «миннезингером немецкой мистики». Мистические образы Генриха Сузе близки стилистике любовной рыцарской поэзии. В то же время в трактатах Сузе развивались мотивы его учителя, связанные с важностью деятельной исполненной любви к Богу и ближнему жизни. Его знаменитые «Часы вечной мудрости» были переведены на народные языки Нидерландов и Германии. Если учесть, что часовники были самой читаемой литературой XIV–XV вв., предназначенной для внецерковной молитвы, то можно говорить о серьезном влиянии схоластической мистики интеллектуалов на народную религиозность. Важно, что внецерковная молитва, в отличие от коллективной молитвы в церкви, была личным обращением верующего к Богу. Тем самым расширялись границы индивидуального религиозного сознания мирян.

Еще один ученик Экхарта — ***Йоханнес Таулер*** (1300–1361) — перенес акцент тяжести в своих проповедях на идею нравственного очищения. Много проповедуя в народной среде и выступая в качестве духовника, Таулер в большей мере, чем его учитель, испытал влияние потребностей и настроений мирской среды. Именно поэтому он особенно подчеркивал важность *vita-activa* (жизни деятельной) как условия достижения праведной *vita-contemplativa*.

С мистикой связано рождение такого явления в городской культуре, как «новое благочестие». Нередко его истоки ассоциируют с личностью и деятельностью ***Герта Гроте*** (род. в 1340 г. в Девентере). В трудах Гроте созерцательно спекулятивная мистика отцов-основателей трансформировалась в религиозно-этическое учение о проекции Божественной любви на земную действительность. Первая община сестер «общей жизни» была основана в его собственном доме в Девентере, а первый дом братьев «общей жизни» составился из писцов, которые копировали для него книги. Передавая свой дом

в собственность общины, Гроте хотел, чтобы в нем жили благочестивые женщины, и написал правила для ведения дома. Он предписывал женщинам заниматься прядением и ткачеством и категорически запретил просить подаяние. Видя путь к очищению общества не в монашестве, а в раннехристианской общине, Гроте в то же время полагал, что спасение должно прийти через труд. Дома сестер и братьев «общей жизни» не висели тяжким грузом на бюджете городов. Обязательный труд создавал условия изживания традиционной средневековой максимы «нищенство — добрые дела».

В Северо-Восточной Германии не было такого города, где не существовала хотя бы одна община сестер «общей жизни». Образ жизни сестер и братьев «общей жизни» — служить Богу, не принося монашеские обеты, — удовлетворял насущным потребностям тех, кто не имел возможности реализовываться в рамках традиционных структур (главным образом семьи, цехового братства) и в то же время не был готов к полному разрыву уз с земным миром. Несомненно, движение нового благочестия способствовало обретению его приверженцев независимости, поскольку жили они не доброхотными подаяниями, а трудом своих рук. Тем самым создавалась возможность и для углубления мира внутренней индивидуальной религиозности.

Братья «общей жизни», помимо забот о домах сестер, приняли на себя духовное руководство школьниками. Магистраты городов поощряли это (в одной из таких школ Магдебурга одно время учился Мартин Лютер). Помимо Библии, в некоторых школах, возглавляемых братьями «общей жизни», вводились элементы гуманистических штудий — латынь по древним авторам и начатки греческого. Таким образом, забота о собственном религиозном преуспеянии, понимавшемся как нравственное самоусовершенствование, выливалась в активную деятельность интеллектуально-духовного характера.

Вокруг «нового благочестия» сложилась устойчивая традиция мистико-дидактических сочинений. Небольшие трактаты, написанные простым и доходчивым языком, были обращены к среднеобразованному мирянину, имевшему за плечами латинскую или обычную школу. Обращаясь к уму и сердцу своих читателей, эта, казалось бы, незатейливая литература побуждала человека задуматься о своей жизни и душе.

Процессы частичной секуляризации сознания и поведения людей, рост индивидуализма, обозначившиеся в эпоху высокого Средневековья, во многом подготовят тот духовный переворот в герман-

ГЛАВА IV

ГЕРМАНИЯ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

На рубеже XV–XVI вв. Германия вступила в эпоху раннего Нового времени. В широком смысле раннее Новое время можно определить как эпоху так называемой первичной модернизации, т. е. постепенного обновления всех сторон жизни традиционного средневекового общества, его эволюцию к обществу индустриальному.

Провозвестником перемен было итальянское Возрождение, значение которого заключалось в том, что в центр интеллектуального осмысления был поставлен человек, который рассматривался вне средневековых корпоративных рамок как индивидуальность. Выдвигался идеал нового человека — творца своей судьбы. Гуманистическое движение XV в. распространило эти идеи в Германии, Швейцарии, Нидерландах и т. д. Возрождение было своеобразным отражением в культуре процесса индивидуализации сознания.

В силу универсального характера средневековой религиозности, индивидуализация сознания разрушала привычную картину мира, характерную для традиционного мировоззрения, и ставила на повестку дня вопросы о «правильности» веры и обрядности. Кризис традиционной религиозности вел к напряженному внутреннему переживанию людей по поводу собственной греховности и обостренному вниманию всех слоев общества к решению главной задачи христианина — спасению души. Острота религиозных и общественных проблем привела к тому, что именно в Германии зародилось реформационное движение, а германские княжества стали ареной борьбы сторонников различных трактовок христианского учения.

Утверждение протестантизма и реформированного католицизма в Германии XVI в. сопровождалось целым рядом других модернизационных процессов: социальное «дисциплинирование» населения,

развитие университетского образования и распространение начального образования на все слои общества, появление новой модели брака, складывание новой этики внутрисословных отношений и т. д.

Новые черты появляются и в политической сфере, прежде всего в области государственного строительства. В связи с расширением компетенции государственных органов (централизация судебной и налоговой системы, начало осуществления таможенной политики, создание постоянных армий) оформляется бюрократический аппарат, возникают правительственные учреждения. Чиновники, армия, в ряде случаев сословные органы служили опорой для складывания абсолютной монархии. В Германии данные изменения охватили в основном крупные территориальные княжества, в которых в XVI в. становление абсолютистских режимов только началось. Расцвет абсолютизма в германских государствах приходится на конец XVII–XVIII вв. Для XVI–XVII вв. характерна тесная взаимосвязь политики и религии. Протестантизм и реформированный католицизм дали в руки королей и князей мощный фактор управления обществом — полный контроль над церковными структурами и религиозной идеологией. В германских землях возможность навязывания князьями конфессиональных доктрин (католицизм, лютеранство и кальвинизм) населению была еще одним ресурсом усиления княжеской власти.

Важнейшим элементом модернизации стал рост городов. На протяжении XVI–XVIII вв. в германских землях наблюдалось постоянное увеличение доли городского населения. Именно в городах модернизационные процессы шли наиболее интенсивно. В Германии об этом наглядно свидетельствует судьба Нюрнберга, Аугсбурга, Гамбурга и др. Постепенно в городской среде формируется новая система ценностей, в основе которой лежало стремление к улучшению качества жизни, увеличению доходов, изменению быта и социального положения. Происходит отрыв от достаточно устойчивого традиционного сознания Средневековья. Однако не стоит преувеличивать достижения модернизации в Германии XVI–XVII вв. Только формирующийся новый уклад жизни сталкивался здесь с отсутствием общественной системы, которая способствовала бы его укреплению. Например, в отличие от Германии, централизованные государства в Англии и Франции стимулировали развитие производства, защищали с помощью политики меркантилизма интересы собственных производителей и в какой-то мере опирались на предпринимательские круги, приносившие огромные средства в казну в виде доходов

и пошлин. Таким образом, отсутствие единого государственного механизма было одним из решающих факторов, предопределивших специфику германской модернизации, ее замедленный характер.

Показательно, что привилегированные общественные группы Средневековья (император, князья, дворянство) так и не смогли преодолеть внутренних разногласий и добиться полной интеграции германских земель в единое политическое пространство. В этих условиях на передний план выступает другая общественная сила — бюргерство, сумевшее еще в конце XV в. сформулировать в рейхстаге ряд важнейших общегерманских и общеимперских задач: устранение княжеского произвола и усиление императорской власти, что должно было вести к централизации империи; единая таможенная и пошлинная политика; прекращение выплат Риму. Бюргеры были наиболее последовательными носителями модернизационных установок, они острее других переживали духовный раскол, охвативший германское общество на рубеже XV–XVI вв. Неудовлетворенность бюргерства порождалась неразрешимостью накопившихся проблем в рамках средневековой модели общественного устройства. Рост национального самосознания вел к разрушению средневекового наднационального универсализма, освященного католической церковью, что порождало конфликт между интересами многих немцев и возрастающими поборами со стороны Рима в Германии. Все острее давало о себе знать несоответствие между воспитанными в бюргерской среде духовными идеалами и дискредитирующими католицизм процессами обмирщения церкви, между духовно-этической практикой городского населения и утратой в общественном сознании понимания спасительной роли церкви. Не могло быть довольно бюргерство и своей общественно-политической ролью при постоянно растущем экономическом влиянии. Все это объясняет высокую степень участия бюргерства в грандиозных событиях германской истории первой половины XVI в. Однако сохранение сословного режима, слабость имперских структур, укрепление княжеской власти, сопровождавшееся сокращением политических прав горожан, наличие многочисленных традиционных компонентов в обыденном сознании большинства городских жителей (конформизм, местечковый сепаратизм, тяготение к стабильности, нежелание рисковать) не позволили германскому бюргерству стать той общественной силой, которая бы смогла обеспечить долгосрочность и прочность инновационных процессов.

Значительные общественные изменения были связаны с развитием раннего доиндустриального, или протоиндустриального, капи-

тализма. Возросший спрос на аграрную и ремесленную продукцию стимулировал развитие производства и торговли. Финансовой основой раннего капитализма были торговые капиталы, создаваемые в сфере посреднических услуг, а не в производстве. Поэтому первая стадия капитализма получила название торгового, или мануфактурного. Региональные особенности социально-экономического развития дают основание полагать, что наиболее универсален термин «ранний капитализм». В период XVI–XVIII вв. наблюдался синтез и взаимоприспособление элементов феодализма и раннего капитализма и их трансформация в зрелые формы рыночной системы в XIX в. Экономическая модернизация в Германии характеризовалась сочетанием противоречивых тенденций. Так, экономический подъем рубежа второй половины XV — середины XVI в. сменился стагнацией и упадком германской экономики в XVII в. При этом в ряде регионов Германии динамично развивавшиеся в XVI в. мануфактуры вытеснялись цеховыми структурами. Замедленность и прерывистость германской модернизации привели к тому, что наиболее интенсивный ее этап пришелся только на вторую половину XVIII — первую треть XIX в.

В целом общество раннего Нового времени — переходное, в его составе взаимодействовали как средневековые, так и новые социальные группы: предприниматели, предпролетариат, бюрократия, интеллектуальная элита. Оно обладало специфическими социоантропологическими параметрами, отличавшими его от традиционных и индустриальных социумов. Даже в системе раннекапиталистического производства и торговли могли быть задействованы представители нерыночных страт общества, таких как традиционное крестьянство, цеховые ремесленники. Стремясь отразить специфику социально-экономических изменений и особых ментальных стереотипов новой эпохи, а именно отход от системы ценностей Средневековья и постепенное формирование рыночного типа мышления, исследователи характеризуют общество раннего Нового времени как посттрадиционное, или как постсредневековое, предшествующее индустриальному.

Наиболее ярким проявлением данных изменений была Реформация, затронувшая судьбы представителей всех сословий германского общества. Но германское общество в XVI–XVII вв. сохраняло, в отличие от Англии и Голландии, гораздо больше компонентов средневековой эпохи, а процессы модернизации в ряде регионов Германии были замедлены и даже обратимы.

Наличие в общественных структурах раннего Нового времени как средневековых, так и модернизационных элементов остро ставит проблему хронологии этого периода для истории Германии и Европы в целом. Единого мнения среди исследователей нет. Надо также учесть, что многообразие историчских процессов делает любую периодизацию условной. Большинство ученых соглашаются с тем, что начало раннего Нового времени необходимо отнести к рубежу XV–XVI вв. В данном случае Великие географические открытия увязываются с развитием раннекапиталистических форм и Реформацией. Однако генезис многих новых явлений в социально-экономической и духовной жизни немцев связан не с началом XVI в., а со второй половиной XV в., что дает основания пересмотреть хронологические рамки раннего Нового времени.

Не менее спорна и граница, отделяющая раннее Новое время от Новой (индустриальной) истории. Многое зависит от критериев периодизации. Если в качестве основополагающего фактора взять оформление новых общественных ценностей, то границей между ранним Новым временем и Новой историей следует признать эпоху Просвещения. С точки зрения развития материальной культуры, важным историческим рубежом был промышленный переворот. В области политики и международных отношений к колоссальным изменениям привела Великая французская революция, наполеоновские войны и Венский конгресс. Таким образом, окончание раннего Нового времени, с учетом региональных особенностей, приходится на последнюю треть XVIII — начало XIX в.

Авторы главы исходят из широкой хронологической трактовки раннего Нового времени (конец XV — рубеж XVIII–XIX вв.). Раннее Новое время в истории Германии делится на два этапа, которые разграничивает Тридцатилетняя война. Этот первый общеевропейский конфликт подвел итог периоду Реформации и Конфессионализации, т. е. начальному этапу модернизации в Германии.

1. Германия накануне Реформации

Территориальное и политическое устройство

На рубеже XV и XVI вв. немецкие земли, как и ранее, являлись составной частью Священной Римской империи германской нации. В ее состав входили обширные территории в центре Европы: германские земли (Тюрингия, Саксония, Вюртемберг, Франкония,

Рейнская область, Бавария, Швабия и др.), колонизированная зона на востоке Центральной Европы, австрийские наследственные владения Габсбургов, земли чешской короны, Эльзас, Лотарингское герцогство, Нидерланды. Причем с середины XV в. понятие «империя» уже регулярно связывается только с германскими землями, что было связано с представлениями о «немецкой нации» как обладательнице имперского достоинства, а о немецких землях — как ядре империи. Тем не менее термин «Германия» по-прежнему сохранял сугубо территориальное значение. К началу раннего Нового времени Германия оставалась политически раздробленной, не имела общего управления, единого центра и включала более 200 различных государственных образований, среди них 7 курфюршеств, 24 светских и около 50 духовных княжеств, 85 имперских и «вольных» городов.

Немецкая государственность начала XVI в. формировалась как по общеимперскому, так и по территориальному принципу. Управленческие задачи, которые не могла выполнить империя, стремились выполнить княжества и города. Общеимперская централизация в Германии продвигалась слабо, княжеская же добивалась новых успехов, закрепляя политическую раздробленность. Многие формально верховные права императора, особенно касающиеся финансов и внешней политики, могли быть реализованы только с одобрения рейхстага и высших имперских чинов, в первую очередь курфюрстов. В начале XVI в. наблюдалась тенденция дальнейшего усиления роли коллегии курфюрстов, которые самостоятельно могли решать наиболее важные общеимперские дела, избирали императора, ведали внешнеполитическими вопросами.

Важными участниками политической жизни были города имперские (Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне) и «вольные» (Кёльн, Майнц, Аугсбург, Регенсбург). В XVI в. различия между имперскими и «вольными» городами стерлись. И те и другие обладали широкой автономией, владели обширными территориями, проводили собственную политику, заключали союзы друг с другом, с имперскими князьями и низшей знатью: ***Швабский союз*** (1488–1534) включил в свой состав ряд имперских городов Швабии, рыцарей ордена святого Георга, прелатов церкви, графов и баронов.

В конце XV в. окончательно конституируется рейхстаг, где в 1489 г. были учреждены три курии: курфюрсты; духовные и светские имперские князья; имперские и «вольные» города. Духовенство было представлено в первой и второй куриях. Имперское рыцарство не получило своих голосов в рейхстаге. Компетенция и функции рейх-

стага сводились к установлению и охране земского мира, рассмотрению судебных исков имперских чинов, к решению вопросов войны и мира, организации имперских военных предприятий. Рейхстаги занимались также имперским обложением, пошлинными и монетными делами, коронными владениями, изменениями в имперском праве и т. д. Обсуждение вопросов производилось отдельно по куриям. Решение принималось на общем собрании курий тайным голосованием. Постановления рейхстага носили рекомендательный характер, поэтому князья и имперские города принимали их к исполнению только тогда, когда они соответствовали их интересам. Реальная власть на местах была сосредоточена в руках территориальных князей и ландтагов.

Наметившиеся еще в Средневековье процессы территоризации получили развитие в конце XV — начале XVI в. Параллельно происходило и дробление княжеств, и укрепление княжеской власти, в действиях которой все более четко проявлялось стремление к политической и экономической автономии. Так, в 1485 г. братья Эрнест и Альбрехт Веттины разделили между собой Саксонское курфюршество. В то же время баварскому герцогу Альбрехту IV Мудрому удалось добиться консолидации политических сил в герцогстве и провозгласить в 1505 г. Мюнхен столицей объединенной Баварии.

На рубеже XV–XVI вв. завершилось формирование ландтагов как органов представительства политически и хозяйственно активных сословных групп земли или территории. В ландтаге Саксонского курфюршества в 1502 г. были представлены 530 «знатных», 77 городов, 51 прелат. Особую группу составляли «графы и господа» Мансфельда, Шварцбурга, епископы Мейсена, Наумбурга и др., которые подчинялись и императору, и саксонскому курфюрсту. В ландтагах духовных княжеств доминирующую роль играло духовенство. В Майнцском курфюршестве светская курия отсутствовала вообще, функции ландтага осуществлял соборный капитул. В компетенцию ландтагов входило обеспечение земского мира, обсуждение налогов, контроль за расходованием финансов, действиями княжеской администрации и судебной власти, участие в законодательстве. Политическое влияние ландтагов опиралось на финансовые и военные ресурсы сословий. Существовали и крестьянские представительства («ландштанды»). Права их были ограничены, но в Вюртемберге и Швабии крестьяне вместе с другими сословиями принимали активное участие в выработке княжеских конституций.

В ходе усиливавшегося кризиса церкви и растущего княжеского произвола в разных социальных слоях растет осознание необходимости укрепления имперской власти путем ее реформы. Князья также желали реформ, видя в них возможность для укрепления своей независимости и влияния на имперские дела. Идею усиления императорской власти поддерживало бюргерство, рыцарство, гуманисты. К монархической централизации и преобразованию империи в ведущую силу в Европе стремился и Максимилиан I Габсбург, который стал императором в 1493 г. Он поддержал реформы, решение о которых было принято на рейхстагах в Вормсе (1495) и Аугсбурге (1500). Для обеспечения «вечного земского мира» создавался имперский палатный суд из 16 асессоров (6 от курфюрстов, 2 от Габсбургов, 8 от имперских городов). Суд финансировался за счет налоговых поступлений по имперской раскладке. Было также введено поголовное обложение («общий пфенниг») для оплаты военных расходов на борьбу с турками. Налог собирался спорадически, поэтому в 1523 г. пришлось вернуться к системе сословных взносов. Вершиной реформы должно было стать создание сословного имперского правительства с широкими полномочиями. Однако созданное в 1521 г. из 22 представителей (18 от рейхстага и 4 от императора) правительство находилось под полным контролем курфюрстов и не предприняло решительных шагов. В целом попытки проведения имперских реформ не принесли решающего успеха, ибо князья не пожелали добровольно уступить в пользу центральной власти свои политические прерогативы, неопределенны были также источники финансирования.

Да и сама императорская власть не шла навстречу централизаторским стремлениям сословий. Одной из главных причин такой политики императоров являлась реализация ими внешнеполитических целей, не связанных с интересами немцев (итальянские походы, соперничество с Францией, борьба с османами). Германия привлекала императоров в большей степени как источник людских и материальных ресурсов. Поэтому для осуществления активной внешней политики Габсбургам была необходима постоянная военная помощь германских князей. Ради нее императоры и отказывались в пользу князей от своих верховных государственных прерогатив. Такая политика, в конечном счете, создавала благоприятную почву для роста могущества князей и вела к ослаблению имперской власти.

В 1519 г. королевский престол вновь достался Габсбургам. При всех противоречиях курфюрсты отдали свои голоса королю Испа-

нии Карлу I (в империи — Карл V), выросшему в Бургундии и не знавшему немецкого языка. Сыграло свою роль то, что Габсбурги использовали для проведения выборов и подкупа курфюрстов 544 тыс. гульденов, полученных от торговой компании Фуггеров, и еще 300 тыс. от других кредиторов. ***Карл V*** (1500–1558), кроме того, по требованию курфюрстов подписал избирательную капитуляцию, ограничившую права рейхстага: он созывался только императором по совету с курфюрстами, обсуждал те вопросы, которые предлагал император, и принимал решение с учетом его предложений. Учитывая длительное отсутствие Карла V в Германии, позицию его представителей определяли курфюрсты.

С 1526 г. в состав габсбургских владений были включены Чехия и часть Венгрии. Королем этих стран стал брат Карла V, Фердинанд, который к тому же приобрел и статус имперского курфюрста. При Карле V Габсбургская держава достигла наибольших размеров, включая австрийские земли, Германию, Чехию, Венгрию, Нидерланды, Испанию, Неаполитанское королевство с Сицилией и Сардинией, герцогство Миланское, огромные колониальные владения в Америке, Азии и Северной Африке. Проводя универсалистскую политику, Габсбурги в лице Карла V вынашивали планы создания «всемирной христианской монархии». Габсбурги опирались на поддержку римского престола и не были заинтересованы в открытом выступлении против финансовых притязаний «святого престола» в Германии. Естественно, что такая политика встречала сопротивление со стороны разных общественных групп.

В начале XVI в. имел место подъем широкого оппозиционного движения в Германии. Об этом свидетельствуют, в частности, и радикализация настроений бюргерства, и рост политической активности рыцарства. Политические протесты прорывались и на самую вершину власти. На заседаниях рейхстагов неоднократно высказывались требования о прекращении феодального произвола, об отмене внутренних препятствий для торговли, ограничении монопольных прав крупных компаний, об имперском регулировании налогов и т. д. В «Жалобах германской нации на святой престол в Риме» сословия просили императора отменить подати Риму с немецких земель, не допускать получение римскими иерархами ленов в Германии, ограничить юрисдикцию римской курии по немецким делам, прекратить практику назначения епископов папой. Большое влияние на светскую элиту оказывали гуманисты, обличавшие пороки церкви и призывавшие к духовному и национальному объединению Германии.

Политическая действительность первой четверти XVI в. вела к тому, что императорская власть не могла выполнять функции национального германского правительства и решать те задачи, которые остро стояли перед Германией: ликвидация зависимости от Рима, поддержка централизаторских тенденций, реформирование церкви. Княжеская власть в Германии шла по пути укрепления своего суверенитета, что фактически вело к сохранению политической и этнической обособленности, создавало препятствия для экономического взаимодействия между регионами. Все это противоречило интересам значительной части германского общества.

Развитие раннекапиталистических структур и особенности экономической модернизации

Развернувшаяся с середины XV в. трансформация позднефеодальных структур в раннекапиталистические получила в начале XVI в. дальнейшее развитие. Спрос на ремесленную и аграрную продукцию стимулировал развитие производства и торговли. Все новые секторы экономики германских земель втягивались в товарно-денежный обмен, перестраиваясь под потребности формирующегося рынка. Внедрение технических новшеств позволило немецким производителям, повышая объемы производства, удовлетворять рыночный спрос и получать прибыль. Это вело к становлению раннекапиталистических корпораций, которые на торгово-мануфактурном этапе капитализма взаимодействовали с различными переходными и феодальными институтами. Учитывая, что технологические изменения не были кардинальными, ранний капитализм проявлялся не в производственных технологиях, а в первую очередь в изменении системы ценностей, в ориентации на получение прибыли и достижение успеха. В связи с этим наиболее существенные изменения в эпоху раннего Нового времени были связаны со сферой управления торговыми и производственными предприятиями, а также с внедрением новых принципов организации труда.

Важнейшим фактором развития раннекапиталистических отношений был демографический рост. К началу XVI в. население германских земель составило не менее 12 млн человек, причем около 10 % из них проживало в городах. В Германии насчитывалось около 3 тыс. городов, среди которых были довольно крупные: Нюрнберг и Аугсбург (по 40–45 тыс. жителей), Кёльн (35–40 тыс.), Любек (25 тыс.), Гамбург (более 20 тыс.) и т. д. Горожане выступали как потребители разнообразной сельскохозяйственной и ремесленной

продукции. Это обеспечивало постоянный спрос на товары первой необходимости, интенсифицировало обмен между городом и деревней, способствовало развитию товарно-денежных отношений. Для понимания специфики раннего капитализма важно отметить, что речь шла не только о материальных изменениях, но и возникновении новой системы ценностей, о том, что человек был способен осуществлять экономическое планирование и реализовывать поставленные задачи.

Однако традиционная феодальная экономика и социальная структура продолжали оказывать колоссальное воздействие на рыночные механизмы. Мощным инструментом влияния князей на экономическую жизнь были разнообразные «монополии» на те или иные виды хозяйственной деятельности и «регальные (исключительные) права» на эксплуатацию горных недр, лесов, установление и взимание торговых, пограничных пошлин, чеканку монеты. Из-за политической раздробленности и слабости имперских структур в Германии отсутствовала единая система финансов, налогов, денежного обращения. Для большинства предпринимателей реализация продукции затруднялась внутренними таможнями, многочисленными феодальными и княжескими пошлинами и поборами. Торговле также препятствовали разбой рыцарства, нападения грабителей, пиратство, соперничество городов и территориальных властей.

Тем не менее позитивные тенденции (развитие раннебуржуазного уклада и новых форм организации производства, внедрение технических новшеств) в экономике Германии получили дальнейшее развитие. Одним из важнейших факторов экономического подъема Германии в начале XVI в. было ее расположение на важнейших путях европейской торговли, обусловившее быстрый рост торгового капитала, в дальнейшем превращавшегося в капитал промышленный. Германские купцы связывали главные центры средиземноморской торговли с городами Северной Европы. Это обстоятельство способствовало активному вовлечению южногерманских и рейнских городов в выгодную торговлю со странами Востока и процветанию Аугсбурга, Ульма, Нюрнберга. Велико значение таких крупных городов, как Кёльн, Страсбург, Франкфурт-на-Майне. Северогерманские города, входившие в Великую Ганзу — Штральзунд, Росток, Висмар, Любек, Гамбург, — стремились сосредоточить в своих руках посредническую торговлю между Россией, Скандинавскими странами, Англией и Нидерландами. В начале XVI в. формировались элементы торговой инфраструктуры. Осуществлялось картографирование

морских и сухопутных коммуникаций. В Германии получила распространение курьерская служба, создавалось специальное фрахтовое и почтовое обслуживание, на постоялых дворах меняли упряжь, лошадей, курьеров, предлагались ночлег и еда, к услугам торговцев были складские помещения, возчики с фурами. Строились мосты, переправы, дороги.

С конца XV в. на передний план выходит фигура купца-оптовика, специализировавшегося на определенном виде товара. Он оттесняет розничных торговцев, сбывавших свой товар на городском рынке. Получили распространение различные типы временных паевых товариществ, осуществлявших торговые операции. Наряду с ними действовали и постоянные торговые союзы, такие как Ганза. Развитие оптовой торговли сопровождалось распространением безналичной вексельной системы расчета. Возросла роль ярмарок как центров оптовой торговли и кредитно-расчетных операций. Это стимулировало появление и развитие крупных торгово-ростовщических компаний, семейных в своей основе (Фуггеры, Вельзеры, Паумгартнеры — в Аугсбурге, Имхофы и Тухеры — в Нюрнберге). Они монополизировали целые сферы торговли на общеевропейском и внутреннем рынках, широко инвестировали в горно-металлургическое и текстильное производство.

К началу XVI в. торговый капитал, проникая в цеховые структуры, получил прочные позиции в производстве полотна, дешевых сортов сукна, во многом определяя направление специализации отдельных центров текстильного производства. В Саксонии по заказу верхнегерманских купцов-экспортеров изготовляли грубое полотно, которое распределялось среди мелких ремесленников в городах Верхней Германии для дальнейшей обработки — отбелки, крашения. Модернизация цехов шла и другим путем. Экономически наиболее сильные цехи, связанные с заключительными операциями производства товарной продукции и ее сбытом, подчиняли другие цеха, специализировавшиеся на обработке сырья, изготовлении полуфабрикатов. Из числа цеховых старшин выходили предприниматели, стремившиеся в обход цеховых ограничений расширить производство за счет раздаточно-скупочных операций, эксплуатации обедневших мастеров и внецеховых ремесленников, организации мастерских.

Самой высокой степени капитализация достигла в горном деле. Германские земли обладали богатыми рудными месторождениями свинца, ртути, цинка. Средний Рейн и Верхний Пфальц славились

месторождениями железных руд. Серебром и медью были богаты Гарц, Саксония, Эрцгебирг. В золоте и серебре остро нуждались европейские княжеские и королевские монетные дворы. Потребность в оружии обусловила массовый спрос на медь. Из нее же отливали колокола для соборов, из легированной бронзы и латуни изготовляли предметы культа и быта. Немецкая техника горнодобычи и плавки металлов считалась самой передовой в Европе первой половины XVI в., а немецкие горные мастера и литейщики — самыми искусными. Промышленная разработка месторождения обычно сопровождалась закладкой города. Только с 1470 по 1520 г. возникло более 200 «горных» городов. Функции новых городов были разнообразны: рынки, центры регальной (княжеской) администрации рудников и металлообработки (литье чугуна, стали, изготовление проката, металлоизделий); монетные дворы, перевалочные и складские пункты в системе транзитной торговли и транспортировки металлов. В начале XVI в. горно-металлургическое производство давало средства к существованию обнищавшим крестьянам и горожанам, которые выполняли малоквалифицированные работы по транспортировке, промывке, толчению руды, заготовке угля, откачке воды в шахте. При добыче серебряной и медной руды, а также на плавильных зейгерных комплексах в Тюрингии и округе Нюрнберга господствовали наемный труд и формы организации производства, присущие рассеянной и централизованной мануфактуре.

В горнорудном производстве получили распространения новые формы управления — «товарищества» разбогатевших рудокопов или плавильщиков, которые брали в лен горные участки и плавильные печи, проводили необходимую техническую реконструкцию, нанимали рабочих, обеспечивали сбыт. Состоятельные бюргеры и крупные купцы создавали паевые товарищества. Они углубляли шахты, строили плавильни, авансировали арендаторов рудников и плавилен. Компании горнопромышленников посредством раздаточно-скупочных операций и системы авансирования подчинили себе производство металлов и металлоизделий в ведущих центрах — Кёльне, Нюрнберге, Аугсбурге и других городах. Но деятельность таких товариществ во многом определялась позицией территориальной власти.

Но даже в наиболее промышленно развитых районах основой экономики оставалось сельское хозяйство. Почти 90 % населения было связано с аграрным трудом. В XVI в. аграрная экономика отдельных регионов Германии развивалась во многом под воздей-

ствием высоких и постоянно растущих цен на зерно, технические культуры, шерсть, мясо в самой Германии и соседних странах. Инновации в аграрном производстве проявлялись в новой волне внутренней колонизации в Швабии, Верхней Баварии, Вестфалии, более интенсивного использования земель вокруг крупных городов (Рейнская зона, Саксония).

Экономически сильные крестьянские хозяйства, ориентировавшиеся на рыночную конъюнктуру и производившие основную массу продукции, получили в начале XVI в. наибольшее распространение к западу от Эльбы — в Вестфалии и Нижней Саксонии, Швабии, Верхней Баварии. Здесь майорат препятствовал дроблению крестьянских наделов, была распространена мейерская и издольная аренда, создавались возможности для эволюции феодальной ренты в раннекапиталистическую. В регионах к востоку от Эльбы зерновое хозяйство через Ганзу рано включалось в экспортную торговлю зерном со странами Северной и Северо-Западной Европы.

Это был своеобразный способ адаптации феодальных поместий к формирующимся рыночным структурам. Доходы от торговли зерном стимулировали стремление рыцарства к расширению своих имений за счет крестьянских наделов. Важно отметить, что процессы, которые в отечественной историографии обычно именовали «феодальной реакцией», с экономической точки зрения были одним из вариантов эффективного использования земли с целью получения прибыли. Однако для достижения этих целей применялись социальные «инструменты» средневековой эпохи — расширение личной зависимости, увеличение барщины. Так формировалась новая переходная социально-экономическая модель. Барщинный труд был не только сверхвыгодным, но и гарантировал феодалам сохранение общественных привилегий.

Уже в начале XVI в. обозначилась специфика германской экономической модернизации, которая сохранялась до конца XVII в.: 1) консервация экономических привилегий феодального сословия, в первую очередь князей, использование феодалами регальных прав и рентных механизмов для обогащения; 2) отсутствие политического и экономического единства германских земель, наличие внутренних таможенных барьеров; 3) замедленный процесс отделения производителя от средств производства; 4) длительность переориентации сознания на рыночную систему ценностей, где главным становится получение прибыли и превращение ее в капитал; 5) ведущая роль в раннекапиталистической модернизации торгового капитала;

6) существенный разрыв между регионами по степени развития раннекапиталистических отношений (очаги раннего капитализма наиболее динамично развивались в Швабии, в бассейне Рейна и Майна, северо-западных районах Германии), тяготение отдельных территорий к переходному типу хозяйства (в восточногерманских землях) и традиционной (особенно аграрной) экономике (центральные и часть южных районов Германии), удельный вес которой был по-прежнему очень высоким; 7) обратимость модернизационных процессов, быстрое восстановление традиционных и переходных экономических структур.

Положение католической церкви

К началу XVI в. католическая церковь играла огромную политическую и экономическую роль в германских землях. Здесь она обладала колоссальными земельными богатствами и материальными ресурсами (на рейхстаге в 1521 г. церковь представляли 3 курфюрста, 4 архиепископа, 46 епископов, 83 аббата, аббатисы и главы духовных орденов). Архиепископы Трира, Кёльна и Майнца участвовали в выборах императора. Во многих областях Германии, особенно в бассейне Рейна, где концентрировались владения духовных князей, церковь осуществляла функции территориального господства. Однако в конце XV — начале XVI в. все явственнее проявлялся кризис католицизма, который выражался в состоянии церковного учения, культа и обрядов. Набирал темп процесс обмирщения церкви, деньги все заметнее подчиняли себе духовную власть. Церковные иерархи, стремясь пополнить свои доходы, брали пример со светских феодалов и год от года повышали суммы поборов. Получила распространение продажа церковных должностей. Невежество и безнравственность в среде клира, вопиющие противоречия между тем, что проповедовалось на словах и совершалось на деле вызывали нарастание антиклерикальных настроений во всех слоях общества.

Особенно возмущали попытки удовлетворить свою страсть к наживе за счет распространения «божьей милости» — индульгенций. Индульгенция — письмо, которое удостоверяло, что его обладателя церковь, располагавшая запасом «божественной благодати», освобождала от епитимьи (наказание, которое назначал священник грешнику после исповеди) на определенное количество лет. Востребованность индульгенций была связана с тем, что люди боялись умереть, не исполнив все наказания за грехи, а индульгенция давала гарантии отпущения грехов и тем самым надежду на попадание в рай. С увели-

чением доходности индульгенций резко расширился их ассортимент. Появились разрешения не соблюдать пост. Папа Сикст IV в 1476 г. ввел отпущение грехов бедным душам в чистилище. Оно позволяло либо вообще освободить души умерших от пребывания в чистилище, либо в зависимости от финансовых возможностей значительно сократить время их страданий. В итоге получение бумажной «милости» превратилось в откровенную покупку «отпущения грехов».

В Германии папы и высшее немецкое духовенство из-за отсутствия сильной центральной власти могли действовать совершенно безнаказанно. В 1514 г. Альбрехт Бранденбургский, используя поддержку папы и финансовую помощь Фуггеров, приобрел сан архиепископа Майнцского. Естественно, что Альбрехт должен был оплатить услуги и Фуггеров, и римской курии. В 1515 г. папа Лев X выпустил буллу о распространении индульгенций в церковных провинциях Майнца, Магдебурга и Бранденбурга. Половина платы за эти индульгенции шла архиепископу Майнцскому, а другая половина — папе, для строительства собора св. Петра. Ежегодно доминиканские монахи везли индульгенции из Рима в Германию, где уже существовала широкая сеть «продавцов». Многие считали индульгенции обманом, но по-прежнему покупали их из-за страха не достичь спасения. Церковь, которой нужны были деньги, запугивала мирян ужасами Страшного суда и ада. Откровенное «торгашество» священников порождало в умах верующих сомнение: способна ли была католическая церковь выполнять свою главную функцию — помощь в спасении души.

Анализируя обстановку в Германии в конце XV — начале XVI в., можно выделить и другие, более материальные поводы для недовольства церковью. У крестьян наибольший протест вызывала ежегодная практика взимания десятины, которая фактически состояла из нескольких видов: «большая» десятина — с зерна; «малая» — с огородных культур; «десятина крови» — со скота. Нещадной была эксплуатация крестьянства в церковных имениях. В начале XVI в. расширились и различные поборы (аннаты) с городского населения.

Церковь не была заинтересована в централизации империи и тем более в создании единого немецкого государства. Опыт Франции и Англии показывал, что сильная королевская власть стремится к ограничению влиянию папы в своем государстве, к контролю за финансовыми ресурсами духовных владений. Вследствие этого политика римской курии в Германии была направлена на столкновение интересов князей, на недопущение создания центральных прави-

тельственных органов и усиления императорской власти. Таким образом, деятельность католической церкви в начале XVI в. в Германии противоречила политическим и экономическим интересам немцев и не соответствовала представлениям значительной части верующих о той духовной миссии, которую она должна была выполнять.

Новые черты в менталитете немцев

Общие контуры ментальных изменений обозначились еще во второй половине XV в. и получили развитие в духовно-ментальном мире немцев рубежа XV–XVI вв. Новое миропонимание синтезировали средневековые, гуманистические и рыночные ценности. Соотношение традиционных и модернизационных ментальных пластов у различных социальных слоев и тем более у отдельных людей было далеко не одинаковым. Вероятно, преобладали переходные формы сознания, сочетавшие, например, сверхрелигиозность и более рационалистический взгляд на жизнь. Осознавалась необходимость обновления церкви в раннехристианском духе, распространились представления о возможности добиться большего соответствия общественного устройства новозаветным канонам. Постепенно утверждаются гуманистические ценности, не отрицавшие полностью средневековую «модель мира», но побуждавшие критически относиться к действительности и призывавшие к тому, чтобы с помощью образовательной деятельности способствовать формированию более гармоничного общества. Получившие образование в гуманистическом духе немцы хотели «верить осмысленно», а церковь с ее догматами и низким уровнем образования священников отставала от новых запросов общества.

Сохранение довольно значительного комплекса традиционной экономики, особенно в аграрной сфере, оказывало адаптирующее влияние на население, оставляло своеобразные социальные ниши для носителей средневековых ценностей. В среде крестьянства бытовали представления, свойственные так называемому «народному христианству», включавшему элементы «магического» сознания. Сохранению традиционной для крестьян «картины мира» способствовала включенность этого класса в неизменные природные циклы и общинные структуры. Разумеется, для крестьянства в период зарождения буржуазных отношений было характерно не только следование традиции. Новые условия производственной деятельности, усиление социальной борьбы, развитие книжной культуры — все это не оставалось без последствий для духовной жизни крестьянства,

оно становится неоднородным, в его среде формируются разные социальные микрогруппы.

Альбрехт Дюрер. Проволочная мастерская. Ок. 1490 г.
Типичный ландшафт Германии в XV–XVI вв.

В крупных торговых и производственных центрах изменения происходили более динамично, существенно меняя модель поведения человека. Нормой стали не только традиционные для бюргерства бережливость и расчетливость, но и стремление преодолеть сословные рамки, изменить качество своей жизни, что было невозможно без особой философии успеха. Доходность торгового дела и рентабельность мастерской или мануфактуры теперь зависели не от четкого соблюдения норм цеховых статутов, а от самого человека, от предприимчивости, умения наладить выгодные связи, идти на оправданный риск. Городская среда сформировала характерный для эпохи раннего Нового времени новый тип личности — «делового человека», бюргера-предпринимателя, участника надрегиональной и заморской торговли, коммерсанта, главы торговой компании, финансиста подобно Якобу Фуггеру из Аугсбурга.

Довольно сильно изменил психологию людей наемный труд. Подмастерья уже не стремились занять места мастеров. Закрепившись

в статусе наемного работника, подмастерья, используя коллективные формы протеста (невыход на работу), стремились к увеличению оплаты труда, созданию корпораций по защите собственных прав, что лишний раз подчеркивает предпролетарский характер их сознания и соответствующую общественную роль.

Говоря о капитализации сознания как об одной из важнейших ментальных тенденций, нельзя не отметить, что переходный характер эпохи модернизации предопределил преобладание в менталитете немцев начала XVI в. традиционных компонентов. Весьма показателен пример немецкого дворянства. Ориентируясь на получение прибыли от продажи аграрной продукции на местные и западноевропейские рынки, они расширяли зависимость крестьянства для достижения своих целей.

Обмирщение церкви, продажа индульгенций, сомнение в том, что католическая структура выполняет возложенную на нее функцию трансляции божественной милости, неуверенность в перспективах заупокойной жизни — все это не только способствовало распространению антицерковных настроений, но и вело к переосмыслению религиозного опыта Средневековья. Индивидуализация и секуляризация сознания все больше переносили заботу о спасении души на самого человека. Подобный переворот в сознании усиливал у верующих чувство греховности, страх перед грядущим концом света.

Вторая половина XV — первая треть XVI в. стали важным этапом в развитии общенемецкого национального самосознания. Это проявилось в повторяющихся время от времени призывах к единению немцев, в патриотических чувствах, которыми наполнены произведения и народной, и гуманистической культуры; в формулировании представителями разных сословий задач по объединению немецких земель под сильной властью императора; в обращении гуманистически настроенной духовной элиты к пропаганде немецкого языка; в расцвете национальной германской культуры. Все эти явления ложились на благодатную почву роста национально-патриотических настроений в германских княжествах и находили выражение в политических событиях XV — начала XVI в. (конституирование рейхстага, появление памфлетов «Реформация Фридриха III», «Жалоба германской нации» и т. д.).

В условиях обострения национальных чувств немцы стали ясно осознавать, что именно политика римских пап и церкви в отношении Германии вела к национальному унижению и противоречила интересам широких слоев германского общества. Это привело к про-

тивостоянию его элиты с церковью. Весьма показателен пример разработки участниками рейхстагов «Жалоб германской нации», включавших призывы к централизации управления и протесты против политики католической церкви в Германии. Однако наиболее четко и полно идея «возрождения» (на самом деле, зарождения) германской нации была сформулирована гуманистической мыслью.

Гуманизм в Германии: генезис, особенности, роль в подготовке Реформации

Гуманизм ставил своей целью постижение человека во всем его многообразии, утверждал культ человека, его личности, разума. Как новая идеология, гуманизм противостоял средневековому богословию, подчеркивавшему греховность человеческой сущности, обреченность на страдания. Сохраняя важнейшие признаки гуманизма как европейского явления, гуманистическая мысль в Германии прошла специфический путь развития.

Генезис немецкого гуманизма был тесно связан с итальянской ренессансной культурой (распространение гуманистической литературы из Италии, получение немцами образования в Италии, издание античных текстов, преподавание в новом гуманистическом духе). В частности, большую роль сыграли философские идеи Н. Кузанского, получившего университетское образование в Италии; пропаганда новой образованности итальянским гуманистом Э. Пикколомини, который долгое время был приближен ко двору императора Фридриха III. Возросший интерес теологов и ученых к греческому и древнееврейскому языкам объяснялся желанием прочитать тексты Ветхого и Нового Заветов на языке оригинала. Изучение оригинальных греческих и еврейских текстов стало теперь занятием довольно широкого круга образованных людей и частью университетской программы обучения. Древнееврейская и греческая христианская литература указывали на зависимость латинских текстов и ранней письменной католической культуры от восточных образцов. Историко-филологическое исследование библейских текстов способствовало тому, что гуманистическая традиция базировалась на прочных научных основах.

В Германии XV в., как в Италии предшествующего столетия, различные внутренние импульсы готовили почву для восприятия и развития гуманистической мысли. Гуманистическим идеалам отвечали новые черты менталитета немцев, в первую очередь осознание возросшей роли личности человека, отрыв от сословно-корпора-

тивных пут, деловая и творческая активность. В германских городах сформировался значительный слой интеллектуалов, который обладал независимым гражданским сознанием и служил той средой, куда проникали и где получали развитие гуманистические взгляды.

Гуманизм в Германии хотя идейно и противостоял схоластике, полностью не отвергал средневековую традицию (неоплатоническая литература), подпитывался народной культурой («шванки», поэзия мейстерзингеров). Мощным было воздействие «новой образованности», в частности, знания классических языков, сочинений античных и ренессансных писателей, поэтов и философов. Пытливая студенческая молодежь, впитывая ренессансные идеи, входила в гуманистические кружки, а со временем, получив степень и доступ к преподаванию, сама несла в студенческие массы гуманистические ценности. Примером служат лекции об античной культуре, которые читались странствующими немецкими поэтами-гуманистами Лудером и Карохом. Важное значение имело внедрение гуманистических идей, новых дисциплин, изучение классических языков в университетское образование. Тем самым подрывались позиции схоластики, шло сближение университетского знания с жизненными практиками.

Своими успехами гуманизм во многом был обязан книгопечатанию. Типографии Аугсбурга, Нюрнберга, Базеля публиковали огромными по тогдашним меркам тиражами книги и памфлеты гуманистов, удовлетворяя потребности интеллектуальной элиты в гуманистической литературе. Многие национально-патриотические идеи гуманистов отвечали запросам политической элиты, прежде всего княжеской власти, дворянства, патрициата, служили обоснованием суверенных прав, борьбы с папством. Становлению гуманистического движения способствовали и такие факторы, как бурный расцвет городов, формирование предпринимательства, которое было одним из главных заказчиков гуманистических произведений, а также нарастающий кризис теологии.

На рубеже XV–XVI вв. вокруг крупных гуманистов и знатных меценатов формируются сообщества гуманистов в Нюрнберге, Аугсбурге, Ингольштадте, Гейдельберге, Эрфурте. Кружки способствовали осмыслению задач движения, единению европейских гуманистов. Среди немецких гуманистов преобладали выходцы из бюргерства, были также представители дворянства, патрициата и крестьянства.

В конце XV в. в немецком гуманизме появляется целая когорта выдающихся литераторов, философов, лингвистов, историков, чьи труды придали «северному гуманизму» мировое значение. Крупным

Себастьян Брант

событием эпохи стал выход поэмы ***«Корабль дураков»*** (1494) ***Себастьяна Бранта*** (ок. 1458 — 1521) — профессора канонического и римского права Базельского университета, адвоката, автора научных и литературных трудов. Популярности произведения способствовало его издание на немецком языке. По своей структуре «Корабль дураков» весьма напоминал традиционные сатирико-дидактические «зерцала», задача которых заключалась в том, чтобы «обличать и вразумлять». Изображая дураков разных сословий, Брант едко обличает их пороки: жадность, торговлю должностями, распутство, пьянство, расточительность, грубость, необразованность, зависть, засилье «господина Пфеннига», забвение общего блага властителями и судьями, которые ради своего личного благоденствия попирают правду и закон. В произведении широко использовался бытовой язык горожан, пословицы и поговорки, типичные для германских городов жанровые сцены, что сближало книгу Бранта с фольклорной традицией. Однако в поэме гуманистическое начало достаточно ярко выражено. Брант осуждает и осмеивает все то, что противоречит разуму и разумному поведению.

Для автора «Корабль дураков» (корабль дураков — один из средневековых карнавальных образов ада) — это не только сборище всяких пороков, но и место, где люди мучаются из-за своей неразумности. Среди образованных немцев были популярны произведения крупнейшего гуманиста эпохи — ***Эразма Роттердамского*** (ок. 1466 — 1536), которого считали главой гуманистической «республики ученых» всей Европы. Он предпочитал национальному энтузиазму позицию гражданина мира. Эразм публиковал со своими комментариями греческих и римских классиков, сочинения отцов церкви, в том числе восточных. Призывая вернуться к источникам, Эразм имел в виду и памятники древнехристианской мысли, и, прежде всего, Евангелие. Он указал на то, что сделанный св. Иеронимом в IV в. перевод Евангелия изобиловал ошибками и добавлениями, искажавшими смысл Писания. Большое значение имели подготов-

ленное Эразмом издание очищенного от искажений греческого текста Нового завета и его новый латинский перевод.

В своих многочисленных произведениях («Жалоба мира», «Руководство христианского воина» и др.) Эразм дал гуманистическую трактовку христианства, развивал гуманистическую теорию воспитания и образования. Веря в естественную доброту человека, Эразм хотел видеть его «возрожденным», т. е. очищенным от вековой скверны. «Философия Христа» Эразма подразумевала право считать христианским «все то истинное, с чем ты когда-либо сталкивался». Такой подход позволял искать образцы подлинной мудрости и нравственности у представителей разных народов и исповеданий, в том числе у античных авторов. Гуманистическая образованность приобретала роль первостепенной добродетели истинного христианина. Следование законам высокой нравственности, по мнению Эразма, должно было выражаться в повседневном «подражании Христу». В критике современного общества Эразм был противником схоластики, невежества, пороков клира, формализма официального благочестия.

Многостороннее творчество Эразма оказало мощное воздействие на европейскую культуру XVI–XVII вв. Большой успех имела его книга ***«Похвальное слово Глупости»*** («Похвала Глупости», 1509), шуточный панегирик Глупости, ставший самым известным произведением гуманиста. В сатирической форме он высмеивал своих современников — жителей царства неразумия: мнимых ученых, юристов, неверных жен, астрологов, лентяев, льстецов, тщеславных себялюбцев. Подверг критике Эразм и «королей», которые «измышляют новые способы набить свою казну, отнимая у граждан их достояние», и дворян, кичащихся благородством своего происхождения. Резко отзывался гуманист о священнослужителях. Утопающие в роскоши римские папы ради защиты земных интересов церкви проливают христианскую кровь. Монахи в своей массе глубоко невежественны, неопрятны, лицемерны и суеверны. В исправлении всего происходящего Эразм, как и Брант, возлагал надежду на облагораживающую силу разума. В воспитании молодежи большую роль сыграли популярные среди студенчества «Разговоры запросто» (1519–1533) Эразма. Используя легкую для восприятия диалоговую форму и обличая пороки общества, он стремился утвердить своих читателей на верном жизненном пути.

С именем ***Иоганна Рейхлина*** (1455–1522), выдающегося филолога, связана пропаганда занятий латинским, греческим и древнеев-

рейским языками. Широкий отклик в гуманистическом движении получило выступление Рейхлина против требования церковных фанатиков во главе с крещенным евреем Иоганном Пфефферкорном сжечь все еврейские религиозные книги. Считалось, что тогда евреи примут христианство. Пфефферкорн добился императорского указа, дававшего право на конфискацию еврейских книг. Он предложил Рейхлину принять участие в охоте за еврейскими священными книгами, но получил отказ. Новый императорский указ передал вопрос о еврейских книгах на рассмотрение авторитетных лиц — богословов Кёльнского, Майнцского, Эрфуртского и Гейдельбергского университетов, а также И. Рейхлина. Представители Эрфуртского и Гейдельбергского университетов уклонились от прямого ответа. Остальные, кроме Рейхлина, подали свои голоса за предложение И. Пфефферкорна. И. Рейхлин мужественно выступил против этого варварского предложения, указав на огромное значение еврейских книг для истории христианства. Разгоревшаяся полемика приобрела широкий размах и вышла за пределы Германии. Началась травля Рейхлина, его даже обвинили в ереси. Но на сторону Рейхлина встали многие представители интеллектуальной элиты. Вопрос о еврейских книгах превратился в злободневный вопрос о веротерпимости и свободе мысли. Гуманисты приняли вызов. «Теперь весь мир, — писал немецкий гуманист Муциан Руф, — разделился на две партии — одни за глупцов, другие за Рейхлина». В 1514 г. Рейхлин издал «Письма знаменитых людей» — сборник писем, написанных в его защиту видными культурными и государственными деятелями.

В 1515 г., в разгар противостояния, была опубликована получившая широкую известность первая часть «Писем темных людей». Книга явилась результатом литературного творчества эрфуртских гуманистов Крота Рубеана, Эобана Гесса и Ульриха фон Гуттена. «Письма темных людей» были задуманы как своего рода комический противовес «Письмам знаменитых людей» и содержали пародии-обращения от невежественных монахов и теологов, полных откровенной злобы к свободной мысли. Гуманисты, перемешивая «кухонную латынь» с вульгарным немецким языком, талантливо «воспроизвели» убогую эпистолярную манеру «темных людей», демонстрируя культурную отсталость антирейхлинистов. Выход «Писем» стал симптомом зрелости радикальной части движения, изживавшей традицию компромисса со старой церковью. Еще более резкий характер имела вторая часть «Писем темных людей» (1517), направленная против папства и монашества.

Одним из авторов «Писем темных людей» был выдающийся немецкий гуманист, франконский рыцарь ***Ульрих фон Гуттен*** (1488–1523). В странствиях по Германии и Италии он, усердно штудируя античных и ренессансных авторов, стал мастером сатиры, риторики, публицистики. Будучи горячим сторонником Лютера, Гуттен открыто выступил против римско-католической церкви, беззастенчиво грабившей, по его мнению, Германию. В написанных на немецком языке «Диалогах» (1520–1521) У. фон Гуттен акцентировал внимание на многочисленных пороках, процветавших в Риме и клерикальной среде. Он был убежден, что политическая слабость и раздробленность Германии являлись результатом коварной политики папского Рима. С Реформацией Гуттен связывал свои надежды на политическое возрождение Германии, которое должно было заключаться в укреплении императорской власти за счет власти князей и возвращения рыцарскому сословию его былого значения.

В целом гуманистическое движение в Германии имело ярко выраженные особенности, которые определялись местными условиями и идейными традициями. Это касалось, в первую очередь, интереса гуманистов к тем проблемам, которые волновали широкие круги германской общественности: этико-религиозные вопросы, история и национальное развитие немцев, политическое устройство Германии и роль папского Рима в унижении немцев, кризис католической церкви. В отличие от итальянского, в большей степени языческого (античного), германский гуманизм, хотя и был во многом критически настроен к церкви, в то же время оставался христианским. Библейские заповеди и христианская мораль рассматривались как основы гуманистического воспитания. Еще одной особенностью гуманизма в Германии стала его связь с книгопечатанием, что позволяло быстро распространять гуманистам свои идеи. Характерными чертами немецкого гуманизма были также сатира, ирония, критика всего общества без какой-либо социальной предпочтительности, влияние народной культуры. Особое внимание гуманисты в Германии уделили языкам, причем не только классическим, но и национальному языку. Часть произведений писалась на немецком, чтобы привлечь к гуманистической литературе и ее идеям не только образованную часть общества, но и простых немцев.

Германские гуманисты, обратившиеся к поиску исторических корней, сыграли очень важную роль в обосновании национальной идеи, в создании мифа о немецком единстве и тем самым — в формировании немецкой нации. При всей своей элитарности гуманизм в Гер-

мании отразил внутренние, конъюнктурные для переходной эпохи духовные потребности немецкого общества, прежде всего, растущие национально-патриотические настроения и стремление к обновлению церкви. В произведениях Ульриха фон Гуттена не раз встречались апелляции к немецкой нации (правда, под «нацией» нередко понималось только военно-политическая и интеллектуальная элита), которой отводилась главная роль в борьбе с Римом и клиром. Особое внимание немецкие гуманисты уделяли древним германцам, истории империи Карла Великого и Оттонов, борьбе за инвеституру, происхождению и развитию отдельных германских областей и городов.

На основе «Германии» Тацита Э. Пикколомини впервые сопоставил древнее описание расположения, быта и нравов германцев с современной ему Германией. Благодаря трудам гуманистов-историков значительно расширился круг источников по германской древности. Они выделили немецкую историю из универсальной общехристианской, придали ей национальную самобытность, сохранив при этом связь с мировым историческим контекстом. Весьма показательна в этом отношении неосуществленная попытка К. Цельтиса создать в рамках проекта "Germania illustrata" («Воспетая Германия» или «Описание Германии») историю народных обычаев и культуры различных областей Германии. Аугсбургский патриций К. Пейтингер опубликовал римскую карту дорог, «Историю готов» Иордана и «Историю лангобардов» Павла Диакона. Отдельно стоит отметить Иоганна Авентина, который, изучая прошлое Баварии, систематически обследовал архивы. Его «Баварские хроники», написанные по-немецки, живым и общедоступным языком, стали первым крупным и адресованным широкому кругу читателей историческим сочинением эпохи.

Оценивая значение гуманизма в подготовке Реформации, необходимо отметить, что критическим запалом своих произведений гуманисты создавали среду для более рациональной оценки действий римского папы, католической церкви и отдельных священнослужителей. Антипапская направленность гуманизма выразилась в Германии гораздо резче, чем в Италии. Немецкие гуманисты стремились подвергать критике церковь и ее постановления (Священное Предание) не только с позиции здравого смысла, но и с точки зрения христианской морали, обличая пороки церковников. Гуманизм внес вклад в подготовку Реформации разработкой рационалистических методов изучения Священного Писания, стремлением дать новое решение коренных социально-этических и политических вопросов,

высмеиванием сословных предрассудков, пропагандой патриотических идей. Важно и то, что на протяжении десятилетий критика церкви гуманистами была совершенно открытой и церковь оказалась бессильна в борьбе с ними. Хотя к восприятию гуманистических идей была готова только небольшая часть немцев, как правило, хорошо образованная, гуманисты сумели усилить в общественном сознании неудовлетворенность церковью, показать ее отступничество от выполнения своей духовной миссии, расширить поле обличительной критики духовенства. Все это сближало гуманистов и реформаторов. Не случайно Ж. Кальвин был увлечен трудами Эразма Роттердамского, а У. фон Гуттен стал рьяным сторонником М. Лютера; гуманистами были и некоторые ведущие реформаторы — Ф. Меланхтон, У. Цвингли и М. Буцер. Объединяло их и стремление к духовному совершенству. Эразм Роттердамский и Ульрих фон Гуттен, пройдя в своей жизни, как и Мартин Лютер, через монастырское затворничество, увидели формализм монашеского обета, внешний характер католического благочестия и обрядности и предпочли другой путь — путь исканий новой философии и теологии. При всем различии задач они, так или иначе, обращались к одному источнику — Священному Писанию.

И реформаторы, и гуманисты подчеркивали важное значение воспитания и образования. Отчасти совпадали их политические интересы. Как и реформаторы, гуманисты подталкивали светскую элиту к активному противодействию Риму. Ряд выдающихся деятелей гуманизма, в частности Гуттен, своими произведениями способствовали распространению реформационных идей в Германии. Помимо критики папства и церкви, в своих «Диалогах» Гуттен определенно высказывался за ликвидацию церковно-монастырской собственности, отмену безбрачия духовенства. Он впервые опубликовал работу Лоренцо Валлы о поддельности «Константинова дара» — опоры теократических притязаний папства.

В то же время многие гуманисты не приняли Реформацию. Практика реформирования выявила несовпадение взглядов большинства деятелей гуманизма и идеологов Реформации. В лютеровской Реформации человек был лишен свободы выбора, возможности действовать разумно, он переставал быть творцом, пассивно воспринимая «милость Божью». Первенство культа веры над культом разума и образования, ограничение мысли библейским пространством, раскол, который внесла Реформация в мир людей, — все это вело к разрыву гуманистической традиции с реформационной. Показательна

позиция Эразма Роттердамского, который считал, что Реформация не принесла человеку духовной свободы, сковала его цепями нового лютеранского догматизма, что наряду с нетерпимостью католической твердо встала нетерпимость протестантская.

Большинство гуманистов были ревностными католиками и не подвергали сомнению необходимость сохранения католической церковной организации. Деятельность М. Лютера, вызвавшая разделение верующих на католиков и протестантов, противоречила гуманистическим идеалам, которые связывались с христианскими ценностями и существованием единой для всех церковной организации (вера должна не разделять, а объединять!). Разным было и общественное значение двух движений. Если гуманисты обращались к культурной элите немецкого общества, то реформаторы, ставившие и решавшие важнейшие вопросы религии, — ко всем немцам.

Противоречия в германском обществе начала XVI в.

В первые десятилетия XVI в. в Германии на разных уровнях политических, социальных и экономических связей происходит резкое усиление противоречий, зреют внутрисословные и межсословные микро- и макроконфликты.

На высшем политическом уровне сохраняли свое значение противоречия между императором и князьями, а также между самими немецкими князьями. Особенно острым было соперничество между Веттинами и Гогенцоллернами, между баварской и пфальцской ветвями Виттельсбахов, между малыми княжескими родами. В феодальных по своему характеру конфликтах намечалась и еще одна линия раздела — между светскими и духовными князьями. Это четко прослеживается в попытках сотрудничества княжеской власти и городов с целью централизации государства и совместного выступления против слишком широких прав церкви. Выдвижение всеми светскими сословиями, представленными в рейхстаге, «Жалобы германской нации» в 1521 г. стало актом общественно-политической борьбы против финансового, судебного и политического засилья римско-католической церкви в Германии.

В то же время остро давали о себе знать и противоречия между княжеской властью и экономически развитыми городами Германии, заинтересованными в ограничении феодального произвола, упорядочение таможенно-пошлиной политики князей. Арбитром в таких конфликтах должны были выступать имперское правительство

и суд, но деятельность их была парализована нехваткой финансов. Сам император Карл V не стремился к отстаиванию позиций даже имперских городов, которые он, ориентируясь на курфюрстов, отказывался рассматривать как субъекты имперского права.

Значительная часть рыцарства — средних и мелких феодалов, — терявшая свое былое значение из-за введения огнестрельного оружия в войсках, видела свой идеал в создании централизованного национального государства, где политическая роль князей была бы резко ослаблена, а главенствующая роль перешла бы к императору.

В городах бюргерство выступало против засилья патрициата. Бюргерские корпорации стремились к большему соответствию политики магистратов их интересам. Особое недовольство среднего бюргерства вызывала деятельность крупных купеческих компаний, которые, захватывая в свои руки всю торговлю и подчиняя себе средних, мелких товаропроизводителей и торговцев, разоряли их. Спекулятивные и ростовщические операции этих корпораций, использование монопольных прав для получения сверхприбылей, практика политического давления, подкуп князей и чиновников вызывали их негативное восприятие в бюргерской среде. Против компании Фуггеров, превратившейся в наднациональную «торговую империю», выступали и городские советы, и рыцарство, а в отдельных случаях — и княжеская власть. Однако именно бюргерство в это время выдвигается в качестве той оппозиции, которая стремилась к интенсификации модернизационных процессов, усилению экономического взаимодействия в пределах германских земель и к повышению своей роли в политической жизни Германии. Особую остроту приобретали конфликты между подмастерьями и наемными работниками, с одной стороны, и руководителями цехов и мануфактур — с другой.

Положение крестьянства в это время характеризуется, прежде всего, ярко выраженными проявлениями феодальной реакции в деревне, особенно в юго-западном и восточном регионах Германии. Землевладельцы-феодалы в условиях роста товарного производства всячески стремились укрепить феодальную собственность на землю, ввести худшие для крестьян условия держания земли, прежде всего — краткосрочную аренду. Имеет место расширение барских хозяйств путем узурпации общественных угодий, а в ряде случаев — и за счет сокращения крестьянских надельных участков. Для удовлетворения потребности своих хозяйств в рабочих руках землевладельцы увеличивают барщину, устанавливают личную за-

висимость крестьян. Увеличиваются всякого рода налоги и другие поборы с крестьянства.

Ситуация, сложившаяся в германских землях, должна была породить широкое общественное движение. Но в конкретно-исторической обстановке начала XVI в. первым этапом такого движения должно было стать выступление большинства сословий и общественных групп против католической церкви и папства. Князья и рыцари мечтали о секуляризации церковных земельных владений. Бюргерство требовало удешевления церковного культа, прекращения платежей в Рим, упразднения духовенства как сословия и предоставления бюргерству руководства делами местных церковных общин. Крестьянство и городские низы видели в высшем духовенстве получателей всевозможных рент, налогов и других поборов. Немаловажен в этой связи и конфликт между гуманистами и ортодоксальными сторонниками католицизма. Таким образом, церковный вопрос приобрел в Германии характер общегерманского, а упразднение католической церкви и ее замена новой реформированной церковью отвечали интересам значительной части немцев и общественным задачам новой эпохи.

2. Реформация

Мартин Лютер и его реформационные идеи

Реформация (от лат. *reformatio* — «преобразование») — религиозное и социально-политическое движение в Европе XVI в., выдвигавшее требования реформы католической церкви и преобразования порядков, санкционированных ее учением.

Начало Реформации в Германии связано с именем ***Мартина Лютера*** (1483–1546), монаха-августинца и профессора Виттенбергского университета, который в 1517 г. открыто выступил против индульгенций. Его с юношеских лет отличала глубокая религиозность; в 1505 г., получив степень магистра «свободных искусств», он вопреки воле отца, желавшего видеть своего сына юристом, становится монахом августинского монастыря в Эрфурте. В надежде на спасение души будущий реформатор строго выполнял монашеские предписания (посты и молитвы). Однако уже тогда у него зародились сомнения в правильности этого пути. Став в 1507 г. священником, Лютер по настоянию своего ордена продолжил университетское образование на факультете теологии Эрфуртского университета. Поездка

в 1511 г. в Рим и впечатления от личного знакомства с развращенными нравами высшего католического клира усилили в Лютере стремление к поиску тех основ христианской догматики, которые должны были отвечать внутренней религиозности, а не обрядовой, внешней стороне культа.

Лукас Кранах Старший. Портрет Мартина Лютера. 1522 г.

С 1512 г., после получения степени доктора богословия, Лютер начал читать лекции в университете г. Виттенберга. Здесь он обратился к углубленному изучению Библии, к тому же он как лектор вынужден был вырабатывать свои трактовки библейского текста. В 1512–1517 гг. постепенно начинает оформляться его теологическая концепция. 18 октября 1517 г. папа римский Лев X издал буллу об отпущении грехов и продаже индульгенций в целях, как утверждалось, «оказания содействия построению храма св. Петра и спасения душ христианского мира». Этот момент и был избран Лютером для того, чтобы в тезисах против индульгенций изложить свое новое понимание места и роли церкви. 31 октября 1517 г. Лютер прибил к дверям университетской церкви в Виттенберге «95 тезисов» («Диспут о прояснении действенности индульгенций»). Он, конечно, не думал о противостоянии с церковью, а стремился к очищению ее от пороков. В частности, он поставил под сомнение особое право пап на отпущение грехов, призывая верующих к внутреннему раскаянию, которому отводилось главная роль в обретении «спасающей помощи Божьего милосердия».

«Тезисы» Лютера, переведенные на немецкий язык, за короткий срок обрели феноменальную популярность. Вскоре для опровержения лютеровских тезисов были выставлены опытные католические теологи: распространитель индульгенций в Германии Тецель, доминиканский монах Сильвестр Маззолини да Приерио и известный богослов Иоганн Экк. Все они, критикуя Лютера, исходили из догмата о непогрешимости папы. Против Лютера было составлено обвинение в ереси, а 7 августа 1518 г. ему было передано приказание явиться на суд в Рим. Однако, опираясь на поддержку своих сторонников, в том числе и среди представителей власти, Лютер отказался.

Папскому легату в Германии пришлось согласиться с предложением подвергнуть Лютера допросу в Германии. В октябре 1518 г. Лютер прибыл в Аугсбург, где в то время заседал рейхстаг. Здесь Лютер заявил, что не отречется «ни от единой буквы» своего вероучения. Конец периоду переговоров папской курии с Лютером положил диспут, состоявшийся летом 1519 г. в Лейпциге между ним и Экком. Когда Экк обвинил Лютера в том, что он повторяет ряд положений, близких к учению Гуса, Лютер заявил, что среди положений Гуса имелись «истинно христианские и евангелистские». Это заявление означало не только опровержение «высшей святости» папы, но и авторитета соборов. Только Священное Писание непогрешимо, заявил Лютер, а не папа и вселенские соборы. Таким образом, результатом лейпцигского диспута был открытый разрыв Лютера с Римом.

В трактате «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния» (1520) Лютер обосновал освобождение от папского засилья тезисом о том, что служение Богу рассматривается не как дело одного духовенства, а как функция всех христиан, их мирских учреждений и светской власти. Так была высказана идея «всеобщего священства», которым обладали все христиане. Параллельно с этим Лютер разработал программу борьбы с папством и реформирования церкви. Он призвал немцев прекратить выплаты Риму, сократить число папских представителей в Германии, ограничить вмешательство папы в управление империи. Важным пунктом в национальном развитии немцев стал призыв к чтению мессы на немецком языке. Далее Лютер потребовал закрытия монастырей нищенствующих орденов и роспуска всех духовных братств, отмены церковных иммунитетов, отлучений, многочисленных праздников, целибата духовных лиц.

К этому же моменту можно говорить уже о сложившейся системе богословских взглядов Лютера. Основное положение, выдвинутое им, гласило, что человек достигает спасения души (или «оправдания») не через церковь и ее обряды, а с помощью личной веры, даруемой человеку непосредственно Богом. Смысл этого утверждения заключался, прежде всего, в отрицании посреднической роли духовенства между верующими и Богом. Другой тезис Лютера сводился к утверждению приоритета Священного Писания над Священным Преданием — в виде папских декретов и постановлений вселенских соборов. Это положение Лютера, как и первое, противоречило католической догме о централизованной универсальной церкви, распределяющей по своему усмотрению

Божественную благодать, и о непререкаемом авторитете папы как вероучителя.

Однако Лютер не отвергал полностью значения духовенства, без помощи которого человеку трудно достигнуть состояния смирения. Священник в новой церкви Лютера должен был наставлять людей в религиозной жизни, в смирении перед Богом, но не мог давать отпущение грехов (это дело Бога). Лютером отрицалась та сторона католического культа, которая не находила подтверждения и оправдания в букве Священного Писания, поэтому другое название лютеранской церкви — евангелическая церковь. Среди церковной атрибутики, отвергнутой Лютером, оказались поклонение святым, почитание икон, коленопреклонение, алтарь, иконы, скульптуры, учение о чистилище. Из семи таинств было сохранено в конечном итоге только два: крещение и причастие.

Историческое значение выступления Лютера заключалось в том, что оно сделалось центром сложной по своему социальном составу оппозиции. Вокруг Лютера объединились различные элементы германского общества, от умеренных до самых радикальных, выступившие под флагом новой концепции христианского учения против папской власти, католической церкви и их защитников: рыцарство, бюргерство, часть светских князей, рассчитывавших на обогащение путем конфискации церковных имуществ и стремившихся использовать новое вероисповедание для завоевания большей независимости от империи, городские низы. Широкий социальный состав сторонников Лютера обеспечил вскоре ряд значительных успехов лютеранской Реформации. Правда, сам Лютер неоднократно уточнял, что христианская свобода должна пониматься только в смысле духовной свободы, а не телесной. Лютер считал недопустимым аргументировать необходимость политических и социальных изменений ссылками на Священное Писание.

Триумфом Лютера стал ***Вормский рейхстаг*** 1521 г., где Лютер категорично заявил об отказе отречься от своих реформационных идей («На том стою и не могу иначе...»). Императорский указ, известный под названием «Вормский эдикт», запрещал на всей территории империи проповедь в духе Лютера и предавал Лютера опале, а его сочинения — сожжению. Однако он не возымел нужного действия и не приостановил распространение лютеровского учения. Найдя пристанище в замке курфюрста Саксонии ***Фридриха Мудрого*** (1463–1525), Лютер осуществил перевод на немецкий язык Нового Завета, тем самым дав в руки своих сторонников мощное идеологическое оружие.

Наступившая после Вормского рейхстага дифференциация антиримского движения, выделение из него радикальных группировок, которые в понимании задач реформ расходились с Лютером, заставили его определенно высказаться, прежде всего, по вопросу о способах и методах претворения в жизнь общих принципов Реформации. Лютер упорно отстаивает свою программу «духовного мятежа», центральным моментом которой был тезис о непризнании католической церкви в Германии и борьбе с нею исключительно мирными средствами. Поэтому Лютер не поддержал рыцарское восстание 1522–1523 гг., осудил бюргерство, стремившееся к коренным преобразованиям церкви (в том числе и путем насилия) и проведению социальных реформ.

Чем больше реформационные лозунги привлекали немцев, тем важнее было Лютеру определиться с той политической силой, которая будет осуществлять Реформацию. Реалии Германии того времени вели Лютера к мысли, что такой силой могла стать княжеская власть, представитель которой, саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, не раз в 1517–1521 гг. защищал реформатора. Более того, идея о «всеобщем священстве» позволяла рассматривать княжескую власть как подлинно апостольскую, а значит, ей и должна была принадлежать руководящая роль в новой церкви. Окончательно Лютер сформулирует свои взгляды на этот вопрос после попытки в 1522 г. анабаптистов, переселившихся в Виттенберг, осуществить Реформацию в собственной трактовке. Поскольку Лютер не верил в способность церкви на внутреннюю реформу и считал недопустимым проведение преобразований народом, он доказывал, что право осуществлять Реформацию принадлежит только государям и магистратам. Духовная власть, таким образом, подчинялась светской.

В отечественной историографии преобладала оценка лютеровского реформационного учения как идеологии умеренного бюргерства. Наличие этой более или менее аргументированной точки зрения не отрицает возможности видеть в М. Лютере общенационального идеолога немецкой Реформации. Лютер обращался ко всей немецкой пастве с универсальными (важными для представителей всех социальных и профессиональных групп) религиозными проблемами и обсуждал не менее универсальные христианские ценности. Главное, что волновало его — правильность веры для спасения души. Сам Лютер никогда не говорил определенно о какой-то социальной предпочтительности своего учения, даже его «симпатии» к князьям были связаны не с содержанием Реформации, а с ее осуществлением.

Конечно, реализация некоторых идей Лютера представляла известный интерес для бюргерства — как умеренного, так и радикального, — но в то же время «плодами» Реформации воспользовались и князья, и дворяне, и патрициат, и даже крестьянство.

Простому человеку Лютер отводил крайне пассивную роль как в религиозной, так и в общественной жизни, что противоречило активной позиции бюргерства начала XVI в. Характерно высказывание М. Лютера: «Праведен не тот, кто много делает, а тот, кто без всяких дел глубоко верует в Христа... Закон гласит: сделай это — и ничего не происходит. Милосердие гласит: веруй в этого — и сразу все сделано». Такое видение проблемы резко отличало М. Лютера от настоящих идеологов бюргерства У. Цвингли и Ж. Кальвина. Но обращение Лютера к проблеме человека, внимание к его личным переживаниям, стремление возвести в абсолют религиозной деятельности персональное общение с Богом говорит о том, что реформатор смог найти религиозное выражение ментальным процессам индивидуализации сознания. Неслучайно современные немецкие историки трактуют лютеранское вероучение как «эмансипацию индивидуума», основанную на лучших достижениях человеческой мысли XVI столетия.

Основные течения в германской Реформации

Распространение идей Лютера среди представителей разных социальных групп привело к тому, что они стали приобретать социальную окраску, а каждая общественная среда рождала своих собственных реформационных лидеров. Оформление целого ряда евангелических течений в Германии и соседних регионах в 20-е гг. XVI в. отразило наличие в Реформации нескольких идейных и социальных «пластов».

Так, реформационное движение в Саксонии оказалось под влиянием более радикальных, чем Лютер, деятелей: профессора Виттенбергского университета Андреаса Боденштейна (Карлштадта), бывшего монаха Габриэля Цвиллинга и их соратников. Из церквей были удалены алтари, иконы, исполнение католической мессы было объявлено идолопоклонством. Карлштадт и Цвиллинг также решительно выступали против землевладения духовенства. В публичных проповедях Карлштадт подчеркивал, что «никто не может быть уверен в спасении души, если он не зарабатывает хлеб трудом рук своих». Под влиянием проповедей Карлштадта многие студенты покидали университет и отправлялись в деревни, на горные промыслы. Таким образом, выступления Карлштадта и Цвиллинга дали толчок

более радикальной оппозиции, которая не удовлетворялась чисто церковной Реформацией Лютера, а желала ее распространения на социально-экономическую, политическую и этическую сферы.

Тезис Лютера об «оправдании верой» развивал Иоганн Эберлин, бывший монах францисканского монастыря в г. Гейльбронне (Хейльбронн) и странствующий проповедник. Он подчеркивал, что Бог дарует свою милость только разумным людям. С помощью разума человек сможет понять истинный смысл Священного Писания, без чего не может быть настоящей веры, и получит возможность творить «добрые дела». Под «добрыми делами» Эберлин понимал, прежде всего, «братскую любовь» между всеми людьми. С противниками «истинной веры» — «безбожниками» — Эберлин требовал решительной борьбы, что поможет людям «осуществить обновление мира и установить царство небесное на земле».

Исходя из этой посылки Эберлин разработал проекты социально-экономических и политических реформ. Они предусматривали возвращение крестьянам в собственность общественных угодий, уменьшение земельного чинша, отмену церковной десятины, производство ремесленниками только доброкачественных изделий, облегчение положения подмастерьев и учеников, ликвидацию крупных купеческих компаний, отмену всех привилегий папского Рима в торговле с Германией. Как и Карлштадт, Эберлин подчеркивал, что труд является обязанностью всех членов общества и требовал, чтобы и представители привилегированных сословий занимались земледелием или ремеслом.

В политической области Эберлин предлагал централизацию государственного управления с правом занятия должностей представителями всех сословий, от крестьян до князей, причем подчеркивал, что и князья — лишь государственные служащие, обязанные беспрекословно исполнять поручения центральной власти (в лице монарха). Строя свои проекты государственного устройства в реформационном духе, Эберлин стремился претворить их в жизнь путем установления тесного сотрудничества между всеми сословиями, однако, как показала жизнь, такой социальный союз был неосуществим.

Огромное влияние на процесс реформирования церкви и общества в Верхней Германии оказали идеи швейцарского священника и гуманиста ***Ульриха Цвингли*** (1484–1531). Свои основные идеи Цвингли высказал в программных «67 тезисах» (1523) и работах «Об истинной и ложной вере» (1525), «Изложение христианской

веры» (1531). Как и Лютер, Цвингли признавал только Священное Писание и отвергал Священное Предание, исповедовал принципы «оправдания верой» и «всеобщего священства», считал идеалом раннехристианскую церковь. Он отрицал церковную иерархию, монашество, индульгенции, веру в чистилище, поклонение святым, мощам и иконам. Богословское различие между Лютером и Цвингли касалось трактовки таинства причастия. Цвингли считал хлеб и вино лишь символами жертвы Христа. В цвинглианской общине пастыри избирались верующими, жизнь общины и нравы ее членов строго регламентировались.

В отличие от Лютера Цвингли был решительным сторонником республиканизма и «общинной теократии», обличителем тирании монархов и князей. Он считал, что Евангелие Христа служит укреплению власти, объединяя ее с народом «до тех пор, пока власть действует по-христиански», т. е. не вступает в конфликт с требованиями евангелизма. Правители, не соблюдающие этого установления, согласно Цвингли, могут быть смещены народом. Цвингли резко осуждал покушения на собственность и в борьбе с анабаптистами утверждал, что обобществление имуществ есть нарушение заповеди «не укради». В целом религиозное учение Цвингли представляло собой разновидность бюргерской доктрины.

Более радикальные варианты Реформации в Германии предлагались различными сектантскими группировками, в первую очередь анабаптистами и сторонником «вселенского переворота» Т. Мюнцером.

Анабаптисты (перекрещенцы) довели антикатолический протест до крайних пределов. Начало движению положили так называемые «цвиккауские пророки», среди которых выделялся суконщик Николай Шторх. Именно в Цвиккау началась проповедь нового учения, имевшая значительный успех в 1520-х гг. Анабаптисты полностью принимали только Новый Завет и, по примеру Христа, требовали осознанного крещения в зрелом возрасте. Внутри секта была пропитана мистическим духом, пророчество заменяло проповедь. Анабаптисты, тяготея к индивидуальным действиям, отрицали необходимость существования церковной организации и таинств как внешних символов веры. Программа духовного совершенствования была довольно индивидуальной (одни придерживались строгости первоначального христианства, другие, корчась в судорогах, уверяли, что при этом общаются с Богом). Решительности религиозных действий соответствовала и социальная программа: признание

абсолютного равенства в обществе и ликвидация частной собственности. Последовательные сектанты стремились к осуществлению на земле таких общественных порядков, которые не противоречили бы заповедям Божьим («царство Божие на земле»).

В начале 1520-х гг. складывается собственное понимание Реформации и у ***Томаса Мюнцера*** (ок. 1490–1525), который первоначально был сторонником Лютера. В 1520 г. Мюнцер получил должность священника в Цвиккау и здесь под влиянием анабаптистов у Мюнцера формируется оригинальная концепция Реформации на основе «народной религиозности» и синтеза взглядов Лютера, Иоахима Флорского, средневековых мистиков. По мнению Мюнцера, настоящее Священное Писание пишется не чернилами на пергаменте, а перстом Божьим в сердце каждого человека посредством «откровения».

Мюнцер не разделял мир на божественный и человеческий, а воспринимал его в целостности, веря, что «Бог внутри каждого». Это позволяло ему развить концепцию «царства Божьего на земле». Мюнцер указывал, что вера — это не пассивное состояние. Человек, страждущий спасения, должен доказывать Богу свою веру, борясь со злом, в том числе и социальным. Рассматривая события Реформации как свидетельство начавшегося «вселенского переворота», Мюнцер призывал своих сторонников к активной деятельности, которую он понимал как помощь Богу в установлении на земле нового божественного порядка и создании идеального общества с полным равенством людей. Основное же препятствие на пути построения такого общества Мюнцер видел в социальном неравенстве, угнетении народа знатью. Поэтому борьбу крестьян с господами за землю и личную свободу Мюнцер представлял неизбежным звеном на пути человечества к построению «царства Божьего на земле», что понималось как реализация заповедей Христа на практике. В целом идеал будущего совершенного общественного строя, в котором не будет частных интересов, а власть отдана простому народу, представлялся Мюнцеру весьма туманным, лишенным конкретных очертаний.

Все сказанное дает основание видеть в Мюнцере представителя радикально-мистического течения в германской Реформации. Сторонники этого учения выражали настроения прежде всего городских низов и беднейшего крестьянства. Сформулированная Мюнцером в самом общем виде программа построения идеального общества далеко выходила за рамки задач, которые тогда можно было решить на практике. Все это превращало его программу в социально-политическую утопию.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о довольно широком спектре реформационных взглядов. Нижние пласты Реформации в Германии были связаны с ее народными трактовками, они, как правило, сочетали мистицизм (ожидание Страшного суда, установления «Тысячелетнего царства Христова») со стремлением к материальной свободе и уравнительным действиям. В своих радикальных формах «народная реформация» сближалась с идеями Т. Мюнцера и анабаптистов. Другим типом «реформации снизу» была городская Реформация. В ее основе лежала «христианская община», генетически тяготевшая к средневековому коммунализму. Теологической основой такой Реформации чаще всего являлось учение У. Цвингли и его последователей. Человек представал как член общины, которая только и могла приобщить его к Богу. На ранних этапах Реформации концепция Цвингли оказалась наиболее адекватной бюргерскому корпоративному сознанию.

Городская и княжеская Реформация

Ранняя лютеровская Реформация не только послужила источником идей для других реформаторов, но и осуществила прорыв к новому постсредневековому индивидуальному сознанию. В отличие от лютеровского, в большей степени богословского, другие реформационные течения формировались в конкретной социальной среде, что определяло своеобразие реформационных идеалов. Поэтому в реальной практике реформирования определились три ведущих типа Реформации: городской, княжеский, крестьянский («народный»). Народный тип Реформации наиболее полно реализовался в годы Крестьянской войны и будет рассмотрен в 3-м параграфе данной главы, здесь же внимание будет уделено городской и княжеской Реформации.

Городская Реформация (реформация магистратов)

Различные по своему характеру и влиянию факторы (экономический профиль города, позиция территориального князя в отношении Реформации, наличие образовательных центров, гуманистически и реформационно настроенной элиты и т. д.) определяли и различные пути осуществления Реформации: «богословский» (М. Лютер и его ученики), общинный — Реформация магистратов, анабаптистский. Немаловажную роль играло и столкновение двух векторов — «реформации снизу» и «реформации сверху». На начальном этапе преобладали спонтанные попытки осуществления

реформационных мероприятий. С середины 1520-х гг. этот процесс стал более контролируемым.

Один из первых примеров реформирования стали церковные реформы в оплоте лютеранства — г. Виттенберг. Группа монахов вышла из монастыря, чтобы вести обычную для мирян жизнь. Проповеди читались в светском одеянии, а верующие причащались «под обоими видами» (хлебом и вином). Плата за богослужение расходовалась на социальные нужды. В январе 1522 г. была создана общественная касса, которой распоряжались представители магистрата и общины. Вслед за этим «реформация снизу» захватила многие города Германии. Бюргерство, осуществлявшее Реформацию по общинному пути, было настроено, как правило, довольно решительно. По стране прокатилась волна городских восстаний, в ходе которых громили церкви и монастыри.

Такой взрыв открытой борьбы против католицизма вызвал репрессии властей против реформационных проповедников. Многие из них были вынуждены искать прибежище на юге Германии — в Страсбурге, одном из главных центров реформационного движения, а также в Констанце, Ульме, Меммингене. В 1523–1529 гг. в этих и других городах региона получило распространение цвинглианство. В швабских городах учение Цвингли соперничало с лютеранством. Важным результатом развития городского реформационного движения стало постепенное втягивание в борьбу сельского населения, поначалу в окрестностях небольших городов, особенно тесно связанных с деревней. Тем самым ширилась массовая основа Реформации.

Довольно умеренный тип реформирования осуществили магистраты многих верхнегерманских городов. Здесь городские власти стремились вести осторожную политику постепенных церковных преобразований, ограничиваясь сначала превращением клириков в рядовых бюргеров. В ряде имперских городов юго-западной Германии, входивших в Швабский Союз (Ульм, Меммингeн), общины и магистраты взаимодействовали в осуществлении Реформации. Сама община определялась как христианский мир малых размеров, а ее сакральный характер служил обоснованием для вмешательства в церковное управление. Именно община начала движение за церковное обновление и поддерживала магистраты.

В июле 1524 г. в Шпейере собрались представители реформированных городов на съезд. В ответ в конце 1524 г. появился Бургосский эдикт Карла V, который требовал у городов соблюдения Вормского эдикта под угрозой отлучения. Большая заслуга в обосновании

общинного права на церковную реформу принадлежала нюрнбергскому реформатору Лазарусу Шпенглеру. Он настойчиво проводил мысль, что император не вправе вмешиваться в духовные дела, что реформа церкви — воля всей общины и что к смуте ведет не Реформация, а сопротивление ей со стороны церковных институтов. Таким образом, воля общины стала высшим аргументом в проведении городской Реформации.

В развитии Реформации важной вехой стал 1526 г., когда по решению Шпейерского рейхстага имперские чины получили возможность до церковного собора действовать в религиозных вопросах по своему разумению, «как если бы они были ответственны только перед Богом и его императорским величеством». Выполнение Вормского эдикта стало необязательным. Евангелические князья и города, принявшие Реформацию, использовали это для укрепления своих позиций.

В 1529 г. ***Филипп I Великодушный*** (1504–1567), ландграф Гессенский, заинтересованный в объединении цвинглианской и лютеранской Реформации, устроил в Марбурге встречу Лютера и Цвингли. Принципиальные расхождения по вопросу о том, кто должен политически осуществлять Реформацию (князья — у Лютера, городской республиканизм — у Цвингли), оказались в Марбурге лишь фоном для резких различий в трактовке таинства причастия. Лютер сохранял средневековое представление о реальном присутствии тела и крови Христа в момент таинства, Цвингли видел в святых дарах лишь символ искупительной жертвы Христа.

Замысел ландграфа не удался: отныне Лютер энергично выступал против Цвингли и его сторонников, добиваясь вытеснения цвинглианства из городских общин Верхней Германии, но это произошло уже после гибели Цвингли. В 1536 г. на основе разработанного Меланхтоном «Виттенбергского согласия» в городах Верхней Германии утвердилась лютеранская трактовка Реформации. Годом ранее съезд в Гамбурге закрепил успехи лютеранства и в городах Ганзейского союза.

Изгнание городским советом «цвиккауских пророков» во главе с Н. Шторхом дало толчок распространению анабаптизма в Германии. Сторонники сектантского учения попытались осуществить свою реформацию в Виттенберге (1522) и целом ряде других городов, однако сколько-нибудь существенных успехов не достигли. Наиболее известным актом анабаптистской Реформации стала организация ***Мюнстерской коммуны*** в 1534–1535 гг. после побе-

ды на выборах в городской магистрат анабаптистов, опиравшихся на городские низы. Мюнстер был объявлен «Новым Иерусалимом», т. е. центром «царства Божия». Преобразования, проведенные в Мюнстере анабаптистами во главе с выходцем из Нидерландов Иоанном Лейденским, заключались в проведении принципа уравнительства в распределении и в учреждении неограниченной монархии, теократического режима личной власти Иоанна Лейденского. Руководители анабаптистов ввели в городе полигамию (ссылаясь на тексты Ветхого Завета). В июне 1535 г. в итоге 16-месячной осады Мюнстер был взят противниками анабаптизма и совершенно разгромлен. Победители не щадили ни женщин, ни детей. Вожди коммуны, в том числе и Иоанн Лейденский, были казнены после жесточайших пыток. После этого движение анабаптистов раскололось на многочисленные секты и пошло на спад.

Княжеская Реформация

Покровитель Лютера Фридрих Мудрый так и не решился на осуществление в своем курфюршестве Реформации. Это в 1526 г. сделал его брат, Иоганн Постоянный. Однако годом раньше — первым из германских князей — церковную реформу провел великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Прусский, который распустил военно-духовный орден, произвел секуляризацию и возглавил светское княжество — герцогство Пруссия. Затем Реформация последовала в Люнебурге (1526–1527), Гессене (1528), Дитмаршене (1532), Померании (1534–1535), Вюртемберге (1534), Анхальте (1534) и др. В первую очередь в реформированных княжествах осуществлялась секуляризация церковного землевладения. Важной частью процесса секуляризации церковных имуществ княжескими властями и устроения новых земских и городских реформационных церковных порядков стали церковные и школьные визитации (инспекции). По программе, разработанной Лютером, Меланхтоном и их сотрудниками проверялись убеждения и действия учителей, университетских преподавателей, проповедников, низших церковных служащих. От них требовали строгого соблюдения предписаний лютеровской Реформации. Первые церковные проверки провели в 1526 г. в Саксонии. Комиссии из теологов и юристов составляли описи церковного имущества, изучали жизнь общин, особенно воззрения пасторов и учителей. Члены комиссий жаловались на равнодушие народа ко многим различиям старой и новой церкви, на малую образованность духовенства. Одновременно с проверкой церковное имущество предоставлялось дво-

рянству и горожанам, часть его под контролем властей передавалась на содержание проповедников, школ, университетов. Вслед за Саксонией последовали визитации в Гессене и других территориях, а также в имперских городах.

3. Социальные и политические процессы в период Реформации

Выступление Лютера против основ католицизма, разработка им новой трактовки христианского учения и последовавшая затем Реформация, охватившая всю Германию, существенно повлияли на представления немцев о желаемой организации общества. Крушение авторитета католической церкви влекло за собой полное неприятие того социально-политического режима, который существовал в Германии в начале XVI в. Поэтому широкая трактовка Реформации, особенно характерная для крестьянства и бюргерства, подразумевала реформирование всех сторон жизни. Однако княжеская власть и городские магистраты, зачастую проводившие Реформацию в собственных интересах, не стремились к осуществлению масштабных общественных изменений. Наличие многоплановых социальных противоречий в германском обществе подталкивало различные социальные группы к их быстрому и радикальному разрешению, что нашло отражение в рыцарском восстании 1522–1523 гг., крестьянских и городских выступлениях периода Крестьянской войны (1524–1525).

Программа реформ и восстание германского рыцарства

Германское рыцарство, возглавляемое Францем фон Зиккингеном, смогло первым среди сторонников Реформации разработать самостоятельную политическую программу реформ. Среди главных лозунгов этого движения — усиление власти императора, борьба с княжеским сепаратизмом, секуляризация церковного имущества, возвращение рыцарству достойной роли имперского военного сословия. Франц фон Зиккинген в своих наследственных владениях в Эренбурге и Наншгейне построил укрепленные замки, откуда совершал грабительские походы. К Зиккингену присоединился Ульрих фон Гуттен, а также многие евангелические проповедники, укрывавшиеся от гонений католиков. Среди них Буцер, Эколампад, Швебель. Именно Швебель в июне 1522 г. сформулировал требова-

ния рыцарства в отношении реформы церкви (изгнание монахов и монахинь из монастырей, отказ от почитания святых, удаление из церкви икон и убранства).

Однако расчет на широкую поддержку рыцарской программы не оправдался. Попытка привлечь в лагерь Зиккингена М. Лютера оказалась неудачной, так как последний негативно относился к любым насильственным способам реформирования. Без благожелательной позиции лидера реформационного дела рыцарству трудно было рассчитывать на сотрудничество с другими слоями. Поэтому Ф. Зиккинген сделал ставку на создание рыцарской армии. В августе 1522 г. по его инициативе в Ландау состоялся съезд представителей рыцарского сословия из западных областей Германии. «Братское объединение», возглавляемое Зиккингеном, намеревалось осуществить секуляризацию владений архиепископа Трирского и провести там «имперскую реформу». В сентябре 1522 г. рыцарская армия осадила Трир, но взять город не смогла и вынуждена была отступить. На сторону трирского архиепископа встали князья Гессена и Пфальца, а также Швабский союз. В апреле 1525 г. уже княжеская армия осадила Зиккингена в замке Ландштуль. Получивший смертельное ранение, Зиккинген вскоре скончался, а его рыцарская армия 7 мая 1525 г. сдалась на тяжелых условиях. Надломленный поражением, Гуттен бежал к реформатору Цвингли в Цюрих, где через несколько недель умер. Таким образом, представители немецкого рыцарства, стремившиеся возглавить Реформацию и провести политические преобразования в своих интересах, потерпели полное поражение. Инициатива перешла к другим социальным силам.

Крестьянская война (1524–1525 гг.)

Общественное движение и социальная борьба в Германии конца XV — начала XVI в. достигли своей кульминации в ***Крестьянской войне*** 1524–1525 гг. Одна из ее причин — ухудшение экономического, социального и правового статуса крестьян, особенно в Юго-Западной и Центральной Германии. Развитие раннекапиталистических отношений сужало сферу действия традиционной экономики, а это, в свою очередь, отражалось на доходах сеньоров и крестьян. Пытаясь компенсировать свои «имущественные потери», феодалы шли на повсеместное нарушение средневековых традиций, постоянно повышали ренту и вводили новые повинности, захватывали общинные угодья. Усилилось вмешательство сеньоров и в частную жизнь крестьянства. Все это стало предпосылками общественного взрыва.

Источники зафиксировали в сознании крестьян ожидание беды. Во многих немецких землях тогда часто вспоминали пророчество: «Кто в двадцать третьем году не умрет, в двадцать четвертом не утонет, а в двадцать пятом не будет убит, тот скажет, что с ним произошло чудо». На росте социальной напряженности и динамике крестьянских выступлений отразились и резкое повышение цен, неурожаи, периодические голодовки.

Крестьянской войне предшествовали многочисленные выступления крестьян и горожан в конце XV — начале XVI в.[1], которые можно рассматривать как важную предпосылку событий 1524–1525 гг. В ходе этих выступлений обосновывалось право крестьян на борьбу против господ, шло организационное оформление сил, готовых пойти на мятеж.

Развернувшаяся в Германии в первой половине 20-х гг. XVI в. Реформация породила в обществе, особенно в его низах, надежды на быстрое и существенное улучшение жизни. В такой ситуации попытка М. Лютера и князей свести Реформацию только к церковным и политическим реформам не могла удовлетворить значительные слои общества и вызвала многочисленные «интерпретации» Реформации с определенной долей социальных требований.

Особенностью Крестьянской войны в Германии было широкое участие в ней горожан. Общественная структура немецких городов была довольно сложной, что объясняет различие социальных целей городских жителей. Низы города, как и крестьянская беднота, были настроены довольно радикально, неслучайно в их среде были популярны уравнительные настроения. Бюргерство в целом тяготело к мирным, но не менее грандиозным преобразованиям, особенно в экономической и политической сферах. Однако реформируя в пределах подконтрольных им территорий церковь, выдвигая различные программы общественного переустройства, вступая в контакты с крестьянством, часть бюргерства вольно или невольно оказалась в лагере тех, кто взялся за оружие.

---

[1] Только в первые десятилетия XVI столетия Германия пережила несколько крупных крестьянских и городских выступлений: заговор «Башмака» в Эльзасе, Брейсгау, Шварцвальде (1502, 1513), бунт в Вюртемберге (1514) против податей, волнения на Верхнем Рейне (1517), городские волнения в Эрфурте (1509), Швебиш Халле (1511), Нордхаузене, Шпейере, Ульме (1512), Аахене, Брауншвейге, Гёттингене, Кёльне, Нёрдлинге, Регенсбурге, Вормсе (1513) и т. д.

Ход войны и ее программные документы

Крестьянская война, которую современники образно назовут «потопом», началась в Южном Шварцвальде и в Верхней Швабии. Здесь летом–осенью 1524 г. крестьяне предъявили своим господам несколько «постатейных» жалоб, в которых содержались требования ограничения господского гнета. В конце 1524 г. в Верхней Швабии появилась и первая программа Крестьянской войны — «Статейное письмо». В программе предлагалось для «освобождения» «простого бедного человека» от тягот духовных и светских господ создать «христианское объединение», не прибегая к кровопролитию. К тем же, кто отказывался примкнуть к «объединению», применялось «светское отлучение» — своеобразный бойкот, когда всем людям вменяется в обязанность «не иметь и не поддерживать никакого общения с отлученными». Авторы «Статейного письма» стремились к воплощению в жизнь идеальной общинной модели (крестьянской), основанной на исполнении заповедей Христа о братской любви.

В марте 1525 г. в Верхней Швабии, близ городов Ульма, Кемптена, Меммингена, образовались крупные отряды крестьян. Руководители этих отрядов в своем большинстве, придерживались мирной тактики, добиваясь лишь смягчения феодального гнета и отмены личной зависимости. Активизировали свою деятельность и крестьянские ландштанды. Под Фрайбургом на ландштандах избирались должностные лица («капитаны», «прапорщики», «фельдфебели»), которым подчинялись все способные носить оружие крестьяне.

В начале марта 1525 г. три главных отряда Верхней Швабии создали в городе Меммингене «Христианское объединение» и заключили перемирие со Швабским союзом. Именно тогда руководители этих отрядов составили самую известную программу Крестьянской войны — ***«12 статей»***. Во вступительной части и в тексте самой программы подчеркиваются сугубо мирные намерения крестьян, их стремление «жить согласно с Евангелием», которое давало образцы истинно христианской жизни. В первой же статье крестьяне высказываются в пользу выбора общиной священника, который должен проповедовать «одну лишь истинную веру». Требуя отмены «малой десятины», авторы признавали обоснованность «большой десятины» при условии использования ее на нужды общины и содержание выборного священника, настаивали на отмене личной зависимости и «посмертного побора», на возвращении крестьянам общинных угодий, уменьшении многочисленных поборов и барщины (при со-

хранении этих повинностей в принципе). Вместе с тем подчеркивалась готовность покоряться «всякой власти, поставленной от Бога».

«12 статей» получили большое распространение среди крестьян (были напечатаны за время Крестьянской войны 25 раз) и стали подлинно народной программой. Несмотря на постоянную апелляцию к авторитету Евангелия, «12 статей» зафиксировали в большей степени материальную трактовку крестьянством Реформации. В связи с этим, видимо, можно говорить об особом типе народной Реформации, которая понималась как стремление к материальному и социальному благополучию. С точки зрения крестьянского сознания XVI в. данную программу нельзя назвать умеренной. В пределах крестьянской системы ценностей предполагалось существенное изменение социального режима: вместо личной зависимости от господ личная свобода, снижение и нормирование ренты, справедливый суд, укрепление автономии общины и т. д.

Восставшие крестьяне рассматривали наличие земельного имущества у церкви как противоречащее «Божьему праву», поэтому в конце марта 1525 г. в Верхней Швабии они захватили ряд монастырей и начали требовать раздела монастырского имущества. В ответ войска Швабского союза, руководимые трухзесом (стольником) Георгом фон Вальдбургом, нарушили перемирие с восставшими крестьянами и напали на них. Георг фон Вальдбург, встретивший ожесточенное сопротивление в некоторых районах (прежде всего, в горных), был вынужден перейти к позиционной войне. Его спасла, однако, несогласованность действий крестьянских отрядов: некоторые из них вновь пошли на переговоры и заключение перемирия («Вейнгартенский договор» Георга фон Вальдбурга с крупнейшим отрядом крестьян в 12 тыс. человек). В итоге к концу апреля 1525 г. основные силы верхнешвабских крестьян были разбиты, после чего трухзес получил возможность направить свои войска во Франконию и Тюрингию.

Здесь события Крестьянской войны отличались более тесным контактом крестьян с горожанами. При отсутствии крупных городов более заметную роль в движении играло среднее бюргерство (предпринимательские элементы, страдавшие от притеснений феодалов, и обедневшие мастера и торговцы, выступавшие на стороне крестьян более решительно). Во Франконии было многочисленное рыцарство, из среды которого вышли лидеры крестьянских отрядов, например, Ф. Гейер — руководитель так называемого «Черного отряда» и Гец фон Берлихинген — известный как «Железная рука».

Радикально настроенные горожане г. Хейльбронна установили связи с крестьянским отрядом, действовавшим под предводительством крестьянина Якоба Рорбаха, решительно подавлявшего сопротивление франконских господ. После объединения «Светлого отряда» Рорбаха с «Черным отрядом» Гейера наметилось преобладание в руководстве движения представителей бюргерства (Гейер и Рорбах были отстранены от управления). Начальник канцелярии объединенного крестьянского отряда Вендель Гиплер, видный деятель бюргерской оппозиции, разработал проект, известный под названием «Хейльброннская программа».

«Хейльброннская программа» отразила концепцию бюргерско-буржуазной и отчасти рыцарской Реформации, охватывающей не только духовную, но и политическую, и экономическую сферы. Концепция новой церкви развивала идеи общинной Реформации. Предполагалось ликвидировать все структуры католической церкви (иерархия, монастыри, ордена и т. д.). Духовные лица исключались из всех политических органов. Община могла избирать и смещать священника, который должен был, как Христос, показывать пример праведной жизни. Община же содержала его, контролировала расход средств на бедных. Среди политических требований превалирует идея государственного единства и гарантии его сохранения (создание имперского правительства и судебной палаты с преобладающим представительством от горожан, превращение князей, графов и рыцарства в зависящих от императора чиновников империи). В сфере экономики предлагалось обеспечение свободы торговли, ликвидация внутренних таможен и пошлин, введение единого налога на поддержание торговой инфраструктуры, унификация монетной системы, ликвидация крупных купеческих компаний и ограничение их капитала до 10 тыс. гульденов и т. д.

Крестьянским чаяниям было уделено меньшее внимание: допускались отмена личной зависимости и малой десятины, свобода охоты и рыбной ловли, возможность выкупа крестьянских повинностей путем единовременной уплаты ежегодного взноса в 20-кратном размере. Последний пункт мог удовлетворить только самых богатых крестьян. В целом же эта программа, предусматривавшая ряд важнейших преобразований буржуазного характера и государственную централизацию, являлась прогрессивным для своего времени, но фактически нереализуемым документом.

Поражение крестьянских войск под Беблингеном 12 мая 1525 г. оказалось решающим для судеб Крестьянской войны во Франконии.

Центр крестьянского движения переместился в Тюрингию. Здесь наряду с крестьянами в движении участвовала значительная часть городского плебейства. Во главе тюрингских повстанцев встал Мюнцер, которому удалось захватить власть в имперском городе Мюльгаузене. Однако в сражении при Франкенхаузене, 15 мая 1525 г., крестьянская армия, возглавляемая Мюнцером, была полностью разгромлена. В итоге к лету 1525 г. главные районы Крестьянской войны в западной части Германии были усмирены. Дольше всего держались крестьянские отряды во владениях архиепископа Зальцбургского. Их вождь Михаэль Гайсмайер нанес ряд поражений ландскнехтам архиепископа и войскам князей, пришедших на выручку архиепископу. Окруженный превосходящими силами княжеских войск, Гайсмайер вынужден был отступить на территорию Венецианской республики, где был убит.

Характер и итоги Крестьянской войны

Крестьянская война была довольно многоплановым явлением. Поэтому при определении ее характера нельзя исходить из общей оценки для всех участвовавших в ней социальных групп. Самыми массовыми ее участниками были крестьяне[1]. Большинство из них, насколько позволяют судить программные документы и прежде всего «12 статей», тяготели к традиционным средневековым ценностям. Участие в войне для таких крестьян было актом борьбы за восстановление «идеальной модели» аграрного мира, существовавшего в прошлом (характерна апелляция к «старине», «обычаю», которые должны были соблюдать феодалы), за относительное жизненное благополучие, а не за полное изменение социального порядка. Отсюда стремление к компромиссам и заключению договоренностей с господами.

Важно указать на еще один момент: восставшие крестьяне целиком и полностью оставались в рамках традиционно-феодальной политической культуры, которая не оставляла исторического шанса и не знала прецедента (по крайней мере, в Западной Европе) реализации крестьянских требований в таком масштабе, в каком они были оформлены в программах и растворены в сознании масс. С этой точки зрения Крестьянская война для значительной части крестьян была не политической борьбой, а протестом против всех форм не-

[1] Число активных участников Крестьянской войны оценивается в 200 тыс. человек.

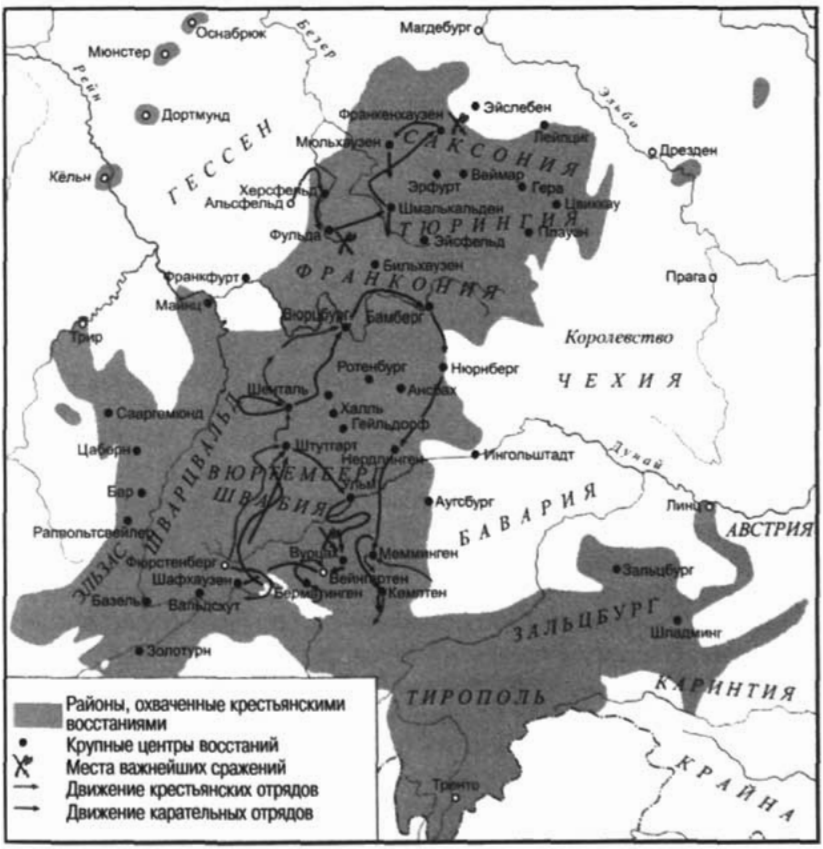
справедливости вообще, и эта борьба в традиционной общественной структуре не могла быть рационально осмыслена и по большому счету рационально организована. Само крестьянское население было шокировано Крестьянской войной в не меньшей степени, чем знать.

Однако реформационный дух эпохи наложил свой отпечаток и на мышление крестьян. Особенно ясно он виден в постоянной апелляции к Евангелию как юридической основе крестьянских требований (народная концепция «Божьего права») и в готовности крестьян участвовать в секуляризации церковных земель. Традиционное и для средневековых крестьян требование личной свободы, теперь получило библейское обоснование. Радикальная народная трактовка Реформации могла подразумевать полное отрицание важнейших феодальных привилегий, утверждение общинных прав на лесо- и землепользование. В такой среде мистическое учение Томаса Мюнцера нашло твердую опору. Реформационные идеи в крестьянской трактовке и являлись тем самым религиозно-идеологическим обоснованием «мятежа», которое обеспечило его многочисленность и территориальный размах движения. Это в какой-то мере позволяет сопоставить Крестьянскую войну со средневековыми крестьянскими выступлениями, где важную роль играла еретическая мысль.

Но налицо и ряд важных отличий Крестьянской войны от средневековых восстаний. Многие выходцы из крестьянской среды, особенно лидеры движения, «доросли» до зрелого осознания не только крестьянских, но и общенациональных политических требований. В условиях начавшейся в середине 1520-х гг. княжеской Реформации право выборности и смещения священника общиной, отстаиваемое в «12 статьях», распределения самими крестьянами средств «большой десятины», по существу, стало требованием политическим. Можно также отметить высокий уровень самоорганизации некоторых крестьянских отрядов («Черный отряд» Гейера).

Немаловажен в связи с этим и вопрос, почему Крестьянская война была локализована в основном в районах Швабии, Франконии, Тюрингии, Саксонии и австрийских землях. Вероятнее всего, это вызвано тем, что начавшиеся здесь процессы модернизации очень негативно сказались на положении крестьянства. Пытаясь приспособиться к новой экономической ситуации, феодалы резко увеличивали объемы повинностей. Сами же крестьяне вынуждены были менять специализацию, устанавливать связи с рынком для реализации продукции, изыскивать средства для удовлетворения как растущих повинностей, так и своей семьи. В этих условиях традиционный

замкнутый микромир аграрного населения явно переживал кризис. Поэтому крестьянство и выдвигало в качестве идеала возвращение к общественным нормам средневекового прошлого (общинность, совместное пользование угодьями, уплата ренты по обычаю и др.). Говорить в таком случае о «революционности» крестьянства не приходится.



Крестьянская война в Германии 1524–1526 гг.

Показательно, что Крестьянская война мало затронула северогерманские земли, Центральную и Южную Баварию, а также территории к востоку от Эльбы. В определенной степени это свидетель-

ствует о том, что социальные проблемы не стояли в этих областях Германии так остро, а влияние Реформации на аграрное население не было таким значительным. Так, в среднем течении Рейна и Нижней Германии, где крестьянство раньше и интенсивнее вынуждено было включаться в рыночные связи, а экономическая власть сеньоров адаптировалась посредниками-арендаторами или вытеснялась купцами-скупщиками, лозунги Крестьянской войны не получили распространения.

В землях к востоку от Эльбы, где рыночные импульсы еще во второй половине XV в. способствовали началу переориентации феодального хозяйства на заграничную торговлю аграрной продукцией, социальные последствия этих изменений не были еще такими существенными (в начале XVI в. барщина не превышала нескольких дней в году). В остэльбских землях преобладали крепкие крестьянские хозяйства, а само крестьянство выступало как носитель традиционных ценностей. К тому же полиэтничный состав крестьянства и слабость общинных связей не способствовали их консолидации для защиты своих прав, как это было в Юго-Западной Германии. Сдерживала крестьян и сплоченность феодалов, сила их репрессивного аппарата, обусловленные многовековой экспансией в восточноевропейские земли. В Центральной и особенно Южной Баварии, которую и в более позднее время называли «крестьянской страной», процессы социальной дифференциации были замедленны, эффективно функционировали общинные структуры, защищавшие интересы крестьянства. По меркам Европы XVI в. хозяйства баварских крестьян можно назвать «богатыми». Реформационные идеи с трудом проникали здесь в крестьянскую среду.

Наличие в Германии крупных регионов, не затронутых событиями 1524–1525 гг., позволяет отказаться от утвердившейся еще в советской историографии концепции фундаментальных последствий Крестьянской войны для дальнейшего развития всех германских земель. В таком контексте вернее будет фиксировать их в пределах тех регионов, где были очаги крестьянских выступлений.

Крестьянская война имела тяжелые материальные и социальные последствия для аграрного населения Юго-Западной и Центральной Германии. В первую очередь надо отметить гибель значительного числа социально активных людей. Жертвами войны стали около 70–80 тыс. участников движения. Карательные акции продолжались на протяжении всего 1525 г. Крестьяне, участвовавшие в войне, не только подвергались штрафу в размере от 6 до 10 гульденов с каждо-

го очага, но и уплачивали компенсации за разрушение замков и монастырей. В некоторых регионах росло налогообложение со стороны территориальной власти, в большей части деревень прекратился созыв общинных собраний. Вместо принятых при участии крестьян общинных уставов вводились «господские установления». Опасаясь новых восстаний, феодалы Шварцвальда потребовали, чтобы крестьяне уничтожили церковные колокольни, снесли башни и заборы вокруг деревень.

С другой стороны, имелись и позитивные моменты. В Юго-Западной Германии было остановлено наступление феодальной реакции и распространение лично-наследственной зависимости крестьян. Требования крестьян, изложенные в «12 статьях», здесь были фактически выполнены. Крестьяне в Южной и Центральной Германии получили большую свободу в распоряжении землей. В Швабии и Вюртемберге укрепились ландштанды. Локальная сплоченность крестьян в Германии к западу от Эльбы до некоторой степени препятствовала усилению их эксплуатации местными феодалами.

Несколько иначе обстоит дело с городским населением, позиция которого в годы войны была крайне неоднозначна. Особой противоречивостью своих действий отличалось бюргерство. В целом оно выступало за Реформацию и требовало претворения в жизнь целого комплекса экономических и политических мероприятий, реализация которых, вне всякого сомнения, должна была способствовать развитию раннекапиталистических отношений. В этом смысле мы найдем в городских движениях середины 20-х гг. XVI в. и элементы «раннебуржуазной» революционности. Однако при этом надо помнить, что стремления бюргерства к централизации власти и обеспечению нормального функционирования внутренней торговли нельзя рассматривать как сугубо «буржуазные», ибо борьба с сеньорами (их таможенной и пошлинной политикой) и взаимодействие с королевской властью были актуальны и для средневековой эпохи.

Различалась позиция отдельных групп бюргерства и в отношении крестьянских выступлений. Если некоторые представители радикального бюргерства Франконии и Тюрингии могли идти на сотрудничество с крестьянами и даже выдвигать общие требования, то численно преобладавшее умеренное бюргерство, отчасти удовлетворенное реформационными изменениями, не могло встать на сторону крестьян-мятежников из-за существенных различий интересов и целей. В частности, непопулярными в городской среде были крестьянские призывы к установлению «Божьего права». Бюргерство

не нуждалось в особом обосновании личной свободы, которая и так гарантировалась ему в силу принадлежности к городской коммуне. Что же касается антифеодальных крестьянских требований, то они были чужды горожанам, которые сами порой участвовали в эксплуатации жителей сельской округи. Участие городов в подавлении крестьянских мятежей можно рассматривать как стремление к поддержанию авторитета власти и восстановлению государственного порядка. Это было оправдано и экономическими соображениями, ибо война наносила непосредственный урон интересам бюргерства и вела к разрыву торговых связей.

Неоднозначны и последствия Крестьянской войны для бюргерства. С одной стороны, остались неудовлетворенными их требования об имперских реформах. С другой — проведение общинной Реформации в городах, вызванная этим более адекватная городским интересам политика магистратов, снятие в ряде случаев корпоративных запретов и, наконец, укрепление территориальной власти, стремившейся к введению налогового и правового единообразия в пределах своей компетенции, стимулировали процессы модернизации и развитие региональных рыночных структур.

Оценивая в целом характер Крестьянской войны, необходимо отметить, что это был грандиозный социальный конфликт переходного типа с преобладающими средневековыми чертами, но в котором, в контексте Реформации, присутствовали элементы, характерные для раннебуржуазных революций.

Теологическое оформление лютеранства. Политическая консолидация немецких протестантов

Развитие Реформации во второй половине 1520-х гг. не могло не беспокоить императора Карла V, стремившегося к восстановлению авторитета католической церкви в Германии. В 1529 г. на Шпейерском рейхстаге Карл V вновь потребовал строгого соблюдения Вормского эдикта. Католики победили большинством голосов. В ответ сторонники Реформации (5 князей и 14 городов) составили «Протестацию», заявляя, что решение Шпейерского рейхстага 1526 г., принятое единогласно, не может быть отменено. С этого времени сторонников Реформации стали называть протестантами.

На Аугсбургском рейхстаге 1530 г. была предпринята попытка согласовать конфессиональные доктрины и добиться церковного единства католиков и протестантов. Это потребовало от Лютера

и его последователей четкого формулирования общих принципов лютеранского протестантизма. Заслуга в систематизации основ лютеранства принадлежит ближайшему сподвижнику М. Лютера ***Филиппу Меланхтону*** (1497–1560). Лютеранскую догматику, а также ее принципиальные отличия от католицизма и учения Цвингли Ф. Меланхтон систематически изложил в «Аугсбургском вероисповедании». Католики дали свой ответ — "Confutatio", в котором потребовали отмены результатов секуляризации, угрожали объявить всех препятствующих восстановлению позиций старой церкви нарушителями земского мира. Такие требования были неприемлемы для протестантов. Переговоры провалились.

Учитывая, что Меланхтон стремился к компромиссу с католиками, изложение лютеранского вероучения в «Аугсбургском исповедании» было сглаженным, а расхождения с католической церковной практикой объяснялись стремлением возродить нормы раннехристианской церкви. Главное значение придавалось практической части вероисповедания. Упразднялась пышность католических обрядов, церковь очищалась от «языческого» поклонения мощам, иконам, ликвидировались различные культы святых, отрицались посты, обеты, монашество. Вместо торжественной католической мессы вводилась простая литургия, в которой большую часть занимала проповедь (нравоучительная речь). Служба должна вестись на немецком языке. Евангелический священник — пастор — в проповеди обращался к пастве с актуальными для нее проблемами, сопровождая наставления примерами из жизни Христа. «Аугсбургское исповедание» закрепило догмат о двух таинствах — крещении и причастии. Новую «дешевую» лютеранскую церковь возглавлял князь, осуществлявший контроль не только за священниками, расходованием средств, но и за образованием.

Угроза насильственной рекатолизации со стороны Габсбургов в начале 30-х гг. XVI в. была достаточно реальной, поэтому в 1531 г. в Шмалькальдене протестантские князья (курфюрст Саксонский Иоганн Фридрих Великодушный, ландграф Гессенский Филипп I, князья Люнебурга, Анхальта и Мансфельда) и города (Магдебург, Бремен, Страсбург, Ульм, Констанц и др.) создали Шмалькальденский оборонительный союз. Карл V, учитывая неблагоприятную для Габсбургов обстановку в Германии и за ее пределами, в 1532 г. пошел на заключение Нюрнбергского религиозного мира, по которому формально признал существование Шмалькальденского союза и тем самым санкционировал протестантизм.

Во второй половине 30-х — начале 40-х гг. XVI в. произошло политическое усиление протестантского союза. Была создана военная организация. Протестанты вступили в переговоры с Англией и Францией, заключили союз с Данией (1538). Реформация была проведена в целом ряде крупных и влиятельных княжеств (Бранденбург и герцогство Саксония). Однако это имело и негативные последствия. Среди протестантских князей резко обострилось соперничество, что особенно скажется в годы Шмалькальденской войны.

Шмалькальденская война. Аугсбургский религиозный мир

В 1546 г. Карл V, заключив мир с Францией (1544) и перемирие с Османской империей (1545), решил разгромить евангелическое движение в Германии. Началу военных действий предшествовали тайные переговоры, в ходе которых императору удалось внести раскол в лагерь протестантов и заручиться поддержкой курфюрста Иоахима II Бранденбургского и герцога Морица Саксонского. Карл V получил подкрепление из Нидерландов и Рима, за счет чего приобрел военный перевес. В самый разгар боевых действий, в конце 1546 г., герцог Мориц Саксонский нанес удар в тыл протестантской армии и занял земли курфюршества Саксонского. Протестанты, вынужденные отступать на север, уступили войскам императора ряд городов и княжеств Южной Германии. В апреле 1547 г. в битве при Мюльберге (Саксония) армия Шмалькальденского союза была полностью разгромлена объединенными войсками императора и саксонского герцога. Курфюрст Саксонский Иоганн Фридрих Великодушный попал в плен. 19 мая 1547 г. последовала так называемая Виттенбергская капитуляция. Иоганн Фридрих отказался от курфюршества в пользу герцога Морица. Вслед за этим сдался и глава Шмалькальденского союза гессенский ландграф Филипп I. Протестантский союз был распущен.

На Аугсбургском рейхстаге 1548 г. протестантским князьям был навязан религиозный договор о так называемом «интериме» (временный религиозный компромисс), по которому на территории протестантских княжеств вводился реформированный католицизм. Интерим предусматривал временное разрешение брака для протестантского духовенства, причащение под обоими видами, признание секуляризации церковных владений и т. д. Договор о религиозном компромиссе вызвал, с одной стороны, недовольство папы и епископата, с другой — ожесточенное сопротивление протестантов,

особенно в городских общинах. Были изгнаны несколько сот протестантских священников, отвергнувших интерим. Запрет на публичную критику интерима повсеместно нарушался, протестантские проповедники проводили литургию на улице.

Постепенно складывались благоприятные условия для сторонников протестантизма. Большинство лютеранских и цвинглианских общин смогли пережить имперскую политику интерима. В 1551 г. против Габсбургов одновременно развернули военные действия Франция и Османская империя. Наконец, Мориц Саксонский, удовлетворенный приобретением курфюршества, решил тайно вступить в союз с протестантскими князьями. К союзу присоединилась и Франция, армия которой должна была занять Лотарингию. В 1552 г. Мориц Саксонский возглавил мятеж протестантских князей против императора. Католические войска были быстро сокрушены, протестанты вторглись в Тироль и чуть не захватили императора. Карлу V летом 1552 г. пришлось подписать Нассауский договор с новым лидером протестантов — Морицем Саксонским, который отменял Аугсбургский религиозный компромисс и признавал лютеранство. Франция получила епископства Мец, Тул и Верден в Лотарингии. Вопрос об окончательном урегулировании религиозных разногласий был отложен до рейхстага.

В 1555 г. на рейхстаге в Аугсбурге был подписан религиозный мир между Карлом V и протестантскими князьями. Он подтвердил завоевания лютеран в Германии, признал лютеранство официальным вероисповеданием (в тексте договора стояло: «...исповедующих Аугсбургскую формулу веры 1530 г. и конфессионально родственных им членов»[1]) наряду с католицизмом. Вне рамок соглашения оставались цвинглианцы, анабаптисты и кальвинисты. Непосредственные подданные империи (князья, министериалы, имперские и вольные города) получили право свободного определения вероисповедания. На основе этих положений в 1576 г. юристом Иоахимом Стефани был сформулирован принцип «чья власть, того и вера». В соответствии с ним князья получили право определять религию своих подданных. Такого же права добились имперские и вольные города. В имперских городах со смешанным католическим и лютеранским населением вводился принцип паритета, т. е. равенства в отправлении культов.

[1] В данном случае подразумевались и сторонники Ф. Меланхтона, который в 1540 г. опубликовал «измененную» формулу Аугсбургского вероисповедания, сблизившись по некоторым позициям с кальвинистами.

За католиками оставались духовные общины, не распущенные до 1552 г. Причем если какой-либо из католических иерархов решался перейти в лютеранство, его владения и сама община оставались в ведении католической церкви (так называемая «духовная оговорка»). Признавались все секуляризации церковного имущества, произведенные до 1552 г. Были амнистированы все подданные империи, подвергшиеся наказанию за свои религиозные убеждения. Формально провозглашалось и право подданных, не желавших принимать веру своего господина, на эмиграцию.

В глазах подавляющего большинства представителей имперских сословий мир 1555 г. означал восстановление социального порядка, нарушенного Реформацией, умиротворение империи и ее сохранение как политического объединения. Была признана автономия лютеранской церкви в вопросах догматики и административной организации, а тем самым погашен главный очаг реформационного кризиса. Впервые в истории христианской Европы был найден правовой механизм, регулировавший сосуществование нескольких конфессий в структурах одного территориального организма. Однако Аугсбургский мир закрепил раздел Германии не только по территориальному, но и по религиозному принципу. Одержав крупные идеологические победы, Реформация в то же время содействовала дальнейшей политической раздробленности Германии и укреплению княжеской власти. Победа протестантов означала крушение надежд императора Карла V на создание «всемирной христианской державы» (в 1556 г. он отрекся от престола в пользу своего брата Фердинанда I Габсбурга) и ослабление императорской власти.

4. Германия во второй трети XVI — начале XVII в.

Контрреформация и конфессионализация

Религиозная жизнь Германии середины XVI — начала XVII вв. характеризуется динамичными изменениями конфессиональных границ, распространением новой (кальвинизма) и дальнейшим оформлением уже существовавших конфессий, политическими преследованиями религиозных оппонентов, миграциями, вызреванием противоречий, которые привели к новому столкновению протестантов и католиков в годы Тридцатилетней войны. Два

взаимосвязанных, порой неразделимых процесса определяли судьбу религиозного вопроса в этот период. С одной стороны — контрреформация, инициированная решениями Тридентского собора и осуществлявшаяся католическими князьями Германии, с другой — конфессионализация: оформление символов веры, обрядности и структуры протестантских и реформированной католической церквей, а также установление четких границ, в пределах которых официально господствовало только одно вероисповедание.

Под ***Контрреформацией*** в Европе понимается обновление католической церкви посредством внутренних реформ с целью вернуть доверие людей и борьба с протестантизмом с использованием всех форм — от убеждения до политического давления и религиозного террора. Термин «Контрреформация», носивший в отечественной историографии почти исключительно негативный оттенок (феодально-католическая реакция), германские историки второй половины XX в. (Йозеф Лорц, Хуберт Йедин, Эрнст Вальтер Цееден, Хайнц Шиллинг и др.) наполняли совершенно иным содержанием. В частности, Й. Лорц и Х. Йедин предложили различать два процесса: Контрреформацию и католическую реформу. Выдвигались концепции «католической Реформации» и «католической модернизации». Так или иначе, акцентировалось внимание на позитивных изменениях, на связи реформ с оформлением новой структуры управления в каждом из католических княжеств. В конечном итоге стало ясно, что *разделить понятия «Контрреформация» и «конфессионализация» в истории Германии содержательно не представляется возможным*, ибо реализация контрреформационных мер в католической части Германии интенсифицировала процесс конфессионализации. Неслучайно, что в современных германских исследованиях эти два термина рассматриваются как тождественные, а Контрреформация для германских земель середины XVI — начала XVII в. определяется немецким историком Э. В. Цееденом как «католическая конфессионализация».

Меры, которые следует рассматривать как начальный этап конфессионализации, начали осуществляться еще во второй половине 20-х — 30-е гг. XVI в. Происходила частичная секуляризация церковного имущества, сокращались некоторые налоговые, финансовые и правовые привилегии духовенства, расширялось влияние государства в местных церковных делах. В Германии папские мандаты позволяли католическим князьям, наряду с жесткой политикой рекатолизации, устанавливать контроль за деятельностью церковных учреждений. В Баварии под нажимом князей церкви и монастыри

вернулись к католицизму. Государственные комиссии и комиссары строго контролировали публичную церковную деятельность, преподавание церковных дисциплин, книгоиздательское дело. Надо отметить, что процессы рекатолизации в Германии стали не только следствием мер, принимаемых папой и князьями. Рекатолизация происходила и на уровне обыденного сознания. Разочарованные в реформационных, прежде всего общественных идеалах, люди возвращались в лоно католической церкви (особенно много таковых было среди крестьян после Крестьянской войны).

Тридентский собор, проходивший в три этапа с 1545 по 1563 г., осудил и отверг те положения протестантизма, которые противоречили католицизму. Подтверждалось, что Священное предание должно почитаться наравне со Священным Писанием, сохранялось в неприкосновенности большинство церковных обрядов, ритуалов и норм. Инквизиция ввела контроль за изданием книг, их продажей, в 1559 г. был распространен Индекс запрещенных книг, включавший сочинения реформаторов, и книги, не соответствовавшие католическому пониманию благочестия, в том числе и отдельные произведения гуманистов.

Постановления Тридентского собора положили начало реформам католической церкви. Реформы преследовали цели повышения ее авторитета и влияния в обществе. Собор принял решение о реформе управления духовенством, которая предусматривала усиление епископского надзора за клиром, реорганизацию соборных капитулов, монашеских орденов, устанавливались санкции против злоупотреблений и распущенности духовенства. В каждой епархии учреждались семинарии для пестования молодых священников и повышения образовательного уровня католического духовенства, представители которого слишком часто проигрывали в теологических спорах с протестантскими проповедниками. Упорядочивалось управление церковным имуществом, воспрещались торговля духовными должностями и вымогательства, отменялась практика торговли индульгенциями. Вводилось единообразие в католическую литургию, исправлялись богослужебные книги и обряды.

Проведя реформы, римско-католическая церковь с середины XVI в. взяла курс на повсеместную реставрацию католицизма. В Германии католическая церковь опиралась на различные социальные группы: в верхненемецких княжествах — на княжеские администрации, в рейнских землях — на влиятельные силы в среде горожан. Сторонники католицизма вели широкую письменную и устную про-

паганду среди населения, возобновляли, где оказывалось возможным, отправление богослужения и обрядов римской церкви. Реформированная католическая церковь, опираясь на букву Аугсбургского религиозного мира о праве государя определять вероисповедание подданных, добивалась восстановления католицизма в полном объеме. Во второй половине XVI в. в Германии активно развернул свою деятельность орден иезуитов. Довольно скоро им удалось утвердиться в католических землях, особенно в Баварии. Представительства ордена появились также в Кёльне, Трире, Диллингене, Майнце, Браунсберге, Мюнхене. Одним из главных оплотов католицизма в Германии стал университет Ингольштадта, попавший под влияние иезуитов в начале 1550-х годов. Со вступлением на императорский престол в 1576 г. *Рудольфа II* (1552–1612) католики могли рассчитывать и на поддержку императорской власти.

Тем не менее успехи реформированной католической церкви в Германии были гораздо скромнее, чем в Южной Европе. Католицизм, укрепившись на юге Германии, так и не смог вернуть в лоно единой церкви большинство князей и их подданных на севере страны. Более того, в последней трети XVI в. протестантизм завоевывает новых сторонников в германских землях. Особенно впечатляющим было распространение кальвинизма. В то время как ортодоксальное лютеранство тратило силы в теологических дискуссиях, кальвинизм предложил подлинное развитие реформационной мысли и энергичное воплощал новые идеи на практике.

Основателем кальвинизма был француз *Жан Кальвин* (1509–1564). Его главный труд «Наставление в христианской вере» прошел через несколько редакций (окончательный вариант 1559 г.) и отразил определенную эволюцию взглядов Кальвина. Центральным звеном кальвинизма стало учение о Божественном предопределении. Лютер оставил без убедительного ответа вопрос: как проверить, искренне ли верит человек в Бога? Кроме добросовестного исполнения человеком моральных норм, предписываемых лютеранством, гарантий искренности веры не было. Именно эту проблему смог решить Кальвин. Он утверждал, что Бог еще до сотворения мира предначертал каждому человеку его участь: одним — погибель, другим — спасение. Изменить судьбу человек не в силах, никакие заслуги не принимаются в расчет — ни добрые дела, ни искренняя вера. Человек вследствие первородного греха испорчен, лишь по милости Господней ему даруется вера в Бога. Такое понимание человека должно было бы порождать фатализм, но Кальвин теологически обосновывает ис-

ключительную активность личности. Человек не знает, что ему предписано свыше, и узнать это доподлинно не может, но Бог время от времени подает знак, верно ли человек исполняет свое «призвание» и что его ожидает в загробной жизни. Таким знаком является успех или неудача человека во всех жизненных начинаниях. Если человек счастлив в браке, имеет детей, здоров, удачлив в профессиональной деятельности, то это и является намеком свыше на то, что ему суждено спасение. Так как успех не приходит сам собой, человек должен всеми силами его добиваться. Кальвин теологически обосновал религиозно-нравственные стимулы энергичной деятельности индивида, что оказало влияние на развитие духа предпринимательства ранней буржуазии и более рационального восприятия жизни: именно трудом достигается успех.

В своем политическом учении Кальвин, подобно Лютеру и Цвингли, рассматривал государство как установление Бога, но подчеркивал и обязанности правителей в служении обществу и даже отстаивал право общины на сопротивление тирании. Кальвинизм отличали строжайший надзор за поведением и образом мыслей граждан, систематические инспекции частных жилищ, суровые наказания за преступления против нравов и веры, нетерпимость к инакомыслящим. Важное значение для Реформации имела новая организация церкви с весомой ролью собрания пасторов (конгрегации) и пресвитерианских консисторий, ведавших делами нравственно-религиозного назидания.

Попытка Кальвина лично распространять свое учение в Германии в 1539–1541 гг. не имела успеха. Однако к 60-м гг. XVI в. кальвинизм превратился в значимую религиозную силу. Носителями кальвинистских убеждений в Германии были мигранты из Голландии, Испанских Нидерландов и предпринимательско-бюргерские круги крупных немецких городов. Тесная взаимосвязь между кальвинистской этикой и раннекапиталистическим сознанием показывает, что в городах западногерманских земель укрепился довольно широкий слой буржуазии.

Решающую роль в утверждении учения Кальвина в Германии играла княжеская власть. С точки зрения прирейнских князей, кальвинизм обладал некоторыми преимуществами перед лютеранством. Он позволял установить контроль за подданными, в том числе и за их повседневной жизнью. Кальвинистское предопределение стимулировало экономическое развитие княжеств, что вело к росту доходов правителей. Распространившийся в Швейцарии, Франции,

Англии, Голландии, Восточной Европе кальвинизм давал прочную основу для международной защиты протестантского движения от посягательств императора и папства. Кроме того, он служил интересам мелких княжеств, оберегая их от экспансии со стороны более крупных, делал их независимыми от влияния лютеранских и католических курфюрстов. В связи с успехами кальвинизма в Германии немецким историком Х. Шиллингом введено понятие «вторая Реформация», которая характеризуется германскими исследователями как княжеская.

Таким образом, во второй половине XVI в. в Германии сосуществовали и противоборствовали три конфессии: католическая, лютеранская и кальвинистская (немецкая реформатская церковь, которую следует отличать от лютеранской). Несмотря на общие черты, конфессионализация имела в рамках каждой из названных церквей свои особенности.

Конфессионализация лютеранской (евангелической) церкви

В середине XVI в. среди лютеранских богословов произошел раскол. Поводом послужило желание Ф. Меланхтона достичь компромисса сначала с католиками, затем с кальвинистами. В одном из самых сложных вопросов — толковании евхаристии — Меланхтон склонялся в пользу кальвинистской трактовки. Это и вызвало против него и его последователей оппозицию ортодоксальных лютеран, центром которой стал Йенский университет. В 70-е гг. XVI в. были предприняты попытки прекратить распри и выработать «формулу согласия» — единые исповедальные символы. Однако «формула согласия» (конкордия) 1577 г. получила признание только в курфюршествах Саксония, Бранденбург, в 20 герцогствах, 24 графствах, 35 имперских городах. Церковные власти Гессена, Анхальта, Померании, Нюрнберга отказались к ней присоединиться. В итоге достичь полного единообразия культа так и не удалось. Во второй половине XVI — начале XVII в. преобладала насильственная конфессионализация. Саксонский курфюрст присоединил епископства Мейсен, Наумбург и Мерзебург; курфюрст Бранденбургский — епископства Бранденбург, Гавельберг и Лебус, Хальберштадт и архиепископство Магдебург. Население этих территорий принуждалось к принятию лютеранства.

Управление лютеранской церкви, как правило, возглавлялось князем и имело сложную многоуровневую структуру. За правителем

закреплялось право верховного надзора. Непосредственное управление осуществлялось через Верховную консисторию и консистории. Их члены контролировали финансовые расходы, подготовку пасторов и учителей. Главным церковным законодательным органом был Генеральный Синод. Важная функция принадлежала интендантам (генеральный интендант, специальные интенданты), осуществлявшим регулярные инспекции приходов, руководство приходскими выборами. В систему церковных учреждений были включены школы, гимназии и университеты. Выполнение духовной миссии возлагалось на пасторов. Протестантский пастор обладал солидной теологической и гуманистической подготовкой и опирался на поддержку светских властей, не останавливавшихся перед мелочной регламентацией всех сторон жизни подданных и превративших библейские десять заповедей в государственный закон. В результате доведения катехизиса до сознания каждого прихожанина, распространения элементарного обучения, крестьянское и городское население Германии получило больше сведений религиозного содержания и ближе узнало евангельское учение. Результаты христианской образованности в сельской местности были скромнее, так как крестьянство подчас проявляло религиозный консерватизм.

При всех нюансах протестантизм установил новое понимание религии как непосредственной связи между верующим и Христом. Было пересмотрено отношение к труду, который отныне рассматривали как религиозно-этическую ценность и призвание. Запрещались и преследовались многие элементы народной культуры, отменялись праздники. В практике проповеди подчеркивались важность и ценность семейной жизни, взаимные обязанности родителей и детей. Перед семьей была поставлена задача воспитания послушных подданных.

Конфессионализация немецкой реформатской (кальвинистской) церкви

Первым из князей-лютеран, перешедшим на сторону кальвинизма в Германии в 1561–1563 гг., был курфюрст пфальцский Фридрих III. По его поручению в 1563 г. был составлен Гейдельбергский катехизис, который вскоре был признан всеми немецкими кальвинистами. Кальвинистская конфессионализация на протяжении 1570-х гг. охватила в основном мелкие владения: Лимбург, Нассау-Дилленбург, Текленбург, Реда, а также имперский город Бремен. Сын и наследник Фридриха III ***Людвиг VI*** (1539–1583) был фанатично

предан лютеранству, но после его смерти регент Иоганн Казимир при малолетнем курфюрсте Фридрихе IV вернул Пфальц к кальвинизму и даже пытался примирить все протестантские учения. Поддержал Иоганна в попытках достичь компромисса между лютеранами и кальвинистами ландграф Гессен-Кассельский Мориц. Однако, потерпев неудачу, он в 1604 г. перешел в реформатскую церковь.

Противоборство кальвинистов и лютеран усилилось после выработки последними «формулы согласия». Лютеране, видя в реформатской церкви серьезного соперника, высказывались в том духе, «что лучше паписты, чем кальвинисты». Тем не менее кальвинизм одерживал новые победы. Кальвинистскую конфессионализацию провели мелкие графства Вестфалии и нижнерейнского региона, большое значение имел переход в кальвинизм Анхальта (1589–1596) и курфюршества Бранденбург (1614).

Представление об общих принципах организации реформатской церкви дает пример курфюршества Пфальц. Как и в лютеранской Саксонии, курфюрст возглавлял церковное управление, осуществляя верховный надзор за нижестоящими органами, финансовыми расходами. Центральное место в руководстве церковными учреждениями было отведено церковному совету. В его распоряжении был институт инспекторов для визитаций всех нижестоящих подразделений. Посредническую роль выполнял конвент, представители которого инспектировали приходы и в случае необходимости подавали апелляции. Также церковный совет назначал священников и учителей в приходы. Совет пресвитеров участвовал в выборах пресвитеров и сборщиков подаяний в каждом приходе. Отлаженный механизм церковного управления, по мнению германских историков, оказал влияние на развитие государственного аппарата и княжеского абсолютизма.

В кальвинистских княжествах секуляризация имела наиболее законченный вид. Церковное имущество укрепило материальную базу княжеской власти, использовалось для содержания чиновников, армии, школ. В полной мере реализовало себя в данных регионах иконоборческое движение. Огромное влияние на паству кальвинисткой церкви строилось на полном подчинении личности верующего. Аскетический кодекс нравственности и жесткая морализация семейно-брачных отношений способствовали сокращению внебрачных связей, внебрачных рождений. Кальвинисты наиболее последовательно вели борьбу с магией, культами святых и другими проявлениями народной культуры. Они настаивали на безусловном следовании Биб-

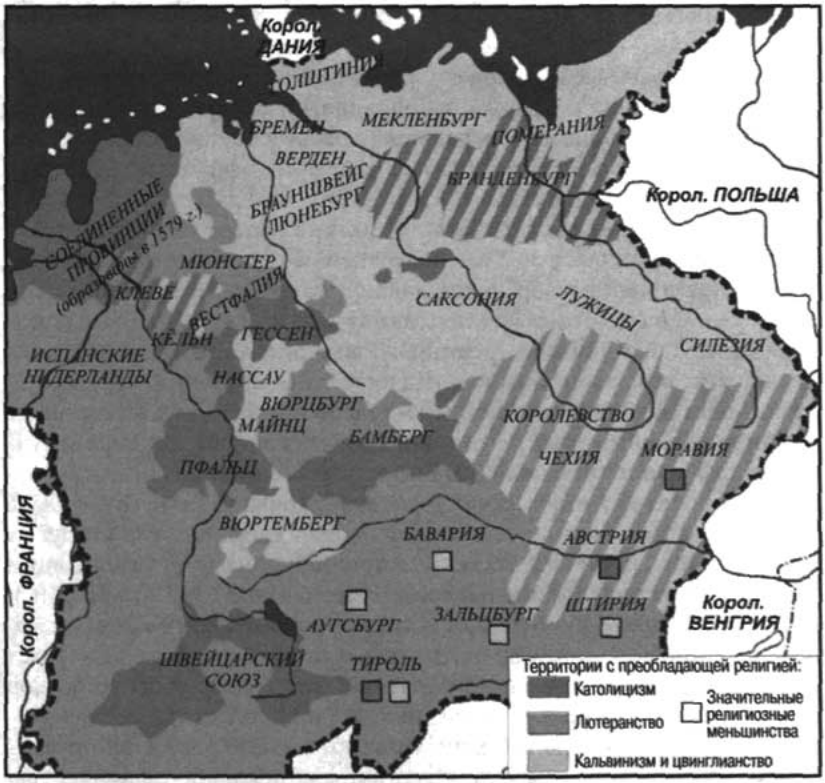
лии. Христианско-просветительская деятельность кальвинистской церкви (наряду с лютеранской и реформированной католической) позволила французскому историку Ж. Делюмо высказать мысль о том, что «подлинная» христианизация была осуществлена только в конце XVI — XVII в. Борясь с суевериями, протестантская церковь стала накладывать ограничения и даже запрещать праздники. Наряду с культом труда в кальвинистской этике это послужило одной из причин отмены всех праздников, кроме воскресных дней.

Кальвинистская конфессионализация имела свои особенности. Главной формой ее утверждения стала княжеская Реформация. Распространение кальвинизма почти повсеместно происходило на бывших лютеранских территориях. Социальный базис реформатской церкви был узок в большинстве территорий Германии. В ряде регионов кальвинизм встречал яростный отпор лютеранского населения, что вынуждало княжескую власть искать компромисс с лютеранскими общинами. В Бранденбурге в 1614 г. после объявления о принятии кальвинизма Иоганном Сигизмундом вспыхнуло восстание в Берлине. Князь был вынужден торжественно обещать ландтагу не навязывать реформатскую доктрину. В результате в Бранденбурге утвердилась биконфессиональная форма: князь и его окружение были кальвинистами, а подавляющая часть населения сохранила верность лютеранству.

Католическая конфессионализация

Реформы католической церкви дали несомненный эффект. Сократились и были упорядочены выплаты в пользу церкви. Большая часть сборов оставалась в приходе, верующие могли видеть, на что тратились средства. Появляется новый тип приходского священника, уровнем жизни и образованием, равно как и манерой поведения, резко выделявшегося из своего сельского окружения. Католицизм перестал ассоциироваться с образом малограмотного и невежественного священника. Создание широкой сети образовательных учреждений, в том числе и иезуитских, внимание к качеству образования позволили католической администрации найти немало новых сторонников и распространить католическую догматику.

Католическая формула коллективного спасения более соответствовала ценностным ориентирам традиционного крестьянства, чем протестантский догмат о спасении индивидуальном. Поэтому католический культ имел прочную основу именно в деревне. До мирян доносилась формула исповедания католической веры посредством



Конфессиональные границы в Священной Римской империи германской нации накануне Тридцатилетней войны

каждодневной просветительской работы священников, утвержденная Тридентским собором. Сохранение культа святых оставило своеобразную нишу для сельского политеизма. Однако и обновленная католическая церковь ограничивала народные праздники.

Церковное управление в католических регионах Германии отличалось гораздо большим единообразием, чем в протестантских княжествах, но все же имело существенные региональные отличия. Каждый католический диоцез (округ) возглавлял епископ, избираемый соборным капитулом. Типичная модель предполагала сосредоточение в руках епископа важнейших функций управления и контроля. Он осуществлял непосредственное управление, посвящал в священ-

ники, назначал церковных чиновников, контролировал их. Заместители епископа — вайхбишоф, генеральный викарий и оффициал курировали отдельные направления. Вайхбишоф был заместителем по линии визитации и поддержания обрядов, он курировал монастыри, священников и общины. Генеральный викарий осуществлял замещение епископа по всей административной части, оффициал отправлял церковный суд и суд чести.

Архидьякон непосредственно контролировал священников и прихожан и осуществлял все повседневные судебные дела, визитацию и служебный надзор. Архидьяконат также надзирал за работой капитула. Община выступала подконтрольной сразу четырем инстанциям: вайхбишофу, оффициалу, викарию и архидьякону, хотя реальными возможностям для надзора обладал именно архидьяконат. Дублирование функций должно было обеспечить всестороннее влияние на религиозный быт мирян. Капитул в такой жесткой структуре управления утрачивал самостоятельное значение.

В католических княжествах Германии огромная роль отводилась политическому подавлению лютеранства, кальвинизма и других протестантских течений. Активными проводниками рекатолизации в Германии стали герцоги Баварии. В середине XVI в. *Альбрехт V* (1530–1579) повел решительную борьбу с протестантизмом в своих владениях, в скором времени сумев подчинить находившуюся в оппозиции земельную аристократию и изгнать всех сторонников новых учений. Как опекун наследника Альбрехт V осуществил католическую реставрацию в Баденском герцогстве. В 1583 г. он предотвратил Реформацию и секуляризацию кёльнского курфюршества, которую был намерен провести архиепископ Кёльна. Восстановление и укрепление римской церкви в этом городе предопределило победу рекатолизации в соседних духовных княжествах — Падерборне, Оснабрюке и Мюнстере. По образцу Кёльна католическую реставрацию, сопровождавшуюся гонениями на протестантов, предприняли епископы Вюрцбурга, Бамберга, Аугсбурга, Регенсбурга, Зальцбурга, а также курфюрсты-архиепископы Майнца и Трира.

Конфессионализация проходила в германских землях в сложной социально-политической обстановке. В отличие от аналогичных процессов в Англии или скандинавских странах, в Германии отсутствовал единый религиозный центр, конфессионализация осложнялась противоборством католиков и протестантов, идейными столкновениями в протестантском лагере, односторонней позицией императорской власти, вмешательством других государств. Агрессивная

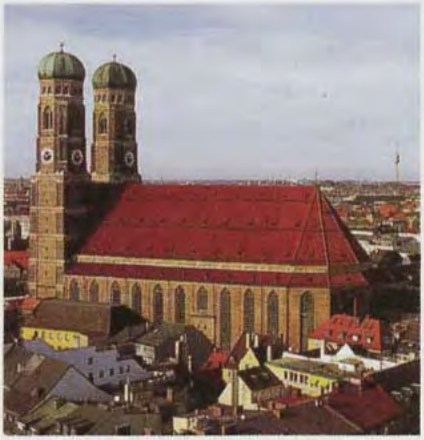
Спас. Миниатюра. Рейхенау. Ок. 980 г.

Домский собор
в Кёльне. 1248–1880 гг.

Церковь св. Марии
(Мариенкирхе).
Любек. Ок. 1270–1350

Фридрих I Барбаросса
и его сыновья (Генрих и Фридрих)
в Третьем крестовом походе

Германская средневековая
миниатюра. Ок. 1330 г.



Фрауэнкирхе – один из самых
известных символов Мюнхена.
1468–1525 гг.

Альбрехт Дюрер (1471–1528).
Алтарь Паумгартнеров. Ок. 1500–1504 гг.

Ганс Гольбейн Старший
(1465–1524).
Мученичество
св. Себастьяна.
Алтарь св. Себастьяна,
средняя часть. 1516 г.

Вертингер Ганс (прозванный Шваб).
(1456/1470–1533). Сельский праздник.
Между 1525–1530 гг.

Альбрехт Альдорфер (1480–1538).
Битва при Иссе. 1529 г.

Лукас Кранах Младший.
Проповедь Иоанна Крестителя. 1549 г.

Л. Кранах Старший. Женский портрет. 1526 г.

Л. Кранах Старший. Портрет принцессы Сибиллы Клевской в наряде невесты. 1526 г.

Л. Кранах Старший. Саломея. Ок. 1530 г.

Л. Кранах Младший. Портрет Анны фон Минквиц. 1543 г.

Л. Кранах Младший. Портрет маркграфини Ансбах-Байректской. Ок. 1579 г.

Альбрехт Дюрер. Портрет жены. 1507 г.

Л. Кранах Старший. Портрет Анны Куспиниан. Ок. 1503 г.

Л. Кранах Старший. Портрет жены юриста. Ок. 1503 г.

Николос Нейшатель. Портрет молодой женщины. 1561 г.

Швабский художник начала XVI в. Портрет Бенгины Минзингерин, жены Михаэля Фиклера

Раздел цветной вставки «Женские головные уборы XVI в.».
Знать (верхний ряд портретов). **Бюргеры** (нижний ряд портретов)

Театинеркирхе. Мюнхена.
1663–1770 гг.

Потсдам.
Дворец Сан-Суси. 1745–1762 гг.
Архитектор Г. В. фон Кнобельсдорф

Потсдам. Ансамбль Сан-Суси.
Новый дворец. 1763–1769 гг.

Потсдам. Ансамбль Сан-Суси.
Картинная галерея. 1755–1762 гг.

Потсдам.
Бранденбургские ворота. 1770 г.

Потсдам. Ансамбль Сан-Суси.
Китайский чайный павильон.
1754–1757 гг.

Бранденбургские ворота. Берлин. Построены в 1788–1791 гг.
Карлом Готхардом Лангханс. В 1793 г. Готфрид Шадов увенчал ворота
скульптурой богини Победы на колеснице

Йозеф Карл Штилер (1781–1858).
Баварский король Людвиг I в облачении для коронации. 1826 г.

Фридрих Овербек (1789–1869).
Италия и Германия. 1828 г.

политика рекатолизации католических князей, поддерживаемая императором, папой и испанским королем, а также насильственное утверждение протестантизма явились, в конечном итоге, одними из главных причин Тридцатилетней войны.

Империя и князья после Аугсбургского мира

В условиях конфессионального раскола главной задачей императорской власти было обеспечение прочного «земского мира», что было невозможно без эффективного функционирования имперских и сословных институтов. Однако ***Фердинанду I Габсбургу*** (1503–1564), ставшему императором в 1556 г., удалось законсервировать положение в империи на условиях Аугсбургского мира 1555 г. Стабилизирующую роль сыграли, в первую очередь, имперские структуры, в рамках которых обсуждались все актуальные, в том числе и религиозные вопросы. На рейхстаге в Регенсбурге в 1557 г. лютеранские князья попытались добиться отмены принятой в Аугсбурге «духовной оговорки»[1]. Фердинанд, блокируясь с католической партией, не позволил внести изменения в принятые статьи религиозного мира, и дело ограничилось лишь протестами лютеранских лидеров. В дальнейшем Фердинанд неоднократно использовал тактику постоянных консультаций с лидерами протестантских и католических групп, что позволило поддерживать стабильность в империи. Имперские сословия при этом регулярно вотировали средства на борьбу с турками.

Его сын ***Максимилиан II*** (1527–1576), избранный императором в 1564 г., в целом продолжил политику отца. Достижение компромиссов с протестантами ему давалось даже легче, вследствие личных симпатий императора к лютеранству. В своих политических решениях Максимилиан опирался на мнение рейхстага как высшего сословного форума. Ему также удалось повысить авторитет имперского камерального суда, ставшего после 1555 г. главным судебным органом по конфликтам на религиозной почве. Однако реальные возможности императорской власти были по-прежнему сильно ограничены.

[1] В соответствии с «духовной оговоркой» Аугсбургского религиозного мира за католической церковью оставались те владения, церковные главы которых решили перейти в лютеранство. На место переходившего в лютеранство служителя католической церкви монастырский или соборный капитул избирал нового прелата, что означало сохранение всей общины в лоне католицизма.

Так, Максимилиан II на Шпейерском рейхстаге в 1570 г. получил отказ на предложение о реорганизации военно-административных структур империи. Император, полагавший, что практика вербовки наемников в Германии и их военная служба за рубежом истощает военные ресурсы империи, хотел организовать общеимперские контингенты, комплектовавшиеся на основе территориально-окружной системы под эгидой местных имперских чинов. Однако члены рейхстага посчитали, что реформа потребует слишком больших финансовых расходов.

В вопросах религиозной политики Максимилиану удавалось весьма эффективно сдерживать требование лютеранских князей о полной свободе религиозного вероисповедания. Император удачно манипулировал фактором кальвинизма, так как введение кальвинистского вероисповедания в Пфальце в 1563 г. пугало лютеранских богословов новым расколом. Одновременно с этим Максимилиан пошел на компромисс с протестантами в своих наследственных землях, разрешив отправление евангелического культа дворянам в Верхней и Нижней Австрии.

Ведущим имперским учреждением оставался рейхстаг. Совместно с императором рейхстаг сыграл важную роль в стабилизации отношений в рамках империи. Для второй половины XVI в. были характерны частые созывы рейхстага, эффективность работы которого, в первую очередь, заключалась в нахождении компромиссов по рассматриваемым вопросам. Так было, во всяком случае, до конца XVI в., пока религиозное противоборство князей в правление императора Рудольфа II не парализовало работу имперских учреждений.

Во второй половине XVI в. произошли существенные изменения в раскладе сил в рейхстаге. В результате Реформации резко усилились позиции княжеских фракций: коллегии курфюрстов, княжеской и графской курий. К концу XVI в. оформилась и отдельная фракция имперского рыцарства. В этой ситуации мнение городов все реже учитывалось при решении ключевых проблем. Во-первых, статьи Аугсбургского мира давали свободу действий князьям и имперским рыцарям, поскольку в имперских городах зачастую закреплялся паритет между конфессиями. Во-вторых, представители городов в отличие от князей, порой самостоятельно определявших вероисповедание своих подданных, вынуждены были оглядываться на мнение всех конфессиональных партий. В-третьих, происходило усиление олигархического начала в рейхстаге, так как императору,

стремившемуся найти компромисс между католиками и протестантами, в первую очередь приходилось добиваться согласия ведущих князей империи (курфюрста Саксонии, курфюрста Пфальца, герцога Баварии).

Параллельно с рейхстагом на основе статей Аугсбургского мира был создан еще один орган сословного представительства — съезд имперских депутатов. Он предполагался как более мобильный и эффективный орган контроля за соблюдением мира в империи. На заседаниях съезда, как правило, велись предварительные переговоры по вопросам, которые затем обсуждались на рейхстаге. В частности, рассматривались проекты имперской монетной реформы, имперского уложения о поддержании порядка, реформы и визитации камерального суда и др. В состав съезда входило 16–20 членов, представлявших все имперские округа, но реально большинство голосов было за имперскими князьями, что «превращало съезды в настоящие ассамблеи княжеской олигархии» и вело к дальнейшему укреплению прерогатив княжеской власти.

Третьим по важности общеимперским органом являлся имперский камеральный суд, заседавший в Шпейере. Согласно положениям Аугсбургского мира, он превращался в главную судебную инстанцию империи при спорах и исках представителей католической и лютеранской конфессий. Суд основывал свою деятельность на юридическом подходе, что позволяло достигать решений на сугубо правовой основе в тех случаях, когда истец и ответчик принадлежали к разным вероисповеданиям. Организация судопроизводства и процедура принятия решений основывалась на принципах равенства (сенат камерального суда состоял наполовину из католиков, наполовину из лютеран). Авторитет суда был довольно высок. Так, за период его работы с 1559 по 1589 г. было опротестовано только семь приговоров.

Продолжали функционировать и другие имперские институты (визитационная комиссия, имперские округа и имперские окружные съезды, имперские надворные и тайные советы). В целом же до конца XVI в. структуры империи были устойчивы и осуществляли свою деятельность на условиях конфессионального и политического согласия. Однако при этом нельзя переоценивать степень централизации империи. Ее стабильность была результатом не только эффективной деятельности имперских учреждений, но и активно осуществляемой князьями, при попустительстве императора, политики по укреплению собственной власти. К тому же усиление централизации

в княжествах и концентрация основных ресурсов в руках князей вызвали обострение религиозных противоречий между католиками и протестантами на рубеже XVI–XVII вв. Агрессивная политика князей в отношении своих религиозных оппонентов, однозначность решений императора в пользу католиков, складывание союзов на конфессиональной основе подорвали авторитет имперских структур в начале XVII в. и привели к их параличу. Поэтому решающее значение для политического развития германских земель играли процессы, происходившие на уровне княжеств.

Процесс территоризации и начало становления княжеского абсолютизма

В середине и второй половине XVI в. продолжается процесс территоризации, который сыграл ведущую роль в становлении княжеского абсолютизма. Он включал в себя создание территориального единства и концентрацию всех видов власти в руках князя, утверждение его суверенного права решать вопросы войны и мира, распространение на всей территории его права высшей юрисдикции. Князья «округляли» свои территории посредством скупки мелких сеньорий, наступали на владельческие права, ограничивали юрисдикцию различных светских и духовных феодалов, мелких имперских чинов, городскую автономию, стремясь превратить население подвластной территории в однородный слой подданных, обязанных государству выплатой налогов и службами. Для увеличения территории княжеств использовались и династические браки. Так, браки между членами семей бранденбургского курфюрста Иоахима III Фридриха и прусского герцога Альбрехта Фридриха привели в 1618 г. к присоединению Пруссии к Бранденбургу.

Территоризация проходила рука об руку с конфессионализацией. Князья, используя как повод религиозные конфликты, захватывали новые территории и устанавливали политический и церковный контроль над ними. Наиболее масштабные аннексии осуществили баварские герцоги и бранденбургские курфюрсты. Реформация в целом укрепляла позиции княжеской власти и способствовала складыванию новых форм государственности. В протестантских землях постепенно утверждается новая концепция всеобщего подданства: светский князь становился и духовным главой подданных. Кроме того, секуляризация расширила финансовые возможности княжеской власти.

Длительный процесс превращения сословий в княжеских подданных в XVI в. еще был далек от своего завершения. Сохранялись

многочисленные элементы средневековой государственности: неразделенность в большинстве княжеств дворцового и территориального управления, земской и княжеской казны. Сохранялось ленное рыцарское войско, государственные налоги переплетались с традиционными формами феодальных поборов и повинностей (строительство укреплений, извоз, обеспечение войска продовольствием и т. п.). В курфюршестве Трирском мелким имперским чинам удалось сохранить статус имперского подчинения. Право освобождения своих владений от княжеских налогов отстояла знать в Бранденбурге.

XVI–XVII вв. — время становления княжеского абсолютизма в Германии. Он был обусловлен процессами модернизации, затронувшими и сферу политики. Социально-экономические и религиозные изменения сделали неэффективной средневековую систему управления. Феодальное рыцарство уже не могло играть роль опоры княжеской власти. Вассально-ленные связи разрушались, унося за собой в прошлое и старые принципы управления. Традиционные виды ренты не удовлетворяли увеличивавшиеся запросы князей. Слабость императорской власти и Реформация позволяли князьям с оглядкой на мнение сословных органов идти по пути «наращивания» собственных привилегий.

Таким образом, изменившаяся ситуация требовала от князей использования новых инструментов власти. Князь вынужден был учитывать влияние экономически и социально активных предпринимательско-бюргерских слоев и в какой-то мере опираться на них. Их сравнительное финансовое благополучие и упадок рыцарства заставляли князей отказываться от ориентированных только на запросы феодалов действий. Учитывая, что в княжеских доходах немалое место занимали поступления от промышленности и торговли, князья шли на проведение политики меркантилизма. Под воздействием сословных изменений укреплялась идея подданства, всеобщей зависимости от княжеской власти. Реформация, давшая в руки князя инструменты церковного влияния, закрепляла эту зависимость в духовной форме.

Новая организация центральной власти базировалась на упорядоченной системе финансов, налогов, на новом аппарате управления. Создавались институты административного контроля, армия, полицейский аппарат и уголовное право. Компетенция органов сословного управления ограничивалась, постепенно они подчинялись и включались в состав административно-территориальных бюрократических институтов. Особенно выраженным это развитие было в крупных территориальных княжествах: Саксонии, Баварии, Бран-

денбурге. В XVI в. намечается постепенное разделение компетенции и функций между территориальным управлением и княжеским двором. В Саксонии в 1548 г. из княжеской придворной курии выделилось земское правительство во главе с канцлером. Аналогичный процесс наблюдался в Баварии.

Необходимость регулярного сбора налогов, осуществления административных и судебных функций требовали создания специализированного аппарата чиновников. Высокая деловая квалификация бюргерско-патрицианского элемента уже с середины XVI в. вела к тому, что выходцы из крупнейших торгово-предпринимательских фамилий возобладали в сфере дворцового и территориально-административного управления. Аристократия сохраняла в своих руках высшие должности в финансовом, судебном и административном ведомствах. Престижные и прибыльные должности в княжеском управлении занимали выходцы из мелкого и обедневшего дворянства, стремившегося получить юридическое образование в университете.

Центральные органы государственного управления, как правило, включали тайный совет, состоявший из аристократических сановников и чиновничьей верхушки (высший орган государственной власти), кабинет и канцелярию во главе с канцлером (административная власть), специальное финансовое ведомство двора и земли (отвечавшее за налоги и пошлины), аппарат секретарей, дворцовый суд, военный совет. В протестантских княжествах специальные учреждения управляли церковными делами. Княжества делились на судебно-административные области («ландфогтства» — в Бранденбурге, «должностные округа» — в Баварии и Саксонии); управление ими осуществлялось также с помощью чиновничьего аппарата — амтманов, фогтов и др. Княжества имели свои столицы (место постоянного пребывания центрального аппарата управления): Берлин — в Бранденбургско-Прусском курфюршестве, Дрезден — в Саксонском курфюршестве, Гейдельберг — у Пфальцских курфюрстов. Слабой стороной княжеского абсолютизма оставалось почти повсеместное отсутствие регулярных армий. В некоторых княжествах (Гессен, Нассау, Брауншвейг) в конце XVI в. создавались военно-административные округа и отряды самообороны из добровольцев (дефензии). Однако основные военные силы к началу Тридцатилетней войны чаще всего состояли из небольших, но профессиональных наемных подразделений. Лишь экономически сильные герцогства могли позволить себе содержать постоянные армии, комплектовавшиеся обычно из крестьян, как это было в Баварии.

Наиболее характерным развитие абсолютизма было в самых крупных и могущественных территориальных владениях — Габсбургов, Гогенцоллернов, Виттельсбахов. Раньше других оформился княжеский абсолютизм в Баварии. Опорой его были постоянное войско, сильный бюрократический аппарат и католическая церковь, владевшая здесь половиной земель. Своей политикой меркантилизма князья в той или иной степени способствовали развитию экономики и культуры немецких земель. Однако их централизаторская политика в рамках собственных княжеств препятствовала национально-политическому сплочению Германии.

Экономическое развитие

Негативные для германского хозяйства последствия Крестьянской войны, политических и религиозных конфликтов 30–50-х гг. XVI в. не изменили в целом вектор развития экономики Германии. Росла численность населения, увеличивались объемы производства, до конца XVI в. достаточно высоки были темпы его переориентации на рыночные потребности. Но модернизация германской экономики имела известные пределы. Это обусловливалось сохранением феодальных институтов и традиционных экономических структур, падением роли средиземноморской торговли, вытеснением немецкого купечества представителями английского и нидерландского торгового капитала и т. д. Сдерживали развитие раннекапиталистической промышленности и низкие доходы населения.

В середине XVI в. не утратили свое значение факторы, стимулировавшие экономику германских земель на рубеже XV–XVI вв. В связи с увеличением числа городских жителей и ростом потребностей бюргерства существенно повысилась роль местных рынков. Наблюдался устойчивый рост спроса как на товары широкого употребления, так и на продукцию, предназначенную в основном для элитных групп населения. На характер торговых связей стал оказывать влияние государственный заказ. Несмотря на сокращение экономического влияния североитальянских городов, Германия сохранила свою транзитную роль в поставках товаров с Востока и из Южной Европы. Дефицит сельскохозяйственной продукции в Северо-Западной Европе по-прежнему давал большие возможности для развития экспортного аграрного производства. Динамика цен на продукцию сельского хозяйства и объемы ее перевозок позволяют говорить о том, что европейский рынок зерна продолжал расти вплоть до 30-х гг. XVII в.

Необходимость увеличения объемов выпускаемой продукции вела к совершенствованию технических средств. Ветряные мельницы с середины XVI в. стали применяться для механизации особо трудоемких процессов: измельчения и толчения руды, в кузнечных и прокатных операциях, для шлифовки, бурения, обработки кож и валки сукон. Со второй половины XVI в. в употребление входят токарный станок и технологии отливки винтов из латуни. Печатный винтовой пресс, впервые использованный около 1550 г. в Нюрнберге, существенно повышал качество оттиска и производительность печатного станка. С середины XVI в. получил распространение новый метод денежной чеканки в Аугсбурге. В шахтах по добыче серебра и меди часто стали употреблять откачивающие воду помпы, стали использоваться двигавшиеся по деревянным рельсам вагонетки для доставки руды.

Возросло значение технической информации и средств передачи опыта, прежде всего, через книги. Больше всего изданий было посвящено горному делу, металлургии, металлообработке, механизмам. Передовым в техническом отношении было шелкоделие, носившее с первых шагов экспортный характер и связанное с купеческим предпринимательским капиталом. Потребность в роскоши стала мощным стимулом развития этой отрасли. В XVI в. шелкоделие утверждается в Кёльне, Регенсбурге, расцвело производство пряжи с серебряной и золотой нитью (Вуппсрталь, Нюрнберг).

В течение всего XVI — начала XVII в. происходила бурная капитализация текстильной отрасли. Купеческие капиталы с успехом преобразовывали старые экономические структуры, прежде всего цеховые, и создавали новые, раннекапиталистические. Например, в Урахе (Вюртемберг) в 1600 г. компания торговцев холстом, скупая по заниженным ценам продукцию местных ткачей, подчинила себе все производство полотна, включая и его отбелку. Широкое распространение получили «коллективные договоры» цехов с купцами о поставках сырья, красителей, полуфабриката. Такие договоры часто вели к образованию слоя мастеров, постоянно работавших на купца-поставщика. На основе раздаточной системы с купцом-предпринимателем во главе развиваются «домашние индустрии» в сельской местности. Купец, поставляя необходимое сырье крестьянам-надомникам, обеспечивал сбыт продукции и постепенно подчинял себе все большее количество производителей. Такое было особенно частым в очагах развития нового сукноделия, производства хлопчатобумажных тканей, полотна (деревни вокруг Меммингена, Кёльна,

Нюрнберга). В сельской местности создавались целые районы, где крестьянское население сочетало сельскохозяйственные занятия с работой на скупщика.

В XVI в. шло освоение новых технологий, новых видов сырья и типов тканей, состоявших из льна и хлопка (итальянский «фустан», швабский «бархен») или шерсти и хлопка. Аугсбург и Нюрнберг стали центрами производства новых дорогих сортов тканей — бархата, атласа, парчи. Изготовляли также легкое и дешевое, пользовавшееся массовым спросом, сукно. Главные районы производства льняной пряжи и полотна были расположены в Швабии, Вестфалии, Нижней Саксонии. Основные центры сукноделия находились на Среднем Рейне, в Веттерау, Альтмарке, Лаузице. Поставщиками тяжелых сукон были Верхняя Германия, районы Нижней Баварии, легких и дешевых — области между Средним Рейном и Гессеном. Освоение новых видов производства сопровождалось также возвышением новых центров и областей в противовес прежним. В немецких землях заметный с XVI в. упадок сукноделия на Среднем и Нижнем Рейне, в Вестфалии и Нижней Саксонии, в районе Аахена, Кёльна был уравновешен подъемом новых центров сукноделия в Южной Германии, Эльзасе.

Развивались горнодобывающая промышленность и металлообработка. Возникают предприятия, где кооперировались кузнечное и литейное производства. Самыми значительными центрами обработки меди были Нюрнберг, Аахен, округа Данцига, Гамбург и Любек. На Среднем Рейне и Гарце, в Тюрингии и Саксонии развернулась добыча железа. Чугун и сталь все больше вытесняли медь в одной из главных сфер ее применения — вооружении. Предприятия по отливке орудий из более дешевого чугуна появились в Вестфалии. В производстве железа и металлоизделий Германия сохраняла превосходство над своими конкурентами — Швецией, Испанией, Англией — и в начале XVII в.

Двойственный характер носила деятельность крупных торгово-промышленных компаний. Вкладывая средства в переоборудование рудников или в строительство зейгерных плавилен, представители Фуггеров или Вельзеров выступали как предприниматели. Но основная масса капиталов инвестировалась и приносила прибыль в торговой, посреднической и кредитно-финансовой сферах, инвестиции в промышленность были гораздо скромнее. Это подчеркивает преобладание в раннем капитализме торгового содержания над производственным. Показательна скупка торговыми монополистами

земельных участков. Быстрое удорожание земли в XVI в. делало популярным перепродажу земли, а не ее хозяйственное использование.

Крупные города играли главную роль в хозяйственной жизни и быстро превращались в торгово-промышленные центры нового типа. В течение XVI в. продолжался стремительный рост Аугсбурга, ставшего центром мирового значения. Здесь были самые значительные в Европе банкирские дома, финансировавшие не только крупные торговые операции, но и европейских монархов. В западной части германских земель Франкфурт-на-Майне стал центром общегерманских и международных ярмарок. На востоке в крупный экономический центр вырос Лейпциг. Среди новых форм организации торговли необходимо выделить магазинную и розничную торговлю вразнос, особенно в сельской местности. Развитие этих видов региональной торговли — один из характерных симптомов ее общей переориентации на товары широкого потребления.

Постепенная переориентация европейской торговли на атлантический рынок, изменение характера морской торговли, в которой стали преобладать предметы первой необходимости и сырье, — все это предъявляло новые требования к кораблестроению. Меняется тип судов, увеличиваются их скорость, надежность, грузоподъемность. В судостроении рано утвердился купеческий капитал, получили распространение предпринимательство и рассеянная мануфактура. На верфях Гамбурга, Любека и Данцига — крупнейших в XVI в. на севере Европы — совершенствовалось такелажное и парусное оснащение судов, осваивалась конструкция небольших и маневренных бойеров. Среди германских центров морской торговли по-прежнему ведущая роль принадлежала Ганзе, которую, однако, в последние десятилетия XVI в. на Балтике потеснили английские и голландские торговые компании. Несмотря на постепенный упадок Ганзы как торгового союза, ряд крупных ганзейских городов, имевших прочные континентальные экономические связи (например, Гамбург), переживали подъем.

Развитию сухопутных средств коммуникаций способствовали замена дискового колеса более легким, с металлическими спицами, и изменение системы упряжи, позволявшей теперь перенести нагрузку с шеи животного на его плечи, что увеличивало силу тяги втрое. К организации фрахта обращаются купеческие фирмы, которые обеспечивали, в частности, движение грузов из Северной Италии через альпийские перевалы в Германию и дальше. На большинстве освоенных торговых путей были многочисленные постоялые дворы

с огромным штатом людей, обслуживавших купцов и возчиков товаров.

В практику немецкого купечества внедряются сложившиеся в Италии методы ведения торгового предприятия и организации кредитного дела, прежде всего «двойной бухгалтерии» — разносторонней и всеобъемлющей системы бухгалтерского учета и руководства делом. В течение XVI в. они совершенствовались, появились приходно-расходные, вексельные, процентные книги; развивалась система факторий, контор в ярмарочных центрах не только в своей стране, но и за ее пределами, формы безналичного расчета (вексель). В XVI в. немецкие купцы по образцу антверпенских, практиковали специальные встречи для обмена товарами (первые «товарные биржи»): с 1553 г. — в Кёльне и в Гамбурге, с 1559 г. — во Франкфурте-на-Майне. В Гамбурге (1618) и Нюрнберге (1621) появляются первые банки депозитно-обменного характера.

Сельское хозяйство, за исключением некоторого спада производства в отдельных районах Германии в 40–50-х и 80–90-х гг. XVI в., развивалось в условиях благоприятной конъюнктуры: цены на зерно, технические и огородные культуры, вино, пиво росли вплоть до 1640 г. За 120 лет (XVI — начало XVII в.) цены на рожь увеличились в 3,5 раза. Несмотря на то что рабочий инвентарь и методы агрикультуры не претерпели серьезных изменений в период с 1500 по 1650 г., структура выращиваемых культур существенно изменилась под влиянием потребительских импульсов. Довольно значительным оставался традиционный сектор, включавший неспециализированные и не связанные с рынком крестьянские хозяйства, а также имения феодалов, в которых рента оставалась основным экономическим инструментом. Однако в целом развитие рыночных связей, изменившиеся стандарты жизни, инфляция (1–1,5 % в год) при фиксированной сумме крестьянских платежей постоянно снижали доходы феодалов и вели к внедрению новых форм поземельных отношений.

В восточногерманских землях основной акцент по-прежнему делался на выращивании зерновых. В XVI в. в Мекленбурге, Бранденбурге, Померании, Пруссии сложилась система фольварков — барщинных хозяйств, основанных на труде зависимых крестьян и ориентированных на экспортное производство зерна. При средней урожайности «сам 3–4» преобладали экстенсивные способы ведения хозяйства. Объемы выращиваемой продукции постоянно росли. Только через остзейские города в конце XVI в. ежегодно вывозили около 130 тыс. тонн зерна. Помимо Заэльбья, экспортной торговлей

зерном занимались в Вестфалии, Нижней Саксонии и отдельных районах Вюртемберга, откуда хлеб поставлялся преимущественно в Нидерланды. Кроме того, много зерна и другой сельскохозяйственной продукции сбывалось и в немецкие города. В домениальных хозяйствах Западной и Центральной Германии в основном применялся наемный труд или аренда, а объемы барщины были незначительны. Арендаторами были зажиточные крестьяне или горожане. Полноценному развитию этих хозяйств по капиталистическому пути мешали строгие предписания, которыми регламентировалось, сколько продуктов данное хозяйство должно было поставлять на стол собственника, какой инвентарь должен быть в хозяйстве, как следует содержать жилые и хозяйственные сооружения и т. п.

В западных и юго-восточных частях Германии центральная усадьба сеньора сдавалась в аренду мейеру вместе с правом сбора всех видов ренты и платежей с крестьян. Мейер, таким образом, выступал и как откупщик ренты. Крестьяне вносили ему соответствующую плату и выполняли на арендованной им земле барщинные работы или уплачивали соответствующий выкуп. На юге Нижней Саксонии мейеры обязывались отдавать сеньорам от одной до двух третей урожая, также несли в пользу князя военно-гужевую и строительную повинности, платили налоги. В таких условиях переход к фермерскому хозяйству был затруднен.

Несмотря на преграды, стоявшие на пути капитализма в сельском хозяйстве, в некоторых районах Западной Германии встречались довольно крупные мейерские хозяйства с расширенным производством. В отдельных из них было сосредоточено до 100–150 га арендованной и собственной земли; зерновое производство сочеталось с овцеводством, выращиванием крупного рогатого скота на продажу, мельничным, винодельческим, пивоваренным, извозным промыслом. Опираясь — частично или полностью — на наемный труд, эти хозяйства поставляли на рынок зерно, мясо, молочные продукты, вино, пиво, сырье и т. д. По своему характеру они приближались к капиталистическим.

В течение XVI в. усложняется районная специализация, более прочными становятся надрегиональные хозяйственные связи. В Вестфалии, Нижней Саксонии, Тюрингии, Гессене, Швабии вайда, лен, огородные культуры продолжали теснить зерновые. В Заэльбье наряду с выращиванием зерновых возникают зоны товарного производства льна. Лен из Пруссии и Вестфалии считался лучшим. Крупные промышленные центры стимулировали возделывание огородных

культур и фруктовых деревьев в ущерб зерновым. Стали выращивать вывезенные из Италии спаржу, артишоки, цветную капусту, американскую зеленую фасоль, картофель и т. д. По-прежнему важнейшим продуктом питания широких слоев сельского и городского населения оставались зерновые, прежде всего рожь, ячмень и просо. В целом для Германии в XVI — начале XVII в. характерен рост урожайности, что не исключало локальных и региональных кризисов.

Со второй половины XVI в. откорм скота для боен стал одной из специализаций Бранденбурга. Цены на крупный рогатый скот к 20-м гг. XVII в. поднялись в 5,5 раза по сравнению с началом XVI в. В Кёльне и Гамбурге средняя цена убойного быка равнялись в 1501–1510 гг. 185,78 г серебра, а в 1621–1630 — 937,75 г серебра. Мясная торговля привела к образованию специализированных европейских рынков: Будштадт в Тюрингии, куда перегонялись стада из Поморья и Бранденбурга; Ведель близ Гамбурга, куда поступал скот из Шлезвиг-Гольштейна и Дании. Однако преобладающим было самообеспечение городов и деревни мясной продукцией. Спрос на мясо, молочные продукты и шерсть стимулировал товарное скотоводство, особенно овцеводство вблизи крупных городов в Рейнской области, по Майну, Дунаю, Эльбе.

С XVI в. растет потребление легких алкогольных напитков, что стимулировало выращивание хмеля и ячменя и производство пива. В Германии пиво варилось в домохозяйствах крестьян. В регионах, которые перешли на пивную специализацию (Бавария, Франкония, Саксония), появились профессиональные пивовары. Немецкое пивоварение стало ведущим в Европе. В этот же период началось и товарное производство крепких спиртных напитков. В Северной Германии на основе зернового спирта 33–34 % делали «шнапс». Стали производиться и новые сорта виноградных вин, лучшего качества и более крепкие: майнцские, мозельские, рейнские, верхнедунайские. Свои напитки были в областях фруктового садоводства: в Швабии молодое вино из яблок (апфельмост), в Баварии — из груш (бирненмост), в Хильдесхайме — из вишен.

Таким образом, состояние экономики Германии в середине XVI — начале XVII в. в целом характеризовалось достаточно высокими темпами развития. Особенно динамично многоукладная экономика росла в середине — второй половине XVI в. Определенная стагнация в горнодобывающей и текстильной промышленности была вызвана целым рядом причин: постоянное с 20-х гг. XVI в. снижение цен на серебро и медь вследствие ввоза драгоценных

металлов с американского континента; ограниченные возможности европейского рынка; удорожание рабочей силы, особенно в передовых областях производства; медленные темпы капитализации крупных компаний, господствовавших в горном деле и не заинтересованных в свободной конкуренции. В сокращении объемов производства, особенно в сукноделии Вестфалии и на Среднем Рейне, можно видеть и элементы структурной перестройки: происходила модернизация старых и создание новых производственных линий, поиск рынков сбыта, перекачка денег в другие сферы производства. Стагнация не затронула металлообработку, литейное производство, шелководство, сукноделие в большинстве районов Германии. В сельском хозяйстве наращивались объемы производства. Несомненно, что степень капитализации была намного выше в торговле, ремесле и мануфактурной промышленности. Аграрная же экономика, несмотря на обращенность к рынку, внедрение арендных отношений, использование в отдельных хозяйствах наемного труда и т. д., во многом оставалась переходной. Для ее дальнейшей модернизации требовалось более интенсивное развитие промышленного сектора.

Социальная и демографическая структура германского общества

Германское общество в XVI — начале XVII в. характеризовалось значительной дифференциацией, многокомпонентностью, наличием феодальных и раннекапиталистических элементов, неоднозначной ролью каждой общественной группы, что соответствовало переходному состоянию социума.

На самом верху социальной пирамиды находились князья. В их руках концентрировались основные земельные богатства, доходы от разработки полезных ископаемых, феодальных рент. Мощным финансовым инструментом были налоги, таможенные и пошлинные сборы. Свои позиции продолжала сохранять и часть феодальной аристократии, которая смогла приспособиться к изменившимся экономическим условиям: увеличение поборов с крестьян, сдача своей земли в аренду мейерам, разведение на собственных пастбищах овец и т. д. Другим путем их обогащения стала служба князьям.

Положение средних феодалов и рыцарства существенно различалось в зависимости от региона, объемов и содержания доходов, личных качеств. Наиболее прочными были позиции дворянства в восточногерманских землях. Здесь они имели прибыльное фольварочное хозяйство, находившихся в личной, поземельной и судебной

зависимости крестьян. Но огромные доходы дворянства от реализации зерна не послужили основой для создания капиталов. Социальные стереотипы вели к традиционному расходованию средств: дворяне тратили состояния на «сословные развлечения» (охота, балы, строительство и украшение усадеб и т. д.). Случаи рачительного использования денег были довольно редкими. Переориентировав свои хозяйства на потребности рынка, восточнонемецкие дворяне так и не стали полноценными предпринимателями, ибо в большинстве своем не были организаторами производства, хотя и занимались реализацией продукции. Из феодального сословия выделилась группа маргинальных элементов, включавшая прежде всего разорившихся рыцарей. В то же время многие дворяне шли на службу в офицерский корпус княжеских армий или в гражданский аппарат княжеских администраций.

В составе общественной элиты появились новые группы. В первую очередь это главы крупных торгово-монополистических компаний, разбогатевшие цеховые мастера и владельцы мануфактур. Из их числа в XVI в. шло формирование нового патрициата, причем наблюдался отход от предпринимательской деятельности. Более доходными считались чиновничьи должности, вложения в сеньории и замки, популярны были в патрицианской среде и духовная карьера, образование, особенно получение юридических профессий.

Буржуазно-бюргерская среда также включала несколько страт. Среди них было еще довольно много представителей традиционного бюргерства, таких как цеховые мастера, средние и мелкие торговцы на городских рынках. Они стремились к сохранению цеховых и гильдейских ограничений, ибо последние обеспечивали им преимущества внутри города перед другими производителями. Однако на рубеже XVI–XVII вв. отнюдь не только им принадлежала ведущая экономическая и социальная роль в городе. Различные группы предпринимателей активно осваивали новые сферы производства и торговли. Купцы Аугсбурга, Нюрнберга, Кёльна, Гамбурга, Франкфурта-на-Майне и других городов стали главными инвесторами в производственную сферу Германии. Благодаря им торгово-ростовщический капитал проникал в горное дело, металлообработку, ткачество, кораблестроение, книгопечатание и т. д. Они же расширяли торговую сеть, основывали банки, биржи, поставляли крупные оптовые партии для ярмарок.

Многие представители среднего купечества налаживали раннекапиталистическое производство на базе цехов одного профиля,

организовывали рассеянные мануфактуры за счет раздачи сырья, арендовали землю. В состав этой группы входили и те мастера, которые, уловив рыночную конъюнктуру и нарушая цеховые ограничения, смогли подчинить себе производителей и превратить цех в раннекапиталистическое предприятие. Сюда же можно отнести средних и мелких купцов-пайщиков, а также разбогатевших самостоятельных горноразработчиков. Мелкие предприниматели — купцы-разносчики, не связанные цеховыми ограничениями, осваивали рынки сельской округи.

Параллельно с буржуазией в XV–XVI вв. складывалась разнородная группа городских и сельских наемных работников (предпролетариат). В их составе были как высококвалифицированные работники типографий, так и многочисленные чернорабочие, выполнявшие любые работы, не требовавшие специальной подготовки. К ним примыкали и цеховые подмастерья.

В XVI в., наряду с преподавателями школ и университетов, юристами, деятелями культуры, из числа талантливых мастеров формируется слой людей, овладевших инженерным искусством, особенно в горнорудном производстве. Они относились к числу высокооплачиваемых работников, частично входили в группу предпринимателей. Важная общественная функция принадлежала духовенству. В католических областях духовенство сохранило свою иерархию и существенные социальные различия внутри нее, в лютеранских и кальвинистских княжествах церковные служащие фактически вошли в состав княжеской администрации.

Занятое в аграрном производстве население, составлявшее к началу XVII в. не менее 80 %, предстает как наиболее стратифицированное. В структуре сельского населения наиболее ярко проявился переходный характер германского общества. Самые прочные экономические позиции были у крупных арендаторов и зажиточного крестьянства. Можно выделить несколько типов арендаторов: мейеры, использовавшие в качестве средства получения доходов традиционную ренту; собственно предприниматели-арендаторы (в том числе горожане); крестьяне-арендаторы (испольщики) и субарендаторы. Крестьяне-арендаторы в основном были свободны от повинностей, а часто и от налогов, выплачивая только одну треть урожая. Там, где встречалась испольщина, собственник земли брал на себя часть производственных издержек: предоставление семенного фонда, содержание одной лошади, покупку инвентаря и т. п. Благодаря аренде в Баварии и Саксонии увеличилось число крестьянских хозяйств

с площадью в 20–40 га, что приблизило их по размерам к хозяйствам мейеров Нижней Саксонии и Вестфалии. Крупные крестьянские хозяйства возникли и на прежних церковных землях Гессена, секуляризированных в ходе Реформации.

Численно преобладавшее традиционное крестьянство включало крестьян-собственников, крестьян-барщинников, лично и поземельно зависимых крестьян, сезонных работников, надомников-сукноделов, батраков, промысловиков и т. д. Владельческие права на землю крестьян в западных районах Германии в XVI–XVII вв. оставались весьма прочными. Крестьянину необходимо было лишь своевременно вносить ренту доброкачественными продуктами и полноценными деньгами. Ему разрешалось продавать ее целиком или по частям, закладывать. Условия земельного держания чаще всего, определялись традицией. «Крестьянская модель» с системой общинных связей, господствовавшая на западе и юге Германии, оставалась ведущим структурным элементом традиционного общества, сохранившегося в эпоху раннего Нового времени. Хозяйства значительной части таких крестьян были слишком мелкими и неспециализированными. С традиционных держателей в XVI — начале XVII в., как правило, взимались баналитеты, десятина, платежи за наследование и т. д. В среднем на уплату ренты уходило 30–33 % валового дохода крестьянина. Дополнительно к этому приходилось платить налоги и нести барщину. В западных районах Германии у зависимых крестьян по-прежнему могло быть одновременно несколько господ (поземельный, личный, судебный). В восточногерманских землях каждый феодал чаще всего соединял в своих руках поземельную, личную и судебную власть над крестьянином. Это было использовано для усиления личной зависимости и прикрепления крестьян к земле. В Бранденбурге решением ландтага от 1538 г. крестьянам был запрещен уход с их земель без разрешения господ. В течение всего XVI в. шло увеличение количества барщинных дней. В Мекленбурге еще в середине XVI в. нормой барщины был один день в неделю, к концу этого столетия барщина была повышена до двух дней, а в первые десятилетия XVII в. — до трех дней в неделю. Несмотря на сопротивление крестьян, к середине XVII в. жесткие формы крепостничества в Бранденбурге, Мекленбурге, Померании получили повсеместное законодательное закрепление.

В XVI–XVII вв. неуклонно возрастало число малоземельных и безземельных крестьян. Почти всем им находилось место в аграрном производстве. В Саксонии безземельные крестьяне работали

по найму или трудились в хозяйствах своих родственников. Многие обедневшие крестьяне занимались ремеслом и промыслами, работали на сельских мануфактурах. С XVI в. заметно усиливается влияние княжеской власти на положение крестьян. Заинтересованные в увеличении налогов, а также в людских ресурсах для армии князья запрещали продавать крестьянские наделы дворянам и бюргерам и тем самым объективно сдерживали обезземеливание крестьянства. Соответствующие законы и указы издавались всеми территориальными князьями к западу от Эльбы и были достаточно эффективны.

В самом низу социальной лестницы находились люмпенизированные городские и сельские элементы. Это были и так называемые «домашние бедняки» из числа разорившихся, но не деклассированных еще бюргеров; обитатели приютов и госпиталей; пилигримы, монахи, цеховые ученики, школяры, студенты. В толпу бродяг, просивших подаяние, вливались ландскнехты, а также крестьяне, вырванные из привычного жизненного русла голодом вследствие неурожая, стихийных бедствий или войн.

Соотношение социальных сил в XVII в. наиболее ярко иллюстрирует пример Саксонии. Общее число жителей в середине XVII в. составляло 434 тыс. человек, из них бюргеров — 116 тыс. (26,7 %), прочих горожан — 22 тыс. (5,1 %), крестьян 215 тыс. (49,5 %), крестьян-бедняков — 20 тыс. (4,6 %), прочих деревенских жителей — 55 тыс. (12,6 %), духовных лиц — 3,5 тыс. (0,9 %), дворян 2,4 тыс. (0,6 %). Конечно, региональные отличия могли быть довольно существенными. Если в восточногерманских землях намного выше была доля дворянства и крестьянства, то на юго-западе Германии более многочисленным было городское население. Тем не менее процесс модернизации имел заметные успехи не только в экономической, но и в территориальной структуре населения Германии. Весьма показательным было изменение соотношения городских и сельских жителей: если в начале XVI в. доля городского населения не превышала 10 %, то к первой трети XVII в. в отдельных регионах она уже достигла 30 %.

Таким образом, в XVI — первой половине XVII в. стали подвижными сословные барьеры, выросла социальная мобильность, формировались новые общественные группы, а сложностратифицированное германское общество постепенно становилось типичным переходным социумом эпохи модернизации.

Население Германии к середине XVI в. составило около 14–15 млн человек и его рост продолжился вплоть до 30-х гг. XVII в., когда чис-

ло жителей германских земель достигло 16–17 млн человек. Росла и плотность населения, особенно в районах с ускоренной урбанизацией, например, в герцогстве Вюртемберг в Вестфалии (44 человека на 1 км^2). С учетом миграционных потоков население некоторых городов, таких, например, как Гамбург, выросло в 2 раза. Интенсивные процессы урбанизации вели к перенаселенности городов, что при отсутствии канализации, водопровода, служб по уборке мусора ухудшало условия жизни, вело к болезням и эпидемиям, к превышению смертности над рождаемостью. Поэтому пополнение городского населения осуществлялось за счет миграций из деревни, где санитарные условия были намного лучше.

В период раннего Нового времени завершается окончательное формирование малой семьи. Параллельно с этим изменяется отношение людей к проблеме рождаемости. Рационализация мышления привела к осознанию того, что средства существования ограничены и слишком большая семья вела к большим расходам, особенно на питание, жилье, одежду, образование и т. д. Все это делало желательным небольшую семью. Так возникает планирование семьи и рождаемости. Получает распространение длительная опека родителей над детьми, что особенно было характерно для семей бюргеров.

В XVI–XVII вв. формируется новая модель брака, при которой характерен более поздний возраст вступления в брак. Мужчины нередко вступали в брак после 25 лет, а женщины — в возрасте 20–22 лет и даже в более поздние годы. При этом в различных сословных группах возраст вступления в брак варьировался. Так, например, представители феодальной аристократии вступали в брак достаточно рано (в большинстве случаев — до 20 лет). Исследователи считают, что это было связано со стремлением сохранить сословный и имущественный статус. Различался возраст вступления в брак в сельской и городской среде. Горожане заключали браки гораздо позднее. Надо также учесть, что значительная доля взрослого населения (порой до 20 %) в брак не вступала. В итоге молодые мужчины и женщины могли подолгу пребывать в холостом состоянии. Это вело к увеличению добрачных и внебрачных сексуальных связей. В то же время под воздействием пропаганды протестантской и реформированной католической церквей, а также общественного контроля со стороны общин сокращается число детей, рожденных вне брака (в некоторых регионах Священной Римской империи у германской нации доля внебрачных детей не превышала 1–2 %). Как в протестантских, так и в католических княжествах государство через церковь осуществляло контроль за моральной

жизнью общин, действовали церковные суды чести, в проповедях огромное внимание уделялось семейным отношениям. Выбор партнера для совместной жизни в XVII в. осуществлялся чаще всего в соответствии с определенными социальными критериями: муж и жена должны были исповедовать одну веру, происходить из одинаковых по профессиональным признакам и благосостоянию групп. В деревне и городе любовь и сексуальная мотивация были важными причинами для вступления в брак.

Средняя продолжительность жизни составляла чуть более 30 лет. Но если взять тех, кто пережил возраст 10 лет, то их продолжительность жизни была выше, достигая 39–42 лет. Главной демографической проблемой оставалась высокая детская смертность. В городе к 10 годам из 1000 рожденных детей умирало 53–55 %, в деревне — 35–36 %. Фактором, влиявшим на рождаемость и смертность, были так называемые «кризисы существования». Исследователи связывают их с эпидемиями и ростом цен на хлеб. Учитывая, что хлеб составлял до 60 % в структуре питания многих общественных групп, его нехватка часто вела к голоду и росту детской смертности. «Кризисы существования» в Германии были следствием низких доходов населения и недостатка сельскохозяйственной продукции. Полномасштабные «кризисы существования» охватили Германию в период Тридцатилетней войны.

Повседневная жизнь

Структура питания немцев в XVI — первой половине XVII в. варьировалась в зависимости от района и принадлежности к социальному слою. Разнообразие и изобилие блюд (мясных и рыбных, дичи, напитков, пряностей) отличали питание социальных верхов — городского купечества, патрициата, светской знати, церковных иерархов. В то же время в крестьянской среде сокращалось потребление мяса, а основной пищей были каша и хлеб. Аналогичные изменения происходили и в семьях горожан после 1550 г. У нобилитета высоко ценилось поварское искусство. Здесь сильно ощущалось итальянское и славянское влияние. В быту появляются индивидуальные ложки и столовые ножи, формируются правила этикета.

Подавляющая часть населения более половины своих доходов тратила на продукты питания. Основой питания широких слоев сельского и городского населения были зерновые, прежде всего рожь или ячмень, просо. Из зерновых готовили супы, каши, хлеб.

Сезонной добавкой к еде были овощи и зелень: шпинат, петрушка, чеснок, морковь, капуста, ягоды. В повседневном рационе незначительно выросла доля фруктов, из мясной продукции предпочтение отдавали свинине и говядине. Потребление домашней птицы росло, причем в городе сильнее, чем в деревне. Доля же дичи в рационе сокращалась, исключая стол нобилитета. Рыба была одним из основных продуктов питания для проживавших по берегам рек, озер, вдоль морского побережья. Важность рыбы как источника белка определялась и тем, что католики ели ее в дни поста. Католическая церковь запрещала потребление мяса в течение 150 «постных» дней в году.

В повседневный рацион входили и хмельные напитки. Пивная культура получила распространение в Баварии и восточногерманских землях. В портовых и гарнизонных городах Северной Германии был популярен «шнапс». Жители Юго-Западной Германии предпочитали крепкие майнцские, мозельские и рейнские вина. В повседневном рационе присутствовало большое количестве алкогольных напитков из фруктов: яблочные и грушевые вина, напитки. Алкогольные напитки были важным компонентом социальных коммуникаций и широко использовались при скреплении договоров и торговых сделок, помолвках, бракосочетаниях и т. п. частных, официальных, корпоративных застольях.

Патрициат, крупное купечество, представители университетов, юристы, разбогатевшие ремесленные мастера подчеркивали свой новый статус дорогостоящими костюмами, роскошью убранства покоев и изысканностью стола, престижными тратами «на нужды» города и благотворительностью. Они стали, наряду со знатью, потребителями продукции «индустрии роскоши» (шелк, бархат, атлас, кружева, фарфор, ювелирные изделия). Семьи богатых бюргеров занимали, как правило, дом в несколько этажей. Его внутренняя планировка и мебель из дорогих пород дерева демонстрировали посетителям успешность жизненного пути хозяина. Для бюргерства торговля и промышленная деятельность рассматривались как источник материальных ценностей, открывающих путь к аристократическому образу жизни, к родству с аристократическими фамилиями.

Поведение и психология крестьян были тесно связанны с сельскохозяйственным трудом. Аграрный труд мог служить источником удовлетворения потребностей, но вместе с тем крестьянин испытывал чувство неуверенности из-за отсутствия у него собственности на возделываемую им землю, все более усугублявшегося малозе-

мелья, низкой урожайности, угрожавшей периодическим голодом. Праздники, устраивавшиеся по окончанию жатвы, сопровождались пирушками, во время которых проедалась немалая доля собранного урожая. Колебания между длительным недоеданием и праздничным обжорством — яркий показатель неустойчивости материального положения большей части сельского населения. Кризис общинной солидарности, вызванный социальной и имущественной дифференциацией деревни, создавал напряженную социально-психологическую обстановку. Одно из ее проявлений — обострение страха перед смертью и загробными карами. Эпидемии, голод, войны делали смерть частым и знакомым явлением. Страх перед ожидающим после смерти воздаянием привлекал внимание людей к проповедям монахов, призывающих к немедленному покаянию. Страх этот возрастал в моменты появления пророчеств о близящемся конце света и Страшном суде.

В крестьянской среде по-прежнему использовали магию, с помощью которой надеялись получить хороший урожай, душевное и физическое здоровье. За помощью обращались, наряду со знахарями, к святым. Вера в чудеса была повсеместной. Магическую силу придавали католической мессе, евхаристии, верили, что молитвы имели действие, сходное с заклинаниями. Повсеместно сохраняли свое значение праздники с нехристианскими элементами: праздник встречи весны, праздник урожая и т. д. В монотонной повседневности сельской жизни праздник был средством «выйти» наружу долго скапливавшимся эмоциям. Число ежегодных праздников под давлением протестантской и католической церквей сокращалось, однако происходило это крайне медленно.

Во второй половине XVI — XVII в. страны Западной Европы охватила охота на ведьм. Ведовство стали сближать с ересью и жестоко его преследовать. Согласно точке зрения теологов и юристов того времени, ведьма считалась не просто колдуньей или знахаркой, а служанкой сатаны, которая заключила с ним договор, вступила с ним в половые сношения, по его наущению губила людей и их имущество. Разгадку феномена охоты на ведьм нужно искать и в сознании людей, особенно деревенских жителей. В своих доносах на соседок или соседей они часто жаловались на порчу скота, на «дурной глаз», зловредные заклинания. Судьи же в ходе разбирательства жалоб старались добиться от предполагаемой ведьмы признания в том, что она причиняла вред соседям, вступив в сношения с дьяволом. Бытовыми конфликтами можно отчасти объяснить огромные масштабы охоты

на ведьм. Процедуре расправы с ведьмой придавался подчеркнуто публичный и торжественный характер, она явно была рассчитана на то, чтобы произвести максимум психологического воздействия на людей. Кризис традиционного сознания и подрыв отношений взаимопомощи, происходившие в результате модернизации, создавали мучительную напряженность в сознании населения. В деревне сложилась обстановка, которая подсознательно побуждала крестьян искать виновных в их материальных и психологических неурядицах и бедствиях.

Гонения против ведьм проходили под знаком последовательного навязывания населению реформационного понимания христианской религии, далекого от традиционной «картины мира» и способов поведения. Обвинения в ведовстве выдвигались против женщин потому, что именно они были хранительницами ценностей устной архаичной (народной) культуры, которая рассматривалась католиками и протестантами как варварская и еретическая. Расправа же с ведьмами создавала благоприятную обстановку для постепенного уничтожения многих элементов народной культуры.

5. Тридцатилетняя война

Причины войны

Одной из главных причин Тридцатилетней войны был так и не решенный в течение XVI в. религиозный вопрос. Конфессионализация вела к вытеснению вероисповедной оппозиции, религиозным преследованиям. Решительность, с которой религиозные репрессии применялись как в католических, так и в протестантских княжествах, свидетельствовала о напряженности внутренних противоречий в стране. Особенно активно происходило насаждение католицизма, поддерживаемое Габсбургами. Император постоянно нуждался в получении военных субсидий, что невозможно было сделать без согласия протестантских князей, поэтому Габсбурги предпочитали предоставлять инициативу в рекатолизации правителям Баварии. Стремясь разъединить противников, прогабсбургский лагерь в Германии избрал объектом своего нападения прежде всего кальвинистов, на которых формально не распространялись условия Аугсбургского религиозного мира.

С формированием системы княжеского абсолютизма политика князей, независимо от их конфессиональной принадлежности, была

направлена на расширение территории своих княжеств. Параллельно с усилением княжеской власти шло дальнейшее оскудение немецкого дворянства, в деклассированной среде которого было немало социальных элементов, готовых на любые политические авантюры в расчете на военную добычу и княжеское жалование. Таким образом, одним из источников конфликта были немецкие князья и дворянство, видевшие в войне возможность обогащения и политического усиления.

Необходимо также учесть кризис имперских структур на рубеже XVI–XVII вв., не способных выполнить стабилизирующую роль в условиях эскалации силовых решений религиозного вопроса. Явный упадок авторитета имперских институтов и нежелание императора выступить в качестве посредника между католиками и протестантами вели к формированию альтернативных структур управления в империи, строившихся на основе конфессионального признака (Евангелическая уния, Католическая лига) и стремившихся к отстаиванию своих религиозных и политических позиций.

В современной германской историографии существуют различные трактовки причин Тридцатилетней войны. В целом, указывая на значение экономических, правовых, политических, международных факторов, породивших войну, немецкие историки говорят о решающей роли религиозного фактора в возникновении войны, причем отмечается, что в раннее Новое время невозможно отделить религию от политики. Представляется, что Тридцатилетнюю войну и ее итоги в религиозном плане следует рассматривать как завершающий этап конфессионализации.

Важной предпосылкой конфликта стало образование накануне Тридцатилетней войны религиозных союзов. В 1607 г. войска Максимилиана Баварского оккупировали имперский город Донауверт за преследование местных католиков. В ответ в 1608 г. образовалось политическое объединение кальвинистских князей рейнской Германии — Евангелическая уния, которую возглавил пфальцский курфюрст Фридрих IV. Унию поддерживали Франция, Англия, Голландия. В 1609 г. образовалась Католическая лига — союз духовных и светских князей Южной и Юго-Западной Германии во главе с ревностным охранителем католицизма Максимилианом Баварским. Австрийские Габсбурги не вступили в Лигу, но установили с ней самые тесные связи, а испанское правительство оказывало ей прямую помощь. Таким образом, германские княжества оказались в начале XVII в. вовлеченными в систему внешнеполитических

союзов, а назревавший в Германии внутренний конфликт неизбежно должен был стать общеевропейским. Особенно острыми были противоречия между Испанией и Францией из-за территориальных претензий обоих государств и стремления к гегемонии в Европе.

Ставший в 1619 г. императором Священной Римской империи германской нации ***Фердинанд II Габсбург*** (1578–1637) возобновил попытки создания общегерманского централизованного государства. Император, не располагавший достаточной армией и материальными ресурсами, решил опереться на военные силы католических князей. Угроза усиления Габсбургов вызвала тревогу многих европейских государств, прежде всего Франции, Англии, Голландии, скандинавских стран. Большинство западноевропейских держав были готовы выступить против германских и испанских Габсбургов, что в определенной степени компенсировало численное и военно-политическое превосходство католических сил над протестантскими внутри Германии, но способствовало быстрому превращению внутриимперского конфликта в международный.

Периодизация и основные события войны

История Тридцатилетней войны делится на следующие периоды: 1) чешско-пфальцский (1618–1624); 2) датско-нижнесаксонский (1625–1629); 3) шведский (1630–1634); 4) шведско-французский (1635–1648).

Чешско-пфальцский период

В 1618 г. грубыми нарушениями свободы вероисповедания было спровоцировано восстание протестантов в Чехии. Габсбургская администрация была свергнута, а чешский сейм избрал новое правительство и объявил о том, что Чешское королевство не принадлежит отныне австрийским Габсбургам. Восстание поддержали члены Евангелической унии, Голландия и Англия. Возглавивший Евангелическую унию зять английского короля курфюрст Пфальца Фридрих V был избран чешским королем (1619). Чехи при поддержке силезских и пфальцских войск графа Мансфельда в течение двух лет оказывали сопротивление войскам императора и Католической лиги. Однако Габсбургам удалось добиться существенных политических и дипломатических успехов. Фердинанд II Габсбург был избран императором. Бавария и Саксония за значительные территориальные приобретения обещали принять участие в подавлении восста-

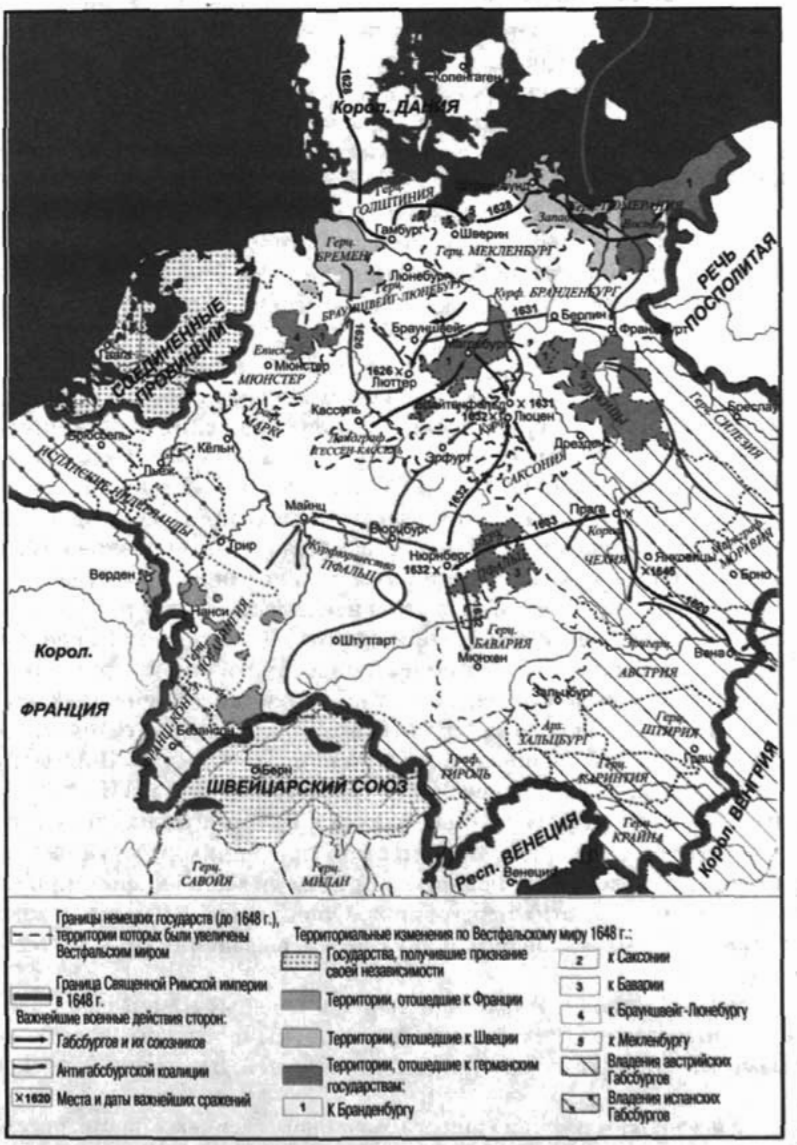
ния. Испания прислала Фердинанду 7 тыс. солдат, помощь оказали римский папа и Генуя. Войска Католической лиги и императора под командованием Тилли в ноябре 1620 г. на Белой горе под Прагой разгромили протестантов. Это поражение сломило дух повстанцев и Чехия признала власть императора.

Осенью 1620 г., под предлогом восстановления власти императора в Нижнем Пфальце, на Рейн явился испанский полководец Спинола с 25 тыс. солдат. Это позволило католическим князьям проводить политику рекатолизации. Сопротивление испанцам и католикам возглавили Мансфельд и молодой епископ Гальберштадтский Христиан. Грабившие католические храмы и монастыри на северо-западе Германии Христиан Гальберштадтский и Мансфельд превратили солдатские грабежи в систему самоснабжения войск, не располагавших помощью со стороны государства. В ответ испанцы оккупировали Пфальц — оплот протестантского блока. В январе 1623 г. император торжественным актом лишил Фридриха V титула курфюрста и передал его Максимилиану Баварскому. Тилли, разбив протестантов, вступил в Северную Германию.

Датско-нижнесаксонский период

Перспектива торжества католицизма во всей Германии, подчинение Габсбургам северо-западных районов страны, наконец, захват ими Балтийского побережья активизировали иностранные государства. В 1625 г. в войну вступила Дания. Датского короля Христиана IV поддержал Мансфельд. Фердинанд II назначил имперским главнокомандующим ***Альбрехта Валленштейна*** (1583–1634), прославившегося наиболее последовательным воплощением идеи «самоокупаемости» армии путем грабежа территорий, где велись военные действия.

Валленштейну удалось нанести поражение датчанам и принудить Данию заключить мир с германскими католиками. Из завоеванных областей и городов изгонялись протестантские пасторы, запрещалось некатолическое богослужение, происходили ведовские процессы. В 1629 г. император издал указ о реституции (восстановлении) прав католической церкви на имущество, захваченное протестантами с 1552 г. Предстояло вернуть 2 архиепископства и 12 епископств, не считая более мелких владений. Комиссары, назначенные императором для проведения реституции, были в большинстве своем католическими прелатами. Эта мера побудила протестантских князей и их союзников усилить сопротивление.



Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.

Шведский период

В 1630 г. в военные действия включилась Швеция. Шведские войска, возглавляемые королем Густавом II Адольфом, вскоре нанесли католикам ряд поражений, самым значительным из которых была совместная с саксонцами победа над Тилли при Брейтенфельде (1631 г.)[1]. Развивая успехи, саксонский курфюрст Иоганн Георг занял Прагу. Густав Адольф направил свою армию к Рейну, в земли Католической лиги. Города, пострадавшие от рекатолизации, открывали ему ворота. Густав Адольф, мечтая об императорской короне, держался как признанный государь Германии: принимал присягу от городов, заключал союзы с князьями, жаловал немецкие земли своим сторонникам.

Следующей целью Густава II Адольфа стала католическая Бавария. Тилли совместно с курфюрстом Максимилианом встретил шведов на р. Лех. В критический момент сражения Тилли лично возглавил контратаку, получил смертельное ранение, а войска католиков были разбиты. 17 мая 1632 г. Густав II Адольф вступил в Мюнхен. В этой ситуации император Фердинанд II вынужден был обратиться к Валленштейну. Тот согласился принять главное командование лишь при условии полного подчинения ему вооруженных сил империи с правом награждать и наказывать солдат и офицеров, самостоятельно вести переговоры с противником, взимать контрибуцию и конфисковывать имущество на отвоеванной территории. Однако назначение Валленштейна не изменило ход военных действий, складывавшихся теперь неблагоприятно для католического блока. В конце 1632 г. произошло сражение армий Густава II Адольфа и Валленштейна при Люцене. Несмотря на гибель Густава II Адольфа в начале битвы, шведы заставили армию Валленштейна отступить. Валленштейн, видя превосходство своих противников, вступил в переговоры со Швецией и Францией, причем не всегда информировал императора о ходе этих переговоров. Обвиненный в измене, он был отстранен от командования и убит при невыясненных обстоятельствах.

Смерть Густава II Адольфа обнаружила явные разногласия в лагере протестантов. Великодержавные планы шведского короля не вызывали поддержки у протестантских князей. За спиной у шведов

[1] Валленштейн, в армии которого было много наемников-протестантов, не поддержал контрреформационные меры, за что еще в 1630 г. был отстранен от обязанностей командующего.

они стремились к самостоятельным захватам территорий. Курфюрст Бранденбургский претендовал на захваченную шведами Померанию, курфюрст Саксонский вел тайные переговоры с императором. Князья готовы были и к компромиссу с Габсбургами, если они откажутся от рекатолизации за пределами своих наследственных владений. Франция ревниво относилась к успехам шведов и рассчитывала, что немецкие князья окажутся в ее сфере влияния.

С поражением шведов в сентябре 1634 г. в битве при Нёрдлингене от испанцев и имперской армии протестантский лагерь стал распадаться. В мае 1635 г. в Праге был подписан мир между императором и курфюрстом Иоганном Георгом I Саксонским. По договору церковные владения, которые в силу реституции подлежали возврату церкви, могли оставаться у нынешних владельцев в течение сорока лет, пока вопрос о них не решит специальная согласительная комиссия. Другие княжества протестантов должны были присоединиться к договору добровольно, иначе против них применялась бы сила. Шведов предполагалось изгнать общими усилиями.

Стремление к компромиссу германских князей и императора не устраивало Францию. Однако у самих немецких протестантов не было больше сил вести войну с Лигой и императором. Поэтому только открытое вступление Франции в войну могло предотвратить ее исход в пользу Габсбургов. Ришелье немедленно приступил к формированию большой армии и заключил ряд соглашений со Швецией, Голландией, щедрыми обещаниями немецким князьям пытался удержать их от примирения с императором.

Шведско-французский период

В 1635 г. Франция и Голландия открыто вступили в войну. Военные действия шли с переменным успехом, но все же перевес склонялся на сторону антигабсбургской коалиции. В конце 1642 г. шведы снова нанесли имперским войскам крупное поражение при Брейтенфельде. Французы овладели Эльзасом и в 1643 г. разгромили испанцев при Рокруа. В 1645 г. шведы, разбив баварско-имперские силы под Янковом (Чехия), уже готовились к походу на Вену, но потерпели неудачу при осаде Брно.

В 1638 г. папа и датский король, поддержанный затем рейхстагом в Регенсбурге, призвали прекратить войну. В конце 1644 г. открылся мирный конгресс в Мюнстере, где обсуждались взаимоотношения империи и Франции, а в 1645 г. — конгресс в Оснабрюке, разбиравший шведско-германские дела. Сначала Франция затягивала

переговоры, надеясь разгромить Габсбургов. Испания не выдержала продолжительной войны на нескольких фронтах и вынуждена была признать независимость Голландии. В декабре 1646 г. испанцы вынуждены были подписать мирный договор и с Францией. Избранный в 1637 г. новый император ***Фердинанд III Габсбург*** (1608–1657) и католические князья остались без союзников.

В мае 1648 г. французы и шведы, разбив курфюрста Максимилиана, прошли через Баварию в Австрию, но на р. Инн были остановлены имперскими войсками. Страдая от острой нехватки продовольствия, они отошли в Среднюю Германию. В такой обстановке переговоры активизировались, обе стороны желали мира. В это время шведы неожиданно осадили Прагу. В конце октября к Праге подошла посланная на выручку имперская армия. Когда обе армии изготовились к сражению, пришло известие о мире.

Вестфальский мир

Мир был подписан 24 октября 1648 г. в Мюнстере. Он представлял собой объединение двух мирных договоров: Оснабрюкского — между империей, с одной стороны, Швецией и протестантскими князьями Германии — с другой; и Мюнстерского — между империей и Францией. По условиям мира Швеция получила: Западную Померанию с островом Рюген и в Восточной Померании — г. Штеттин (Щецин); Померанский залив со всеми прибрежными городами; секуляризованные архиепископства Бременское и Верденское на Аллере и г. Висмар. Под контролем Швеции оказались все устья судоходных рек Северной Германии. Швеция, таким образом, добилась господства на Балтике и стала одним из сильнейших государств в Европе. Франция получила Эльзас и подтверждение своих прав на занятые ею еще в 1552 г. три епископства с городами Мец, Туль и Верден. Небольшие территориальные приобретения Франции объяснялись тем, что захват обширных германских владений неизбежно затронул бы интересы немецких князей и повлек за собой появление многочисленных противников Франции в самой Германии и за ее пределами. Получила признание независимость Швейцарского союза и Нидерландов (Республики Соединенных провинций) от империи.

Из протестантских князей наибольшей выгоды добился курфюрст Бранденбургский. Он получил Восточную Померанию, архиепископство Магдебургское и епископства Хальберштадтское и Минденское. Курфюрст Саксонский закрепил за собой область

Лаузиц. Наследники опального Фридриха V Пфальцского получили обратно вместе с курфюршеским титулом лишь часть прежних его владений — Нижний, или Рейнский, Пфальц, тогда как Верхний Пфальц остался за Баварией. Герцог Максимилиан сохранил за собой сан курфюрста, в результате чего общее число курфюрстов империи увеличилось до восьми. Все опальные князья и города были амнистированы.

Вестфальский мир официально закрепил политическую раздробленность Германии. За всеми немецкими князьями было признано право заключать союзы, право войны и мира, самостоятельной внешней политики; оговорка, что она «не должна быть направлена против императора и империи», была лишь декларацией. Князья-кальвинисты были уравнены в правах с католиками и лютеранами и получили право на изгнание подданных, не желавших исповедовать религию государства. Церковное имущество, присвоенное протестантскими князьями до 1624 г. (для Пфальца — 1619 г.), было оставлено в их распоряжении, но впредь такие захваты запрещались.

Весьма разнообразны оценки Вестфальского мира в историографии. Признавая катастрофические последствия войны для Германии, большинство историков подчеркивают его непреходящее международное значение как «вечного мира» *("Pax perpetua")*, положившего начало «секуляризации политики», после чего история Европы не знала больше «войн за веру». Некоторые из современных немецких историков считают, что Вестфальский мир стал основой «системы коллективной безопасности» в Европе, «конфессиональной толерантности», и даже «Конституцией Германской империи», закрепившей ее конфедеративное устройство.

6. Культура, развитие образования и научных знаний

Особенности развития немецкой культуры

Переходный характер эпохи раннего Нового времени, ментальные и социальные изменения, распространение гуманистических идей существенно повлияли на культурное развитие немецких земель. Одним из мощнейших факторов влияния было итальянское Возрождение. Синтез различных традиций сделал культуру Германии XVI в. многокомпонентной, синкретичной, с выраженными региональными особенностями. Стили, художественные образы

и символизм Средневековья переплетались в ней с ренессансными чертами. Немецкий гуманизм не ограничился кругом ученых, писателей, поэтов, философов. Не менее ярко он проявился и в художественном творчестве, став основой тех новаторских тенденций, которые запечатлены в картинах А. Дюрера, М. Нитхардта (Грюневальда), Л. Кранаха Старшего. Велика роль гуманизма в реформе образования, в становлении немецкой исторической науки. Однако не только гуманизму, но и Реформации принадлежит заслуга фундаментальных изменений как в элитарной, так и народной культурной жизни, и тем самым — в складывании национальной немецкой культуры. Реформаторы во главе с Лютером, писавшие по-немецки, заложили основы классических норм немецкого языка. Перевод Лютером Священного Писания сделал Библию подлинно народной книгой. Реформация стимулировала расцвет немецкой публицистики. Только от первой трети XVI в. сохранилось свыше 5 тыс. «летучих листков» — памфлетов, диалогов, программ, рифмованных пророчеств, иллюстрированных гравюрами. Постепенно в областях, где восторжествовала Реформация, на региональные диалекты немецкого языка перешла вся церковная служба, расширилось использование немецкого языка в школе.

В Средневековье именно церковное искусство было главной областью приложения сил художника, основные заказы исходили из кругов католической церкви. Вследствие иконоборческого движения Реформация резко сократила спрос на художественные произведения. Однако это не вело к одним лишь негативным последствиям. Под влиянием Реформации в XVI в. стали вырабатываться новые жанры: пейзаж, семейный портрет, изображение бытовых сцен, натюрморт, живописный и скульптурный портрет, светский памятник. Мощным фактором развития искусства со второй половины XVI в. стало княжеское, аристократическое и бюргерское меценатство.

Изобразительное искусство и архитектура

Ренессанс и гуманистическая идеология оказали сильное влияние и своеобразно преломились в творчестве выдающихся немецких художников. Изобразительное искусство Германии в своих лучших образцах становится самостоятельной сферой культуры, одним из средств познания мира, проявления свободной деятельности человеческого разума.

Ренессансное влияние наиболее ярко проявилось в творчестве самого крупного художника немецкого Возрождения ***Альбрехта Дюрера***

(1471–1528). Будучи живописцем, графиком, теоретиком искусства, он стал одним из воплощений ренессансного «титанизма».

В то же время художественный язык Дюрера аллегоричен и наполнен христианской символикой («Всадник, смерть и дьявол», «Святой Иероним», «Меланхолия» и др.). В своем творчестве Дюрер стремился передать драматизм мироощущения человека ренессансной эпохи. Графика Дюрера, отличавшаяся силой воплощения духовной энергии человека, позволила ему стать одним из создателей портретного жанра в Германии. Его образы были глубоко национальны, неслучайно пору расцвета искусства немецкого Возрождения часто называют «эпохой Дюрера».

Альбрехт Дюрер. Автопортрет. 1500 г.

В гораздо большей степени к традициям Средневековья тяготел ***Матис Нитхардт*** (1475–1528), более известный под именем ***Грюневальд***. Его картины проникнуты мистицизмом и религиозным драматизмом. Наиболее показателен знаменитый «Изенгеймский алтарь» (1516), исполненный для одной из церквей г. Кольмара. В нем мистика и экзальтация сочетались с реалистическими деталями. Экспрессивность произведений Грюневальда обусловлена прежде всего замечательным цветовым колоритом, который своим блеском внешне напоминает готические витражи и принадлежит к высшим свершениям национальной художественной культуры.

Особенно тесно связал свое творчество с Реформацией ***Лукас Кранах Старший*** (1472–1553). Ему принадлежат портреты ведущих деятелей Реформации — Лютера и Меланхтона. Ренессансная острота и свежесть восприятия мира отличают и его ранние живописные работы («Голгофа», «Распятие», «Отдых святого семейства на пути в Египет», «Казнь святой Екатерины» и др.).

Продолжателем лучших дюреровских и кранаховских традиций в области пейзажа был художник «дунайской школы» ***Альбрехт Альтдорфер*** (1480–1538). Своим поэтическим восприятием природы,

воплощенным то в лирических, то в мощных космических образах, Альтдорфер внес большой вклад в становление пейзажного жанра в европейском искусстве.

К младшему поколению мастеров немецкого Ренессанса принадлежал ***Ганс Гольбейн (Ханс Хольбейн)*** (ок. 1497–1543), известный прежде всего как выдающийся портретист. Его портреты (Эразма Роттердамского, Томаса Мора, многочисленных современников художника) написаны правдиво и реалистично, но изысканны по колористическому решению. Гольбейн много работал и в гравюре; особенно известна серия его гравюр на дереве, отличающаяся мистическим содержанием — «Пляски смерти». Немецкое искусство середины и второй половины XVI в., развивавшееся под знаком маньеризма, уже не дает столь крупных имен. Лишь в начале XVII в., когда многие немецкие художники работали за границей, осваивая достижения передовой культуры, европейскую известность композициями с пейзажем завоевал живший в Италии А. Эльсхеймер.

В немецкой скульптуре XVI в. выделяются ***Фейт Штос*** (ок. 1455–1533) и ***Тильман Рименшнейдер*** (ок. 1460–1531), создававшие одухотворенные образы в основном в традициях поздней готики. Рименшнейдер известен как автор скульптурной композиции «Тайная вечеря» алтаря церкви Святого Якоба в Ротенбурге. Скульптор побуждал зрителей тщательно обдумать события Тайной вечери и проецировать их на собственную жизнь.

В архитектуре Германии начала XVI в. господствовал позднеготический стиль. К его величайшим достижениям следует причислить северный боковой неф (1522) собора в Бремене, созданный Кордом Поппелькеном. Он с большим вкусом привел старые элементы романского здания в гармонию с новыми. Такой «исторический» подход по модернизации старинных архитектурных форм получил широкое распространение в Германии. Образцом такого историзма служит, в частности, южная башня собора в Оснабрюке (1505–1544). Среди талантливых архитекторов начала XVI в. следует назвать Ганса Бехайна Старшего. Он ввел целый ряд новшеств в немецкую архитектуру, главным из которых явился окруженный аркадой внутренний двор.

В середине XVI в. характерное для предреформационного периода широкое строительство культовых сооружений сменилось развитием преимущественно светского зодчества. Под воздействием Реформации храмовое зодчество пришло в упадок. Традиции позднеготических конструкций как основы зданий сочетались

с использованием ренессансного декора, украшавшего дома богатых горожан, ратуши, здания гильдий, княжеские дворцы и замки. В Нюрнберге различные декоративные дополнения стали строить на крышах жилых домов, и в XVI–XVII вв. город приобрел едва ли не самый очаровательный в Европе силуэт. В XVII в. в Германии появляется регулярное градостроительство, расцветает, соперничая с быстро развивающимся каменным, традиционное фахверковое зодчество, но огромный ущерб немецкой архитектуре нанесла Тридцатилетняя война.

Литература

В постгуманистический период в Германии широко распространилась «гробианская литература» — сатирические произведения, описывающие пороки людей с помощью приемов примитивного комизма. В отличие от гуманистической литературы, немецких авторов середины XVI в. привлекали сюжеты средневековых легенд и рыцарских романов. Из произведений этого периода выделяются «Шильдбюргеры» (сатира на немецкое мещанство), обработки легенд о чародее и чернокнижнике докторе Фаусте. Традиции народной литературы, привлекавшие гуманистов, развивал крупнейший поэт XVI в. ***Ганс Сакс*** (1494–1576). В фольклоре, в бытовых ситуациях и нравах времени он черпал мотивы своих стихотворений, пьес и коротких рассказов. Сакс стремился отразить представления и ценности, тяготеющие к идеалам бюргерства: уют, благополучие, устойчивый порядок. В то же время он умел живо передать чувства, тонко высмеивая своих современников. Сатира, ставшая отличительной чертой немецкой литературы, была присуща и творчеству И. Фишарта. В своих произведениях он широко использовал гиперболу, гротеск, бичевал упадок нравов, религиозный фанатизм, произвол властей, создал карикатурные образы монахов, с особой язвительностью нападал на иезуитов.

Усиление провинциализации немецкой культуры и возраставшее засилье французского языка в среде аристократии ставило на повестку дня патриотическую задачу защиты родного языка. Эту задачу во многом реализовывали литературно-языковые общества. Самое влиятельное из них — «Плодоносящее общество», куда входили крупнейшие литераторы первой половины XVII в.: поэт-лирик ***Мартин Опиц*** (1597–1639), поэт и драматург ***Андреас Грифиус*** (1616–1664). М. Опиц, опираясь на авторитет античного искусства и связи с голландскими классицистами, последовательно развивал

национальную культуру на раннеклассицистской основе. В творчестве А. Грифиуса ярко выразилось трагическое мироощущение эпохи Тридцатилетней войны. Наиболее известно его стихотворение «Слезы отечества, год 1636», отрывок из которого приводится ниже.

Мы всё еще в беде, нам горше, чем доселе.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.
В руинах города, соборы опустели.
В горящих деревнях звучит чужая речь.
Как пересилить зло? Как женщин оберечь?
Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле.

О скорбный край, где кровь потоками течет!
Мы восемнадцать лет ведем сей страшный счет...
(Пер. Л. Гинзбурга)

Образование

Реформация, с одной стороны, и католические реформы, с другой, привели к колоссальным изменениям в системе образования. Деятели Реформации отводили образованию центральное место в укоренении лютеранства. Евангелическая церковь, отвергая посредничество церкви между человеком и Богом, проявляла большую требовательность к сознательному восприятию и пониманию каждым христианином Священного Писания. Именно школы стали распространителями христианского реформаторского вероучения и нравственно-религиозного воспитания. Исходным толчком для создания протестантских школ стала обеспокоенность Лютера низким уровнем образования в 20-е гг. XVI в. (число грамотных составляло 3–4 % населения). Неслучайно появление в 1524 г. послания «К членам советов всех городов немецкой земли о необходимости устроения и поддержания христианских школ». Главная проблема, которую предстояло решить Лютеру, — это создание института проповедников новой церкви и учителей. Причем были нужны хорошо образованные, знающие древние языки проповедники. Только в таком случае они с помощью объяснения и толкования Священного Писания могли владеть умами людей, увеличивать число приверженцев новой веры и эффективно противостоять католической догме.

Огромная роль в реализации задуманного принадлежала Ф. Меланхтону. Меланхтон стремился поставить все достижения научной

гуманистической мысли на службу Реформации. Как выдающийся знаток античных классиков, философ, филолог, историк, он был не только систематизатором учения Лютера, но и замечательным педагогом, теоретиком и организатором школьного и университетского образования. Им написано большинство учебников для протестантских школ, среди них пособия по латинской и греческой грамматике (выдержало 44 издания), логике, риторике, диалектике, богословию, этике, физике, подготовлены программы для гимназий. Идеи школьно-гимназического образования нашли выражение в знаменитом «Саксонском школьном плане» (1528). Из круга учеников Меланхтона вышли почти все выдающиеся немецкие учителя и университетские профессора второй половины XVI в. Все это принесло ему славу «наставника Германии».

Представления Лютера и Меланхтона о принципах организации школ отразились в школьных уставах. В первой половине XVI в. школьные уставы были изданы магистратами Брауншвейга, Виттенберга, Ганновера. Во второй половине XVI в., когда княжеский суверенитет распространился и на область религии, школьные уставы стали издаваться князьями. Акцент в лютеранских школьных уставах делался на описание нравственно-религиозного урока. Еще в 1529 г. Лютер составляет «Малый катехизис» — системное изложение основ евангелической церкви (описание предмета веры, учение о церковных таинствах и христианской морали), который и стал основным школьным учебником по лютеранскому богословию. Его успех объяснялся тем, что «Катехизис» был написан и преподавался на немецком языке.

К середине XVI в. сложилась более или менее стройная система школ нескольких уровней. Обучение начиналось в немецкоязычных городских школах (частных или содержавшихся городскими магистратами), где получали образование выходцы из бюргерской среды. Обучение в низших школах носило практический характер: среди преподаваемых дисциплин — катехизис, церковное пение, чтение, письмо и счет. Наряду с немецкоязычными начальными школами в XVI в. существовали и городские латинские начальные школы, в которых учили составлять деловую документацию и корреспонденцию на латинском языке. В сельских школах — как протестантских, так и католических — учили основам культа и элементарной грамотности.

Подготовка к университету, включавшая в себя и основательное изучение древних языков, осуществлялась в гимназиях. Они стали

распространяться по всей Германии, в том числе и в католической ее части. Меланхтон разработал систему 4 гимназических классов со школьной программой, строго определяющей, что должно изучаться в каждом классе. Благодаря этому в гимназиях поэтапно изучали теологию, грамматику (латинскую и греческую), риторику.

Обучение в начальных школах начиналось обычно с 6–7 лет. Уставы требовали раздельного обучения мальчиков и девочек, но на практике это нередко нарушалось. В гимназию переходили в 11–12-летнем возрасте и обычно учились до 16–17 лет. Важная роль отводилась подбору учителей. В середине XVI в. в этом качестве выступали кюстеры — помощники священников. Со временем сложилась и система подготовки учителей. В ее основе лежал «Большой катехизис» Лютера — наставление для учителей и пасторов, чья деятельность регламентировалась особыми уставами.

Во второй половине XVI в. стали издавать школьные уставы и в католических районах Германии. Католикам потребовалась собственная доктрина нравственно-религиозного воспитания. В результате был создан католический «Тридентский катехизис» (1563), на основе которого иезуит Петр Канизий написал популярный учебник для начальных школ. Роль иезуитов в развитии образования была весьма значительной. Их система обучения была рассчитана преимущественно на молодежь из верхов общества, но ради популярности ордена они давали бесплатное образование выходцам из самых разных слоев. Социальная практика иезуитов предусматривала выдвижение безродных, но одаренных юношей. Они были умелыми организаторами школьного дела и преподавателями университетов, устанавливали в своих учебных заведениях образцовый порядок, приспособили к своим целям идеалы классического образования. К концу XVI столетия в католических областях, особенно в Баварии, существовала сеть руководимых иезуитами начальных школ, гимназий, интернатов для бедных учеников, пансионов для молодых дворян, семинарий, где велась подготовка будущих членов ордена.

Высшей ступенью образования оставались университеты. Гуманистические традиции, укоренившиеся в университетах Германии, позволили существенно преобразовать содержание читаемых курсов. Они были сориентированы на изучение античного опыта. Все большую популярность приобретали практические специальности (медицина, юриспруденция, химия). Однако в результате развития государственной власти университеты утратили большую часть

своих свобод, перешли под контроль церкви и княжеской власти, от которых зависели не только юридически, но и экономически. Финансирование университетов государством осуществлялось разными способами (зарплата, пребенда, выплаты с доходов от дорожной пошлины, содержание за счет секуляризированного монастырского имущества). В полном подчинении у протестантских князей были новые университеты в Галле, Йене, Кенигсберге. Менялись и функции таких университетов. Они становились в большей степени центрами профессионального образования на службе у государства и должны были готовить чиновников, администраторов, судей, дипломатов.

Развитие научных знаний

XVI–XVII вв. ознаменовались коренными переменами в развитии естествознания и математических наук. Идеи Коперника об организации солнечной системы получили развитие в трудах ***Иоганна Кеплера*** (1571–1630), который открыл три закона обращения планет вокруг Солнца. Опубликовав данные законы в работах «Новая астрономия» и «Гармония мира», он снабдил их новыми, более точными таблицами движения планет. На основе математических расчетов и разработанных формул Кеплер подтвердил правильность теории гелиоцентризма. Наряду с Коперником и Галилеем он стал создателем новой астрономии.

Ряд крупных открытий в фармакологии сделал ***Парацельс***. Определенный итог современному знанию по горному делу и минералогии подвел ***Георг Агрикола*** (1494–1555) в знаменитом труде «О горном деле и металлургии» в двенадцати книгах. ***Леонард Фукс*** (1501–1566), профессор медицины в Ингольштадте и Тюбингене, ввел в научный обиход широкую ботаническую номенклатуру. В середине XVII в. были изданы сочинения о химических процессах и соединениях ***Иоганна Рудольфа Глаубера*** (1604–1670).

В гуманитарных науках главное внимание отводилось истории немецкого народа и церкви, а также теософским и философским трудам. ***Беат Ренан*** (1485–1547) в своем главном труде «Три книги германской истории» последовательнее своих немецких современников применил историко-филологическую критику источников. Он одним из первых стал различать в истории три периода: древний, средний и «более новый». В 40–50-е гг. увидели свет труды ***Иоганна Авентина*** (1477–1534), в том числе опубликованная на немецком языке «Баварская хроника» (1554). Также на родном языке в 1544 г.

издается «Описание немецкой нации» ***Себастьяна Мюнстера*** (1489–1552). Популярный протестантский учебник по гражданской истории создал ***Иоганн Слейдан*** (ок. 1506–1556). Широко пользуясь архивными материалами, он описал историю Реформации с лютеранских позиций.

Исторические сочинения XVI в. окрашены резкими тонами конфессиональных пристрастий, их используют как орудие религиозного воспитания и межцерковной борьбы. Протестантским авторам принадлежит первая в исторической науке коллективная работа ***«Магдебургские центурии»*** (1559–1574), 13-томное издание по истории церкви. Под руководством М. Флакка создание данного труда велось по строгому плану, с четким разделением задач участников. Главная цель труда — показать, что вся история католической церкви с послеапостольских времен есть история ее «порчи», превращения в «царство Антихриста» — папы. В противовес католической церкви идеализировались императоры, боровшиеся с папством, проявлялся интерес к «идейным предшественникам» Реформации. Однако магдебургские ученые использовали критический метод односторонне, в основном для борьбы с идейными противниками. Вместе с тем протестанты поставили ряд проблем, прежде не привлекавших внимания немецких историков. Р. Рейнекс одним из первых в Германии (1583) выделяет в особую научную дисциплину историю языков, наук и искусств, т. е. историю культуры.

Сложность развития философской мысли во второй половине XVI в. была обусловлена жестким контролем духовной жизни со стороны как протестантской, так и католической церкви. В данной ситуации осмысление новых явлений в философии, антропологии, понимании исторического процесса происходило в форме мистико-пантеистических исканий. Так, ***Себастьян Франк*** (1499–ок. 1542) в борьбе против церковной догматики и обрядности опирался на идею о вечно действующем в истории и религиозно-нравственном мире человека Божьем духе, «внутреннем слове». На основе представлений о «Христе в нас» он рассматривал все религии и церкви как равноценные.

Освобождение научной мысли от засилья схоластических традиций, рационализм и доказательность научных выводов, экспериментальный характер исследований, сближение теории с практикой — все это характеризует развитие научных знаний в XVI — первой половине XVII в. Однако прогрессивные тенденции развивались в сложной обстановке распространения «охоты на ведьм», поваль-

ного увлечения «образованного общества» астрологическими предсказаниями, расширения занятий магией и алхимией, сохранения стереотипов традиционного общества с их недоверием к научному знанию. Таким образом, утверждение новых научных знаний шло путем преодоления консервативных представлений средневекового мира.

* * *

XVI — середина XVII в. занимают особое место в истории Германии. Для немцев этот период связан с целой чередой грандиозных исторических явлений. Переломными стали события первой трети XVI столетия. Германское общество вступило в эпоху модернизации (раннее Новое время) с ярко выраженными чертами ментальных изменений и желанием дальнейших преобразований: индивидуализация сознания, кризис католических ценностей, формирование немецкого национального самосознания, попытки политических реформ, активное развитие раннекапиталистических отношений и, в конечном итоге, — Реформация, приобретшая затем общеевропейскую значимость. Выступление М. Лютера стало подлинным интеллектуальным и духовным «прорывом» к ценностям посттрадиционного общества и вызвало переворот в обыденном сознании немцев. Начавшийся процесс реформирования церкви быстро затронул все другие стороны общественной жизни. За этим стояли сложные и противоречивые структурные изменения в социальной среде, которые привели к тяжелому общественному кризису в годы Крестьянской войны. Как и в других регионах Европы, в Германии модернизационные процессы вели к многочисленным жертвам в социальных и политических конфликтах, что рассматривается современными историками как «социальная цена прогресса».

Преодоление последствий Крестьянской войны и религиозного раскола, Аугсбургский религиозный мир позволили жителям немецких земель во второй половине XVI — начале XVII в. перевести процесс конфессионализации в основном в мирное русло и даже наладить межконфессиональное взаимодействие на бытовом и политическом уровнях. После великих потрясений начала XVI в. германское общество вступило в фазу постепенной эволюции и углубления процессов модернизации, продолжилась перестройка экономики на раннекапиталистический лад. Однако завершила этот период Тридцатилетняя война, ставшая национальной катастрофой для

немецкого народа. Она не только привела к экономическому упадку, существенно затормозив процессы модернизации, но и вызвала окончательный распад того единства германских земель, которое отчасти существовало в рамках Священной Римской империи германской нации еще в начале XVII в. В итоге огромный потенциал Реформации, которую в широком смысле можно трактовать как стремление общества к обновлению, не был реализован в полной мере. Немцы так и не создали национального государства, а конфессионализация, расцвет княжеского абсолютизма и религиозные войны только закрепили политическую, религиозную и этническую раздробленность Германии.

ГЛАВА V

ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА (1648–1789 гг.)

Полтора столетия — от окончания Тридцатилетней войны и до начала Французской революции — образуют в европейской истории эпоху абсолютизма. Не всем немецким государствам был присущ абсолютизм, но именно абсолютистская политика князей становится наиболее ярким и значимым явлением истории Германии второй половины XVII–XVIII в.

Вестфальский мир и Французская революция 1789 г. оказали решающее влияние на развитие европейских государств. В то время как решения конгрессов в Оснабрюке и Мюнстере вызвали стабилизацию сословно-абсолютистских режимов, Французская революция знаменовала собой начало их краха, в том числе и в Германии. Вестфальский мир был не просто европейским мирным договором, он стал основным законом Священной Римской империи германской нации, которым она руководствовалась вплоть до своего конца в 1806 г. С окончанием Тридцатилетней войны завершилась конфессиональная эпоха. На первый план в отношениях между германскими государствами вышла борьба за политическую власть, за территории, людские и материальные ресурсы.

Вестфальский мир урегулировал позиции конфессий в империи и в отдельных германских землях, отношения сословий с императором, империи и немецких княжеств с другими европейскими странами. Он принес германским князьям «немецкую свободу» (*"teutsche Libertaet"*), территориальный суверенитет *(Landeshoheit)* и право на заключение союзов между собой и с иностранными державами (правда, эти союзы не должны были быть направлены против императора и империи).

В составе Священной Римской империи германской нации по-прежнему находились не одни немцы, но и многие другие народы, проживавшие прежде всего в землях дома Габсбургов. У империи не

было общенемецкой столицы, не было общей политики, которая касалась бы всех немцев. На пространстве империи сохранялось большое число локальных, региональных, государственных, конфессиональных и культурных особенностей, которые были существенными факторами историко-культурного развития Германии.

Германская история после 1648 г. имеет как бы два ракурса: история империи и история отдельных немецких государств (княжеств). Поначалу историки отдавали предпочтение первой, затем в их трудах стала превалировать вторая. В результате исследований — К. О. фон Аретина, Р. Фиргауза, Х. Диппера, Г. Шмидта и других — во второй половине XX в. был воссоздан обобщенный образ Германии раннего Нового времени.

1. Итоги Тридцатилетней войны

Материальные и демографические последствия войны

Историками XIX — первой половины XX в. Тридцатилетняя война изображалась как национальная катастрофа, в которой погибла старая Германия, а на ее развалинах выросло могучее Прусское (Бранденбург-Пруссия[1]) государство и возвысилась Австрия. Однако в настоящее время версия об ужасающем характере последствий для Германии Тридцатилетней войны пересматривается. Во-первых, разрушения коснулись не всей Германии. Во-вторых, в ряде мест военные действия происходили не все 30 лет, а с передышками, во время которых разграбленные хозяйства восстанавливались. В-третьих, с демографической точки зрения, не всех жителей, покинувших свои родные места, следует считать погибшими.

Историки сходятся во мнении, что можно говорить об экономическом отставании послевоенной Германии от тех европейских стран, в которых процессы модернизации происходили наиболее ин-

[1] С момента перехода герцогства Пруссия по наследству курфюрсту Бранденбурга в 1618 г., правители бранденбургского курфюршества одновременно были и герцогами Пруссии. Поэтому в литературе наряду с названием Бранденбург можно встретить и двойное название — Бранденбург-Пруссия. Дуализм сохранялся вплоть до принятия в 1701 г. Фридрихом I королевского титула. С этого момента постепенно за Бранденбург-Прусским государством утвердилось название Пруссия (Прусское королевство).

тенсивно (Англия, Нидерланды, Франция). Людские и материальные потери в ряде земель Германии исследователи сравнивают с последствиями эпидемии чумы XIV в. Особенно пострадали Мекленбург, Померания, Бранденбург, область между Магдебургом и Лейпцигом, Нижняя Силезия, юго-западные немецкие земли, Пфальц, Саксония, Северный Гессен, часть Вестфалии, прирейнские земли. В Верхней Силезии, Баварии и Богемии разрушения были меньшими; а Шлезвиг-Гольштейн, Нижнюю Саксонию (кроме Гарца), Западную Вестфалию, Пруссию и альпийские земли война обошла стороной.

Когда после окончания войны были составлены так называемые официальные инвентари мекленбургских деревень, там сплошь и рядом встречались записи: «крестьянин и вся его семья мертвы», «крестьянский дом в развалинах», «поля пустуют». В 1640 г. в районе Лютице из существовавших там 333 крестьянских дворов сохранилось лишь 27. В Мекленбурге количество жителей в результате войны сократилось с 200–250 тыс. до 40–45 тыс. человек, т. е. около 80 % жителей погибло или покинуло родные места. В герцогстве Вюртемберг из 400 тыс. жителей (1619) в конце войны осталось едва 50 тыс. Запустели не только деревни, но некогда крупные и богатые германские города. Так, к концу войны в Аугсбурге из 80 тыс. жителей осталось 16 тыс., в Кёльне из 60 тыс. — 25 тыс., из 6,5 тыс. жителей города Левенберга в Силезии — всего 40 человек. Пфальц лишился 70–80 % своих жителей.

Катастрофический характер обезлюдения страны виден из мер, к которым была вынуждена прибегнуть католическая церковь. Так, крестьянам разрешалось иметь двух жен, посвящение же в монахи допускалось лишь с 60-летнего возраста. Согласно новейшим подсчетам сельское население сократилось на 40 %, городское — на 33 %, а в абсолютных цифрах — с 15–16 млн человек в 1620 г. до 10 млн в 1650. Впервые численность населения в Германии стала меньше, чем во Франции. Это был фактор, благоприятствовавший гегемонистской политике ***Людовика XIV*** (1643–1715) в последующие десятилетия.

Очень трудно оценить размеры материального ущерба, нанесенного войной. Потеряли свое былое значение многие ганзейские города, в то же время динамично развивались как крупнейшие ярмарочные центры Германии Лейпциг и Франкфурт-на-Майне. За время войны заметно уменьшилась площадь обрабатываемых земель, выросло число пустошей. При этом на востоке сельское хозяйство переживало бурный подъем. В целом сократилось и количество ско-

та (в некоторых областях потери составили 90 % довоенного стада). Сельское хозяйство сильно пострадало там, где были велики людские потери и ощущался острый дефицит рабочих рук. Многие города были разрушены или обезлюдели. Городское и сельское ремесло переживали кризис, так как снабжение сырьем было затруднено из-за грабежей и убийств, а произведенная продукция не находила сбыта. Вследствие перемещения основных международных транспортных путей в Атлантику пришла в упадок транзитная торговля южно-немецких городов. Многочисленные таможенные границы, опутавшие Германию, по-прежнему затрудняли внутреннюю торговлю. К примеру, от Базеля до устья Рейна располагалось 37 таможенных постов, принадлежавших 16 разным правителям.

В то время как Нидерланды (Голландия) и Англия укрепляли свое господство на морях, а Франция превращалась в ведущую финансовую державу Европы, перед Германией стояла задача ликвидировать отставание во многих сферах хозяйственной деятельности. Если в Англии, Нидерландах и Франции успешно развивалось мануфактурное производство, достигшее в XVII–XVIII вв. своего расцвета, то Германия смогла восстановить свое ремесло и окончательно перейти к мануфактурной стадии лишь к концу XVIII в.

Война способствовала также сохранению и усилению аграрного характера немецкой экономики. Отставание от ведущих европейских стран сказывалось не только в стагнации внешней торговли, но и в весьма скромном росте уровня жизни основной части населения. К тому же после подписания Вестфальского договора мир не сразу пришел в немецкие земли. Долгое время договор нарушался, а французские армии неоднократно вторгались на территорию Германии. Разгорались и новые военные конфликты. Поэтому фаза экономической депрессии затянулась надолго.

Культурная и политическая ситуация

Материальным бедствиям сопутствовал ярко выраженный культурный упадок страны. За 30 лет, среди огня и разрушений, погромов и зверских насилий, выросло поколение, не знавшее грамоты и школы, жившее в постоянном страхе и горькой нужде, унижаемое иноземными солдатами. Даже немецкий язык в этот период подвергся порче, огрубел, оказался «засоренным» чужеземными словами и в особенности вульгаризмами. После войны в Германии резко сократились бюргерские слои, которые могли бы востребовать художественную, богословскую и научную литературу. Труды немец-

ких писателей долгое время не пользовались популярностью, зато рос интерес к французской литературе и моде. В крупных городах прекратилось строительство. Произведения художественного творчества долгие годы не находили спроса. Обедневшему городскому бюргерству и обремененному долгами сельскому дворянству было не до искусства.

После войны потеряли свое былое значение конфессиональные противоречия, хотя они и не исчезли совсем. Вестфальский мир закрепил конфессиональные границы, а отношения церкви и государства определялись князем (монархом) и его окружением. В немецком католицизме стала проявляться тенденция к снижению зависимости от папства. В протестантизме, напротив, господствующая церковь укрепилась благодаря развитию государственных институтов.

Происходит локализация культурной и общественной жизни в рамках одной земли, города-резиденции (столицы княжества, территориального государства). Разница между сравнительным благополучием княжеских дворов и жизнью народа в городах и селах возросла. Сословные границы консервируются, преодолеть их могли немногие. Вместе с тем в различных немецких государствах начинается с разной степенью интенсивности в различных землях приток дворянства к княжеским дворам. Бюргерские элементы в княжеской службе и в образовании ищут себе не только благосостояния, но и социального престижа. «Сделать карьеру» в хозяйственной сфере многим бюргерам было достаточно сложно, а растущая потребность абсолютистских режимов в образованных людях предоставляла им возможность поступить на государственную службу и достичь определенных чиновничьих высот.

Германия, бывшая в XVI в. страной динамичной и всесторонней городской культуры, с середины XVII в. становится страной дворов, из которых лишь немногие имеют общеевропейское значение. Многие немецкие города долго не могли достичь довоенной численности населения, социальная и экономическая стагнация в них привела к тому, что функции управления постепенно переходили к князьям, так как только государственные запросы стимулировали в них некоторую производственную динамику. На первый план выдвигаются столицы княжеств. Дворы с их растущими властными устремлениями становятся «новыми заказчиками»; армия и администрация разными способами — прямо и косвенно — воздействуют на общество, «дисциплинируют» его.

«Дисциплинирование» — классическая тема исторической социологии. В последнее время она вызывает живейший интерес у специалистов. Они считают диспиплинирование одним из важнейших средств общественной стабилизации, полагая, что современное общество немыслимо без существования целого ряда дисциплинирующих технологий. Часть их была выработана в течение раннего Нового времени. Благодаря социальному дисциплинированию, как считает Р. Фиргауз, сформировалось особое социальное и политическое самосознание немцев, находившее проявление в законопослушании и чинопочитании, в угодливости, в слабости общественного сознания, которые единодушно отмечали и иностранные путешественники, и сами немцы.

Политическое развитие Германии в указанном периоде определялось не только итогами Тридцатилетней войны и Вестфальским миром. Но именно мирные решения Оснабрюка и Мюнстера послужили основанием для дальнейшего развития процесса немецкой децентрализации, конфессионального плюрализма и абсолютизации региональной власти. Они сформировали механизмы регулирования межгосударственных отношений и вместо конфессиональных проблем поставили на повестку дня проблемы политического характера, такие как стабилизация и расширение власти правителей, защита сословий, обладавших собственностью, и т. д.

Часть «территориальных» статей мира 1648 г. лишь подтвердила уже сложившееся статус-кво — выход из империи Нидерландов и Швейцарии. В Верхнем и Нижнем Эльзасе, где Франция впервые получила земли, прилегавшие к Рейну, французское правительство не ограничилось этим и во второй половине XVII в. неоднократно предъявляло претензии на дальнейшие приобретения. Огромные области с немецким населением достались Швеции. Значительные приобретения, имевшие важные последствия для его будущей истории, получил Бранденбург. Потеряв Переднюю Померанию и Рюген, он был вознагражден епископствами Гальберштадт, Минден, Гаммин, а также Магдебургом. Из состава Юлих-Клевского княжества к Бранденбургу отходили Клеве, Мархия и графство Равенсберг (Вестфалия).

Из важных политических решений Вестфальского мира необходимо отметить правовое признание — наряду с протестантской (аугсбургской) — реформатской конфессии. Был закреплен раздел конфессий по состоянию на 1 января 1624 г., и это, в конечном счете, определило те отношения между церквами, которые, за исключением

некоторых рекатолизированных позднее областей, сохраняются до сего времени.

Императорской короной на протяжении всего периода и до ликвидации империи (с небольшим перерывом в несколько лет после смерти Карла VI) обладал дом Габсбургов. Интересы Габсбургов по-прежнему выходили далеко за пределы империи, а императорская корона сочеталась с обладанием обширными австрийскими владениями. Такое положение дел устраивало европейские державы, прежде всего Францию и Швецию, не желавших разрушения империи. Европейские дипломаты понимали, что уничтожение империи полностью изменит европейскую межгосударственную систему. Точно так же не желали распада империи евангелические и католические князья, получившие признание своих прав и привилегий именно в ее рамках. После 1648 г. ленная зависимость князей от императора не мешала им быть полноправными субъектами имперского союза. Тем более, что большинство князей были слабы для того, чтобы играть самостоятельную роль; поэтому они видели в империи свою надежную опору и защиту. Даже те из них, кто менее всего в этом нуждался (Саксония, Ганновер, Бранденбург-Пруссия), де-юре оставались в правовом пространстве империи. Она не мешала правительствам этих княжеств-государств создавать свои милитаризованные державы.

2. Экономическое развитие

Германский камерализм

Характеристика экономического развития Германии в XVII и XVIII вв. затруднена в связи с недостаточностью надежных источников. Известно, что век статистики наступил после 1800 г., хотя некоторыми данными о состоянии своих земель немецкие государи пытались овладевать и ранее. Их интересовала главным образом численность подданных, вернее, количество реальных налогоплательщиков и потенциальных рекрутов. В последней трети XVIII в. ученые использовали в своих трудах разного рода данные о состоянии хозяйства и населения, взятые в чиновничьих канцеляриях, у бургомистров и сельских старост, из регистрационных книг приходских священников. Первые немецкие статистические обзоры отразили социопрофессиональную структуру современного им общества, которая характеризуется в значительной мере незавершен-

ностью разделения труда и смешанным характером производства: ткач, сапожник и земледелец часто выступают в одном лице. Все это позволяет исследователям делать только выводы общего характера об экономическом и социальном состоянии страны.

Депрессивная фаза длилась в разных землях и в разных отраслях не одинаково, но в целом заняла более полувека. Сказывался тот факт, что стагнация поразила в это время и другие страны. Она сопровождалась падением цен и снижением спроса на немецкую сельскохозяйственную продукцию в результате замедления демографического роста в большинстве европейских стран.

Огромную роль в преодолении депрессии, в восстановлении хозяйства сыграла экономическая политика отдельных территориальных государств. Эта политика была велением времени, а основные ее параметры нашли отражение в меркантилизме. ***Меркантилизм*** — это учение о государственном экономическом управлении, главным предметом которого считалось совершенствование экономических структур для повышения государственных доходов. Действенными средствами такого повышения были увеличение занятого в производстве населения, рост промышленной продукции и внешняя торговля. Деньги благодаря активному торговому балансу (превышению экспорта над импортом) должны были оставаться в стране и способствовать росту ее благосостояния.

Проводить такую политику на всей территории империи из-за внутренних таможенных границ было невозможно. Она могла приносить плоды только в отдельных территориальных государствах. Поэтому в Германии меркантилизм приобрел особые черты и вылился в своеобразный немецкий вариант, именуемый ***камерализмом***. Впервые о нем заговорил в своем знаменитом труде «Немецкое княжеское государство» в 1656 г. Ф.-Л. фон Зекендорф. Его идеи развили видные теоретики меркантилизма Й. Бехер, Ф. Гернг и В. Шрёдер, видевшие в государстве главный двигатель экономического развития. Государство они считали чем-то вроде «экономического товарищества» в разделенном на сословия обществе, которое призвано заботиться о повышении численности населения и о его благополучии.

Одним из главных представителей камерализма был ***Иоганн Генрих Готтлиб фон Юсти*** (1717–1771), многочисленные труды которого были посвящены учению о внутреннем государственном управлении, имеющем целью всеобщее благо, счастье каждого отдельного человека и всего общества. Поскольку экономическая деятельность,

порождающая конкуренцию, разъединяет и разобщает людей, государство как особый социально-политический институт должно было взять на себя задачу приведения их к согласию. Теории немецких камералистов находили благодатную почву в экономической действительности Германии того времени. Неслучайно главные импульсы к возрождению страны исходили от князей и их правительств.

Немецкий камерализм придавал гораздо большее значение росту населения, чем европейский меркантилизм. В этом сказывались не только последствия Тридцатилетней войны, но и внутренняя фискальная ориентация немецких монархов, видевших в увеличении производительности труда каждого отдельного человека главный способ роста государственного благосостояния. К камералистским мерам принадлежали также создание собственных мануфактур, запрет на ввоз отдельных товаров и экспорт сырья, высокие ввозные пошлины на определенную продукцию, контроль качества, использование принудительного труда и т. п. Сильнее всего меркантилистско-камералистская политика сказалась в Бранденбург-Пруссии, а затем в Прусском королевстве. Здесь экономика была поставлена на службу укрепляющейся государственной власти, милитаризации страны и социальному дисциплинированию населения, но одновременно эта политика подготовила и переход к индустриальному обществу.

Рост населения и демографическая политика князей

Новейшие социоисторические исследования придают увеличению населения огромное значение, видя в нем своеобразный ключ к пониманию не только экономических и социальных, но также политических и культурных процессов. Немецкие камералисты рекомендовали собственным монархам проведение активной демографической, в том числе и иммиграционной политики (организации разного рода строительных и прочих работ для создания рабочих мест, временного освобождения иммигрантов от налогов, запрета эмиграции).

Большинство немецких территорий, пострадавших от Тридцатилетней войны, с трудом ликвидировало демографические потери. Довоенная численность населения Германии в 15–16 млн была восстановлена только между 1720 и 1750 гг. Рост не был стабильным, эпидемии и голодные годы нередко прерывали и без того замедленный его темп. Сказывалась низкая средняя продолжительность жизни, составлявшая чуть более 30 лет.

Несмотря на относительно высокую рождаемость в сельской местности (в год около 30 рождений на тысячу человек), восполнить дефицит населения в городах оказалось очень трудно. Велика была смертность среди детей. Сказывалось также повышение брачного возраста у женщин. Для североевропейских стран, в том числе и для Германии, в XVIII в. в среднем он равнялся 25 годам. Поскольку репродуктивным считается возраст до 40 лет, можно предполагать, что родить женщина могла за 15 лет брака 4–5 детей, из которых выживала в лучшем случае только половина.

Некоторые правительства, прислушиваясь к мнениям камералистов, пытались улучшить демографическую ситуацию, привлекая на свои земли иммигрантов. С конца XVII в. в немецких землях активно принимали всех тех, кто уходил от религиозных преследований из других стран. Существенно пополнили свое население таким образом Вюртемберг, Франкония, Саксония, Бранденбург, Пфальц, Северный Гессен. В 1725 г. пятая часть населения Курмарка состояла из переселенцев. Берлин в конце XVII в. принял около 6 тыс. гугенотов.

Нельзя забывать и о том, что вместе с иммиграцией в XVIII в. развивалась и эмиграция из Германии на юг и восток Европы (в Венгрию, на Карпаты, в Россию), а также за океан. Подсчитано, что только с 1727 по 1754 г. примерно 2 тыс. немцев ежегодно через Англию выезжали в Северную Америку, и число немецких поселенцев в английских колониях к 1750 г. достигло примерно 100 тыс. человек. В это время и население самой Германии стало увеличиваться достаточно быстрыми темпами за счет естественного прироста. Показателен пример Пруссии, которая в 1748 г. имела 3,5 млн жителей, а в 1770 — уже 4,2 млн. В таких землях, как Вюртемберг, Баден, Пфальц, в сельской местности стало ощущаться перенаселение, вызвавшее отток населения в том числе в пределы самой Германии (в восточные области Пруссии, в Курмарк). Так называемые «колонны швабов» (*"Schwabenzüge"*), главным образом из Юго-Западной Германии, потянулись на Дунай и в Причерноморье, в Южную Россию. В течение второй половины XVIII в. десятки тысяч немцев перебрались на жительство в Россию.

Правительства поощряли приток сельского населения в города, особенно при закладке новых или строительстве княжеских резиденций. И все же баланс населения городов оставался негативным. Ни один немецкий город не смог приблизиться по числу жителей к крупным европейским городам. В конце XVII в. Вена была единственным немецким городом, население которого превышало 100 тыс., Гамбург и Берлин насчитывали более 60 тыс., Страсбург, Данциг,

Бреслау — более 40 тыс., в то время как в Кёльне, самом крупном немецком городе XV в., к 1800 г. проживало только 40 тыс. человек. Тем не менее общая численность населения Германии составила к 1800 г. 23 млн человек. К этому времени уже четко обозначились границы его дальнейшего роста, сдерживаемого недостатком ресурсов, прежде всего скудной базой питания. Преодолеть эту границу германское общество смогло только в XIX в. при переходе к индустриальной стадии развития.

Сельское хозяйство

На развитие сельского хозяйства долго влияли последствия войны. В ряде мест земля, превратившаяся в пустыню, оставалась невозделанной еще в начале XVIII в. Для ее заселения отсутствовали экономические стимулы. Длительное время сохранялись низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, а при одновременно высоких ценах на ремесленные товары наблюдался еще и рост налогов. Несмотря на дешевизну земельных участков и низкую арендную плату за землю, желающих ее обрабатывать было мало (в Баварии, к примеру, в конце XVII в. цена на дворянские поместья составляла в лучшем случае, половину, а то и треть или даже четверть от их стоимости в начале XVII в.). Рабочая сила была чрезвычайно дорогой, поэтому жалобы землевладельцев и крестьян на трудности с наймом батраков раздавались повсеместно. Колонизационная политика монархов долгое время не приносила успеха, так как была направлена главным образом в пользу господ. Традиционные аграрные отношения эволюционировали в сторону все возрастающих объемов работ крестьян в пользу сеньоров.

В Германии на протяжении XVII–XVIII вв. окончательно оформились две формы земельных отношений между крестьянами и землевладельцами. В Восточной Германии, включая Померанию и Мекленбург, в качестве особой формы землевладения продолжало развиваться поместное хозяйство. Землевладельцы, используя растущий спрос на сельскохозяйственную продукцию на европейских рынках, последовательно расширяли собственное хозяйство путем захвата крестьянских земель. Рабочая сила имела здесь большую цену, и крестьяне были прикреплены к земле, которую они возделывали. Участки земли были предоставлены им в пользование как плата за труд в хозяйстве помещика.

В Восточной Германии крестьяне именовались «не обладающими правом наследования», а в литературе XVIII–XIX вв. получили

название «крепостных». В новейших исследованиях данный термин почти не употребляется, хотя признается, что такие крестьяне находились под частной юрисдикцией помещика и нередко страдали от его произвола. Но помещики, заинтересованные в повышении доходов, а также монархи, использовавшие крестьян в качестве солдат, старáлись не допускать излишне жестких форм эксплуатации.

Как правило, в центре помещичьего хозяйства располагалось рыцарское дворянское имение или фольварк управляющего доменом. Главной отраслью хозяйства было производство зерновых, скотоводство играло подчиненную роль, только на плохих землях держали большие стада овец. Благополучие хозяйства покоилось на крестьянских повинностях. Главной их формой была барщина. В Восточной Пруссии помещики обладали также правом первоочередного найма на работы всех свободных людей, проживавших в их владениях. Обложение повинностями напрямую зависело от количества крестьян и от размеров крестьянских дворов. При значительном количестве крестьянских семей личные отработки не были обременительными. Положение менялось в кризисные и неурожайные годы.

Наряду с барщиной практиковался оброк, состоявший из определенного количества зерна, продуктов животноводства, денег и традиционных феодальных поборов. Нередко эти сборы достигали одной трети валового урожая. Тем не менее сельское хозяйство в восточных районах страны — при среднем качестве земли и состоянии сельскохозяйственной техники, но при хорошей организации труда — давало хотя и колеблющуюся в объемах, в целом приносящую неплохие доходы рыночную продукцию.

Другая часть крестьян, прежде всего в Восточной и Западной Пруссии, была менее обременена феодальными повинностями. Это так называемые «кольмеры», обладавшие личной свободой и наследственной собственностью. Но экономически они играли незначительную роль, ибо размеры их хозяйств были невелики. В целом же помещики в период стагнации после Тридцатилетней войны постарались теснее привязать крестьян к их клочку земли, распространили прикрепление к земле на их наследников, увеличили барщину и оброк. Земельные монархи практически не препятствовали им в этом. Только в 1740 г. в Пруссии из фискальных соображений были запрещены захваты крестьянских земель.

В западной части Германии, там, где землевладельцы не вели собственное хозяйство, а жили на ренту и налоги, крестьяне обладали большими правами владения. В северо-западных областях

сохранялось так называемое «мейерское право». Здесь уже с конца XVI в. были введены запреты на повышение арендной платы и сгон арендаторов с земли. В XVII в. была установлена неделимость крестьянского двора. Это способствовало сохранению дееспособных хозяйств, но все, кто не получал наследства, должны были искать себе пропитание в качестве наемных работников, заниматься ремеслом, уходить на заработки в города. Некоторые превращались в бродяг. Социальная стабильность в Северо-Западной Германии была выше, но и она не обеспечивала более высокого уровня развития сельского хозяйства, чем на востоке. Хотя арендная плата за землю после войны снизилась, но также выросли и налоги в пользу князей, так что обложение хозяйств в целом не уменьшилось. Вся прибыль от продажи излишков уходила на текущие хозяйственные расходы, на рентные выплаты и налоги. К ним присоединялись традиционные баналитеты за помол зерна, производство пива, винокурение и т. п. Часто землевладельцы присваивали себе и право преимущественной покупки крестьянской продукции.

Особую форму приобрели земельные отношения также в Западной, Юго-Западной, Центральной Германии и в Баварии. Здесь в течение XV–XVII вв. личное прикрепление крестьян к их господам постепенно ослабло. Что касается владельческих прав, то крестьянские дворы стали практически наследственными. Они были владением семьи и в течение длительного времени находились в руках ее членов. Рента была достаточно высокой, но фиксированной, и землевладельцы не могли ее произвольно повышать.

Экономическое положение крестьян зависело от размеров земельного участка, качества и способов обработки земли, приемов ведения хозяйства. В большинстве земель оставалась господствующей трехпольная система землепользования, иногда модернизированная, при которой отдаленные и малоплодородные земли не получали требуемого тщательного ухода. Но в ряде областей в XVIII в. стали применять и многопольные севообороты, внедрять однопольную систему с интенсивным удобрением полей. На неплодородных землях началось травосеяние и интенсивное выгонное животноводство. Резко выросло производство разнообразных плодовых и овощных культур, особенно вблизи городов. Стали внедряться в производство стручковые, волокнистые, масленичные и другие культуры.

Интенсивность использования земель в разных регионах Германии была различной. На первое место можно поставить Рейнско-Майнскую область, Нижний Рейн, отдельные районы Тюрингии,

Саксонии и Шлезвига, в которых преобладали плодородные земли. За ними шли восточные и центральные горные районы, поставлявшие на рынок значительную часть товарной продукции.

Животноводство на селе почти во всех землях было на относительно низком уровне. Лучше всего дела обстояли вблизи городов и в районах с хорошими выгонными пастбищами. Что же касается городов, в особенности малых, то они обладали достаточным поголовьем скота внутри городских стен. В целом же исследователи не отмечают никаких решительных изменений в развитии животноводства в XVIII в. по сравнению с предшествующим периодом.

Главным достижением в развитии сельского хозяйства стало расширение посевных площадей посредством мелиорации и осушения, окультуривания торфяников и обвалования. Особенно впечатляющими были мероприятия бранденбург-прусского правительства в области Гавель-Одер-Пригниц и баварского — в болотах Дуная. Раскорчевки и осушение земель проводились и по частной инициативе, поощряемой правительствами. Улучшенному использованию земли способствовали также разделы части сельских общинных земель и соединения полей, начавшиеся по инициативе крестьян, но поддержанные князьями и монархами. Монаршие предписания, вместе с инициативой помещиков и крестьян, вели к усовершенствованию агротехнологии.

По инициативе монархов осуществлялось планомерное расселение в запустевших и вновь осваиваемых местах поселенцев-колонистов, получавших на период освоения разнообразные, в том числе налоговые льготы. Для подъема животноводства стали внедряться корнеплоды, фуражные культуры, во второй половине XVIII в. — картофель. К концу столетия развитие овцеводства стало необходимой предпосылкой для производства шерстяных товаров.

В конечном счете сельское хозяйство сумело обеспечить продуктами заметно возросшее в XVIII в. население Германии. Посевные площади выросли на 60 %, урожайность на единицу обрабатываемых земель увеличилась на 20 %. Но в питании населения резких перемен к лучшему не произошло, так как производство продуктов не поспевало за их спросом. Главным препятствием существенной интенсификации агроэкономики оставалась феодальная система.

Ремесло и мануфактурная промышленность

Ремесло и торговля преодолели депрессию быстрее, чем сельское хозяйство, — уже к концу XVII в. Огромную роль в этом

сыграли цехи, остававшиеся главной организационной формой городского ремесла. Будучи заинтересованными в росте прибылей, увеличении продукции и расширении экспорта, они оказывали кредитную и иную поддержку поднимавшимся предприятиям, создавали рабочие места. Предпочтение отдавалось продукции, которая пользовалась растущим спросом на внутреннем рынке и имела особые шансы на экспорт. Таковыми были предметы роскоши (фарфор, ковры, шелк). Для их производства цехи приглашали квалифицированных мастеров из-за рубежа, поселяли их как в новых, так и в старых городах и даже на селе.

Государственная политика была направлена на развитие не только традиционных ремесел, но и новых, удовлетворявших потребности абсолютистских дворов, дворянства и внешних рынков. Такая продукция стала производиться в столицах германских княжеств и территориальных государств, нередко уже на мануфактурах. Стимулирующими мерами являлись: помощь монархов при заведении предприятий, освобождение от налогов в первые годы и привилегии в сбыте продукции.

Сопротивление со стороны подмастерьев продолжавшемуся «замыканию цехов» вылилось в ряде мест не только в забастовки, но и в восстания. Это заставило имперское правительство принять в 1731 г. «Ремесленный устав», который облегчил доступ подмастерьев в цехи, но одновременно наложил запрет на забастовки, выдвижение требований о повышении заработной платы и образование союзов.

Стремление цеховых мастеров к монополии смягчалось прежде всего установлением режима наибольшего благоприятствования для сельских ремесел, организацией сбыта продукции и поставок сырья, созданием мануфактур. Но в целом абсолютистские правительства с успехом использовали цехи в своих интересах как полезный инструмент «полицейского» надзора и дисциплинирования подданных.

Потребности сельского и даже части городского населения в продуктах ткачества почти повсеместно удовлетворялись домашним ремеслом. Но домашнее ремесло, свободное от цехов, особенно в местах с избыточным населением или недостаточным земельным фондом, теперь все более работало на рынок. «Протоиндустрия» развивается прежде всего в текстильном производстве. Возникает слой предпринимателей, налаживающих сбыт продукции домашнего ремесла и снабжение производителей сырьем и материалами («ферлагсистема»).

Такая система существовала в производстве льняного полотна в Силезии, Вестфалии (Минден-Равенсберге), Гессене, на Нижнем Рейне, в Швабии. В Билефельде и Оснабрюке, а в конце XVIII в. и в Силезии устраивались специальные выставки полотна, призванные обеспечить необходимый стандарт качества.

Более интенсивной эта система была в хлопчатобумажном, шерстяном и шелковом производстве. В XVIII в. центр производства хлопчатобумажных тканей переместился из Швабии в Саксонию. Сырье доставляли с Балкан, из Леванта и Западной Индии. Шерстяное и шелковое ткачество сосредоточивалось в Восточной и Центральной Германии, главным образом в городах и в их сельской округе.

Ферлагсистема являлась немецкой формой смешанной мануфактуры. Производство оставалось децентрализованным, в то время как сбыт, а часто и снабжение сырьем, как и дальнейшая обработка тканей (беление, окраска, набойка) были централизованы. Доминировал в этой системе торговый капитал. Эта система позволила продвинуть продукцию домашнего ремесла на отдаленные рынки и сохранила на долгое время значительные группы ремесленников от разорения. Прибыли предпринимателей-поставщиков послужили затем важным средством начавшейся индустриализации. К концу XVIII в. продукция, произведенная в рамках этой системы, составляла 43 % общей массы продукции ремесла. Из них 41 % поставляли текстильные предприятия, остальные 2 % приходились на обработку металлов, дерева и бумажное производство.

Только 7 % всей продукции давали смешанные и централизованные мануфактуры, которые возродились в XVII в., но стали заметным явлением только в XVIII в. Мануфактуры возникали, как правило, при появлении новых видов ремесла (производство шелка, предметов роскоши). Характерным для них было максимальное разделение производственных операций и использование труда как квалифицированных, так и необученных рабочих, а также женщин и детей. Нередко к работам на мануфактурах принуждались обитатели сиротских, работных или арестных домов, ночлежек.

Некоторые мануфактуры основывались монархами и князьями, но чаще всего — частными предпринимателями при поддержке властей, в том числе банкирскими домами, а в последней трети XVIII в. — акционерными обществами. Успешнее всего функционировали смешанные текстильные мануфактуры. Некоторые из них объединяли до трех-четырех тысяч прядильщиков и ткачей. Особой

известностью пользовалась шерстяная мануфактура в Линце, основанная частным предпринимателем и перешедшая 1754 г. в руки государства, на которой в 1780-е гг. трудилось свыше 1 тыс. мастеров ткацкого дела, почти 4 тыс. их помощников и почти 30 тыс. прядильщиков и обработчиков шерсти, большинство из которых проживало в Богемии.

Центром текстильных мануфактур стал в XVIII в. Берлин, где одновременно действовали как частные, так и государственные предприятия. В 1713 г. был основан знаменитый Лагерхауз, производивший сукно для униформ, который функционировал и как частное предприятие, и как государственное, а затем был сдан в аренду. В 1710 г. была основана первая в Европе, ныне всемирно известная фарфоровая мануфактура в Мейсене, за ней последовали аналогичные предприятия в Вене, Хексте, Нимпенберге, Фюрстенберге, Франкентале, Берлине. Были организованы мануфактуры по переработке табака, производству сахара, пивоварни.

Мануфактуры были предшественницами фабричной индустрии. Они разрывали связь работника с домом, превращали его в наемного работника, не владеющего средствами производства, но и не зависящего более ни от цеха, ни от помещика.

Торговля и банковское дело

На мануфактурах и в мастерских сельских ремесленников производился товар на рынок. Внешняя торговля после войны поднималась с большим трудом. Правда, в XVIII в. она достигла относительных успехов, хотя меркантилистская экономическая политика с ее территориальностью и стремлением к автаркии являлась для нее своего рода препятствием. На динамике и объемах торговли сказывались, с одной стороны, рост населения, нужда в сырье и материалах, что вызывало стремление к выходу на международные рынки; с другой — низкие цены на зерно и низкие заработки, которые делали конкурентоспособной немецкую текстильную промышленность. Самыми важными центрами торговли были Лейпциг с его ярмаркой, ориентированной на Восток Европы, и Гамбург как центр морской торговли, связанный через Эльбу и бранденбургскую систему каналов с Одером и ориентированный прежде всего на Англию, Испанию и Францию. Через Бремен и нидерландские гавани Германия вывозила лен и аграрную продукцию, а ввозила табак, сахар, ткани и другие товары. Лов и переработка рыбы, а также азиатская торговля сосредоточивались в Эмдене, в устье р. Эмс. В торговле на Балтике, где

важное место принадлежало зерну, доминировал по-прежнему Любек, хотя и не достигший прежнего своего расцвета. Через Штеттин в 1720–1730-е гг. Русская торговая компания прусских купцов вывозила полотно. Другие гавани, в том числе Росток, Пилау, Кёнигсберг, Мемель, в основном были центрами импорта.

Морская торговля велась купеческими компаниями, как немецкими, так и главным образом голландскими. Попытка бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма основать на африканском побережье собственный форт не увенчалась успехом. Гроссфридрихсбург, построенный в 1684 г., был вскоре продан голландцам. Под давлением тех же голландцев и англичан были закрыты немецкие фактории в устье Ганга, в Мадрасе и Кантоне, основанные в 1720 г. и просуществовавшие всего несколько лет. В итоге немцам даже к концу XVIII в. не удалось ни экономически, ни политически проникнуть в колонии, поэтому Германия оставалась страной, ориентированной преимущественно на внутренний рынок, и участвовала в заокеанской торговле только через посредников.

Что касается внутренней торговли, то до тех пор пока основной ее функцией было снабжение маленьких городов продуктами питания и местного ремесла, она обходилась во многом без профессиональных торговцев. Но с ростом спроса на особые продукты питания и предметы роскоши, на разнообразный мелкий ремесленный товар растет число торговцев, передвигающихся по стране. Развиваются и средства передвижения. Самыми удобными и дешевыми путями были реки и каналы. Многие, ныне несудоходные, речки в XVIII в. во время высокой воды могли поднимать небольшие суда. С конца XVII в. по примеру Франции началось интенсивное строительство каналов, которое сильно продвинуло вперед экономику многих территориальных государств. Показателен пример Бранденбурга, в котором Берлин стал важным промышленным и торговым центром именно благодаря каналам, связавшим Эльбу, Одер и Вислу друг с другом и с Богемией, а Силезию — с побережьем. Гораздо хуже обстояло дело со строительством сухопутных дорог, особенно в северной части Германии. На Н. М. Карамзина, побывавшего в Северной Германии в 1789 г., тряские и пыльные дороги произвели весьма безотрадное впечатление. Так, на дорогу от Берлина до Вены уходило 14 дней. Оставляло желать лучшего и почтовое дело: в XVIII в. почта приходила и уходила всего 2 раза в неделю.

Однако не только плохие дороги, но и огромное количество таможенных границ, отсутствие единой денежной системы препят-

ствовали складыванию единого всегерманского рынка. Периодически проводившиеся между территориями выравнивания уровней заработков и цен были недостаточны. Куда большую роль в создании этого рынка играли новые местные центры, в которых сосредоточивались речные гавани и извозчичьи дома, ярмарки, конторы, банки: Франкфурт-на-Майне, Франкфурт-на-Одере, Майнц — на Рейне, Ганновер-Минден — на Везере.

С начала XVIII в. банки стали важнейшим инструментом для покрытия потребности в капиталах как государства, так и частных предпринимателей. К концу века Германия обладала уже эмиссионными и депозитными банками, кредитными учреждениями для сельского хозяйства, кассами помощи для низших слоев населения. Развивалось страховое и вексельное дело. Крупными банковскими центрами становятся Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, Вена, Берлин, Гамбург, Кёльн, Лейпциг, Бреслау, Кассель. Банкирские дома участвуют в организации торговли и производства, одалживают ссуды монархам, зарабатывают неплохие деньги на войнах.

Особое явление представляли собой еврейские финансовые придворные конторы — семьи, пользовавшиеся монаршими милостями и финансировавшие крупные и малые династии века абсолютизма: Оппенгеймеры, Вертгеймеры, Итциги, Ротшильды. Представление о финансовой мощи придворных факторий дает размер займов на Семилетнюю войну прусскому финансовому ведомству. Они составили 29 млн талеров.

В целом к концу XVIII в. Германия уже не столь резко нуждалась в рабочей силе и в капиталах. И хотя частное предпринимательство формировалось медленно, были созданы необходимые предпосылки для последующего индустриального развития, которое сдерживалось низким уровнем доходов и спросом на товары, соответствующим феодальной эпохе.

3. Социальная структура

В XVII и XVIII вв. не только в Германии, но и во всей Европе произошла консервация социальных отношений, сложившихся в эпоху раннего Нового времени. Но в Германии из-за политической замкнутости и экономической слабости она проявлялась сильнее всего. Здесь каждый подданный должен был думать о том, чтобы сохранить свой сословный статус, не допустить других к обладанию

подобными правами и привилегиями, препятствовать, по возможности, конкуренции и переменам. Отсюда ревнивое соблюдение социальных различий, подчеркивание привилегий и дистанций, плотная система социального контроля, существовавшая и в городе, и в деревне. Огромную роль играла политика немецких монархов, стремившихся дисциплинировать своих подданных в рамках тех социальных структур, в которых они находились, и с помощью административных мер принуждать их к строгому соблюдению порядка.

Поскольку каждый оберегал свой статус и репутацию, он подчеркивал их своими манерами, одеждой, обращением с окружающими, образом жизни. В общественном сознании и в поступках людей наглядно проявлялись действительная или мнимая покорность подданных перед господами, подчеркивание своего более высокого положения перед нижестоящими. Большое значение имели влиятельные связи и покровительство, чиновничьи места в городах. Постоянные места на скамьях при церковной службе рассматривались как семейное владение. Весомее, чем разница между богатыми и бедными (а сельские помещики часто жили весьма бедно), считалось различие между господами и зависимыми, между дворянством и недворянами, между теми, кто обладал правом голоса, и теми, кто его был лишен, между мастером и подмастерьем. Свой сословный и цеховой менталитет имел место у юристов, ученых и священников.

Закостенелость социальной структуры Германии объясняется еще и тем, что после Тридцатилетней войны в ней практически не осталось буржуазии, бывшей весьма значительной социально-экономической силой в торговых и промышленных городах в XVI в. Такой буржуазии не было и в XVIII в., если не принимать во внимание ее отдельные «динамичные элементы», которые сформировались в средних и высших слоях немецкого общества. Тем не менее определенные количественные и качественные изменения в немецком обществе изучаемого периода имели место. Характеризовать их целесообразнее сверху, учитывая тот факт, что немецкий территориальный абсолютизм заметно видоизменил ту социальную структуру, которая ориентировалась на правящих князей, дворы и династии, и установил особый придворный порядок.

Князья и дворы

После Вестфальского мира Священная Римская империя германской нации состояла из более чем 250 территориальных княжеств, имперских графств, герцогств, епископств и аббатств, пред-

ставленных в рейхстаге. Сохранялись также многочисленные владения имперских рыцарей. Даже духовные государства, чьи князья были избраны Соборным капитулом и не обладали наследственным правом, вели династическую политику и имели свой придворный штат, в котором немалую роль играли женщины. В больших государствах могло быть несколько дворов. Придворный штат полагался также некоторым членам правящей династии и отдельным чиновникам высокого ранга. Двор являлся своеобразным политическим организмом, показателем репутации того или иного государства. Дворы в абсолютистскую эпоху стали важной достопримечательностью не только империи, но и всей Европы.

Районирование дворов было сложным. На востоке, северо-востоке и юго-востоке, где находились крупные территориальные государства, их было немного, а на юго-западе, западе и в центре Германии — гораздо больше. В Швабии, Франконии, областях Верхнего и Среднего Рейна, Гессена и Тюрингии теснились многочисленные светские и духовные дворы. Различными были их политический вес, международный престиж и размеры. Отдельные дворы обслуживали сотни людей, в большинстве других их было несколько десятков.

К наиболее влиятельным и независимым князьям Германии принадлежали курфюрсты. Некоторые из них сами претендовали на имераторский титул. За ними шли герцоги, графы, князья-архиепископы, князья-епископы, аббаты и прелаты. Субъектами империи оставались также вольные имперские города и имперские рыцари — прямые вассалы императора.

Разными были затраты на содержание дворов. В течение XVIII в. везде наблюдалась тенденция к возрастанию расходов. К примеру, двор первого прусского короля Фридриха I, двор его честолюбивого сына Фридриха Вильгельма I и двор его внука Фридриха II весьма резко отличались друг от друга богатством и великолепием. Расходы на содержание дворов составляли, как правило, самую большую статью бюджета. Исключением была разве что Пруссия, в которой в 1740-е гг. около 80 % всех доходов тратилось на военные цели.

При всех различиях штат и ранжирование придворной знати и прислуги осуществлялись по единому образцу. В центре стоял монарх, князь-правитель; за ним на верхней ступени придворной лестницы располагались высшие чины, получившие свои места по наследству; потом — в евангелических дворах — придворные проповедники, а в католических — придворные исповедники (духовники); за ними лейб-медики, капельмейстеры, театральные интендан-

ты, камергеры, конюшие, егеря, садовники, офицеры лейб-стражи и дворцовой гвардии, придворные художники, архитекторы, историографы, юнкера и пажи. Супруги князей, принцы и принцессы имели свои малые дворы с придворными дамами, воспитателями, инструкторами и учителями. Для обслуживания двора, содержания дворцового хозяйства и его охраны требовался персонал, в составе которого кроме слуг нередко находилось значительное число ремесленников и торговцев.

Двор представлял собой не только инструмент власти, но и особый жизненный уклад, подчиненный определенному церемониалу. В нем каждый имел точное место и выполнял функции, предписанные его нормами. Образ жизни, стиль поведения, культурные притязания, язык, на котором говорили придворные, — все это принадлежало другому миру, резко отличному от того, в котором жили подданные. При дворах процветала итальянская опера, а с ней итальянские музыканты и певцы, здесь все больше говорили на французском языке и одевались по последней моде. Символом монархической власти стали дворцы, строительство которых, особенно в первой половине XVIII в., шло невиданными темпами. В размерах и великолепии дворцов отражалось растущее абсолютистское самосознание и притязания на политическую значимость. Строили и украшали резиденции иностранные или обученные за границей архитекторы и художники. Итальянское и французское влияние сказалось при строительстве Дрездена, одного из самых значительных в художественном отношении городов-резиденций раннего XVIII в. Пример Версаля повлиял на архитектуру Потсдама.

Тот факт, что значительная часть прибавочного продукта государства тратилась на удовлетворение потребностей придворной верхушки, историки теперь не считают пустой расточительностью. В век абсолютизма эти траты служили политическим целям, а именно репрезентации власти, что, кстати, хорошо понимали современники. Кристиан Вольф, к примеру, писал, что если подданные признают величие короля как носителя власти и высшей силы в обществе, они должны признать и его право на такое устройство своего города-двора, которое демонстрирует эту силу и власть. Если общество согласно с тем, что каждый человек ест и пьет в соответствии со своим состоянием, носит приличествующую ему одежду и имеет соответствующее жилье, оно должно признать, что и король может есть, пить, одеваться и жить так, как того требует его величие. Стало быть, королевский стол по числу дорогих кушаний, великолепие

одежд короля, дворец, в котором он живет, обязаны превосходить по величине и красоте все другие столы, одежды и здания.

Различия в ранге и богатстве между отдельными дворами было огромно. Но поскольку все они принадлежали к имперскому сословию, это различие могло быть уменьшено выгодными родственными связями, которым в рамках наследственной монархии придавалось огромное значение. Такую же роль играли браки. Нередко признавались нелегитимные и побочные связи, знатные титулы получали метрессы и их дети. Высокородные, но не самые значительные в рамках империи князья нередко претендовали на занятие европейских тронов. Таковыми были Виттельсбахи, боровшиеся за испанское наследство и поставлявшие королей на шведский престол. Представитель Брауншвейг-Люнебургского дома взошел на английский трон, а Гольштейн-Готторпский принц в 1761 г. — на царский трон в России. Немецкие принцессы выходили замуж за представителей всех правящих европейских домов, особенно успешно — габсбургские эрцгерцогини. Со своими многочисленными правящими аристократическими дворами Германия превратилась в почти неисчерпаемый источник династических связей. Конфессиональные различия при этом успешно преодолевались, что же касается этнических различий, то они не играли никакой роли, ибо дворянское общество в целом и его правящий высший слой были в это время в Европе «интернациональными».

Своим количеством правящие князья, их семьи и их дворы составляли существенный социальный элемент Германии. Находясь на вершине социальной иерархии, обладая экономической и политической властью, они оказывали огромное влияние на все стороны жизни своих государств. Самым сильным и честолюбивым из них удавалось вывести свои государства в русло большой политики. Но главное поле, где их деятельность принесла ощутимые плоды, — это создание эффективного аппарата управления, чиновничества, в рамках которого нашли себе применение лучшие и наиболее образованные бюргерские и дворянские слои. Неслучаен вопрос, который задавал великий Лейбниц: «Не является ли огромное число дворов тем замечательным средством, благодаря которому так много людей имеет возможность подняться из пыли?»

Дворянство

В правовом отношении дворянство оставалось по-прежнему «феодальным», поскольку занимало определенное место в сеньориально-вассальной системе. По месту в этой системе оно

делилось на имперское и земельное. К высшему дворянскому слою принадлежали имперские сословия или земельные монархи, среди которых первостепенное место занимали имперские князья. В то же время каждый имперский князь был сюзереном для своего земельного дворянства.

Имперские князья обладали разным политическим весом. Некоторые не имели даже значительного города, который мог бы играть роль столичного центра. Другие не владели единым земельным комплексом, а лишь разрозненными, не связанными территориально владениями. Политической фикцией было и продекларированное правовое равенство имперских сословий. Р. Фиргауз считает, что мелкие и мельчайшие государства, которыми владели имперские сословия, не имевшие своих вооруженных сил, вообще сохранились до конца существования империи только благодаря своей принадлежности к ней и соперничеству крупных государств, зорко следивших за усилением соседей.

Имперским вассалитетом обладали члены имперского рыцарства, хотя в имущественном отношении они нередко стояли гораздо ниже некоторых фамилий земельных дворян. Имперское рыцарство образовывало собственную корпорацию внутри империи. Ее члены подчинялись только императору. С 1577 г. имперское рыцарство разделялось на три округа: Швабский, Франконский и Рейнский, а те в свою очередь — на 14 кантонов. Каждый округ имел свою канцелярию, а каждый кантон — выборного капитана и рыцарский совет. С 1654 г. имперские рыцари носили титул «благородный». Особенно густо имперские рыцарские территории располагались во Франконском округе. В Северной и Восточной Германии, Саксонии и Баварии имперское рыцарство отсутствовало.

Имперский ранг рыцарей покоился не на праве суверена, а на праве владения землей, вписанной в рыцарские списки. Только они давали им право считать себя принадлежащими к свободному имперскому дворянству. Переход земли в чужие руки (выморочность, продажа или другим способом) означал утрату рыцарского достоинства и членства в корпорации, если только они не были гарантированы специальной имперской охранной грамотой. Такие грамоты запрещали переход рыцарских земель в руки тех, кто не принадлежал к корпорации, или, если это произошло, разрешали их выкуп по справедливой цене (по праву родового выкупа). Еще более важным было право преимущественной покупки земли через рыцарскую директорию другими рыцарями или самой рыцарской корпорацией. Приобретя рыцарское имение, вступить в права владения можно было только через три года,

если за это время никто не предъявит на него свои законные права. С помощью таких мер сохранялось рыцарское сословие.

Нередко рыцари владели также и другими землями и поэтому являлись одновременно вассалами того или иного немецкого князя или монарха. Сопротивляясь усилиям последних превратить их в своих подданных, имперские рыцари искали защиту у императора, который получал из их среды постоянный приток чиновников на имперскую и габсбургскую военную и гражданскую службу. Но имперские рыцари и их сыновья нередко поступали и на службу к князьям, добывая тем и прибыли, и признание, и возможность влиять на положение дел. Особенно сильным был интерес католических рыцарских семей к приходам имперской церкви и, прежде всего, к кафедрам архиепископов-курфюрстов и княжеских аббатств. Рыцари охотно определяли своих сыновей к духовной карьере.

Итак, имперское рыцарство было закрытой дворянской корпорацией, члены которой обладали земельными владениями и культивировали особое независимое самосознание. Они не были представлены в рейхстаге, но не платили имперских и окружных налогов. Однако в земельных сословных учреждениях — ландтагах — имперские рыцари иногда заседали вместе с местными дворянами, составляя особую курию, в Австрии, в Пруссии, в курфюршестве Кёльн.

Существовала практика пожалования дворянского титула *(Nobilitierung)* как особый способ вознаграждения отличившихся чиновников (служащих, офицеров, военных поставщиков, купцов, ученых, юристов). Таким правом обладали императоры и те князья, которые одновременно являлись суверенными государями. Остальные князья могли возводить своих подданных в дворянское сословие только с согласия императора.

Приобретение дворянского звания через пожалование, несмотря на сопротивление старого дворянства, было нередким явлением. При этом не всегда соблюдалось правило, которое обязывало всех дворян иметь поместье и вести соответствующий образ жизни. Другой способ получения дворянского титула заключался в покупке налогооблагаемого, находившегося в ведении ландтага имения.

Старое дворянство имперских городов достигло своего звания благодаря коллективным пожалованиям дворянства императорами патрициату крупных северогерманских имперских городов, достигших своего благосостояния торговлей. Став дворянами, знатные горожане выбывали из торгового сословия, а вследствие этого теряли право быть избранными в городские советы.

Дворянство, разделенное на старое и новое, с различным набором прав и привилегий, оставалось господствующим сословием. Абсолютизм укреплял его автономные права и функции — как социальные (собственника земли), так и политические (правящего сословия) — и консервировал их. Ничего не изменилось и при просвещенном абсолютизме, который все делал для того, чтобы каждый подданный оставался в своем сословии и был «счастлив» в нем. Более того, именно просвещенные государи, понимая сословный строй как функциональный государственный порядок, подвели под него законодательную базу. Землевладельческое дворянство оставалось сословием, обладающим правом суда, освобождения от личных податей, правом занятия охотой и рыбной ловлей. Оно осуществляло судебную власть и церковный патронат. К 1800 г. численность сельского дворянства составляла 80 тыс. человек (0,35 % всего населения).

Эти привилегии обусловливали соответствующий образ жизни, часто недостижимый для иных мелких дворян, требовавший больших расходов и образования, которому в XVII–XVIII вв. стали уделять значительное внимание. Рыцарские академии, иезуитские гимназии, университеты, поездки по Европе формируют тип образованного, деятельного, пекущегося о своем владении и о подданных, служащего отечеству дворянина. Такой образ дворянина вместе с образом придворного образованного буржуазного патриота культивирует и немецкая литература XVIII в.

Таким образом, немецкое дворянство в XVII и XVIII вв. не являлось гибнущей закрытой кастой. Вряд ли его можно расценивать и как только потребляющий социальные блага слой общества. Дворянство обладало большим запасом сил, знаний и энергии, которые выдвинули его представителей в разряд государственных служащих и тем самым на долгое время сохранили за ним ведущую политическую роль в Германии.

Духовенство

Социальное положение и функции католического и протестантского духовенства были различны. Католические священники, монахи и монахини рекрутировались из общества через посвящение и принимаемый обет безбрачия. Богатства католической церкви, которыми она обладала, позволяли ей содержать многочисленное духовное сословие. По данным К. Диппера, постоянно возраставший на протяжении характеризуемого периода католический клир достиг к 1800 г. 90 тыс. человек, что составляло 0,4 % всего населения Гер-

мании. Тот, кто вступал в него, находил в нем работу и содержание. Управляя церковным имуществом, он не имел права на его отчуждение каким-либо способом. В особенности это касалось тех, которые одновременно являлись князьями.

Протестантское духовенство иначе, чем католическое, втягивалось в общественную жизнь. Во-первых, его представители, как правило, были женаты и имели семьи. Во-вторых, высшее протестантское духовенство принадлежало к дворянскому сословию, нередко к высшему, потомственному.

В светских католических государствах высший клир как представитель церковного землевладения заседал в качестве первого сословия в ландтаге. Социальная дистанция, отделявшая его от низшего клира, который рекрутировался преимущественно из крестьянского населения, была огромна. Деревенские пасторы жили, как правило, очень скромно и в большинстве своем были малообразованны. Столь же велика была разница между богатыми бенедиктинцами в крупных южных государствах, придворными княжескими исповедниками, с одной стороны, и бедными францисканцами и кармелитами в городах — с другой.

Такие глубокие различия отсутствовали у протестантского духовенства, хотя и здесь имела место заметная разница в образе жизни деревенского священника и придворного проповедника или пастора видной городской церкви, профессора теологии в университете. Здесь большую роль, помимо семейной поддержки, играло академическое образование и выслуга. Важным было и то, что большая часть протестантского духовенства пополнялась детьми священников. Но так как число приходов было ограничено, юные теологи долго дожидались места домашнего учителя или викария.

В количественном отношении протестантское духовенство, включая служителей, учителей и членов семей, значительно превосходило католическое. К 1800 г. вместе с семьями оно составило 1 млн 169 тыс. человек, или 5 %, населения Германии. Евангелические священники, являясь, как правило, образованными людьми, находившимися в тесном общении с властью, приобретали на селе особое положение, а в городах вступали в разнообразные профессиональные и родственные связи с местной знатью. Придворные проповедники и суперинтенданты женились чаще всего на дворянских дочерях, хотя получение ими дворянского титула не было в обычае.

В XVIII в. евангелическое духовенство превратилось в весьма динамичное профессиональное сословие, поставляющее ученых, го-

сударственных деятелей разного ранга, юристов, писателей и поэтов. Призванное извещать население о государственных предписаниях и призывать его к послушанию и к исполнению этих предписаний, оно активно участвовало в процессе социального дисциплинирования. Семьи священников стали своеобразным образцом для бюргерских семей, в которых огромное место занимало воспитание детей.

В социальной структуре католических областей духовный элемент гораздо сильнее проявлял себя в повседневной жизни. Особый образ жизни культивировали монастыри. Они часто обладали развитым сельским хозяйством, занимались торговлей и были весьма зажиточны. Поэтому, осуществляя заботу о душе, они брали на себя содержание школ, призревали бедных и больных, убогих. Тем не менее правительства ряда государств начали во второй половине XVIII в. предпринимать шаги по ограничению земельных пожалований церкви (например, в Баварии, где одна треть земли принадлежала церкви).

Сильнее, чем в протестантских областях, католическая церковь проникала в повседневную жизнь, в народную культуру. Наличие в семье духовной персоны сильно повышало ее престиж. К концу XVIII в. в обыденном сознании укрепилось мнение, что под епископским посохом живется легче, чем под властью светского государя, резко увеличившего требования к своим подданным.

Крестьяне и сельские ремесленники

Крестьяне, составлявшие большую часть населения Германии, в социальном отношении были сильно дифференцированы. В разных землях практиковались различные формы землепользования и хозяйствования, разными были права наследования и налогообложение. Поэтому почти каждая деревня имела свои отличительные свойства. Современные исследователи отмечают большие сложности в определении социального облика немецкой деревни и говорят о возможности вычленить лишь некоторые сквозные структуры.

К. Диппер разделил немецких крестьян на три большие группы: первую составляли крестьянские семьи, имевшие рабочий скот, — 4 млн 74 тыс. человек (17,7 % всего населения Германии); вторую — самостоятельные крестьянские семьи — 5 млн 166 тыс. (22,2 %); третью — малоземельные и безземельные крестьяне — 3 млн 615 тыс. (15,7 %). Еще около 1 млн сельских жителей находилось в услужении.

Примерно такую же картину по данным прусской статистики нарисовал Е. В. Хенниг. Он также разделял крестьян на 3 группы. В пер-

вую группу вошли крупные крестьяне, доходы которых превышали расходы и вместе с двором оценивались в 10 тыс. талеров. Вторую группу составляли крестьяне с доходом, который только покрывал расходы на жизнеобеспечение семьи со средними потребностями, но не всегда давал надежное пропитание. Крестьяне третьей группы были вынуждены прибегать к дополнительным заработкам из-за недостатка или плохого качества земли. Сильнее всего эта группа была представлена в Юго-Западной Германии и в некоторых центральных районах. Здесь малоземельные крестьяне составляли 70–80 % сельского населения, и большая их часть едва обеспечивала своим семьям минимум для существования.

Социальные границы между крестьянскими слоями были подвижными, как и между мелкими крестьянами и некрестьянскими слоями, к которым принадлежали дворовые, садовники, наемные работники разного рода, безземельные бобыли, батраки, поденщики и др. Они получали дополнительный заработок в рыцарских имениях или крупных крестьянских хозяйствах, в ремесленных домашних заведениях. Как правило, они жили на краю села, на общинной земле или во дворах своих хозяев. В течение XVIII в. наблюдается стойкая тенденция роста не принадлежащих к крестьянскому сословию групп сельского населения, которые уже не являются членами сельской общины. В 1767 г. в прусской Силезии только около 25 % сельского населения составляли собственно крестьяне, полноправные члены сельской общины. В 1800 г. в Пруссии безземельное сельское население составляло $^1/_7$ часть всего населения страны.

Таким образом, можно констатировать, что замкнутые крестьянские деревни, характерные для высокого Средневековья, изменили свою социальную структуру. Крестьяне с полным набором сословных прав стали меньшинством в деревне. В ряде земель (Вюртемберге, Вестфалии, Верхней Баварии) сложился даже своеобразный крестьянский «патрициат», когда несколько породнившихся семей держали в своих руках все остатки деревенского самоуправления. Такие семьи, как правило, были весьма зажиточны.

Но на другом полюсе деревни все более возрастало число малоземельных и безземельных крестьян, которые были вынуждены искать себе пропитание в других сферах. Деревня меняла свой социальный облик быстрее, чем изменялись аграрные отношения. Рост населения и не успевающее за ним производство продуктов питания обусловили перенаселение аграрной сферы и пауперизацию значительной части сельских жителей. Поскольку отток в города был ограничен, на селе росла

социальная напряженность, которую определенным образом снижали, но не могли устранить эмиграция и развитие сельского ремесла, правительственные меры по борьбе с нищенством и бродяжничеством.

Сельские ремесленники, производившие продукцию на рынок, происходили из собственных рядов и из крестьянского сословия и составляли специфический слой населения. Они, как правило, дополнительно занимались сельским хозяйством, нередко в качестве поденщиков или батраков. Существовали разнообразные формы ремесленной деятельности, прежде всего, в домашнем текстильном производстве. Технический инвентарь, передававшийся от родителей к детям, почти не подвергался усовершенствованию.

Как и крестьяне, сельские ремесленники жили в собственных домах, нередко отдельно от деревень. В любом случае они не принадлежали к сельской общине. Существовали и так называемые «индустриальные села», в которых ткачи, не имевшие своего хозяйства, арендовали жилье. Если производство было организовано со сбытом продукции, а орудия труда и сырье доставляли поставщики, то домашние работники по своему статусу не отличались от наемных рабочих городских мануфактур. По данным К. Диппера, в домашнем текстильном производстве к концу XVIII в. было занято вместе с семьями 680 тыс. человек, еще 40 тыс. занимались другими ремеслами.

Правительства и просвещенные писатели XVIII в. видели в мануфактуре действенное средство экономического прогресса, борьбы с бедностью и незанятостью населения, с его пауперизацией. Но это ожидание не всегда оправдывалось. Бедность низших слоев населения, как писал Фиргауз, хотя и не была преодолена домашним ремеслом и мануфактурой, но без них она была бы еще большей.

Городское население

Социальная структура городского населения во многом обусловливалась теми специфическими функциями, которые выполняли разные города. Некоторые прежде значительные и оживленные города не восстановили своего былого значения после Тридцатилетней войны; другие, такие как княжеские столицы (резиденции), гавани или торговые центры — поднялись; третьи превращались в политические или военные центры. В мелких городах при медленно растущем населении прежняя социальная структура практически не менялась.

Структура населения крупных торговых городов может быть представлена на примере Франкфурта-на-Майне. «Городовое поло-

жение» 1731 г. делило его на 5 категорий. К первой принадлежали старосты, судебные заседатели, члены магистрата второй скамьи, другие служащие управления, юристы, доктора и представители городского дворянства, чьи предки более 100 лет участвовали в городском управлении. Ко второй категории относились члены магистрата третьей скамьи, дворяне-иммигранты, крупные торговцы-оптовики и банкиры — как возведенные в дворянское звание, так и невозведенные — с капиталом не менее 20 тыс. талеров. Третью категорию составляли нотариусы, прокураторы, крупные лавочники и художники. В четвертую входили мелкие торговцы, торговая обслуга и ремесленники, а в пятую — поденщики и прислуга. Как видно, социальное преимущество принадлежало чиновникам-управленцам и патрицианским семьям, а не часто более состоятельному, но менее родовитому купечеству.

В других городах вышедшая из цеховиков магистратская олигархия держала все нити управления в своих руках и также противопоставляла себя купечеству. Цеховая знать строго соблюдала табель о рангах согласно благосостоянию и политическому влиянию каждого своего члена и часто допускала в магистраты только представителей нескольких ведущих цехов. Этот строгий цеховой порядок определенным образом корректировался монархами, которые нередко нарушали его, допуская в управление нецеховых мастеров или ремесленников, поскольку это рассматривалось как элемент социального контроля. В Лейпциге, например, купцов в магистрат проводил сам курфюрст, в Бреслау — прусское правительство.

В верхних слоях городских семей придавалось большое значение связям и бракам, репутации, влиянию, должности. Даже и в малых городах тон задавал небольшой слой населения, принадлежность к которому для выходцев из средних слоев была очень престижной. В княжеских столицах (резиденциях) располагался двор, администрация и военные, придававшие социальному облику города своеобразный отпечаток. Они не принадлежали к городской общине, не могли заседать в магистрате, но их присутствие оказывало существенное влияние на ее повседневность.

Ремесленные мастера и их семьи, мелкие купцы, их слуги и ученики, мелкие лавочники представляли собой зачаток той мелкой буржуазии, которая появится в Германии в XIX в. Образовательный уровень таких горожан все еще был низким, знания о мире не выходили за пределы родного города, господствовала традиционная религиозность. Цех оставался ритуализированной нормой жизни, а ее

смыслом — труд. Соблюдался положенный сословию стиль одежды, язык, манера обращения друг с другом (на «ты»), методы воспитания детей и, насколько это было возможно, дистанцирование себя от нижестоящих слоев населения.

В самом низу социальной лестницы находилась прислуга, тоже сильно дифференцированная: ученики-подмастерья, домашние слуги, поденщики, камердинеры, кучеры, садовники, гувернантки. В крупных городах, в резиденциях этот слой так называемых «доместиков» был весьма значительным. Эти несамостоятельные и зависимые люди не обладали бюргерскими правами, но они не принадлежали и к маргинальным слоям общества, так как имели, хотя иногда и не совсем полноценное, обеспечение.

Специфические и маргинальные группы

К специфическим группам принадлежали иноэтнические и особые религиозные группы, сохранявшие свою идентичность и почти не интегрировавшиеся в немецкое общество. Это не означало, что и по уровню жизни они находились на его низшей границе. К ним принадлежали французские гугеноты, поселенные в Бранденбурге, Гессене, Касселе, Франконии. Как и «богемские братья», — выходцы из Чехии, жившие в Саксонии, — а также отдельные итальянские, нидерландские и французские семьи, осевшие в разных немецких городах, они обладали высокоразвитыми профессиональными ремесленными познаниями и навыками и нередко достигали успеха и благосостояния.

Таким же было положение особых религиозных общин (сектантов): меннонитов, гернгутеров, бетбрудеров. Они находились под охраной правительств и не испытывали особых трудностей в условиях существовавшей в целом ряде земель религиозной толерантности. Они оставались замкнутыми сообществами, браки заключались здесь только в собственных рядах, господствовал и свой религиозный язык и особый стиль обращения друг с другом, которые не распространялись на инакомыслящих.

Менее всего интегрировались в немецкое общество евреи. В крупных городах они жили в так называемых «гетто», в других местах их пребывание обеспечивалось княжескими охранными грамотами. Евреи не могли владеть землей, вступать в цехи или в бюргерские сообщества. Они могли заниматься только торговлей и финансовыми операциями. Правовой статус их не был строго гарантирован, ибо охранные грамоты имели свой срок действия. Особое положение

в обществе возбуждало у населения по отношению к ним скрытую неприязнь и даже вражду. Все это способствовало социальной изоляции евреев и формированию особого менталитета, который стал объектом острой критики в эпоху Просвещения.

В социальном смысле, однако, еврейство было сильно дифференцировано. Верхний его слой — придворные банкиры и держатели факторий (купцы) — нередко получали дворянское звание. Были среди них и такие, как Мозес Мендельсон, богатый прусский купец, финансист, державший в своих руках торговлю шелком, философ-просветитель и друг Лессинга, много сделавший для интеллектуального развития и эмансипации немецкого еврейства. Интеллектуальный слой в нем составляли переродившиеся друг с другом раввины. За ними следовал средний слой мелкобуржуазного образца, состоявший из мелких торговцев. В самом низу социальной лестницы находились бедняки, так называемые «беттельюден» — нищие, бродившие по стране и отличавшиеся от других нищих только тем, что они были еще более обездолены и беззащитны.

Особую социальную группу составляли также люди искусства: художники, скульпторы, артисты, музыканты, капельмейстеры, певцы. Это был довольно многочисленный слой людей, мало привязанных к одному месту, находивших себе пропитание при дворах и в крупных городах. Лишь немногие из них выбивались в число знати, хотя нередко имели возможность вести довольно благополучную жизнь. Лучше остальных жили певцы придворной оперы. Прочные позиции имели также архитекторы, художники и скульпторы, получавшие постоянные места при дворах. Но и здесь на нижней границе находилась определенная группа бродячих и бездомных актеров и художников, не нашедших спроса или по другой причине выбывших из благополучной жизни.

В маргинальные группы вместе с теми, кто был выброшен из цехов, с нетрудоспособными, инвалидами, умалишенными, находившимися на самой низшей ступени общественной лестницы, входили преступники, проститутки, люди, промышлявшие грабежом и разбоем. Инвалиды и умалишенные призревались семьями, общинами, которым вменялось в обязанность обеспечивать также оставшихся без семейной поддержки бедных вдов. В католических землях, где считалось добрым делом подавать милостыню, было много бродячих нищих. В духовных государствах они составляли иногда до 260 человек на 1000 населения. Даже в протестантских государствах, где времяпрепровождение вне труда считалось первым шагом

к греху, а лень — большим пороком и где с милостыней боролись, это явление не мог устранить и строгий полицейский контроль, ибо нищенство и бродяжничество имело свои причины (разорившиеся крестьяне, погорельцы, инвалиды войн и т. д.).

Была еще одна важная группа населения, занимавшая место между всеми сословиями и определяемая как *"Civis"* или *"Societas civilis"* («гражданское товарищество»). Она складывалась из государственных служащих отдельных земель, составлявших его важнейшую часть, но включала в себя всех образованных людей, пытавшихся найти себе место в старой сословной структуре. Суверенные княжества нуждались для выполнения постоянно возраставших юридических, финансовых и полицейских задач во все большем количестве служителей власти и функционеров, обладающих профессиональной пригодностью и жаждущих признания. Нужда в них появлялась прежде всего там, где монархи в споре со своими земельными сословиями создавали новые службы или в обход старых сословных прав строили новое чиновничество. Жалованье им выплачивалось натурой или служебным поместьем в зависимости от заслуг. Была распространена и адъюнктура, а также принятие на службу по причине должного социального положения отдельных семей или покровительства.

Подготовка государственных служащих в XVIII в. осуществлялась в университетах. Лица недворянского происхождения, дослужившись до членства в Тайных Советах, получали, как правило, дворянство. Дворяне же, добиваясь важных мест, должны были теперь соответствовать новым требованиям и получать образование. Формирующийся слой профессиональных служащих не ломал сословных перегородок, но заметно их ослаблял. Образованный буржуазный слой был более всего представлен на протестантском Севере и Востоке Германии, где господствовала протестантская этика, признававшая легитимным чиновничий труд и вообще всякий труд в противовес лености.

4. Институты власти в империи и германских государствах

Абсолютная монархия

Абсолютные монархии возникли в Европе в условиях перехода стран от феодального общества к обществу индустриальному. Главными чертами абсолютной монархии, как она предстает в теориях Ж. Бодена или Т. Гоббса, являются сосредоточение законода-

тельной, исполнительной и судебной власти в руках наследственного монарха, акцентирующего внимание на развитии налоговых институтов и обладающего правом распоряжения государственными финансами. В абсолютистском государстве управленческие функции сосредоточиваются в руках обширного бюрократического аппарата во главе с верховным правителем, появляются постоянная армия и полиция, осуществляется регламентация государственной службы и повседневной жизни населения.

Классическим является французский абсолютизм, а самым ярким воплощением его служит образ абсолютного монарха — Людовика XIV. В немецкой истории аналогичный пример дает нам прусский король Фридрих Вильгельм I. Однако немецкий абсолютизм в территориальных государствах в XVII и XVIII вв. был скорее намерением, чем реализованной практикой. Только в теории он покоился на неограниченной и безраздельной власти одной личности. Император и немецкие князья и государи в большинстве случаев не обладали в своей стране монопольной властью. Их самовластие ограничивалось органами сословного представительства: рейхстагом — на имперском уровне, ландтагами и другими учреждениями — в отдельных территориальных государствах.

Сословное представительство не было легитимировано избирательным договором, но покоилось на признанных сословных правах. При всех различиях представительных учреждений в разных землях у них было общее, что их объединяло. Они всегда выступали против притязаний монархов на чрезвычайные политические полномочия. Государи, со своей стороны, редко оспаривали этот порядок.

Абсолютизм в рамках империи и в многочисленных немецких государствах имел разнообразные проявления. Но если понимать под «абсолютизмом» неограниченную власть суверенного государя, то такого абсолютизма в имперском союзе не было. В большинстве княжеств Германии существовала такая форма абсолютизма, при которой государь признавался носителем высшей законодательной, исполнительной и судебной власти, но в пределах полномочий, предоставленных ему сословным представительством. Он не мог превысить свои прерогативы без согласия сословий и обязан был соблюдать законные права подданных.

Легитимации абсолютной власти в XVII в. способствовало представление о ней как о силе, которая предотвращает гражданские конфликты, обеспечивает порядок, пропитание, защищает собственность. Соответственно определялись функции монаршей власти: объединить

разные властные права, создать собственные постоянные законы и судебный аппарат, органы управления и чиновничество, взять на себя управление церковью и организовать финансы для содержания постоянного войска, создать свою дипломатию. Удавалось это в полном объеме только большим немецким территориальным государствам, в то время как в малых княжествах появились только отдельные элементы абсолютизма. Тем не менее именно государи и их правительства задавали темп политическому развитию. От них исходили наиболее сильные инициативы в управлении, политике, экономике. Они увеличивали свое воздействие на население с помощью полицейских мер, армии и управленческого аппарата. Таким образом, можно констатировать, что, хотя в самых важных для будущего политического развития Германии немецких государствах в XVII и XVIII вв. в целом сильнее всего проявляла себя монархическая власть, нельзя недооценивать и значения сословного представительства.

Император и империя

Мирные договоры, подготовленные в Оснабрюке и Мюнстере, законсервировали политическую организацию империи. Приобретя право на заключение союзов друг с другом и с иностранными державами, германские князья и монархи получили если не полный суверенитет, то значительную государственно-правовую самостоятельность. Одновременно был подтвержден и их расширившийся суверенитет по отношению к подданным. Территориальный суверенитет связал императора обязанностью добиваться согласия рейхстага на все свои действия в рамках империи.

Имперское государственное устройство фиксировалось Вестфальским миром и решениями Регенсбургского рейхстага 1653–1654 гг. В империи сохранялась прежняя вассальная структура. Избранный курфюрстами император представлял империю на внешней арене. Он по-прежнему обладал рядом неотъемлемых прав, часть которых во второй половине XVII в. становилась все более иллюзорной. Так, рейхстаг, который прежде созывал император, в связи с османской угрозой в 1663 г. превратился в постоянно действующий. Не всегда только императором определялась повестка заседаний рейхстага, но закон, принятый рейхстагом, приобретал силу, как и ранее, только после ратификации его императором. Только император обладал правом абсолютного вето. Наконец, он оставался обладателем высшей судебной власти в империи и сохранял право помилования, присвоения имперских титулов, назначения членов имперских судов,

нотариусов, дарования привилегий. На деле же компетенция императора как высшей судебной власти ограничивалась апелляционной привилегией князей, в соответствии с которой их подданным запрещалось обращение в имперские судебные инстанции — Имперский придворный совет и судебную палату. Такой привилегией обладали курфюрсты, монархи крупнейших немецких государств, а также некоторые аббаты имперских монастырей, имперские рыцари, имперские города.

Являясь сюзереном, император не мог использовать свои сеньориальные права для усиления имперской власти, ибо в силу традиций он не мог воспрепятствовать передаче ленов по наследству, завладеть вакантным ленным поместьем, по своему усмотрению решить вопрос о передаче лена другому лицу. Император не обладал правом принуждения имперских сословий к соблюдению имперских законов.

Священная Римская империя германской нации оставалась особой формой государства в Европе, но современные историки не видят более в имперских институтах раннего Нового времени исторический анахронизм. В имперской форме государства им представляется некое соединение монархических, аристократических и демократических (в лице имперских городов) элементов. Это не было федеративное государство, члены которого связаны общими законами и единым управлением. Империя не была в полной мере и конфедерацией, сохраняя высокую степень взаимодействия ее субъектов на имперском и межгосударственном уровнях. Налицо крайне специфическая форма государственности, фактически с отсутствующим имперским правительством и постоянно сокращающейся в XVII–XVIII вв. ролью других имперских учреждений.

Империя представляла собой государственно-правовую систему, которая политически связывала всех ее участников: крупные территориальные государства, княжества, епископства и аббатства, имперские города и другие. Для имперских городов, имперских рыцарей, имперских графов и духовных князей это была своего рода оборонительная организация, которая охраняла их владения от экспансии соседних немецких государств.

К самым значительным имперским институтам принадлежали имперские суды, однако их функционирование осложнялось отсутствием имперской полиции. Имперское войско могло быть сформировано только в целях обороны и финансироваться по решению рейхстага за счет сбора специального налога. В то время как власть

в территориальных государствах (за исключением духовных княжеств) была наследственной, титул и пост императора можно было получить только в результате выборов. Торжественная церемония вступления императора в права происходила в главном соборе Франкфурта-на-Майне. Выборы осуществлялись курфюрстами только после подписания претендентом Избирательной капитуляции. Последняя редакция этого законодательного акта, ограничивавшего власть императора, содержала 314 статей.

Во второй половине XVII — XVIII в. императорами избирались представители династии Габсбургов, исключая правление Карла VII Виттельсбаха в 1742–1745 гг. С одной стороны, Габсбурги были весьма заинтересованы в том, чтобы, обладая этим престижным титулом, держать в руках свои разрозненные владения и блюсти свои интересы в Европе. С другой — власть влиятельных Габсбургов придавала устойчивость самим имперским структурам. Католические князья, имевшие большинство голосов в коллегии курфюрстов, допускали к избранию императором только сторонников католицизма. Габсбурги, таким образом, почти не имели конкурентов. В такой ситуации резиденциями императорского двора оставались Вена и Прага, располагавшиеся в наследственных владениях Габсбургов.

Рейхстаг

В рейхстаге заседали имперские сословия, обладавшие территориями: курфюрсты, князья и имперские города. Коллегия курфюрстов составляла первое сословие (курию) в рейхстаге. По Вестфальскому миру 1648 г. в состав коллегии курфюрстов был возвращен Пфальц. В 1692 г. курфюршеский голос получил Ганновер. Таким образом, в конце XVII в. круг избирателей императора расширился до 9 курфюрстов. В Совет князей — вторую курию — входили светские и духовные князья. Здесь существовали как единоличные голоса, так и куриальные голоса графов и прелатов. Третью курию составляли магистраты свободных имперских городов. С 1663 г. из-за войны с Османской империей рейхстаг стал постоянно действующим органом и перенес свои заседания в Регенсбург.

Единоличный голос в рейхстаге имели лица, получившие власть или унаследовавшие княжества, имевшие такую привилегию. К данным территориям принадлежали курфюршества и княжества, имперские аббатства и имперские графства. В случае раздела этих территорий количество голосов не удваивалось. Если территория переходила под власть другого имперского князя, она сохраняла

свой голос для него. Поэтому некоторые князья имели в рейхстаге несколько голосов (к примеру, курфюрст Бранденбургский обладал голосами Магдебурга, Гальберштадта и Миндена, а курфюрст Ганновера — голосами Цаленберга, Грубенхагена и Целле).

Во второй половине XVII — XVIII в. в имперское княжеское звание были возведены новые члены, так что к концу существования империи состав рейхстага был таким: 8 голосов у коллегии курфюрстов (в 1777 г. голоса Баварии и Пфальца объединились); 104 голоса (37 духовных и 67 светских князей) — у Совета имперских князей; 51 — у имперских городов. Император и имперские князья появлялись на заседаниях рейхстага достаточно редко, поэтому их интересы представляли специальные комиссары. Малые имперские города, экономившие на содержании своих представителей, поручали свои голоса другим участникам рейхстага или местным юристам.

Компетенция рейхстага в правовом отношении была неограниченной. Он мог обсуждать любые вопросы, касавшиеся имперских дел. С 1663 г. рейхстаг обязан был придерживаться обозначенного императором списка очередных вопросов. Однако заявку на обсуждение той или иной проблемы могли подавать и сами имперские сословия, как и любые частные лица. Процесс принятия рейхстагом решения был долгим и трудным, поскольку сидевшие в рейхстаге комиссары, юристы и другие представители имперских сословий не могли по своему усмотрению голосовать за то или иное предложение. Они должны были согласовать свои позиции с князьями и городскими магистратами, на что уходило много времени. Голосование проходило по куриям, и голоса всех трех курий имели равный вес. Соединенные голоса коллегии курфюрстов и совета князей обладали при этом правом вето, и решение городов в случае единогласия двух первых курий могло быть оспорено. Решение, одобренное тремя куриями, оформлялось в виде имперского заключения, а после ратификации его императором приобретало силу имперского закона. Если император налагал свое вето, процедура могла повториться. Единогласие всех трех курий и императора было явлением крайне редким. Не случайно рейхстагу в XVIII в. удалось принять всего два общеимперских закона: «Ремесленный устав» 1731 г. и «Монетный устав» 1737 г.

Таким образом, разногласия между куриями и внутри них не позволили рейхстагу стать политическим органом, способным консолидировать империю. Тем не менее император и рейхстаг, как и другие немногочисленные имперские структуры, оставались ин-

ститутами, с помощью которых можно было улаживать конфликты и защищать интересы многих мелких территорий.

Имперский придворный совет и Имперская судебная палата

В XVII–XVIII вв. самым «бесполезным» учреждением из имперских институтов считалась Имперская придворная канцелярия в Вене. Рейхсканцлером, как и прежде, являлся архиепископ Майнца, но фактически заправлял делами назначенный им и постоянно пребывавший в рейхстаге вице-канцлер. В Вене же, где имперские и австрийские дела тесно переплетались, гораздо большее значение имела Австрийская придворная канцелярия. Там же заседал и Имперский придворный совет, разрешавший дела о ленных правах и привилегиях, а также выступавший в качестве последней апелляционной инстанции после Имперской судебной палаты и, собственно, высшего имперского суда по делам, в которых был так или иначе задействован император. Такие дела касались его окружения, высшей придворной знати, государственного управления в целом.

Главной и наиболее востребованной судебной инстанцией была Имперская судебная палата. Ее президент назначался императором из представителей имперского дворянства, а заседатели (как правило, юристы) назначались курфюрстами и имперскими округами. Палата была первой инстанцией для имперских сословий, где рассматривались и апелляции по решениям княжеских судов. Она испытывала постоянно огромные финансовые и организационные трудности. В 1654 г. на первом послевоенном рейхстаге было принято решение о расширении состава ее заседателей и создании особой комиссии для урегулирования накопившихся дел, но полностью оно было выполнено только спустя 113 лет. Так что число неоконченных, тянувшихся годами и десятилетиями дел постоянно росло. Единственный имперский налог, установленный еще в 1495 г. для содержания палаты, поступал нерегулярно. Еще больше сложностей возникало при исполнении ее решений.

Имперские округа

Имперские законы (военного и полицейского характера) и решения Имперской судебной палаты должны были исполняться директориями 10 округов, на которые делилась империя: 1) Австрийский, объединявший владения Габсбургов; 2) Бургундский (Испанские Нидерланды, Лотарингия и Франш-Конте, которая до Нимвеген-

ского мира 1678–1679 гг. принадлежала Испании); 3) Франконский; 4) Баварский, в который вместе с курфюршеством Бавария входили архиепископство Зальцбургское, епископства Пассау и Фрайзинг; 5) Швабский; 6) Верхнерейнский; 7) Среднерейнский; 8) Нижнерейнско-Вестфальский; 9) Верхнесаксонский; 10) Нижнесаксонский. Особую важность для империи имели среди них те, в которых не было доминирования каких-либо княжеств: Франконский, Швабский, Верхнерейнский, Среднерейнский и Нижнерейнско-Вестфальский. Их войска составляли ядро имперской армии. В этих округах долгое время сохранялось имперское сознание, а к концу XVIII столетия именно они олицетворяли само понятие империи.

Имперский округ возглавляли самые видные имперские князья. Если директором было лицо духовное, то к нему для оформления бумаг присоединяли одного из светских князей, который одновременно являлся окружным капитаном и возглавлял окружное войско. Окружной директор, или капитан, созывал представителей от населения округа на крайстаг (окружной совет, окружной сейм), организованный по подобию рейхстага. В их обязанности входило исполнение решений рейхстага и имперских судов, поставка контингента в имперское войско, сбор имперских налогов, строительство дорог, охрана общественной безопасности и улаживание споров между окружными сословиями.

Имперские князья, возглавлявшие директории, как правило, использовали предоставленную им власть в собственных интересах. Все попытки создать в округах, состоящих из отдельных территориальных государств, постоянные органы окружной власти не увенчались успехом. Этому противились и предвидевшие новые расходы ландтаги. Но все же округа, в особенности там, где велика была территориальная пестрота, взяв на себя управленческие функции, сыграли определенную роль в налаживании товарооборота и охраны путей сообщения. Так, Швабский округ состоял из 40 духовных, 68 светских территорий и 40 имперских городов и здесь признавалось преимущество окружной организации власти. В округах же, где господствовал дом Габсбургов, не были созданы даже крайстаги.

По закону 1521 г. численность имперской армии была определена в 24 тыс. человек, в том числе 4 тыс. рыцарей. Каждое имперское сословие обязывалось поставлять собственный контингент или заменять его денежным содержанием. Решением рейхстага 1681 г. содержание армии было поручено округам, каждый из которых должен был создать, вооружить и содержать в мирное время 40 тыс. солдат

(12 тыс. кавалерии и 28 тыс. пехоты). Это число в случае войны могло быть удвоено или даже утроено. Но на практике это решение было выполнено только двумя округами — Швабским и Франконским, в то время как крупные государства, имевшие свои вооруженные силы, оказывали яростное сопротивление расквартированию в их пределах имперских воинских частей. Это обстоятельство усугубляло противоречия между территориями в рамках империи и способствовало созданию союзов и ассоциаций.

Управление в светских и духовных княжествах

Вестфальский мирный договор содержал своеобразный каталог властных полномочий, сумма которых составляла понятие «территориального суверенитета». На внешней арене — это право на заключение союзов с другими государствами, внутри — участие в управлении империей, которое обеспечивалось правом голоса в рейхстаге. Компетенция территориальной княжеской (государственной) власти распространялась на юстицию, полицию и религию. Таким образом, функции суверенного правителя заключались в создании собственных постоянных законов и судебного аппарата, органов управления и дипломатии, в получении финансов для содержания постоянного войска. Реализация их удалась в полном объеме только крупным немецким государствам.

Ключевым понятием политики немецких правителей XVII–XVIII вв. была «полиция». В период абсолютизма получили распространение новые представления о сущности государства и его функциях, в соответствии с которыми значительно расширялась государственная деятельность. Если ранее считалось, что власть имеет только право обеспечения мира, то теперь к этой задаче добавилась забота о благе подданных. «Хорошее управление» («полиция») пришло на смену «правовому порядку» («юстиции»), нарушенному религиозным расколом. Это была политика, ориентированная на достижение «общего блага», обеспечение подданным достойной жизни.

К XVIII в. изменилось и представление о роли в государстве самого князя (монарха). Если ранее его полномочия подчеркивались многочисленными регалиями, а средневековая идеология возводила его в сан служителя Бога на земле, то теперь с позиций теории естественного права и общественного договора он признается обладающим властью от лица и по поручению подданных. При этом новое секуляризованное государство позволяло усиливать княжескую

власть, с одной стороны, а с другой — предоставило ей право изменять существующий правовой порядок.

Главные властные институты в территориальных государствах сложились еще в XVI в.: коллегиальные придворные советы или придворные суды с административными и судебными полномочиями; финансовые управления с придворными и налоговыми палатами как высшими органами власти; Тайные советы как центральные институты формировавшегося государства раннего Нового времени. Тогда же начал складываться чиновничий аппарат из княжеских слуг, преимущественно недворянского происхождения.

Тридцатилетняя война и ее последствия способствовали усилению правительственной и вообще управленческой деятельности, что нашло отражение в увеличении централизованного государственного аппарата. Одним из главных проявлений абсолютистской политики стало изыскание средств на содержание княжеской администрации и создание собственных вооруженных сил. Источник был один — увеличение налогов со своих подданных. Но для этого надо было сделать их платежеспособными, что и стало одной из целей государства. Поэтому крупные государства, например Бранденбург-Пруссия, не только планомерно вводили новые налоги и превращали чрезвычайные сборы в постоянные, но и поощряли создание мануфактур, развитие земледелия, ремесла и торговли.

Даже в тех землях, где сохранялись сильные позиции дворянских и городских сословий, как, например, в курфюршестве Саксония, были созданы и стали активно действовать кабинеты (правительства). Как орган власти кабинет формировался прежде всего в тех землях, где монархи и князья отличались широким политическим кругозором и выдавали себя за «первого слугу» государства. Кабинет состоял из назначенных князем «министров» и напоминал скорее канцелярию, которая оформляла монаршие предписания. Распоряжения кабинета на основе этих предписаний направлялись соответствующим чиновникам. Фридрих II, например, выдавал в день до 12 таких предписаний.

В своем политическом манифесте 1752 г., отвечая на вопрос: «Должен ли князь управлять сам?», — Фридрих II отвечал уверенным «да». Он считал, что нельзя разделить между «министрами» финансы, внутренние дела, внешнюю политику и военное дело. Согласно его установлению, он управлял страной следующим образом. Ежедневно он получал от своих высших чиновников письменные донесения и письменно отдавал им соответствующие приказы. Секретарь кабинета осуществлял связь короля с министрами и пользо-

вался безграничным доверием монарха. Он письменно фиксировал «высочайшие резолюции», которые затем переформулировались в распоряжения кабинета в тоне, соответствующем единоличному стилю управления. Таких распоряжений и предписаний в Пруссии в период с 1728 по 1795 г. было издано более 300 тысяч. Можно предполагать, сколь велико было влияние этого секретаря — типичного «серого кардинала». Так, в Пруссии кабинет-секретарь Эйхель вплоть до смерти в 1768 г. оставался второй величиной в государстве после самого Фридриха II. Однако при этом мы не должны исключать и личную преданность. Один из секретарей, советник Штеллер, умер, стоя возле короля во время записи его ценных указаний.

В политической структуре Священной Римской империи германской нации в XVII и XVIII вв. было немало самостоятельных духовных государств (княжеств), тесно связанных с империей. Канонический выбор епископа, аббата или аббатисы означал здесь получение ими княжеского звания (земельного монарха). Их выборы производил Домский капитул[1], а католических курфюрстов избирал Соборный капитул. Правом быть членами капитула, иметь приход и избираться в духовные государи обладали только дворяне, имевшие от 8 и более (до 32) дворянских предков. В некоторых Домских капитулах требовалось наличие имперского княжеского, графского или рыцарского достоинства. Естественно, что претенденты должны были принять монашеский постриг.

Хотя епископские кафедры не наследовались, но династический подход к выборам соблюдался. Как правило, в епископы избирались члены одной и той же семьи. Чаще всего фигурировали такие фамилии имперских и духовных дворян, как Дальберг, Зайнсхайм, Плеттенберг, Фюрстенберг, Шпигель, Эрталь. Но и представители крупных династий, как Виттельсбахи или Габсбурги, не гнушались занимать епископские кафедры.

И Соборный, и Домский капитулы пытались связать избираемых ими духовных государей обязательным соблюдением их прав и проведением нужной капитулам политики. Даже после отмены папой в 1695 г. таких обязательств «избирательные капитуляции» применялись и они вынуждали избранных князей действовать в рамках

[1] Домским назывался главный храм духовного княжества с принадлежащими ему монастырскими владениями. В Домском соборе происходили все официальные церемонии, связанные с избранием главы духовного княжества.

сложившейся традиции. Но после Тридцатилетней войны и в духовных государствах наблюдались абсолютистские тенденции. Исследователи считают, что в Вюрцбурге и Бамберге имел место настоящий абсолютизм. Постоянная армия в духовных государствах была редкостью, но и такие прецеденты имели место. Достаточно назвать епископа Мюнстера ***Кристофа Бернгарда фон Галена*** (1606–1678), который содержал армию, правда, не на собственные средства, а на субсидии других государств.

Духовные государства дожили до конца Священной Римской империи, хотя идеи их секуляризации вынашивались в течение всей второй половины XVIII в. Особенно серьезные намерения секуляризировать северо-западные немецкие епископства имели во время Семилетней войны прусские власти. Но никто из крупных государств так и не покусился на них, очевидно, из боязни разрушить стабильность империи.

Имперские города

Статус имперских городов сохраняли в XVII–XVIII вв. некоторые старые города (Франкфурт, Нюрнберг, Аугсбург), уступавшие в политическом ранге новым княжеским и государственным столицам (Вене, Лейпцигу, Берлину). В этот период значение имперского города поблекло, а получение статуса члена коллегии имперских городов в рейхстаге уже не имело прежнего значения и не оказывало заметного воздействия на экономическое и культурное развитие города (пример тому Гамбург, получивший это право только в 1770 г.). В XVIII в. наряду с имперскими городами многие обычные города Германии имели весьма независимое положение (Эрфурт, Мюнстер, Росток).

Имперские города облагались прямыми налогами в пользу империи, подчас весьма значительными, что также не способствовало стремлению к приобретению подобного статуса. Выборные магистраты управляли городом и осуществляли судебную власть. В составе магистратов, как правило, преобладали представители патрициата или нескольких породнившихся семей, возглавлявших цеховые объединения. Избирательным правом обладали не все горожане, а только отвечавшие соответствующим требованиям имущественного ценза или купившие такое право. В Аугсбурге, к примеру, только 6 тыс. из 30 тыс. жителей участвовали в выборах в магистраты.

Во многих имперских городах в XVII и XVIII вв. произошла консервация цеховых порядков, что препятствовало проведению

реформ, развитию предпринимательской инициативы. В таких городах конфессиональные меньшинства постоянно исключались цеховой верхушкой из гражданства (Кёльн, Аахен). Даже в городах, где соблюдался конфессиональный паритет (Аугсбург, Биберах), ревностная охрана принадлежащих той или иной конфессии постов сдерживала складывание новых политических структур.

Тем не менее многие имперские города сохраняли прежний дух самостоятельности и самоуправления, что в гораздо меньшей степени удавалось территориальным городам, находившимся под контролем княжеской администрации.

5. Политическая жизнь империи

Вестфальский мир заложил основы миропорядка, которого европейские страны придерживались в течение почти полутора столетий. Суть его, по мысли Руссо, заключалась в том, что главным способом улаживания споров между державами стали переговоры, а Священная Римская империя германской нации была гарантом сохранения «равновесия сил» в Европе. Европейские державы зорко следили за усилением друг друга и всеми средствами препятствовали появлению единоличного лидера, что гарантировало мелким государствам возможность их длительного существования.

«Христианский всеобщий и вечный мир», провозглашенный Вестфальским договором, оказался таковым и для империи. Вплоть до 1740 г. она не знала внутринемецких войн, хотя немецкие княжества и государства принимали активное участие в войнах за пределами империи. Сама империя как некое политическое целое редко втягивалась в военные конфликты и тем оправдывала свое назначение гаранта европейского порядка.

Конфликты и кризисы первых послевоенных десятилетий

После Тридцатилетней войны в длительном споре между Габсбургами и Францией чаша весов склонилась, наконец, в пользу последней. Подавление Фронды позволило Франции превратиться в ведущую европейскую державу и развернуть экспансию на соседние территории (во Фландрию и прирейнские земли).

Внешняя политика немецких государств в первые послевоенные десятилетия не отличалась твердой целенаправленностью. Полити-

ческие планы быстро менялись, возникали и распадались непрочные союзы. Особое значение среди этих объединений имел лишь ***Рейнский союз***. Его созданию предшествовало избрание в 1658 г. младшего сына Фердинанда III, Леопольда, императором ***Леопольдом I*** (1640–1705). Выборы происходили при весьма сложных обстоятельствах, поставивших под вопрос само пребывание на троне Габсбургов, поскольку Леопольд к моменту выборов не достиг 18-летнего возраста, позволявшего в них участвовать Франция попыталась возвести на императорский трон своих ставленников. В частности, ее кандидатами были граф Пфальц-Нейбургский Филипп Вильгельм и курфюрст Баварский Фердинанд Мария, а кардинал Мазарини втайне желал избрания императором французского короля Людовика XIV. Все же императором был провозглашен Леопольд, а ключевую роль в его избрании сыграл архиепископ Майнца, курфюрст ***Иоганн Филипп Шёнборн*** (1647–1673), прозванный современниками «немецким Соломоном». Стремясь удержать империю от грозящих ей международных конфликтов, он склонил чашу весов в пользу Леопольда. Последнему, правда, пришлось подписать очень суровую избирательную капитуляцию. В ней, в частности, он пообещал не оказывать никакой помощи испанским Габсбургам.

Немецкие историки видят в Леопольде I, почти 50 лет возглавлявшем империю, умного и многосторонне образованного политика, который умел подбирать себе способных сотрудников, чем компенсировались недостаток решительности, мягкость и уступчивость собственного характера. Не обладая яркой внешностью и готовясь к духовной карьере, он был полной противоположностью своему двоюродному брату и главному противнику — Людовику XIV. Тем не менее ему удалось с помощью министров, и прежде всего принца Евгения Савойского, укрепить империю и заметно усилить в ней позиции Австрии.

За избранием Леопольда Габсбурга императором в августе 1658 г. последовало объединение в Рейнский союз курфюрстов Майнца, Трира и Кёльна, герцогов Пфальц-Нейбургского, Брауншвейг-Люнебургского, Бремен-Верденского и ландграфа Гессен-Кассельского. К нему также присоединился и Людовик XIV. Союз был детищем курфюрста Иоганна Филиппа Шёнборна и кардинала Мазарини. Но цели этих политических деятелей сильно различались. Первый хотел использовать союз в качестве третьей силы между империей и Францией, укрепить позиции имперских сословий, а второй — усилить влияние Франции в империи. В действительности Рейнский союз,

к которому позднее примкнули Бранденбург и Мюнстер, не стал орудием французской великодержавной политики в империи. Постоянные угрозы и интервенции со стороны Франции привели к тому, что союз в 1668 г. прекратил свое существование.

Главное значение Рейнского союза К.-О. фон Аретин видел в том, что в нем была опробована модель федеративной структуры в рамках империи, в которой Франция как один из гарантов Вестфальского мира играла доминирующую роль. Император же, призванный обеспечивать внутренний мир в империи, фактически уступил эту свою функцию Франции, что особенно сказалось при подведении итогов шведско-польской войны 1655–1660 гг., развязанной против ослабленной Речи Посполитой (официальное название польско-литовского государства в 1569–1795 гг.) шведским королем Карлом X. Вскоре в войну втянулись Дания, Леопольд I и Австрия, Нидерланды и бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм, который как герцог в Пруссии был вассалом Речи Посполитой и намеревался добиться для Пруссии суверенитета.

Вмешательство со стороны Франции, переставшее в прямую интервенцию на соседние территории империи, помогло Швеции благополучно выйти из войны, несмотря на многочисленные военные поражения. В итоге Швеция заключила мир в ***Оливе*** (3 мая 1660 г.) с Речью Посполитой, Австрией и Бранденбургом, не понеся никаких территориальных потерь. Такую же роль Франция сыграла в войне Леопольда I против Османской империи, обеспечив последней победу введением — на правах члена Рейнского союза — своего воинского контингента на территорию Священной Римской империи.

В 1663 г., когда после 57-летнего перерыва турки вновь выступили против Австрии, император, бывший одновременно правителем Австрии, Венгрии и Богемии, был поддержан Рейнским союзом. В составе его войск воевали поначалу и французы. Это было явно против интересов Франции, но этого требовала принятая ею на себя в 1648 г. роль державы-гаранта. К тому же Османская империя рассматривалась и католическими, и протестантскими кругами Европы как враг христианства, а император Леопольд I выступал как ревностный защитник христианства.

Война с турками шла на территории Венгрии и складывалась весьма успешно для империи. 1 августа 1664 г. австрийские и имперские войска одержали над турками победу в битве при Сент-Готарде на р. Рааб. Однако захват французами части территории майнцского архиепископства заставил Леопольда I пойти на заключение 10 авгу-

ста 1664 г. в ***Айзенбурге*** (Вазваре) мира, который был скорее похож на поражение, чем на победу. Турки сохранили за собой все завоевания в Венгрии и к тому же возложили на императора денежную контрибуцию.

Положение в Венгрии, фактически разделенной на три части, оставалось и далее весьма напряженным. Претендуя на титул венгерского короля, Леопольд I контролировал только самую меньшую, западную ее часть с королевской столицей Прессбургом. Большая часть королевства со столицей — резиденцией паши в двойном городе Офен (Буда)-Пешт — управлялась турками. Под турецким протекторатом находилось и княжество Зибенбюрген. Здесь и в мирные годы шли постоянные столкновения, готовые в любой момент перерасти в настоящую войну. Напряжение усиливалось из-за недальновидной политики Леопольда I, пытавшегося проводить рекатолизацию в кальвинистской Венгрии.

Ограниченность финансов и недостаток вооруженных сил заставляли императора приносить в жертву западной политике свои интересы на востоке. Для войны на два фронта просто не было сил.

Борьба с гегемонией Франции и война за испанское наследство

На рубеже XVII–XVIII вв. одной из главных политических проблем Европы стала проблема испанского наследства. Она возникла после смерти испанского короля Филиппа IV (1665) и заметно усилила франко-имперские противоречия. Несмотря на то что наследник Филиппа IV Карл II правил до 1700 г., свои претензии на испанский трон заявили Людовик XIV и Леопольд I. Оба были племянниками Филиппа IV и оба были женаты на его дочерях. Французский король был сыном старшей сестры Филиппа IV, а женат на его старшей дочери — Марии Терезии. Леопольд был сыном младшей сестры и женат на младшей дочери — инфанте Маргарите Терезии. По праву старшинства шансы были более предпочтительны у Людовика XIV. Однако необходимость блюсти права дома Габсбургов в Испании в противовес французским Бурбонам склоняла чашу весов в пользу Леопольда I. Соперничество за испанскую корону вылилось в конце концов в войну, вышедшую за пределы Европы. Европейские державы, участвовавшие в противостоянии Бурбонов и Габсбургов, не могли позволить никому из претендентов — ради сохранения «равновесия сил» — получить целиком все наследство в виде и обессиленной Испании, и ее многочисленных владений.

Воспользовавшись после смерти Филиппа IV особым «брабантским правом», предоставлявшим детям от первого брака (в том числе дочерям) преимущество в праве наследования перед детьми от второго брака (в том числе сыновьями), Людовик XIV от имени своей супруги ввел в 1667 г. свои войска в испанские Нидерланды (Фландрия и графство Бургундия). Ни Испания, ни империя не оказали сопротивления. Более того, император даже подписал в январе 1668 г. с Францией тайное соглашение о нейтралитете, в котором предусматривался будущий раздел испанского наследства. Это была политическая ошибка Леопольда I, осложнившая его отношения с испанским королем Карлом II и делавшая весьма призрачными его собственные притязания на испанские владения. Франция же, в соответствии с мирным договором, заключенным в *Аахене* (2 мая 1668 г.), получила 10 фландрских крепостей, в том числе и Лилль, но вернула Испании Франш-Конте.

Однако мир в Аахене не остановил Людовика XIV. Удовлетворяя свои растущие аппетиты, он решился на завоевание Голландии — этой, как он ее называл, «республики торговцев и барахольщиков». Его не устраивала конкуренция голландских мануфактур и свободолюбивая конституция Голландии, позволявшая находить убежище на их территории всем политическим противникам короля, в том числе гугенотам, которые затем обличали его политику в своих публицистических произведениях. Людовик XIV удачно выбрал момент для начала войны. Леопольд I, связанный договором 1668 г., был в это время занят подавлением восстания в Венгрии. Англия оказалась парализованной конфликтом короля Карла II с парламентом. Близлежащие немецкие государства (кёльнское курфюршество, епископство Мюнстер, Бранденбург-Пруссия) находились в союзе с Францией. Бавария обязалась придерживаться нейтралитета.

Голландия, где успешно действовала французская дипломатия, оказалась совершенно не готова к нападению французов весной 1672 г. Только прорыв плотины помог голландцам. После гибели главы Совета Яна де Витта генералштаттгальтер Вильгельм III Оранский смог организовать отпор Франции и спас свою страну от поражения. Перед лицом угрожавшей Европе гегемонии одной страны — «универсальной монархии» Людовика XIV — другие страны преодолели свои противоречия и поддержали Голландию. В войну вступили и император, и Испания, и Бранденбург-Пруссия, и другие немецкие княжества. На стороне Франции осталась лишь Швеция, потерпевшая 28 июня 1675 г. сокрушительное поражение от Фридри-

ха Вильгельма Бранденбургского при ***Фербеллине*** (северо-западнее Потсдама). Швеция согласилась отдать Фридриху Вильгельму в качестве военного трофея Померанию. Однако мирные переговоры в Нимвегене (совр. Неймеген, Голландия), посредником на которых выступила Англия, стали величайшим триумфом Людовика XIV. В результате серии договоров 1678–1679 гг., написанных не на латыни, как это было принято ранее, а на французском языке и получивших название ***Нимвегенских***, Франция расширила без крупных затрат свои позиции во Фландрии и на Рейне. Испания оказалась главной жертвой войны. Она потеряла Франш-Конте вместе с Безансоном, а также 12 крепостей в испанских Нидерландах. Голландия вышла из войны без аннексий, а ее союзники должны были подсчитывать убытки. Леопольд I, испытывая недостаток войск и средств, согласился на передачу Франции Фрайбурга в Брайсгау и стратегически важной крепости Гюнинген. Оставшийся в одиночестве бранденбургский курфюрст был вынужден вернуть Швеции все завоеванные в Нижней Померании крепости и земли.

Нимвегенский триумф и последующие 5 лет (до 1684 г.) были кульминацией могущества Людовика XIV. Казалось, вся Европа покорилась его власти. В 1679 г. он приступил к акциям, известным под именем *"Reunionen"* («реунирование», исключение из имперского союза, оккупация), насильно расчленив владения немецких князей в Эльзасе, в Рейнской, Саарской и Мозельской областях. Истолковывая статьи Вестфальского мира по своему усмотрению, он подчинял себе все те территории, которые когда-либо находились в ленной зависимости от епископов Тульского или Мецского, а также от тех земель, которые были захвачены Францией в 1552, 1668 и 1669 гг. При столкновениях, возникавших в этой связи, дела направлялись в судебные комиссии при местных ландтагах, которые выносили профранцузские решения, мотивируя их прецедентами времен Пипина Короткого. Согласно им даже Саарбрюкен и Гамбург были причислены к французской короне.

На территории империи Людовик начал сооружать свои крепости (первыми были Саарлуи и Монрояль на Мозеле), а 30 сентября 1681 г. оккупировал (реунировал) имперский город Страсбург и крепость Казале в Северной Италии. Жители Страсбурга были вынуждены присягнуть на верность Людовику XIV и принять французский воинский гарнизон. Французские специалисты в кратчайший срок превратили город в мощную крепость. В 1685 г., после смерти бездетного курфюрста Пфальца, Людовик XIV, опираясь на факт отда-

ленного родства с покойным, предъявил претензии на значительную часть территорий Пфальца. В этих условиях почти все крупнейшие немецкие государства заключили с Людовиком XIV союз, а бранденбургский курфюрст даже пообещал «королю-солнцу» свой голос на выборах императора.

Однако вскоре ситуация стала меняться. Длительные войны ослабили финансовые и экономические возможности Франции, что неминуемо влекло за собой снижение военной активности и падение авторитета короля. Французская гегемония стала клониться к закату. Напротив, в Германии стали резко возрастать патриотические настроения в пользу империи, началось возвышение Австрии.

Рост влияния Габсбургов в Восточной и Центральной Европе происходил на фоне постепенной утраты мощи и влияния Швеции и Речи Посполитой. Лишь некоторое время польскому королю Яну Собесскому, который считался сторонником Франции и проводил антигабсбургскую политику, удавалось противодействовать императору в Венгрии. В Венгрии Леопольд I, действуя согласно известной формуле «один король, одна вера, один закон», проводил мероприятия по рекатолизации и централизации государства. В ответ созрел так называемый «заговор магнатов», а затем, после казни его участников, началось настоящее восстание против австрийского владычества под предводительством графа Эммериха Текели. Восставших поддержали Речь Посполитая, Франция и Османская империя. Последняя начала в 1682 г. военные действия против Австрии и империи.

Эти события совпали по времени с действиями Франции в западных немецких землях, вызвавших открытое возмущение населения и принятие рейхстагом *Оборонительного устава* 1681 г. Вокруг Леопольда I стала формироваться антифранцузская коалиция, вскоре переросшая в антифранцузский европейский союз. В ее состав вошли Саксония, Ганновер, Бавария, а также ассоциация Франконского и Швабского имперских округов, созданная по инициативе графа Георга Фридриха Вальдек-Айзенберга. Это было как нельзя кстати, так как 14 июля 1683 г. турки осадили Вену и Леопольду I пришлось бежать сначала в Линц, а затем в Пассау, хотя имперская армия продолжала держать оборону.

Осада турками Вены возродила идеи спасения Европы времен крестовых походов. К формированию общественного мнения и мощной коалиции против турок подключился папа Иннокентий XI. Ему удалось временно нейтрализовать даже Людовика XIV и склонить

к союзу с императором короля Речи Посполитой. Из немецких князей в стороне остался лишь бранденбургский курфюрст. Добровольцы со всей Европы, в том числе и из Франции, спешили записаться в освободительную армию.

12 сентября 1683 г. произошло решающее победоносное сражение под общим командованием короля Яна Собесского и имперского фельдмаршала Карла V Лотарингского. Столетняя турецкая угроза Вене и всей Центральной Европе была устранена. Этот день положил начало возвышению великой державы Габсбургов — Австрии. Он породил также всеобщее чувство солидарности и влил новую свежую струю в имперскую идею, которая помогла империи продержаться до начала XIX в.

Возглавив в 1684 г. Священную лигу (союз империи с папой, Россией, Речью Посполитой и Венецией), Леопольд I стал главной силой в Европе в решении восточных дел. Правда, ему пришлось пойти на перемирие с Людовиком XIV и признать его приобретения, в том числе обладание Страсбургом и Люксембургом, который Людовик XIV захватил 4 июня 1684 г. И все же войны на два фронта Леопольду I не удалось избежать. Его успехи в Венгрии, которая к 1688 г. была уже практически отвоевана у турок (в 1686 г. пал Офен-Пешт, в 1688 г. — Белград), вывели Людовика XIV из бездействия.

Но теперь Леопольд I отважился на войну и против турок, и против Франции, имея в виду новое соотношение сил, сложившееся в Европе. В 1686 г. был создан тайный оборонительный союз (***Аугсбургская лига***), заключенный в Аугсбурге между Голландией, Леопольдом I, Испанией, Швецией, Баварией, Пфальцем, Саксонией с целью противостоять территориальным захватам Франции в Западной Европе. Чуть позже к Лиге присоединился и бранденбургский курфюрст, у которого возникли разногласия с французским королем из-за отмены Нантского эдикта. Сыграл роль и факт рукоположения кёльнским архиепископом ставленника императора, герцога Иосифа Климента, в то время как французский претендент не был утвержден папой.

Война в целом, несмотря на ряд одержанных французами побед, складывалась не слишком успешно для французского короля. Скоро он оказался перед лицом грозной коалиции, возглавляемой ***Вильгельмом III Оранским*** (1650–1702), который в 1689 г. взошел на английский трон. Антифранцузские настроения в империи усилились после проведения Людовиком XIV в Пфальце «стратегии выжженной земли», жертвами которой стали города Гейдельберг, Мангейм,

Шпейер, Вормс и другие. Оскорбленное население рейнских областей развернуло партизанскую войну против французов. В 1693–1697 гг. имперская армия, состоявшая главным образом из войск Франконского и Швабского округов, отвоевала у французов верхнерейнские земли. 11 сентября 1697 г. решающую победу над турками в битве при ***Зенте*** одержал набиравший силу при Венском дворе принц ***Евгений Савойский*** (1663–1736). Победу Священной лиги над Турцией увенчал 26 января 1699 г. ***Карловицкий мирный договор***, который принес императору вожделенные Венгрию и Зибенбюрген. Было подтверждено господство Габсбургов над большей частью Славонии и Хорватии. С этого времени начался процесс распада Османской империи, длившийся до начала XX в. Карловицкий мир положил начало политическому преобладанию Австрии на Балканах, которое стало важной основой ее дальнейшего возвышения.

В 1697 г. был заключен ***Рисвикский мир***, который представлял собой серию договоров между Францией и членами Аугсбургской лиги. Мир был признаком начавшегося заката великодержавия Франции. Впервые Людовик XIV вышел из войны без новых трофеев, хотя земли Эльзаса, Страсбург и некоторые другие территории остались за ним. Но Франция была вынуждена отказаться от проведения реуниона за пределами Эльзаса и вернуть империи Цвайбрюкен, Филиппсбург, Брайзах, Фрайбург, Лотарингию в пределах 1670 г., крепость Кель. Людовик XIV согласился на снос своих укреплений на правом берегу Рейна и освободил епископскую кафедру в Кёльне. Он также не смог помешать возведению в 1697 г. на польско-литовский трон имперского ставленника, саксонского курфюрста Фридриха Августа Сильного, спешно обращенного ради этого в католичество.

Таким образом, впервые Леопольд I вместе со своими союзниками одержал военно-дипломатическую победу над Людовиком XIV (несмотря на потерю Эльзаса), что было особенно почетно, поскольку это была победа в войне на два фронта. Экспансионистские притязания Франции получили коллективный отпор европейских держав, хотя это далеко не означало полного поражения Франции, а Людовик XIV не отказался от борьбы за испанское наследство.

Тлевшая в последние десятилетия XVII в. проблема наследования испанского престола вылилась в войну, разразившуюся после смерти в ноябре 1700 г. бездетного испанского короля Карла II. С приобретением испанского наследства Людовик XIV не только реабилитировал бы себя за поражение от Аугсбургской лиги, но и сделал бы решительный шаг к установлению французского господства на кон-

тиненте. Европейские державы не могли допустить этого. С позиции Англии и Голландии «равновесие сил» нарушало бы и приобретение огромных территорий испанской короны Леопольдом I Габсбургом. В то же время Англия, стремившаяся к положению ведущей державы в Европе, вступила в противоборство с Францией из-за колоний в Северной Америке и Индии. Ввиду глубокой заинтересованности европейских держав в поддержании военно-политического паритета в борьбу за испанское наследство оказались втянуты почти все страны Западной Европы.

Умирая, Карл II подписал указ о передаче всего наследства внуку Людовика XIV Филиппу V Анжуйскому. Новый король Испании сразу же был признан рядом государств. Тогда Леопольд I решил добывать испанский трон для своего второго сына, Карла Иосифа Франца, с помощью оружия. Началась ***война за испанское наследство*** (1701–1714). Австрийские войска под командованием Евгения Савойского вторглись в Северную Италию, которая вместе с территорией самой Германии и стала главным театром военных действий на первом этапе войны.

7 сентября 1701 г. в Гааге Голландия и Англия заключили союз с империей против Франции (так называемый «***Большой альянс***»). В 1702 г. Англия объявила войну Франции. Германские правители, в том числе прусский король Фридрих I, также вошли в альянс, надеясь получить от великих держав субсидии на содержание своих армий. Только Максимилиан II Эммануил Баварский и его брат кёльнский курфюрст Иосиф Климент выступили на стороне Франции. Это вызвало кризис в Вене, который был преодолен благодаря решительным преобразованиям в высших эшелонах власти. Ключевой фигурой австрийской политики стал с 1703 г. принц Евгений Савойский, занявший пост президента Придворного военного совета.

Немецкие историки высоко оценивают заслуги принца Евгения. Прежде всего, он был выдающимся полководцем своего времени. Как государственный деятель он обладал искусством ведения переговоров, что для XVIII в., в котором дипломатия играла не последнюю роль, было очень важно. Солдаты и офицеры боготворили его, несмотря на высокие требования, которые он к ним предъявлял. Народная песня, сочиненная современниками, называла его «благородным рыцарем».

Очень скоро Франция оказалась перед лицом мощной англо-голландско-немецкой коалиции, развернувшей военные действия на широчайшем фронте. Благодаря быстрому марш-броску «через всю

Европу» герцог Мальборо провел армию в Южную Германию, где 13 августа 1704 г. разбил франко-баварскую армию при ***Гохштедте***, недалеко от Ульма. Общие потери французов и баварцев убитыми, ранеными и пленными достигли 30 тыс. человек. Победители потеряли около 11 тыс. человек. Это был поворот в войне, лишивший Людовика XIV всяких шансов на победу. Бавария была оккупирована, а Максимилиан II Эммануил пленен и отправлен в бельгийскую ссылку.

Несколько крупных поражений, которые Франция потерпела в последующие годы (самым тяжким было поражение при ***Ауденарде*** 11 мая 1708 г., после которого англо-голландские и имперские войска оккупировали Фландрию), заставили ее согласиться на мирные переговоры. Они начались в Гааге зимой 1708–1709 гг. Союзники предъявили ультиматум Людовику XIV: заставить своего внука, короля Испании, отречься от трона, а в случае отказа были готовы продолжить войну. Людовик XIV еще надеялся, что на его стороне выступит Швеция, побеждавшая, как казалось, Россию, и поэтому сорвал переговоры. Однако победа русских под Полтавой (27 июня 1709 г.) исключила помощь французам со стороны Швеции и Франция могла расчитывать только на свои силы. В этой ситуации большое значение имела битва при ***Мальплаке*** (11 сентября 1709 г.), в которой англо-австрийские войска потеряли почти вдвое больше, чем французы. Франция получила необходимую ей передышку, а последовавший затем раскол во вражеской коалиции спас ее от неминуемого поражения. Первой вышла из войны Англия, посчитав свои цели достигнутыми (ослабление Франции и победа над французами в колониях). Вслед за этим все участники конфликта стали зондировать почву для заключения мирного соглашения.

Между тем и в империи произошли события, имевшие далеко идущие последствия. После смерти Леопольда I, в 1705–1711 гг. императором был его старший сын, Иосиф I, а в 1711 г. на престол вступил его младший сын, ***Карл VI Иосиф Франц*** (1685–1740), бывший претендентом на испанский трон. Теперь его претензии оказались беспочвенными, ибо объединения испанской короны со Священной Римской империей в Европе никто не желал.

В апреле 1713 г. в ***Утрехте*** был заключен мирный договор между участниками войны за испанское наследство. Франции удалось договориться с союзниками императора: Голландией, Англией, Португалией и Пруссией. Филипп Бурбон получил Испанию и ее колонии без права объединения их с Францией в будущем. Франция признавала

ганноверскую династию на английском троне (Георг Людвиг в 1714 г. стал королем Англии под именем Георга I), и отныне Ганновером стал управлять наместник, которого назначал английский король. Австрийские Габсбурги приобретали испанские Нидерланды (Бельгию), Милан, Сардинию и Неаполь. Венский двор, однако, не подписал договор, ибо он предусматривал отказ императора от Испании в пользу Бурбонов. Но и сил вести борьбу в одиночестве у Карла VI не было. В то же время и Франция, сохранившая по утрехтскому миру Страсбург и Эльзас, жаждала мира. Трехмесячные переговоры между двумя полководцами, Евгением Савойским и Гектором Вилларом, в *Раштатте*, увенчались договоренностями о признании Карлом VI испанской короны за Филиппом V Анжуйским. Франция отказывалась от захваченных на правом берегу Рейна городов и крепостей, судоходство по Рейну становилось свободным. Карл VI сохранял Сардинию и получил Испанские Нидерланды, Неаполитанское королевство, часть Тосканы, герцогство Миланское. 7 сентября 1714 г. Баденский конгресс германских государств утвердил условия Раштаттского мира.

Евгению Савойскому удалось несколько улучшить условия мира в Утрехте. Император, признавший Филиппа, дополнительно к территориям, приобретенным по утрехтскому договору, получал Мантую. Но при этом противники императора Максимилиан II Эммануил и Иосиф Климент вернули назад свои звания и владения. Более всего выиграла Англия. Она получила Гибралтар, многочисленные колонии, а главное — вступила на путь превращения в ведущую европейскую державу. Заключением этого мира закончилась эпоха Людовика XIV, который скончался год спустя. Это был одновременно и закат гегемонистской политики Франции. В то же время в Европе началось коренное изменение соотношения сил не в пользу империи, все более отодвигаемой на задний план Австрией и Пруссией.

Возвышение Австрии и Пруссии

Мирные договоры, подписанные в Утрехте, Раштатте и Бадене, означали для Австрии начало ее выдвижения на роль одной из ведущих держав на европейском континенте. Положение же императора внутри империи становилось все более проблематичным. Патриотическая волна 1680-х гг., вызванная борьбой с Францией и победами над Турцией, была позади. Поддерживать имперскую идею удавалось только при малых княжеских дворах. Крупные же имперские государства, такие как Бавария, Пруссия, курфюршества

Ганновера и Саксонии, занимали позиции, угрожавшие империи распадом. Все чаще император становился соперником других немецких правителей и даже коалиций. Но окончание победоносной войны с Турцией 1715–1718 гг. дало императору Карлу VI двадцатилетнюю передышку. Он сумел за эти годы заметно укрепить и позиции Австрии.

Могущество Австрии возрастало, огромные территории (Венгрия, Богемия, бывшие испанские Нидерланды, итальянские земли, включая Сардинию, Милан, Неаполь) входили в ее состав. Задача создать из этого конгломерата разнообразных владений единое сильное государство заставляла императора жертвовать интересами империи. Последняя, как считал К.-О. фон Аретин, все более превращалась в «зону австрийского влияния».

Утрехтский мир дал также возможность немецким государствам принять участие в Северной войне Швеции с Россией (1700–1721 гг.). На востоке Европы формировались новый международный порядок и новое соотношение сил. Потерпев сокрушительное поражение, Швеция лишилась статуса великой державы. Она была вынуждена отдать Пруссии Штеттин и Переднюю Померанию, Ганноверу — Бремен и Верден, России — Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии. Место Швеции в Прибалтике заняла Россия. После Северной войны последовало также стремительное возвышение Пруссии. Теперь пять великих держав — Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия — зорко следили за тем, чтобы ни одна из них не смогла разрушить систему равновесия сил и утвердить на длительное время свою гегемонию.

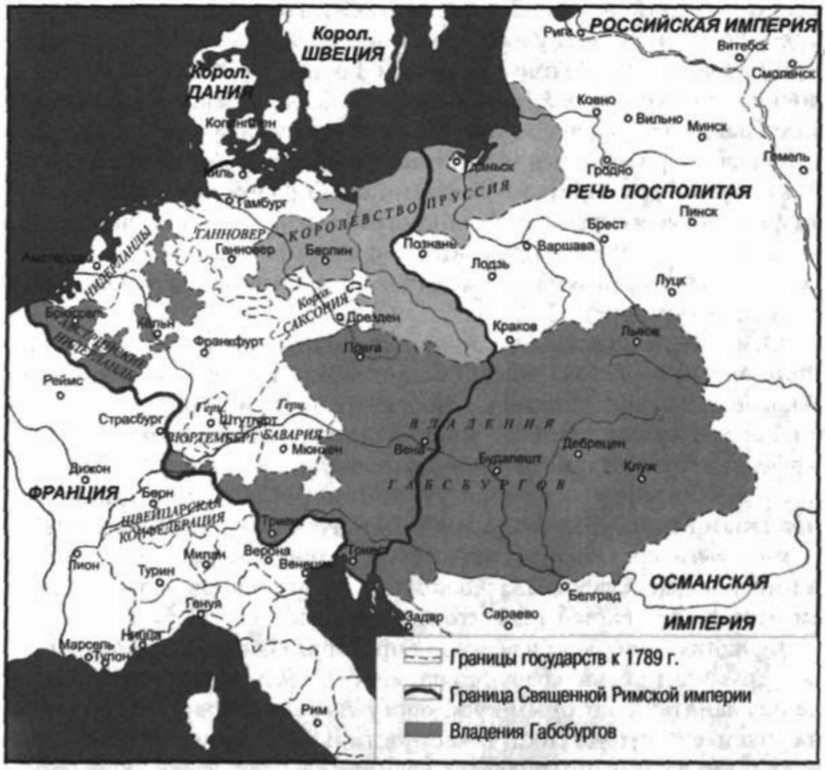
Формирование в конце XVII — XVIII в. Пруссии, второй великой державы внутри имперского союза, историки относят к важнейшим событиям немецкой истории. Они считают его главным следствием успешной абсолютистской деятельности бранденбург-прусских монархов. После Вестфальского мира территории, принадлежавшие бранденбургским Гогенцоллернам, представляли собой своеобразное «лоскутное государство», объединенное личной унией. Центральную его часть составлял сам Бранденбург со столицей в Берлине, на западе располагались богатые земли Клеве и Марк, а на востоке — герцогство Пруссия, которая как вассал польской короны находилась вне имперского союза. Это было богатое княжество с цветущим сельским хозяйством, политически и экономически сильными сословиями, со значительной морской торговой гаванью в столице — Кёнигсберге, со сложившимися государственными традициями. Клеве

и Марк являлись зонами высокоразвитого сельского хозяйства. Здесь ко всему прочему находилась значительная металлургическая промышленность (Золинген). Сам же Бранденбург, именуемый «песочницей Священной Римской империи», был беден, хотя собственные бранденбургские сословия были также весьма самостоятельны и уверенно противились абсолютистским устремлениям курфюрста. Такую «конструкцию» необходимо было разрушить, объединив разрозненные части в одно целое, ограничить сословия, заседавшие в ландтаге, в их праве вотировать налоги и объявлять набор в армию, сократить до минимума их вмешательство в планирование внешней политики курфюрста.

Основателем бранденбург-прусского абсолютизма признается ***Фридрих Вильгельм*** (1620–1688), ставший курфюрстом в 1640 г. В наследство ему достались разоренные войной, запустевшие земли, обремененные долгами. Через 48 лет у него была сильная армия, эффективно действовавшее чиновничество, сословия не отваживались противоречить курфюрсту. Доминирующим принципом его политики было стремление поднять престиж Бранденбурга всеми возможными средствами. При этом он не терял связи с императором и империей, действуя согласно лозунгу, который провозгласил в своем манифесте: «Не забывай, что ты немец».

Фридрих Вильгельм начал свои преобразования с создания сильной армии, что было созвучно времени. Средства для нее поначалу нашел ландтаг, с которым курфюрсту удалось договориться, пойдя на значительные уступки. В частности, владельцам рыцарских земель было разрешено, правда, в крайних случаях, увеличение поборов с крестьян, ограничено право бюргеров на приобретение земель, введен индигенат (в Восточной Пруссии), т. е. право только местных дворян занимать служебные места. Создав 20-тысячное войско, одержавшее первые победы, курфюрст Бранденбурга, действуя сначала как союзник Швеции, а затем — Речи Посполитой, добился в 1657 г. суверенитета для герцогства Пруссия и его полного объединения с Бранденбургом. Сосредоточение в его руках двух княжеских титулов превратило его из «мелкого князя на Шпрее» в «Великого курфюрста».

В дальнейшем он использовал армию как надежное средство борьбы со своими влиятельными подданными. Все, кто оказывал сопротивление, объявлялись бунтовщиками. После 1653 г. полный ландтаг в Курмарке уже не собирался и вся сословная жизнь переместилась в округа. Для подавления оппозиции в своих нижнерейн-



Германские земли во второй половине XVIII в.

ских владениях Фридрих Вильгельм ввел на эти территории войска и провел аресты. Сильнее всех сопротивлялось Великому курфюрсту прусское дворянство. Здесь пришлось прибегнуть к более жестким репрессиям. Глава оппозиции в ландтаге 1661 г. представитель Кёнигсберга Геронимус Рот был заточен в крепость, где и умер. Другого своего противника, предводителя дворянства Кристиана Людвига Калькштайна, сумевшего убежать в польские земли, он выкрал из-за границы, устроил над изменником в 1672 г. суд в Мемеле и казнил. В итоге дворянство подчинилось абсолютной власти курфюрста.

Подчинение армии в Бранденбург-Пруссии обеспечивалось тем, что она формировалась из наемников, вербовка которых проводилась весьма жестоким способом не только внутри страны, но и за

ее пределами. Для дворян, знатных бюргеров, служащих, учащихся, придворных военная служба была делом добровольным. Одновременно была осуществлена реформа управления. Для обеспечения армии всем необходимым налаживалось финансовое дело, ставшее исходной точкой модернизированного прусского управления. Начало ему было положено ***«институтом комиссаров»*** — чрезвычайным органом власти. Комиссары, в том числе особые военные комиссары, выполняли поручения монарха. С 1660 г. стал действовать генерал-комиссар в рамках всего государства и ему подчинили полевую военную кассу, в которую поступали контрибуции. Он обязан был способствовать принятию всех экономических и финансовых мер, с помощью которых можно было добывать средства на содержание армии. Главным правительственным учреждением стал ***Тайный совет***, действовали особые ***Военная и Налоговая комиссии***. Таким образом, князь, именовавшийся сословиями «деспотом», концентрировал в своих руках политическую, экономическую и военную власть.

После смерти Фридриха Вильгельма на Бранденбургский престол в 1688 г. вступил его сын Фридрих. Ему удалось сохранить все то, что было завоевано его отцом, и тем создать предпосылки для будущего величия прусского государства. Фридрих продолжил политику централизации. При нем, в частности, ***Генеральный военный комиссариат*** стал настоящим центральным финансовым и управленческим органом, была создана ***Тайная придворная палата*** (гофкамера), руководившая администрацией. Сословные институты продолжали утрачивать свое влияние. Но главным его достижением стало возведение Пруссии в ранг королевства. Соблюдая традицию, в соответствии с которой королевский титул мог быть получен только с согласия императора, курфюрст добился от последнего одобрения своих действий. Фридрих, проигнорировав обязательное прежде участие в этом акте церкви, короновался в 1701 г. в Кёнигсберге и стал первым прусским королем ***Фридрихом I*** (1657–1713). С приобретением королевского титула Фридрих превратился в настоящего независимого европейского суверенного государя. Благодаря миру в Утрехте его королевский титул получил международное признание. Ко всему прочему ему удалось заметно округлить свои владения на западе — на Нижнем Рейне (графства Линген и Мерс) и в Швейцарии (княжество Нейшатель и графство Фалангин). С этого момента мы можем говорить о Прусском государстве со столицей в Берлине.

Большое значение для будущего Пруссии имело развитие наук и искусств, ранее практически не получавших поддержки. В этом

деле у Фридриха I была замечательная сподвижница, его супруга София Шарлотта, умная от природы и разносторонне образованная женщина. Ей удалось привлечь в Берлин ряд выдающихся художников и архитекторов, в том числе ***Андреаса Шлютера*** (автор известного памятника Великому курфюрсту), которые изменили облик столицы. Замечательным сооружением барочного стиля стал Цейхгауз (ныне исторический музей). Бывшая рыцарская академия в Галле в 1692 г. была преобразована в университет во главе с ***Кристианом Томазиусом***, а в 1705 г. была основана Берлинская Академия наук с ***Готфридом Вильгельмом Лейбницем*** (1646–1716) в качестве президента.

В 1713 г. прусским королем становится сын Фридриха I ***Фридрих Вильгельм I*** (1688–1740), которого историки называют «гением управления». Он внес решающий вклад в создание образцового военизированного чиновничьего государства Пруссия. Будучи сам человеком непритязательным, умевшим довольствоваться малым (табак, пиво и хорошая еда в мужской компании), он и от своих подданных, которых воспитывал в строгости и скромности, требовал полной самоотдачи до изнеможения в работе ради общего блага. Это был настоящий абсолютный монарх, для которого «счастье подданных», как он его понимал, было целью, оправдывавшей введение самых строгих правил. Знаменитый «немецкий порядок» берет свое начало оттуда.

Государственное управление

Уже в 1716 г. началась ликвидация ландратов в землях и муниципального самоуправления в городах. Новые магистратские коллегии напрямую подчинялись королевским властям. Главной жертвой начатой Фридрихом Вильгельмом I жесткой экономии средств стал великолепный двор его отца, который был переведен на весьма скудное содержание. В русле начавшейся милитаризации начались меры по сокращению числа министров, абсолютное предпочтение военных перед штатскими чиновниками. В 1723 г. Фридрих Вильгельм I создал новый центральный орган — «Генерал-обер-финанс-кригс-и-доменен-директорию», коротко называемую ***Генерал-директорией***, взявшую в свои руки всю экономическую политику страны. Она состояла из 4 департаментов во главе с министрами, каждый из которых получил в управление одну из провинций. Кроме традиционного территориального принципа управления, на вооружение был взят также ведомственный принцип.

Министрам были подчинены отдельные департаменты, отвечавшие за основные направления внутренней государственной политики. Первый департамент ведал пограничными делами, второму подчинили дела по осушению северогерманских земель, третьему — почтовое и монетное дело, четвертому — финансовые (кассовые и счетные) дела. Министры готовили доклады для пленарных заседаний (каждый — один раз в неделю), где принимались коллегиальные решения. Активное участие в обсуждении всех чрезвычайных дел принимал король, которому принадлежало и последнее слово, в случае если министры и советники не могли договориться самостоятельно. На заседаниях министров всегда присутствовал стул Фридриха Вильгельма I, как бы напоминавший о его незримом руководстве. С министрами король общался через своего секретаря посредством письменных докладов и письменных же распоряжений.

После 1740 г. были образованы новые особые департаменты, появилось ведомство иностранных дел ***(Кабинет-министериум)***, прежде находившееся в Тайном совете. Сам Тайный совет, сохранив за собой судебные и духовные дела, трансформировался в специальный департамент, руководимый великим канцлером. Эти три высших органа (Генерал-директория, Кабинет-министериум и Тайный совет) подчинялись только монарху, а их главы составили особое правительство, которое стали именовать ***кабинетом***. В провинциях действовали 9 палат, объединивших военные и финансовые дела и ведавших контрибуциями (прямыми налогами), акцизами (косвенными налогами на чай, сахар, хлеб, табачные изделия и т. п., которые уплачивали государству продавцы) и мануфактурами. Их возглавляли президент и два директора, принимавшие решения коллегиально. Местные ландраты были подчинены палатам. В решении спорных дел между налогоплательщиками и налоговыми властями король придерживался известного принципа: *"In dubio pro fisko"* («фиск всегда прав»). Строгая централизация государства принесла свои плоды. Государственные доходы выросли при Фридрихе Вильгельме I до 7 млн талеров, астрономической по тем временам суммы.

Милитаризация государства и создание кантонной системы. Фридрих Вильгельм I, прозванный современниками «грубым фельдфебелем», первым из монархов сменил изысканный кафтан на униформу. Главным предметом всех забот монарха стала армия. Он увеличил ее численность с 38 до 84 тыс. человек, сделав свою армию одной из самых боеспособных в Европе. Для обеспечения армии обмундированием был основан знаменитый ***Лагерхауз*** в Берлине,

который объединял суконную мануфактуру, тысячи домашних ткачей и военизированный сиротский дом. Запрет на ввоз сукна из-за границы и на вывоз шерсти из страны обеспечивали достаток сырья и сбыт готовой продукции. Для изготовления огнестрельного и холодного оружия были построены оружейные заводы.

На втором этапе реформы была введена кантонная система, разрешившая проблему комплектования армии. Для этого Фридрих Вильгельм I создал новый офицерский корпус и сформировал новый тип прусского офицера. Он занимался этим все время с момента прихода к власти, имея в виду цель «превратить фрондирующее юнкерство в лояльных, верных королю подданных, которые будут гордиться тем, что служат под знаменами короля». До него офицерский корпус рекрутировался из всех желающих, среди которых нередко попадались люди, ведущие сомнительный образ жизни. Теперь дворяне были обязаны служить в королевской армии, и эта служба с 1717 г. становилась наследственной сословной обязанностью. Для подготовки к службе дворянских сыновей стали действовать кадетские училища. Тем самым король аристократизировал офицерский корпус, сделав его первым сословием в государстве.

Особый авторитет и преимущества офицерскому корпусу придала кантонная система, которую стали вводить после массовых волнений завербованных на пожизненную военную службу ремесленников, студентов, крестьянских и купеческих сыновей. Вербовки наносили ущерб хозяйству, вызывали паническое бегство из страны молодых людей, обладавших той или иной квалификацией. Теперь каждый полковой командир получил свой округ (кантон), в пределах которого мог вербовать солдат из крестьян и других низших категорий сельского населения, по возможности из собственного имения. Каждый житель кантона мужского пола с 10-летнего возраста становился новобранцем, будучи записан в полк, получал в течение полутора-двух лет обязательную военную выучку, а затем совмещал военную службу с отпуском, длившимся 9–10 месяцев в году, во время которого привлекался к обработке полей и к другим хозяйственным делам имения. При этом отпускники оставались солдатами и находились в юрисдикции полкового командира, который, являясь одновременно помещиком, имел под рукой дисциплинированную рабочую силу. В лице кантонистов были получены солдаты, которые в отличие от других крестьян ощущали себя подданными короля.

Немецкие историки (Х. Шмидт, в частности) убедительно обосновывают мысль о том, что прусская армия благодаря своим размерам

и новым принципам комплектования очень быстро превратилась в важный экономический фактор. Государство снабжало ее только оружием и униформой, которые производились в самой Пруссии. Все остальное, включая содержание, обеспечивали частные компании, закупавшие продукцию у ремесленников в гарнизонах и у местного сельского населения, получившего стимулы к расширению производства товаров и к повышению производительности своего труда. Огромная армия обходилась без казарм. Во время маршей солдаты за плату расквартировывались в квартирах горожан, для которых это была своего рода повинность. Все это способствовало увеличению доходов не только казны, но и населения. «Когда армия на марше, — говаривал сам король, — акцизы понижаются на треть».

Мирный «солдатский король» Фридрих Вильгельм I умер 31 мая 1740 г., оставив наследнику сильное военное государство, образцовую организацию управления, вышколенное и преисполненное служебного рвения чиновничество, наполненную деньгами казну. Прусская армия была блестяще выучена и ждала своего полководца, который не замедлил появиться. Им стал Фридрих II, названный современниками «Великим». Фридрих Вильгельм I определил для него и главное направление внешней политики, которым должно было стать завоевание Силезии. «Вы, мой дорогой наследник, — писал он в своем манифесте-завещании, — вполне можете опереться на страну и армию, если захотите предпринять меры к тому, чтобы вернуть земли, принадлежавшие нашему дому по праву и по воле богов». Сын выполнил волю отца.

Прусское управление демонстрирует в целом некую общую линию политического развития германских государств в XVIII в. Оно показывает, что новое абсолютистское государство, не отменяя прежних сословных структур и оставив в их руках судопроизводство на провинциальном уровне, подчинило их государственному надзору и контролю, а рядом с ними создало новые, с особыми полномочиями государственные органы, с помощью которых реализовало стоявшие перед ним цели.

Немецкий дуализм

Под немецким дуализмом понимается противостояние двух европейских держав и их государей на территории империи, которое началось в 1740 г. Этот год знаменовал собой наступление новой эпохи в немецкой истории. Когда умер не только прусский король Фридрих Вильгельм I, но и император Карл VI, к власти пришло

новое поколение политиков, заметно ускорившее процесс разрушения империи. Две главные фигуры в течение почти всего остального XVIII в. определяли ход немецкой истории: австрийская государыня ***Мария Терезия*** (1717–1780) и прусский король ***Фридрих II Великий*** (1712–1786). Именно они расширили назревавший между Австрией и Пруссией конфликт до размеров, угрожавших самому существованию империи.

Мария Терезия получила от своего отца весьма скромное наследство. Накануне Австрия проиграла Турции очередную войну и потеряла все свои территориальные приобретения на Балканах, в том числе Белград и владения в Боснии, Сербии и Валахии. Армия была деморализована, финансы расстроены, коррумпированные престарелые министры управляли страной. ***Прагматическая санкция*** (1713), с помощью которой император, не имевший сыновей, надеялся сделать наследницами престола дочерей, не возымела действия. Марии Терезии пришлось доказывать свои права на трон в наследственных габсбургских землях в остром соперничестве с баварским курфюрстом Карлом Альбрехтом, который, опираясь на поддержку Франции, выставил свою кандидатуру и на выборах императора. В 1742 г. рейхстаг избрал его императором ***Карлом VII*** (1697–1745). Дело Габсбургов, казалось, было проиграно навсегда. Франция, жаждавшая иметь на престоле зависимого от нее императора, приблизилась к осуществлению своей заветной мечты. Но Мария Терезия сумела спасти положение.

Историки видят в Марии Терезии выдающегося государственного деятеля, правда, не лишенного недостатков. Они отмечают в ней большой ум, хоть и не столь острый, каким обладал ее противник — Фридрих II. Будучи глубоко верующей католичкой, примерной супругой и матерью, которая родила своему мужу, Францу Стефану Лотарингскому, 17 детей, Мария Терезия относилась к власти с патерналистских позиций. Она считала государство своей большой семьей и хотела стать матерью для своих подданных. Мария Терезия имела хорошее юридическое образование, старалась без оснований не нарушать чужие права, но не позволяла нарушать и свои собственные. Она умела привлекать на службу выдающихся деятелей (Кауниц, Гаугвиц, Даун), становившихся ее верными помощниками, а реформы проводила, опираясь на них, осторожно и постепенно, без вызывающего неприятие радикализма.

Фридрих II в отличие от Марии Терезии обладал умом теоретика, был хорошо знаком с идеями Просвещения, но без особого увлече-

ния воспитанием и верой в добрые свойства человеческой природы. Он был поклонником французской литературы и музыки, противником военной муштры, охоты и табакокурения. Холодный рассудок и неспособность к состраданию сочетались в нем с абсолютной честностью и неслыханным остроумием, признанным всеми, кто с ним общался, что придавало ему в обществе особый шарм. К тому же он был веротерпим и равнодушно относился к проблемам религии.

Фридрих II Великий был и великим политическим деятелем, и выдающимся полководцем своего времени. Ему были чужды националистические чувства, его не интересовала империя, устройство которой он считал нерациональным. Главной целью всех его деяний было превращение Пруссии в великую державу, а главным средством — территориальные приобретения. Он оставил свою страну наследникам с населением, вдвое превышавшим численность того, что получил от отца. Армия его считалась непобедимой, а казна наполненной сокровищами. Империи он нанес такие удары, которые с наступлением революционных лет заметно ускорили ее закат.

Фридрих II начал свои завоевания сразу после получения из Вены известия о смерти 20 октября 1740 г. императора Карла VI. Первой жертвой его политики с позиции силы стала австрийская Силезия, которая была богата и располагалась в непосредственной близости от Пруссии. Получив отказ Марии Терезии добровольно расстаться с Силезией взамен на поддержку против всяких нападений извне, Фридрих II в течение пяти недель захватил всю Силезию вместе с ее столицей Бреслау (***Первая Силезская война***, 1740–1742 гг.). Удержаться смогли лишь несколько крепостей.

Захват Силезии стал предпосылкой войны за австрийские владения, которая разразилась в июле 1741 г. Эта война вскоре приобрела европейский масштаб. Противоборство же Пруссии и Австрии в Первой Силезской войне завершилось весной 1742 г. заключением перемирия в Бреслау, а затем подписанием окончательного мирного договора в Берлине. Мария Терезия была вынуждена признать потерю Силезии, но зато высвободила свои войска для борьбы за Баварию, где правил ее соперник — новый император Карл VII, и Богемию, избравшую его своим королем. В военных действиях, проходивших в Италии, Нидерландах и на территории империи, друг другу противостояли два лагеря: французы, испанцы и баварцы (Виттельсбахи) — с одной стороны; австрийцы, пьемонтцы и англичане, а затем и саксонцы — с другой. Главную тяжесть войны несли на себе войска Марии Терезии, которые вскоре стали одерживать по-

беды одну за другой. Они взяли Прагу, изгнали Карла VII из Баварии (во Франкфурт), нанесли летом 1743 г. тяжелое поражение Франции, а весной 1744 г., перейдя через Рейн, вторглись в Эльзас. Франция стояла на пороге поражения. Спас Людовика XV Фридрих II, который, заключив с французами новый союз, напал на Богемию, начав тем самым ***Вторую Силезскую войну*** (1744–1745). Нанеся удар австрийцам в спину, он освободил нейтрализованные ими баварские войска.

Наступивший 1745 г. создал новую ситуацию. Император Карл VII Виттельсбах, практически так и не признанный немцами, умер 20 января 1745 г., и супруг Марии Терезии был избран императором ***Францем I*** (1708–1765). В этом году Фридрих II одержал ряд блестящих побед над австрийцами (при Гогенфридберге, Соре и Кессельсдорфе) и заключил победный мир в ***Дрездене***, окончательно закрепивший в составе Пруссии Силезию и Восточную Фрисландию, полученную в 1744 г. в качестве наследства. Ценой за эти приобретения стало признание Фридрихом II Франца I императором Священной Римской империи германской нации. Австрия, потерпев ряд ощутимых поражений, пошла на мирное соглашение, подписанное в ***Аахене*** (1748). Тем самым ей удалось сохранить свою государственность. Более того, Мария Терезия и Франц I утвердили свое главенство в империи, смирившись до поры до времени с потерей Силезии. Возведение Пруссии в ранг великой европейской державы стало свершившимся фактом. Фридрих II, вернувшись победителем в свою столицу, был вознагражден берлинцами титулом «Великий». Дуализм в Германии стал свершившимся политическим фактом и решительным шагом в сторону не только преобразования, но и распада империи.

С этого времени в империи воцарился мир, длившийся до 1756 г., который позволил Австрии провести так называемую «терезианскую реформу». Мария Терезия стала инициатором государственных реформ, проведенных графом ***Фридрихом Вильгельмом Гаугвицем***. Образцом для нее послужили прусские преобразования. Как и в Пруссии, была увеличена численность армии, проведены финансовая и управленческая реформы, преобразована юстиция. Наряду со старыми — сословными органами, сохранившими за собой судебные функции, возникли новые земельные власти — депутации, которые взяли в свои руки военное управление и налоговое дело. В целях централизации был создан единый для австрийских наследственных земель и Богемии управленческий и финансовый орган. В Венгрии и Нидерландах действовало особое управление.

Финансовое положение страны улучшилось в результате введения всеобщего налога на имущество (10 % доходов отчислялось в казну), а в 1746 г. последовало введение подушной подати. В ходе военной реформы были созданы новые боеспособные офицерские кадры (открыты Терезианская военная и Инженерная академии), введено единообразие в снаряжении войск, организовано призрение инвалидов и ветеранов войн, проведена чистка армии от коррумпированных элементов. В результате австрийская армия могла уже равняться с армией Пруссии и вступить с ней в борьбу.

Реформы Марии Терезии были подготовительными мерами для реванша. В первой половине 1750-х гг. австро-прусские противоречия нарастали и в конечном итоге привели к новому столкновению двух немецких государств.

Разочаровавшись в бывшем союзнике — Англии, ***Венцель Антон Кауниц*** (1711–1794), с мая 1753 г. государственный канцлер Австрии, действуя через фаворитку короля Людовика XV, маркизу де Помпадур, добился создания союза против Пруссии с Францией. На свою сторону Марии Терезии удалось склонить и русскую императрицу Елизавету Петровну, которую с присущим ему сарказмом едко высмеивал прусский король. Надеясь обезопасить себя от России, Фридрих II заключил 16 января 1756 г. ***Уайтхоллский***, или ***Вестминстерский, договор*** с Англией о совместном отражении любой агрессии против Пруссии. Действия Фридриха привели к заключению его противниками нового Версальского договора (1 мая 1756 г.), по которому Мария Терезия обязалась уступить Франции после победы Нидерланды, а Франция — выставить 105-тысячный воинский контингент и взять на себя денежное обеспечение баварской и вюртембергской армий. К союзу примкнули Россия и Швеция.

После этого события разворачивались стремительно. Уже 17 мая 1756 г. Англия объявила Франции войну, а в августе прусский король, решившись нанести Австрии превентивный удар («Лучше предупредить, чем дать опередить себя» — такова была его обычная военная тактика) и лишить ее возможного союзника в предстоящей войне, вторгся в Саксонию. Так началась ***Третья Силезская война***, более известная как ***Семилетняя война***.

В начале 1757 г. по решению большинства членов имперских коллегий в рейхстаге войну Пруссии объявил император. Вюртемберг и Мекленбург-Шверин выступили против Фридриха II. Его сторону приняли Ганновер, Гессен-Кассель, Брауншвейг и др. В последний

раз, быть может, в этой войне сыграли немаловажную роль религиозные противоречия.

Вскоре война, приобрела весьма масштабный характер. В ней участвовали все европейские державы вместе с их колониями. Военные действия велись в Америке, Индии, Африке и в океанах. Но главным театром новой войны стала территория Германии.

В ходе войны выделяются два периода, между которыми стоит 1759 г. В первом доминировали военные действия, во втором — дипломатические и политические события. Пруссия на первом этапе одержала ряд блестящих побед (при Пирне, Ловозице, Праге, Росбахе, Лейтене), хотя были и поражения (при Колине, Грос-Егерндорфе, где отличилась 80-тысячная русская армия под командованием генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина, Цорндорфе, Бреслау). Англия же терпела одно поражение за другим. Фридрих намеревался быстро завершить войну, но это ему не удалось. После поражения при Колине (18 июня 1757 г.), заметно подорвавшем его славу непобедимого полководца, Фридрих пережил тяжелый душевный кризис, вызванный смертью двух близких ему людей — матери и сестры. Поворотным моментом в войне стало его катастрофическое поражение от русских войск при ***Кунерсдорфе*** 12 августа 1759 г., за которым последовали другие. Напротив, Англия, одержав победы в Индии, Канаде и ослабив Францию, сочла свою задачу выполненной и вышла из войны, бросив своего союзника на произвол судьбы.

9 октября 1760 г. 40-тысячная русско-австрийская армия вступила в оставленный гарнизоном Берлин. После 4-дневного пребывания в нем, получив от берлинцев солидную контрибуцию, русские удалились за Одер. Фридрих продолжал борьбу, но удача все чаще стала изменять ему. Потеряв в битве против австрийцев (ими командовал известный полководец Марии Терезии фельдмаршал Л. И. Даун) при Торгау (3 ноября) около 18 тыс. убитыми и ранеными, потерпев поражение от русско-шведских войск в Померании, Фридрих занялся, казалось бы, уже неразрешимой задачей пополнения своих материальных ресурсов для продолжения практически проигранной войны. Однако судьба благоволила к нему. От неминуемого поражения его спасла смерть 25 декабря 1761 г. российской императрицы Елизаветы Петровны. Унаследовавший трон в России Петр III, поклонник Фридриха, тотчас же заключил с ним мир, а затем и союз и вернул Пруссии все завоеванные русской армией области. Екатерина II, свергнув в июне 1762 г. с престола Петра III, не возобновила войну. Она не захотела полного разгрома Пруссии, чтобы не усиливать Австрию.

Исчерпав свои материальные ресурсы, воюющие страны заключили, наконец, мир. Первыми 10 февраля 1763 г. в ***Париже*** договорились Англия и Бурбоны (Франция и Испания). Парижский мир констатировал поражение Франции на континенте и за океаном (Канада стала английской колонией, было закреплено господство Англии в Индии). Спустя 5 дней в ***Губертусбурге*** (в Саксонии, близ Лейпцига) достигли соглашения Австрия и Пруссия. Австрии пришлось отказаться от намерения вернуть Силезию, которую Фридрих окончательно утвердил в составе своего государства. Но ему пришлось оставить завоеванные в ходе войны Саксонию и Богемию и в качестве курфюрста Бранденбургского пообещать свой голос на будущих имперских выборах эрцгерцогу Иосифу. Обе немецкие великие державы, Австрия и Пруссия, укрепили свои позиции в империи, а дуализм, продолжавшийся вплоть до 1866 г., окончательно стал важнейшим фактором немецкой политической жизни. Для империи, авторитет которой заметно упал, в том числе и вследствие поражений имперской армии, действия которой вызывали лишь иронию и смех, это имело тяжелые последствия. Полководческая же слава Фридриха II Великого, несмотря на агрессию 1756 г., на проявленные им жестокость и беспощадность в условиях войны, лишь усилилась. Им восхищались, называя «Цезарем времен Вольтера и Руссо».

Настоящим победителем в Семилетней войне на континенте оказалась Россия. Она не понесла никаких территориальных потерь (хотя Екатерина вернула Фридриху II уже присягнувшую России Восточную Пруссию), а ее армия, видевшая поверженный Берлин, снискала себе заслуженную военную славу. После выхода из континентальной политики Англии, сосредоточившейся на своих колониальных делах, именно Россия приобретала статус посредника в разрешении внутренних немецких споров.

Австро-прусские отношения и судьбы империи

После окончания Семилетней войны баланс сил между Австрией и Пруссией поддерживался системой международных союзов. Австрия и Франция закрепили свои союзнические отношения браком дофина, будущего Людовика XVI, с одной из дочерей императрицы, Марией Антуанеттой. Для Фридриха II это означало, что он не мог рассчитывать на Францию как на своего союзника. Взоры прусского монарха обратились на новую великую державу — Россию, интенсивное сближение с которой могло вывести его страну из грозящей ей изоляции. Для этого Фридриху II пришлось пересмот-

реть свое политическое завещание — манифест 1752 г., в котором он высказывал сожаления о том, что дуализм в Германии мешает созданию «единого немецкого фронта» против России.

В 1764 г. Фридрих II помог Екатерине II возвести на трон Речи Посполитой Станислава Понятовского под именем Августа IV. 11 апреля 1764 г. был заключен прусско-русский оборонительный союз, положивший начало отношениям, которые станут постоянными вплоть до конца XIX в.

Екатерина II вскоре обнаружила, что ошиблась с выбором короля Речи Посполитой. Понятовский занялся реформами в коррумпированном и не имевшем собственных вооруженных сил государстве, да к тому же стал проявлять свои симпатии к Австрии, что не понравилось обоим союзникам. 4 мая 1767 г. они подписали Московскую секретную конвенцию, в которой уже предполагались территориальные изменения в польско-литовском государстве. Обе державы условились также совместно произвести давление на Речь Посполитую в разрешении диссидентского вопроса (диссидентами называли всех тех польских граждан, которые не исповедовали католицизм, — протестантов, православных, униатов, фактически лишенных политических прав). Они принудили Августа IV к договору с Россией, который гарантировал неприкосновенность конституции Речи Посполитой, тем самым увековечивая анархию, но в то же время признавал Россию гарантом охранения прав польских диссидентов. Диссиденты шляхетского сословия были по нему признаны равноправными с католической шляхтой.

В ответ католическая шляхта подняла восстание против России, образовав в городе Бар конфедерацию, потребовавшую свержения короля. Одновременно начался крестьянский бунт против шляхты в Подолии. Август стал умолять Екатерину о помощи. Осенью 1768 г. русские войска вступили в польские земли для наведения порядка. Случайное разорение казаками турецкого пограничного местечка привело Россию и к войне с Турцией, искавшей повод помешать ее водворению на юге Речи Посполитой. Обе немецкие державы также принялись активно готовиться к войне.

В новом политическом завещании 1768 г. Фридрих обосновал свои претензии к Речи Посполитой, которую более не считал европейской державой. Она слабо населена, поскольку помещики обращаются со своими подданными как с рабами. Другие пороки — расстроенные финансы, отсутствие настоящей армии, избрание короля, буйный сейм, чьи заседания редко оканчивались без драк, отсутствие зако-

нов и гарантий соблюдения прав — давали, считал он, повод соседям для предъявления Речи Посполитой территориальных претензий. Сам прусский король рассчитывал на то, что получит, кроме Саксонии, Польскую Пруссию и Данциг (это было годом ранее зафиксировано прусско-русской секретной конвенцией).

В 1769 г. Екатерина II поддержала Фридриха в его притязаниях на земли Франконского округа Ансбах и Байрёйт, принадлежавшие одной из вымиравших ветвей Гогенцоллернов. Права Пруссии на эти земли были неоспоримы, но Австрия категорически не желала продвижения своего противника на юг Германии. Возникла коллизия, разрешить которую помогли польские дела.

В Австрии в это время произошли важные политические перемены. В августе 1765 г. скончался супруг Марии Терезии Франц I, и императором и соправителем вдовствующей императрицы стал ее сын ***Иосиф II*** (1741–1790). Он жаждал славы не только на поприще просвещенного правления, но и на поприще удачливого политика. Потому он решился на встречу с Фридрихом II, которая произошла в Нейсе в августе 1769 г. Дружеские отношения, завязанные на этой встрече, пришлось срочно подкреплять на новой встрече, ради которой Фридрих II прибыл в сентябре 1770 г. в Нейштадт, на австрийскую территорию. Русские успешно громили турок на суше и на море, вызывая огромные симпатии к себе у христианских народов, находившихся под турецким игом. Россия открыто заявляла о своих претензиях на княжества Молдавию и Валахию. Назревала опасность антитурецкого восстания и возможность новой общеевропейской войны.

На новой встрече император и король обсудили вопрос о возможном разделе Речи Посполитой. С целью склонить Россию к признанию его необходимости брат Фридриха, принц Генрих, отправился в Петербург. В результате Австрия, Пруссия и Россия договорились 5 августа 1772 г. о разделе Речи Посполитой, после которого она хотя и сохранилась еще как самостоятельное государство, но потеряла почти 30 % своей территории и 38,6 % населения. Самую большую часть польско-литовских земель получила Австрия (Галиция и Лодомерия — 83 900 км² и 2,6 млн населения). России достались все земли восточнее Дуная и Днепра (Белоруссия) — 42 тыс. км² и 1286 тыс. жителей. Меньше всех получила Пруссия (36 тыс. км² и 600 тыс. жителей), но это были области (Померания и часть Великой Польши — Познани), которые, будучи собраны под скипетром Фридриха Великого, заметно округляли его владения и ликвидировали пробел

между Восточной Пруссией и Померанией. Фридрих мог теперь именоваться «королем Пруссии», а не «королем в Пруссии». Выступившая посредником на мирных переговорах России с Турцией в Кючук-Кайнарджи Австрия сумела еще, ко всему прочему, выторговать себе Буковину.

Раздел Речи Посполитой почти не вызвал протеста в Европе. Более того, передовые умы того времени во главе с Вольтером приветствовали его как акцию, которая поставила поляков под начало «просвещенных» государей (таковыми считались Фридрих II, Екатерина II и Иосиф II) и тем самым дала им возможность познать плоды прогресса. В 1777 г. прусско-русский союз был обновлен, что гарантировало дальнейшее сохранение мира.

Компромиссные настроения в империи были нарушены после неожиданной смерти в 1777 г. последнего отпрыска баварской линии Виттельбахского дома курфюрста ***Максимилиана III Иосифа*** (1727–1777). Согласно Виттельсбахскому семейному пакту, предполагалось, что в случае отсутствия в Баварии наследника первой линии все владение получит вторая линия, то есть Пфальц. Но в данном случае возникло осложнение в связи с тем, что не только Максимилиан III Иосиф, но и пфальцский курфюрст ***Карл Теодор*** (1724–1799) не имели сыновей. В дело должна была вступить побочная линия Пфальц-Цвайбрюкен. Ей же достались бы Юлих и Берг, т. е. та половина Клеве-Юлихского герцогства, которая после раздела его с Бранденбургом отошла Пфальцу. Но на эти земли претендовал Фридрих II.

Очевидным было и то, что Австрия использует этот случай для получения компенсации за потерянную Силезию и за предстоящий переход франконских маркграфств во владение Пруссии. Учитывая все это, Карл Теодор предложил императору Иосифу II обменять Баварию на австрийские Нидерланды. Такой обмен был выгоден Австрии, которая, соединившись с Баварией, превратилась бы в сверхдержаву не только на юге Германии, но и во всей империи. Однако скоропостижная смерть Максимилиана III Иосифа не дала императору Иосифу II возможность осуществить дипломатическую подготовку такой сделки. Ему удалось лишь навязать послу Пфальца в Вене соответствующий договор, в подкрепление которого он ввел войска в Нижнюю Баварию. Но здесь он встретил такое сопротивление баварцев, которое развеяло все его надежды на успех предприятия. Против договора выступил претендовавший на Баварию герцог Карл Август Цвайбрюкен, опротестовавший его в рейхстаге. Наложил на него свое вето и Фридрих II, умело разжигавший страх мелких князей перед им-

ператором, а себя представлявший как защитника их интересов против габсбургской экспансии. Более того, он, подтверждая поддержку законных наследников, ввел в мае 1778 г. свои войска в Богемию.

Иосиф II, видя бесплодность своих усилий, вступил в переговоры с противником. Они проходили при посредничестве России и Франции в Тешене (в Австрийской Силезии) и напоминали скорее письменную войну, которая в конце концов увенчалась миром. Важную роль при этом сыграла Россия, которая дала понять императору, что не потерпит аннексии Баварии Австрией. Позицию России поддержала Франция. В результате 13 мая 1779 г. был заключен ***Тешенский мирный договор,*** завершивший войну практическим сохранением прежнего статус-кво. Бавария все же уступила часть своей территории (30 кв. миль и 80 тыс. жителей) Австрии. Права на баварское наследство Цвайбрюкенов были подтверждены, как и прусские притязания на Ансбах-Байрёйт. Система равновесия сил была восстановлена. «Это не человек, а чудовище! — писала Мария Терезия сыну о Фридрихе. — Однако же и мы неправы».

В результате Тешенского мира сильно укрепила свои позиции в Европе Россия. Она вместе с Францией, согласно 12-му параграфу мирного договора, признавалась гарантом мира и имперской конституции. Это был неприятный симптом кризиса империи, которая уже не могла самостоятельно преодолеть немецкий дуализм. Небольшим немецким княжествам становилось все яснее, что именно от обеих немецких держав исходит угроза их призрачному суверенитету.

Политика Иосифа II свидетельствовала о том, что он не отказался как от плана завоевания Баварии, которая должна была стать собственностью австрийской короны, так и от плана вытеснения турок из Европы. Все это было возможно только при поддержке России. И хотя Иосиф вынашивал план возрождения Византийской империи, а потому считал нереальными «фантастические планы» Екатерины II о разделе Турции, он был вынужден поддерживать Россию в ее антитурецкой политике, в частности, в завоевании Крыма и Кубани. Пруссия же оказалась в своеобразной политической изоляции.

После смерти в 1780 г. Марии Терезии Иосиф II, освободившись от материнской опеки, попытался расширить австрийское государство за счет своих малых соседей, прежде всего духовных государств, и претворить в жизнь свой проект относительно Баварии. Потерпев неудачу в 1778 г., он решил идти другим путем и предложил курфюрсту Карлу Теодору отдать Австрии Баварию в обмен на Бельгию. Чтобы заручиться поддержкой Екатерины II, Иосиф II лично отправился

в Петербург, где и получил согласие России оказать давление на другие державы в решении этого вопроса. Для противодействия императору Фридрих II под предлогом сохранения имперской конституции и ограждения ее от всяких поползновений к нарушению Габсбургским домом, заключил в 1785 г. союз с курфюрстами Саксонии и Ганновера. К «Союзу трех» вскоре примкнул формировавшийся с 1783 г. оборонительный союз малых и средних имперских князей, инициаторами которого были Карл Август Саксонско-Веймарский и курфюрст Майнца Фридрих Карл Йозеф фон Эрталь. В его составе кроме Веймара и Майнца находились Трир, Гота, Брауншвейг, Мекленбург, Цвайбрюкен, Гессен-Кассель, Анхальт, Ансбах, Баден и Дессау. Главной задачей нового союза князей было сохранение старой имперской конституции и, стало быть, собственной свободы и суверенитета. Слишком силен был страх, что обе немецкие великие державы смогут договориться и объединиться, поделив между собой империю, как это случилось с Речью Посполитой. Союз, по мысли его создателей, должен был стать некой третьей силой, имеющей самостоятельное политическое значение и могущей противостоять исходящей от великих держав угрозе раздела империи.

Однако союз нуждался в лидере и гаранте исполнения своих планов. Очень скоро, ввиду отсутствия других, на эту роль выдвинулся Фридрих II Великий. Но для него союз был лишь средством достижения собственных целей. Он помог ему вывести Пруссию из изоляции, укрепить ее отношения с Англией. Но с того времени, когда во главе союза встала Пруссия, стала обнаруживаться его явная антиимперская направленность. Имперские духовные князья, как протестантские, так и католические, перепуганные нависшей над ними со стороны императора угрозой секуляризации, были готовы разделить намерения Фридриха II противопоставить союз князей незаконным политическим притязаниям Австрии. Для Иосифа II угроза со стороны союза князей, за пределами которого в империи к 1790 г. оставались из крупных имперских территорий лишь Бавария, курфюршество Кёльн, Ольденбург, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт, а также ряд мелких владетелей Южной и Западной Германии, была реальной лишь при жизни Фридриха II. Тем не менее оппозиция в его лице императору, а следовательно, и сильной империи стала фактически еще одним шагом на пути ее самоликвидации.

17 августа 1786 г. на 75-м году жизни умер Фридрих II, простудившись на военном смотре во время проливного дождя. Иосиф II провел свои последние годы в бесславной для себя войне с турками, в которую

он втянулся в 1788 г., выполняя обязательства перед Россией. Имперская армия потерпела поражение, сам император едва не попал в плен к туркам. И хотя впоследствии его фельдмаршал Лаудон и восстановил престиж имперской армии, покорив Белград, победа не принесла Австрии политического успеха. Россия же после блестящих побед своей армии под руководством А. В. Суворова закрепила за собой все северное побережье Черного моря (по мирному договору в Яссах 1791 г.).

Иосиф II умер 20 февраля 1790 г., оставив своему брату и наследнику, ***Леопольду II*** (1747–1792), весьма тяжелое наследство. Венгрия и австрийские Нидерланды были охвачены восстаниями. Новый прусский король ***Фридрих Вильгельм II*** (1744–1797) уверенно возрождал в Берлине политику с позиции силы. Против Австрии оказались нацеленными англо-прусский (1788) и прусско-турецкий (1790) союзы. В лице прусского короля получила поддержку против австрийцев венгерская оппозиция. Назревала новая прусско-австрийская война. Англо-прусский союз 1788 г. означал, по сути дела, конец пребывания Пруссии в составе империи. С ним рухнули и надежды, возлагаемые на союз князей, который прекратил свое существование. Позитивным моментом, оправдывавшим его, можно считать разве что преодоление пережитков конфессионального раскола, поскольку он объединял представителей разных конфессий.

Из трудного положения Австрию вывел император Леопольд II. Ему удалось нормализовать отношения с Пруссией, но Австрии пришлось отказаться от своих завоевательных планов и, согласно заключенной 27 июля 1790 г. в Рейхенбахе конвенции, возвратить все свои военные трофеи, в том числе Белград. Леопольд II получил свободу для решения внутренних проблем.

Когда в 1789 г. разразилась революция во Франции, Леопольд II воздерживался от войны с ней, к чему его побуждали французские эмигранты, и пытался удержать от нее прусского короля. 30 сентября 1790 г. он был коронован как император, и у империи появились надежды на реформирование. В фарватере его реформ могла оказаться и Пруссия, сохранявшая в неприкосновенности все атрибуты абсолютной монархии, не обнаруживавшая никаких устремлений к модернизации своей государственной и общественной системы, что вело к утрате ею авторитета «просвещенной» державы. Но 44-летний Леопольд умер 1 марта 1792 г. в расцвете своих творческих сил, а его сын и наследник, Франц II (1768–1835), ярый реакционер, похоронил эти надежды. Дни Священной Римской империи германской нации были сочтены.

Внутренняя политика немецких государств в период Просвещенного абсолютизма

Просвещение вызвало к жизни и новую форму правления — Просвещенный абсолютизм. Хронологические рамки Просвещенного абсолютизма в Германии — это 1740–1792 гг. (до начала революционных войн). Во второй половине XVIII в. начинается и новая фаза в развитии учения о государстве, ставшего теоретическим обоснованием деятельности просвещенных монархов.

Просвещенный абсолютизм оставался абсолютизмом, ибо он исключал участие подданных в управлении государством. В некотором отношении так называемые «просвещенные государи» обладали еще более ярко выраженной неограниченной властью и с еще большим упорством боролись с традициями и обычаями населения. Но они всегда выступали от имени своих подданных, действовали как их доверенные лица, опекуны и воспитатели и проводили реформы, нацеленные на «разумное» общественное и политическое развитие.

Просвещенный абсолютизм — это попытка соединить абсолютную форму правления с идеями Просвещения. Руководствуясь ими, монархи сделали своим главным девизом тезис: власть действует от лица народа и для блага народа. Монарх — сам лишь «первый слуга» государства. Произошло отделение абстрактного государства от личности властителя, который перестал считать государством самого себя («Государство — это я», — говорил Людовик XIV).

От лица народа выступали немногие просвещенные его представители, носители просветительских идей, воспитатели и доброжелательные критики, чьи цели совпадали с целями просвещенных государей. Поскольку в Германии своей самостоятельной и состоятельной буржуазии, как в Англии или Франции — классических странах высокого Просвещения, не было, просветительское движение возглавляло растущее буржуазное чиновничество (государственные служащие, юристы, священнослужители). Само Просвещение в связи с этим приобрело в Германии специфический мелкобуржуазный характер. Среди немецких просветителей господствовали идеи государственной пользы и наивная вера в прогресс, в возможность построить на земле рай посредством воспитания людей в духе разума. Святая вера в то, что человек уже от рождения по своей природе «добр» и нуждается только в том, чтобы добрые начала, заложенные в нем, были развиты, породила шиллеровский воспитательный оптимизм, т. е. веру в силу воспитания. Германия стала своеобразным

полигоном, на котором проводились педагогические эксперименты, в ходе которых просветительская наука тесно переплеталась с деспотическим принуждением.

Просвещенные короли и князья, а среди них, прежде всего, фанатичный идеолог воспитания Иосиф II, пытались воплотить в жизнь «систему насильственного народного счастья» созданием специальных заведений по формированию «нового человека». С 1774 г. действовал «Филантропиум» И. Б. Базедова в Дессау, школа К. Зальцмана в Шнепфентале, Каролингская Академия в Штуттгарте. Особой популярностью идеи воспитания нового человека отличались в Австрии.

Ярче всего идеал «просвещенного монарха» претворился в личности Фридриха II. Еще будучи кронпринцем, он воспринял идеи европейского Просвещения, а став прусским королем, попытался связать воедино задачи укрепления и расширения государственной власти с благосостоянием своих подданных. Уже тот факт, что он общался с философами своего времени и сам занимался философией, придал ему облик короля-философа. Военная же слава еще более украсила этот образ. С первых лет своего пребывания у власти он начал культивировать такое правление, которое послужило примером в развитии политического сознания немцев и породило надежды на возможность всеохватывающих улучшений в общественной и частной жизни посредством государственной политики.

Особенно активно реформаторские идеи Фридрих II начал проводить в жизнь после Семилетней войны. Главными среди них были: подъем экономики, народное образование, улучшение положения крестьян. Экономика страны поднималась с помощью испытанных меркантилистских методов: организации мануфактур, субвенций (финансовых пособий отдельным отраслям хозяйства, предприятиям и их владельцам), запретов вывоза и ввоза, попыток государственного регулирования рынка. С помощью неравноправного торгового договора с Речью Посполитой 1772 г. и введения контроля за польской торговлей зерном на Висле удалось стабилизировать собственный зерновой рынок. Еще ранее была проведена денежная реформа (1764), в ходе которой монета была девальвирована на 50–66 % ее номинальной цены, что позволило покрыть огромные военные расходы.

Гораздо менее успешной была попытка поднять промышленность с помощью монополий, сдачи в аренду акцизов (по французскому образцу), которая нередко блокировалась мыслящими с позиций свободной торговли чиновниками короля. Оглядка на дворянство свела

на нет и все его усилия защитить крестьян и освободить их из-под опеки помещиков. Успешнее всего была демографическая политика Фридриха II, приведшая к значительному увеличению населения в 1760–70-е гг., о чем уже шла речь. Школьный устав 1763 г. основал общую народную школу. Началось школьное строительство, стали работать учительские семинары (по саксонскому образцу). Благодаря действиям монарха Пруссия без особых трудностей переживала неурожайные годы (1771, 1772), а в урожайные годы (1777–1780-е) не произошло резкого падения цен на зерно, что могло разорить товаропроизводителей.

Семилетняя война принесла серьезные разрушения Саксонии. Будучи оккупирована Пруссией, она стала театром военных действий, была обложена контрибуциями. Возрождалась Саксония с помощью таких же мер, как и Пруссия, но с использованием других методов. Здесь государство в лице просвещенного курфюрста ***Фридриха Августа III*** (1750–1827) и его советников улучшало инфраструктуру (транспорт, дороги), предоставив все остальные сферы экономики частной инициативе. Ориентируясь на идеи Просвещения и меркантилизма, они вместо строгой дисциплины и принуждения, вмешательства государства во всё и вся культивировали доверие, содействие, занимались воспитанием, пропагандой новых методов хозяйствования, инвестировали требовавшие поддержки отрасли, развивали науку, в том числе демографическую статистику.

В основе новой политики лежал отказ от активного участия в европейских делах и позиция нейтралитета по отношению к обеим немецким великим державам. В случае возникновения между ними нового конфликта Саксония брала на себя роль посредника в его улаживании. Это позволило ей заметно сократить численность своей армии и потратить деньги, шедшие прежде на ее содержание, на другие цели. Причем здесь все действия курфюрста осуществлялись при поддержке и полном одобрении сословий. Результаты были поразительными. О них свидетельствовало заметно возросшее благосостояние саксонцев и расцвет саксонских городов — Дрездена («Флоренции на Эльбе», как его стали называть) и Лейпцига, ставшего одним из крупнейших в Европе ярмарочных центров, а также центром Просвещения и издательского дела, «столицей торговли и духовной жизни». В конце XVIII в. Лейпциг не без оснований называли «маленьким Парижем».

Пример Пруссии и Саксонии свидетельствует о многоликости самого феномена Просвещенного абсолютизма, достижение целей

которого было возможно благодаря применению разнообразных управленческих технологий.

Еще один тип просвещенного монарха представлял собой император Иосиф II. После Семилетней войны была проведена вторая терезианская государственная реформа, целью которой явилось устранение противоречий между сформировавшимся в ходе реформ Марии Терезии централизованным чиновничьим аппаратом, сословиями и церковью. Обладавший высокими дарованиями государственного мужа, но уступавший матери в человеческих качествах и такте, Иосиф II действовал грубо и поспешно, что в конечном счете свело на нет все его реформаторские усилия, а его управленческая практика вызвала огромное недовольство в разных слоях населения. Иосиф II, как считают немецкие историки, был типичным идеологом реформ ради реформ, но не ради людей и делал второй шаг, еще не сделав первого.

Опираясь на своего помощника, князя Кауница, преисполненного просветительских идей, Иосиф II провел военную реформу (1769) и ввел рекрутскую повинность для низших слоев населения (кантонную систему). Это был шаг к всеобщей воинской обязанности. Иосиф II создал в Австрии настоящую полицию в современном смысле, обязав каждого своего подданного заниматься доносительством о противозаконных деяниях. Он централизовал судебное дело и ввел в протестантской церкви светскую форму брака. Всеобщее удивление вызвал его Уголовный кодекс 1787 г., в котором отменялись пытки и смертная казнь (кроме преступлений против его величества), а ведовство и колдовство перестали считаться преступлениями. На место идеи наказания пришла идея перевоспитания. В 1781 г. император распорядился и об отмене личной зависимости, но не смог, как и Фридрих II, исполнить свое распоряжение из-за противодействия высшего дворянства.

Особенно радикальными были его мероприятия в церковной сфере. Считая себя верующим католиком, Иосиф II примкнул к ***фебронианизму***, течению, получившему название по псевдониму своего основателя, трирского архиепископа Юстина Феврония. Согласно его идеям, папа не являлся единственным, а лишь первым носителем апостольской власти — стало быть, епископы равны с ним в правовом отношении. В «Эмской пунктуации» 1786 г. (состояла из 32 пунктов) рейнские курфюрсты, в том числе брат Иосифа, кёльнский курфюрст Максимилиан, попытались провести в жизнь программу независимой от папства немецкой национальной церкви. Как и папа, говорилось в ней, они получили свой сан от Бога и при-

знают за папой только право высшего надзора за церковью, не более. Иосиф II разделял эти идеи, чем заметно укреплял позиции австрийских епископов. Но они потерпели неудачу, поскольку их идеи не нашли никакой поддержки в католической среде. Кое-что все же удалось сделать: жалобы в Рим были запрещены, епископы обязывались приносить клятву императору.

Бесцеремонно отняв владения у имперских епископов за пределами Австрии, император создал чисто австрийскую церковную организацию с новыми епископами в Линце и св. Пельтене. Церковным законом 1782 г. он упразднил не приносящие, по его мнению, никакой пользы монастыри созерцательного ордена (иезуитов). Имущество их было конфисковано, и на эти средства были основаны семинарии, школы, заведения для глухонемых и другие благотворительные учреждения. Но действия Иосифа II вызвали недовольство и сопротивление населения не только потому, что часть изъятого у церкви имущества была попросту разбазарена, монахи и монахини разогнаны, что привело к уничтожению значительных культовых ценностей, но и потому, что при этом полностью игнорировались и попирались религиозные чувства людей. В то же время Иосиф II издал закон о веротерпимости 1781 г., которым во всех землях австрийской короны вводились религиозная свобода и буржуазное равноправие, в том числе частноправовое равенство евреев. Протестанты в местах, где их насчитывалось свыше 100 семей, могли строить свои молельни, иметь своего священника, школьного учителя и консисторию.

Столь противоречивая политика Иосифа II привела к восстанию в «австрийских Нидерландах», результатом которого явилось окончание австрийского господства в Бельгии. Недовольство венгров, вызванное введением немецкого языка как служебного вместо латыни, отменой личной зависимости крестьян и переводом в Вену символа венгерской государственности — короны Стефана, было погашено Леопольдом II в 1790 г. только отменой всех непопулярных решений императора. Тем самым Просвещенный абсолютизм вылился в Австрии, по мнению ряда ученых, в своеобразную форму «политики абсурда». Наследник Иосифа II Леопольд II пошел на уступки сословиям в Австрии и Богемии, сохранив в неприкосновенности все, что считал нужным (политику веротерпимости, ликвидацию монастырей). Более того, он сделал серьезные шаги в направлении к конституционной монархии, что отразилось в провозглашении гарантий соблюдения народных прав и в развитии самоуправления, но ранняя смерть императора не позволила осуществить эти планы.

6. Культура и духовная жизнь

Немецкое барокко

Барокко по праву называют искусством эпохи абсолютизма. Оно зародилось в Южной Европе, проникло в Англию, Голландию, Францию, в последней трети XVII в. пришло в Германию. Здесь оно получило название «имперского стиля» и нашло свое проявление в архитектуре, скульптуре, живописи, а также музыке, театре и поэзии. В архитектуре идеал естественной красоты дополнился великолепием сверхъестественного, изображенного с помощью возвышенных форм, цвета и символов. Новая архитектура, наполненная причудливыми орнаментальными мотивами в виде раковин (в так называемом стиле рококо, особенно развившемся во Франции при Людовике XV), воплотилась в возведенных княжеских замках с их садами, скверами, аллеями, театрами, которые служили не просто местом приемов и представлений дворянского общества, но и показателем благосостояния и символом власти. Церковь в стиле барокко-рококо, с ее блистательным убранством, подчеркивала присутствие в ней Бога и оказывала поразительное влияние на человека.

Центры архитектуры барокко находились в Австрии, Баварии, Верхней Швабии, Франконии и на Рейне. Среди наиболее знаменитых сооружений, выполненных в этом стиле, — венский Бельведер (Иоганн Лука Гильдебранд), королевский дворец в Берлине (Андреас Шлютер), епископская резиденция в Вюрцбурге (Иоганн Бальтазар Нёйман), дворец и парк Шёнбрунн в Вене (Иоганн Бернхард Фишер фон Эрлах) и др. Этому стилю отдали должное строители Цвингера в Дрездене и Сан-Суси в Потсдаме, замков в Мангейме, Карлсруэ, Бреслау и др. Всего с 1691 до 1773 г. было возведено 40 дворцов. Эти неповторимые ансамбли до сего дня остаются непревзойденными памятниками немецкой архитектуры.

На службе архитектуры стояли скульптура и живопись барокко. Произведения искусства (росписи стен и потолков) украшали дворцы и храмы. Другие шедевры были еще редкостью. Один из них — это скульптура Великого курфюрста, исполненная Андреасом Шлютером.

Характерным выражением барокко явилось также искусство оперы, которая стала его доминирующим видом, а в XVIII в. получила признание и как элемент немецкой культуры в произведениях К.-В. Глюка и В.-А. Моцарта. При дворах в Вене, Мюнхене, Дрездене,

Берлине, Вольфенбюттеле, Мангейме исполнялась и итальянская опера. Музыка оставалась благодаря выдающимся композиторам (И.-С. Баху и Г.-Ф. Генделю) и придворным искусством. Особой заботой пользовалась церковная музыка в стиле барокко в протестантской Германии (песни, кантаты, оратории).

Наука и образование

Вклад Германии в общее развитие науки в XVII в. оставался относительно небольшим. Сказывалось экономическое и культурное отставание после Тридцатилетней войны. В ней еще долго господствовал обстоятельный стиль позднегуманистической учености, а дух и методы экспериментального исследования с трудом пробивали себе дорогу.

Основополагающей наукой оставалась математика, с которой был связан прогресс в оптике и механике. На этом поприще действовал Готфрид Вильгельм Лейбниц, один из величайших умов Германии. Юрист, дипломат на службе курфюрста Майнца, ученый, имевший связи с ведущими исследователями своего времени, он занимался философией, математикой, механикой, физикой, психологией и химией. Находясь на придворной службе в Ганновере, обосновал политические притязания двора Вельфов, ратуя за сохранение мира и объединение конфессий на основе «естественной теологии». Затем Лейбниц становится первым президентом Берлинской Академии наук. Как ученый он оставался метафизиком, но был убежден в том, что наука охватывает все области человеческой деятельности, мышления и поведения, что методы научного познания едины и что наука должна быть востребована государством.

В Австрии и других католических государствах в гуманитарных науках и теологии было прервано господство иезуитов. Они были отстранены также от руководства школой и высшим образованием, было либерализовано цензурное дело, модернизировано обучение юристов. В Вене развивалась медицинская наука, которая благодаря лейбмедику Марии Терезии Герхарду фон Свитену достигла невиданных прежде высот.

Следуя советам камералистов (один из них — Йоганн Иоахим Бехер считал: «Ничего нет более лучшего и полезного для правителей и господ, чем хорошее воспитание юношества, ибо оно — фундамент и важнейшая ценность государства»), князья и их правительства стали уделять еще больше внимания школам. В протестантских государствах важнейшей обязанностью помещиков было следить за тем,

чтобы детям крестьян были прочитаны Библия, катехизис, псалмы. Фридрих Вильгельм I ввел в 1716–1717 гг. даже всеобщую школьную повинность. В Саксонии герцог Эрнст Смелый утвердил обязательный школьный возраст — от 5 до 13–14 лет.

Новые импульсы школьное образование получило от пиетизма и Просвещения, которые были во многом педагогическими движениями. Благодаря им человек, гражданин, патриот стали идеалом и конечной целью образования. ***Пиетизм*** вышел из лютеранства как стремление к новой реформации (во Франции ему соответствовал янсенизм, в Англии — пуританство и квакерство). Его идеологи (Иоганн Арндт, Филипп Якоб Шпенер, Август Герман Франке) считали церковь испорченной и ратовали за ее возрождение, за лучшее воспитание священников и интенсивное изучение Библии. Недостаток живой веры можно было компенсировать также самоотверженной, молчаливой любовью к Богу, которая дает человеку внутреннюю свободу. Франке поставил идеи обновления церкви на практическую основу. Он издавал дешевую Библию, создал в ***Галле*** учебное заведение, готовившее миссионеров, учителей, дипломированных теологов и юристов, влияние которого — не говоря уже о Германии — простиралось вплоть до России, Южной Африки и Индии. Он ратовал за строгое приучение детей к труду, поддерживал распространение специального образования и его практический уклон. Преодолевая лютеранскую ортодоксию, Франке пытался крепче связать религиозную жизнь с мирской и придать ей оптимистическое направление. Под влиянием пиетизма в Германии возник «чувствительный» роман Просвещения, огромное количество духовных песен, трактатов и назидательных книг на библейские сюжеты. Все это служило целям образования и воспитания.

Начало немецкого Просвещения

Просвещение достигло своего расцвета в XVIII в. благодаря Вольтеру и французским энциклопедистам. В Германии, где собственная буржуазия находилась еще в стадии зарождения, оно нашло отражение прежде всего в распространении идей, признающих разум решающим критерием оценки человеческих деяний. В философии, пришедшей на смену теологии, отразилась оптимистическая вера в добро человека и постоянный прогресс в достижении счастья на земле для людей, жаждущих выйти из состояния «несовершеннолетия», как называл прошлое человечества ***Иммануил Кант*** (1724–1804).

Первые шаги на пути распространения идей Просвещения в Германии были сделаны в университете Галле и связаны с именами ***Кри-***

стиана Томазиуса (1655–1728) и ***Кристиана Вольфа*** (1679–1754). С позиций естественного права они трактовали легитимность абсолютной власти, стали пропагандировать идеи религиозной терпимости, философски обосновали многие важные научные выводы в области права. Томазиус первым начал читать лекции на немецком языке вместо латыни и издавать немецкоязычный научно-популярный журнал «Откровенные, разумные ежемесячные беседы».

Кристиан Вольф и его ученики ратовали за критическое осмысление прошлого и его идейных основ (Библии), за рациональное объяснение мира и тайн природы путем размышлений и эксперимента, за разумное руководство правителями народом, которого надо привести к счастливой и обеспеченной жизни. Важнейшее средство прогресса и подъема человечества просветители видели в его правильном воспитании и образовании в семье, школе, через литературу, публицистику, журналистику, музыку, театр. В программу просветителей входили требования воспитания братской солидарности, терпимости к инаковерующим, уничтожение непреодолимых доселе барьеров между людьми, борьба с суевериями и вообще борьба против всего того, что препятствует пользе и прогрессу человечества.

Распространение и влияние идей Просвещения в разных немецких государствах были различны. Центрами Просвещения стали, во-первых, университеты Лейпцига, Галле, Йены и, прежде всего, Гёттингена, где развернул свою критику Библии ***Иоганн Давид Михаэлис*** (1717–1791), а ***Иоганн Кристоф Гаттерер*** (1727–1799) изучал историю. Здесь же творил ***Август Людвиг Шлёцер*** (1735–1809) — ученый-историк и публицист, чей голос был слышен не только в канцеляриях и княжеских кабинетах, но и в домах простых немецких бюргеров.

Естественные и гуманитарные науки развивались также в открывшихся в середине XVIII в. академиях: Берлинской, Эрфуртской, Мюнхенской. Духом Просвещения были пропитаны немецкие театры, которые все более служили не только удовлетворению запросов князей, дворов и аристократии, но и привлекали народ на свои моралистические и драматические спектакли. С Просвещением связано появление в Германии «национального театра» (в Гамбурге, Вене, Мангейме). Еще более заслуг имеет публицистика, внушавшая людям идеи свободы и гуманизма, мужественно вскрывавшая неравноправие и боровшаяся с деспотизмом и фанатизмом. Это издания А. Л. Шлёцера «Переписка» и «Государственные известия», ***Кристофа Фридриха Николаи*** (1733–1811) «Всеобщая немецкая

библиотека», ***Кристофа Мартина Виланда*** (1733–1813) «Немецкий Меркурий», ***Кристиана Фридриха Даниеля Шубарта*** (1739–1791) «Немецкая хроника» и др., формировавшие общественное мнение. Новые представления о государстве и обществе культивировались также в масонских ложах, распространившихся в Германии из Англии и Франции в начале XVIII в. Просвещение способствовало развитию наук, национальной литературы, экономическому прогрессу, становлению национального самосознания.

Движение «Буря и натиск»

Во второй половине XVIII в. в Германии появились и противники Просвещения, не желавшие противопоставлять разуму чувство. Они заговорили об «иррациональном», о силе души и сердца, выступили против схематизма и неисторичности просветительских конструкций, не считавшихся с различиями между людьми и народами, с многообразием проявлений жизни. Они призывали прекратить нападки на якобы отжившие религиозные, социальные, политические традиции и обычаи народов. В Германии стало формироваться консервативное, основанное на традиционализме течение, которое развернуло «борьбу против разума», стало пропагандировать «воспоминание об естественном». На севере Германии большое влияние приобрел ***Фридрих Готлиб Клопшток*** (1724–1803) со своими одами и эпосом в стихах «Мессия». Молодежь вовлеклась в споры не только о господствующем общественном строе, но и о праве на чувство и объединилась в движение ***«Буря и натиск»*** *(«Sturm und Drang»)*. В начале 1770-х гг. в Страсбурге встретились два его основателя: ***Иоганн Готфрид Гердер*** (1744–1803), с исторических позиций открывший миру глаза на значение языка, обычаев и нравов, формирующих духовную жизнь народов, и ***Иоганн Вольфганг Гёте*** (1749–1832), своим романом «Страдания молодого Вертера» как нельзя лучше отоб-

Йозеф Карл Штилер (1781–1858). Портрет Иоганна Вольфганга Гёте. 1828 г.

разившим идеологию штюрмеров. После поездки в Италию в 1786 г., под влиянием античного искусства Гёте вырабатывает нормы эстетики так называемого «Веймарского классицизма» (драма «Ифигения в Тавриде», трагедия «Торквато Тассо» и др.). Но всемирную славу Гёте принесла драматическая поэма «Фауст», первая редакция которой была осуществлена в 1773–1775 гг.

Бунтарским духом, протестом против сословного неравенства, присущим представителям «Бури и натиска», были проникнуты драмы «Разбойники», «Заговор Фиеско», «Коварство и любовь» ***Иоганна Фридриха Шиллера*** (1759–1805). Во время революции Конвент присвоил Шиллеру звание «почетного гражданина Французской республики», но Шиллер считал, что путь к свободе лежит не через революцию, а через эстетическое воспитание.

Фундамент в новую метафизику — преодолевший Просвещение идеализм — заложил ***Готхольд Эфраим Лессинг*** (1729–1781), взращенный Просвещением, но сумевший отделить в своем творчестве — стихах, критических статьях, драматургии — литературу от «разрушительного французского духа». Он оказал огромное влияние на художественную эстетику и театр, воспитывая в них человечность и терпимость, но в то же время и нравственное чувство. Все здание идеалистической философии достроил великий выходец из Кёнигсберга, тоже выросший на ниве Просвещения и проникнутый верой в прогресс, Иммануил Кант. Мировую известность приобрели его замечательные критические труды, его теория познания, его этика и провозглашенный им категорический императив нравственности.

Можно смело утверждать, таким образом, что благодаря Просвещению и его опровержению духовная жизнь Германии за последние десятилетия XVIII в. пережила небывалый подъем. В художественном творчестве это отразилось в одном из вариантов барокко, в легком игровом стиле рококо, которым украшались дворцы и сады и который был заимствован у французов, а нередко и исполнен руками французских мастеров. Труды ***Иоганна Иоахима Винкельмана*** (1717–1768), обращенные к истории античного искусства, заложили в Германии, в особенности в скульптуре, классический идеал художественного творчества, призванного воплощать физическую и духовную красоту человека. В музыке царил ***Иоганн Себастьян Бах*** (1685–1750). Стиль рококо итальянской оперы уверенно преодолевал в своем творчестве, пропагандировавшем национальные мотивы, ***Кристоф Виллибальд Глюк*** (1714–1787). ***Йозеф Гайдн***

(1732–1809) вывел Австрию в разряд великих музыкальных держав. Но это было только начало господства немцев на музыкальном олимпе. Еще не названо имя ***Вольфганга Амадея Моцарта*** (1756–1791), за которым следует ***Людвиг ван Бетховен*** (1770–1827), рожденный в Бонне, но украсивший своим присутствием столичную Вену. С ними — с Кантом во главе философии, с Гёте и Шиллером во главе поэзии и классической литературы — пришла к Германии мировая слава.

Культурная политика просвещенных монархов

Просвещение несло новые культурные веяния в политическую практику правителей немецких территориальных государств. Так, в Баварии «просвещенные государи» Максимилиан III Иосиф и Карл Теодор прославились, кроме прочего, благодаря своей церковной политике (закрытие монастырей, запрет паломничества и др.). Карл Теодор еще ранее, в Пфальце, основал фарфоровую мануфактуру во Франкентале и провел меры, способствовавшие подъему сельского хозяйства. При его участии была открыта Академия наук и музыкальная школа в Мангейме, один из первых «национальных театров», на сцене которого ставили пьесы Шиллера.

«Просвещенным правителем» считают маркграфа ***Карла Фридриха Баденского*** (1728–1811), корреспондента французских физиократов и крупного реформатора, покровителя мануфактур и основателя резиденции в стиле барокко Карлсруэ. Вольтер, Клопшток и Гёте посещали его двор. В 1762 г. он запретил применение пыток и первым из князей отменил в 1783 г. личную зависимость крестьян. За ним в 1788 г. последовал Шлезвиг-Гольштейн. Нельзя не назвать и ***Карла Августа Саксонско-Веймарского*** (1758–1828), превратившего свою небольшую страну в ведущий духовный центр Германии. Под его скипетром удачно сочетались и процветали таланты Гёте, Шиллера, Гердера, Виланда. Гёте в качестве государственного деятеля принимал участие в оздоровлении веймарских государственных финансов, а Гердер проводил здесь школьную реформу. В результате созидательной деятельности названных и подобных им государей были созданы многочисленные центры немецкой культуры и духовной жизни, разнообразием которых не могло похвастаться тогда более ни одно государство Европы.

Важно отметить также, что Просвещение затронуло и духовные княжества Германии, где были свои «просвещенные государи», стре-

мившиеся улучшить жизнь населения и способствовать его прогрессивному развитию. Они содействовали экономике, школьному делу, занимались благотворительностью, медицинским обеспечением, воспитанием своих подданных. Заслуживают особого упоминания князь-епископ Бамберга и Вюрцбурга Франц Людвиг фон Эрталь, его брат — последний курфюрст Майнца Фридрих Карл Йозеф фон Эрталь и курфюрст Кёльна Максимилиан Франц.

Просвещенный абсолютизм в немецких государствах — как светских, так и духовных — имел длительное политическое, экономическое и социальное воздействие, а его закат произошел в значительной мере не из-за внутренней слабости, а из-за незащищенности его перед надвигавшимся натиском революционных войн.

Такого расцвета культуры еще не знала германская история. Классическая и романтическая поэзия, движение «Бури и натиска» (веймарская поэтическая колония) превратились в одно из самых замечательных явлений германской литературы. После Гайдна и Моцарта достигло своего расцвета в столичной Вене, центре музыкальной культуры Германии, творчество Бетховена. Но процветала не только Вена: в Мангейме, Майнце, Штуттгарте, Мюнхене, во многих духовных и светских резиденциях Южной Германии музыкальное творчество достигло самого высокого уровня.

В последнее десятилетие XVIII в. произошла радикальная перемена в искусстве. Рококо уступило свое место строгим линиям стиля ампир. Перемены были столь стремительны, что многие старые художники, не будучи востребованы, на несколько лет потеряли свой заработок. Подобные изменения наблюдались и в живописи. Стало формироваться и новое отношение к ландшафту. Городские пейзажи, нежные акварели и еще длительное время не оцененные по достоинству ландшафтные картины таких художников, как Кох, Фридрих и др., пробуждали новые, неизвестные ранее жизненные эмоции. Древний город, отгороженный на картинах от внешнего мира стеной, ушел в прошлое. Теперь ландшафт на картинах населяли современники живописцев, а не античные боги, как это было у художников барокко. К началу XIX в. современность стала изображаться на пейзажах почти топографически, в соответствии с реальной действительностью.

В духовной жизни Германии особо следует отметить науку государственного права, которая в конце XVIII в. получила новые импульсы к своему совершенствованию. Здесь не было таких жарких дискуссий о задачах и облике государства будущего, которые вели

просветители Франции или Италии. Немецкие государственники — Мозер, Геберлин, Пюттер и Шлёцер — до конца придерживались идеи сохранения империи как формы государства. Их веру в ее жизненную силу ярко отразил Виланд, который писал о современном положении отечества следующее: «Современное германское имперское устройство (конституция), несмотря на его очевидные недостатки и недуги, намного более здоровое и по своему характеру и уровню культуры, на котором оно стоит, гораздо более приемлемое, чем французская демократия». Эта государственно-правовая традиция прервется в 1806 г. и станет достоянием истории.

Можно считать также, что именно идеалистическая философия, берущая свое начало в трудах Канта и нашедшая свое выражение в немецком идеализме Фихте, Шеллинга и раннего Гегеля, станет вместе с Просвещением главным мотором будущей программы реформ. Уже государственный идеал Канта побуждал стремление к представительной власти. Во французской революции он увидит начало нового века разума. Фихте и Гегель разовьют понятие долга, которое вдохновит тех, кто будет потом разрабатывать и претворять в жизнь программу реформ. Преданность идее государства вместе с идеями романтизма станут движущими силами преобразований в Пруссии. Философия Шеллинга, историческая школа права в лице Гуго и Савиньи, с их идеями многообразия форм правления, среди которых они отдавали предпочтение конституционной монархии, выведут Берлин в разряд противников «искусственного права», нашедшего отражение в кодексе Наполеона.

Описание богатой духовной и культурной жизни Германии, которая была ей свойственна накануне революционных потрясений, читатель найдет в «Письмах русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина, выдержки из которых приведены в третьем томе настоящего учебного пособия.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что прусско-австрийский дуализм, возникший в XVIII в. и выразившийся в стремлении двух великих немецких держав играть самостоятельную роль, не считаясь с интересами империи, привел не только к нарушениям условий Вестфальского мира (не вступать в союзы, направленные против императора и империи), но и к распаду империи. Более того, он в значительной степени определил и дальнейшее развитие германского народа в XIX в. Происшедшее в условиях Просвещенного абсолютизма

отделение государства от общества было главной проблемой, которую предстояло решать. Генеральной линией дальнейшего развития станет поэтому переход к конституционной монархии.

Можно констатировать также, что в период абсолютизма в Германии был создан мощный культурный потенциал, который помог ей устоять во время революционных войн и стал основой нового взлета в развитии немецкой культуры в веке XIX. Весьма показательны слова великого немецкого поэта Шиллера, сказанные в 1803 г.: «В огне войн погибла Германская империя, величие Германии остается».

ГЛАВА VI
ГЕРМАНИЯ В 1789–1870 гг.

На исходе восемнадцатого столетия Германия вступила в новый период своей истории, который характеризуется ускорением процесса модернизации. В течение семи-восьми десятилетий Германия совершила переход от Старого порядка к Современности. Формировались основы индустриального общества. Его действующим субъектом стал, в принципе, «человек современный», в поведенческую программу которого вошли суверенные действия, направляемые самостоятельной оценкой ситуации и рациональным учетом собственных интересов. Самостоятельное определение своих действий предполагало и личную ответственность за собственные поступки, успехи и неудачи. Таким образом, окончательно утверждается центральная роль индивида (индивидуализм).

Слом старых социальных, экономических и политических структур в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. начался под воздействием внутреннего и внешнего факторов. Внутренним фактором явились реформы, осуществленные в германских государствах Просвещенным абсолютизмом. Несмотря на ограниченный и непоследовательный характер реформ, они — и эта мысль подчеркивается в немецкой историографии — заложили основу традиции реформизма. Внешними факторами, придавшими мощный импульс процессу модернизации в германских землях, явились две, фактически совпавшие во времени, революции в Европе: английская промышленная и Великая французская, совпадение и взаимодействие которых в германской историографии вызвало термин "*Doppelrevolution*" («двойная революция»).

1. Германия на пути буржуазных реформ (1789–1848 гг.)

Революция во Франции и ее последствия

На рубеже веков Европа, в том числе и Германия, попала под воздействие двух революций: британской промышленной и фран-

цузской политической. Под их ударами разрушался старый порядок и намечался постепенный переход к новому. На Германию более заметное влияние оказала Французская революция. Просвещенными представителями немецкого общества она была воспринята первоначально как «духовная революция», «революция идей». Наиболее известные поэты и философы — Клопшток, Шиллер, Кант, Фихте, Гегель — оценивали Французскую революцию как начало эпохи, в которой человечество окончательно победит бесправие, тиранию и угнетение. С прекрасным восходом солнца сравнивал ее Гегель, с праздником для «всех существ, наделенных разумом». Наибольшее влияние «духовной революции» испытали на себе германские земли по левому берегу Рейна. Здесь возник такой феномен, как немецкий якобинизм (в первую очередь, в Майнцской республике).

Однако по мере радикализации революции и погружения Франции в кровавую гражданскую войну многие представители немецкой интеллигенции изменили отношение к ней. Гердер, пламенный защитник французской революции в 1789 г., спустя три года писал, что он не знал ничего более отвратительного, чем «безумный народ с его безумной властью», и что единственным результатом революции во Франции являлся «ужасающий беспорядок». Шиллер после казни Людовика XVI назвал Францию страной, где правит «закон гильотины», а французских революционеров — «жалкими живодерами». Лишь небольшая группа радикально настроенной интеллигенции — немецкие якобинцы — проявляла определенное понимание «эпохи террора», но и среди них не было никого, кто связывал бы будущее Германии с революцией по французскому образцу. Все высказывания по этому вопросу сводились к положению: Германия является страной реформ. Даже ***Георг Форстер*** (1754–1794), который был, по сути, лидером немецких якобинцев (он возглавлял «Общество друзей свободы и равенства» в Майнце, входил в состав сформированного французами в 1792 г. временного правительства Майнцской республики), считал, что Германию, ввиду особенностей ее развития, ожидает не революция, а медленные и последовательные преобразования.

В ответ на нарастающий радикализм и экспансионизм французской революции германские государства активно включились в борьбу с ней — в борьбу, которая изменила саму Германию. В 1792 г. Австрия и Пруссия заключили союз против революционной Франции и вступили в войну с ней. Этот союз положил начало первой антифранцузской коалиции (1792–1797), в которую вошли Англия,

Россия, Испания, Священная Римская империя германской нации и ряд других государств. Военные поражения вынудили сначала Пруссию, а затем и Австрию подписать мирные договоры с Францией (Базельский в 1795 г. и Кампоформийский в 1797 г.). Согласно их условиям Пруссия и Австрия признавали потерю для империи левого берега Рейна. Таким образом, Франция достигла давно желаемой «естественной границы» на востоке.

В 1798 г. в состав второй антифранцузской коалиции, кроме Англии, России, Турции, Швеции и Неаполитанского государства, вошла Австрия. Территория Германии вновь стала ареной военных действий. Первоначальные успехи коалиции вскоре сменились неудачами после того, как к власти во Франции пришел Наполеон. Военные планы Наполеона состояли в том, чтобы стремительным походом в Италию вывести Австрию из состава коалиции. Россия к этому времени уже покинула ее в результате изменения политики Павлом I. В сражениях у Маренго (14 июня 1800 г.) на севере Италии и у Гогенлиндена (2–3 декабря 1800 г.) в Баварии австрийские войска потерпели поражения. В 1801 г. Австрия заключила с Францией мирный договор. По ***Люневильскому миру*** Австрия теряла Бельгию и Люксембург и признавала все изменения, осуществленные Францией в Европе, в том числе французскую аннексию левого берега Рейна. Договор предусматривал территориальные компенсации тем германским правителям, чьи земли были аннексированы. Возмещение территориальных потерь, по замыслу Наполеона, должно было осуществляться за счет мелких и мельчайших владений на правом берегу. Таким образом, Люневильский мирный договор создавал правовую основу для будущих территориальных изменений в Священной Римской империи германской нации.

Политика Наполеона в Германии

В Германии Наполеон преследовал цель усилить Пруссию в противовес Австрии и создать небольшое число зависимых, средних по размерам государств, достаточно сильных, чтобы быть ценными союзниками, но слишком слабых, чтобы проводить независимую от Франции политику. Основным средством достижения этой цели стала так называемая «территориальная революция», осуществляемая путем секуляризации и медиатизации. Секуляризация предполагала ликвидацию духовных владений; медиатизация лишала светских правителей политической власти без отчуждения собственности.

В 1803–1806 гг. было упразднено более 300 небольших государств и несколько сот владений имперских рыцарей. Число имперских городов с 51 сократилось до 6: Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, Гамбург, Бремен, Любек, Нюрнберг. «Освободившиеся» территории были распределены между сравнительно крупными германскими государствами. Первоначально предполагалось, что порядок осуществления компенсаций должны выработать сами германские князья во главе с императором. С этой целью была создана специальная комиссия рейхстага. Но неоднократные попытки принять приемлемое для всех, в том числе для Наполеона, решение закончились безрезультатно. В феврале 1803 г. был принят французский план компенсаций. По этому плану Пруссия и средние государства получили больше того, что потеряли на левом берегу Рейна: Пруссия — в 5 раз, Вюртемберг — в 4 раза, Баден — в 7,5 раза.

«Территориальная революция» разрушала раздробленный мир германских государств. Вместе с имперским рыцарством, имперскими городами и князьями-епископами исчезали те силы, которые видели в империи и императоре гарантию собственному существованию.

Секуляризация и медиатизация были в целом прогрессивным актом: они способствовали уменьшению раздробленности Германии, но осуществлялись, в первую очередь, в интересах Франции. Поэтому «округление» владений средних государств, их территориальный рост одновременно сопровождался усилением зависимости от Франции. В результате в Священной Римской империи произошел раскол: появилась группа союзных Франции государств — Бавария, Баден, Вюртемберг. Профранцузская позиция южногерманских государств объяснялась не только растущей зависимостью от могущественного западного соседа, но и желанием добиться полного суверенитета от империи.

Сформировавшаяся в 1805 г. третья коалиция, в состав которой наряду с Англией, Россией и Швецией вошла Австрия, стремилась не допустить этого. Однако война с Францией складывалась неудачно, особенно для Австрии. Капитуляция австрийской армии под ***Ульмом*** (20 октября 1805 г.) и разгром австро-русских войск в сражении под ***Аустерлицем*** (2 декабря 1805 г.) привели к выходу Австрии из войны и подписанию ею ***Пресбургского мира***. Австрия согласилась с французскими завоеваниями в Италии, признавала Баварию и Вюртемберг королевствами, а Баден — великим герцогством, отдавала Баварии Тироль, архиепископство Бамберг, епископства

Аугсбург, Фрейзинген, Нассау и другие, а Вюртембергу — 5 городов по Верхнему Дунаю, графство Гогенберг, выплачивала контрибуцию в 40 млн флоринов. Франция признавала присоединение к Австрии Зальцбурга и Вюрцбурга. В июле 1806 г. Наполеон объединил под своим протекторатом 16 германских государств в ***Рейнский союз***. В него вошло новое германское государство, созданное из северо-западных территорий, — Великое герцогство Берг. 1 августа 1806 г. члены Рейнского союза заявили о своем выходе из Священной Римской империи. Затем последовало ультимативное требование Наполеона Францу II сложить с себя императорскую корону, что и было сделано. Империя прекратила свое существование.

В своей германской политике Наполеон добился главного: сплотив «третью Германию» в Рейнский союз, он создал противовес Австрии и Пруссии и одновременно буферную зону между ними и Францией. Ядром Рейнского союза стали 3 южногерманских государства: Бавария, Вюртемберг и Баден. Союз по своему характеру являлся наступательно-оборонительным альянсом.

Усиление позиций Франции в Германии, с одной стороны, и англо-российское дипломатическое давление — с другой, привели к вступлению в антифранцузскую коалицию Пруссии. Именно Пруссия стала главным действующим лицом четвертой коалиции (1806 г.). В европейских государствах царила уверенность, что прусская армия, созданная Фридрихом II, в состоянии превзойти все, что породила «лишенная солдатского духа французская революция». Однако война для Пруссии оказалась короткой и бесславной. 8 октября 1806 г. французские войска перешли прусскую границу, а 14 октября две прусские армии были разгромлены под Йеной и Ауэрштадтом. Затем последовала сдача крепостей и капитуляция остатков армии на всей территории государства. Лишь небольшие части под командованием генералов Блюхера и Гнейзенау оказали сопротивление. Через месяц после начала войны военная машина Пруссии была уничтожена. Наполеон торжественно въехал в Берлин. Прусский король Фридрих Вильгельм III, его семья и небольшой двор укрылись на восточной окраине государства.

Дальнейшая судьба Пруссии зависела от исхода борьбы Франции с Россией. Русские войска потерпели тяжелые поражения при Эйлау (8 февраля 1807 г.) и Фридланде (14 июня 1807 г.), но Россия по-прежнему оставалась грозной военной силой. Наполеон не решился перейти Неман, но и Александр I, лишившийся союзника на континенте, считал рискованным продолжать борьбу. Начались русско-

французские переговоры, завершившиеся подписанием мирного договора в Тильзите в июле 1807 года.

Согласно условиям ***Тильзитского мира***, дополненного затем Парижской конвенцией (сентябрь 1808 г.), Пруссия лишалась половины своей территории, обязывалась сократить армию до 40 тыс. человек и выплатить контрибуцию в размере 100 млн франков. До полной выплаты контрибуции на территорию Пруссии вводилась французская армия численностью в 157 тысяч человек. На восточных территориях, отторгнутых у Пруссии, создавалось Великое герцогство Варшавское. Из западных прусских земель, а также Брауншвейга и части Ганновера было создано королевство Вестфалия.

Тильзитский договор содержал унизительную для Пруссии формулировку, в которой говорилось, что Наполеон лишь из уважения к императору всероссийскому соглашается возвратить прусскому королю часть завоеванных территорий. ***Фридриху Вильгельму III*** (1770–1840), прусскому королю с 1797 г., были «возвращены» Бранденбург, собственно Пруссия и Силезия.

В ноябре 1806 г., находясь в Берлине, Наполеон издает антианглийский по своей направленности декрет о континентальной блокаде, который распространяется на всех союзников Франции. Кроме того, в тексты всех мирных договоров, подписанных Наполеоном с побежденными государствами, теперь включалось обязательство последних присоединиться к континентальной блокаде. Первыми это обязательство брали на себя Пруссия и Россия.

В 1809 г. сформировалась пятая коалиция в составе Англии и Австрии. Из всех континентальных государств Австрия оказалась самым упорным противником Франции. Причем она постоянно терпела поражения, но никогда не была окончательно разгромлена. Тяжелые поражения ожидали Австрию и в короткой войне 1809 г. По ***Шенбруннскому миру*** Австрия лишалась выхода в Адриатическое море, обязывалась выплатить контрибуцию и присоединиться к континентальной блокаде.

Наполеон достиг вершины могущества в Германии. Все германские государства в большей или меньшей степени контролировались Францией. Можно выделить несколько уровней зависимости. Существовала группа вассальных германских государств, власть в которых перешла родственникам Наполеона — Наполеонидам. В Вестфальском королевстве престол был передан младшему брату Наполеона, Жерому, в Великом герцогстве Берг — зятю Наполеона, Мюрату. Евгений Богарне, пасынок Наполеона, управлял Великим

герцогством Франкфурт. Степень контроля Наполеона не только над внешней, но и над внутренней политикой этих государств была наиболее высокой. Во вторую группу входили зависимые от Наполеона государства Рейнского союза, сохранившие свои княжеские и королевские династии, а вместе с ними и некоторую свободу в решении внутриполитических вопросов. Границы Рейнского союза постоянно расширялись. В конечном итоге за его пределами остались только Австрия и Пруссия. Эти два государства — ослабленную военными поражениями Австрию и униженную Пруссию — следует включить в последнюю группу. Формально они сохранили суверенитет, но превратились в вынужденных союзников Французской империи, принимавших все продиктованные им условия.

Наполеон проводил в Германии и реформаторскую политику (в границах Рейнского союза) и политику гегемонии (по отношению ко всей Германии). Реформаторская политика поддерживалась воспитанной Просвещением немецкой интеллигенцией. Однако политика гегемонии вызывала протест. Она предполагала преимущество французских интересов, поставку рекрутов в «великую армию», налоговые платежи, принудительные займы, контрибуции и т. д. Аустерлиц и Йена были восприняты патриотической частью немецкого общества как новый французский вызов. В Германии стало формироваться антинаполеоновское движение, которое выходило за рамки отдельных государств и способствовало сплочению нации.

Антинаполеоновское движение

Антинаполеоновское движение приобретало различные формы: распространение патриотической литературы, партизанская борьба (отряды майора Шилля в Пруссии, Дернберга в Гессен-Касселе, герцога Брауншвейгского в Саксонии), создание тайных обществ. Центром патриотического движения стала Пруссия. Здесь зарождается спортивное движение, которое имело политический характер. Спортивные союзы призваны были готовить молодежь к освободительной борьбе, к участию в «великом общенациональном ополчении».

В 1808 г. в Кёнигсберге возникла тайная организация Тугендбунд («Союз благоденствия»). Ее целью было возрождение родины, достичь которого предполагалось путем реформ. В Тугендбунд входили генералы и гражданские чиновники.

Патриотическая часть прусского общества, особенно офицерство, полагало, что возрождение Пруссии (и Германии) следует на-

чинать с восстановления прусской военной мощи. Настоятельной потребностью стала военная реформа. Большую роль в ее подготовке и проведении сыграл ганноверский офицер ***Герхард Шарнхорст*** (1755–1813), перешедший в 1801 г. на прусскую службу. Он способствовал образованию «Военного общества», которое объединило офицеров — сторонников реформы: Августа Гнейзенау, Карла Клаузевица и др. Летом 1807 г. была учреждена «Комиссия по военной реорганизации», которую возглавили Шарнхорст и Гнейзенау. Суть готовившейся реформы заключалась во введении всеобщей воинской повинности. Этот принцип разрушал сословное деление общества и предлагал идею национального, пока еще правового единства.

Реформа предполагала демократизацию офицерского корпуса. Только так, по мнению военных реформаторов, войну можно было сделать делом всей нации. По указу Фридриха Вильгельма III, основаниями для притязаний на звание офицера в мирное время должны были быть только знания и образование, в военное время — способности и личное мужество.

Прусская армия должна была превратиться в армию граждан по французскому образцу, служба в которой стала бы патриотической обязанностью. Запрещалась вербовка наемников, изменялось отношение к солдату. Новый дисциплинарный устав отменял телесные наказания и штрафы. Улучшалась подготовка, поощрялась инициатива, опора на свои силы, изменялась тактика. Постепенно реформаторы двигались к кульминационному пункту реформ — введению всеобщей воинской повинности. Парижская конвенция с ее ограничением численности прусских войск 42 тыс. вынудила на время отложить решение вопроса. Однако удалось создать систему ускоренного военного обучения, так называемую крюмпер-систему. Она означала, что после краткой подготовки призванных на сборы военнообязанных их отправляли в «отпуска» и заменяли новобранцами. В результате к 1811 г. Пруссия имела дополнительно около 130 тыс. вполне боеспособных солдат (крюмперов).

К организации новой прусской армии Шарнхорст вернулся после разгрома Наполеона в России. В 1813 г. было принято несколько важных решений: создан корпус добровольцев, к официальной армии был приравнен ландвер (ополчение), создан ландштурм (ополчение второй очереди). И главное — была введена всеобщая воинская обязанность для мужчин с 24 лет.

В одном ряду с военной стояла реформа образования. Их сближал общий подход. Как и военная, реформа образования разрушала

традиционное социальное устройство, была направлена на сплочение нации. Для этого нужно было «воспитывать» нацию, развивать в немецком обществе чувство солидарности и такие качества, как инициативность и самостоятельность. Неслучайно реформу образования поддерживали военные реформаторы. Эти реформы дали толчок новому этапу модернизации общества в Пруссии и усилению государства.

Непосредственно осуществлением реформы в 1808–1810 гг. занимался министр образования ***Карл Вильгельм Гумбольдт*** (1767–1835). Положенная в основу реформ концепция Гумбольдта ориентировалась на гуманистические идеалы всеобщего образования. Школы, как полагал Гумбольдт, должны заботиться не об отдельном сословии, а обо всей нации и давать не узкоспециальные знания, а гармоничное всестороннее образование. Закон создавал единую государственную школу из трех ступеней: народной школы, гимназии, университета, которая заменила существовавшее до этого многообразие в виде церковных, частных, городских, корпоративных и государственных образовательных учреждений. Обязательность образования, введенная в 1717 г., только теперь стала строго исполняться. Появилось большое количество новых школ. В 1810 г. был открыт Берлинский университет, первым ректором которого стал известный философ ***Иоганн Готлиб Фихте*** (1762–1814). Впоследствии Берлинский университет был назван именем младшего брата К.-В. Гумбольдта, ***Александра Гумбольдта*** (1769–1859), знаменитого естествоиспытателя, путешественника, основателя таких научных дисциплин, как климатология, физическая география и др.

В 1812 г. ситуация в Европе стала быстро изменяться, что было связано с вторжением Наполеона в Россию. В рядах «великой армии» находились 23 тыс. саксонцев, 30 тыс. баварцев, 6 тыс. баденцев и т. д. В войне против России обязаны были участвовать и Австрия с Пруссией, выставившие по 20 тыс. солдат.

Разгром «великой армии» в России привел к отказу Пруссии от союза с Наполеоном и сближению с Россией. Уже в декабре 1812 г. генерал Л. фон Йорк, командовавший прусскими войсками в составе наполеоновской армии, отделился от французов и по собственной инициативе заключил с русским генералом И. И. Дибичем Таурогенскую конвенцию. Согласно этому документу прусские войска, действовавшие в Прибалтике, отступали в Восточную Пруссию и оставались нейтральными вплоть до решения прусским правительством вопроса о союзе с Россией. Фридрих Вильгельм III в тот момент считал

Наполеона еще очень сильным, поэтому заявил публичный протест против Таурогенской конвенции и отстранил Йорка от командования. Однако Восточная Пруссия уже пришла в движение. В Кёнигсберг из России прибыл бывший прусский министр Генрих Штейн, который тоже по своей собственной инициативе объявил о призыве в ландвер и о создании ландштурма. Штейн и Йорк призвали немецкий народ к войне против французов. Так началась освободительная война в Пруссии.

Национальное воодушевление, охватившее общество, приток добровольцев в прусскую армию, давление со стороны военных, особенно реформаторов, заставили прусского короля изменить позицию. В начале февраля он отправил своего специального представителя в ставку российского императора в Калиш для переговоров о союзе. В результате 16 февраля 1813 г. был подписан ***Калишский союзный трактат***. По его условиям Пруссия должна была быть восстановлена в границах 1806 г.

Российско-прусский союзный договор заложил основы шестой антифранцузской коалиции. Через месяц, 16 марта, прусский король объявил войну Франции. На следующий день он обратился к населению Пруссии с воззванием «К моему народу», в котором призвал подданных к восстанию против Наполеона. Тем самым была установлена связь короны с патриотическим движением. Немецкое национальное восстание охватывало в основном территорию Пруссии. В государствах Рейнского союза население сохраняло лояльность Наполеону. Локальные волнения имели место в Берге и Вестфалии, но они были быстро подавлены.

Число участников шестой коалиции росло. К России и Пруссии присоединились Англия и Швеция. Скорость падения наполеоновской империи во многом зависела от позиции Австрии. После некоторых колебаний в августе 1813 г. она присоединилась к коалиции. 16–19 октября 1813 г. под Лейпцигом произошло самое крупное и кровавое сражение наполеоновских войн. ***«Битва народов»*** закончилась победой коалиции. Остатки «великой армии» отступили к Рейну. Наполеон лишился власти над многими частями своей империи. Развалился Рейнский союз. Германские государства одно за другим присоединялись к коалиции. Последней это сделала Саксония. Власть Наполеона над Германией была окончательно потеряна.

В ходе борьбы с наполеоновской Францией в Германии не звучали требования создания единого национального государства, не было выработано национальной программы. Более того, выдвигавшийся

лозунг («За короля и отечество») придавал патриотический оттенок освободительной (для Пруссии) и антинаполеоновской (для государств Рейнского союза) войне, но означал, что под отечеством понимается отдельное государство. Немецкие армии в составе коалиции не были объединены. И, тем не менее, борьба против общего врага стала мощной объединяющей силой и важной вехой на пути образования нации. Если до конца XVIII в. можно говорить о немецкой нации как о «культурной», то в начале XIX в. происходит ее рождение в качестве «политической».

В конце 1813 г. союзные армии подошли к Рейну. В очередной раз Наполеону предложили мир, от которого он в очередной раз отказался. Французский император еще надеялся, что ему удастся переломить ход войны и добиться максимальных уступок. Союзники оказались перед необходимостью продолжить войну на территории Франции. Чтобы укрепить коалицию и наметить контуры будущего мирного договора, 1 марта 1814 г. в Шомоне (небольшой город во Франции) был заключен общий союзный договор. Его подписали представители четырех государств: Англии, Австрии, Пруссии и России. Союзники договорились продолжить борьбу с Францией до окончательной победы. Англичане брали на себя обязательство по финансированию армий коалиции, а остальные державы обязывались выставить против Франции армии по 150 тыс. человек. ***Шомонский трактат*** явился «смертным приговором» наполеоновской империи. Отдельные статьи трактата определяли принципы послевоенного устройства Европы и намечали решение конкретных вопросов. Договоренности, достигнутые в Шомоне, были подтверждены на Венском конгрессе.

Венский конгресс. Создание Германского союза

Венский конгресс, который должен был подвести итоги бурной эпохи революции, войн и реформ, открыл свою работу в сентябре 1814 г. В Вену съехалось 216 представителей всех европейских государств, в том числе многие монархи, министры иностранных дел, главы правительств. Присутствовало большое количество гостей. На фоне балов, парадов, званых вечеров шла напряженная и серьезная работа. Основной задачей Венского конгресса была Реставрация — реставрация государств, режимов, границ, баланса сил. Однако подавляющее большинство участников Конгресса понимало невозможность полной реставрации Старого порядка. Речь могла идти только о компромиссе между Революцией, Реформой и Реставрацией.

Под реставрацией участники Конгресса понимали главным образом восстановление прежних государственных границ и возвращение смещенных Наполеоном династий. По вопросу политического устройства государств господствовало мнение, что избежать революции в Европе можно при одном условии — пойти навстречу пробудившимся в освободительной борьбе народам. Александр I поддерживал идею конституционной монархии с сильным монархическим принципом.

Министр иностранных дел Франции ***Шарль Морис Талейран*** (1754–1838), сформулировавший основной принцип Венского конгресса — принцип легитимизма, называл легитимной ту власть, которая сохраняет наследственные права монарха, но одновременно уважает общественное мнение. Поэтому с принципом легитимности совместима умеренная конституционная монархия. И даже австрийский министр иностранных дел ***Клеменс Меттерних*** (1773–1859), будучи реалистом, не намеревался возвращать государства в прошлое. Настоящий консерватизм, отмечал Меттерних, основан на активной политике и тщательно взвешенных реформах. Таким образом, компромисс составлял суть принимаемых решений по вопросам о государственном устройстве и политических режимах. Но он же лежал в основе решений о территориальном устройстве Европы. Хотя механизм достижения компромисса в этой сфере был иным: он был результатом борьбы между основными участниками конгресса — Англией, Австрией, Пруссией и Россией, имевшими разные геополитические интересы.

1 марта 1815 г., в разгар работы Конгресса, в Вену пришло сообщение о том, что Наполеон покинул Эльбу и направился в Париж. Возвращение Наполеона вызвало сильную тревогу в Европе. Была сформирована седьмая антифранцузская коалиция, общее количество войск которой насчитывало 700 тыс., правда, эти силы были рассредоточены по территории Европы. 18 июня 1815 г. в сражении при ***Ватерлоо*** французские войска были разбиты двумя армиями союзников: прусской под командованием Блюхера и англо-голландской под командованием Веллингтона.

Внезапное появление Наполеона во Франции резко ускорило работу Венского конгресса. 9 июня 1815 г. состоялось последнее заседание, на котором был принят Заключительный акт. Этот документ состоял из 121 статьи и 17 приложений. Одной из его статей стал Союзный акт, принятый по германскому вопросу 8 июня. Будущее территориальное устройство Германии было предметом жарких

дискуссий на Венском конгрессе, в которых принимали участие не только германские государства. Внутреннее устройство Германии уже около полутора веков ставило перед Европой дилемму. Если та будет слабой и раздробленной, она будет побуждать своих соседей, в первую очередь Францию, к экспансии. Если Германия объединится, то станет слишком сильной и будет сама угрожать соседям. Выход нашли в том, чтобы, сохраняя раздробленность Германии, консолидировать ее. Другими словами, сохранили фактически все изменения, которые осуществил Наполеон. Другие варианты решения германского вопроса были отвергнуты, в том числе прусский проект. Он предусматривал разделение Германии на две зоны влияния: северную — под руководством Пруссии и южную — под руководством Австрии. Первоначально этот проект был поддержан Меттернихом, поскольку соответствовал его представлениям о равновесии сил. Зато он вызвал резкие возражения со стороны средних германских государств и был отклонен.

В результате был создан ***Германский союз***. Он представлял собой конфедерацию, в которую вошли 39 государств, в том числе четыре вольных города: Любек, Бремен, Гамбург и Франкфурт. Австрия и Пруссия входили в союз теми землями, которые в прошлом были в составе империи. Целью Германского союза было поддержание внешней и внутренней безопасности, независимости и целостности отдельных государств. Конфедерация в момент создания не имела общей законодательной системы, правительства или вооруженных сил. В последний момент обсуждения Союзного акта Баварии удалось добиться отмены решения о союзном суде. Единственным общим органом стало Союзное собрание (позднее оно получило название Бундестаг). Местом его работы был избран Франкфурт-на-Майне. Каждое германское государство посылало своего представителя, но должность председателя собрания занимал представитель от Австрии.

Германский союз, если учесть его границы, цели, объем полномочий Бундестага, верховенство Австрии, напоминал модифицированную Священную Римскую империю. По решениям Венского конгресса произошло некоторое изменение границ германских государств. К Пруссии была присоединена северная, экономически наиболее развитая часть Саксонии. Более того, Пруссии удалось не просто вернуть свои небольшие владения на западе Германии, но еще и приобрести Рейнскую область и Вестфалию. В результате этих приобретений Пруссия стала граничить с Францией и Нидерландами. Ее территория теперь состояла из двух частей — Восточной и Западной (рейнской)

Пруссии, между которыми находились владения других германских государств. В Пруссии вновь, как и во времена Фридриха II, возникла потребность в территориальной консолидации государства. В курфюршестве Гессен (Кургессен), Брауншвейге, Ганновере, Гамбурге и ряде других государств были возвращены прежние правительства.

Наконец, в Союзном акте можно найти следы обсуждения конституционных проектов (статья № 13). Несмотря на неопределенность формулировки, которая дает возможность двойного толкования, статья открывала перспективы конституционного развития германских государств.

Социально-экономические реформы первой половины XIX в.

В Германии к началу XIX в. преобладала аграрная, или аграрно-ремесленная, структура хозяйства. Большинство населения проживало в сельской местности. Крупных городов было немного, их экономическое благополучие основывалось на внешней торговле. Многочисленные малые города были тесным образом связаны с сельской экономикой: переработкой сельскохозяйственной продукции, торговлей с сельской округой.

В Германии капитализм «у себя дома» был по-прежнему в секторе торговли и финансов. Успехи в промышленности были связаны в основном с сельской домашней промышленностью или рассеянной мануфактурой. Крупные централизованные мануфактуры в городах были редким явлением, по-прежнему господствовал ручной труд. Первые ростки механизации наблюдались еще в 80-х гг. XVIII в., но развитию экономики мешали традиционные, унаследованные от Средневековья формы цеховой организации торговой и промышленной деятельности. И хотя в эпоху Просвещенного абсолютизма произошло частичное разрушение цехов, мешавших инновациям, по-прежнему сохранявшийся цеховой менталитет значительно ограничивал инициативу, препятствовал осуществлению свободной деятельности.

В Германии не существовало разделения труда между отдельными регионами, а следовательно, не были развиты рыночные связи. Формированию единого внутригерманского рынка мешали многочисленные таможенные границы, разница мер и весов и т. д. Налоги и феодальные платежи крестьян сокращали покупательную способность населения.

Реформы Просвещенного абсолютизма в отношении крестьян остались незаконченными. Германские крестьяне не являлись соб-

ственниками земли. Сохранялся сеньориальный строй, а в остэльбской Германии значительная часть крестьян оставалась не только в поземельной, но и в личной зависимости от помещика. На востоке Германии господствовала отработочная рента.

Германия, по сравнению с северо-западом Европы, представляла собой отсталый регион с во многом традиционными экономическими и социальными структурами. В эпоху Французской революции и наполеоновских войн они продолжали разрушаться, однако крайне неравномерно.

Наиболее радикальные экономические и социальные реформы были осуществлены в левобережных рейнских областях, входивших до 1814 г. в состав Франции. На левый берег Рейна распространилось французское аграрное законодательство. Это означало, что крестьяне превращались в собственников земли без выкупа, что стимулировало развитие аграрного сектора. Кроме того, здесь были ликвидированы излишние таможенные пошлины, унифицирована денежная система, система мер и весов, изменена налоговая политика, введена свобода предпринимательства. Любой желающий, купив патент, мог начать свое дело, цеховые ограничения и промышленные монополии ликвидировались.

Радикальные экономические реформы, доступность обширного французского рынка, «тепличные» условия, созданные Наполеоном для французской экономики, способствовали быстрому промышленному развитию левобережья Рейна, включенному в состав Франции. В начале XIX в. особые успехи демонстрировали шелкоткацкое производство (с центром в Крефельде), сукноделие (Аахен) и хлопчатобумажная промышленность (Кёльн). Кёльн с его более чем 400 промышленными предприятиями превратился в самый крупный «немецкий» промышленный город Франции.

В государствах Рейнского союза проявилась определенная закономерность. Реформы проводились или в «искусственных» государствах, созданных Наполеоном и призванных служить моделями для остальных (Берг, Вестфалия), или в тех, чьи территории «округлились» за счет духовных владений и земель имперских рыцарей (западные и юго-западные государства). В небольших государствах Северной Германии, территории которых остались без изменений, ни одной значительной реформы не было проведено.

В результате новой волны секуляризации церковных владений ускорилось разрушение сословной структуры общества. Происходило ослабление позиций духовенства. Церковная земельная собст-

венность в значительном объеме переходила государству. В результате выросло число государственных крестьян. Часть церковных имуществ была выставлена на продажу.

На территории Рейнского союза были безвозмездно уничтожены сохранившиеся элементы личной зависимости крестьян (в Берге — в 1808 г., в Баварии — в 1809 г., в Гессене — в 1811 г.). Что касается поземельной зависимости, то здесь возникла своеобразная ситуация. Она объяснялась тем, что новые французские правовые отношения, созданные революцией, переносились на области, которые ею не были затронуты. Поэтому в них утвердился принцип: права земельных собственников не могут терять силу без справедливого вознаграждения. «Кодекс Наполеона» гарантировал неприкосновенность собственности и компенсацию в случае ее отчуждения. Кроме того, политика Наполеона в отношении дворянства была направлена на сохранение его прав и привилегий. В результате повсеместно принимались решения о выкупе крестьянами земли. Государства, учитывая катастрофическое состояние финансов, были не в состоянии оказать крестьянам помощь в виде кредитов. Все это затрудняло ликвидацию феодальных отношений в государствах Рейнского союза.

Большое влияние на экономическое развитие Германии оказала наполеоновская политика континентальной блокады. Эта политика преследовала две цели: 1) поставить на колени Англию, самого непримиримого и недосягаемого противника Франции; 2) предоставить все континентальные рынки в распоряжение Франции. Находясь в Берлине в ноябре 1806 г., Наполеон издал декрет, по которому все гавани европейского континента закрывались для кораблей, идущих непосредственно из Англии. В ноябре и декабре 1807 г. первый декрет был дополнен еще двумя. Отныне запрещался ввоз всех английских товаров и на нейтральных судах. Больше всего от континентальной блокады в Германии пострадали старые ганзейские города, жившие в основном за счет торговли с Англией. В них свертывалась деловая жизнь, разорялись банки и кредитные учреждения. И при этом города были обязаны нести большие расходы на содержание французских армий.

Разрыв официальных торговых отношений был до некоторой степени сглажен английской контрабандой. Она шла через шведский порт Гётеборг, острова, лежащие вблизи континента, — Гельголанд и Мальту. Ганзейские купцы проявляли большую ловкость в обходе запретов. Из Гамбурга, Бремена и Любека контрабандные товары вывозились вглубь страны. Риски, связанные с контрабандной тор-

говлей, существенно повышали цены, что затрудняло сбыт продукции и приводило к банкротству ряда фирм. От потери английского и заокеанских рынков страдало сельское хозяйство континента, особенно производство зерна, экспортные сырьевые поставки; глубокий кризис переживало льняное производство. В то же время исчезновение английского конкурента позволило встать на ноги хлопкопрядильной промышленности континента. В центр хлопчатобумажной промышленности в Германии превращается Саксония. Число веретен здесь увеличилось с 13 тыс. в 1806 г. до 256 тыс. в 1813 г. Но и в этой отрасли существовали трудности: не хватало хлопка-сырца, а доставляемый контрабандным путем имел очень высокую цену.

В 1810 г. Наполеон ужесточил борьбу с контрабандой. Повсеместно были организованы полицейские акции по поиску английских товаров. Самой известной из них стала акция во Франкфурте, в ходе которой более чем у двухсот купцов товар был конфискован и публично сожжен. Такие меры приводили только к росту возмущения со стороны правительств союзных Франции государств и ненависти населения. Контрабанда же, несмотря на все усилия, не была устранена. Во Франкфурте, Гамбурге, Лейпциге она процветала как и прежде. Целые деревни вдоль Рейна жили от контрабандных доходов. В Нюрнберге, Аугсбурге и Регенсбурге были созданы большие склады с британскими товарами. Для некоторых предпринимателей контрабандный бизнес позволил нажить огромные состояния.

Своеобразную борьбу с контрабандой вело прусское правительство. Оно освобождало конфискованные английские товары за высокий лицензионный сбор. В результате за 1810–1812 гг. в казну поступило 12 млн талеров, которыми были профинансированы прусские реформы.

Наполеон стремился создать максимально благоприятные условия для французской экономики. Путем торговых договоров и протекционистских тарифов он пытался ослабить или исключить европейских конкурентов и обеспечить французскую монополию на рынках Европы. В частности, германский рынок был изолирован от голландского и итальянского. По Рейну была проведена таможенная граница, что являлось нарушением традиционных торговых связей между германскими землями, лежащими на обоих берегах.

Самым пострадавшим от экономической политики Наполеона германским государством оказалось Великое герцогство Берг. Хотя в политическом отношении Берг был теснейшим образом связан с Францией, в экономическом рассматривался не просто как «заграница»,

а как опасный конкурент французской промышленности. Поэтому он был отрезан от голландского, итальянского и французского рынков. В связи с этим наметились изменения в структуре промышленности герцогства. На фоне стагнации ведущей отрасли — текстильной — начала развиваться металлургия, т. е. та отрасль, с которой был связан дальнейший ход индустриализации Рурской области. Установление французской монополии на итальянском рынке нанесло ущерб баварской торговле, ее экспорт в Италию резко сократился.

Препятствия, созданные германской торговле и промышленности, были отчасти преодолены переориентацией на торговлю с Восточной Европой, Австрией и, что особенно важно, на внутригерманский рынок. В результате происходило укрепление торговых связей между германскими государствами. Значительное развитие в Германии контрабандной торговли позволяло сохранять сравнительно высокую конкурентоспособность немецкой промышленной продукции.

Экономическая политика Наполеона имела в Германии противоречивые результаты: она ускорила развитие одних отраслей и затормозила другие, обеспечила быстрое экономическое развитие в одних регионах и вызвала стагнацию в других. В целом можно говорить о трансформации германской экономики. Но понять процессы, идущие в ней в начале XIX в., можно с учетом целого комплекса факторов, в том числе политической и правовой модернизации.

Если в государствах Рейнского союза экономические и социальные реформы были чаще всего результатом прямого давления Франции, то в Пруссии они представляли собой реакцию на французский вызов. При проведении социальных и экономических реформ Пруссия во многом действовала успешнее государств Рейнского союза. Непосредственным поводом для реформ стало бедственное финансовое положение государства в связи с контрибуционным и оккупационным платежами. Готовившиеся либеральные реформы основывались на идеях Адама Смита, чье учение в Пруссии пользовалось большой популярностью. Реформы проводились в 1807–1822 гг., большую роль в их осуществлении сыграли министры Генрих Штейн и Карл Август Гарденберг. Несмотря на определенное различие в их взглядах, направленность политики была общей: создание условий для экономического подъема, а следовательно, для возрождения и усиления Пруссии.

На начальном этапе прусские реформаторы уделяли большое внимание плачевному состоянию сельского хозяйства остэльбской Пруссии. Дворянство там было обременено большими налогами,

хлебный экспорт резко сократился из-за континентальной блокады, цены на сельскохозяйственные продукты упали. Поэтому экономические реформы начинались с аграрной. Даже те законы, которые, на первый взгляд, имели прямое отношение к промышленности (например, закон о свободе промышленной деятельности или более поздний таможенный закон 1818 г.), ориентировались на интересы сельского населения. Первый закон предоставлял сельским жителям новые возможности в поиске средств существования, а второй путем снижения таможенных пошлин увеличивал экспортные возможности аграрного сектора и одновременно наполнял сельский рынок дешевой промышленной продукцией. Начало аграрному законодательству в Пруссии положил «Октябрьский эдикт» 1807 г. Он отменял личную зависимость крестьян без выкупа. Помимо личной свободы крестьяне получили право на выбор местожительства. Эдикт разрешал дворянству заниматься торгово-промышленной деятельностью, а бюргерам и крестьянству покупать дворянские земли. Каждый бюргер мог стать крестьянином, а крестьянин — бюргером. «Октябрьский эдикт», таким образом, ломал сословное устройство общества, создавал предпосылки для его демократизации.

В 1811–1821 гг. были приняты законы, которые определяли условия и устанавливали размеры выкупа повинностей для разных категорий крестьян. Собственник земли мог получить вознаграждение землей же, деньгами или зерном. Если речь шла о денежной компенсации, она определялась в размере 25-кратной стоимости годовых платежей. Чаще всего помещики требовали передачи земли. В этом случае крестьянин обязан был уступить собственнику от трети до половины своего надела, но при этом у него должно было остаться достаточное для ведения хозяйства количество земли. Поэтому для малоземельных крестьян возможность превратиться в собственника путем уступки части земли исключалась.

Обустройство крестьянских хозяйств происходило в условиях напряженности, конфликтов, судебных разбирательств между крестьянами и собственниками поместий, из которых крестьянин стремился выйти с наименьшими для себя потерями, а помещик — остаться с наиболее выгодным результатом. Еще одним шагом в осуществлении аграрных реформ стало упразднение крестьянской общины, земли которой также подлежали разделу.

Компенсация путем уступки земли ускоряла и облегчала приобретение собственности крестьянами, но одновременно несла с собой существенное сокращение крестьянского землевладения. Прусское

дворянство получило в качестве компенсаций почти 1,5 млн моргов (1 морг = 0,56 га) земли. К этому добавилась большая часть разделенной общинной земли, из которой крестьянству досталось только 14 %. Часть крестьян разорялась и продавала свои земли. Таким образом, аграрная реформа в Пруссии исходила в основном из интересов дворян. Крупное землевладение упрочило свои позиции. Превращение крестьян во владельцев не освобождало их от несения повинностей. Отработки были уменьшены и ограничены во времени. Все виды барщины должны были быть ликвидированы в течение 24 лет, но просуществовали до революции 1848 г. Помещичьи хозяйства были по-прежнему обеспечены дешевой рабочей силой.

Аграрная реформа изменила структуру сельского населения. Вместе с увеличением дворянской земельной собственности выросла численность дворянских семейств (к 1867 г. — в 2–3 раза). С другой стороны, стремительно рос слой малоземельных крестьян, число которых увеличилось в 3–4 раза. Такой крестьянин имел небольшой участок земли, который при качественной обработке мог в минимальной степени обеспечить семью основными продуктами питания, поэтому малоземельные крестьяне нередко подрабатывали ремеслом. Нижним слоем сельского населения были сельскохозяйственные рабочие, поденщики, чей труд использовался в помещичьих хозяйствах. Их число увеличилось в 2,5 раза.

Крупное землевладение обладало большими возможностями для перехода к интенсивным методам ведения хозяйства. Изменялась агротехнология, осуществлялся переход к многопольному севообороту, внедрению технических и кормовых культур. Росла урожайность (к 1848 г. рост сельскохозяйственной продукции составил 40 %) и доходность хозяйств. Часть крупных землевладельцев, использовавших традиционные методы ведения хозяйства, разорилась и продала свои земли. Правовое регулирование крестьянских земель, разорение части крестьянства и дворянства привело к значительному перераспределению земельной собственности.

Постепенно накапливался и «промышленный потенциал» прусских реформ. Начавшееся освобождение крестьян и независимость в выборе профессий способствовали формированию свободного рынка труда. Таможенный закон 1818 г. уничтожил внутренние таможенные границы и установил единое экономическое пространство в масштабах государства. В 1810–1811 гг. была проведена промышленная реформа, по которой устанавливалась полная свобода промышленной деятельности. Любой желающий мог купить «про-

мысловое свидетельство» и заняться торговой и промышленной деятельностью. В реальности это привело к значительному росту числа ремесленников, сначала мастеров, потом подмастерьев. Число ремесленников увеличивалось быстрее, чем прочих социальных групп населения (в 2 раза за 1816–1846 гг.). В Пруссии также уничтожались цехи, была упрощена и упорядочена налоговая система, что благоприятно отразилось на развитии торговли и промышленности.

Реформы в Пруссии способствовали экономической модернизации. Создавались необходимые предпосылки промышленной революции. Мощным дополнительным стимулом экономической модернизации в Пруссии было присоединение наиболее развитых в промышленном отношении районов Германии — Рейнской области и Вестфалии.

Окончание европейских войн означало и прекращение континентальной блокады. Дешевые английские товары хлынули на рынки Германии, что вызвало кризис немецкого предпринимательства. Англичане сбывали в Германию промышленную продукцию и одновременно, приняв «хлебные законы» в интересах своих крупных земельных собственников, затрудняли германский экспорт хлеба. Но окончание блокады одновременно оживило международную торговлю, что способствовало накоплению капитала, который в дальнейшем можно было инвестировать в промышленность.

Главным процессом, определяющим характер экономического развития Германии, стала промышленная революция. В первой половине XIX в. она только набирала силу. На промышленное развитие в этот период оказывали воздействие два вида факторов — «сдерживающие» и «поощряющие». К первому виду относились недостаток капиталов, английская конкуренция, отсутствие многих видов сырья, низкая покупательная способность населения и политическая раздробленность, дополненная экономической, т. е. наличием большого количества таможенных перегородок. Стимулирующими развитие экономики являлись такие факторы, как быстрый демографический рост (с 26 млн в 1816 г. до 35 млн к 1850 г.), а следовательно, увеличение ресурсов рабочей силы; рост предложения агросырья для промышленности и продуктов питания для городского населения; наличие залежей угля и железа; возможность использования британских технических изобретений.

Промышленная революция была стихийным процессом, государство не инициировало ее; непосредственные государственные инвестиции в экономику были очень редки. Но косвенным образом

государство поощряло промышленное развитие, создавая необходимые для промышленной революции условия, например, путем строительства дорог, каналов. Самым важным в этом направлении шагом было создание больших таможенных областей, в первую очередь Таможенного союза 1834 г.

Основой экономического развития являлось усилившееся разделение труда, растущие хозяйственные связи между отдельными регионами, увеличение рынков. В связи с этим таможенные границы представляли серьезное препятствие. Экономический прогресс требовал их ликвидации. Фридрих Лист, профессор Тюбингенского университета, был первым пропагандистом идеи экономического объединения Германии, которое, по его мнению, должно было стать основой политического единства.

Инициативу решения таможенного вопроса взяла на себя Пруссия. У нее была веская причина начать политику интеграции — разделенность территории на западную и восточную части, между которыми находились мелкие германские государства. Более того, некоторые из них представляли собой анклавы на территории Пруссии. В результате Пруссия имела таможенную границу в 7,5 тыс. километров. В 1818 г. Пруссия приняла новый таможенный закон, который был призван рационализировать таможенную систему и вынудить анклавы и маленькие государства присоединиться к прусской системе.

Решение Пруссии вызвало возмущение и протесты в Германии, ее обвинили в партикуляризме. «Немецкий союз торговли и промышленности», в котором были представлены предприниматели южно- и среднегерманских государств, организовал большую петиционную кампанию за создание единого общегерманского таможенного союза. Ряд государств также выступили против прусской «особой» политики. В противовес Пруссии представитель Вюртемберга в Германском союзе Вангехайм предложил создать таможенный союз средних и малых, «чисто немецких» государств, прежде всего южногерманских. Вангехайма поддержали баварские политики. В 1820 г. Вюртемберг, Баден, Бавария, Гессен-Дармштадт и большая часть тюрингских государств приняли решение о создании союза. Но переговоры о таможенной политике, длившиеся с 1820 по 1825 г., закончились безрезультатно. Главные причины неудачи кроются в разногласиях между Баденом, отстаивавшим принцип свободной торговли, и протекционистской Баварией, а также в нежелании Баварии хоть в какой-то степени ограничить свой суверенитет.

В этот период в Пруссии появились далеко идущие планы, согласно которым в особый таможенный союз должны были быть включены по меньшей мере Северная и Средняя Германия, а ведущая роль в нем отводилась Пруссии. Один из авторов проектов — министр финансов Моц был убежден, что в современных условиях малые государства не в состоянии справиться со своими проблемами и наилучшим выходом для них является объединение с большим и сильным соседом. Таможенный союз рассматривался как первая ступень государственного объединения. Примечательно, что в планах прусских политиков изначально предусматривалось исключение из таможенного объединения Австрии.

В конце 1820-х гг. Пруссия активизировала свою таможенную политику. Стремясь расширить границы формирующегося союза, она использовала разные методы, в том числе таможенные войны, строительство дорог. К началу 1830-х гг. правительство Пруссии добилось уничтожения таможенных барьеров с шестью соседними государствами. В 1831 г. к этому союзу присоединился Гессен-Дармштадт, начались переговоры с Баварией, Вюртембергом и среднегерманскими государствами. 1 января 1834 г. был создан ***Таможенный союз*** из 18 государств. В следующем году в него вступили Баден и Нассау.

Австрия пыталась подорвать союз, заключая торговые соглашения с отдельными его членами, но без большого успеха. Границы Таможенного союза продолжали расширяться. В 1842 г. он насчитывал уже 28 государств. Началось формирование единого экономического пространства в «малогерманском» варианте.

Формирование экономического союза способствовало ускорению темпов промышленной революции. В Германии, как и в Англии, она началась в сфере хлопчатобумажной промышленности. В этой отрасли преобладали небольшие фабрики, но в Аугсбурге, городах Саксонии возникли и большие предприятия. Именно Саксония, особенно город Хемниц превратились в центр хлопчатобумажной промышленности Германии. Основным производителем хлопчатобумажных тканей в Германии тем не менее оставалась рассеянная мануфактура.

Еще медленнее переход к фабрике шел в шерстяной промышленности. В льняном производстве к 1850 г. только 5 % прядилен были механизированы. Германская текстильная промышленность испытывала большее, чем все остальные отрасли, давление английской конкуренции.

В другом секторе промышленности — разработке недр и металлургии — с 1820-х гг. наблюдалась быстрая технологическая

модернизация: пудлингование железа, новые, более дешевые способы выплавки стали, коксовые доменные печи. Центром горной и металлургической промышленности стала Рейнская область с ее большими запасами угля и железной руды в долинах Рура и Саара. Там появились новые центры — города Бохум и Эссен. Развитие металлургической промышленности стимулировалось железнодорожным строительством. В 1835 г. была построена первая железная дорога Нюрнберг-Фюрт, а к 1848 г. протяженность железных дорог в Германии составила свыше 5 тыс. км (из них 2,3 тыс. приходилось на Пруссию). Все крупные центры были связаны между собой. Вдоль железных дорог прокладывались телеграфные линии. Таким образом, можно говорить о начале формирования национального рынка в Германии в этот период. Параллельно шло строительство шоссейных дорог, каналов, развитие водного транспорта. Первые пароходы появились на Рейне в 1822 г. Через 4 года было основано Прусско-рейнское пароходное общество, которое организовало регулярное пассажирское сообщение между Роттердамом и Кёльном. В 1841 г. в Кёльне было организовано «Общество Кампгаузена», занявшееся речными грузовыми перевозками. Появились и морские паровые суда, но они еще значительно уступали по объему перевозок большим парусникам.

Увеличивалось использование паровых машин; возникло машиностроение. Крупным его центром стал Берлин, где производились паровые машины и локомотивы. Главным производителем паровозов в Германии стали берлинские заводы Борзига.

С развитием промышленности и транспорта связаны изменения в банковском секторе. Ряд частных банков переориентировались на обслуживание промышленных предприятий. Однако их возможности были ограничены, а сельское хозяйство и торговля инвестировали капитал в промышленность в небольшом масштабе. Нехватка инвестиционного капитала вынуждала искать новые способы его мобилизации. Результатом стало создание акционерных обществ. Они создавали возможность мобилизации частных капиталов и обеспечивали права собственника на контроль за деятельностью предприятия. Акционирование предприятий открывало перед ними возможность перехода в разряд крупных. В Германии первые акционерные общества возникали в пароходном и железнодорожном деле. Прусский закон 1843 г. облегчал формирование таких обществ. В 1846–1847 гг. Германия пережила экономический кризис, который по сути завершил первый период промышленной революции. Эко-

номическая база была создана, и в 1850-е гг. начался промышленный подъем. Однако к середине XIX в. ремесло и мануфактура еще преобладали над крупным машинным производством.

Промышленная революция означала и изменение социальной структуры. Интенсивно шел процесс поляризации сельского населения, быстро росла численность малоземельных крестьян, безземельных батраков. Низкая покупательная способность населения, с одной стороны, конкуренция машинной промышленности — с другой, привели к хроническому кризису ремесленного производства, особенно его ведущих отраслей — пошивочных, столярных и ткацких мастерских. Тысячи семей жили в нищете.

Рост численности населения в первой половине XIX в. превысил способность сельского хозяйства обеспечивать его продуктами питания. В 1816–1817 и 1846–1847 гг. Германия, как и вся Европа, пережила два аграрных кризиса, которые были последними кризисами «старого типа», т. е. вызванными голодом. Эти кризисы показали, что начавшаяся промышленная революция еще в малой степени разрушила традиционную аграрную структуру экономики.

Знаком этого переходного периода был пауперизм, обнищание больших групп населения, что создавало почву для социального протеста и, в конечном итоге, стало важнейшей причиной грядущей революции.

Формирование буржуазного общества

Длительные процессы модернизации, начавшиеся в Германии еще в XV в., к началу XIX в. привели к постепенному возникновению индустриального общества. В наполеоновский период мощный модернизационный импульс получили государства Рейнского союза. Создавая империю, Наполеон был заинтересован в ее политической стабильности и возможности быстрой мобилизации экономических, финансовых и военных ресурсов Европы в интересах Франции. С этой целью в завоеванных и союзных государствах осуществлялась унификация политических, правовых, социальных и экономических институтов по французскому образцу. Роль своеобразных моделей в проведении реформ призваны были сыграть те государства Рейнского союза, которые в наибольшей степени находились под контролем Франции, — Берг, Вестфалия, Франкфурт. С другой стороны, политика реформ, ориентированных на Францию, в большой степени была продиктована собственными интересами государств Рейнского союза. Внутренним толчком для

реформаторской деятельности послужили секуляризация и медиатизация мелких государств. У «округливших» свои территории государств возникла необходимость слить приобретенные владения с государством-ядром в единое целое. Перенесение на новые области порядков из коренных земель рассматривалось как нежелательное, т. к. могло вызвать сопротивление населения «захватчикам». Выход виделся в распространении на всю территорию государства французской политико-правовой системы с ее рациональными принципами. Кроме того, в западных и южных германских государствах в XVIII в., в эпоху Просвещенного абсолютизма, возникали идеи и программы, выходившие за его рамки, наметилась эволюция в сторону конституционной монархии. В начале XIX в. появилась реальная возможность для развития конституционализма.

Главной целью реформ в государствах Рейнского союза была реорганизация управления, или «административная революция». Необходимо было создать единообразие государственной организации. Была создана система министерств. Вместо коллегиальной вводилась индивидуальная ответственность министров.

Старое административное деление на провинции было ликвидировано и заменено — по образцу французских департаментов — на области. Местное самоуправление упразднялось. Создавалась строго централизованная и иерархизированная система управления. В сфере судопроизводства функции управления и юстиции были разделены, что обеспечивало независимость суда.

Степень приближения к французскому образцу была различной в разных государствах Рейнского союза. Только в Вестфалии французская государственно-правовая система была воплощена с наибольшей полнотой. Здесь, кроме министерств, были учреждены префектуры и супрефектуры, был принят «Кодекс Наполеона» и соответствующая судебная система. Во всех других государствах Рейнского союза реформы осуществлялись более медленно и не всегда с той же полнотой. Однако повсеместно уничтожались сословно-корпоративные привилегии, провозглашалось равенство перед законом, безопасность личности и неприкосновенность собственности.

В понимании юристов-реформаторов Рейнского союза гражданские права могли быть обеспечены через права политические, следовательно, государства должны были обрести конституции. Но выработка текстов конституций затягивалась. Только под давлением Наполеона в Вестфалии в 1807 г. была принята конституция, проект которой был составлен в Париже. С нее затем была скопирована

баварская конституция (1808). Однако созданные представительные органы оказались бездейственными. Главная причина этого крылась в структуре германского общества — в относительной слабости буржуазии, т. е. той социальной группы, которая и была в наибольшей степени заинтересована в экономической и социально-политической модернизации.

Дворянские по своему составу представительные собрания отказывались от проведения реформ. Например, Вестфальское собрание, которое созывалось всего дважды, дважды же отклоняло закон об отмене налоговых привилегий.

Если учесть еще и ограниченность компетенции представительных органов, высокий имущественный ценз и двустепенность выборов, а также большие возможности монархов оказывать влияние на результаты выборов, то понятной становится характеристика конституционализма в государствах Рейнского союза как «внешнего» или как «украшения» бюрократического государственного устройства. Тем не менее южно- и западногерманские государства в начале XIX в. приобрели конституционный опыт. В текстах конституций имелись элементы, которые определяли будущее конституционное развитие этих государств.

Реформы в Пруссии были ответом на французскую революцию и наполеоновский вызов. В отличие от государств Рейнского союза, где модернизация осуществлялась «с Наполеоном», в Пруссии она была направлена «против Наполеона», носила «оборонительный» характер. Прусские реформаторы (Штейн и Гарденберг) в своей деятельности исходили из иных принципов. Модернизацию должно осуществлять само правительство. По выражению Гарденберга, в Пруссии должна произойти «революция в хорошем смысле», что понималось как революция «сверху». В политических реформах следует ориентироваться не на французский и английский образцы, а на прусскую государственную традицию, на государственные идеалы времен Просвещенного абсолютизма. Поэтому из французской системы были заимствованы только те элементы, которые уже продемонстрировали высокую эффективность. Таким образом, в основе прусских политических реформ лежало стремление путем синтеза традиции и прогресса устранить наиболее устаревшие элементы абсолютизма.

Особенностью прусских реформ был их «освободительный» характер. Самообновление Пруссии было продиктовано необходимостью ее возрождения. В отличие от реформ государств Рейнского союза, реформы в Пруссии были окрашены в патриотические тона.

Важным направлением деятельности правительства Штейна стала реформа административной системы. Правительственный аппарат был упрощен: создано пять министерств, объединенных в совет министров, подотчетный непосредственно королю.

Наиболее значительная административная реформа Штейна — реформа городского самоуправления. По замыслу главы правительства, городское самоуправление должно было стать частью государственной административной системы и одновременно противовесом бюрократии. По закону 1808 г. жителями городов избирались городские собрания, которые самостоятельно решали свои внутренние дела. Собрания избирали магистраты — исполнительные коллегиальные органы. Закон вводил высокий имущественный ценз, что ограничивало число избирателей до 6–8 % населения городов. Подавляющее число депутатов городских собраний были предпринимателями и коммерсантами. Таким образом, в городах сложились условия для участия буржуазии в управлении.

В Пруссии была сделана попытка создания представительной системы. В отношении прусских реформаторов к идее представительства наиболее отчетливо просматривается компромиссный характер реформ. Штейн отказывался использовать само понятие «представительство» и заменил его «депутатством». Его представления о политическом участии граждан исходили из сословного разделения общества, поэтому он был против избрания в качестве депутатов представителей других сословий (не совпадающих с сословной принадлежностью избирателей). Компромисс между сословным и представительным принципом проявлялся в том, что сословное деление было модифицировано и избирательные права расширены.

Гарденбергом был подготовлен конституционный проект, сутью которого было сплочение нации в борьбе с Наполеоном. Его формула «один национальный дух, один интерес и один разум» воплотилась в идее национального представительства. Дважды (в 1811 и 1812 гг.) предпринимались попытки сформировать представительные органы, но каждый раз они превращались в сословно-представительные. В результате Пруссия в своих конституционных экспериментах отстала от государств Рейнского союза.

В последующий после Венского конгресса пятилетний период конституционной истории Германии решался вопрос, будут ли продолжены политические реформы предшествующих лет и выполнены конституционные обещания. Статья № 13 «Союзного акта» предполагала введение конституций в германских государствах. Но

неопределенность формулировки позволяла по-разному толковать характер представительных учреждений.

Один вариант интерпретации соответствовал надеждам тех, кто ожидал прогрессивных политических перемен и понимал представительство как представительство нации. Второй вариант толкования — в духе реставрации — был изложен Фридрихом Генцем, секретарем Меттерниха: представительство должно иметь сословный характер. Право представлять свои интересы имеют четыре корпорации: дворянство, города, университеты и церкви. Члены сословных собраний представляют только собственные сословия, а не весь народ. Национальное представительство, по словам Генца, основано на принципе народного суверенитета, который выходит из «заблуждения о всеобщем равенстве прав» и ведет к анархии. Против такой трактовки представительства Генцем возражали прежде всего южногерманские государства.

До 1820 г. новые конституции были приняты в 11 государствах. Причины их появления различны. И желание монархов как можно скорее выполнить требования статьи № 13 Союзного акта не было самым главным. Большую роль сыграли тяжелое состояние государственных финансов после наполеоновских войн, изменение территории ряда государств, после которого стало незаменимым объединительное «свойство» конституции и представительного органа, а также настроения в обществе. Немаловажное значение имело стремление южногерманских государств — Баварии, Бадена, Гессена-Дармштадта, Вюртемберга — сохранить свой суверенитет. Существовало опасение, что Союзное собрание (Бундестаг) может принять обязательные для всех государств решения по конституционному вопросу. Небольшим германским государствам принятие конституций должно было гарантировать их неприкосновенность и избавить от притязаний со стороны более сильных соседей.

В южногерманских государствах возник немецкий вариант конституционной монархии, который позднее, в 1850 г., был воспринят Пруссией, а после объединения страны определял политический порядок Германской империи вплоть до Первой мировой войны.

Конституции в южно-германских государствах были результатом взаимодействия двух сил — правительства и общества, что в конечном итоге и определило их характер. Они сочетали в себе монархический, сословный и представительный принципы. Ландтаги были двухпалатными. Верхние палаты состояли из представителей сословий, депутатов нижних палат избирало все население независимо от

сословного деления. Избирательное право носило цензовый характер; число избирателей было невелико. Так, в Баварии оно составляло всего 6 % от общего числа налогоплательщиков, в Вюртемберге — 14 %, в Бадене — 17 %. Выборы проходили в два этапа. Компетенция ландтагов была ограничена. Они не обладали законодательной инициативой, не принимали участия в формировании правительств, но права ландтагов утверждать налоги, участвовать в законодательстве, подавать петиции монархам позволили им стать центром политической жизни.

Южногерманские конституции содержали в себе перечень гражданских прав. Провозглашалась свобода личности, совести, мнений, выбора профессии, гарантировались право собственности и равенство всех граждан перед законом. Государства Южной Германии, в которых процесс экономической модернизации шел медленными темпами, в политическом плане становятся оплотом либерализма в Европе.

Большое влияние на германскую историю первой половины XIX в. оказал исход борьбы за конституцию в Пруссии. Внутриполитическая ситуация в Пруссии после 1815 г. определялась рядом факторов. Во-первых, Пруссия представляла собой государство, в которое были включены новые территории. И эти территории разделяло не только расстояние, но и значительные политические, правовые и социальные особенности (Рейнская область, Вестфалия, часть Саксонии). Перед Пруссией встала проблема интеграции земель. Во-вторых, реформы, начатые в период наполеоновских войн, не были завершены. В правительстве, возглавляемом Гарденбергом, сохранялись реформаторские настроения, но одновременно с этим все заметнее проявлялись совершенно противоположные тенденции и идеи — сословно-феодальные, бюрократически-абсолютистские и т. д.; крепли силы, выступавшие против реформ.

После 1815 г. реформы были продолжены (аграрная, таможенная), однако важнейшим вопросом, от решения которого зависела судьба дальнейших реформ, был конституционный. Министры-реформаторы склонялись к введению в Пруссии представительной конституции. По их мнению, только такая конституция, обеспечив участие населения в государственных делах, должна была гарантировать успешное проведение модернизационных программ.

Работа над текстом конституции началась в 1817 г., после создания специальной комиссии. Но обострившиеся в тот период разногласия в правительстве мешали прийти к определенному результату. Кроме

того, при дворе набирала силу партия реставрации, возглавлявшаяся кронпринцем, изменялась обстановка в Германии в целом в связи с принятием антиреволюционных Карлсбадских постановлений 1819 г. В результате в декабре 1819 г. прусские министры-реформаторы (Гумбольдт, Бойен) были уволены, что дало решительный перевес в правительстве противникам реформ. В том же году Конституционная комиссия, сделав вывод, что «Пруссия в общем представительстве не нуждается», прекратила свою работу. А смерть Гумбольдта в 1822 г. окончательно закрыла первый этап прусских либеральных реформ. Правда, в провинциях в 1823–1824 гг. были созданы сословно-представительные органы — провинциальные ландтаги. Они обладали ограниченной компетенцией и их появление не привело к решительным переменам в политической жизни страны. Таким образом, в предреволюционный период, который в германской историографии характеризуется как предмартовский *(Vormärz)*, Пруссия оставалась государством без конституции.

На конституционную историю Германии большое влияние оказало национальное студенческое движение (движение буршей). Первая студенческая корпорация была организована в Йене в 1815 г., после чего все немецкие университеты быстро последовали этому примеру. По своему характеру студенческое движение было демократическим, т. к. выступало против сословного деления общества, и национальным, т. к. отказывалось одновременно и от провинциализма — замыкания в рамках отдельных государств, и от космополитизма. Национальная черта движения была тесно связана с либеральной идеей свободы. Лозунгом студенческого движения, в котором отразились его характерные черты, провозглашались три ценности: «Честь, Свобода, Отечество».

18 и 19 октября 1817 г. в Вартбурге буршами был организован праздник в честь двух знаменательных для германской истории событий: 300-летия Реформации, освободившей Германию от духовной тирании папы римского, и годовщины Лейпцигской битвы, освободившей страну от чужеземной тирании. В празднике приняли участие около 500 студентов из 11 университетов. Сам праздник представлял собой новую форму политической акции. На нем было провозглашено создание единой немецкой организации студентов, цели которой были сведены к требованиям национального единства, конституционных свобод и национального представительства. В студенческом движении оформилось радикальное крыло с радикальными целями (демократическая унитарная республика, всеоб-

щее избирательное право) и методами борьбы (прямые действия, убийство тиранов).

Меттерних увидел в студенческих корпорациях авангард революционного движения. Первую попытку остановить его развитие австрийский канцлер сделал в 1818 г. на Аахенском конгрессе Священного союза, когда внес в повестку дня вопрос об ограничении свободы университетов, но потерпел неудачу. В 1819 г. йенский студент Карл Занд убил писателя Августа Коцебу, который высмеивал идеалы студенческих корпораций и критиковал их за якобинизм. Либерально настроенные круги отнеслись к студенту сочувственно, полагая, что им руководили благородные побуждения. Само убийство и реакция на него части общества встревожили правительства и монархов германских государств. Меттерниху наконец удалось склонить их к совместным действиям.

В 1819 г. состоялась конференция германских государей и министров в Карлсбаде, где были приняты так называемые «Карлсбадские решения». Они были направлены против оппозиционных движений и касались в первую очередь университетов. Неблагонадежные преподаватели подлежали увольнению, студенческие корпорации запрещались, автономия университетов ликвидировалась. Был принят закон о печати, по которому все газеты, журналы, книги, чей объем превышал 20 печатных листов, подлежали предварительной цензуре. Создавалась Майнцская центральная комиссия, которая просуществовала до 1828 г. Перед ней была поставлена задача: выявлять все «революционные интриги», направленные против существующего устройства и внутреннего спокойствия как отдельных государств, так и всего Германского союза в целом.

В 1820 г. на конференции министров германских государств в Вене был принят «Заключительный акт», который, хотя и признавал существующие конституции, устанавливал для всех государств верхнюю границу конституционно-политической либерализации. Высшей конституционной основой провозглашался монархический принцип. Монарху принадлежит вся государственная власть, и лишь в осуществлении определенных прав он может быть связан участием сословного представительства.

Таким образом, в 1819–1820 гг. в Германском союзе произошел поворот в сторону Реставрации. Конституционное развитие германских государств было приостановлено и получило новый импульс лишь в 1830 г. под влиянием революционных событий во Франции и Бельгии. Кроме того, карлсбадские и венские решения были важ-

ным этапом в развитии германского федерализма. Суверенитет отдельных государств стал ограничиваться в пользу Союза.

Оппозиционное движение

Июльская революция 1830 г. во Франции привела в движение политическую жизнь Европы. Революционные события произошли в Бельгии, охватили часть Италии и Царства Польского. В Германии в наибольшей степени революционной волной были охвачены северо- и средненемецкие государства, чьи правительства раньше отказывались от проведения реформ: Брауншвейг, Саксония, Ганновер, Кургессен. В них повсеместно звучали требования снижения налогов, отмены феодальных платежей, ликвидации сословных привилегий. Заметным явлением, особенно в Саксонии, стали выступления ремесленников и рабочих против фабрик или фабрикантов. С социальным протестом сливались требования политических реформ. Власти были вынуждены пойти на уступки. Во всех четырех государствах были введены конституции, которые, как и в Южной Германии, носили компромиссный характер. Самой либеральной из них была кургессенская конституция. Она предоставляла депутатам законодательную инициативу, вводила относительно демократическое избирательное право. Вступление четырех государств в круг конституционных расширяло арену общественно-политической жизни в Германии.

В Южной Германии под влиянием июльских событий во Франции активизировалась либеральная оппозиция, особенно во время выборов.

В Баварии и Бадене либералам удалось получить большинство в нижних палатах ландтагов. Вопреки решению Бундестага в Бадене был принят либеральный закон о прессе. Вновь оживились национальные настроения. Большое внимание привлекла опубликованная в 1831 г. работа Пауля Пфитцера «Переписка двух немцев», в которой звучало требование создания общенационального парламента.

На юге и юго-западе Германии быстро набирала силу внепарламентская оппозиция, которая выходила за рамки отдельных государств. Тон ее требований со временем становился все более радикальным, акцент все решительнее переносился на требование демократизации и народного суверенитета.

Высшей точкой оппозиционного движения стал Гамбахский праздник 1832 г. в Пфальце. Ему предшествовала антиправительственная кампания в прессе, организованная двумя журналистами —

Иоганном Виртом из Мюнхена и Филиппом Зибенпфайфером из Пфальца. В феврале 1832 г. они основали «Отечественный союз», который выступал за свободу прессы и стремился мобилизовать общественное мнение на борьбу против князей, за «возрождение Германии и ее демократическую организацию». В мае 1832 г. Союз организовал праздник вблизи развалин Гамбахского замка, который Вирт назвал национальным праздником Германии. В нем приняли участие от 20 до 30 тыс. человек из Гессена, Франкфурта, Бадена, рейнских провинций Пруссии и других государств. Это была самая массовая политическая акция в Германии до 1848 г. На Гамбахском празднике в речах многочисленных ораторов была отчетливо сформулирована мысль, которая дистанцировала участников праздника от либералов: чтобы защитить права народа, недостаточно конституции, нужна революция. Революция для народа — это средство самообороны, самое острое, но и самое лучшее, поскольку быстрее всего ведет к достижению благой цели.

Последняя волна демократического движения наблюдалась в Гессене и связана с именем Георга Бюхнера. В 1833 г. он основал «Общество прав человека». В своих работах Бюхнер призывал к борьбе против «тирании князей, дворянства и правительств», за республику, социальное освобождение и «действительное равенство». Он повторил французскую революционную формулу: «Мир хижинам, война дворцам!»

Таким образом, в начале 1830-х гг. внутри оппозиционного движения заметным явлением стало формирование двух течений: либерального, центром которого стали ландтаги, и демократического, существовавшего как внепарламентская оппозиция.

Революционный подъем 1832–1834 гг. в Германии быстро пошел на спад в результате объединенных действий правительств отдельных государств и Бундестага. Были приняты новые законы против оппозиции, запрещались политические союзы, права ландтагов были урезаны, восстановлена Майнцская центральная комиссия, призванная контролировать общественные настроения. Многие оппозиционные деятели вынуждены были покинуть Германию. Центр демократического движения переместился за границу: в Париж, Лондон, Брюссель, Берн, где было создано несколько демократических организаций («Союз отверженных», «Союз справедливых»).

В Ганновере в 1837 г. произошли события, которые привели к активизации либералов. Новый ганноверский король после вступления на престол распустил ландтаг, а затем отменил конституцию, принятую

в 1833 г. Действия монарха вызвали взрыв возмущения у либералов. Семь профессоров Гёттингенского университета («Гёттингенская семерка»), среди которых были историк Фридрих Дальман и лингвисты братья Якоб и Вильгельм Гримм, 18 ноября 1837 г. сделали открытое заявление, что по-прежнему считают себя связанными присягой конституции и в соответствии с этим будут действовать в дальнейшем. И хотя всем профессорам пришлось затем покинуть Ганновер, их акция получила большую известность в Германии.

Несмотря на усилия правительств германских государств и Германского союза в целом, им не удалось остановить процесс политизации общества, который особенно ускорился в 1840-е гг. (часть немецких историков именно этот период называет предмартовским).

Политизации способствовали идущие в Германии социально-экономические процессы и изменения, а также два национально-политических кризиса. Один из них был связан с возродившимся во Франции стремлением обрести «естественную границу» по Рейну, что вызвало подъем национального движения в Германии и временное сближение на этой почве общества и государства. В связи с Рейнским кризисом был также сделан шаг в направлении единой союзной военной политики: Бундестаг принял решение о строительстве союзных крепостей для защиты от Франции, а Австрия и Пруссия спланировали совместные военные операции на случай войны с западной соседкой. В обществе в это время стали очень популярными стихи и песни патриотического содержания, например, стихотворение Николауса Беккера, в котором говорилось: «Им не завладеть немецким Рейном, пока кости последнего немца не будут поглощены его волнами».

Другим таким же острым кризисом стал шлезвиг-гольштейнский. Шлезвиг и Гольштейн представляли собой герцогства, которыми управлял датский король, хотя в состав Дании они не входили. Заявления нового датского короля Христиана VIII о возможности выхода Гольштейна из состава Германского союза спровоцировали конфликт, который не был разрешен в предмартовский период, но вызвал подъем национального движения в Германии.

Начало формирования политических партий

В 40-е гг. XIX в. продолжался процесс дифференциации оппозиции по целям и методам. Началось формирование политических партий. Партии в тот период представляли собой группу единомышленников, которые объединялись вокруг какого-либо печатного органа. В Германии стала складываться многопартийная система,

представленная партиями консерваторов, католиков, либералов, демократов и социалистов.

Правое крыло в зарождающейся партийной системе представляли консерваторы. Ранний консерватизм выступал против бюрократии и абсолютизма, но, главное, против либерального индивидуализма, конституции и демократии. Этот консерватизм был трансформирован и модернизирован в 1840-е годы в Пруссии философом права Ф. Шталем. Шталь стал духовным лидером прусского юнкерства и одним из теоретиков прусского государства, советником короля. Шталь создал программу «христианского государства». По его мнению, государство должно было быть основано не на светских нормах и институтах, а на христианстве и христианской политике. Государство должно заботиться, чтобы общество оставалось христианским, например, с помощью брачного права.

Существенным и новым во взглядах Шталя было учение о конституции. Шталь порывал с присущим консерваторам отрицательным отношением к современному государству. Он признавал необходимость конституции. Но эта конституция не должна быть «либеральной» и основываться на идее народного суверенитета. Конституция должна быть «монархической». Монарху принадлежит главная власть в государстве. Парламент может участвовать в законодательстве и контролировать налоги. Но главное его назначение — быть сторожем и гарантом народных прав и свобод, равно как и самой конституции.

Внутри консервативного течения имелось еще несколько менее влиятельных групп, например, небольшая группа «нормальных консерваторов», которые выступали против национального движения, за сохранение Германского союза и за соглашение между Пруссией и Австрией. Вторая группа, напротив, заявляла о себе как о «национальных консерваторах» (лидер — Йозеф Радовиц). По их мнению, монархию и государство можно было сохранить только на основе идеи нации. Наконец, группа «социальных консерваторов» (лидером которых был Хубер) разрабатывала программу поддержки рабочих.

Вторым движением в формирующейся партийной системе Германии являлся политический католицизм. Католицизм превращался в политическую силу под влиянием нескольких факторов, главными из которых были Французская революция и секуляризация. Церковь стремилась к свободе от вездесущего государственного контроля и государственного вмешательства в ее дела. Одновременно она была заинтересована в сохранении своего влияния на общество, используя традиционные рычаги — школу и брак.

Католическая церковь выступала не только против государства с его политикой секуляризации, но и либерализма с его идеями автономии индивида, освобождения человека от авторитетов и корпоративных связей, его критики традиций и догм. Политический католицизм, таким образом, находился в оппозиции по отношению к доминирующей тенденции развития буржуазного общества.

Католицизм заявил о себе как о политической силе после 1815 г., когда стали возникать первые организации и газеты католического толка.

В 1830-е гг. в южногерманских ландтагах появились небольшие группы депутатов-католиков. В 1838 г. был основан «Берлинский политический еженедельник», вокруг которого стало формироваться ядро партии. В начале 1840-х гг. в Германии возникло большое количество католических союзов, в которые входили и женщины. В этот период право конфессий на участие в политике обосновал Йозеф Гёррес, которого считают духовным отцом политического католицизма в Германии.

Внутри католического движения также образовалось несколько групп. Наиболее влиятельной из них была группа консервативных католиков с ее идеями монархии, сословного представительства и корпоративного общества. Эти идеи пользовались популярностью у части дворянства, клира и низших слоев населения католического вероисповедания — крестьян, ремесленников маленьких городов. У католиков-либералов присутствовала идея эмансипации. Но речь шла о борьбе за свободу католического населения Ирландии, Польши, Бельгии. Как и у консерваторов, политический католицизм имел в своих рядах небольшую группу социал-католиков. Их центральными идеями были христианское непризнание богатства, конкуренции и христианский призыв к справедливости и солидарности.

В центре политического спектра государств Германского союза находилась партия либералов. Либерализм представлял собой идеологию индивидуализма. Его важнейшим программным пунктом была защита человека от государства. Защитить права и свободы человека можно было только с помощью сильной конституции. Поэтому либерализм был в первую очередь конституционным движением.

Особенности германского либерализма

Германский либерализм отличался рядом особенностей. Во-первых, он долго ориентировался не на практическую деятельность, а на идеи, теории, принципы и, как следствие, отличался док-

тринерством. Второй характерной чертой германского либерализма было амбивалентное отношение к государству. С одной стороны, с позиции либералов, государство подавляло индивидуальную свободу, и с ним необходимо было вести борьбу, с другой — государство проводило реформы, разрушало структуры феодально-сословного общества, эти реформы либералы поддерживали.

Либерализм первой половины XIX в. в Германии представлял собой многостороннее изменчивое политическое движение с нечеткими границами. Объединяющими все многочисленные группы и течения в одно целое были следующие положения:

1) либералы стремились изменить государство, сделать его правовым и конституционным, причем конституция должна была быть не дарованной (октроированной) монархом, а выработанной национальным представительным собранием;
2) либералы добивались, чтобы парламент приобрел две важные функции — законодательную и функцию контроля над правительством;
3) либералы выступали за широкие права и свободы, за правовое равенство, они стремились уничтожить остатки феодального порядка и сословных привилегий, т. е. осуществить социальную модернизацию;
4) в своей политике либералы все настойчивей поддерживали идею объединения Германии.

Либерализм был в высокой степени дифференцированным движением, внутри него выделялось несколько направлений. Наиболее влиятельной группой либералов была южногерманская группа, она принадлежала к левому крылу. Лидерами левых либералов были Карл Роттек и Карл Велькер, издатели известной «Энциклопедии государственных наук», которую называют Библией немецкого либерализма.

Одной из отличительных черт левых либералов было отрицательное отношение к экономическому прогрессу, т. к. он сопровождался ростом бедноты и ослаблением социальной стабильности. Левые либералы выступали за буржуазное общество, но против индустрии и рынка. Основная энергия южногерманских либералов была направлена на развитие конституционной системы. Это предполагало усиление роли представительных собраний. Во взаимоотношениях короны с парламентом главная роль отводилась парламенту. В борьбе с короной он имел «важное и острое оружие» — право утверждать

налоги. Левыми либералами высказывалась мысль о том, что правительство должно «соответствовать» парламентскому большинству. Политическое общество ими определялось как общество средних и мелких собственников, поэтому равенство и свобода, в их представлении, не противостоят друг другу.

Правое крыло либералов возглавляли Ф. К. Дальман и Генрих Аренс, которые ориентировались на английские образцы либерализма. Правые либералы большую роль отводили государству и стремились преодолеть противоречие между частным интересом и свободой, с одной стороны, и государством — с другой. Реальность, в представлении правых либералов, — это не только индивидуумы, но и надындивидуальная действительность со своим собственным правом — государство. Государственная система должна быть не «парламентской», как у левых либералов, а «конституционной», т. е. дуалистической, с наделением короля правом вето. Большое внимание правые либералы уделяли борьбе с эгалитаризмом радикалов, подчеркивая, что между свободой и равенством всегда существует опасность конфликта. Эгалитарная демократия в тенденции тоталитарна. Для правых либералов была в большей степени характерна склонность к компромиссам и согласию с властью.

Новым центром либерализма стала Рейнская провинция Пруссии. Здесь сформировалась группа либералов, в которую вошли крупные предприниматели: Герман Бекерат, Лудольф Кампгаузен, Давид Ганземан и Густав Мевисен. Именно они возглавили оппозицию в рейнском провинциальном ландтаге. Они были в меньшей мере теоретиками, но имели устоявшиеся взгляды. Рейнские либералы добивались ужесточения государственной опеки экономики в интересах крупной промышленности. Они острее видели взрывной характер возникающего общества и — во многом поэтому — выступали за высокий имущественный ценз, но за сильный парламент.

Демократическое и социалистическое движение

Демократическая партия формировалась на основе оппозиционного радикального движения. Главным принципом для демократов был принцип народного суверенитета и господства большинства. Суверенитет один, он неделим и находится в народе. Только республика воплощает идею народного суверенитета, а не монархия, как бы ее ни ограничивали. Кроме того, демократы делали акцент на принцип равенства. Они не стремились к полному уничтожению социального неравенства, но желали его ограничения путем налогового

законодательства, законов о наследстве и свободного доступа к образованию. Равенство они ставили выше свободы; в случае конфликта между ними демократы отдавали предпочтение равенству и, в отличие от либералов, не видели в этом угрозы для свободы.

Демократы вкладывали другой, чем либералы, смысл в понятие «народ». Для них народ — это маленькие люди, зависимые и угнетенные. Такое понимание народа и принцип народного суверенитета у демократов выливался в требование всеобщего избирательного права.

Демократы выступали не только против существующей системы, но и против буржуазии — как «буржуазии богатства» (крупных собственников), так и «буржуазии образования» (академики, врачи, юристы). Они критиковали либералов за то, что те все свои ожидания связывали с парламентом. Демократическое движение включало в себя два компонента. Одним из них была радикально настроенная интеллигенция — философы, писатели, поэты, публицисты (Арнольд Руге, Йозеф Бауэр, Иоганн Якоби). Второй составляли представители низших слоев населения из тех районов Германии, которые находились в особенно бедственном положении, а также областей с возникающей крупной промышленностью и крупных городов. В наибольшей степени радикализм был представлен в Бадене. Здесь сыграла роль и близость к Франции и Швейцарии. В демократическом движении 1840-х гг. большой след оставили баденцы Фридрих Геккер и Густав Струве.

В 1830–1840-е гг. в Германии зарождается социалистическое движение. Его появление связано с социальными изменениями, сопровождавшими рождение крупной промышленности: разорение ремесла, маргинализация населения, изменение или утрата социальных перспектив. Промышленная революция ставила много вопросов, на которые и пыталась ответить социалистическая теория. В центр ее проектов нового общественного устройства был поставлен рабочий класс. Это была теория о рабочих и для рабочих. Важнейшими правами человека социалисты называли свободу, равенство и братство. Они выступали против всего консервативного, против феодальной системы и монархии, и в этом отношении их можно назвать сторонниками либерального движения. Но социалисты в то же время выступали против либерализма, буржуазии и «буржуазных привилегий». Антикапитализм сближал их с радикалами, но, в отличие от демократов, они выступали не за ограничение, а за уничтожение частной собственности, прежде всего — на средства производства.

Самой сознательной и мобильной частью рабочих слоев в Германии в 1830–1840-е гг. были ремесленники. Именно из их организаций, возникших в эмиграции, образовались первые социалистические союзы («Союз справедливых», «Союз коммунистов»). Ведущей фигурой раннего германского социализма был Вильгельм Вейтлинг, странствующий ремесленный подмастерье, единственный неинтеллектуал среди первых теоретиков социализма. Вейтлингу принадлежало несколько работ, в том числе «Гарантии гармонии и свободы», которые стали, по сути, программными документами «Союза справедливых». Идеалом Вейтлинга был уравнительный коммунизм, переход к которому происходит в результате революции. Революцию, по Вейтлингу, могут совершить только самые обездоленные и отчаявшиеся, особенно люмпены больших городов. В острой полемике с Вейтлингом и другими социалистами начали развивать свою теорию Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Таким образом, в предшествовавшее революции десятилетие закончилась первая фаза консолидации политических сил вокруг нескольких центров, результатом чего стали первые, пока еще организационно аморфные, но идеологически уже оформленные политические партии.

Сотрудничество в газетах, переписка, личные встречи лидеров оппозиции ускорили процесс выработки программ. Первыми ее сформулировали демократы на народном собрании в Оффенбурге (Баден) в сентябре 1847 г. Хотя многие формулировки программы отличались неопределенностью, она представляла собой попытку учесть интересы низших слоев общества и снять нарастающую социальную напряженность.

В октябре 1847 г. на съезде в Геппенгейме была принята программа либеральной партии. Ее главные пункты предусматривали введение конституции и создание единого союзного государства с единым правительством и парламентом. С этими программами демократическая и либеральная партии вступили в революцию.

2. Революция 1848–1849 гг.

Начало революции и ее особенности в Германии

Революция 1848–1849 гг. носила общеевропейский характер. Революционный взрыв был ускорен двумя экономическими кризисами: аграрным, вызванным неурожаями 1845–1847 гг., и промышлен-

ным — 1847 г. Революции потрясли общественный и политический порядок Европы. Революционная волна прокатилась по большей части континента: Франции, германским и итальянским государствам, многонациональной Австрийской империи. В скандинавских странах, Бельгии, Нидерландах усилилось движение за реформы. В Англии начался новый подъем чартистского движения с его требованием всеобщего избирательного права. Государства, в которых происходили революции, отличались разным уровнем социально-экономического развития, но везде на первый план в них выдвигались три главные задачи: демократизация политической системы; социальные преобразования (в первую очередь решение аграрного вопроса); образование государств по национальному принципу. Последняя задача не была актуальной только для Франции. Уровень решения этих задач зависел от конкретных условий в каждом государстве.

Германская революция имела политическое, социальное и национальное содержание. На борьбу за демократию и социально-экономические изменения наложило отпечаток состояние политической раздробленности. Отсутствие единого политического центра привело к необходимости решать одни и те же проблемы в каждом германском государстве. И в каждом это решение имело свою специфику.

22 февраля началась революция во Франции, в результате которой была свергнута монархия, началось формирование республиканских органов власти. Известия об этом вызвали волнения в Юго-Западной Германии, в первую очередь в Бадене, где была сильная демократическая оппозиция во главе с Геккером и Струве. Вслед за Баденом революционные события начались в Гессене-Дармштадте, Вюртемберге, Баварии, Саксонии, Рейнской провинции Пруссии, распространились на центральные и северные германские государства. Последней из немецких столиц, до которой докатились волны мартовской революции, был Берлин.

Самой распространенной формой оппозиционного движения в начальный период революции были собрания, на которых вырабатывались требования и в виде петиций направлялись властям. Эти требования получили название «мартовских». Первая петиция, послужившая образцом для всех остальных, была составлена в Маннгейме. Она содержала четыре пункта: вооружение народа с правом избрания офицеров; неограниченная свобода печати; суд присяжных; немедленный созыв общегерманского парламента. Последний пункт положил начало формированию национальной программы германской революции. Важно отметить, что с помощью общегер-

манского парламента хотели создать не только германское национальное, но и германское конституционное государство. Маннгеймские требования в качестве основы включались во все петиции, хотя часто дополнялись новыми условиями. Самыми популярными из них были требования создания ответственных министерств, расширения избирательных прав, изменения налоговой системы, широких демократических свобод. В Пруссии одним из самых настоятельных требований оппозиции был созыв Соединенного ландтага.

На смену петиционной кампании скоро пришли более радикальные методы борьбы — демонстрации, которые часто сопровождались столкновением с войсками. Порой дело доходило до боев на баррикадах. Одним из самых драматических эпизодов революции были баррикадные бои в Берлине 18–19 марта 1848 г., в ходе которых погибло до 400 человек и более 1000 было ранено.

Усиливавшийся «революционный натиск» уже в начале — середине марта принес первые результаты. Во всех государствах были сформированы новые правительства; ключевые посты в них заняли либералы. В Пруссии, поскольку в ее старых провинциях преобладала партия консерваторов, правительство возглавил один из лидеров рейнских либералов Кампгаузен. Пост министра финансов занял Ганземан. В Пруссии со 2 апреля начал работу Соединенный ландтаг, который принял ряд важных постановлений: о созыве в Пруссии Учредительного собрания, о введении всеобщего избирательного права при двухстепенных выборах.

Формированием «мартовских правительств» германские монархи подтверждали свою готовность к реформам. Этого оказалось достаточно, чтобы сохранить власть. Только баварскому королю Людвигу I пришлось отречься от престола в пользу наследника. Но причиной для гнева его подданных была не столько неуступчивость короля, сколько компрометировавшая его связь с авантюристкой Лолой Монтес, которая позволяла себе вмешиваться в политику.

К первым результатам революции следует отнести отмену цензуры, расширение избирательного права, формирование гражданской гвардии, введение суда присяжных и провозглашение демократических свобод. Решение об отмене цензуры было принято и на общегерманском уровне 3 марта 1848 г. специальным постановлением Бундестага. Предмартовская система начала разрушаться, но изменение политических структур не носило устойчивого характера.

Главным вопросом в социальной программе революции являлся аграрный. Его содержание определялось поземельными отношениями

в немецкой деревне и положением крестьянства. Процесс превращения крестьян в собственников земли, начало которому было положено в наполеоновскую эпоху, шел с разной степенью интенсивности. В одних германских государствах (например, в Пруссии) выкуп крестьянами повинностей уже принес значительные результаты, в других (например, в Баварии) он фактически еще не начинался. Поэтому для большой группы немецких крестьян вопрос о выкупе и об облегчении его условий был вопросом первостепенной важности. Он был тесно связан с еще одним: условия выкупа, как правило, не освобождали крестьян от несения повинностей, пусть и в сокращенном виде. Кроме того, для Германии той поры было характерно аграрное перенаселение, особенно для юго-западных областей: крестьяне страдали от малоземелья, обремененности долгами, чему способствовали неурожаи в 1845–1847 гг. К середине XIX в. дворянство сохраняло патримониальное право (вотчинную юрисдикцию), различные привилегии и особые права. Крестьянская программа в революции предусматривала ликвидацию сохранившихся от Старого порядка отношений в деревне, превращение крестьян в полноправных собственников земли и создание благоприятных условий для хозяйствования, в том числе путем изменения налоговой политики.

Крестьянское движение являлось важной составной частью революционных сил. Оно отличалось локальностью и автономностью, т. е. было ориентировано почти исключительно на вопросы, связанные с землей. Политические лозунги крестьяне выдвигали и поддерживали слабо, ограничиваясь в основном требованием равных избирательных прав.

Крестьянские выступления начались в первые дни марта 1848 г. в Юго-Западной Германии и в течение месяца распространились по всей территории, включая прусскую Силезию. Первая волна крестьянских выступлений была направлена против ростовщиков, особенно в районах аграрного перенаселения. В Бадене, Вюртемберге, Гессене, Баварии прокатилась волна еврейских погромов. Громили дома ростовщиков, уничтожали документы. Одновременно набирала силу борьба с помещиками. Крестьяне стали отказываться от выполнения повинностей, совершали порубки в лесах, охотились в княжеских заповедниках. Самой распространенной формой борьбы крестьян в Германии стало уничтожение документов, в которых фиксировались крестьянские повинности и платежи. Толпы вооруженных косами, вилами, топорами крестьян нападали на дворянские замки, забирали документы и жгли их под ликующие крики

присутствующих. В некоторых местах сжигали и замки. Более того, крестьяне заставляли дворян отказываться от своих феодальных прав и привилегий. С этой целью составлялись специальные грамоты, в которых подробно перечислялись упраздняемые права. Очень редко в борьбе с крестьянским движением применялись карательные меры — использование войск или ландвера. Чаще правительства шли на уступки или давали обещания. Эти уступки и обещания вместе с ожиданиями, связанными с деятельностью будущего Национального собрания, способствовали спаду крестьянского движения уже в конце марта — апреле 1848 г.

С открытием в мае 1848 г. Национального собрания, заседавшего во Франкфурте-на-Майне (Франкфуртского собрания), аграрный вопрос обрел и другой уровень решения — общегерманский. Но во Франкфуртском собрании он не стал предметом особого внимания депутатов и рассматривался вместе с другими социально-экономическими вопросами в рамках так называемых «Основных прав немецкого народа». В общем постановлении, принятом в октябре 1848 г., говорилось об уничтожении всех видов феодальной зависимости. Но постановление не содержало никаких конкретных указаний о способах и сроках этого уничтожения. Поэтому решение аграрного вопроса в большей степени зависело от правительств отдельных государств. Не доведя до конца решение аграрного вопроса, революция придала ему мощный импульс и создала условия для завершения аграрного переворота в последующее десятилетие.

Особенностью революции 1848–1849 гг. в Европе было активное участие рабочего класса, всех его групп — ремесленных подмастерьев, наемных рабочих мануфактур, формирующегося промышленного пролетариата. К ним примыкала большая и активная социальная группа ремесленников, чье неустойчивое положение в условиях начавшейся промышленной революции подталкивало их к различным формам социального протеста.

Рабочий класс Германии не заявлял о себе как о самостоятельной политической силе (социализм был еще очень слаб), но собственные социальные и экономические интересы выразил в ряде специальных требований: увеличение заработной платы, уменьшение длительности рабочего дня. Эти требования предъявлялись работодателям и на этом же уровне могли быть решены. В Пруссии, на заводах Борзига для квалифицированных рабочих был установлен 10-часовой рабочий день и минимальный уровень заработной платы. На многочисленных рабочих собраниях выдвигались требования всеобщего народного

образования, помощи инвалидам труда и, наконец, очень важное требование, сформулированное явно под влиянием февральской революции во Франции, — создание министерства труда, которое будет решать социальные проблемы, в том числе проблему занятости.

В период революции было создано множество сильных рабочих организаций, но, в отличие от демократических или либеральных, рабочие ферейны (союзы) остались частью внепарламентской оппозиции и их влияние на политические структуры было относительно слабым. В период с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. в Кёльне выходила «Новая Рейнская газета», главным редактором которой был Карл Маркс. Она выступала за революционный путь объединения Германии в форме демократической республики и предлагала программу революционных преобразований. В Национальном собрании рабочий вопрос не был предметом специального обсуждения, хотя левые депутаты предлагали принять меры по улучшению положения рабочих, в том числе создать министерство труда. Однако идея создания министерства труда была отвергнута сразу под тем предлогом, что во Франции признание права на труд имело роковые последствия. Рабочее движение поддерживало выдвинутую радикалами идею демократической республики, и в этом отношении оно оставалось составной частью демократического движения.

Важным политическим вопросом в Германии в годы революции являлся вопрос о форме управления — как отдельных германских государств, так и будущего национального государства. И если на уровне германских государств в спорах по этому вопросу заметную роль играли разные политические партии (например, консерваторы — в Пруссии), то на общегерманском тон задавали либералы и демократы. Поэтому в Национальном собрании вопрос обрел формулу: демократическая республика или конституционная монархия?

Либералы в своих проектах ориентировались в основном на средние слои населения и стремились создать «бесклассовое» буржуазное общество, в которое постепенно путем приобретения образования и собственности будут «врастать» небуржуазные слои. Но до этого «врастания» низшие слои должны быть наделены меньшими по объему политическими правами.

Правовое и национальное государство, к которому стремились либералы революционных лет, представляло собой государство, монархический глава которого рассматривался ими в качестве гаранта буржуазного общественного порядка. С республиканской формой правления либералы связывали опасность социальной революции.

Для демократов республика не ассоциировалась с революционными изменениями в обществе. Во всеобщем избирательном праве они видели гарантию эволюционной модернизации общественного порядка путем принятия решений парламентским большинством. Поэтому умеренные демократы даже предложили такой компромиссный вариант политического устройства Германии, как «демократическая монархия». Они полагали, что в государстве со всеобщим избирательным правом и сильным парламентом «демократический монарх» не будет обладать никакой реальной властью.

Либеральная буржуазия и часть демократов расценили «мартовские решения» как конец революции. Отныне достижение своих целей они связывали с парламентами и реформами. Курс на реформы стал важнейшей чертой германской революции. Она не создала вакуума власти; слабо затронутые изменениями политические структуры Старого порядка, особенно в Австрии и Пруссии, превратились в конечном итоге в «бастионы контрреволюции». Судьба германской революции оказалась тесным образом связана с развитием событий в Пруссии.

Прусское Национальное собрание

Мартовская революция в Пруссии, как и везде в Германии, принесла широкие демократические свободы. Стало выходить большое количество газет разного направления. На основании принятого Соединенным ландтагом избирательного закона в Пруссии были проведены выборы в Учредительное (или прусское Национальное) собрание, которое начало работу 22 мая 1848 г. В него было избрано 68 крестьян, 28 ремесленников, 40 промышленников и торговцев. Самой многочисленной (150 человек) была группа чиновников и юристов; важную группу составляли священники, преимущественно католики (50 человек). В политическом отношении прусское Собрание было более радикальным, чем общегерманское Национальное собрание. В нем, по сути, отсутствовали правые консерваторы; определяющую роль играли либералы, которые делились на две группы: правый центр, который склонялся к компромиссу с консерваторами, и левый, настроенный антифеодально и антиклерикально. Радикальное крыло представляли демократы-республиканцы.

Сразу после тронной речи короля и выборов председателя Собрание занялось работой над текстом конституции. Проект конституции был разработан Ганземаном по образцу бельгийской 1831 г. и предполагал учреждение конституционной монархии, ответст-

венного министерства, двухпалатного парламента. Верхняя палата должна была составляться из лиц, назначаемых королем и избираемых на основании высокого имущественного ценза (более 2,5 тыс. талеров дохода в год). Нижняя избиралась всеобщим голосованием, но в результате двухстепенных выборов. Конституционная комиссия Собрания внесла некоторые изменения в правительственный проект: король потерял право назначать депутатов верхней палаты; абсолютное вето короля заменялось на суспензивное (задерживающее). Отменялась смертная казнь; предусматривался ряд демократических свобод. Текст конституции обсуждался на уровне комиссий и подкомиссий, но часть статей была утверждена и появилась в виде законов: из титула короля были вычеркнуты слова «милостью Божьей», отменена смертная казнь, уничтожены дворянские титулы. Ряд законов касался аграрного вопроса: безвозмездно уничтожались частично сохранившиеся повинности, вытекающие из личной зависимости, уничтожалась вотчинная юрисдикция, отменено помещичье право охоты. Одновременно подтверждалось, что основные повинности подлежат выкупу. Но кое-что изменилось и в этом вопросе: крестьяне могли прибегать к банковским ссудам.

Решение Собрания, расцененные частью юнкерства как крайне радикальные, привели к консолидации правых консерваторов, которые выступали против абсолютизма, но за сословную конституцию (группа «Кройццайтунг»).

Политическая обстановка в Пруссии становилась все напряженнее. С одной стороны — крестьянские волнения, демонстрации, собрания, волнения в городах; деятельность прусского Национального собрания, стремившегося продолжать политику реформ; с другой — растущее стремление к установлению порядка, уничтожению «анархии». Эти настроения особенно сильны были в армии, провинциальном дворянстве и при дворе, где из крупных военных и гражданских чинов сформировался кружок реакционных деятелей во главе с Герлахом.

Растущая напряженность проявлялась в частой смене правительств. На смену правительству Кампгаузена в июне пришло министерство Рудольфа Ауэрсвальда, либеральное по характеру. Его отставка в сентябре 1848 г. означала конец «мартовских министерств». Либералы теряли власть. Большое влияние на развитие событий в Пруссии оказали события в Австрии. К 1 ноября стало известно о поражении восстания в Вене. Это послужило сигналом для наступления контрреволюционных сил, которые уже достаточно консо-

лидировались и в самой Пруссии. 2 ноября 1848 г. было сформировано правительство Бранденбурга. По королевскому указу прусское Собрание переводилось в небольшой провинциальный городок Бранденбург. Решение мотивировалось желанием короля обеспечить Национальному собранию «свободу действий» и защитить его от «давления извне». К Берлину были подтянуты войска, левые газеты закрыты, демократические организации распущены, гражданская гвардия разоружена.

Наступил перелом в развитии революции, но исход борьбы еще не казался ясным. Большинство депутатов прусского Собрания постановило: не подчиняться указу и оставаться в Берлине. В течение нескольких дней депутаты заседали, постоянно меняя помещения, т. к. их изгоняли введенные в город войска. 12 ноября появился указ о введении в Берлине осадного положения. В этой обстановке прусское Национальное собрание приняло решение о «пассивном сопротивлении» — постановление о неуплате налогов. В ответ правительство опубликовало циркуляр к местным властям «принять самые строгие принудительные меры для сбора налогов». На этом этапе в события в Пруссии попыталось вмешаться Франкфуртское национальное собрание (Франкфуртский парламент), приняв постановление, «обязывающее» прусское королевское правительство отменить решение о переводе Собрания в Бранденбург и сформировать правительство, пользующееся поддержкой страны. Постановление было расценено прусским правительством как вмешательство во внутренние дела и отвергнуто. В ответ в Пруссии началось движение в защиту Национального собрания. Происходили митинги в городах; 23 и 24 ноября в Эрфурте произошли вооруженные столкновения между войсками и народом.

27 ноября Собрание должно было начать работу в Бранденбурге, но туда съехались только правые депутаты. Большинство депутатов не явилось в Бранденбург в знак протеста, поэтому отсутствовал кворум. 5 декабря государственный переворот был завершен. В этот день было издано два королевских указа: о роспуске Национального собрания и созыве нового в феврале 1849 г. Одновременно король «даровал» конституцию. 6 декабря был опубликован новый избирательный закон. Отредактированная конституция провозглашала ряд политических свобод, неприкосновенность частной собственности, но возвращала королю титул «милостью Божьей», абсолютное вето, право бесконтрольного распоряжения армией, право объявлять войну. Дворянству были возвращены титулы, восстановлена старая

система налогов. Избирательный закон вносил незначительные изменения в действовавший до того. Поэтому выборы в нижнюю палату снова дали большинство либералам, многие из которых входили в прежнее Собрание.

28 марта Франкфуртский парламент закончил выработку общегерманской конституции, и прусское Собрание одобрило ее. Взявший курс на подавление революции в Германии, прусский король ***Фридрих Вильгельм IV*** (1795–1861) использовал это решение как предлог для нового роспуска Собрания. 28 апреля он издал указ о роспуске нижней палаты, а 30 мая была введена трехклассная избирательная система. Включение избирателей в тот или иной класс зависело от суммы выплачиваемых налогов. К первому классу было отнесено около 150 тыс. наиболее состоятельных налогоплательщиков, ко второму — более 400 тыс. средних, а к третьему — 2650 тыс. избирателей, платящих незначительные налоги или вовсе от них освобожденных. Каждый класс избирал одинаковое число выборщиков, а те, в свою очередь, открытым голосованием выбирали депутатов нижней палаты. Новая конституция и избирательный закон перечеркивали многие наиболее существенные результаты революции.

По мере нарастания контрреволюционных тенденций в Пруссии, она все более решительно брала на себя роль общегерманского жандарма. Шестидесятитысячная прусская армия под командованием кронпринца Вильгельма подавила главные очаги революционного движения в Германии.

Движение за объединение Германии

Важнейшей проблемой революции 1848–1849 гг. в Германии был вопрос об объединении страны. Рождение немецкой нации было длительным процессом. Он был ускорен в начале XIX в. влиянием внешнего фактора — наполеоновскими войнами. После их окончания в Германии усилились партикуляристские настроения: под национальным стали опять понимать государственное, вновь стали говорить о прусской, баденской, гессенской «нациях». Но объективно процесс сближения государств и консолидации нации продолжался. Этому способствовали изменения в экономике, развитие сети коммуникаций, внешние угрозы, синхронные процессы в социальной и политической сферах, развитие политических движений, возникновение организаций, выходивших за рамки отдельных государств. В революции 1848 г. национальное движение сделало серьезную попытку решить самую сложную на тот момент задачу — создать еди-

ное национальное государство. В связи с этим возникла непростая проблема определения границ этого государства.

Кроме того, национальное движение в Германии было сложным по структуре и включало три компонента: немецкое национальное движение за объединение страны; движение солидарности и поддержки борьбы населения Шлезвига и Гольштейна за присоединение к Германии; ненемецкое национальное движение (в первую очередь польское) за освобождение и восстановление государственности. Эти три компонента взаимодействовали друг с другом, дополняя или, наоборот, препятствуя развитию национального движения в Германии.

Первым требованием немецкого национального движения было, как отмечалось, требование созыва общегерманского парламента. Оно было включено в Маннгеймскую петицию и стало затем всеобщим. Первым на это требование среагировал Бундестаг. 29 февраля 1848 г. на экстренном заседании он специальным решением подтвердил свои законные права представлять Германию, но чуть позднее, 10 марта, предложил германским правительствам направить во Франкфурт специальных представителей для работы по пересмотру союзной конституции. Члены будущего общегерманского собрания должны были избираться ландтагами. Так был обозначен первый вариант решения вопроса об объединении страны.

Второй вариант был предложен лидерами либеральной партии. 5 марта 1848 г. по инициативе баденских и вюртембергских либералов в Гейдельберг съехались представители либерального движения из всех германских государств. Собрание выработало манифест к немецкому народу, в котором было высказано сомнение в искренности намерения Бундестага возглавить объединительное движение. Было выдвинуто требование созыва общегерманского национального представительного собрания, призванного решить вопрос об объединении. С целью подготовки и проведения выборов в будущее Национальное собрание было решено создать специальный орган — Предпарламент. В Гейдельберге либералов волновал еще один вопрос: кто должен стать конституционным монархом объединенной Германии? Большинство из них считало, что им должен был стать прусский король, но при условии, что Пруссия сама превратится в конституционное государство. После гейдельбергского совещания в столицы германских государств со специальной миссией отправился Генрих Гагерн (лидер либерального движения в Гессене-Дармштадте). Он пытался добиться от южногерманских

государей согласия на созыв Национального собрания и верховенство прусского короля.

Во время миссии Гагерна сам прусский король Фридрих Вильгельм IV выступил с инициативой созвать в Дрездене конференцию министров германских государств для обсуждения проектов назревшей реформы Германского союза. Таким образом, появился еще один, третий вариант решения национального вопроса.

Во второй половине марта гейльдейбергская инициативная группа разослала отдельным общественным деятелям Германии приглашение принять участие в заседаниях Предпарламента. Большинство из 500 делегатов Предпарламента принадлежало к либеральному движению, но была и небольшая группа демократов во главе со Струве. Если говорить об отдельных государствах, то самой большой была делегация из Пруссии (114 человек), зато от Австрии — только 2 человека.

Предпарламент заседал с 31 марта по 3 апреля 1848 г. во Франкфурте-на-Майне, в здании церкви святого Павла (Паульскирхен). Уже в Предпарламенте обнаружились существенные разногласия между либералами и демократами по принципиальным вопросам. Один из лидеров либерального крыла — Гагерн считал, что конституция, которую предстояло выработать будущему Национальному собранию, должна обеспечить основные права и свободы, народный суверенитет, но при одновременном сохранении монархии в качестве формы правления. «Свобода, суверенитет народа и монархия» — так сформулировал он программу будущей конституции. Программу демократов обосновал Струве: свержение монархии, установление федеративной республики по образцу Соединенных Штатов Америки, уничтожение всех прежних государственных институтов. Это была программа радикализации революции, а либералы решительно выступали против дальнейшего нарастания напряженности в стране. Настало время реформ, говорили они, а реформы следует проводить в согласии с существующими правовыми положениями и с помощью разумных компромиссов с властями.

Предпарламент принял решение провести выборы не только на всей территории Германского союза, но и в Восточной Пруссии и Шлезвиге. Был отменен имущественный ценз, определен порядок представительства: один депутат от 50 тыс. населения, но вопрос о том, какие выборы проводить — прямые или двухстепенные, — передавался на усмотрение правительств государств. До созыва Национального собрания право защищать интересы немецкого народа

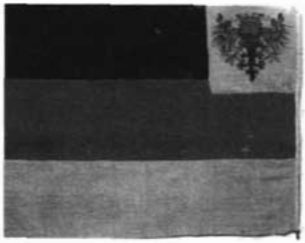
и управлять всеми делами Германского союза признавалось за Бундестагом.

Не добившись от Предпарламента поддержки республиканских требований, демократы в середине апреля 1848 г. предприняли попытку поднять восстание на юге Бадена, в Озерном крае и Шварцвальде, направленное на установление республики в Бадене. Восстание было плохо организовано, но главное — не поддержано населением, которое связывало свои надежды с будущим Национальным собранием. Неудача апрельского восстания показала, что применение революционных методов не вызвало заметной поддержки населения, т. к. возможность реформ еще не была исчерпана.

Избирательная кампания проходила с середины апреля до середины мая 1848 г. в условиях острых социальных противоречий и конфликтов в германских государствах. Несмотря на наличие условий, выравнивавших избирательное право и порядок выборов в отдельных государствах, последние существенно различались. В ряде германских государств значительные группы населения лишались права голоса под предлогом их несоответствия принципу «самостоятельности»: лица, получающие пособия по бедности, прислуга, а в ряде мест и рабочие. Кроме того, во время выборов применялось правило: каждый избиратель должен осуществлять свои избирательные права не по месту жительства, а по месту рождения. Это правило ограничивало участие в выборах тех, кто в поисках работы вынужден был часто менять место жительства. Однако, несмотря на ограничения, которые касались прежде всего низших слоев населения, выборы в Национальное собрание оставляли значительные возможности для демократического волеизъявления.

Начало работы общегерманского собрания

18 мая 1848 г. под звон колоколов и гром артиллерийского салюта Национальное собрание начало свою работу. Местом заседания Национального собрания вновь был выбран Франкфурт-на-Майне и та же Паульскирхе. Две трети из 600 депутатских мест были предоставлены Пруссии и Австрии, и только одна треть — всем другим германским государствам. Социальный состав Собрания не отражал состава населения германских земель. В стране с преимущественно аграрным (70 %) населением был избран парламент, большинство в котором составляли чиновники, юристы, журналисты, врачи, представители академических профессий. В первый германский парламент вошли 49 профессоров, сыгравших в его работе



Флаг немецкой республики. 1848 г.

столь заметную роль, что Национальное собрание стали называть «профессорским парламентом». В целом результаты выборов отражали политическое доминирование «буржуазии образования», которая в годы революции выступала как представительница немецкого национального движения.

Среди депутатов не было двух крайних течений: правых консерваторов и социалистов. На правом фланге Национального собрания находились умеренные консерваторы. Они выступали за сохранение существующих порядков и за политику соглашений с правительствами. На левом фланге собрания находилась довольно многочисленная (до 150 человек) группа демократов, которая не представляла единого целого и делилась на «умеренных» и «радикалов». Группу «умеренных» демократов возглавлял Роберт Блюм. Эта группа выступала за народный суверенитет, за федеративную республику, против политики соглашений с правительствами. Но одновременно умеренные демократы признавали принцип законности, поэтому допускали возможность сохранения монархий в отдельных государствах. Группа радикальных демократов во главе с участником баденского восстания Геккером считала необходимым продолжение революции и поэтому никаких компромиссов не допускала.

Центр собрания составляли либералы. Их фракции выступали за единство и свободу против реакции, за порядок против анархии. Самой сильной среди них была фракция «правого центра», которую возглавлял Гагерн. Во фракцию входили такие известные деятели либерального движения, как Ф. К. Дальман, Ф. Бассерман. Правые (или умеренные) либералы выступали за разрушение Старого порядка, но полагали, что проведение реформ должно быть согласовано с правительствами. В случае осложнений в отношениях Собрания с последними, «правый центр» был готов пойти на уступки. Внутри этой фракции большинство принадлежало малогерманцам, т. е. сторонникам объединения Германии во главе с конституционной Пруссией. Но в этой же фракции находился австрийский депутат, лидер проавстрийской (великогерманской) партии Антон Шмерлинг. Менее представительная группа левых либералов более решительно выступала за парламентский суверенитет. Границы

между фракциями были условными и могли смещаться в ту или другую сторону в зависимости от обсуждаемых вопросов и ситуации в стране. Председателем собрания был избран представитель правых либералов Гагерн, который определил его главную задачу — создать конституцию для единой Германии. Из этой основной вытекал ряд сопутствующих задач: определить будущее государственное устройство Германии, выступить в качестве верховной власти, т. е. распустить Бундестаг, избрать союзное правительство, определить государственные границы объединенной Германии. По каждому из вопросов вспыхивала острая борьба; под ее влиянием вносились коррективы в проекты национально-государственного строительства.

Первоочередной задачей Франкфуртского собрания было создание единого для всей Германии временного центрального правительства и решение вопроса об имперском правителе. Развернулись острые прения, в ходе которых обозначилось несколько подходов к решению вопроса. Группа правых либералов во главе с Гагерном предложила компромиссный вариант, за который и проголосовало Национальное собрание: имперский правитель и временное правительство избирались Собранием, но не были ответственны перед ним. Самой приемлемой для большинства депутатов кандидатурой на пост главы государства оказался австрийский эрцгерцог Иоганн. Эрцгерцог принял предложенный ему пост, оговорив при этом, что его избрание должно быть санкционировано Бундестагом и всеми германскими монархами. 12 июля Бундестаг признал полномочия Иоганна. Тем самым устанавливалась преемственность старых и новых органов власти в Германии. В помощь эрцгерцогу было сформировано правительство, первым главой которого стал Шмерлинг. Уже в июле, при обсуждении вопроса об армии, были ясно очерчены границы власти нового правительства: Австрия и Пруссия отказались передать управление своими войсками имперскому правителю. Таким образом, самые значительные государства сохранили собственное командование над войсками, что позволило антиреволюционным силам использовать армию в своих интересах.

В июле 1848 г. в Паульскирхе началось обсуждение польского вопроса. Это был первый вопрос в рамках очень болезненной для Национального собрания проблемы границ объединенной Германии. В марте 1848 г. в принадлежавшей Пруссии Познани активизировалось национальное движение, которое выдвинуло две программы: автономии и независимости. Но и умеренные, и радикальные лидеры

освободительного движения не хотели включения Познани в состав объединенной Германии. Парижский комитет польской эмиграции передал во Франкфуртский парламент меморандум, в котором выражалась надежда, что Национальное собрание в своих решениях по польскому вопросу будет исходить из принципа восстановления независимой Польши, поэтому откажется включать польские земли, находящиеся под властью Австрии и Пруссии, в состав Германии. Однако Франкфуртское собрание исходило, как выразился один из депутатов, из интересов «здорового национального эгоизма». Поэтому вопрос был сформулирован следующим образом: должна ли войти в объединенную Германию вся провинция Познань или только ее часть, населенная немцами. Большинство депутатов высказались за второй вариант, но поддержали подавление Пруссией польского национально-освободительного движения. Национальное собрание вменило в обязанности прусскому правительству «обеспечить защиту немцев, живущих в Познани».

Проблема Шлезвиг-Гольштейна

С июня 1848 г. Национальное собрание должно было решать сложную проблему, доставшуюся ему по наследству от Бундестага — проблему Шлезвиг-Гольштейна. Оба герцогства были связаны личной унией с датской короной, но при этом Гольштейн входил в Германский союз, а Шлезвиг — нет. Если Гольштейн был заселен преимущественно немцами, то в Шлезвиге ситуация была сложнее: на севере большинство составляли датчане, на юге — немцы, и права на весь Шлезвиг предъявляло как датское национальное движение, так и немецкое. Простое отделение герцогств друг от друга противоречило условиям международного договора 1460 г. (Рипенского), в котором были зафиксированы и права датского короля.

В предмартовский период немецкое национальное движение в Шлезвиге и Гольштейне требовало собственной общей конституции и независимого от Копенгагена правительства, чтобы таким образом обеспечить герцогствам самостоятельность. Но в то же время датское национальное движение выдвинуло требование включить весь Шлезвиг в датское государство. То, что в Шлезвиге и Гольштейне существовало разное право наследования престола, делало проблему еще более запутанной. В конечном итоге в шлезвиг-гольштейнском вопросе в непримиримое противоречие пришли староевропейское династическое право и процессы национально-государственного строительства.

После того как новый датский король в начале 1848 г. заявил о желании присоединить Шлезвиг к Дании, в герцогствах поднялась волна протеста. В Киле было сформировано временное правительство для обоих герцогств; оно обратилось в Бундестаг с просьбой присоединить Шлезвиг к Германскому союзу. Жители Шлезвига приняли участие в выборах в Национальное собрание. По просьбе кильского правительства Бундестаг принял решение о вооруженном выступлении против Дании. От имени Германского союза войну с Данией начала Пруссия. Национальное собрание 9 июня подтвердило решение Бундестага. В специальном постановлении было заявлено, что война за Шлезвиг и Гольштейн является «делом всей немецкой нации».

Война с Данией развивалась успешно для Пруссии и была чрезвычайно популярна в Германии. Но датско-германский конфликт, экспансия рождающегося немецкого национального государства за границы Германского союза создавали угрозу Венской системе международных отношений и не могли не вызвать реакцию великих держав. Под давлением Англии и России Пруссия отступила. 26 августа она заключила в Мальмё перемирие с Данией, которое предусматривало освобождение герцогства от германских войск, ликвидацию временного правительства в Киле, отмену всех его решений. Пруссия заключила это перемирие в одностороннем порядке, без согласования с Паульскирхе и правительством. Тем самым Пруссия нарушила закон, по которому вопросы войны и мира и договоров с иностранными государствами должно было решать центральное правительство по соглашению с Национальным собранием. Таким образом, Национальному собранию и правительству был продемонстрирован действительный объем их власти.

Перемирие в Мальмё вызвало в стране острый политический, так называемый «сентябрьский» кризис. В общественном мнении поднялась буря возмущения «предательством» Пруссии. В самом Национальном собрании по вопросу о перемирии развернулись бурные прения. Угроза европейской войны и разрыва с Пруссией пугала многих депутатов. В конечном итоге 16 сентября 1848 г. большинством в 21 голос перемирие было ратифицировано.

При первых сообщениях о результатах голосования начались массовые собрания в ряде городов, в том числе во Франкфурте. Для защиты депутатов в город были введены прусские, австрийские и гессенские войска. 18 сентября стычки с солдатами переросли в уличные бои, но в тот же день франкфуртское восстание было подавлено. Однако оно нашло живой отклик в Юго-Западной Гер-

мании, например, в Бадене, где была предпринята новая попытка республиканского восстания. Сентябрьский кризис сопровождался сменой центрального правительства.

Проблема Австрии

Вопрос о границах будущей единой Германии включал в себя еще одну чрезвычайно сложную проблему — проблему Австрии. Большинство депутатов Паульскирхе занимало великогерманскую позицию: Австрия должна была войти в состав Германской империи. Но среди великогерманцев не было единства по вопросу, с какими территориями она войдет. Существовало два проекта. Первый предполагал включение только тех австрийских областей, которые входили в Германский союз («проект семидесяти»). Но это означало, что территория Австрии будет разделена на две части — имперскую и неимперскую, одна из которых будет иметь имперские органы власти, законодательство, суд, армию и т. д., а вторая свободна от этого. В результате, даже при формальном сохранении государственного единства, Австрия превратится в скрепленный личной унией союз.

Второй проект предусматривал включение всех территорий Австрии в состав Германской империи. В результате должно было образоваться центральноевропейское государство с 70 млн жителей. Но такое государство, как считали авторы проекта, не могло быть ничем иным, как только союзом государств. Речь, по сути, шла об изменении границ Германского союза при его сохранении. Но эта идея была неприемлема как для немецкого политического общества — она перечеркивала его надежду на национальное единство, так и для остальных народов — в будущем государстве они составляли бы меньшинство. 27 октября Национальное собрание проголосовало за «проект семидесяти». Голосование поставило Австрию перед альтернативой: или войти в Германскую империю ценой государственного единства, или сохранить государственное единство ценой исключения из империи. Победа контрреволюции в Австрии осенью 1848 г. усилила решимость австрийского правительства отклонить франкфуртский план. 27 ноября Феликс Шварценберг от имени австрийского правительства сделал заявление, которое явилось поворотным пунктом в конституционном развитии революционного периода. Смысл заявления состоял в следующем: Австрия останется единым государством, она по-прежнему будет частью германского мира, но одновременно — и частью Европы. Не следует торопить естественный ход событий. В перспективе предусматривалось созда-

ние Двойного союза *(Doppelbund)* — из «обновленной Германии и обновленной Австрии». Но этот союз должен быть оформлен в виде межгосударственного соглашения.

Принятие Имперской конституции

После этого заявления австрийского правительства в Паульскирхе активизировались малогерманцы — сторонники объединения страны без Австрии. У них появилась возможность, оставаясь в рамках программы Шварценберга, сосредоточиться над выработкой текста конституции единой Германии и исключить решение вопроса по Австрии. После нескольких месяцев обсуждения 28 марта 1849 г., Национальное собрание приняло текст Имперской конституции. На ее структуру и содержание преобладающее влияние оказала Конституция США. Главное внимание в конституции было уделено институтам имперской власти (император, рейхстаг, имперский суд). Имперской власти передавались внешняя политика, в том числе решение вопросов о войне и мире, законодательство по военным вопросам, таможенная политика, денежная система. Император воплощал монархический компонент конституции. Рейхстаг состоял из двух палат: верхней палаты государств *(Staatenhaus)* и нижней палаты народов *(Volkshaus)*. Нижняя палата избиралась на три года всеобщим тайным и прямым голосованием; таким образом, проявлял себя демократически-унитарный принцип. Верхняя палата состояла из представителей германских государств, наполовину назначавшихся правительствами, наполовину избиравшихся ландтагами. Верхняя палата воплощала федеративный принцип. Императором Германии Национальное собрание избрало прусского короля. Фридрих Вильгельм IV заявил, что готов встать во главе общего германского отечества, но принять имперскую корону может только при условии согласия на это остальных германских монархов. Принять корону от собрания, «выросшего на почве революции», прусский король не хотел.

В апреле в Германии началась кампания за имперскую конституцию. Ландтаги всех государств потребовали от своих монархов и правительств утверждения имперской конституции. Публиковались соответствующие статьи в газетах, составлялись резолюции и адреса многочисленными либеральными и демократическими организациями, съездами. В поддержку конституции высказались городские муниципалитеты. Эта общая кампания принесла результаты в мелких и средних государствах — 29 из них признали конституцию.

Но самые крупные — и это имело решающее значение — выступили против. 15 апреля имперскую конституцию отклонила Австрия, 25 апреля — ганноверский король, который в ответ на требование признать конституцию распустил ландтаг, 28 апреля такая же участь постигла саксонский ландтаг. Против введения конституции выступил и король Баварии. Наконец, в самой Пруссии была распущена нижняя палата ландтага, и 28 апреля Фридрих Вильгельм IV опубликовал ноту, обращенную к Франкфуртскому собранию и ко всем германским правительствам, в которой заявил о своем окончательном отклонении имперской конституции и об отказе от предложенной ему имперской короны. Пошатнулись надежды на малогерманское решение национальной проблемы. Характерный для германской революции курс на осторожное переформирование имеющихся структур в конечном итоге натолкнулся на эти самые структуры.

После некоторого замешательства, вызванного отказом прусского короля, Национальное собрание предприняло решительные шаги. 4 мая оно приняло постановление, в котором призывало правительства, ландтаги и весь германский народ признать конституцию и назначало на 15 июля 1849 г. выборы в нижнюю палату рейхстага, а на 22 августа — созыв самого рейхстага во Франкфурте-на-Майне. Рейхстагу предоставлялось право избрать императором государя самого крупного из присоединившихся к имперской конституции государства.

В стране началось движение в поддержку конституции. В Саксонии, Рейнской Пруссии, Баварском Пфальце и Бадене оно вылилось в восстания, возглавляемые демократами. Движение началось в Саксонии и его удалось подавить только с помощью подоспевших прусских войск. 9 мая пали последние баррикады в Дрездене. Центром волнений в Рейнской Пруссии стали города на правом берегу Рейна: Эльберфельд, Золинген, Эссен, Дортмунд, Дюссельдорф. В середине мая начались восстания в Юго-Западной Германии. Особенно грозные масштабы оно приобрело в Бадене. И сюда на подавление демократического движения были направлены прусские войска под командованием принца Вильгельма. К середине мая они заняли главный город Пфальца, Кайзерслаутерн, затем, переправившись через Рейн, вторглись в Баден. Вскоре прусская армия захватила Карлсруэ и Фрейбург. 23 июля пал Раштадт — последний оплот движения.

30 мая Национальное собрание перенесло свои заседания в Штутгарт, рассчитывая на лояльность правительства Вюртемберга. Но, как оказалось, напрасно. 18 июня вюртембергское правительство с помо-

щью своих войск разогнало Франкфуртский парламент. Около сотни депутатов перебралось в восставший Баден, в Фрейбург. После взятия Фрейбурга прусскими войсками Национальное собрание окончательно прекратило свое существование. Революция закончилась.

3. Австро-прусская борьба за объединение Германии (1850–1870 гг.)

Реставрация и австро-прусская борьба за гегемонию

Поражение революции 1848–1849 гг. означало политическое поражение германского демократизма. В истории Германии наступил десятилетний период, характерными чертами которого были бурное экономическое развитие, с одной стороны, и политическая реакция — с другой. В начале 1850-х гг. происходил пересмотр или отмена конституций и законов, принятых в годы революции, хотя в разных государствах это имело различные последствия.

В Баварии правительство Пфордтена (1850–1859) проводило политику умеренно-либерального конституционализма в духе дореволюционного периода. В Вюртемберге король распустил ландтаг, в котором преобладали демократы; в одностороннем порядке отменил принятый в период революции избирательный закон и восстановил конституцию 1819 г. Результатом новых выборов в ландтаг стало прочное либеральное большинство. Аналогичные меры были осуществлены королем Саксонии, который, игнорируя избирательный закон 1848 г., восстановил конституцию 1831 г. и сословный ландтаг. Длительная и напряженная борьба вокруг конституции развернулась в Кургессене. В итоге в 1852 г. была принята новая конституция, которая существенно отличалась от конституции 1831 г.: она создавала двухпалатный ландтаг, увеличивала избирательный ценз, лишала ландтаг законодательной инициативы.

В 1850 г. в Пруссии была пересмотрена конституция, октроированная[1] 5 декабря 1848 г. Новая конституция сохраняла ряд де-

[1] Октроированная (от франц. *octroyer* — «жаловать, даровать») конституция — издаваемая главой государства без участия представительных органов.

мократических прав и свобод, но в то же время включила новый трехклассный избирательный закон. Однако главные изменения касались перераспределения власти. Ландтаг остался двухпалатным, но часть депутатов верхней палаты вновь стала назначаться королем. За ландтагом сохранялось право законодательной инициативы, а за королем — право абсолютного вето. Король обладал всеми прерогативами исполнительной власти. Во вводной части конституции прусский король назывался королем «милостью Божьей». В 1850-е гг. было принято 9 законов об изменении конституции, в которых она интерпретировалась в консервативно-этатистском духе.

После восстановления Бундестага в мае 1851 г. ликвидация законодательства революционной эпохи стало осуществляться и на общегерманском уровне. В 1851–1854 гг. был принят ряд законов, отменяющих введенные Франкфуртским собранием статьи общегерманской конституции. Правительства государств, в которых эти статьи были признаны специальными законами, обязаны были отменить их как противоречащие «законам и целям Германского союза». Закон о печати 1854 г. возрождал дореволюционный цензурный режим, обязательность получения разрешений для каждого печатного издания. Закон о союзах, принятый в том же году, разрешал деятельность таким объединениям, чьи цели «соответствуют союзному и местному законодательству».

Реакционные тенденции в политической сфере германских государств в 50-е гг. XIX в., значительный возврат к дореволюционным позициям, приход к власти реакционных правительств и расцвет консервативных партий, восстановление Германского союза и Бундестага позволяют охарактеризовать послереволюционное десятилетие как новый период Реставрации. Однако в эти годы правительства не отказались от проведения социальных реформ. В Пруссии, например, в 1850 г. была проведена аграрная реформа. Она устанавливала размеры выкупа повинностей на уровне 18-кратной стоимости годичных платежей, вводила рассрочку и создавала специальные рентные банки, которые служили посредниками между юнкерством и крестьянами при проведении выкупных операций. Темпы выкупа повинностей резко возросли. Полученные через банки суммы помещики могли использовать для модернизации своих хозяйств, что и обеспечило превращение большинства из них в современные капиталистические хозяйства.

Наступившая эпоха характеризовалась быстрыми темпами экономического развития. Промышленная революция в Германии

вступила в решающую фазу. За 1850-е гг. объем промышленной продукции увеличился более чем в 2 раза. Основу роста промышленного производства в 1850–60-е гг. составляла тяжелая промышленность. Быстро росла железнодорожная сеть: за 10 лет, с 1850 по 1860 г., она удвоилась. Увеличивалось количество паровых двигателей (за период 1846–1861 гг. — в 6 раз). Развивались новые отрасли: электротехническая, оптическая и, особенно успешно, химическая. В немалой степени высокие темпы индустриализации объяснялись наличием Таможенного союза, чьи границы продолжали расширяться и к концу 1850-х гг. охватили фактически все германские государства, кроме Австрии. Темпы роста товарооборота внутри Союза были выше, чем в мире.

Характерной чертой послереволюционного десятилетия стала нарастающая жесткая борьба между Австрией и Пруссией за первенство в Германии. Первый шаг сделала Пруссия. Еще в апреле 1849 г. прусский король, отказавшись принять имперскую корону из рук «революционного» Национального собрания, предложил свой план объединения Германии. За основу брался проект конституции, выработанный Паульскирхе, но в него были внесены изменения в сторону большего федерализма и усиления властных полномочий монархов германских государств. По выражению Фридриха Вильгельма IV, он готов был встать во главе такого германского союзного государства, в которое отдельные государства «войдут добровольно».

В мае 1849 г. в Берлине была созвана конференция по обсуждению прусского плана. В ней приняли участие все германские королевства: Пруссия, Бавария, Саксония, Ганновер и Вюртемберг. В конечном итоге Пруссию поддержали Саксония и Ганновер: 26 мая была заключена «Уния трех королей», а через два дня принят текст предварительной конституции будущего Союза. Он предусматривал создание союза государств, состоящего из двух равноправных частей (*Doppelbund*): Австрии со всеми ее землями (в том числе ненемецкими), и Германской империи, в которую войдут все германские государства, кроме Австрии. В общесоюзном органе Австрия и Германия должны были иметь по два голоса. Будущая Германская империя в проекте конституции имела и другое название — «Узкий союз», ядром которого и являлась «Уния трех королей». Однако Саксония и Ганновер вошли в «Унию» с одним условием: к ней должны присоединиться остальные государства старого Германского союза (наличие этого условия позволило им покинуть Союз в октябре 1849 г.). Соответствующие приглашения и проект конституции были

направлены Берлином правительствам всех германских государств. Таким образом, Пруссия с мая 1849 г. прилагала усилия по формированию «Узкого союза» и достигла определенных успехов. Несмотря на выход из «Унии» Саксонии и Ганновера, к концу 1849 г. к ней присоединилось 26 государств. Местом пребывания союзных органов власти был выбран Эрфурт, а «Узкий союз» получил еще одно название — Эрфуртского.

Австрия изначально отрицательно относилась к планам и тем более конкретным шагам Пруссии по объединению Германии. Целью Габсбургской монархии стало восстановление Германского союза и Бундестага, в котором она доминировала. Однако накал революционной и национально-освободительной борьбы в Австрии был столь высок, что некоторое время не позволял правительству активно противодействовать Пруссии, но определенные усилия по восстановлению дореволюционного *status quo* предпринимались.

Все более настойчиво австрийские официальные лица заявляли, что революция не ликвидировала Германский союз, поэтому Союзный акт 1815 г. сохраняет силу; Пруссия же своей объединительной политикой его нарушает. Кроме того, Австрия усилила дипломатическое давление на германские государства, особенно на участников «Унии». В начале 1850 г. Австрия инициировала создание «Союза четырех королевств», в который вошли Бавария, Саксония, Ганновер и Вюртемберг (Мюнхенское соглашение). Новый союз декларировал стремление к германскому единству, но по австрийскому плану: будущая Германия должна была стать «империей 70 миллионов», т. е. включить всю территорию Австрии.

В мае и сентябре 1850 г. Австрия созывала конференции представителей германских государств, на которых принимались решения о восстановлении Германского союза. Пруссия и ряд мелких государств в них участия не принимали.

Противоречия между Австрией и Пруссией обострились и в связи с конституционным конфликтом в Кургессене. Оба государства отстаивали право послать туда свои войска для наведения порядка. Австрия заключила военный союз с Вюртембергом, Баварией и Саксонией на случай войны с Пруссией и обратилась за поддержкой к российскому императору. Угроза войны и определенное давление со стороны России вынудили Пруссию 29 ноября 1850 г. на переговорах в Ольмюце подписать «Ольмюцские пункты», по которым Пруссия признавала право Австрии ввести войска в Кургессен, а также факт восстановления Германского союза и Бундестага. Эрфуртский

союз прекращал свое существование. В первом открытом конфликте с Австрией Пруссия отступила.

В декабре 1850 г. в Дрездене открылась конференция представителей всех германских государств, созванная для обсуждения вопроса о восстановлении и реформе Германского союза. Австрия стремилась закрепить ольмюцский успех и окончательно утвердить свою гегемонию в Германии. Предложенный Австрией проект реформы предусматривал, во-первых, включение в состав Германского союза всех территорий Австрии, во-вторых, создание Бундестага из представителей 8 государств и лишение мелких государств права голоса, что должно было привести к изоляции Пруссии. В этой ситуации Пруссия, хотя и ослабленная «ольмюцским унижением», сумела настоять на меньшем из зол — восстановлении Германского союза в прежнем виде, в соответствии с решениями Венского конгресса. Позиция Пруссии была поддержана европейскими государствами, которые не желали чрезмерного усиления Австрии.

Еще одной зоной конфликта между Австрией и Пруссией стал Таможенный союз. Австрия в лице министра торговли Карла Людвига Брука сделала попытку заменить Таможенный союз более широким таможенным объединением, в котором Пруссия не могла бы занимать руководящего положения. Австрия пыталась или войти в Таможенный союз, или создавать собственные таможенные объединения. На той же Дрезденской конференции Австрия подняла вопрос о создании «Таможенного объединения» *(Zollunion)* с собственным участием. Но Пруссия прочно блокировала его. Таким образом, если по политическим вопросам Пруссия не добилась триумфа, то по торгово-экономическим не добилась его и Австрия. В условиях противоборства двух центров более уверенно чувствовала себя «третья» Германия. Представители средних германских государств выдвигали собственные проекты реформы Германского союза, осуществление которых упрочило бы их позиции.

В 1850-е гг., в период политической Реставрации, бурного экономического развития и острого соперничества Пруссии и Австрии, национальное движение фактически исчезло. Его слабый импульс исходил только от небольшой группы интеллектуалов-публицистов.

Объединение Германии

После поражения революции в Германии вопрос об объединении страны перешел на уровень межгосударственных отношений внутри Германского союза. Австрия продолжала стро-

Вильгельм I

ить планы создания «империи 70 миллионов», что противоречило сформулированному Гердером принципу: «Один народ — одно государство». В «третьей» Германии были сильны партикуляристские настроения и в силу этого она не могла сыграть роль объединителя страны. И только Пруссия была не просто носительницей идеи национального государства, но и обладала достаточной силой, чтобы эту идею осуществить.

Борьба государств происходила на фоне фактически отсутствовавшего национального движения, но в конце 1850-х гг. ситуация начала изменяться. Первым толчком к оживлению национального движения, ядром которого были либералы, стали политические изменения в Пруссии. В 1858 г., в связи с тяжелым психическим заболеванием Фридриха Вильгельма IV, ландтаг утвердил в качестве регента его брата — принца Вильгельма, будущего прусского короля и германского императора ***Вильгельма I***. Вильгельм, который принял самое непосредственное участие в подавлении революции 1848–1849 гг. в Германии, в последующие годы изменил свои взгляды: стал сторонником конституционной идеи. Вступив на престол, Вильгельм сформировал либеральный кабинет, что было расценено в Германии как начало «новой эры» в Пруссии. Доверие немецких либералов к Пруссии стало восстанавливаться.

В 1859 г. началась австро-франко-итальянская война, которая вызвала оживленную реакцию в Германии, во-первых, потому, что войну вел один из членов Германского союза, а во-вторых, стали известны французские притязания на земли по левому берегу Рейна. Во время войны Австрия была разбита и стало ясно, что она не в состоянии защитить западную границу от французов. Гарантировать западную границу могла только Пруссия. Усилились национальные настроения в либеральном движении. В июле 1859 г. две группы либералов — в Эйзенахе и Ганновере — на своих конгрессах высказались за реформу Германского союза, которую должна была осущес-

твить Пруссия. «Интересы Австрии не являются чисто немецкими и никогда таковыми не станут... Наши надежды мы возлагаем на Пруссию», — говорилось в заключительном документе ганноверского конгресса. В сентябре 1859 г. во Франкфурте-на-Майне состоялся учредительный съезд Немецкого национального союза. Его целью провозглашалось объединение и свободное развитие «великой общей родины». Национальный союз стремился, прежде всего, к созданию сильного центрального правительства и только потом, по его мнению, следовало решать вопрос о национальном парламенте. Этим смещением акцентов Национальный союз проводил новую разделительную черту по линии «великогерманцы — малогерманцы». Национальный союз состоял в основном из либералов, но в нем были и демократы. По социальному составу это был союз буржуазии и отчасти юнкерства; высокий ежегодный взнос закрывал доступ в него представителям низших слоев. Почти все члены Союза представляли Германию к северу от линии Майна. Национальный союз имел многочисленную прессу и представлял собой наиболее влиятельную организацию германской буржуазии в середине XIX в. Однако начавшийся в Пруссии в 1860 г. конституционный конфликт обострил отношения Пруссии с Национальным союзом.

Растущая напряженность в отношениях между Национальным союзом и Пруссией, начавшаяся либерализация в Австрии (в 1861 г. там была принята конституция) и упорные притязания Австрии на руководство в Германии активизировали великогерманское движение. В октябре 1862 г. во Франкфурте-на-Майне состоялся съезд проавстрийски настроенных деятелей, которые создали Немецкий союз реформ. Состав Союза реформ был очень пестрым: в него входили либералы-великогерманцы, консерваторы, католики. Центральной идеей организации была реформа Германского союза в интересах «третьей» Германии. Предполагалось установление равновесия между Австрией, Пруссией и остальной Германией. Великогерманским этот план был в том смысле, что сохранял Австрию в составе Германии как противовес Пруссии. Союз реформ также предусматривал модернизацию властных структур, но в более слабой форме. Центральная власть должна была передаваться Директории, сформированной из представителей 8 государств. Союз реформ, в отличие от Национального союза, был сравнительно слабым образованием, и его влияние было заметно только в Ганновере, Баварии и Вюртемберге.

В начале 1860-х гг. в Пруссии произошли события, повлиявшие на ход германской истории. Важной задачей правительство «новой эры»

считало усиление Пруссии и с этой целью разработало проект военной реформы, предусматривавший значительное увеличение армии и расходов на нее. Либеральный ландтаг, с подозрением относившийся к прусской армии, в которой господствовали юнкеры, отклонил этот проект. Король распустил нижнюю палату ландтага, но выборы снова дали большинство либералам. Более того, в 1861 г. в Пруссии возникла леволиберальная Партия прогрессистов, целью которой в тот момент была борьба с правительством. Конфликт продолжал обостряться. Ландтаг вел борьбу против предлагаемого правительством бюджета военного министерства, стремясь добиться некоторых реформ. Король не шел ни на какие уступки, полагая, что ландтаг не может препятствовать ему — главе исполнительной власти и главнокомандующему — в решении вопросов, связанных с армией.

В этот момент, когда казалось, что ситуация окончательно зашла в тупик, на пост министра-президента (премьер-министра) был назначен ***Отто фон Бисмарк*** (1815–1898), который был опытным политическим деятелем. Свою карьеру он начал в 1847 г. депутатом в Соединенном прусском ландтаге и уже тогда создал себе репутацию человека, обладавшего сильным, волевым характером и умевшего правильно оценить силы противника. С 1851 г. Бисмарк представлял интересы Пруссии в Бундестаге, а в 1859–1862 гг. был послом: сначала — в России, затем — во Франции. Назначение его на пост главы правительства произошло после того, как Бисмарк на аудиенции у прусского короля 22 сентября 1862 г. выразил готовность управлять в случае необходимости без утвержденного ландтагом бюджета. Выступая перед депутатами, Бисмарк заявил, что вынужден вести государственный бюджет «без предусмотренных конституцией оснований». Режим «безбюджетного» правления стал фактом и продолжался до сентября 1866 г., когда после успешной войны против Австрии правительство провело через ландтаг закон, освобож-

Отто фон Бисмарк

дающий его от ответственности за расходование 154 млн талеров без согласия ландтага в 1862–1865 гг.

Придя к власти, Бисмарк оказался тем политиком, который сумел верно оценить внутри- и внешнеполитическую ситуацию и сначала выработать, а затем осуществить программу объединения страны. Он был убежденным сторонником силовых методов решения национальной проблемы. По его выражению, великие вопросы времени должны решаться «железом и кровью». Бисмарк понимал, что объединение Германии и неизбежные при этом конфликты затрагивают интересы многих европейских государств, вмешательство которых может сорвать процесс консолидации. Поэтому для него как государственного деятеля характерна тщательная дипломатическая подготовка каждого шага. Главное препятствие в создании национального государства Бисмарк видел в Австрии, но открытую борьбу с этим государством Бисмарку помешало начать новое обострение шлезвиг-гольштейнского вопроса.

В ноябре 1863 г. Дания аннексировала Шлезвиг, что явилось прямым вызовом германским государствам. Волна патриотического возмущения прокатилась по Германии и стерла все партийные различия, в том числе между Национальным союзом и Союзом реформ. В Шлезвиге и Гольштейне вспыхнуло восстание.

Бисмарк решил воспользоваться сложившейся ситуацией. Международная обстановка в этот период складывалась благоприятно для Пруссии. Англия, Франция и Россия по разным причинам отказались поддержать Данию в ее «оборонительной» политике. В конфликте с Данией германские государства действовали согласованно; Австрия и Пруссия в феврале 1864 г. начали военные действия. Датская армия под напором превосходивших ее сил пруссаков и австрийцев отступала, неся большие потери. К тому же Дания находилась в дипломатической изоляции, поэтому правительство запросило мира и 30 октября 1864 г. мирный договор был подписан. Согласно его условиям, датский король отказывался от Шлезвига и Гольштейна в пользу Пруссии и Австрии. Вслед за этим начались длительные переговоры между германскими государствами, завершившиеся подписанием Гаштейнской конвенции, которая определяла судьбу герцогств. По конвенции, право собственности на всю территорию обоих герцогств принадлежало Австрии и Пруссии, но управление ими объявлялось раздельным: в Гольштейне создавалась австрийская администрация, в Шлезвиге — прусская. Гаштейнская конвенция и последующая практика управления герцогствами создали

новую конфликтную зону в австро-прусских отношениях и ускорили открытое столкновение между этими государствами.

Вытеснению Австрии из Германского союза предшествовала более серьезная подготовка. Бисмарку удалось на личной встрече с французским императором заручиться нейтралитетом Франции. Главную роль при этом сыграли не обещания Бисмарка, а оценка Парижем перспектив австро-прусской войны, которая расценивалась как «весьма счастливое событие», ибо она, учитывая равенство сторон, «свяжет немцев на долгие годы».

Готовясь к войне с Австрией, Бисмарк стремился найти союзника. В связи с этим особые расчеты он связывал с Италией. Недавно созданное Итальянское королевство не признавалось Австрией. Кроме того, итальянцы не хотели мириться с тем, что Венеция все еще оставалась австрийским владением. Поэтому договориться с Италией не составило большого труда. В апреле 1866 г. был подписан прусско-итальянский союзный договор, который в случае конфликта с Пруссией обрекал Австрию на ведение войны на два фронта. На этом условии особенно настаивали прусские военные, прежде всего начальник Генерального штаба Гельмут фон Мольтке. Договор был тайным, поскольку он нарушал германскую конституцию, запрещавшую членам Германского союза вступать в направленный против его другого участника союз с иностранным государством. После заключения соглашения с Италией прусский министр-президент перешел в наступление. Он предложил Вене обсудить вопросы реформирования Германского союза и пересмотреть статус Гольштейна. Это был прямой вызов Австрии. По инициативе Вены Бундестаг принял решение о начале мобилизации. В ответ прусские войска вступили в Саксонию, Ганновер, Кургессен и перешли австрийскую границу. Началась война, которую называют австро-прусской, хотя в нее оказались втянуты фактически все германские государства: Австрию поддержали 12 государств, Пруссию — 17. Кроме того, войну Австрии объявила Италия. Решающее сражение произошло 3 июля 1866 г. у местечка под названием Кёниггрец на территории Чехии. Победа прусской армии создала реальную возможность территориальных приобретений за счет Австрии. К этому склонялся прусский король и генералы, но Бисмарк решительно выступил против. По его мнению, не следовало наносить Австрии незабываемого оскорбления национальной чести, оскорбления, которое сделало бы невозможным сближение объединенной Германии с этим родственным государством.

В августе 1866 г. между Австрией и Пруссией был подписан мирный договор. Австрия передавала Пруссии все права на Шлезвиг и Гольштейн; Германский союз упразднялся, Австрия оказалась вытесненной из Германии. Отныне осуществлению малогерманского варианта объединения страны ничто не мешало.

Война имела для Пруссии еще один важный результат — расширение территории путем аннексии государств, вклинивавшихся между прусскими владениями: Ганновера, Кургессена, Гессена-Нассау, Франкфурта-на-Майне. Кроме того, к Пруссии были присоединены Шлезвиг и Гольштейн. Отныне размеры территории, экономический потенциал и численность населения обеспечивали Пруссии абсолютное доминирование в новом политическом порядке к северу от Майна.

После Кёниггреца либеральное движение в Северной Германии переживало глубокий кризис. Либералы оказались перед выбором по вопросу: чему отдать предпочтение — свободе или единству. В Пруссии кризис либерального движения проявился в расколе оппозиционной правительству Партии прогрессистов. Часть прогрессистов, заявив о желании объединить защиту либеральных принципов с энергичной поддержкой национальной политики Бисмарка, создала «Новую фракцию национальной партии». Фракция стала ядром сформированной в последующие месяцы Национал-либеральной партии. Таким образом, либерализм разделился на два больших течения: на национал-либералов, для которых важнейшей задачей было объединение страны (поэтому они активно поддерживали Бисмарка), и «прогрессивных» либералов, которые на первый план выдвигали требования ясной либеральной политики и конституционных реформ.

В лагере консерваторов также произошли значительные изменения. Аннексия ряда германских государств расценивалась частью консерваторов (их стали называть староконсерваторами) как «революционная» политика, т. к. она нарушала принцип легитимности. Политический католицизм после изгнания Австрии из Германского союза потерял способность оказывать хоть какое-то влияние на ход событий в стране. Таким образом, политика Бисмарка ускорила эволюцию партийной системы в Пруссии и Северной Германии в целом.

Важнейшим последствием австро-прусской войны стало создание Северогерманского союза — федерации, в которую вошли 22 государства. Согласно принятой в 1867 г. конституции, главой государства стал прусский король и исполнительной властью — президиум. Союзный совет (Бундесрат) состоял из министров и уполномочен-

ных союзных государств, однако равенства субъектов федерации конституция не устанавливала. Наибольшее количество голосов в Бундесрате (17 из 43) имела Пруссия, оставшиеся 26 голосов распределялись среди остальных членов Северогерманского союза. Председателем Бундесрата был союзный канцлер, пост которого занимал Бисмарк. Третьим союзным органом был Северогерманский рейхстаг, избираемый всеобщим, равным, прямым, тайным голосованием; он обладал правом законодательной инициативы и утверждения налогов. Конституция 1867 г. закрепляла гегемонию Пруссии в союзном государстве. Границей, разделившей Союз и южногерманские государства — Гессен-Дармштадт, Баден, Баварию и Вюртемберг, — стал Майн.

Быстрым заключением мира с Австрией Бисмарк помешал вмешательству Франции в германские дела. Во французском обществе и правящих кругах в середине 1860-х гг. все определеннее вызревала мысль о необходимости, учитывая начавшееся объединение Германии, выдвинуть собственные территориальные претензии. Летом 1866 г. Наполеон III поднял перед прусским правительством вопрос о территориальных компенсациях Франции за счет франкоговорящих областей Люксембурга и Бельгии. Бисмарк отверг это требование.

Не получив никаких компенсаций от Пруссии, Наполеон III скорректировал претензии. На тайных переговорах с нидерландским королем (Нидерланды и Люксембург были связаны личной унией) французский император потребовал передать Франции Люксембург за финансовое вознаграждение. Бисмарк обнародовал факт переговоров и, вызвав острый международный кризис, сорвал сделку.

На фоне обострявшихся франко-прусских отношений начался процесс сближения Франции и Австрии (с 1867 г. — Австро-Венгрии). Оба государства взяли курс на формирование Южногерманского союза в качестве противовеса Северогерманскому. В результате в 1867–1868 гг. появился шанс восстановления германского дуализма: с одной стороны, ведомый Пруссией Северогерманский союз, с другой — Южногерманский союз под внешним прикрытием Австро-Венгрии и поддержке Франции.

Учитывая в первую очередь позицию Франции, Бисмарк проводил в Южной Германии осторожную политику «малых шагов». Формально ничего не меняя в государственно-правовых отношениях, канцлер все прочнее связывал южногерманские государства с Северогерманским союзом. Они входили в Таможенный союз; торговые договоры постоянно возобновлялись. 1 января 1868 г. в силу вступил новый та-

моженный договор, который южногерманские либералы назвали первым мостом, переброшенным через Майн. Пруссия заключила с государствами Южной Германии военный союз. В них были проведены военные реформы по прусскому образцу, чем устранялось еще одно препятствие к будущему объединению. Однако мирной интеграции Южной Германии в единое государство мешали усилившиеся в конце 1860-х гг. антипрусские настроения, подогреваемые извне. Франция усиливала дипломатическую поддержку государств к югу от линии Майна, стремясь остановить хотя бы на этом этапе процесс объединения Германии и предотвратить появление на восточных границах мощного и энергичного государства. Логика национально-государственного строительства делала почти неизбежной новую войну с Францией за объединение Германии.

Провозглашение образования Германской империи в Версале 18 января 1871 г.

В начавшейся 19 июля 1870 г. войне, известной как франко-прусская (или, вернее, как франко-германская), Франция потерпела сокрушительное поражение. 2 сентября под Седаном капитулировала французская армия во главе с императором Наполеоном III, затем последовали сдачи Туля, Страсбурга. В сентябре немецкие армии блокировали Париж. 27 октября под Мецем капитулировала французская армия под командованием маршала Мак-Магона. Военная мощь Франции была уничтожена.

Победа Пруссии в этой войне позволила ликвидировать последнее серьезное препятствие на пути объединения Германии. Политика национально-государственного строительства, проводимая Бисмарком, увенчалась успехом. 18 января 1871 г. было торжественно провозглашено создание Германской империи.

4. Культура и духовная жизнь

Немецкий романтизм

К рубежу XVIII–XIX вв., началу «века революций», изменилось мироощущение европейцев, что выразилось в формировании

движения романтизма. Влияние романтизма испытали на себе философия, литература и искусство. Романтизм был общеевропейским явлением, но зародился в Германии. Именно молодые немецкие романтики наиболее ярко выразили то, что было характерно для движения в целом.

Сущностью романтизма является протест против принятых этических и эстетических норм общества, против рационализма. Романтиков привлекает своеобразный тип человека: анархист-бунтарь, который ощущает себя практически равным Богу. Поэтому для него не существует истины и долга. Цель романтизма — освобождение личности от пут человеческих условностей и общественной морали. Он обращен, по словам Гегеля, скорее к внутреннему миру человека, чем к внешнему. Романтики восхищаются сильными страстями, разрушительными по своей сути: ненависть, ревность, отчаяние, презрение.

Романтизм представлял собой сложное явление, он развивался и видоизменялся со временем. Наиболее полно его природа раскрывается в художественной литературе. Поэты и писатели-романтики возвеличивали личность, ее субъективные переживания, ее порывы за горизонты обыденности, обыденного пространства и времени: в красочные экзотические края, на просторы далекой истории, чаще всего средневековой, в царство воображения. Окружающий мир, обыденность вызывали лишь острую неудовлетворенность и тоску. Романтики вдохновлялись тем, что было великим, чудесным, фантастическим, ужасным. Романтизм отказался от следования классическим канонам в художественном творчестве.

Романтизм в Германии возник в конце XVIII в. и господствовал вплоть до 30-х гг. XIX в. Принято делить немецкий романтизм на ранний и поздний; однако это деление предполагает не столько этапы в развитии (хотя разрыв во времени существует), сколько течения внутри одного явления.

В 1796 г. в университетском городе Йене собрались деятели формирующегося романтического движения: ***братья Шлегели, Август*** (1767–1845) и ***Фридрих*** (1772–1829), ***Людвиг Тик*** (1773–1853), ***Фридрих Гарденберг*** (1772–1801), писавший под псевдонимом ***Новалис***, ***Вильгельм Вакенродер*** (1773–1798). Вместе с близкими к кругу литераторов философами — ***Иоганном Фихте*** (1762–1814) и ***Фридрихом Шеллингом*** (1775–1854) — они образовали школу так называемого йенского романтизма.

Йенские романтики провозгласили абсолютную свободу художника, его право на воображение. Художественное творчество понималось

ими как акт божественного творения, а люди творческие, люди искусства — как особые существа, наделенные даром постижения сути мира. «Поэт постигает природу лучше, нежели ученый», — писал Новалис. Философское обоснование идеи об особой роли искусства было сделано Шеллингом. Для него характерна апология универсальности искусства как средства познания мира.

Вакенродер в своих работах, посвященных биографиям великих художников (Дюрера, Рафаэля, Леонардо да Винчи), подчеркивал особую способность художника понимать природу как язык Бога и свое понимание этого языка выражать искусством. Таким образом, художник у Вакенродера является своего рода посредником между Богом и людьми. Йенские романтики издавали свой журнал, в котором публиковали так называемые «Фрагменты», представлявшие собой афоризмы и небольшие эссе. Философский фундамент «Фрагментов» создавал Фихте. Стремление соединить философию и поэзию, философию и прозу характерно для раннего романтизма.

Поздний романтизм имел менее теоретический и философский характер. Наиболее известные его представители с 1805 г. собрались в Гейдельберге. Гейдельбергские романтики оказали большое влияние на все области искусства: на поэзию, живопись и музыку. При этом они были гораздо более консервативны и в гораздо большей степени немцами, чем их предшественники. В центре внимания гейдельбергских романтиков находились такие традиционные ценности, как государство, народ, религия. Для них характерно обращение к проблемам национальной самобытности, национального характера, стремление жить и творить в согласии с национальным («народным») духом. Этим объясняется повышенный интерес поздних романтиков к германской истории и культуре, в частности, большое внимание они уделяли сбору, обработке и публикации народных песен и сказок. Такой деятельностью занимались ***Ахим фон Арним*** (1781–1831), ***Клеменс Брентано*** (1778–1842), издавшие сборник народных песен «Волшебный рог мальчика». Но самыми известными собирателями народных сказок были ***братья Гримм, Якоб*** (1785–1863) и ***Вильгельм*** (1786–1859). Их «Детские и семейные сказки» пользовались в Германии огромной популярностью, уступая по числу переизданий только Библии. Братья Гримм внесли большой вклад и в развитие германской филологии: в 1819–1837 гг. вышла переработанная ими «Немецкая грамматика», а с 1852 г. начат выпуск академического «Словаря немецкого языка».

Одним из ведущих жанров в литературе позднего романтизма являлась литературная сказка, или фантастическая новелла. Любовь

к этому жанру объяснялась в том числе убежденностью его представителей в способности именно сказок передавать таинственную суть бытия. Одним из самых известных авторов литературных сказок был ***Вильгельм Гауфф*** (1802–1827), характерной чертой творчества которого являлось причудливое сочетание восточных и немецких преданий и легенд.

В литературе романтиков фантазия и реальность тесным образом переплетались, причем фантазия преобладала. Это приводило к тому, что повседневность могла приобретать опасные и фантастические черты. Именно такой она предстает в сказках и новеллах ***Эрнста Теодора Амадея Гофмана*** (1776–1822): «Золотой горшок. Сказка из новых времен», «Крошка Цахес по прозванию Циннобер», «Повелитель блох».

В музыкальном искусстве наиболее ярким представителем позднего романтического направления был ***Вильгельм Рихард Вагнер*** (1813–1883). Его творчество в основном было посвящено оперному искусству. Вагнер часто использовал эпические сюжеты (например, оперы «Лоэнгрин», «Тристан и Изольда», тетралогия «Кольцо Нибелунга»). Творчество ***Феликса Мендельсона-Бартольди*** (1809–1847) отличало введение новых музыкальных форм, с применением которых были написаны его лучшие произведения «Сон в летнюю ночь» и «Вальпургиева ночь». Ф. Мендельсон-Бартольди был одним из ведущих дирижеров, основателем первой в Германии консерватории в Лейпциге (1843).

Архитектура и живопись

Если в литературе первой трети XIX в. романтизм господствовал, то в монументальном искусстве его доминирование не было столь однозначным. В архитектуре, например, в первой половине XIX в. наблюдался расцвет неоклассицизма. Но к середине столетия основной проблемой европейского зодчества стали поиски нового стиля. Влияние романтизма на архитектуру проявилось в увлечении стариной и попытках многих мастеров возродить традиции архитектуры прошлого. В результате возникли неоготика, необарокко; заметным стало смешение разных архитектурных стилей.

Развитие немецкой архитектурной школы первой половины XIX в. связано с именами ***Карла Фридриха Шинкеля*** (1781–1841) и ***Лео фон Кленце*** (1784–1864). Работы Шинкеля выполнены в неоклассическом стиле. Наиболее известными из них явились здания Драматического театра и Старого музея в Берлине. Во время поездки

в Англию Шинкель увлекся британской «индустриальной» архитектурой и на родине занялся разработкой проектов фабрик, магазинов, контор, библиотек. Большой известностью среди этих творений «архитектуры будущего» пользовалось четырехэтажное здание Строительной академии, которое отличалось четкостью форм и почти полным отсутствием украшений.

Каждая постройка Кленце, наоборот, представляла собой возврат к какому-либо историческому стилю. Здание Глиптотеки в Мюнхене (коллекции произведений скульптуры) или памятник Валгаллы в Регенсбурге (пантеон немецкого народа) выполнены в древнегреческом стиле, а фасад мюнхенской Старой пинакотеки (картинной галереи) повторял формы итальянской архитектуры эпохи Возрождения.

Романтизм оставил заметный след в немецком изобразительном искусстве. Для художников-романтиков характерен отказ от классицизма. Основой творчества для них служили не «правила красоты», а искреннее чувство. Мир виделся им противоречивым, изменчивым, безграничным и таинственным. Одним из самых ярких представителей романтизма в немецкой живописи был ***Филипп Отто Рунге*** (1777–1810). Более известный как портретист, художник в последние годы своей жизни задумал живописный цикл, изображавший времена суток, смена которых воплощает вечный закон, по которому все в мире рождается, растет, стареет и умирает, чтобы снова возродиться. Рунге удалось создать только первую часть цикла — «Утро».

Тема одиночества, отчужденности, отделенности прошлого звучит в картинах мастера-пейзажиста ***Каспара Давида Фридриха*** (1774–1810). Наиболее ярко эти чувства воплощены в одном из излюбленных мотивов живописца — «Могила гунна». Фридрих часто изображал руины, заброшенные замки. Фигуры людей на его картинах почти всегда обращены к зрителю спиной. Люди здесь — лишь созерцатели, увлеченные бескрайностью и красками мира («Меловые скалы на Рюгене», «Монах у моря» и др.).

Эпоха бидермейера и «Молодая Германия»

Усталость от потрясений и войн начавшегося «века революций» рождала в части немецкого общества желание покоя. В то же время установление внешнего покоя и порядка в эпоху Реставрации сопровождалось усилением государства и нарастанием отчужденности между обществом и властью. Формировавшиеся в этих условиях настроения немецкого бюргерства были восприняты и отражены новым стилем искусства и литературы, получившим название

«бидермейер». Само название появилось в 1850-е гг. В выходящем в Мюнхене журнале «Летучие листки» начал публиковаться цикл забавных историй, главным персонажем которых был Готфрид Бидермейер — добропорядочный бюргер-семьянин, сочинитель плохих сентиментальных стихов. В его образе были персонифицированы слабости и пристрастия того времени. Имя Бидермейера было перенесено на определенный стиль искусства и литературы, а также на мироощущение и образ жизни средних слоев Германии. Более того, весь период германской истории от Венского конгресса до революции 1848 г. часто называют «эпохой бидермейера».

Общественный интерес в этот период был сосредоточен, прежде всего, на семье, частной жизни, на заботе о сохранении «тихого семейного счастья». «Всё, что в государстве и человечестве есть хорошего, пришло из семьи», — писал ***Адальберт Штифтер*** (1805–1868), один из представителей этого движения. Любовь к домашнему уюту, родной природе, глубокая религиозность, уход в частную жизнь, пассивность, аполитичность, бегство от проблем — характерные черты бидермейера. Начавшееся в Германии развитие крупного машинного производства, строительство железных дорог страшило бидермейеров, но они осознавали свое бессилие перед техническим прогрессом и смирялись с этим.

Писатели-бидермейеры часто были меланхоликами и отчаявшимися людьми. Они осознавали противоречия между идеалом и действительностью и страдали от этого. Одним из наиболее известных представителей литературы бидермейера является поэт ***Эдуард Мёрике*** (1804–1875). В его балладах подчеркивается связь природы и человеческой судьбы, а его стихи позволяют проникнуть во внутренний мир человека, чутко улавливающего изменения в окружающей действительности, но робко и уединенно живущего в своем идиллическом мире.

Для живописи бидермейера характерен небольшой формат полотен, тщательная и тонкая манера письма, пристрастие к мелким деталям. На портретах человек изображается не как самостоятельная личность, а в неразрывной связи со своей семьей и домом; пейзажи (особенно городские) выполнены с документальной точностью. Но самым ярким выражением стиля стала бытовая живопись, центральной темой которой являлась повседневная жизнь маленького человека. К художникам бидермейера относят ***Георга Фридриха Керстинга*** (1785–1847), ***Франца Крюгера*** (1797–1857), ***Морица фон Швинда*** (1804–1871) и ***Карла Шпицвега*** (1808–1885).

В 1830–1840-е гг. в германском обществе возродился интерес к политическим проблемам, что нашло отражение в литературе. Политически активные писатели и поэты создали группу ***«Молодая Германия»***. Они остро критиковали социально-политическое положение в германских государствах, выступали с требованием реформ. Литература авторов «Молодой Германии» была большей частью публицистической и представляла собой журнальные фельетоны, воззвания, листовки, путевые заметки и письма, обращенные непосредственно к публике. В отличие от бидермейеров представители «Молодой Германии» с оптимизмом смотрели в будущее, полагая, что человек может достичь лучшего. К самым известным деятелям этой группы относился поэт ***Генрих Гейне*** (1797–1856), журналист ***Людвиг Бёрне*** (1786–1837), драматург ***Георг Бюхнер*** (1813–1837). Бёрне и Бюхнер были активными участниками демократического движения в Германии.

Философия

Романтизм, как отмечалось, оказал влияние на философию, усилив ее субъективно-идеалистическое начало. С конца XVIII в. в развитии немецкой философии наступил новый этап, получивший название классического идеализма. Его родоначальником является ***Иммануил Кант*** (1724–1804), идеи которого развивали позднее ***Георг Вильгельм Фридрих Гегель*** (1770–1831), ***Артур Шопенгауэр*** (1788–1860) и др. Характерной чертой немецкого идеализма являлось противопоставление разума материи с конечным выводом о том, что существует только разум.

Величайшим философом Нового времени, с которого началось интеллектуальное господство Германии, называют Канта. Всю свою жизнь Кант провел в Кёнигсберге, изредка посещая окрестности. Его внешняя жизнь была академичной, и никакие события не нарушали ее спокойное течение. Кант был человеком таких постоянных привычек, что люди проверяли свои часы в тот момент, когда он выходил на прогулку.

Свои наиболее важные работы — «Критика чистого разума» и «Критика практического разума» — он написал в 1780–90-е гг. Главным предметом философии Канта является человек и его познавательные способности, возможности и границы которых определяются им в теории познания.

Этическая система Канта изложена в его «Метафизике морали». Центральным понятием системы является «категорический импера-

тив» — приказ разума, согласно которому определенный тип действия объективно необходим безотносительно к цели.

Кант был либералом в политике и симпатизировал Французской революции до установления режима якобинской диктатуры. Его принцип, что каждый человек должен рассматриваться сам по себе как цель, но ни в коем случае не как средство для кого-то другого, представлял собой абстрактную форму учения о правах человека. В своей последней работе «О вечном мире», написанной в 1795 г., в разгар европейских войн, вызванных Французской революцией, Кант выступил за исключение насилия из межгосударственных отношений и предложил свой проект достижения вечного мира.

Говоря о вкладе Канта в развитие философии, Гегель отмечал, что он осуществил полную перемену способа мышления и «уничтожил на корню» метафизику. Непосредственным преемником Канта стал Фихте, профессор Йенского, а затем Берлинского университетов. В своих философских работах Фихте довел субъективизм Канта до крайней степени. Исходным пунктом философии Фихте является тезис об автономности «Я», которое есть единственная и конечная реальность. Исходя из этого абсолютного «Я» Фихте объяснял весь остальной мир. Абсолютное «Я» у Фихте — деятельное и активное, реализующее себя в преодолении различных препятствий, в свободном творчестве. Именно эти идеи были близки немецким романтикам.

Кроме того, Фихте известен и как теоретик германского национализма. Соответствующие идеи были изложены им в «Речах к немецкой нации», которыми он пытался воодушевить немцев на сопротивление Наполеону после битвы под Йеной (1806)

Важным результатом развития идей Канта была философия Гегеля, ставшая кульминационным пунктом развития немецкой классической философии. Влияние философии Гегеля было очень сильным, и не только в Германии. Большинство европейских и американских философов второй половины XIX в. были гегельянцами. Кроме того, философия истории Гегеля оказала глубокое влияние на политическую теорию.

Гегель был последовательно профессором Йенского, Нюрнбергского, Гейдельбергского и Берлинского университетов. В последние годы своей жизни он стал прусским патриотом, лояльным государственным чиновником, а в молодости презирал Пруссию и восхищался Наполеоном до такой степени, что радовался французской победе при Йене.

Исходным положением философской системы Гегеля является мысль о том, что мир представляет собой не собрание строго ограниченных единиц, атомов или душ, а единое целое, кроме которого ничто не существует реально и безусловно. Целое во всей его сложности Гегель назвал Абсолютом («абсолютной идеей», «мировым духом»). Абсолют — это духовное и разумное начало, которое лежит в основе всех явлений природы и общества. Противопоставление объекта и субъекта в абсолютной идее преодолевается. Абсолют находится в беспрерывном движении, развитии. Диалектика Гегеля представляет собой попытку раскрыть причины и внутреннюю связь этого движения.

В созданной Гегелем философии истории центральными являются понятия нации и «народного духа» («германского духа» — применительно к истории Германии). Своеобразно толкование Гегелем понятия «свобода», понимаемое как право подчиняться закону. Подчеркивание роли наций вместе с его пониманием свободы объясняет апологию Гегелем государства.

Государство есть разумное в себе и для себя, его содержанием и целью является единство. Индивидуум, по Гегелю, имеет объективность, истину и нравственность лишь в той мере, в какой он является членом государства.

Особое место среди немецких философов занимает Шопенгауэр. В отличие от большинства из них, он был равнодушен к национальной идее и отрицал христианство, предпочитая религии Индии — индуизм и буддизм. Однако признание особой роли литературы и искусства в познании мира роднило его с романтиками. Став приват-доцентом Берлинского университета, Шопенгауэр был столь самонадеян, что назначил свои лекции на один час с лекциями Гегеля. Не сумев составить конкуренцию великому философу, он свернул лекционную деятельность.

Философская система Шопенгауэра представляет собой развитие определенных сторон философии Канта, но с заметным налетом индийских религиозных учений. Центральным у Шопенгауэра является понятие воли. Реально существующая Космическая воля проявляется во всем течении Вселенной, в одушевленной и неодушевленной природе. Она зла и является источником наших бесконечных страданий. Мир, по Шопенгауэру, это — сатана, злая всемогущая воля, постоянно ткущая паутину страданий, чтобы мучить своих созданий. Человек должен стремиться подавить свою волю, чтобы уменьшить количество зла, но он никогда не придет

ни к какому положительному добру. Таким образом, в философии Шопенгауэра присутствуют два важных момента: пессимизм и учение о том, что воля — выше познания. Идею первичности воли в дальнейшем разделяли многие европейские философы (в Германии — Ницше).

Наряду с идеализмом в первой половине XIX в. в немецкой философии получил развитие материализм. Самым видным представителем этого течения был ***Карл Маркс*** (1818–1883). Большое влияние на его взгляды оказала философия Гегеля. В молодости Маркс был последователем этого философа и сохранил в своей системе существенные гегельянские черты (например, диалектику). Однако гегелевская диалектика была перенесена им в сферу материального.

По Марксу, внутренний духовный мир человека вторичен по отношению к материальному, включающему в себя не только природу, но и продукты общественного труда. Следовательно, такие общественные отношения, как правовые, политические, религиозные, нравственные детерминируются экономической сферой. Экономические отношения, в свою очередь, определяются способом производства.

В философской концепции Маркса одной из центральных стала идея отчуждения, также глубоко проанализированная в классической философии, в том числе у Гегеля. Перенесенная Марксом в область материального производства, она трансформировалась в идею об экономическом отчуждении, отчуждении труда (в основе которого лежит частная собственность). В условиях отчуждения человек теряет свою человеческую сущность, превращается в неразвитое существо, в «частичного индивида». Преодоление отчуждения связывается с общественными преобразованиями, главную роль в которых должен сыграть класс наемных рабочих. Философия Маркса была революционной по своей природе и оказала огромное влияние на ход истории.

Романтизм и классическая философия оказали большое влияние на развитие исторической науки в Германии. Но, признавая это влияние, следует отметить, что история, как и любая другая наука, обладала и внутренней логикой развития.

Историческая наука

Германская историография конца XVIII — первой половины XIX в. связана с именами ***Бартольда Георга Нибура*** (1776–1831), ***Фридриха Карла Савиньи*** (1779–1861), ***Фридриха Кристофа Шлоссера*** (1776–1861), ***Вильгельма Циммермана*** (1807–1875) и др. Но самой яркой фигурой был, несомненно, ***Леопольд фон Ранке*** (1795–1886).

Ранке первым применил критический метод анализа источников. Его метод и уровень работы с источниками оказали большое влияние на развитие исторической науки в целом. Критика источников превратилась в необходимый компонент работы всякого историка.

Ранке сформулировал новый принцип историографии: писать «так, как это было на самом деле». Хотя этот принцип подвергся критике еще при жизни Ранке, но до настоящего времени он сохраняет свое значение как моральное требование к историку.

В начале XIX в. возрос интерес немецких историков к национальной истории. Специально созданными историческими обществами начался сбор, обработка и публикация источников по истории Германии. С 1826 г. в серии «Исторические памятники Германии» начали издаваться сборники документов по Средневековью, ставшие образцом для европейских историков. Кроме того, появилось большое число работ по разным периодам истории Германии. Так, выходят «История романских и германских народов» и «История Германии в эпоху Реформации» Ранке, «История немецкого народа» и «История германцев» ***Генриха Лудена*** (1780–1847), «История немецкой национальной литературы» ***Георга Гервинуса*** (1805–1871).

Центрами изучения истории были германские университеты. В Берлинском университете сформировалась «историческая школа права» во главе с Савиньи. В работах историков этой школы высказывались идеи о преемственности в развитии народа и государства, о нации как коллективной индивидуальности, о «народном духе» как творческой силе истории. Позднее в Берлинском университете сформировалась школа Ранке, ставшая символом новой исторической науки. В Гейдельбергском университете сформировалась школа во главе с Шлоссером, для которой характерна либеральная и рационалистическая направленность.

Духовная жизнь Германии конца XVIII — первой половины XIX в. была яркой и насыщенной. Изменения в общественном сознании вместе с интеграционными процессами в экономике, создавали предпосылки для объединения Германии.

* * *

В Германии (как и в ряде других государств) основную ответственность за приспособление хозяйственных, социальных и политических систем к инновационным тенденциям в XIX в. принимало на себя государство. Поэтому модернизация, отражавшая насущные потребности всего германского социально-экономического и куль-

турно-политического пространства, носила характер «направляемой», т. е. проводилась «сверху» (особенно это справедливо для политической сферы).

Двумя полюсами внутриполитической жизни Германии в 1789–1870 гг. являлись реформа и реставрация. Политика реформ, ускорявшая модернизацию, сменялась политикой реставрации, которая ее замедляла или останавливала (преимущественно в политической сфере). Реставрация не означала движения вспять, к Старому порядку; она фиксировала достигнутый уровень модернизации. В периоды реставрации накапливались импульсы для нового движения вперед. Таким образом, каждый период вносил свой вклад в модернизационные процессы. В результате в германских государствах формировалось общество буржуазного типа, складывалась представительная система, ускорялось экономическое развитие и, как следствие, создавались благоприятные условия для развития национального движения. Целью движения являлось объединение Германии, создание немецкого национального государства при эмансипации от абсолютистского режима. В конце 1840-х — 1850-е гг. было предпринято несколько попыток реализовать национальную программу, но все они закончились неудачей.

После поражения революции 1848–1849 гг. инициатива объединения Германии перешла к Пруссии, когда первоначальные политически эмансипаторские цели национального движения остались в стороне. В отличие от многонациональной Австрии, именно монархия Гогенцоллернов стала воплощением идеи национальной государственности. Австрия же была заинтересована в сохранении старых конфедеративных структур и поэтому превратилась в главное препятствие объединительной политики Пруссии. Сопротивление Австрии, ее сила и влияние в Германском союзе поставили Пруссию перед необходимостью решать проблему с помощью войны — «железом и кровью». Победа Пруссии в войне 1866 г. поставила точку в длительной борьбе двух государств за гегемонию в Германии и победу принципа: «Один народ — одно государство», но в особом, малогерманском варианте *(in "kleindeutscher" Variante)*. Устранением последнего, на этот раз внешнего препятствия в лице Франции в результате франко-германской войны Пруссия завершила объединение Германии. И если к началу периода основой формирующейся немецкой нации была культура (в германской историографии используется понятие «культурная нация»), то к концу она, обретя свою государственность, превратилась в нацию «политическую».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники, сборники документов

Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 2000.

Веллей Патеркул. Римская история // *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула / Пер. с лат. Воронеж, 1985.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1975.

Григорий Турский. История франков / Пер. С. Д. Савуковой. М., 1987.

Древние германцы: Сб. док. / Сост. Б. Н. Граков и др.; Ред. А. Д. Удальцов. М., 1937.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001

Историки эпохи Каролингов / Пер. с лат. и примеч. М. С. Петровой и др.; Отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999.

Кальвин Ж. Наставление в христианской вере = Institution de la religion chrestienne: В 3 т. / Пер. с англ. и франц. А. Д. Бакулова и Г. В. Вдовина. М., 1997–1999.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Издание подготовили Ю. М. Лотман и др. Л., 1984.

Каролингская эпоха. Из истории Западной Европы в раннее Средневековье: Сб. док. / Под ред. А. А. Сванидзе и Г. П. Мягкова. Казань, 2002.

Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / Под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957.

Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. / Издание подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. М., 1969.

Лютер М. Диспут о прояснении действенности индульгенций. 95 тезисов / Пер. с лат. А. Рубана; Под ред. Ю. Голубца. СПб., 2002.

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Новая история в документах и материалах: В 2 т. / Под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина. М., 1934. Т. I.

Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков / Ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1970.

Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков / Ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1972.

Салическая правда / Пер. Н. П. Грацианского; Под ред. В. Ф. Семенова. М., 1950.

Себастиан Брант. Корабль дураков. *Эразм Роттердамский.* Похвала глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто. *Ульрих фон Гуттен.* Письма темных людей. Диалоги. М., 1971. (Библиотека всемирной литературы).

Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1994.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. М. Корецкого. М., 1961.

Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: В 2 т. / Под ред. К. И. Батыра. М., 1996. Т. I.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962.

Хрестоматия по истории Средних веков: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961–1963.

Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950–1953.

Хрестоматия по новой истории. 1640–1870 / Под ред. В. Г. Сироткина. М., 1990.

Хрестоматия по новой истории: В 3 т. / Под ред. А. А. Губера и А. В. Ефимова. М., 1963–1965.

Хроники длинноволосых королей / Пер. с лат. и ст.-фр., статьи и библиография Н. Горелова. СПб., 2004.

Цезарь Г. Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. с лат. и коммент. М. М. Покровского. М., 1993.

Der Josephismus. Ausgewählte Quellen zur Geschichte der Theresianisch-Josephinischen Reformen / Hrsg. von H. Klueting. Darmstadt, 1975.

Friedrich der Grosse / Hrsg. von O. Bardong. Darmstadt, 1986.

Der Sachsenspiegel / Hrsg. von C. Schott. Zürich, 1996.

Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung: In. 11 Bd. / Hrsg. von R. A. Müller. Stuttgart, 1995–2001. Bd. 1–7.

Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte: In 5 Bd. / Hrsg. von E. R. Huber. Stuttgart, 1978. Bd. 1–2.

Monumenta Germaniae historica: Leges 4. = Monumenta Germaniae historica: Legum sectio 4, Constitutiones et acta publica imperatorum et regum / Ed. L. Weiland. Hannoverae; Weimar, 1963. Bd. 1–2.

Quellen zum politischen Denken der Deutschen im 19. und 20. Jahrhundert: Freiherr-vom-Stein-Gedächtnis-Ausgabe: In 11 Bd. / Hrsg. von T. Stammen u. a. Darmstadt, 1976–2003. Bd. I–VII.

Quellen zum Verfassungsorganismus des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation: 1495–1815 / Hrsg. und eingel. von H. H. Hofmann. Darmstadt, 1976.

Quellen zur deutschen Revolution: 1848–1849 / Hrsg. von H. Fenske. Darmstadt, 1996.

Quellen zur deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte im 19. Jahrhundert bis zur Reichsgründung / Hrsg. von W. Steitz. Darmstadt, 1980.

Quellen zur Geschichte der Stadt Köln: In 6 Bd. / Hrsg. von L. Ennen, G. Eckert. Köln, 1970. Bd. 1–4.

Quellen zur Geschichte des deutschen Bauernstandes in der Neuzeit / Gesamm. und hrsg. von G. Franz. Darmstadt, 1963.

Quellen zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte mittel- und oberdeutscher Städte im Spätmittelalter / Hrsg., ausgew. u. übers. von G. Möncke. Darmstadt, 1982.

Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte / Bearb. von F. Keutgen. Berlin, 1901 (Aalen, 1965).

Учебники, учебные пособия

Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.: Учеб. пособ. М., 1998.

История Средних веков: В 2 т.: Учебник / Под ред. С. П. Карпова. М., 2003.

Новая история стран Европы и Америки. Первый период / Под. ред. Е. Е. Юровской. М., 1998.

Новая история стран Европы и Америки: В 2 кн.: Учебник / Под ред. Е. Е. Юровской и И. М. Кривогуза. М., 1997.

Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: В 3 ч.: Учеб. пособ. М., 2000. Ч. I–II.

Раков В. М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.): Учеб. пособ. Пермь, 1999.

Средневековая Европа глазами современников и историков: В 5 ч.: Кн. для чтения / Отв. ред. А. Л. Ястребицкая. М., 1995.

Behnen M. Deutsche Geschichte: von den Anfängen bis zur Wiedervereinigung / Hrsg. von M. Vogt. Stuttgart u. a., 1994.

Borgolte M. Die mittelalterliche Kirche / Ser.: Enzyklopädie deutscher Geschichte. Bd. 17. München, 1992.

Deutsche Geschichte: In 10 Bd. / Hrsg. von J. Leuschner. Göttingen, 1977–1999. Bd. 1–8.

Deutsche Geschichte in Daten / Hrsg. von H. Bartel u. a. Berlin, 1967.

Die Entstehung des modernen Europa: 1600–1900 / Hrsg. von O. Mörke. Köln u. a., 1998.

Frühe Neuzeit / Hrsg. von A. Völker-Rasor. München, 2000.

Kaiser R. Das römische Erbe und das Merowingerreich. München, 1997.

Lutz H. Reformation und Gegenreformation / Durchges. und Erg. von A. Kohler. München, 2002.

Neue deutsche Geschichte: In 7 Bd. / Hrsg. von P. Moraw u. a. Munchen, 1984–1995. Bd. 1–7.

Paravicini W. Die ritterlich-hofische Kultur des Mittelalters. Munchen, 1999.

Pohl W. Die Germanen. München, 2000.

Schmidt H. R. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. Munchen, 1992.

Treue W. Deutsche Geschichte: von den Anfangen bis zur Gegenwart: In 2 Bd. Augsburg; Stuttgart, 1990. Bd. 1–2.

Монографии и сборники научных трудов

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 1999.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Беркович М. Е. О характере немецкой средневековой этнической общности в XI–XIII вв. // Средние века. Вып. 36. М., 1973. С. 165–187.

Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.

Бойцов М. А. «Золотая булла» 1356 г. и королевская власть в Германии во второй пол. XIV века // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 23–46.

Бойцов М. А. Скромное обаяние власти (к облику германских государей XIV–XV веков) // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995. С. 27–66.

Брендлер Г. Мартин Лютер: Теология и революция / Пер. с нем. М. И. Левиной; Отв. ред. и авт. послесл. Л. Т. Мильская. М.; СПб., 2000.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; Вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1986–1992. Т. I–III.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999.

Вег Я. Немецкая станковая живопись XVI века / Пер. с венг. Л. Шаргина. Будапешт, 1984.

Галкин И. С. Создание Германской империи 1815–1871. М., 1986.

Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. М., 1970. Т. I.

Гордон А. В. Новое время как тип цивилизации: Научно-аналитический обзор. М., 1996.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4 т. / Отв. ред. А. А. Сванидзе М., 1999–2001.

Городская культура: Средневековье и начало Нового времени / Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1986.

Господствующий класс феодальной Европы / Под ред. А. А. Сванидзе. М., 1989.

Готика: архитектура, скульптура, живопись / Под ред. Р. Томана. Кёльн, 2000.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

Гуревич А. Я. Средневековая литература и ее современное восприятие // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 276–302.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация / Пер. с фр. Ю. Н. Стефанова, Г. В. Бондаренко. СПб.; М., 2001.

Данилова Г. М. Аламаннское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск, 1969.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы: от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878): В 2 т. / Пер. с фр. В. О. Броуна. М., 1995.

Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение / Пер. с нем. В. Л. Санина, С. В. Иванова. СПб., 2002.

Дюпюи Р. Эонест, Дюпюи Р. Тревор. Всемирная история войн: В 4-х кн. СПб.; М., 2000. Кн. 2. 1400 год — 1800 год.

Егер Оскар. Всемирная история: В 4 т. / Пер. и доп. под ред. П. Н. Полевого. М., 2000.

Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.

Исдейл Ч. Наполеоновские войны / Пер. с англ. Д. Я. Мовшович. Ростов н/Д., 1997.

История дипломатии: В 5 т. / Под ред. В. А. Зорина и др. М., 1959–1979. Т. 1.

История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. / Гл. ред. А. О. Чубарьян. М., 1988–2000. Т. I–V.

История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: В 3 т. / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1985–1986.

История немецкой литературы: В 3 т. / Пер. с нем. и общ. ред. А. Дмитриева. М., 1985–1986. Т. I–II.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Сокр. пер. с итал. В. П. Гайдука; Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой, Л. А. Котельниковой. М., 1987.

Колесницкий Н. Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.

Колесницкий Н. Ф. Исследования по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1958.

Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего Средневековья. М., 2002.

Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2004.

Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

Костюшко И. И. Прусская аграрная реформа: к проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа. М., 1989.

Культура Возрождения XVI в. / Отв. ред. Л. С. Чиколини. М., 1997.

Культура Возрождения и власть / Отв. ред. Л. М. Брагина. М., 1999.

Культура эпохи Возрождения и Реформация / Отв. ред. В. И. Рутенбург. Л., 1981.

Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / Пер. с фр. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко; Под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 2002.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Е. И. Лебедевой, Ю. П. Малинина, В. И. Райцеса, П. Ю. Уварова. М., 1992.

Лебек С. Происхождение франков V–IX века / Пер. с фр. В. А. Павлова. М., 1993.

Левандовский А. П. Карл Великий. Через империю к Европе. М., 1995.

Левинсон К. А. Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000.

Логутова М. Г. Истоки и организационные формы «нового благочестия» // Средние века. Вып. 61. М., 2000. С. 225–253.

Миф в культуре Возрождения / Под ред. Л. М. Брагина. М., 2002.

Некрасов Ю. К. Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI века. Вологда, 1998.

Неусыхин А. И. Общественный строй древних германцев. М., 2001.

Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974.

Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964.

Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 45–47.

Никулин Н. Н. Немецкая и австрийская живопись XV–XVIII веков. Эрмитаж. Л., 1989.

Никулина Т. Н. Совет и бюргерство ганзейских городов в Реформации (по материалам Любека) // Средние века. Вып. 63. М., 2002.

Палмер А. Бисмарк / Пер. с англ. И. С. Соколовой и др. Смоленск, 1997.

Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2002.

Прокопьев В. П. Государство и армия в истории Германии. X–XX вв. Калининград, 1998.

Ран, Отто. Крестовый поход против Грааля / Пер. с нем. И. Иванова, С. Ляпкова, Е. Мурзина и др. М., 2002.

Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

Реутин М. Ю. Народная культура Германии. Позднее Средневековье и Возрождение. М., 1996.

Романия и Барбария. К этнической истории народов зарубежной Европы / Отв. ред. С. А. Арутюнов и др. М., 1989.

Смирин М. М Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.

Смирин М. М Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М , 1978.

Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М , 1984.

Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8.

Тейс Л. Наследие Каролингов: IX–X вв / Пер. с фр. Т. Чесноковой. М., 1993.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа. 1789–1848 / Пер. с англ Л. Д. Якуниной. Ростов н/Д., 1999.

Человек в культуре Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагин. М., 2001.

Чубинский В. В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1997.

Шаде В. Кранахи — семья художников / Пер. с нем. В. Шаде; Авт. предисл. и консультант пер. А. Н. Немилов. М., 1987.

Шушарин Д. В. Начало Реформации: имперские города Юго-Западной Германии // Средние века. Вып. 58. М., 1995.

Элита и этнос Средневековья / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1995.

Эпштейн А. Д. История Германии от позднего Средневековья до 1848 года. М., 1966.

Althoff G. Die Ottonen. Konigsherrschaft ohne Staat. Stuttgart u. a., 2000.

Angenendt A. Das Fruhmittelalter: die abendlandische Christenheit von 400 bis 900 Stuttgart u. a., 2001.

Aretin, K. O. v. Das Alte Reich. 1648–1806. 4 Bde. Stuttgart, 1993–2000.

Biefang A. Politisches Bürgertum in Deutschland 1857–1868: Nationale Organisationen und Eliten. Düsseldorf, 1994.

Boehme H. Deutschlands Weg zur Grossmacht: Studien zum Verhaltnis von Wirtschaft und Staat wahrend der Reichsgrundungszeit 1848–1881. Koln, 1972.

Boshof E. Die Salier. Stuttgart, 2000.

Burkhardt J. Der dreissigjahrige Krieg. Frankfurt/Main, 1992.

Claude D. Geschichte der Westgoten. Stuttgart, 1970.

Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770–1990. Munchen, 1996.

Das 18. Jahrhundert, Aufklärung / Hrsg. von P. Geyer. Regensburg, 1995

Das Reich und die Barbaren / Hrsg. von E. K. Chrysos. Wien u. a., 1989.

Demandt A. Antike Staatsformen: eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. Berlin, 1995.

Demandt A. Der Fall Roms: die Auflosung des romischen Reiches im Urteil der Nachwelt. Munchen, 1984.

Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866: europäische Ordnung, deutsche Politik und gesellschaftlicher Wandel im Zeitalter der burgerlich-nationalen Emanzipation / Hrsg. von H. Rumpler. Wien, 1990.

Die Germanen Geschichte und Kultur der germanischen Stamme in Mitteleuropa. In 2 Bd / Hrsg von B Kruger Berlin, 1976 Bd 1–2

Die Revolution von 1848/49 Erfahrung — Verarbeitung — Deutung / Hrsg. von *C Jansen* Gttingen, 1998

Dipper C Deutsche Geschichte 1648–1789 Frankfurt/Main, 1994

Ehlers J Die Entstehung des Deutschen Reiches Munchen, 1998

Ehlers J Die Kapetinger Stuttgart, 2000

Ennen E Erzbischof und Stadtgemeinde in Koln bis zur Schlacht von Worringen (1288) // Bischofs und Kathedralstadte des Mittelalters und der fruhen Neuzeit / Hrsg von *F Petri* Koln, 1976

Erbe M Deutsche Geschichte 1713–1790 Dualismus u aufgeklaerter Absolutismus Stuttgart, 1985

Falke J Die Geschichte des deutschen Zollwesens von seiner Entstehung bis zum Abschluss des deutschen Zollvereins Frankfurt/Main, 1968

Fehrenbach E Vom Ancien Regime zum Wiener Kongress Munchen, 2001

Feste und Feiern in Mittelalter Paderborner Symposion des Mediavistenverbandes / Hrsg von D Altenburg u a. Sigmaringen, 1991

Fuhrmann H Deutsche Geschichte im Hohen Mittelalter von der Mitte des 11 bis zum Ende des 12 Jahrhunderts Gottingen, 1993

Ganshof F L Was ist das Lehnswesen? Darmstadt, 1975

Geary P J Die Merowinger Europa vor Karl dem Grossen Munchen, 1996

Geuenich D Geschichte der Alemannen Stuttgart u a , 1997

Goetz H W Moderne Mediavistik. Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung Darmstadt, 1999

Gossmann W Deutsche Kulturgeschichte im Grundriss Munchen, 1996

Hahn H -W Die industrielle Revolution in Deutschland Munchen, 1998

Holzapfel O Die Germanen Mythos und Wirklichkeit Freiburg u a , 2001

Huber E R Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789 In 8 Bd Stuttgart, 1972. Bd 1–2

Jansen C Einheit, Macht und Freiheit die Paulskirchenlinke und die deutsche Politik in der nachrevolutionaren Epoche 1849–1867. Dusseldorf, 2000

Kaufmann T Dreissigjahriger Krieg und Westfalischer Friede kirchengeschichtliche Studien zur lutherischen Konfessionskultur Tubingen, 1998

Kingdoms of the empire the integration of barbarians in late Antiquity / Ed by W Pohl Leiden u a , 1997.

Kuchenbuch L Grundherrschaft im fruheren Mittelalter Idstein, 1991.

Langewiesche D Europa zwischen Restauration und Revolution 1815–1849. Munchen, 1993.

Martin J Spatantike und Volkerwanderung. Munchen, 2001.

Mildenberger G Sozial- und Kulturgeschichte der Germanen· von den Anfangen bis zur Volkerwanderungszeit. Stuttgart u. a., 1977.

Mommsen W. J. Das Ringen um den nationalen Staat: die Gründung und der innere Ausbau des Deutschen Reiches unter Otto von Bismarck, 1850 bis 1890. Berlin, 1993.

Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866: Bürgerwelt und starker Staat. München, 1987.

Prinz F. Von Konstantin zu Karl dem Grossen: Entfaltung und Wandel Europas. Düsseldorf u. a., 2000.

Reuter T. Germany in the Early Middle Ages: 800–1056. L. u. a., 1991.

Revolution in Deutschland und Europa 1848/49 / Hrsg. von W. Hardtwig. Göttingen, 1998.

Schieffer R. Die Karolinger. Stuttgart u. a., 2000.

Schmidt H. Zerfall und Untergang des Alten Reiches (1648–1806). In: Deutsche Geschichte. Von Anfängen bis zur Wiedervereinigunf / Hrsg. von M. Vogt. Zweite Auflage. Stuttgart, 1991. S. 218–300.

Schubert E. Einführung in die deutsche Geschichte im Spätmittelalter. Darmstadt, 1999.

Schulze H. K. Grundstrukturen der Verfassung im Mittelalter: In 3 Bd. Stuttgart, 1985–1998. Bd. 1–3.

Säkulärisierung, Dechristanisierung und Rechristianisierung im neuzeitlichten Europa: Bilanz und Perspektiven der Forschung. / Hrsg. von H. Lehmann. Gottingen, 1997.

Stände und Gesellschaft im Alten Reich / Hrsg. von G. Schmidt. Wiesbaden u. a., 1989.

Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl. Leiden u. a., 1998.

Todd M. Die Germanen: von den frühen Stammesverbänden zu den Erben des Weströmischen Reiches. Stuttgart, 2000.

Vierhaus R. Deutschland im Zeitalter des Absolutismus. In: Deutsche Geschihte in 3 Bänden. Göttingen, 1985. Bd. 2. Frühe Neue Zeit. S. 355–479.

Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln u. a., 1961.

Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen: In 2 Bd. München, 2000–2001. Bd. 1.

Wolfram H. Die Germanen. München, 2000.

Wolfram H. Geschichte der Goten: Von der Anfängen bis zur Mitte des 6. Jahrhunderts: Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1990.

Zöllner E. Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. München, 1970.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

VIII–II вв. до н. э. — ясторфская археологическая культура, основным этническим компонентом которой были древние германцы.

Ок. 350 г. до н. э. — первое упоминание в античных источниках германского племенного этнонима «тутоны» («тевтоны»).

120–101 гг. до н. э. — вторжение в Римскую империю кимвров, тевтонов, амбронов, гаудов — первое столкновение римлян с германцами.

Ок. 70 г. до н. э. — создание союза германских племен во главе со свевом Ариовистом.

59 г. до н. э. — римский сенат дарует главе свевско-гарудского племенного союза Ариовисту титул «правителя и друга», то есть политического союзника Рима, и именует его *rex Germanorum*.

58 г. до н. э. — Гай Юлий Цезарь нанес поражение германцам в Галлии.

15 г. до н. э. — основание римского военного лагеря Augusta Vindelicorum (совр. Аугсбург).

8 г. до н. э. — возникновение военно-племенных союзов: маркоманнов и свевов во главе с Марободом в Богемии; херусскоов и хавов во главе с Арминием в землях между Везером и Эльбой.

9 г. н. э. — разгром херусско-хавским союзом римлян в Тевтобургском лесу.

17 г. н. э. — война между двумя германскими племенными союзами во главе с Арминием и Марободом.

I в. н. э. — основание римских колоний в бассейне Рейна Colonia Agrippina (совр. Кёльн) и Aquae Grani (совр. Аахен).

I–IV вв. н. э. — Любсов-культура — археологическая культура германцев эпохи Великого переселения народов.

98 г. н. э. — «О происхождении и местожительстве германцев» («Германия») Корнелия Тацита.

Ок. 150 г. — первое упоминание Клавдием Птолемеем саксов.

166–180 гг. — Маркоманнские войны.

180 г. — мирный договор римского императора Коммода с маркоманнами и квадами.

Кон. II — нач. III вв. — формирование союза аламаннов в междуречье Дуная, Майна и Рейна.

213 г. — разгром римским императором Каракаллой аламаннов.

Перв. пол. III в. — формирование военно-племенных союзов франков, аламаннов и готов.

242, 257 г. — первые набеги франков на Римскую империю.

248, 251, 255 гг. — вторжения вестготов и остготов в Римскую империю.

269 г. — разгром готского союза римлянами под г. Наиссом.

297 г. — заключение договора Римской империи с частью готов об их статусе федератов.

323 г. — вторжение готов во Фракию и Мезию.

355 г. — захват франками римской колонии Агриппина.

357 г. — разгром императором Юлианом франков и алеманнов при Аргенторате (совр. Страсбург).

361 г. — провозглашение в Лютеции (совр. Париж) узурпатора Юлиана римским Августом по германскому обычаю — поднятием на щите.

Ок. 341 г. — крещение готов по арианскому обряду.

375 г. — вторжение гуннов в Юго-Восточную Европу, переселение вестготов на территорию Римской империи в качестве федератов.

378 г. — разгром вестготами под Андрианополем римской армии.

382 г. — заключение договора Римской империи с вестготами.

Ок. 400 г. — первое упоминание о тюрингах.

401 г. — вторжение вестготов во главе с Аларихом в Италию.

405–406 гг. — прорыв лимеса вандалами, аланами и свевами и их вторжение на территорию Западной Римской империи.

409 г. — захват франками бассейна Мозеля, бургундами — верховьев долины Рейна, аламаннами — римской провинции Реция II.

410 г. — взятие вестготами Рима.

418 г. — образование вестготами первого варварского королевства с центром в Тулузе.

431 г. — разгром франков Аэцием и их поселение в качестве федератов на левобережье Рейна.

436 г. — поселение салических франков в низовьях Рейна в качестве федератов.

451 г. — битва на Каталаунских полях.

476 г. — падение Западной Римской империи.

Ок. 479 г. — завоевание франками Трира и долины Мозеля.

482–511 гг. — правление Хлодвига, короля франков.

486 г. — завоевание франками государства Сиагрия, основание Франкского королевства.

486–751 гг. — правление династии Меровингов во Франкском государстве.

491–492 г. — покорение салическими франками леворейнских тюрингов.

493 г. — завоевание остготами Италии.

496 г. — включение части аламаннских земель в состав Франкского королевства.

496/498 г. — крещение Хлодвига и 300 дружинников.

Ок. 500 г. — складывание раннегосударственного образования тюрингов в бассейне Унструта-Заале (район совр. Веймара и Эрфурта).

Нач. VI в. — установление франками выплаты ежегодной дани от саксов.

VI в. — формирование этнических общностей германцев (аламанны, баварцы и др.).

507 г. — разгром вестготов и завоевание Аквитании франками.

508 г. — прибытие в Тур византийского посольства и вручение Хлодвигу знаков королевского достоинства и консульского титула.

511 г. — провозглашение на синоде в Орлеане меровингской «государственной» церкви.

511 г. — раздел Франкского королевства между сыновьями Хлодвига на четыре части, в числе которых выделяется Австразия, включавшая зарейнские германские земли.

531–534 гг. — включение Тюрингии в состав Франкского королевства.

537 г. — создание дуката (приграничного округа) на территории Аламаннии и Баварии.

537 г. — передача остготами франкам Прованса и Южной Реции.

539 г. — начало чеканки Теудебертом Австразийским золотой монеты с собственным изображением.

558–561 гг. — временное объединение Франкского государства Хлотарем I.

568 г. — завоевание лангобардами Италии.

585–602 гг. — миссионерская деятельность св. Колумбана во Франкском государстве.

613 г. — основание «апостолом Аламаннии» св. Галлом Сен-Галленского монастыря.

614 г. — издание Хлотарем II Парижского эдикта.

631 г. — поражение франков от славянского княжества Само, прекращение выплаты саксами дани и получение тюрингами независимости.

687 г. — установление власти Пипина II Геристальского над всем Франкским королевством.

Ок. 716 г. — подчинение Карлом Мартеллом Франконии и Тюрингии.

717–754 гг. — деятельность св. Бонифация («апостола Германии») по распространению и укреплению христианства в германских землях.

732 г. — победа Карла Мартелла над арабами при Пуатье.

739 г. — учреждение в Регенсбурге св. Бонифацием епископства и бенедиктинского аббатства.

742–746 гг. — подавление Карломаном и Пипином мятежей в Аламаннии, Баварии, Тюрингии.

Ок. 744 г. — основание Фульдского монастыря.

745 г. — утверждение церковным собором системы государственной церкви во главе с метрополией в Кельне.

751–843 гг. — правление Каролингской династии во Франкской империи

768–814 гг. — правление Карла Великого

768–798 гг. — строительство Дворцовой капеллы Карла Великого в Аахене (архитектор Одо из Меца)

772–804 гг. — покорение Карлом Великим саксов

782 г. — издание «Капитулярия по делам Саксонии» (Саксонский капитулярий).

785 г. — образование архиепископской резиденции в Кельне

794 г. — первое упоминание Франкфурта-на-Майне

Конец VIII — нач. IX в. — «Каролингское возрождение»

Конец VIII — нач. IX в. — строительство императорского пфальца в Аахене

800 г. — провозглашение Карла Великого императором

Ок. 810 г. — основание бурга, названного в источниках 834 г Гамбургом

817 г. — издание «Устроения империи» Людовиком I Благочестивым

Ок. 822 г. — основание Новокорвейского монастыря на Везере

834 г. — учреждение архиепископства в Гамбурге

841 г. — битва при Фонтенуа-ан-Пюизе между сыновьями Людовика I Благочестивого

842 г. — заключение Страсбургской клятвы между Карлом Лысым и Людвигом (Людовиком) Немецким.

843 г. — Верденский раздел каролингской империи между Карлом Лысым, Людвигом Немецким и Лотарем Образование Восточно Франкского королевства (Германии).

843–911 гг. — правление Каролингов в Восточно-Франкском королевстве (Германии)

844 г. — перевод на древнесаксонский язык «Книги Бытия» в Фульдском монастыре.

848 г. — учреждение архиепископства в Бремене

899 г. — начало набегов венгров на германские земли

910 г. — основание Клюнийского монастыря в Бургундии, ставшего центром клюнийского движения.

911 г. — избрание на съезде в Форххайме герцога Франконии Конрада германским королем.

915 г. — битва при Эресбурге между франками из Франконии и саксами

919–1024 гг. — правление Саксонской (Оттоновской) династии в Германии.

919–936 гг. — правление Генриха I Птицелова, короля Германии.

925 г. — присоединение Лотарингии к Германии.

928–929 гг. — завоевание Генрихом I полабских славян.

936–973 гг. — правление Оттона I.

Вторая пол. X в. — «Оттоновское возрождение».

955 г. — разгром Оттоном I венгров на р. Лех под Аугсбургом.

962 г. — провозглашение германской «Римской империи».

973–980 гг. — междоусобная борьба в Германии.

982–983 гг. — восстание полабских славян и разрушение Гамбурга.

985–987 гг. — походы германских войск против полабских славян в союзе с чешским и польским князьями.

991–997 гг. — походы германских войск против лютичей.

1003–1018 гг. — войны Генриха II с польским королем Болеславом Храбрым.

1004, 1013, 1021–1022 гг. — походы Генриха II в Италию.

1024–1125 гг. — правление Франконской (Салической) династии в Германии.

1026–1029, 1037–1038 гг. — походы Конрада II в Италию.

1031 г. — поход Конрада II в Венгрию.

1033 г. — принесение польским королем Мечиславом II вассальной присяги Конраду II.

1034 г. — присоединение Бургундии (королевство Арелат) и окончательное закрепление названия «Римская» за германской империей.

1037 г. — указ Конрада II «О бенефициях в Итальянском королевстве» («Павийская конституция»).

1040–1041 гг. — принесение Чехией и Польшей вассальной присяги и присоединение к Германии части моравских земель.

1044 г. — раздел Лотарингии Генрихом III на две части.

1044 г. — разгром Генрихом III венгерских войск под Менфе.

1050 г. — первое упоминание Нюрнберга.

1056–1106 гг. — правление Генриха IV, германского императора.

1069 г. — поход Генриха IV против лютичей и подавление восстания в Тюрингии.

1073–1075 гг. — Саксонское восстание.

Ок. 1075 г. — написание Адамом Бременским «Деяний понтификов Гамбургской церкви».

1075 г. — издание Григорием VII «Диктата пап».

1076–1122 гг. — борьба за инвеституру.

1076 г. — собор германских епископов в Вормсе, поддержавших Генриха IV и отказавшихся принести присягу папе Григорию VII.

1076 г. — отлучение от церкви Генриха IV.

1076 г. — обращение папы Григория VII к вассалам Генриха IV с предложением не соблюдать присягу императору.

1077 г. — «хождение в Каноссу» Генриха IV.

1077 г. — низложение Генриха IV германской знатью и избрание королем герцога Рудольфа Швабского.

1080 г. — смерть Рудольфа Швабского, вторичное отлучение Генриха IV.

1081–1084 гг. — поход Генриха IV в Италию.

1081 г. — избрание саксонской знатью королем графа Германа Люксембургского.

1083 г. — захват Генрихом IV Рима.

1084 г. — провозглашение Генриха IV императором.

1084–1090 гг. — усмирение Генрихом IV Германии.

1096–1099 гг. — Первый крестовый поход.

1103 г. — провозглашение Генрихом IV всеобщего земского мира.

1104–1106 гг. — мятеж против императора баварской знати, возглавляемой Генрихом V.

1110–1111 гг. — поход Генриха V в Италию, провозглашение его императором.

1122 г. — Вормский конкордат.

1138–1254 гг. — правление династии Гогенштауфенов (Штауфенов).

Между **1143 г. и 1146 г.** — написание «Хроники» Оттоном Фрайзингским.

1147–1149 гг. — Второй крестовый поход.

1150 г. — образование маркграфства Бранденбург.

1152–1190 гг. — правление Фридриха I Барбароссы.

1154–1155, 1158–1162, 1163–1164, 1166–1168, 1174–1178 гг. — походы Фридриха I Барбароссы в Италию.

1157 г. — окончательное закрепление за германской империей названия «Священная империя».

1158 г. — решение Ронкальского рейхстага о передаче императору верховной власти над итальянскими городами.

1158 г. — дарование Фридрихом I Барбароссой городского права Мюнхену.

1162 г. — разрушение Милана Фридрихом I Барбароссой.

1167 г. — образование Ломбардской лиги городов.

1170–1190 гг. — строительство императорского пфальца в Гельнхаузене.

1176 г. — поражение войск Фридриха I Барбароссы при Леньяно.

1177 г. — заключение мира между Фридрихом I Барбароссой и папой Александром III.

1180 г. — лишение герцога Баварии и Саксонии Генриха Льва всех владений и его изгнание из Германии.

1183 г. — заключение мира между Фридрихом I Барбароссой и Ломбардской лигой.

1189–1192 гг. — Третий крестовый поход.

1198 г. — образование Тевтонского ордена в Палестине.

Ок. 1200 г. — первый датированный случай проведения городского карнавала.

1201 г. — основание Риги, военно-политического центра Ливонии.

1202 г. — образование Ордена меченосцев и начало завоевательных походов в Прибалтику.

Нач. XIII в. — основание рыбацкого поселения Берлин на р. Шпрее.

1212–1250 гг. — правление Фридриха II Штауфена.

1216 г. — первое упоминание Дрездена.

1220 г. — коронация Фридриха II Штауфена императором, дарование привилегий германскому духовенству.

1226 г. — переведение Тевтонского ордена из Палестины в Прибалтику и начало покорения пруссов.

1228–1229 гг. — Четвертый крестовый поход, возглавляемый Фридрихом II Штауфеном.

1232 г. — лишение германских городов прав и вольностей рейхстагом в Равенне.

1237 г. — поход Фридриха II Штауфена в Италию, разгром войск Ломбардской лиги при Кортеново.

1237 г. — объединение Ордена меченосцев и Тевтонского ордена в Ливонский орден.

1237 г. — составление «Саксонского зерцала».

Ок. 1240–1273 гг. — возведение позднеготической церкви Зебальдускирхе в Нюрнберге.

1241 г. — заключение договора Любеком и Гамбургом о совместной защите торговых путей на Балтике.

1241 г. — разгром монголами при Лигнице объединенной армии чехов, поляков и немецких рыцарей.

1242 г. — поражение Ливонского ордена в битве на Чудском озере.

1248–1560 гг. — строительство Кёльнского домского собора (окончен в 1842–1880 гг.).

1254 г. — закрепление за германской империей названия «Священная Римская империя».

1254 г. — создание союза рейнских городов.

1256 г. — образование союза приморских городов Любека, Гамбурга, Люнебурга, Висмара, Ростока, ставшего основой будущей Великой Ганзы.

1273–1291 гг. — правление Рудольфа I Габсбурга.

1282 г. — включение Австрии в состав домениальных владений Габсбургов.

1288 г. — окончательная победа жителей Кёльна над своим сеньором, получение Кёльном статуса свободного имперского города.

1291 г. — образование Швейцарского союза.

1304–1454 гг. — строительство готического собора св. Стефана в Вене.

1307 г. — образование города Берлина.

1336–1339 гг. — крестьянское восстание в Юго-Восточной Германии.

1347–1378 гг. — правление Карла IV Люксембурга.

1356 г. — «Золотая булла» Карла IV Люксембурга.

1356 г. — получение союзом приморских немецких городов названия «немецкая Ганза», или «Великая Ганза».

1365 г. — основание Венского университета.

1367–1370 гг. — война Великой Ганзы против Дании.

1370 г. — Штральзундский мир между Великой Ганзой и Данией.

1381 г. — объединение Швабского и Рейнского союзов городов.

1386 г. — основание Гейдельбергского университета.

1387–1389 гг. — «городская» война германской аристократии против вольных городов.

1388 г. — основание Кёльнского университета.

Конец XIV — XV в. — движение «новое благочестие» в Германии.

1409 г. — основание Лейпцигского университета.

1410 г. — битва при Грюнвальде (Танненберге).

1420–1431 гг. — участие немецких рыцарей во главе с императором Сигизмундом I Люксембургом в крестовых походах против чешских гуситов.

1440–1493 гг. — правление Фридриха III Габсбурга.

1431 г. — создание алтаря св. Магдалины в церкви Тифенбронне в Бадене немецким живописцем Л. Мозером.

1439–1445 гг. — крестьянское восстание «Башмака» в Юго-Западной Германии.

Середина XV в. — изобретение книгопечатания Й. Гутенбергом.

1466 г. — Тевтонский орден становится вассалом Польши.

1466–1492 гг. — строительство позднеготической церкви Фрауэнкирхе в Мюнхене.

1472 г. — основание университета в Ингольштадте (в 1826 г. перенесен в Мюнхен).

1476 г. — крестьянское движение под руководством Г. Бехайма.

1480-е гг. — начало употребления нового названия империи — «Священная Римская империя германской нации».

1485 г. — раздел единого Саксонского курфюршества (саксонских владений Веттинов) на Саксонское курфюршество и герцогство Саксония.

1485 г. — захват Австрии венгерским королем Матьяшем Хуньяди.

Ок. 1486 г. — создание первого корпуса ландскнехтов.

1488 г. — образование Швабского союза.

1489 г. — окончательное конституирование рейхстага.

1491 г. — отвоевание Австрии у венгров эрцгерцогом Максимилианом.

1493–1519 гг. — правление Максимилиана I Габсбурга.

1494 г. — издание поэмы «Корабль дураков» С. Бранта.

1495, 1500 гг. — решения Вормского и Аугсбургского рейхстагов о проведении имперских реформ.

Ок. 1497–1511 гг. — создание А. Дюрером цикла гравюр «Большие страсти».

Ок. 1498 г. — создание А. Дюрером серии гравюр на дереве «Апокалипсис».

1501–1504 гг. — создание алтаря «Святой крови» в церкви Якобскирхе (Ротенбург) немецким скульптором Т. Рименшнайдером.

1502 г. — заговор «Башмака» в Шпейерском епископстве.

1502 г. — основание Виттенбергского университета.

1505 г. — объединение Баварии (столица — Мюнхен).

1508–1519 гг. — создание бронзовых фигурных украшений раки св. Зебальда церкви Зебальдускирхе в Нюрнберге немецкими мастерами Г. Фишером Младшим и П. Фишером Младшим.

1509 г. — издание «Похвального слова глупости» («Похвалы глупости») Эразма Роттердамского.

1512–1515 гг. — роспись Изенхеймского алтаря М. Нитхардтом (Грюневальдом).

1514 г. — издание «Писем знаменитых людей» И. Рейхлина.

1514 г. — создание А. Дюрером гравюры «Меланхолия».

1515 г. — издание буллы папы Льва X о распространении индульгенций на территории Майнца, Магдебурга и Бранденбурга.

1515, 1517 гг. — издание 1-й и 2-й частей «Писем темных людей» эрфуртских гуманистов.

1517 г., 18 октября — издание папой Львом X буллы о продаже индульгенций в целях оказания «содействия построению храма св. Петра и спасения душ».

1517 г., 31 октября — выступление М. Лютера с 95 тезисами против продажи индульгенций. Начало Реформации.

1518 г., октябрь — выступление М. Лютера на Аугсбургском рейхстаге.

1519 г. — проведение диспута между М. Лютером и И. Экком в Лейпциге.

1519–1556 гг. — правление императора Карла V.

1520 г. — послание М. Лютера «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния» Карлу V.

1520 г. — отлучение М. Лютера от церкви.

1520–1521 гг. — написание У. фон Гуттеном антипапских «Диалогов».

1521 г. — образование имперского правительства.

1521 г. — составление сословиями рейхстага «Жалобы германской нации на папский престол».

1521 г. — выступление М. Лютера на Вормском рейхстаге.

1521 г. — издание Вормского эдикта о преследовании Лютера и его последователей.

1521–1526 гг. — первая война Карла V с французским королем Франциском I.

1522 г. — попытка анабаптистов осуществить Реформацию в Виттенберге.

1522 г. — начало Реформации в городах Юго-Западной Германии.

1522–1523 гг. — восстание рыцарей под руководством Ф. фон Зиккингенна.

1522–1532 гг. — создание Л. Кранахом Старшим цикла портретов М. Лютера.

1523 г. — выход первого программного произведения У. Цвингли «67 тезисов».

1523 г. — написание портрета Эразма Роттердамского Х. Гольбейном Младшим.

1524 г., июль — съезд представителей реформированных городов в Шпейере.

1524 г. — издание Карлом V Бургосского эдикта.

1524–1525 гг. — Крестьянская война в Германии.

1524–1526 гг. — создание Х. Гольбейном Младшим серии рисунков «Пляски смерти».

1525 г. — секуляризация Тевтонского ордена, провозглашение светского герцогства Пруссия.

1526 г. — решение Шпейерского рейхстага о признании права на существование реформационного учения и осуществление Реформации.

1526 г. — первые визитации в Саксонии.

1526 г. — включение Чехии и Венгрии в состав владений австрийских Габсбургов.

1526–1527 гг. — Реформация в княжестве Люнебург.

1526–1529 гг. — вторая война Карла V с французским королем Франциском I.

1528 г. — Реформация в княжестве Гессен.

1528 г. — подготовка «Саксонского школьного плана» Ф. Меланхтона.

1529 г. — протестация 5 князей и 14 городов против попыток Карла V и католиков отменить решение Шпейерского рейхстага (1526).

1529 г. — издание «Малого катехизиса» М. Лютера.

1530 г. — «Аугсбургское исповедание веры» — свод лютеранской теологии Ф. Меланхтона.

1531 г. — издание «Изложения христианской веры» У. Цвингли.

1531 г. — создание Шмалькальденского союза протестантов.

1532 г. — заключение Карлом V Нюрнбергского религиозного мира с участниками Шмалькальденского союза.

1534 г. — Реформация в княжествах Вюртемберг, Анхальт, начало Реформации в Померании.

1534–1535 гг. — Мюнстерская коммуна.

1536 г. — утверждение лютеранства в городах Юго-Западной Германии на основе «Виттенбергского согласия» Ф. Меланхтона.

1536 г. — первая редакция «Наставления в христианской вере» Ж. Кальвина.

1536–1538 гг. — третья война Карла V с французским королем Франциском I.

1538–1539 гг. — Реформация в курфюршестве Бранденбург.

1538 г. — решение бранденбургского ландтага о запрете крестьянам уходить с земель без разрешения господ.

1539 г. — Реформация в герцогстве Саксония.

1542–1544 гг. — четвертая война Карла V с французским королем Франциском I.

1545–1563 гг. — Тридентский собор.

1546–1647 гг. — Шмалькальденская война. Поражение протестантов.

1548 г. — договор об «интериме».

1548 г. — создание первого земского правительства в Саксонии.

1552 г. — союз протестантов с Францией. Захват французами Меца, Вердена, Туля.

1552 г. — война протестантских князей против императора. Пассауский мирный договор.

1554 г. — публикация на немецком языке «Баварской хроники» И. Авентина.

1553 г. — создание первых товарных бирж в Кёльне и Гамбурге.

1555 г. — Аугсбургский религиозный мир.

1559 г. — издание окончательного варианта «Наставления в христианской вере» Ж. Кальвина.

1559–1574 гг. — написание «Магдебургских центурий».

1561–1663 гг. — переход в кальвинизм пфальцского курфюрста Фридриха III.

1563 г. — составление кальвинистского «Гейдельбергского катехизиса».

1563 г. — составление католического «Тридентского катехизиса».

1570-е гг. — начало перехода в кальвинизм мелких германских княжеств.

1576–1612 гг. — правление Рудольфа II Габсбурга.

1577 г. — выработка лютеранами «формулы согласия» (конкордии).

1583 г. — предотвращение баварским герцогом Альбрехтом V секуляризации кёльнского курфюршества и проведение там рекатолизации.

1607 г. — оккупация баварским герцогом Максимилианом I имперского города Донауверта.

1608 г. — создание Евангелической унии.

1609 г. — создание Католической лиги.

1614 г. — переход в кальвинизм бранденбургского курфюрста и его придворных.

1618 г. — объединение Бранденбурга и Пруссии.

1618 г. — создание первого депозитного банка в Гамбурге.

1618–1648 гг. — Тридцатилетняя война.

1618–1624 гг. — чешско-пфальцский период Тридцатилетней войны.

1619 г. — избрание главы Евангелической унии Фридриха Пфальцского чешским королем.

1619–1637 гг. — правление Фердинанда II.

1620 г. — победа имперских войск над чешскими протестантами при Белой Горе.

1623 г. — лишение Фридриха Пфальцского курфюршеского титула и передача его Максимилиану Баварскому.

1625–1629 гг. — датско-нижнесаксонский период Тридцатилетней войны.

1629 г. — Реституционный эдикт.

1630–1634 гг. — шведский период Тридцатилетней войны.

1631 г. — победа шведской армии над имперской при Брейтенфельде.

1632 г. — победа шведской армии над имперской при Люцене.

1634 г. — победа имперской армии над шведской при Нердлингене.

1635 г. — Пражский мир между империей и саксонским курфюрстом Иоганном Георгом I.

1635 г. — вступление в Тридцатилетнюю войну Англии и Голландии.

1635–1648 гг. — шведско-французский период Тридцатилетней войны.

1646 г. — выход из войны Испании, заключение мира между Испанией и Францией.

1648 г., 24 октября — Вестфальский мир.

1640–1688 гг. — правление Великого курфюрста Фридриха Вильгельма в Бранденбурге.

1656 г. — издание В. Л. Зекендорфом книги «Немецкое княжеское государство».

1657 г. — прекращение вассальной зависимости Пруссии от Речи Посполитой и окончательное присоединение Пруссии к Бранденбургу.

1658–1705 гг. — правление Леопольда I Габсбурга.

1658–1668 гг. — образование и деятельность Рейнского союза.

1663 г. — приобретение рейхстагом статуса постоянно действующего (в Регенсбурге).

1663–1664 гг. — война Австрии, императора и Рейнского союза с Османской империей.

1663–1728 гг. — строительство дворца Нимфенбург в Мюнхене.

1664 г. — захват Францией Эрфурта в архиепископстве Майнц.

1664 г., 1 августа — победа австрийских и имперских войск над турками при Сент-Готарде.

1664 г., 10 августа — заключение Леопольдом I в Айзенбурге мира с турками.

1667 г. — издание произведения С. Пуфендорфа «О статусе Германской империи».

1668 г. — подписание Леопольдом I тайного соглашения с Людовиком XIV о нейтралитете в испано-французском конфликте и дальнейшем разделе испанского наследства.

1670 г. — антигабсбургское восстание в Венгрии.

1672 г. — казнь главы дворянской оппозиции Пруссии К. Л. Калькштайна.

1675 г., 28 июня — победа Великого курфюрста Фридриха Вильгельма над шведами при Фербеллине.

1678–1679 гг. — Нимвегенские мирные договоры между Францией, императором и рядом германских княжеств.

1679 г. — начало политики реунирования (оккупации) германских княжеств со стороны Франции.

1681 г. — оккупация Страсбурга французами.

1681 г. — принятие рейхстагом «Оборонительного устава».

1682–1699 гг. — война Австрии с Османской империей.

1683 г. — осада турками Вены. Разгром турок польской и имперской армиями.

1684 г. — образование Священной лиги во главе с Леопольдом I.

1684 г. — захват французами Люксембурга.

1684 г. — заключение Регенсбургского договора.

1685 г. — «Потсдамский эдикт» Великого курфюрста Фридриха Вильгельма.

1686 г. — создание Аугсбургской лиги.

1688–1697 гг. — война Франции с Аугсбургской лигой (война за Пфальцское наследство).

1688–1713 гг. — правление бранденбургского курфюрста Фридриха III, с 1701 г. — первого прусского короля Фридриха I.

1692 г. — получение курфюршеского статуса Ганновером.

1694 г. — открытие Академии художеств в Берлине.

1695–1706 гг. — строительство Цейхгауза в Берлине.

1695–1749 гг. — создание дворцово-паркового комплекса Шёнбрунн (архитекторы Ф. фон Эрлах, Н. Пакасси).

1696–1703 гг. — создание А. Шлютером конного памятника Великому курфюрсту Фридриху Вильгельму.

1697 г. — Рисвикский мир.

1697 г., 11 сентября — победа при Зенте войск принца Евгения Савойского над турками.

1697 г. — возведение саксонского курфюрста Фридриха Августа Сильного на престол Речи Посполитой.

1698–1706 гг. — создание А. Шлютером внутреннего двора и интерьеров Городского дворца в Берлине.

1699 г., 26 января — Карловицкий мирный договор.

1701 г. — провозглашение Прусского королевства, коронация Фридриха I в Кёнигсберге.

1701–1714 гг. — война за испанское наследство.

1701 г., 7 сентября — образование Большого альянса.

1704 г., 13 августа — поражение франко-баварской армии при Гохштедте.

1705 г. — основание Академии наук в Берлине.

1709 г., 11 сентября — битва при Мальплаке.

1710 г. — основание в Мейсене фарфоровой мануфактуры.

1711–1740 гг. — правление императора Карла VI Иосифа Франца.

1711–1722 гг. — создание М. Д. Пёппельманом дворцового ансамбля Цвингер в Дрездене.

1713 г. — Утрехтский мир.

1713 г. — принятие в Австрии Прагматической санкции о наследовании.

1713–1716 гг., 1721–1722 гг. — строительство И. Л. Гильдебрандом Нижнего и Верхнего Бельведера в Вене.

1713–1740 гг. — правление прусского короля Фридриха Вильгельма I.

1714 г. — вступление Пруссии в Северную войну.

1714 г. — Раштаттский мирный договор.

1714 г., 7 сентября — утверждение Баденским конгрессом германских государств условий Раштаттского мирного договора.

1715 г. — антишведский союзный договор Ганновера и России.

1715–1718 гг. — война Священной Римской империи против Турции.

1718 г. — Пожаревацкие мирные договоры.

1719–1753 гг. — строительство И. Б. Нёйманом епископской резиденции в Вюрцбурге.

1720 г. — Стокгольмский мирный договор между Пруссией и Швецией, по которому к Пруссии отошли Штеттин и Передняя Померания.

1723 г. — создание Генерал-директории в Пруссии.

1731 г. — принятие имперского «Ремесленного устава».

1737 г. — принятие имперского «Монетного устава».

1740–1786 гг. — правление Фридриха II Великого, короля Пруссии.

1740–1792 гг. — период Просвещенного абсолютизма в Германии.

1740–1748 гг. — война за австрийское наследство.

1740–1742 гг. — Первая Силезская война между Пруссией и Австрией.

1741–1743 гг. — строительство Г. В. фон Кнобельсдорфом оперного театра в Берлине.

1742 г. — Берлинский договор между Пруссией и Австрией.

1744–1745 гг. — Вторая Силезская война между Пруссией и Австрией.

1745 г. — Дрезденский мир между Пруссией и Австрией.

1745–1762 гг. — строительство Г. В. фон Кнобельсдорфом дворцово-паркового ансамбля Сан-Суси в Потсдаме.

1745–1765 гг. — правление императора Франца I Стефана.

1748 г. — Аахенский мир по итогам войны за австрийское наследство.

1756 г., 16 января — заключение Уайтхоллского (Вестминстерского) союзного договора между Англией и Пруссией.

1756 г., 1758 г. — Версальские союзные договоры, оформившие антипрусскую коалицию в составе Франции, Австрии и России.

1756–1763 гг. — Семилетняя война (Третья Силезская война).

1757 г. — победа Фридриха II над французскими войсками при Росбахе. Разгром австрийцев армией Фридриха II при Лейтене.

1759 г., 12 августа — поражение прусской армии от русско-австрийских войск при Кунерсдорфе.

1760 г., 9 октября — вступление русских войск в Берлин.

1760 г., 3 ноября — битва при Торгау между прусскими и австрийскими войсками.

1762 г., 24 апреля — Петербургский мирный договор между Пруссией и Россией.

1763 г., 15 февраля — Губертусбургский мирный договор.

1763 г. — принятие прусского школьного устава.

1764 г., 31 марта — Петербургский союзный договор между Пруссией и Россией.

1765–1790 гг. — правление императора Иосифа II.

1772 г., 25 июля — первый раздел Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией.

1773 г. — выход драмы И. В. Гёте «Гёц фон Берлихинген».

1774 г. — создание И. Б. Базедовым «Филантропиума» в Дессау.

1774 г. — издание романа И. В. Гёте «Страдания молодого Вертера».

1774–1830 гг. — написание и издание в отдельных частях трагедии «Фауст» И. В. Гёте.

посл. четверть XVIII в. — движение «Буря и натиск».

1778–1779 гг. — война за баварское наследство.

1779 г., 13 мая — Тешенский мирный договор.

1781 г. — издание «Критики чистого разума» И. Канта.

1786 г. — премьера в Вене оперы В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро».

1787 г. — написание представительницей немецкого классицизма А. Кауфман портрета И. В. Гёте.

1787 г. — премьера оперы В. А. Моцарта «Наказанный распутник, или Дон Жуан».

1788 г. — заключение англо-прусского союза, означавшего фактический выход Пруссии из состава Империи.

1788–1791 гг. — строительство К. Г. Лангхансом Бранденбургских ворот в Берлине.

1789 г. — начало Великой Французской буржуазной революции.

1790–1792 гг. — правление Леопольда II Габсбурга.

1791 г. — премьера оперы В. А. Моцарта «Волшебная флейта».

1792 г. — заключение австро-прусского антифранцузского договора.

1792–1797 гг. — первая антифранцузская коалиция.

1793 г., 12 января — Петербургская конвенция о втором разделе Речи Посполитой.

1795 г., 5 апреля — Базельский мирный договор.

1795 г., 13 октября — Петербургская конвенция о третьем разделе Речи Посполитой.

1795 г. — издание труда И. Канта «О вечном мире».

1797–1840 гг. — правление прусского короля Фридриха Вильгельма III.

1797 г. — Кампоформийский мирный договор.

1798–1801 гг. — участие Австрии во второй антифранцузской коалиции.

1800 г., 14 июня — поражение австрийских войск от французов при Маренго.

1800 г., 2–3 декабря — поражение австрийских войск от французов у Гогенлиндена.

1801 г., 9 ноября — Люневильский мирный договор Австрии с Францией.

1801 г. — создание Ф. Й. Гайдном оратории «Времена года».

1801 г. — написание Л. ван Бетховеном сонаты до-диез минор (т. н. «Лунной»).

1803 г. — написание Л. ван Бетховеном «Крейцеровой сонаты».

1804 г. — написание Л. ван Бетховеном 3-й симфонии («Героической»).

1804 г., 10 августа — принятие Францем II титула императора Австрии.

1805 г. — участие Австрии в третьей антифранцузской коалиции.

1805 г., 20 октября — поражение австрийских войск от французов под Ульмом.

1805 г., 2 декабря — поражение русско-австрийских войск под Аустерлицем.

1805 г., 26 декабря — Пресбургский мир между Австрией и Францией.

1806 г., 12 июля — образование второго Рейнского союза.

1806 г., 1 августа — выход членов Рейнского союза из Священной Римской империи.

1806 г., 6 августа — сложение Францем II императорской короны и прекращение существования Священной Римской империи германской нации.

1806–1807 гг. — участие Пруссии в четвертой антифранцузской коалиции.

1806 г., 14 октября — поражение прусских армий от французов под Йеной и Ауэрштедтом.

1807 г., 8 февраля — сражение под Прейсиш-Эйлау между русско-прусской и французской армиями.

1807 г., 14 июня — победа французской армии под Фридландом над русско-прусской армией.

1807 г., 7, 9 июля — Тильзитский мир (русско-французский и прусско-французский договоры).

1807 г. — «Октябрьский эдикт» в Пруссии об отмене личной зависимости крестьян.

1807 г. — издание «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля.

1807 г. — утверждение Наполеоном конституции Вестфалии.

1808 г. — возникновение в Кёнигсберге тайного антифранцузского союза Тугендбунда.

1808 г. — отмена личной зависимости крестьян в Берге.

1808 г. — принятие Баварской конституции.

1808 г. — реформа городского самоуправления в Пруссии.

1809 г. — участие Австрии в пятой антифранцузской коалиции.

1809 г. — полная отмена личной зависимости крестьян в Баварии.

1809 г., 13 мая — захват французами Вены.

1809 г., 6 июля — разгром Наполеоном австрийских войск под Ваграме.

1809 г., 14 октября — Шёнбруннский мирный договор между Францией и Австрией.

1810 г. — открытие Берлинского университета.

1810–1811 гг. — принятие законов о свободе промышленной деятельности в Пруссии.

1811 г. — полная отмена личной зависимости крестьян в Гессене.

1811–1812 гг. — прусские законы о выкупе крестьянских повинностей.

1812 г. — участие военного контингента германских государств (Саксонии, Баварии, Австрии, Пруссии и др.) в войне Наполеона против России.

1812 г., 30 декабря — Таурогенская конвенция.

1812 г. — издание «Науки логики» Г. В. Ф. Гегеля.

1813 г., 16 февраля — Калишский союзный трактат между Россией и Пруссией.

1813 г., 16 марта — объявление Пруссией войны Наполеону.

1813 г., 27 июля — Рейхенбахский договор.

1813 г., 16–19 октября — «Битва народов» под Лейпцигом.

1814 г., 1 марта — Шомонский трактат.

1814 г., сентябрь — открытие Венского конгресса.

1815 г., 9 июня — подписание Заключительного акта Венского конгресса.

1815 г., 18 июня — разгром англо-голландскими и прусскими войсками Наполеона под Ватерлоо.

1815 г. — создание Германского союза.

1815 г. — создание в Йене первой германской студенческой корпорации, положившей начало движению буршей.

1816–1860 гг. — строительство архитектором Л. фон Кленце музеев в Мюнхене (Глиптотека, Старая пинакотека и Пропилеи).

1817 г., 18–19 октября — провозглашение на студенческом празднике в Вартбурге единой немецкой студенческой организации.

1818 г. — принятие Таможенного закона в Пруссии.

1818–1821 гг. — строительство К. Ф. Шинкелем драматического театра в Берлине.

1819 г. — Карлсбадские решения.

1819 г. — принятие конституции в Вюртемберге.

1822 г. — появление первого парохода на Рейне.

1823–1824 гг. — создание в Пруссии провинциальных ландтагов.

1824 г. — создание Л. ван Бетховеном 9-й симфонии.

1826 г. — создание Прусско-рейнского пароходного общества.

1827 г. — издание «Книги песен» Г. Гейне.

1830 г. — революции во Франции и Бельгии, национально-освободительные движения в Италии и Польше.

1830–1834 гг. — введение конституций в Саксонии, курфюршестве Гессен, Брауншвейге, Ганновере.

1830-е — 1840-е гг. — зарождение политических партий в Германии.

1832 г., февраль — основание «Отечественного союза».

1832 г., май — Гамбахский «праздник» — массовое выступление оппозиции из различных немецких государств.

1833 г. — основание Г. Брюхнером «Общества прав человека» в Гессене.

1834 г., 1 января — создание Таможенного союза германских государств.

1835 г. — строительство первой в Германии железной дороги Нюрнберг — Фюрт.

1837 г. — отмена конституции в Ганновере.

1837 г., 18 ноября — выступление профессоров Гёттингенского университета («Гёттингенская семерка») против отмены ганноверской конституции.

1838 г. — основание «Берлинского политического ежегодника» — идейного центра католического политического движения в Германии.

1840–1861 гг. — правление прусского короля Фридриха Вильгельма IV.

1841 г. — создание в Кёльне «Общества Кампгаузена».

1841 г. — создание В. Р. Вагнером оперы «Летучий голландец».

1843 г. — прусский закон о формировании акционерных обществ в пароходном и железнодорожном деле.

1845–1847 гг. — аграрный кризис в германских государствах.

1845–1847 гг. — создание В. Р. Вагнером оперы «Лоэнгрин».

1847 г. — промышленный кризис в германских государствах.

1847 г., сентябрь — разработка программы демократического движения на собрании в Оффенбурге (Баден).

1847 г., октябрь — принятие на съезде в Геппенгейме программы либеральной партии.

1847–1849 гг. — строительство Г. Земпером здания Картинной галереи в Дрездене.

1848–1849 гг. — революции в европейских государствах.

1848 г., март — мартовские петиции, формирование либеральных правительств.

1848 г., март–апрель — крестьянские выступления в германских государствах.

1848 г., 3 марта — отмена цензуры специальным постановлением Бундестага.

1848 г., 3 марта — демонстрация рабочих в Кёльне — начало революции в Пруссии.

1848 г., 4 марта — восстание в Мюнхене.

1848 г., 18–19 марта — столкновения демонстрантов с войсками в Берлине.

1848 г., 31 марта — 3 апреля — работа Предпарламента.

1848 г., 2 апреля — начало работы Соединенного ландтага в Пруссии.

1848 г., 15–17 мая — восстание в Вене, отставка К. В. Л. Меттерниха.

1848 г., 18 мая — начало работы германского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне (Франкфуртское собрание).

1848 г., 22 мая — начало работы Прусского Национального собрания.

1848 г., июль — 1849 г., 10 мая — деятельность Временного общегерманского правительства.

1848–1850 гг. — датско-прусская война.

1848 г., сентябрь — отставка либерального кабинета в Пруссии.

1848 г., 27 октября — принятие Франкфуртским Национальным собранием проекта создания общегерманского союза государств.

1848 г., 31 октября — подавление восстания в Вене.

1848 г., 2 ноября — отречение от престола Фердинанда I и вступление на престол Франца Иосифа I.

1848 г., 23–24 ноября — выступления в Эрфурте в защиту Прусского Национального собрания.

1848 г., 27 ноября — отказ Австрии войти в общегерманский союз государств.

1848 г., 5 декабря — роспуск Национального собрания в Пруссии. Публикация новой редакции конституции.

1849 г., 28 марта — принятие Имперской конституции Франкфуртским Национальным собранием.

1849 г., апрель — кампания за Имперскую конституцию.

1849 г., 28 апреля — роспуск Прусского Национального собрания и отказ Фридриха Вильгельма IV возглавить имперское государство.

1849 г., 4 мая — постановление Франкфуртского Национального собрания о проведении выборов в нижнюю палату рейхстага.

1849 г., май–июль — восстания в поддержку конституции в городах Германии и их подавление прусскими войсками.

1849 г., 26 мая — создание «Союза (унии) трех королей» (Пруссия, Ганновер и Саксония).

1849 г., 30 мая — введение в Пруссии трехклассной избирательной системы.

1849 г., июнь–июль — роспуск Национального собрания.

1850 г. — аграрная реформа в Пруссии.

1850 г. — создание «Союза четырех королевств» (Бавария, Вюртемберг, Ганновер, Саксония).

1850 г. — издание новой конституции в Пруссии.

1850 г., 29 ноября — подписание «Ольмюцских пунктов» о праве Австрии ввести войска в курфюршество Гессен.

1850 г., декабрь — Дрезденская конференция представителей германских государств о восстановлении и реформе Германского союза.

1851 г., май — восстановление Бундестага.

1851 г., 31 декабря — отмена конституции в Австрии.

1852 г. — издание новой конституции в курфюршестве Гессен.

1852 г. — выход академического «Словаря немецкого языка».

1852–1874 гг. — создание В.-Р. Вагнером оперной тетралогии «Кольцо нибелунгов».

1854 г. — выход закона Германского союза о печати, возрождение цензуры.

1857–1859 гг. — создание В. Р. Вагнером оперы «Тристан и Изольда».

1859 г. — австро-итало-французская война.

1859 г., сентябрь — учредительный съезд Немецкого национального союза во Франкфурте-на-Майне.

1861–1888 гг. — правление прусского короля Вильгельма I.

1861–1869 гг. — строительство венской оперы.

1861 г. — принятие конституции в Австрии.

1861 г. — образование партии прогрессистов в Пруссии.

1862 г. — начало издания серии «Исторические памятники Германии».

1862–1866 гг. — конституционный конфликт в Пруссии.

1862 г., 8 октября — назначение О. фон Бисмарка премьер-министром Пруссии.

1863 г., ноябрь — аннексия Данией Шлезвига.

1864 г. — война Пруссии и Австрии с Данией.

1864 г., 30 октября — Венский мирный договор Пруссии и Австрии с Данией.

1865 г., 14 августа — Гаштейнская конвенция об управлении Шлезвигом и Гольштейном.

1866 г., апрель — подписание прусско-итальянского союзного договора.

1866, 14 июня — мобилизация союзной армии по требованию Австрии.

1866 г. — австро-прусская война.

1866 г., 3 июля — победа прусских войск над австрийскими в сражении под Кёниггрецем.

1866 г., 23 августа — Пражский мирный договор между Пруссией и Австрией. Упразднение Германского союза.

1867 г. — образование Северогерманского союза.

1867 г. — назначение О. фон Бисмарка канцлером Северогерманского союза.

1867 г. — преобразование Австрии в Австро-Венгрию.

1868 г., 1 января — вступление в силу Таможенного союза.

1870 г., июль — начало франко-прусской войны.

1871 г., 18 января — провозглашение Германской империи.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Август IV (1764–1795), см. *Станислав Понятовский*

Августин, Блаженный Аврелий (354–430), христианский теолог и церковный деятель *200*

Авентин (Иоганн Турмайр) (1477–1534), герм. историк-гуманист, автор «Баварских хроник» *230, 311*

Аверроэс (Ибн-Рушда, Ибн Рушд, Ибн Рошд Абуль-Валид Мухаммед ибн Ахмед) (1126–1198), арабский философ и врач, последний из видных представителей восточного аристотелизма *182, 199*

Авиценна (Ибн-Сина), (ок. 980–1037) крупнейший ученый Средней Азии *182*

Агнесса Пуату (ум. 1077), супруга короля *Генриха III* (1043–1056) и мать *Генриха IV*, регентша в период его малолетства (1056–1062) *114, 117*

Агрикола, Георг (Шниттер Иоганн) (1494–1555) нем. ученый, реформатор, богослов-проповедник, автор книги «О горном деле и металлургии» (1550) *311*

Адальберт Бременский (ок. 1000–1072), нем. церковно-политический деятель, архиепископ гамбургско-бременский (с 1043) *113, 117, 128*

Адам Бременский (ум. 1081), средневек. историк, богослов и церковный деятель, автор «Деяний понтификов Гамбургской церкви» *131*

Адельгейда (Аделаида Святая), (931–999), супруга короля Италии *Лотаря* (947–950), затем *Оттона I* (с 951) *104*

Адриан IV (Николай Брекспир) (ок. 1100–1159), папа римский (1154–1159), единственный англичанин на папском престоле, короновал *Фридриха Барбароссу* короной императора (1155) *137*

Алавив, один из конунгов (королей) вестготского племенного союза (375–377) *49, 52*

Аларих I (ок. 370–410), король вестготов (с 395), в 410 г. захвативший и разграбивший Рим *52–54, 56*

Александр I (1777–1825), российский император (1801–1825) *411, 418*

Александр III (Роландо Бандинелли) (ум. 1181), кардинал, римский папа (1159–1181), вел борьбу против императора *Фридриха I Барбароссы* и поддерживал Ломбардскую лигу *139, 140*

Александр Север (208–235), римский император (222–235) *42*

[1] Указатель составлен к основному тексту учебного пособия и включает имена деятелей, сыгравших наиболее значимую роль в германской истории.

Алкуин (730–804), англ. монах, приближенный *Карла Великого*, деятель «Каролингского возрождения» *132*

Альберт Великий (ок. 1193–1280), нем. теолог-доминиканец, учитель *Фомы Аквинского 199, 200*

Альбрехт (Адальберт) Медведь (Красивый) (1100–1170), маркграф Балленштедта (1134–1157) и Бранденбурга (1157–1170) *142, 143, 182*

Альбрехт III Мужественный (Решительный) (1443–1500), курфюрст Саксонии (1485–1500) *190, 211*

Альбрехт IV Мудрый (1447–1508), граф Мюнхена (1467–1508), герцог Баварии (1506–1508) *211*

Альбрехт V (1528–1579), герцог Баварии (1550–1579) *272*

Альбрехт Бранденбургский (1490–1545), архиепископ Бранденбургский и курфюрст Майнцский (1514–1545), кардинал (с 1518) *220*

Альбрехт Прусский (1490–1568), великий магистр Тевтонского ордена (1511–1525), герцог Пруссии (1525–1568) *246*

Альбрехт Фридрих (1553–1618), герцог Пруссии (1568–1618) *276*

Альтдорфер, Альбрехт (1480–1538), нем. живописец и график эпохи Возрождения, глава дунайской школы *305, 306*

Анастасий I (453–518), византийский император (491–518) *64*

Апраксин, Степан Федорович (1702–1760), фельдмаршал и командующий русской армией в Семилетней войне *384*

Арбогаст (ум. 394), римск. полководец франкского происхождения при императоре *Грациане*, после смерти которого фактически руководил империей (383–394) *44*

Аренс, Генрих (1808–1874), нем. ученый, юрист и философ, депутат Франкфуртского парламента (1848) *445*

Ариовист (I в. до н. э.), вождь германского племени свевов (ок. 70–58 гг. до н. э.), перешел с отрядом германцев р. Рейн (ок. 71) и поселился на территории Галлии, собрав вокруг себя около 120 тыс. германцев *23, 24, 29, 30, 35*

Аристотель (384–322 до н. э.), древнегреческий философ *182, 199, 200*

Арминий (17 г. до н. э. — ок. 21 г. н. э.), вождь херусков, освободитель Германии от римской власти *30, 32, 33, 36*

Арндт (Арнд), Иоганн (1555–1621), лютер. богослов, мистик, ген.-суперинтендент в Целле, автор знаменитого сочинения «Об истинном христианстве» (1605) *399*

Арним, Ахим фон (1781–1831), литературный деятель, представитель позднего романтизма в Германии, издатель сборника народных песен «Волшебный рог мальчика» *481*

Арнольд Брешианский (Арнальдо Брешианский) (1100–1155), проповедник, борец против католической церкви *137*

Арнульф (850–899), король восточных франков (с 887), герм.-римск. император (896–899) *98, 99, 127*

Арнульф Злой (ум. 937), герцог Баварии (907–937) *100*

Арнульф Святой (582–641), епископ Мецкий (612–641), родоначальник династии Каролингов (Арнульфингов) *80*

Арпад, Аба Самуил (Шамуэль) (ум. 1044), король Венгрии из династии Арпадов (Арпадовичей) (1041–1044) *114*

Арпад, Андраш (Эндре, Андрей) (ум. 1060), король Венгрии из династии Арпадов (Арпадовичей) (1046–1060) *114*

Атанарих, вестготский конунг (IV в.) *49, 50, 52*

Аттила (ум. 453), гуннский правитель (433–453) *54*

Ауэрсвальд, Рудольф (1797–1870), глава либеральной партии в прусск. ландтаге (1847), министр внутренних дел, член Франкфуртского парламента (1848), либеральный депутат (1858–1870) *454*

Аэций (396–452/454), римский полководец германского происхождения *54, 55*

Беда Достопочтенный (674–735), церковный историк, монах *59, 60*

Базедов, Иоганн Бернард (1823–1790), деятель нем. Просвещения, основатель «Филантропиума» в Дессау (1774) *393*

Бах, Иоганн Себастьян (1685–1750), нем. композитор и органист *398, 402*

Беккер, Николаус (1809–1845), нем. политический поэт, автор стихотворения «Немецкий Рейн» (1840), направленного против захватнической политики Франции в 1840 г. *441*

Беренгарий (Беренгар II) (ум. 966), король Италии (950–961), свергнут *Оттоном I 104*

Берлихинген, Готфрид (Гец) фон (1480–1562), нем. рыцарь, один из вождей Крест. войны (1524–1526) *251*

Бёрн, Людвиг (1786–1837), нем. журналист, участник группы «Молодая Германия», деятель демократ. движения *485*

Бернард Клервосский (1091–1153), франц. церковный деятель, теолог-мистик, аббат в Клерво (с 1115), советник пап и государей, инициатор Второго крестового похода *133*

Бертольд Баварский (ум. 947), герцог Баварии (938–945) *102*

Бертольд Регенсбургский (1220–1272), францисканский монах и проповедник в южной Германии *189–192, 194*

Бетховен, Людвиг ван (1770–1827), нем. композитор *403, 404*

Бехайм, Ганс (Ханс Бём) (ум. 1476), руководитель крестьянского движения во Франконии (1476) *179, 180*

Бехер, Йоганн Иоахим (1635–1682), нем. врач и химик, один из теоретиков герм. камерализма *322, 398*

Бисмарк (фон Шёнхаузен), Отто Эдуард Леопольд (1815–1898), князь, гос. деятель Пруссии, канцлер Германской империи (1871–1890) *474–479*

Блюм, Роберт (1807–1848), нем. полит. деятель и театральный критик, лидер нем. катол. движения (1845–1848) представитель демократ. партии во Франкфуртском парламенте (1848), участник венского восстания (1848) *460*

Блюхер, Герхард Леберехт (1742–1819), знаменитый прусск. генерал, фельдмаршал (с 1813), князь Вальштадский (с 1814), участник битвы при Ватерлоо *411, 418*

Болеслав I Храбрый (ум. 1025), польский король (992–1025), основатель Польского государства *108–110, 112*

Бонифаций, святой (Винфрид) (ок. 680–754), «апостол Германии», христианский миссионер *88, 89, 127*

Брант, Себастьян (ок. 1458 — 1521), профессор канонического и римского права Базельского университета, адвокат, автор поэмы «Корабль дураков» (1494) *226, 227*

Брейгель Старший, Питер (ок. 1510–1570), средневек. нем. художник *197*

Брентано, Клеменс (1778–1842), литературный деятель, представитель позднего романтизма в Германии, издатель сборника народных песен «Волшебный рог мальчика» *481*

Брук, Карл Людвиг (1798–1860), барон, австр. министр торговли (1849–1850), министр финансов (1855–1860) *471*

Бруно I (925–965), назначен *Оттоном I* имперским канцлером (940), архиепископ Кёльнский (с 953), герцог Лотарингии (с 954) *103*

Буцер, Мартин (1491–1551), нем. реформатор *231, 247*

Бюхнер, Георг (1813–1837), нем. драматург, участник группы «Молодая Германия», деятель демократического движения *440, 485*

Вагнер, Вильгельм Рихард (1813–1883), нем. композитор *482*

Вакенродер, Вильгельм (1773–1798), нем. писатель романтического направления *480, 481*

Валла, Лоренцо (ок. 1407–1457), итальянский гуманист, секретарь при папском дворе (с 1448), автор работы о поддельности «Константинова дара» *231*

Валент, Флавий (326–378), соправитель своего брата *Валентиниана I* в восточной части Римской империи (364–378) *48, 50, 51*

Валентиниан I, Флавий (321–375), правитель Западной Римской империи (364–375) *48*

Валленштейн (Вальдштейн), Альбрехт Венцеслав Евсевий (Евсарий) (1583–1634), имперский главнокомандующий *Фердинанда II* во время Тридцатилетней войны *298, 300*

Вальдбург, Георг фон, трухзес (стольник), полководец войск Шьабского союза в период Крест. войны, подавивший выступление верхнешвабских крестьян (1525) *251*

Вар, Публий Квинтилий (13 г. до н. э. — 9 г. н. э.), римск. военачальник, потерпевший поражение от германцев в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) *36*

Вейтлинг, Вильгельм (1808–1871), деятель нем. социалистического движения *447*

Велькер, Карл Теодор (1790–1869), нем. публицист и юрист, один из лидеров нем. либерализма *444*

Венанций Фортунат (ок. 530 — после 600), лат. писатель и поэт раннего Средневековья *67*

Вернер Садовник, нем. средневек. поэт, автор поэмы «Мейер Гельмбрехт» (XIII век) *192, 194*

Видукинд (Витекинд) (ум. 807), знаменитый вождь саксов, герцог восставших саксов во время войны *Карла Великого* с лангобардами *85, 86*

Видукинд Корвейский (ок. 950–1004), монах, нем. хронист, автор «Саксонской истории (Деяния саксов)» *60, 101, 131*

Виланд, Кристоф Мартин (1733–1813), деятель нем. Просвещения, издатель публицистической серии «Немецкий Меркурий» *401, 403, 405*

Виллар, Клод Людовик (Гектор) (1653–1734), герцог, франц. полководец, маршал (1733), участник походов в Нидерланды (1653–1679) и войны за Испанское наследство *371*

Виллегад, святой (ум. 789), сподвижник *Карла Великого*, христианский миссионер в Саксонии *89*

Виллиборд (658–739) бенедиктинский монах и миссионер в северо-германских землях (с 690), епископ Утрехтский (с 695) *88*

Вильгельм I (1797–1888), регент при прусск. короле *Фридрихе Вильгельме IV* (1857–1861), король Пруссии (1861–1888), герм. император (с 1871) 456, *466, 472*

Вильгельм III Оранский (1650–1702), штатгальтер Голландии (1672–1688), англ. король (1689–1702) *364, 367*

Вильфрид (634–709), англ. епископ, проповедник христианства в земле фризов (с 678) *88*

Винкельман, Иоганн Иоахим (1717–1768), нем. историк искусств, археолог, автор «Истории искусства древности» (1763) *402*

Вирт, Иоганн Георг (1798–1848), нем. журналист и историк, представитель оппозиционного движения, основатель «Отечественного союза» (1832) *440*

Витигес, король остготов (536–539), осаждавший Рим (537–538) *62, 67*

Вольтер, Франсуа Мари Аруэ (1694–1778), франц. философ, писатель и историк *385, 388, 399, 403*

Вольф, Кристиан (1679–1754), юрист, деятель нем. Просвещения *336, 400*

Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170–1220), нем. поэт-миннезингер, автор стихотворного рыцарского романа «Парцифаль» (1198–1210) *184, 186, 187*

Гагерн, Генрих фон (1799–1880), барон, нем. полит. деятель, либерал, президент Франкфуртского парламента (1848), премьер-министр и министр иностранных дел временного общегерманского правительства (1848–1849), выступал за объединение Германии под главенством Пруссии, без участия Австрии *457, 458, 460, 461*

Гайдн, Франц Иосиф (Йозеф), (1732–1809), австр. композитор *402, 404*

Гален, Кристоф (Христофор) Бернгард фон (1606–1678), барон, князь-епископ Мюнстера (1650–1678) *359*

Галл, святой (ум. 627), ученик *Колумбана*, христианский миссионер у аламаннов (с 595), основ. монастыря Сен-Галлен в Швейцарии (613) *88*

Ганземан, Давид (1790–1864), прусск. полит. и гос. деятель, банкир, один из лидеров нем. либеральной буржуазии (1830–1840-е), министр финансов, затем премьер-министр Пруссии (1848) *445, 449, 453*

Гарденберг, Карл Август (1750–1822), прусск. гос. деятель, министр иностранных дел (1804–1806, 1807), канцлер (1810–1822), князь (1814) *424, 433, 434, 436*

Гарденберг, Фридрих (1772–1801), представитель немецкого романтизма *480*

Гартман фон Ауэ (ок. 1168 — после 1210), средневековый нем. поэт-миннезингер *184, 188*

Гаттерер, Иоганн Кристоф (1727–1799), нем. историк, автор учебников по истории и геральдике *400*

Гаттон (850–913), архиепископ Майнцский (891–913), советник *Конрада I 99*

Гауфф, Вильгельм (1802–1827), нем. писатель-сказочник *482*

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), нем. философ *405, 408, 480, 485–488*

Гейер, Флориан (ок. 1490–1525), нем. рыцарь, один из вождей Крест. войны *251, 252, 254*

Гейне, Генрих (1797–1856), нем. поэт, участник объединения «Молодая Германия» *485*

Геккер, Фридрих (1811–1881), представитель демократического движения в Германии 1840-х гг. *446, 448, 460*

Гендель, Георг Фридрих (1685–1759), нем. композитор и органист *398*

Генрих I Баварский (920–955), герцог Баварский (947–955), брат *Оттона I 102, 109, 131*

Генрих I Птицелов (Саксонский) (ок. 876–936), первый герм. король из Саксонской династии (с 919) *98–101, 131*

Генрих II Плантагенет (Генрих Анжуйский) (1133–1189), англ. король (с 1154), первый из династии Плантагенетов 130, *140*

Генрих II Святой (973–1024), герм. король (1002–1024), император (с 1014), последний представитель Саксонской династии *109, 110, 115, 130*

Генрих III (1017–1056), герм. король (1039–1056), император (с 1046) *110, 112–116*

Генрих IV (1050–1106), герм. король (1056–1106), император (с 1084) *98, 113, 114, 117–122, 132, 181*

Генрих V (1081–1125), герм. король (с 1106), император (с 1111), последний представитель Салической династии *122–125, 139*

Генрих Лев (1129–1195), герцог Саксонии (1142–1180) и Баварии (1156–1180) *139, 141, 143, 182*

Генц, Фридрих фон (1764–1832), нем. публицист и гос. деятель, юрист и философ, секретарь *Меттерниха* (с 1810) *435*

Георг I Людвиг (1660–1727), курфюрст Ганноверский (с 1698), первый англ. король из Ганноверской династии (1714–1727) *371*

Георг Фридрих (1620–1692), граф (с 1664) и князь (с 1682) Вальдек-Айзенберга *366*

Гервинус, Георг Готфрид (1805–1871), нем. историк, литературовед, представитель «культурно-исторической школы» *489*

Гердер, Иоганн Готфрид (1744–1803), нем. философ и писатель-просветитель, теоретик «Бури и натиска» *403, 408, 472*

Герлах, Эдуард Людвиг фон (1795–1877), прусск. юрист и политический деятель, депутат рейхстага (1877) *454*

Герман Люксембургский (ум. 1088), граф, избирался герм. королем швабами и саксонцами (1081) *121*

Гесс, Эобан Кох (1488-1540), нем. гуманист из Эрфурта, один из авторов «Писем темных людей» (1517) *228*

Гёте, Иоганн Вольфганг (1749–1832), нем. поэт и писатель *401–403*

Гильдебранд, Иоганн Лука (1666-1745), немецкий архитектор, представитель стиля нем. барокко *397*

Гиплер (Хиплер), Вендель (ок. 1465–1526), нем. рыцарь, один из руководителей Крест. войны (1524–1526) *252*

Глаубер, Иоганн Рудольф (1604–1670), нем. химик и врач *311*

Глюк, Кристоф Виллибальд (1714–1787), нем. композитор *397, 402*

Гнейзенау, Август Вильгельм (1760–1831), прусск. генерал, граф (с 1814) *411, 414*

Гольбейн (Хольбейн), Ганс (Ханс) (ок. 1497–1543), нем. живописец и гравер *306*

Гонорий III (Ченчио Савелли) (ум. 1227), папа римский (1216–1227), основатель орденов доминиканцев и францисканцев *146*

Гонорий Флавий (384–423), первый император Западной Римской империи (395–423), при нем Рим был захвачен вестготами во главе с *Аларихом I* (410) *53*

Готфрид Страсбургский (ум. ок. 1220), нем. поэт-миннезингер, автор куртуазного эпоса «Тристан» *184*

Гофман, Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), нем. писатель-романтик, композитор и художник *482*

Грациан (359–383), император западной части Римской империи (367–375), соправитель своего отца — императора *Валентиниана I 51*

Григорий VII Гильдебрандт (ок. 1015–1085), папа римский (1073–1085) *98, 117–121, 123, 181*

Григорий Турский (ок. 538–594), епископ Турский, историк *63, 66, 70, 73*

Гримм, братья: Якоб (1785–1863) и **Вильгельм** (1786–1859), нем. лингвисты, писатели-сказочники, издали «Немецкую грамматику» (1819–1837), академический «Словарь немецкого языка» (1852) *23, 441, 481*

Грифиус, Андреас (1616–1664), нем. поэт и драматург *307, 308*

Гуго, Август (1764–1844), нем. юрист, профессор в Гёттингене, основатель т. н. «историч. школы» правоведения *405*

Гумбольдт, Александр (1769–1859), нем. ученый-естествоиспытатель и путешественник *415*

Гумбольдт, Карл Вильгельм (1767–1835), барон, прусск. политический деятель и ученый-лингвист, министр культа и просвещения (1808–1810), министр внутренних дел (1819) *415, 437*

Гундахар (ум. 443), конунг бургундов *54*

Гус, Ян (1369–1415), чешский реформатор, ректор Пражского университета *236*

Густав II Адольф (1594–1632), шведский король (1611–1632), участник Тридцатилетней войны *300*

Гуттен, Ульрих фон (1488–1523), нем. писатель, гуманист, идеолог рыцарства *228–231, 247, 248*

Гуттенберг, Иоганн (Генсфлейш из Майнца) (ок. 1400–1468), изобретатель книгопечатания (ок. 1440), создатель первой типографии (1450) *198*

Дагоберт I, франкский король (628–638) из дома Меровингов *67, 76, 80*

Дальман, Фридрих Кристоф (1785–1860), нем. историк и полит. деятель *441, 445, 460*

Дамас (Дамаз) II (ум. 1048), папа римский (1048) *116*

Даун, Леопольд Иосиф (1705–1766), граф, австр. фельдмаршал *380, 384*

Деций, Гай Мессий Квинт Траян (ок. 200–251), римск. император (249–251) *43*

Диоклетиан, Гай Аврелий (23–ок. 316), римск. император (284–305) *44*

Домициан, Тит Флавий (51–96), римск. император (81–96) *36, 38*

Дюрер, Альбрехт (1471–1528), нем. живописец и график, основоположник искусства нем. Возрождения *178, 222, 304, 305, 481*

Евгений (Франц Евгений) Савойский (1663–1736), принц Савойский, полководец на австр. службе (с 1683) *361, 368, 369, 371*

Евтропий, Флавий (ум. ок. 370), римск. историк *39*

Екатерина II Великая (Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская) (1729–1796), российская императрица (1762–1796) *384–389*

Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица (1741–1761) *383, 384*

Зальцман, Кристиан Готтхильф (1744–1811), деятель нем. Просвещения *393*

Захарий (ум. 752), папа римский (741–752), дал санкцию на возведение на франкский престол *Пипина Короткого 83*

Зекендорф, Файт Людвиг фон (1626–1692), гос. деятель и историк, основатель герм. камерализма, автор труда «Немецкое княжеское государство» (1655) *322*

Зенон Исаврятянин (ум. 491), император Восточной Римской империи (474–491) *56*

Зиккинген (Зикинген), Франц фон (1481–1523), нем. рыцарь, военачальник верхнерейнских рыцарей (1522), сторонник Реформации *247, 248*

Иннокентий III (1161–1216), папа римский (1198–1216) *143–145*

Иннокентий XI (1611–1689), папа римский (1676–1689) *366*

Иоанн XII (ум. 964), папа римский (955–964) *106*

Иоанн Лейденский (Ян Бейкельсзон; Бюкхольд) (1509–1536), вождь мюнстерских анабаптистов (1534–1535) *246*

Иоахим II Бранденбургский (1505–1571), курфюрст Бранденбургский (1535–1571) *260*

Иоахим III Фридрих (1546–1608), курфюрст Бранденбургский (1598–1608) *276*

Иоахим Флорский (Джокаккино да Фьоре) (ок. 1132–1202), итал. мыслитель, основатель хилиастического учения *242*

Иоганн Георг I (1585–1656), курфюрст Саксонский (1611–1656) *300, 301*

Иоганн Постоянный (1468–1532), курфюрст Саксонский (1525–1532), провел в Саксонии Реформацию (1526) *246*

Иоганн Фридрих Великодушный (1501–1554), курфюрст Саксонский (1532–1547) *259, 260*

Иордан, готский историк VI в., епископ Кротонский, автор сочинения «О происхождении и деяниях готов» *43, 230*

Иосиф I (1678–1711), австр. эрцгерцог (с 1705), император Священной Римской империи (1705–1711) *370*

Иосиф II (1741–1790), австр. эрцгерцог (с 1780), император Священной Римской империи (1765–1790), соправитель своей матери *Марии Терезии* (1765–1780) *385, 387–391, 393, 395, 396*

Иосиф Климент (1671–1723), курфюрст Кёльнский (с 1688) *367, 369, 371*

Иоханнес Слейдан (ок. 1506–1556), нем. историк-лютеранин *312*

Исидор Севильский (ок. 560–636), архиепископ Севильи (с 600), автор «Этимологии» и «Истории королей готов» *23*

Иштван I Святой (ок. 970–1038), первый король Венгерского королевства (1000–1038) из династии Арпадов *108*

Йорк фон Вартенбург, Людвиг (1759–1830), граф (1813), прусск. фельдмаршал, командующий прусск. войсками в составе армии Наполеона *415, 416*

Каликст II (Гвидо), граф Бургундский, папа римский (1119–1124), прекратил спор об инвеституре Вормским конкордатом (1122) *124, 125*

Кальвин, Жан (1509–1564), франц. деятель Реформации, основатель кальвинизма *231, 239, 265, 266*

Калькштайн, Кристиан Людвиг (ум. 1672), прусск. дворянин, полковник, сторонник сохранения сословной системы *374*

Кампгаузен, Лудольф, (1803–1890), нем. полит. деятель, либерал, банкир, премьер-министр Пруссии (1848) *430, 445, 449, 454*

Кант, Иммануил (1724–1804), нем. философ, основатель нем. классической философии *399, 402, 403, 405, 408, 485–487*

Каракалла, Марк Аврелий Антонин (188–217), римск. император (211–217) *41*

Карамзин, Николай Михайлович (1766–1826), русский писатель и историк *332, 405*

Карл I Великий (742–814), франкский король (768–814), император (800–814) *58, 60, 84–86, 88–90, 93–95, 100, 108, 127, 130–132, 160, 181, 230*

Карл II (1630–1685), король Англии и Шотландии (1660–1685) *364*

Карл II (1661–1700), испанский король (1665–1700), последний из испанских Габсбургов *363, 364, 368, 369*

Карл II Лысый (823–877), западнофранкский король (843–877), император (*с* 875) *91–93, 95, 98*

Карл III Простоватый (879–929), западнофранкский король (898–923) *100*

Карл III Толстый (839–888), правитель Алеманнии (877–882), восточнофранкский король (882–887), западнофранкский король (884–887), император (881–887) *98*

Карл IV Люксембург (Венцеслав) (1316–1378), герм. король (1347–1378), император Священной Римской империи (*с* 1355) *154–158*

Карл V (1500–1558), король Испании — Карл I (1516–1456), герм. король и император Священной Римской империи (1519–1556) *213, 233, 244, 258–262*

Карл V Леопольд (1643–1690), герцог Лотарингский, полководец *367*

Карл VI Иосиф Франц (1685–1740), император Священной Римской империи (1711–1740), последний из мужской линии Габсбургов *321, 370–372, 379, 381*

Карл VII Альбрехт (Виттельсбах) (1697–1745), курфюрст Баварский (*с* 1726), император Священной Римской империи (1742–1745) *352, 380–382*

Карл X Густав (1622–1660), шведский король (1654–1660) *362*

Карл Август (1758–1828), великий герцог Саксонско-Веймарский (1815–1828) *388, 390, 403*

Карл Мартелл (Молот) (ок. 688–741), австразийский майордом, фактический правитель Франкского государства (*с* 715) *80–82*

Карл Теодор (1724–1799), пфальцграф (1733–1799), курфюрст Баварии (1777–1799) *388, 389, 403*

Карл Фридрих (1728–1811), маркграф Баденский (1738–1811), курфюрст (*с* 1803), вел. герцог (*с* 1806) *403*

Карломан (ум. 754), австразийский майордом (741–747), соправитель Пипина Короткого *82, 83*

Карлштадт (Андреас фон Боденштейн) (1480–1541), деятель Реформации, профессор Виттенбергского и Базельского университетов *239, 240*

Кассий, Дион Коккеян (между 155–164 — ок. 229), древнегреческий историк *32*

Катуальда, один из вождей готонов (18–19), сверг *Маробода* (19 г. н. э.) *30, 32, 36, 37*

Кауниц, Венцель Антон, Доминик (1711–1794), князь, граф Ритберг, австр. гос. деятель, канцлер (1753–1792) *380, 383, 395*

Кеплер, Иоганн (1571–1630), нем. астроном *311*

Керстинг, Георг Фридрих (1785–1847), нем. художник *484*

Килиан, святой (ум. 689), первый епископ Вюрцбурга *88*

Клаузевиц, Карл (1780–1831), прусск. генерал и военный писатель *414*

Кленце, Лео фон (1784–1864), нем. архитектор *482, 483*

Климент II (Суидгар), епископ бамбергский, папа римский (1046–1047) *116*

Климент III (Гиберт), архиепископ Равеннский, возведен на престол *Генрихом IV* как антипапа *Григорию VII* (1080–1100) *121*

Клопшток, Фридрих Готлиб (1724–1803), нем. поэт эпохи Просвещения *401, 403, 408*

Книва, конунг вестготов, в 251 г. разбивший римск. войска императора *Деция 43*

Кнуд I Великий (ок. 995–1035), король Дании (с 1018), Англии (с 1016), Норвегии (с 1028) *110*

Колумбан, святой (ок. 540–615), ирландский монах, проповедник христианства в Бургундии, Нейстрии, Австразии и Лангобардском королевстве *88*

Коммод, Луциус Элий Аврелий (Марк Антонин) (161–192), римск. император (180–192) *41*

Конрад I (ум. 918), герцог Франконский, избран франками и саксами на королевский престол после смерти *Людовика Дитя* (911) *99*

Конрад II Салический (ок. 990–1039), герм. король (1024–1039), император (с 1027), основатель Франконской династии *110–112, 115, 131*

Конрад III (1093–1152), герцог Франконский, король Италии (с 1128), избран рейнскими князьями герм. королем (1138), участник 2-го Крестового похода *181*

Конрад IV (1228–1254), герм. король (1237–1254) *148, 152*

Константин I Великий (Флавий Валерий) (ок. 285–337), римск. император (306–337) *44, 48, 49*

Констанций II, (317–361), римск. император (353–361) *49, 50*

Коперник, Николай (1473–1543), польский астроном и мыслитель *311*

Кох, Йозеф Антон (1768–1839), австр. живописец-пейзажист *404*

Коцебу, Август Фридрих Фердинанд (1761–1819), писатель, русский консул в Кёнигсберге *438*

Кранах, Лукас Старший (1472–1553), нем. живописец и график *304, 305*

Крот Рубеан (Иоганн Егер) (1480–1540), гуманист из Эрфурта, один из авторов «Писем темных людей» (1515–1517) *228*

Крюгер, Франц (1797–1857), нем. художник *485*

Ламберт Герсфельдский (ум. 1088), нем. хронист, монах Герсфельдского монастыря, автор «Анналов» (от «сотворения мира» до 1077) *132, 165*

Лаудон, Гедеон (1716–1790), австр. фельдмаршал, участник Семилетней войны *391*

Лев III Римлянин (ум. 816), папа римский (795–816) *89*

Лев IX (1002–1054), папа римский (1048–1054) *116*

Лев X (Джованни Медичи) (1475–1521), папа римский (1513–1521) *220, 235*

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716), нем. философ, математик, физик и языковед *337, 376, 398*

Леонардо да Винчи (1452–1519), итал. художник, ученый, инженер эпохи Возрождения *481*

Леопольд I Игнатий Иосиф Валтасар Фелициан (1640–1705), король Венгрии (с 1655), король Богемии и Германии и император Священной Римской империи (с 1658) *361–370*

Леопольд II Петр Иосиф Иоганн Антон Иоаким Пий Готгард (1747–1792), великий герцог Тосканский (с 1765), император Священной Римской империи (с 1790) *391, 396*

Леопольд V (1157–1194), герцог Австрийский (с 1177), герцог Штирии (с 1192), участник Крестовых походов *184, 185*

Лессинг, Готхольд Эфраим (1729–1781), нем. драматург, теоретик искусства и литературный критик эпохи Просвещения *347, 402*

Леутарий, аламаннский герцог VI в. *67*

Лист, Фридрих (1789–1846), нем. экономист, профессор Тюбингенского университета *428*

Лиутпранд Кремонский (922–969), средневековый историк, епископ кремонский (с 961) *101, 131*

Лотарь I (795–855), соправитель *Людовика I Благочестивого* (с 817), король Италии (с 822), коронован императором (823) *90–92*

Луден, Генрих (1780–1847), нем. историк *489*

Лукан Марк Анней (39–65), римск. поэт, автор поэмы в 10 книгах «Фарсалия, или О гражданской войне» *28*

Людвиг I Баварский (1786–1868), король Баварии (1825–1848) *449*

Людвиг VI (1539–1583), курфюрст Пфальцский (1576–1583) *268*

Людовик I Благочестивый (778–840), король Аквитании (с 781), соправитель *Карла Великого* (813), император (с 814) *90, 91*

Людовик I Немецкий (804–876), правитель Баварии (с 817), по Верденскому договору получил Восточно-Франкское королевство (843) *90–92, 95, 97, 98, 131*

Людовик XIV (1638–1715), франц. король (с 1643) *317, 349, 361, 363–371, 392*

Людовик XV (1710–1774), франц. король (с 1715), находился под регентством герцога Орлеанского (до 1723) *382, 383, 397*

Людовик XVI (1754–1793), франц. король (1774–1793) *385, 408*

Людовик Дитя (893–911), восточнофранкский король (с 900), последний представитель династии Каролингов в Германии *99, 127*

Лютер, Мартин (1483–1546), деятель Реформации в Германии, основатель одного из течений в нем. протестантизме — *лютеранства 204, 229, 231, 232, 234–243, 245–249, 258, 259, 265, 266, 304, 305, 308–310, 313*

Магненций, Флавий Магн, римск. император (350–353) франкского происхождения *44, 48*

Мазарини, Джулио (1602–1661), франц. политический деятель, кардинал (с 1641), первый министр (с 1643) *361*

Маззолини да Приерио, Сильвестр, доминиканский монах, оппонент *М. Лютера* (1517–1518) *235*

Мак-Магон, Марк Патрик Морис де (1808–1893), герцог Маджентский, маршал (с 1859), президент Франц. республ. (1873–1890) *479*

Максимилиан I (1573–1651), герцог Баварский (с 1597), глава Католической лиги (с 1609), первый курфюрст Баварии (с 1623), граф Верхнего Пфальца (с 1628) *296, 298, 300, 302, 303*

Максимилиан I Габсбург (1459–1519), австр. эрцгерцог, император Священной Римской империи (1493–1519) *155, 165, 175, 190, 212*

Максимилиан II Габсбург (1527–1576), австр. эрцгерцог, король герм. и чешский (с 1562), венг. (с 1563), император Священной Римской империи (1564–1576) *273, 274*

Максимилиан II Эммануил (1662–1726), курфюрст Баварский (1679–1726), в войне за Испанское наследство выступал на стороне *Людовика XIV 369, 370*

Максимилиан III Иосиф (1727–1777), курфюрст Баварский (1745–1777) *388, 403*

Максимилиан Франц Ксаверий Иосиф (1756–1801), епископ Мюнстерский и курфюрст Кёльнский (1784–1801), гроссмейстер Тевтонского ордена (с 1780), участник войны за Баварское наследство *392, 395, 404*

Максимин Фракиец (Гай Юлий Вер) (235–238), римск. легионер фракийского происхождения, римск. император (235–238) *42*

Мальборо, Джон Черчилль (1650–1722), герцог, англ. полководец, главнокомандующий англ. войсками (1702–1712), генералиссимус (с 1714) *370*

Мария Антуанетта (1755–1793), супруга дофина (1770), затем — короля *Людовика XVI* (1774) *385*

Мария Терезия (1638–1683), супруга *Людовика XIV* (с 1660), которому передала права на Испанию *363*

Мария Терезия (1717–1780), австр. эрцгерцогиня, королева Венгрии и Богемии (с 1740), императрица Священной Римской империи (с 1740), назначила соправителями супруга *Франца I* (1745–1765) и сына *Иосифа II* (1766–1780) *380–384, 387, 389, 395, 398*

Марк Аврелий Антонин (121–180), римск. император (164–180) *40*

Маркс, Карл Генрих (1818–1883), нем. экономист, социолог и политический деятель *447, 452, 488*

Маробод (ум. 37 г. н. э.), вождь маркоманнов (ок. 8 г. до н. э. — 18 г. н. э.) *29, 30, 32, 35, 36, 37*

Мартин Турский, святой (316–400), епископ Турский (с 375) *63*

Марцеллин, Аммиан (330–ок. 390), римск. историк *45, 47, 48*

Матвей Парижский (ум. 1259), англ. летописец, монах-бенедиктинец *182*

Матильда (1046–1115), маркграфиня Тосканская (1076–1081 и 1110–1015) *121, 124*

Матильда Саксонская, аббатиса Кведлинбурга (966–999) *108*

Меланхтон (Шварцерт), Филипп (1497–1560), нем. гуманист, теолог и педагог, деятель Реформации, составил «Аугсбургское вероисповедание» (1530) *231, 245, 246, 259, 261, 267, 305, 308–310*

Мендельсон, Мозес (1729–1786), нем. просветитель, философ *347*

Мендельсон-Бартольди, Феликс (1809–1847), нем. композитор романтического направления *482*

Мёрике, Эдуард (1804–1875), нем. писатель-романтик *484*

Меттерних, Клеменс Венцель Лотар (1773–1859), князь, австр. политический деятель, австр. посланник (1801–1809) в Дрездене, Берлине, Париже, министр иностранных дел (1809–1848), канцлер (до 1821) *418, 419, 435, 438*

Мечислав II Ламберт (990–1034), польский король (1025–1034), признал себя вассалом *Конрада II* (1033) *110, 112*

Мешко (Мечислав) I (ок. 922–992), первый польский князь (ок. 960–992), принял христианство (966), признал себя вассалом герм. императоров *107*

Михаэлис, Иоганн Давид (1717–1791), нем. евангел. богослов и ориенталист, один из основателей историко-критического исследования Библии *400*

Мольтке, Гельмут Карл Бенгард фон (1800–1891), граф (с 1870), генерал-фельдмаршал (1871), начальник генерального штаба прусск. и герм. армии (1858–1888) *476*

Монтес, Лола (1820–1861), испанск. танцовщица, фаворитка (1846–1848) короля *Людвига I Баварского*, графиня Ландсфельд *449*

Мориц Мудрый (1572–1632), ландграф Гессен-Касселя (1592–1627) *269*

Мориц Саксонский (1521–1553), герцог (1541–1547) и курфюрст Саксонский (с 1547) *260, 261*

Моцарт, Вольфганг Амадей (1756–1791), австр. композитор, представитель венской классической школы *397, 403, 404*

Мюнцер, Томас (ок. 1490–1525), нем. богослов, один из вождей и идеолог Крест. войны *180, 241–243, 253, 254*

Мюрат, Иоахим (1767–1815), франц. маршал (1804) и король Неаполитанский (1808–1814), адъютант *Наполеона Бонапарта 412*

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), франц. император (1804–1814 и в марте-июне 1815) *405, 409–419, 421–424, 431–434, 486*

Наполеон III Бонапарт, Шарль Людовик (Луи) (1808–1873), член Национального собрания и президент Франц. республики (1848), совершил переворот (1851) и провозгласил себя императором Франции (1852–1870) *478, 479*

Нёйман, Иоганн Бальтазар (1687–1753), нем. архитектор позднего барокко и рококо *397*

Нибур, Бартольд Георг (1776–1831), нем. историк *488, 489*

Николаи, Кристоф Фридрих (1733–1811), нем. писатель, литературный критик и книгоиздатель *400*

Николай II (Жерар де Шеврон) (ум. 1061), папа римский (1059–1061) *116*

Николай Кузанский (Николай Кребс) (1401–1464), нем. теолог и философ, епископ в Бриксене (с 1450), кардинал (с 1448) *224*

Нитхардт (Грюневальд), Матис (ок. 1475–1528), нем. живописец эпохи Возрождения *304, 305*

Ницше, Фридрих (1844–1900), нем. философ *488*

Новалис, см. *Гарденберг, Фридрих.*

Овидий (Публий Овидий Озон) (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.), римск. поэт *97*

Одилон, аббат бенедиктинского монастыря Клюни в Восточной Бургундии (994 — ок. 1041) *115*

Одилон, герцог Баварский (737–748) *82*

Одоакр (ок. 431–493), скир по происхождению, сверг последнего римск. императора *Ромула Августула*, правитель Италии (476–493) *55, 96*

Одон (Эд) Робертин (ум. 898), граф Парижский (888–898), избран королем Западнофранкского государства (888) *98*

Опиц, Мартин (1597–1639), нем. поэт-лирик *307*

Острогота, конунг готов (III в.) *43*

Оттон I Великий (912–973), герм. король (с 936), король Италии (с 951), император (с 962) *97, 98, 100, 102–104, 106, 108, 110, 117, 131*

Оттон II Рыжий (955–983), герм. король и император (с 973) *106, 107, 132*

Оттон III (980–1002), герм. король (с 983) под опекой матери *Феофано* (до 991), император (с 996) *107–109*

Оттон Фрайзингский (Фрейзингенский) (ок. 1111–1158), нем. историк, епископ Фрайзингского монастыря в Баварии (1137), автор «Хроники» всемирной истории (до 1146), «Деяний императора *Фридриха I*» (до 1156) *98, 161, 180, 181*

Отфрид Вайсенбургский (ум. 875), поэт, монах Фульдского монастыря, ученик *Рабана Мавра*, автор «Евангельской гармонии» на франконском языке (между 863–871) *97*

Павел I (1754–1801), российский император (1796–1801) *409*

Павел Диакон (Варнефрид) (ок. 720–799), историк лангобардов, монах из Монте-Кассино, находился при дворе *Карла Великого* (783–787) *230*

Парацельс (Филипп Ауреол Теофаст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493–1541), врач и естествоиспытатель *311*

Петр (ок. 1000–1060), король Венгрии (1038–1041 и 1044–1046) *114*

Петр III (Петр Ульрих) (1728–1762), российский император (1761–1762) *384*

Петр Дамиани (1007–1072), итал. теолог, философ, кардинал *116*

Петр Канизий (1521–1597), католический богослов, один из руководителей ордена иезуитов в Германии *310*

Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини) (1405–1464), папа римский (1458–1464) *224, 230*

Пикколомини Э., см. *Пий II*

Пипин (ум. 838), сын *Людовика I Благочестивого*, король Аквитании (817–838) *90*

Пипин I Старший (Ландекский) (ум. 639), франкский майордом Австразии *80*

Пипин II Средний (Геристальский) (ум. 714), майордом Австразии, после победы при Тестри (687) стал майордомом всей франкской империи (687–714) *80, 88*

Пипин III Младший (Короткий) (ок. 714–768), майордом Нейстрии (с 741), франкский король (с 751) *80, 82–84, 88, 365*

Пифей (Питеас) (IV в. до н. э.), древнегреческий мореплаватель из Массалии, совершил плавание вдоль западных берегов Европы до Британских островов (между 350–320 гг. до н. э.) *27*

Платон (ок. 428 — ок. 348 г. до н. э.), древнегреческий философ, ученик Сократа, основал в Афинах философскую школу (ок. 387) *200*

Плиний Гай Секунд Старший (ок. 23 — 79), римск. писатель, ученый, автор «Естественной истории» в 37 томах *21, 22, 24*

Плутарх (ок. 45 — ок. 127), древнегреческий писатель и историк, автор «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греков и римлян *28*

Помпадур, Жанна Антуанетта Пуассон (1721–1764), маркиза, фаворитка франц. короля *Людовика XV* (с 1745) *383*

Посидоний (ок. 135 — 50 до н. э.), древнегреческий философ-стоик, учитель Цицерона, основал школу на о. Родос *20*

Пржемысл II Отакар (ок. 1230–1278), король Чехии (1253–1278) *153, 154*

Птолемей Клавдий (ок. 90 — ок. 160), древнегреч. астроном и географ *44*

Пфефферкорн, Иоганн, нем.-лат. писатель XVI в., противник гуманистов, оппонент *И. Рейхлина 228*

Пфордтен, Людвиг фон дер (1811–1880), барон, баварский гос. деятель, министр иностранных дел и премьер-министр Баварии (1850–1859 и 1864–1866) *467*

Рабан Мавр (ок. 776–856), франкский богослов и писатель, аббат Фульдского монастыря и архиепископ Майнцский (с 847) *97, 133*

Ранке, Леопольд фон (1795–1886), нем. историк 489

Рафаэль Санти (1483–1520), итал. живописец и архитектор эпохи Возрождения *481*

Рейенталь, Нейдгарт фон (1210–1245), средневековый нем. поэт-миннезингер *184*

Рейхлин, Иоганн (1455–1522), нем. гуманист, филолог и юрист *227, 228*

Ренан, Беат (1485–1547), нем. историк *311*

Рименшнейдер, Тильман (ок. 1460 — 1531), нем. скульптор эпохи Возрождения *306*

Рицимер (ум. 472), свев по происхождению, западно-римск. полководец, фактически правитель Италии (456–472) *55*

Ричард I Львиное Сердце (1157–1199), англ. король (с 1189) из династии Плантагенетов, участник Крестовых походов *185*

Ромул Августул, последний император Западной Римской империи (475–476) *55*

Рорбах, Якоб, руководитель крестьянского отряда («Светлого отряда») во Франконии в годы Крест. войны (1524–1525) *252*

Роттек, Карл Венцеслав (1775-1840), нем. юрист, историк и полит. деятель, профессор Фрайбургского университета *444*

Руге, Арнольд (1802–1880), нем. философ и публицист, издатель оппозиционных журналов (1838–1843) *446*

Рудольф I Габсбургский (1218–1291), герм. король (с 1273), первый из династии Габсбургов *153, 154*

Рудольф II (1552–1612), австр. эрцгерцог, император Священной Римской империи (1576–1612), король Венгрии (1572–1608) и Чехии (1575–1611) *265, 274*

Рудольф Швабский (ум. 1080), герцог Швабский (1057–1080), избран большинством князей королем Германии (1077–1080) во время отлучения *Генриха IV 121*

Рунге, Филипп Отто (1777–1810), нем. живописец и график, теоретик искусства, представитель раннего романтизма *483*

Руссо, Жан-Жак (1712–1778), франц. писатель и философ *360, 385*

Руф, Муциан (Конрад Мут) (1471–1526), нем. гуманист, возглавил эрфуртский кружок гуманистов, из которого вышли «Письма темных людей» *228*

Савиньи, Фридрих Карл (1779–1861), нем. юрист, историк права *405, 489*

Сакс, Ганс (1494–1576), нем. поэт-майстерзингер *307*

Саладин (Салах-ад-Дин), Юсуф (1137–1193), султан Египта (1171) и Сирии (1174) *142*

Само (ум. 658), славянский князь (623–658), основатель первого объединения восточных и западных славян (территории Чехии, Моравии, Словакии, земли лужицких сербов, отчасти словенцев и хорватов) *60, 67*

Свитен, Герхард фон (ван) (1700–1772), голландский врач, профессор Лейденского университета (1727–1738), лейб-медик императрицы *Марии Терезии* (с 1745), президент комиссии народного просвещения и цензуры при *Иосифе II 398*

Сиагрий (ум. 486), римск. полководец, последний римск. наместник в Северной Галлии (ок. 465–486) *55, 62, 63*

Сигизмунд Австрийский (1427–1496), герцог Тирольский (1446–1490) *190*

Сикст IV (Франческо де ла Ровере) (1414–1484), папа римский (1471–1484) *220*

Смит, Адам (1723–1790), шотландский экономист и философ *424*

Станислав II Август (Понятовский) (1732–1798), последний король Речи Посполитой (1764–1795) *386*

Стефан II (III), папа римск. (752–757) *84*

Стилихон (ок. 360 — 408), вандал по происхождению, регент при западноримск. императоре *Гонории* (с 395), римск. полководец *44*

Страбон (ок. 64 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.), древнегреческий географ и историк, автор «Географии» в 17 книгах *20–22, 24*

Струве, Густав фон (1805–1870), нем. политический деятель, руководитель вооруженного восстания в Бадене (1848) *446, 448, 458*

Суворов, Александр Васильевич (1729–1800), русский полководец, генералиссимус (1799), граф Рымникский (1889), князь Италийский (1799), участник Семилетней войны *391*

Сузе, Генрих (ок. 1295–1366), нем. мистик, доминиканец, ученик *Й. Экхарта 202, 203*

Тассилон (ум. 794), герцог Баварии (748–788) *84*

Татиан, сирийский мыслитель II в. н. э., автор «Евангельской гармонии» *97*

Таулер, Йоханнес (Йоган) (ок. 1300–1361), деятель нем. Реформации, мистик, доминиканец, проповедник, ученик *Й. Экхарта 202, 203*

Тацит (ок. 58 — ок. 117), римск. историк, автор трудов по истории Рима и Римской империи «Анналы» и «История» в 14 книгах *21, 22, 24, 26, 27, 30–35, 37, 70, 79, 162, 230*

Теодорих Великий (454–526), конунг остготов (475–526), основатель остготского королевства в Италии (493) *56, 61, 63, 64, 96*

Теудебальд (Тиудбальд), герцог Аламаннии (Швабии) (737–744) *82*

Теудеберт I Австразийский, франкский король (с 537), первым начал чеканить золотую монету (569) *62, 66–68, 70, 77*

Тецель, Иоганн (ум. 1519), нем. теолог, католик-доминиканец, участник опровержения «95 тезисов» *М. Лютера* (1517–1518) *235*

Тик, Людвиг (1773–1853), нем. писатель-романтик *480*

Тилли, Иоганн Церклас (1559–1632), граф, полководец Германской католической лиги, участник Тридцатилетней войны *298, 300*

Томазиус (Томазий), Кристиан (Христиан) (1655–1728), нем. юрист и философ *376, 400*

Тримберг, Гуго фон (1240–1313), нем. поэт *161*

Ульфила (Вульфила) (ок. 311 — ок. 383), первый распространитель христианства (арианства) среди германских племен, «епископ гутов» *49, 50, 59, 78*

Урбан II, папа римск. (1088–1099) *122*

Феодосий I Великий (ок. 346–395), римск. император (346–395) *51, 52*

Феофано (Феофания) (955–991), византийская принцесса, супруга герм. императора *Оттона II* и мать *Оттона III 106, 107*

Фердинанд I Габсбург (1503–1564), правитель австр. владений (с 1521), король Богемии и Венгрии (с 1526), император Священной Римской империи (с 1556) *213, 262, 273*

Фердинанд II Габсбург (1578–1637), король Богемии (с 1617), Венгрии (с 1618), император Священной Римской империи (с 1618) *297, 298, 300*

Фердинанд III Габсбург (1608–1657), король Венгрии (с 1625), император Священной Римской империи (с 1637) *302, 361*

Фердинанд Мария (1636–1679), курфюрст Баварский (с 1651) *361*

Филипп I Великодушный (1504–1567), ландграф Гессена (1509–1567), глава Шмалькальденского союза (1530–1547) *245, 259, 260*

Филипп II Август (1165–1223), франц. король (с 1180) *163*

Филипп IV (1605–1665), король Испанский (1621–1623) *363, 364*

Филипп V Анжуйский (1683–1746), король Испанский (с 1700) из династии Бурбонов *369–371*

Филипп Бурбон, см. *Филипп V Анжуйский*

Филипп Вильгельм (1615–1690), граф Пфальц-Нейбургский (1653–1690), курфюрст Пфальца (с 1685) *361*

Фихте, Иоганн Готлиб (1762–1814), нем. философ, первый выборный ректор Берлинского университета (1810) *405, 408, 415, 480, 481, 486*

Фишарт, Иоганн (ок. 1546–1590), нем. сатирик, публицист и моралист, с протестантских позиций обличал католическую церковь *307*

Фишер фон Эрлах, Иоганн Бернхард (1656–1723), австр. архитектор, представитель стиля барокко *397*

Флакк (Фляций), Матвей (1520–1575), нем. историк из Магдебурга, протестант, под его руководством издана 13-томная история церкви «Магдебургские центурии» (1559–1574) *312*

Фогельвейде, Вальтер фон дер (ок. 1170 — ок. 1230) нем.-австр. миннезингер, представитель рыцарской поэзии *184*

Фома (Томас) Аквинский (1225–1274), философ и теолог, систематизатор схоластики *200*

Форстер, Георг (1754–1794), нем. просветитель, революционер и публицист *408*

Франк, Себастьян (1499 — ок. 1542), нем. гуманист, религиозный философ и историк *312*

Франке, Август Герман (1663–1727), нем. богослов-пиетист, профессор Галльского университета *399*

Франц I Стефан (1708–1765), герцог Лотарингский (1729–1736), великий герцог Тосканский (1737), после заключения брака с *Марией Терезией* (1736) объявлен соправителем австр. земель (с 1740) и императором Священной Римской империи (1745–1765) *380, 382, 387*

Франц II Иосиф Карл (1768–1835), император Священной Римской империи (1792–1806), объявил себя наследственным императором Австрии (1804), сложил императорскую корону и принял имя **Франц I Австрийский** (1806) *369, 391, 411*

Франц Людвиг фон Эрталь (1730–1795), князь-епископ Вюрцбургский и Бамбергский (1779–1795) *404*

Франциск Ассизский (Джованни Бернардоне) (ок. 1182–1226), итал. проповедник и религиозный деятель, основатель ордена францисканцев *202*

Фридрих I (1657–1713), курфюрст Бранденбургский **Фридрих III** (с 1688–1701), прусск. король (с 1701) *316, 335, 369, 375, 376*

Фридрих I Барбаросса (Рыжебородый) Штауфен (ок. 1125–1190), герцог Швабский **Фридрих III** (1147–1152), герм. король (с 1152), император (с 1155) *136–142, 160, 181, 182*

Фридрих II Великий (1712–1786), прусск. король (с 1740) *335, 357, 358, 379–390, 393–395, 411, 420*

Фридрих II Одноглазый Штауфен (ум. 1147), герцог Швабский (1105–1147) *124, 125*

Фридрих II Штауфен (1194–1250), герм. король (с 1212), император Священной Римской империи (с 1220) *144–146, 148, 151, 152, 160, 182, 183*

Фридрих III (1415–1493), герм. король (с 1440), император (с 1452), из династии Габсбургов *158, 163, 190, 223, 224*

Фридрих III (1515–1576), пфальцграф Циммернский (с 1557), курфюрст Пфальцский (с 1559) *268*

Фридрих IV (1574–1610), курфюрст Пфальцский (1583–1610), глава Евангелической унии (с 1608) *269, 296*

Фридрих V (1596–1632), курфюрст Пфальцский (1610–1623), король Чехии (1619–1620) *297, 298, 303*

Фридрих Август I Сильный (1670–1733), курфюрст Саксонский (с 1694), король Польши (1697–1704 и 1709–1733) *368*

Фридрих Август III (1750–1827), курфюрст Саксонский (1763–1806), король Саксонии (с 1806) *394*

Фридрих Вильгельм (Великий Курфюрст) (1620–1688), курфюрст Бранденбурга / Бранденбург-Пруссии (с 1640) *332, 362, 365, 373–375*

Фридрих Вильгельм I (1688–1740), прусск. король (с 1713), из династии Гогенцоллернов *335, 349, 375–379, 399*

Фридрих Вильгельм II (1744–1797), прусск. король (с 1786) *391*

Фридрих Вильгельм III (1770–1840), прусск. король (с 1797) *411, 412, 414, 415*

Фридрих Вильгельм IV (1795–1861), прусск. король (с 1840), под регентством брата, будущего короля *Вильгельма I* (с 1858) *456, 458, 465, 466, 469. 472*

Фридрих Карл Йозеф фон Эрталь (1719–1802), архиепископ и курфюрст Майнцский и епископ Вормский (с 1774) *390, 404*

Фридрих Мудрый (1463–1525), ландграф Тюрингский и курфюрст Саксонский (с 1486) *237, 238, 246*

Фридрих, Каспар Давид (1774–1810), нем. живописец-пейзажист *483*

Фритигерн (Фридигерн) (ум. 380), конунг вестготов, нанес римлянам поражение при Адрианополе (378) *49–52*

Фриц, Иос, участник восстания «Башмака», руководитель вооруженного отряда (XV в.) *180*

Фукс, Леонард (1501–1566), профессор медицины в Ингольштадте и Тюбингене *311*

Хильдерих I (Хильдерик) (ум. 481), сын Меровея, конунг салических франков *55*

Хильперик I (ум. 584), король Нейстрии (561–584) *62, 76*

Хильперик III (Хильдериг) (ум. 754), последний правитель из Меровингов (743–751) *80, 83*

Хлодвиг I (ок. 466–511), король франков (482–511) из рода Меровингов, основатель Франкского королевства *59–66, 68, 72, 74, 78, 87*

Хлотарь I (ум. 561), франкский король (558–561) *66, 76, 79*

Хлотарь II (583–628), франкский король, объединил все территории Франкского королевства (613) *79*

Христиан IV (1577–1648), король Дании и Норвегии с 1588 (самостоятельно правил с 1596), участник Тридцатилетней войны *298*

Христиан VIII Фридрих (1786–1848), король Дании (1839–1848) *441*

Хротсвита Гандерстеймская (ок. 935–1002), поэтесса «Оттоновского Возрождения» *131, 132*

Цвиллинг (Дидимус), Габриэль (ок. 1487–1568), августинский монах, деятель Реформации в Саксонии *239*

Цвингли, Ульрих (1484–1531), деятель Реформации в Швейцарии *231, 239–241, 243–245, 248, 259, 266*

Цезарь, Гай Юлий (ок. 100 — 44 до н. э.), римск. полководец и гос. деятель, римск. диктатор (49, 48–46, 45, с 44 — пожизненно), автор «Записок о галльской войне», «Записок о гражданских войнах» *21, 22, 24, 26, 27, 29, 30–35*

Цельтис, Конрад (1459–1508), нем. писатель, автор трактатов на латинском языке *230*

Циммерман, Вильгельм (1807–1875), нем. историк *488*

Шварценберг, Феликс (1800–1852), князь, австр. госуд. деятель, фельдмаршал-лейтенант, премьер-министр и министр иностранных дел Австрии (с 1848) *464, 465*

Швинд, Мориц фон (1804–1871), австр. живописец и график *485*

Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), нем. философ *405, 480, 481*

Шёнборн, Иоганн Филипп фон (1647–1673), архиепископ и курфюрст Майнца (1647–1673) *361*

Шиллер, Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), нем. поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения *402, 403, 406, 408*

Шинкель, Карл Фридрих (1781–1841), нем. архитектор, живописец и сценограф *483*

Шлегель, Август Вильгельм (1767–1845), нем. историк литературы, критик, переводчик и поэт *480*

Шлегель, Фридрих (1772–1829), нем. критик, философ культуры, языковед *480*

Шлёцер, Август Людвиг (1735–1809), нем. историк и публицист *400, 405*

Шлоссер, Фридрих Кристоф (1776–1861), нем. историк, профессор Гейдельбергского университета (с 1817), автор «Всемирной истории» в 19 томах *489*

Шлютер, Андреас (1664-1714), нем. скульптор и архитектор, представитель стиля барокко *376, 397*

Шмерлинг, Антон (1805–1893), австр. полит. деятель, министр юстиции (1849), министр внутр. дел (1860–1865), глава конституционной партии *460, 461*

Шопенгауэр, Артур (1788–1860), нем. философ *485, 487, 488*

Шпенер, Филипп Якоб (1635–1705), основатель пиетизма в лютеранск. церкви *399*

Шпицвег, Карл (1808–1885), нем. живописец, представитель позднего романтизма *485*

Шрёдер, Вальтер фон (1640–1688), теоретик герм. камерализма *322*

Шталь, Фридрих Юлий (1802–1861), нем. философ права, профессор Берлинского университета (с 1840), лидер прусск. юнкерства *442*

Штейн, Генрих Фридрих Карл (1757–1831), барон, прусск. гос. деятель, министр финансов (1804–1807), премьер-министр (1807–1808) *416, 424, 433, 434*

Штифтер, Адальберт (1805–1868), австр. писатель *484*

Шторх, Николай, суконщик, один из «цвиккауских пророков», представитель движения анабаптистов (перекрещенцев) (XVI в.) *241, 245*

Штос, Фейт (ок. 1455 — 1533), нем. и польский скульптор *306*

Шубарт, Кристиан Фридрих Даниель (1739–1791), нем. демократический публицист и поэт «Бури и натиска» *401*

Эберлин фон Гюнцбург, Иоганн (1468–1533), реформатор, проповедник и публицист, бывший монах францисканского монастыря в г. Гейльбронн (Хейльбронн) *240*

Эйнгард, Эгингард (ок. 770 — 840), деятель Каролингского возрождения, автор книги «Жизнь Карла Великого» *131*

Экк, Иоганн Майер (1486–1543), доктор теологии, профессор университета в Ингольштадте, оппонент *М. Лютера 235, 236*

Экхарт, Иоганн (Майстер Экхард) (ок. 1260 — 1327), проповедник, доминиканец, представитель нем. средневековой мистики *202, 203*

Эльсхеймер, Адам (1578–1610), нем. живописец-пейзажист *306*

Энгельс, Фридрих (1820–1895) нем. экономист, социалист *447*

Эразм Роттердамский, Дезидерий (Герхард Герхардс) (ок. 1466 — 1536), голландский писатель, филолог и богослов эпохи Возрождения *226, 227, 231, 232, 306*

Эрнст I Смелый (Благочестивый) (1601–1675), герцог Саксонско-Готский (с 1633), участник Тридцатилетней войны *399*

Юлиан Отступник, Флавий Клавдий (331–363), наместник Галлии (355–361), римск. император (361–363) *45, 48*

Юсти, Иоганн Генрих Готтлиб фон (1717–1771), теоретик нем. камерализма *322*

Юстин Февроний (Иоганн Николай фон Гонтгейм) (1701–1790), трирский архиепископ, основоположник учения, получившего название от его имени «февронианизм» *395*

Юстиниан I Великий (ок. 483–565), восточноримск. император (527–565) *68*

Якоби, Иоганн (1805–1877), прусск. политический деятель, член Франкфуртского парламента (1849), глава народной партии *446*

Ян III Собесский (1629–1696), король Речи Посполитой (1676–1696) *366, 367*

Ярослав Мудрый (Ярослав I Владимирович) (978–1054), киевский князь (1019–1054) *112*

Учебное издание

Лариса Прокопьевна Белковец
Сергей Александрович Васютин
Евгений Павлович Глушанин
и др.

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ
В 3 томах

Под общей ред. *Б. Бонвеча* и *Ю. В. Галактионова*

Том 1. С древнейших времен до создания Германской империи

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Редакторы *Антонов Д. С.*
Корректор *Ширяева Н. Н.*
Художник *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Деева А. Д.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подп. в печать 08.08.2007
Формат 60×84/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная
Усл.-печ. л. 31,62. Тираж 1000 экз. Заказ № 4503.

ООО «Издательство «КДУ». 119234, г. Москва, а/я 587
Тел./факс: (495) 939-57-32, 939-40-51
Http://www.kdu.ru. E-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ.
ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА
Копенгаген
ШВЕЦИЯ
Клайпеда (Мемель)
Вильн
ДАНИЯ
ШЛЕЗВИГ
ГОЛЬШТЕЙН
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Кенигсберг
Гданьск (Данциг)
МЕКЛЕНБУРГ-ШВЕРИН
Гамбург
Шверин
Щецин (Штеттин)
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Бремен
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИ
Берлин
Ганновер
Гаага
НИДЕРЛАНДЫ
Франкфурт
Познань
Варшава
Дюссельдорф
Кельн
Брюссель
БЕЛЬГИЯ
Вроцлав (Бреслау)
ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ
Дрезден
САКСОНИЯ
Коблинц
НАССАУ
Франкфурт
ФРАНЦИЯ
Садова
3.07.1866
Прага
Краков
Львов
Капитуляция
2.09.1870
Париж
Седан
Нюрнберг
ПФАЛЬЦ
Шпейер
ЧЕХИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
(до 1867 г. - Австрийская империя)
Карлсруэ
БАВАРИЯ
Верден
Штутгарт
МОРАВИЯ
Никольсбург
Цнайм 26.07.1866 - перемирие
Мюнхен
Вена
Братислава (Пресбург)
Зальцбург
Буда
Пешт
Берн
Инсбрук
ШВЕЙЦАРИЯ
ТИРОЛЬ
ШТИРИЯ
КАРИНТИЯ
ВЕНГРИЯ
КОР. ИТАЛИЯ
Венеция
Милан
Турин
КРАЙНА
ХОРВАТИЯ
СЛАВОНИЯ
Территории южногерманских государств, заключивших военный союз с Пруссией после австро-прусской войны
Территория, присоединенная к Пруссии в результате войны с Францией (имперские земли с 1871 г.)
Прочие государства, вошедшие в Северо-Германский союз
В том числе обозначены цифрами:
1. Ольденбург; 2. Мекленбург-Штрелиц; 3. герц. Лауэнбург (датск. до 1864 г.); 4. Брауншвейг; 5. Шаумбург-Липпе; 6. Гессен; 7.Шварцбург-Зондерсхаузен; 8. Саксен-Кобург-Гота; 9. Саксен-Веймар; 10. Шварцбург-Рудольштадт; 11. Саксен-Мейнинген; 12. Саксен-Альтенбург; 13. Рейс младшей линии; 14. Рейс старшей линии; 15. Гессен-Гомбург
Границы Германской империи, образованной в 1871 г.
Границы государств в 1864 г.
Пруссия к 1864 г.
Наступление прусских войск в войнах с Данией (1864 г.), Австрией (1866 г.) и Францией (1870-1871 гг.)
26.07.1866 Места и даты важнейших сражений
Территория, находившаяся в совместном владении Пруссии и Австрии в результате войны с Данией
Территории, вошедшие в состав Пруссии в 1866 г.
Границы Северо-Германского союза, образованного в 1866-1867 гг.